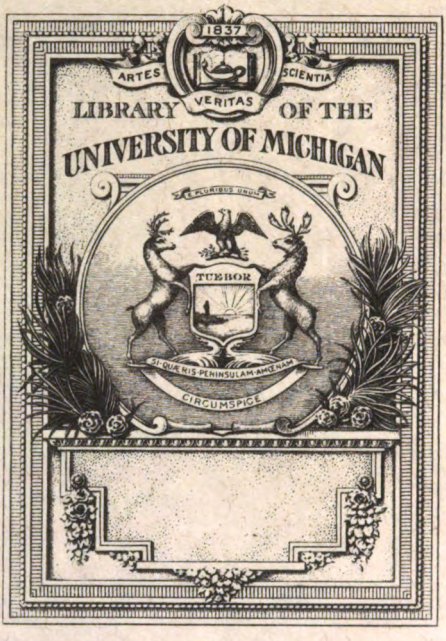
A 928,892


1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

891.78
S594
1904

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" за 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

СЕМЬЯ МУРАТОВЫХЪ.

БЕЗПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ.—И МОЛОТОМЪ, И ЗОЛОТОМЪ.—СОВѢСТЬ.

БЕЗПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ

РОМАНЪ.

Comp. philology
Manolit
1-8-29
9581

I.

— Наши здѣсь?

Эти слова были торопливо произнесены молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати двухъ. Онъ только-что вошелъ въ коридоръ театра Берга и около лѣстницы, ведущей въ ложи съ правой стороны, сбрасывалъ на руки сторожа свое пальто.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ сторожъ, отставной солдатъ въ форменномъ сюртукѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ и небольшой лысиной.

Молодой человѣкъ развинченной походкой направился въ буфетъ.

Онъ былъ средняго роста, очень худощавъ, съ плоскою, какъ доска, спиною, съ длинными тонкими ногами, съ испитымъ лицомъ, съ желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ кожи, съ крайне длинной шеей, съ сильно очерченнымъ кадыкомъ. Его темные, почти черные волосы были причесаны по-англійски, съ проборомъ посрединѣ, и немного спускались вычурными завитками на плоскій, низенькій лобъ, изъ-подъ котораго тупо и безсмысленно смотрѣли тусклые глаза. Его лѣтняя, несмотря на зимнюю пору, шляпа «горшечкомъ» была надѣта нѣсколько на затылокъ, такъ что спереди изъ-подъ нея были видны два завитка волосъ. Сброшенное имъ пальто было тоже легко и могло согрѣвать только осенью, а не въ ноябрьскіе морозы. Его платье было сшито изъ дешеваго пледа. Но вся эта жалкая по матеріалу, не соотвѣтствовавшая времени года одежда была сшита по послѣдней модѣ и даже бросалась въ глаза утрировкою модныхъ безобразій: въ то время носили довольно длинныя пальто, и потому пальто юноши доходило чуть не до пятокъ; модные пиджаки дѣлались короткими, и потому пиджакъ юноши походилъ на фуфайку; модные панталоны носились узенькіе, и потому

юноша, повидимому, ежеминутно подвергался опасности, что на немъ лопнутъ его панталоны по всѣмъ швамъ; модные, прямые, стоячіе воротнички, не сходившіеся спереди, были у юноши непомѣрно высоки и, едва доходя до ушей, оставляли спереди открытою всю шею; его манжеты были выставлены вершка на два и поражали какъ вычурными вырѣзками, такъ и громадными бронзовыми запонками съ какими-то болтающимися кольцами. Въ западно-европейскихъ столицахъ такъ одѣваются портные люди-вывѣски, люди-рекламы. Иногда встрѣчается тамъ подобная утрировка моды у теряющихъ свою привлекательность кокотокъ, желающихъ привлечь къ себѣ вниманіе, если не красотою и богатствомъ, то эксцентричностью наряда. За людьми, одѣтыми такимъ образомъ, въ Парижѣ нерѣдко бѣгаютъ съ гиканьемъ и свистомъ «гамэны» по улицамъ; въ театрѣ на нихъ съ хохотомъ указываютъ пальцами посѣтители парадиза.

Молодой человѣкъ прошелъ въ буфетъ, закурилъ папиросу и, кивнувъ головою раскланнвавшемуся съ нимъ плотному, черноволосому буфетчику, направился въ длинную боковую галлерею. Здѣсь тянулся рядъ простыхъ столовъ, какъ въ портерной лавкѣ, и стояли двѣ неуклюжія желѣзныя печки, какія ставятся въ сырыхъ и холодныхъ подвальныхъ жилищахъ. Молодой человѣкъ подошелъ къ одной изъ этихъ печей и сталъ грѣться. Вѣроятно, вслѣдствіе легкости одежды его руки съ тонкими и длинными пальцами и его тощее лицо съ длиннымъ носомъ посинѣли и приняли тотъ видъ, который встрѣчается у сильно продрогнувшихъ людей.

Прошло минутъ десять. До галлереи стали долетать визгливые звуки настраиваемыхъ дрянныхъ музыкальныхъ инструментомъ. Мимо окна, выходившаго въ коридоръ, мелькали фигуры снимавшихъ теплую одежду посѣтителей. Хлопанье входныхъ дверей почти не прекращалось.

— Вашъ извозчикъ спрашиваетъ деньги,—доложилъ молодому человѣку низенькій некрасивый лакей, въ засаленномъ фракѣ, съ грязной салфеткой подъ мышкой.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на лакея своимъ тупымъ, растерянным взглядомъ, поспѣшно сунулъ руки въ карманы пиджака и, словно вспомнивъ что-то, пробормоталъ въ замѣшательствѣ:

— Скажи, чтобъ ждалъ; я опять поѣду.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ лакей и направился къ выходу на улицу.

Молодой человѣкъ поднялъ кверху брови, уставилъ глаза

въ грязный съ сѣрыми потеками потолокъ и началъ что-то насвистывать.

Прошло минутъ пять. Къ юношѣ подошелъ какой-то старикъ-нѣмецъ съ руками, засунутыми въ карманы потертаго, сѣраго лѣтняго пальто, съ испорченнымъ оспою, краснымъ лицомъ, съ лысой головой, съ прядью бѣлобрысыхъ волосъ, зачесанныхъ черезъ всю голову отъ одного виска къ другому, съ широкимъ и беззубымъ улыбающимся ртомъ, съ низкими и заискивающими поклонами.

— Мое поштеніе,—произнесъ ломанымъ русскимъ языкомъ нѣмецъ, улыбаясь и низко кланяясь.—Сигаръ вамъ не надо ли еще?

— Нѣтъ... теперь не надо,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, почти не взглянувъ на нѣмца.

— Отлишные сортъ теперь есть, и здѣшніе, и иностранные. Съ бандероль втрое будете платить,—приставалъ старикъ.

— Не надо, не надо, еще старыя есть.

— А за вами еще должокъ есть,—съ сладкой улыбкой напомнилъ нѣмецъ.

— Ахъ, да... послѣ зайдите ко мнѣ за деньгами,—проговорилъ юноша, глядя ужъ совсѣмъ въ сторону.

— Да, пожальста... Мнѣ деньги нушны... Нынче такъ трудно, такъ трудно... Если тошо кому изъ господъ что понадобится, прошу рекомендовать пожальста,—закончилъ онъ сильно пониженнымъ тономъ.

— Хорошо, хорошо...

— Вы знайте, я всегда готовъ слушить... я двадцать лѣтъ все между артистокъ...

— Хорошо, хорошо,—нетерпѣливо повторилъ юноша, котораго сильно стѣснялъ этотъ собесѣдникъ-кредиторъ.

Нѣмецъ, слащаво улыбаясь и кланяясь, отошелъ прочь.

Въ оркестрѣ начали играть увертюру изъ «Фенеллы», немилосердно перевирая оберовскую музыку. Молодой человѣкъ, заслышавъ эти раздирательные диссонансы, называвшіеся въ театрѣ Берга музыкой, бросилъ докуренную папиросу и пошелъ черезъ коридоръ въ зрительную залу, пробормотавъ сквозь зубы:

— Чортъ дернулъ меня связаться съ этою сволочью!

— Билетикъ отъ кресла,—спросилъ его человѣкъ въ потертомъ и полиняломъ коричневомъ сюртукѣ, стоявшій у входа въ кресла.

— Мы въ ложѣ,—небрежно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Лакей отворилъ дверь и пропустилъ его въ зрительную залу. Молодой человѣкъ направился въ первый рядъ креселъ, пожалъ на ходу нѣсколько рукъ и всталъ у барьера оркестра, спиной къ сценѣ, съ засунутыми въ карманы пиджака руками. Онъ началъ обводить глазами публику. Въ этихъ потускнѣвшихъ, безцвѣтныхъ глазахъ не было никакого осмысленнаго выраженія. Такъ смотрятъ идіоты и спившіеся съ круга люди, не радуясь, не удивляясь, не печалясь ни отъ чего. Невозмутимость его физіономіи можно было сравнить развѣ только съ невозмутимостью физіономіи длиннаго и тощаго бѣлобрысаго дирижера оркестра, хладнокровно махавшаго въ воздухѣ своимъ жезломъ, несмотря на ужасающіе диссонансы разбитыхъ, дрянныхъ скрипокъ и воющихъ, подобно голоднымъ псамъ, кларнетовъ и флейтъ. Молодой человѣкъ, наслаждавшійся съ дѣтства гармоническими звуками оркестровъ русской и итальянской оперъ, слышавшій игру Берліоза, Венявскаго, Контскаго, Рубинштейна, не возмущался тѣмъ, что около его спины воютъ и визжатъ разбитые инструменты набранныхъ съ улицы бродячихъ музыкантовъ. Выросшій среди безумной роскоши, въ кружевахъ и бархатѣ, онъ не задумывался о томъ, что на дворѣ крѣпчаетъ морозъ и что ему придется возвращаться домой по этому морозу почти въ лѣтнемъ платьѣ. Привыкшій на школьной скамьѣ сорить деньгами и удовлетворять всѣ свои прихоти, онъ не пугался того, что ему не только нечѣмъ заплатить ожидавшему его извозчику, но даже не на что утолить свой голодъ на завтрашній день. Онъ только осматривалъ ложи и думалъ: «не пріѣдутъ ли наши?» «Наши»—это были его пріятели: Аносовъ, графъ Риво, Сухаревъ, Бронницынъ, однимъ словомъ, вся тогдашняя золотая молодежь, на счетъ которой онъ въ послѣднее время пилъ, ѣлъ, кутилъ. Много нужно было пережить, чтобы дойти до этого идіотскаго состоянія, когда человѣкъ начинаетъ, подобно низшему животному, жить только сегодняшнимъ днемъ, а этому юношѣ едва пошелъ двадцать второй годъ.

Музыканты допилили до конца увертюру; прорванный, потрескавшійся и мѣстами облупившійся занавѣсъ началъ, словно нехотя, не вдругъ подниматься, зацѣпившись за что-то и производя какой-то глухой шумъ; въ креслахъ послышалось движеніе садившихся на мѣста зрителей, въ райкѣ кто-то зычно и протяжно крикнулъ: «браво». Молодой человѣкъ тоже опустился на первое попавшееся кресло

въ первомъ ряду. На сцену вышла какая-то «выходная» пѣвица-француженка безъ голоса, безъ знанія музыки, въ плохонькомъ туалетѣ, съ неловкими манерами, въ перчаткахъ подозрительной чистоты, разорванныхъ на ладоняхъ. Она начала что-то пѣть несмѣлымъ, разбитымъ и хриплымъ голосомъ, точно моля о пощадѣ и дозволеніи скорѣе уйти за кулисы. Это была одна изъ тѣхъ несчастныхъ артистокъ-нищихъ, которыя добываютъ скудный кусокъ хлѣба пѣніемъ двухъ-трехъ жалкихъ пѣсенокъ и которымъ не шикаютъ, не свищутъ, не аплодируютъ, потому что онѣ пробуждаютъ чувство жалости и состраданія. При видѣ такой артистки зрителю дѣлается совѣстно, точно онъ виноватъ въ томъ, что она должна выходить на всеобщее публичное осмѣяніе, точно онъ ежеминутно ожидаетъ, что вотъ-вотъ эта пѣвица, не кончивъ куплета, разрыдается самыми искренними слезами. Молодой человѣкъ не смотрѣлъ на пѣвицу. Закинувъ одну руку за спинку кресла, онъ все пристальнѣе и пристальнѣе слѣдилъ за публикой, входившей въ ложи, гдѣ то и дѣло появлялись нарумяненныя и набѣленныя женщины въ соболяхъ, въ бархатѣ, въ кружевныхъ косынкахъ на головахъ, въ золотыхъ крупныхъ цѣпяхъ на шеяхъ, съ брильянтовыми звѣздами въ волосахъ, въ брильянтовыхъ кольцахъ сверхъ перчатокъ. Едва ли наряды этихъ женщинъ останавливали вниманіе юноши, едва ли отвернулся онъ отъ сцены, чтобы не видать жалкую пѣвицу, едва ли не смотрѣлъ онъ на оркестръ, чтобы не видать какъ разъ передъ собою возбуждавшую омерзѣніе фигуру совершенно лысаго музыканта съ искусственнымъ, придѣланнымъ къ очкамъ носомъ, которымъ плохо прикрывалось темное отверстіе посреди этого испитого лица, напоминавшаго голый черепъ: онъ просто тревожно ждалъ «нашихъ».

— Позвольте, это мое мѣсто!—обратился къ молодому человѣку шамкающимъ голосомъ какой-то лысенькій и сѣденькій старичокъ съ ввалившимися въ беззубый ротъ губами, въ высокомъ галстукѣ, поддерживающемъ его дряблую головку на морщинистой и желтой шеѣ.

Молодой человѣкъ, не разслышавъ фразы, отодвинулъ свои длинныя, протянутыя къ барьеру ноги, чтобъ пропустить старика. Старичокъ остановился въ недоумѣніи и нѣсколько минутъ пережевывалъ и обсасывалъ свои собственныя губы, приготовляясь явственнѣе заявить свою претензію. Наконецъ, онъ наловчился и, поправивъ съ важнымъ видомъ большой орденъ, висѣвшій почти во всю

его грудь на бѣлой манишкѣ, болѣе твердо и внятно произнесъ:

— Это-съ мое мѣсто!

— А!—равнодушно отвѣтилъ молодой человѣкъ и, передернувъ плечами, пересѣлъ на другое кресло.

Старичокъ съ важнымъ видомъ нахохлившагося индѣйскаго пѣтуха сѣлъ въ свое кресло, снова поправилъ крестъ, какъ видимый знакъ своего достоинства, и, послюнивъ плоскіе, морщинистые пальцы, началъ заботливо заглаживать впередъ рѣденькіе, сѣдые волосики на вискахъ, пережевывая съ неудовольствіемъ свои вялыя, сморщенныя губы, точно какое-то скверное и отвратительное кушанье.

— Позвольте, это мѣсто занято,—обратился, между тѣмъ, къ молодому человѣку его новый сосѣдъ.—Сюда сейчасъ придетъ мой товарищъ.

Молодой человѣкъ молча всталъ, оглядѣлъ первый рядъ креселъ, что-то подумалъ и, взглянувъ на одну изъ ложъ, быстро пошелъ изъ партера, довольно сильно скрипя сапогами и твердо ступая по гулкому полу, прикрытому дешевенькой и вытертой «дорожкой». Черезъ минуту его фигура показалась въ одной изъ нижнихъ ложъ съ лѣвой стороны, гдѣ сидѣли двѣ женщины,—одна молоденькая, набѣленная и нарумяненная, хорошо одѣтая и поминутно смѣявшаяся, чтобы показать свои бѣлые зубы; другая старая, очень некрасивая, сухая и одѣтая плохо, напоминавшая собою бѣдную приживалку богатой особы. Молоденькая женщина протянула руку юношѣ и засмѣялась безъ всякой видимой причины.

— Здравствуйте! — по-французски проговорилъ молодой человѣкъ, садясь на свободный стулъ сзади молодой женщины.

— Какъ это вы здѣсь одни?—спросила она.

— Наши еще не пріѣхали,—озабоченно отвѣтилъ онъ.

— Кто будетъ?

— Не знаю... Я сегодня былъ у всѣхъ и никого не засталъ дома...

Молодая женщина засмѣялась.

— Можетъ-быть, они въ циркѣ?

— Ну, вотъ еще!—тревожно произнесъ молодой человѣкъ и закусилъ губы.

— Вы для Маріонъ де-Норманди подписку на подарокъ устраиваете?—спросила молодая женщина.

— Да,—разсѣянно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Это съ вашей стороны очень хорошо... Признательность!..

Онъ промолчалъ, не слушая ее. Онъ уже не безъ страха думалъ въ это время, что его пріятели дѣйствительно могутъ не пріѣхать, что они точно могли поѣхать въ циркъ.

— Много собрали?..

Отвѣта не послѣдовало.

— Что это вы такъ разсѣяны?.. Влюблены?—заговорила молодая женщина, смѣясь и ударяя его вѣеромъ.

— А? Что?—очнулся юноша.

— Я васъ спрашиваю: много ли собрали для Маріонъ?..

— Нѣтъ еще,—отрывисто отвѣтилъ онъ, глядя въ сторону.

Съ минуту онъ молчалъ, сдвинувъ брови и кусая губы, потомъ вдругъ всталъ и пробормоталъ:

— А вотъ я сейчасъ узнаю!

Молоденькая женщина посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, не понимая, о чемъ онъ хотѣлъ узнать.

Онъ направился къ кассѣ, узнавать, брали ли на сегодняшній вечеръ ложу его пріятели.

— Pauvre jeune homme!—съ состраданіемъ вздохнула спутница молодой женщины.

— Ah, il est bien bête!—отвѣтила молодая женщина и расхохоталась.

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, подошелъ къ кассѣ и столкнулся лицомъ къ лицу съ своимъ двойникомъ. У кассы стоялъ другой юноша, похожій, какъ двѣ капли воды, на перваго: та же одежда, та же прическа, то же выраженіе лица, тотъ же цвѣтъ кожи, только второй юноша былъ выше ростомъ, имѣлъ русые, а не темные волосы, и его воротнички и манжеты были не изъ бѣлаго полотна, а изъ темно-синяго съ бѣлыми клѣтками. Испитое лицо этого юноши ежеминутно подергивалось: онъ моргалъ глазами и конвульсивно передергивалъ ротъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ пляскою св. Витта. Это служило предметомъ потѣхи для его богатыхъ пріятелей, а ему помогало отчасти существовать на ихъ счетъ: онъ былъ для нихъ интересенъ хотъ своими гримасами.

— Наши здѣсь, Флери?—спросилъ первый изъ юношей.

— Не знаю, я самъ пришелъ справиться. Ты, Винтеръ, давно здѣсь?—произнесъ второй, подергивая ртомъ и подмигивая глазами.

— До начала пріѣхалъ... Никого знакомыхъ... въ первомъ ряду, кажется, все занято...

— Скажите, пожалуйста, Аносовъ какую ложу взялъ?— обратился Флери къ кассиру, подмигивая глазами.

— Онъ еще не бралъ ложи,—отвѣтилъ въ форточку кассиръ.

— Ну, такъ графъ Риво бралъ?

— И они не присылали за ложей. Я для нихъ удержалъ тридцатый и двадцать девятый нумера.

Молодые люди пожали плечами и отошли отъ кассы. Ихъ начинала серьезно безпокоить мысль, что въ театръ не явится ни Аносовъ, ни графъ Риво.

— Не поѣхали ли они въ циркъ?—проговорилъ озабоченно Флери.

— Ну, вотъ еще!—тупо произнесъ Винтеръ и вдругъ оживился, вспомнивъ про что-то.—А у меня ждетъ Никита. Весь день гонялъ сегодня,—проговорилъ онъ.

— Такъ поѣдемъ туда,—живо сказалъ Флери, передергивая ротъ.

— Ну да, не найдешь еще и тамъ... Га-га-га! — вдругъ расхохотался Винтеръ глуповатымъ смѣхомъ.

— Что ты?

— Представь: пріѣхалъ сюда, закурилъ папироску, а Никита, подлецъ, присылаетъ лакея спросить денегъ.

— Ну?

— Я даже руку въ карманъ сунулъ.

— Ну?

— Ничего... Ничего... Га-га-га!

— Нѣтъ, это вѣдь подлость.

— Что?

— Ты понимаешь, я сегодня разсчитывалъ...

Въ эту минуту съ шумомъ распахнулась входная дверь, и въ нее быстро вошелъ Петръ Павловичъ Муратовъ, весь занесенный морозною пылью.

— А, какими судьбами! Здравствуй!—въ одинъ голосъ крикнули Флери и Винтеръ.—Ты въ ложѣ?

— Нигдѣ еще покуда,—отвѣтилъ Муратовъ, холодно и небрежно пожимая протянутыя ему руки.

— Бери ложу. Двадцать девятый нумеръ бери. Наши въ тридцатомъ. Веселѣе будетъ.

— Аносовъ будетъ?

— Какъ же, какъ же, всѣ наши!

— Ложу... двадцать девятый нумеръ, — небрежно сказалъ Муратовъ кассиру, бросая въ открытую форточку деньги.

Онъ взялъ билетъ и пошелъ. Винтеръ и Флери пошли

за нимъ. Они вдругъ оживились. Ихъ тусклые глаза теперь нѣсколько освѣтились выраженіемъ удовольствія.

Низенькій, сморщенный, похожій на обезьяну отставной музыкантъ изъ военныхъ, занимавшій мѣсто капельдинера при ложахъ, снялъ съ Муратова пальто. Муратовъ усѣлся въ свою ложу, Флери и Винтеръ прошли въ сосѣднюю.

— Развѣ Аносова еще нѣтъ?—спросилъ Муратовъ.

— Нѣтъ. Онъ, вѣроятно, ко второму отдѣленію пріѣдетъ,—отвѣтилъ Винтеръ.

Муратовъ немного сдвинулъ брови и лѣниво и небрежно сталъ осматривать театръ, не обращая вниманія на сцену.

Сарай, превращенный въ театръ, выглядѣлъ неприглядно и походилъ на длинный звѣринецъ съ рядомъ стойлъ, въ которыхъ помѣщались самыя разнообразныя животныя. Пыль замѣчалась на всемъ, покрывала масляную краску, которою были слегка вымазаны доски, раздѣлявшія стойла, лежала на жалкихъ и безвкусныхъ украшеніяхъ крайнихъ литерныхъ ложъ, затемняла драпировку этихъ ложъ. Сама публика выглядѣла при довольно тусклomъ освѣщеніи грязною и непривлекательною и, повидимому, томилась тоскою. Оживленіе, но оживленіе пьяное, требовавшее ежеминутнаго вмѣшательства полиціи и составленія протоколовъ, замѣчалось главнымъ образомъ въ совершенно темной части театра, въ райкѣ, гдѣ масса оборванцевъ, мелкихъ ремесленниковъ, уличныхъ мальчишекъ, коломенскаго отребья неистово гоготала при какой-нибудь циничной выходкѣ артистовъ, набранныхъ въ самыхъ трущобныхъ кафе-шантанахъ Западной Европы и давно утратившихъ свои микроскопическіе таланты, а потому удваивавшихъ свое умѣнье кривляться.

Среди этой развратной и буйной черни, затиснутой, подобно арестантамъ, въ тѣсную клѣтку райка, высились угрюмыя фигуры полицейскихъ солдатъ, готовыхъ каждую минуту схватить за шиворотъ слишкомъ буйнаго гуляку. Изъ креселъ то и дѣло оборачивался назадъ дежурный полицейскій офицеръ, заслышавъ сзади шумъ и неумѣренные крики. Онъ сидѣлъ точно на горячей сковородѣ, поминутно вертясь и двигаясь. Обязанность довольно трудная... Въ партерѣ было болѣе тихо, болѣе скучно. Здѣсь, среди массы мелкихъ приказчиковъ иностранныхъ магазиновъ, среди молодыхъ гулякъ и старыхъ ловеласовъ средней руки, мелькали мундиры гвардейцевъ, флотскихъ офицеровъ, инженеръ-механиковъ. Нѣкоторые изъ зрителей, наугощав-

шись въ теченіе дня, спали сномъ праведниковъ, сидя въ креслахъ. Одинъ какой-то гуляка почти лежалъ, закинувъ голову на спинку своего кресла и протянувъ ноги на кресло передняго ряда. Атмосфера въ театрѣ напоминала атмосферу переполненнаго народомъ ночлежнаго пріюта, и только отъ времени до времени въ этомъ тяжеломъ воздухѣ проходила струя не то уксуса, не то выдохшагося о-де-лаванд: это въ коридорахъ проносили горячія канфорки, на которыя наливалась какая-то пахучая жидкость. Здѣсь трудно было встрѣтить красивое лицо: испитыя физіономіи молодыхъ и старыхъ мужчинъ, съ землистымъ, поблекшимъ цвѣтомъ кожи, напоминавшимъ о золотухѣ, чахоткѣ и геморроѣ; нарумяненныя и напудренныя лица молодыхъ женщинъ съ наглыми взглядами, съ беззастѣнчиво-открытыми грудями; огрубѣвшія лица нѣсколькихъ плотныхъ старухъ, сидѣвшихъ въ креслахъ и устремлявшихъ ястребиные взгляды на молодежь, точно ища добычи,—все это было не привлекательно. Если и встрѣчались женщины красивыя или, по крайней мѣрѣ, умѣвшія казаться красивыми, то можно было безошибочно сказать, что это француженки. Но и эти женщины были по большей части не первой молодости. Онѣ пріѣзжали въ Россію добывать хлѣбъ уже въ то время, когда имъ становилось трудно промышлять своимъ тѣломъ даже во Франціи, заявлявшей въ дѣлѣ разгула спросъ на всякую дрянь. Смотря на эту публику, можно было смѣло утверждать, что большинство пріѣхало сюда вовсе не ради спектакля, что тутъ обдѣлывались, какъ на биржѣ, темныя денежныя сдѣлки: одинъ хотѣлъ повыгоднѣе продать, другой желалъ повыгоднѣе купить, третій разсчитывалъ заработать грошъ посредничествомъ между продавцами и покупателями, а тусклое освѣщеніе театра словно говорило, что всѣ сдѣлки на этой биржѣ скандала требуютъ полумрака, боясь болѣе яркаго освѣщенія.

Муратовъ окинулъ все это усталыми глазами и тоскливо перевелъ ихъ на сцену.

На сценѣ ломался какой-то старый, тощій и жалкій нѣмецъ въ свѣтло-коричневомъ фракѣ, съ фалдами до пятъ и въ панталонахъ, сшитыхъ изъ бѣлой бумажной скатерти съ крупными синими узорами. Голодъ, нищета, бездарность—все это вспоминалось при взглядѣ на него. Прибавьте къ этому старость, дряхлость—и вы поймете трагическое положеніе этого человѣка, который когда-то существовалъ потому, что онъ былъ красивъ, молодъ, умѣлъ

пѣть скабрезныя пѣсни. Теперь за него самого никто не далъ бы и гроша; теперь у него не было голоса; теперь у него не было даже зубовъ, позволявшихъ хотя порядочно фразировать куплеты. У старика остался одинъ шансъ добывать скудный хлѣбъ: цинизмъ. Онъ прибѣгалъ къ этому средству съ усердіемъ отчаянія. Онъ пѣлъ нѣмецкіе куплеты такого содержанія, которое не только заставляло краснѣть, но которое было омерзительно. Онъ издавалъ такія звукоподражанія, отъ которыхъ становилось не только стыдно, но отъ которыхъ дѣлалось тошно. Партеръ, слушая его, хранилъ гробовое молчаніе или шикалъ, но раекъ, поощряемый стоявшею у входа въ мѣста за креслами буфетною прислугою, гоготалъ и кричалъ неистовыми голосами: bis. Полупьяной мастеровщинѣ, жителямъ общихъ подваловъ и чердаковъ, отребью столичнаго населенія были понятны не иностранныя слова, но космополитическіе жесты, не тонкіе намеки фразъ, но грубые звуки. Чтобы хладнокровно выносить все это, нужно долго жить въ вертепахъ столицы, долго падать нравственно, долго извращать свой вкусъ. Но тутъ были и дѣти, тутъ были и дѣвочки, кромѣ неизмѣнно присутствовавшихъ на этихъ спектакляхъ дочерей содержателя театра. Этимъ дѣтямъ, быть-можетъ, въ будущемъ покажутся недостаточно пикантными, недостаточно возбуждающими и подобные жесты, и подобныя звукоподражанія; имъ будетъ нужно что-нибудь еще болѣе голое.

Старикъ кончилъ свои кривлянья, раекъ неистово зааплодировалъ. Муратовъ зѣвнулъ, пожалъ нетерпѣливо плечами и сталъ, чисто по инстинкту, шикать. Винтеръ и Флери взглянули на него вопросительно.

— Пошло!—проговорилъ онъ, снова зѣвая.

Молодые люди туповато усмѣхнулись и тоже стали шикать.

— Дѣйствительно, онъ, знаешь, надоѣлъ, пріѣлся... Вообще, зачѣмъ это Бергъ держитъ подобную сволочь!— проговорилъ Винтеръ.

Муратовъ сразу пересталъ шикать и посмотрѣлъ на молодыхъ людей съ какимъ-то презрѣніемъ, какъ на излишне угодливыхъ лакеевъ. Въ его головѣ промелькнула мысль, что они сами такая же сволочь, какъ этотъ артистъ.

— Неужели Аносовъ не будетъ?—вопросительно произнесъ Флери, моргая глазами и подергивая ртомъ.

— Что?—въ недоумѣніи спросилъ Муратовъ и снова нахмурился.—Вы же сказали, что онъ взялъ ложу.

— Нѣтъ... знаешь,—началъ растерянно Винтеръ:—для него оставлена только эта ложа.

Муратовъ слегка поблѣднѣлъ и закусилъ нижнюю губу.

— Глупо было говорить, что онъ здѣсь,—пробормоталъ онъ раздражительнымъ тономъ.—Вы оба вѣчно что-нибудь соврете.

— Нѣтъ... это странно... мы, знаешь, думали, что онъ непремѣнно будетъ,—продолжалъ оправдываться Винтеръ.—Ты заѣзжалъ къ нему сегодня?

— Нѣтъ,—отрывисто отвѣтилъ Муратовъ.

Онъ лгалъ: онъ былъ у Аносова передъ самымъ началомъ спектакля и не засталъ его дома. Ему было досадно, что онъ, подобно этимъ двумъ «пошлякамъ», какъ онъ мысленно называлъ Флери и Винтера, тоже ждетъ Аносова и боится, что тотъ не пріѣдетъ. Онъ негодовалъ на этихъ «пошляковъ» за то, что они заставили его взять ложу, обманувъ его.

— Ты куда отсюда?—спросилъ Винтеръ.

— Домой,—отрывисто отвѣтилъ Муратовъ.

— Ну-у! — какъ-то растерянно проговорилъ Винтеръ, теряя надежду поужинать хотя на счетъ Муратова.—Сегодня, знаешь, отлично бы съѣздить куда-нибудь на тройкѣ... первый снѣгъ.

— Что-жъ, и прокатайтесь,—съ иронiей замѣтилъ Муратовъ и всталъ.

Первое отдѣленіе спектакля кончилось.

Муратовъ прошелъ въ буфетъ, закурилъ папиросу, бросилъ ее черезъ минуту и снова лѣниво побрелъ въ ложу. Винтеръ и Флери уже стояли въ одной изъ противоположныхъ ложъ и, сильно жестикулируя и смѣясь, бойко разговаривали съ какими-то только-что пріѣхавшими мальчиками. Это были гимназисты первой гимназіи, одѣтые не въ форменное платье. Винтеръ, повидимому, въ чемъ-то убѣждалъ мальчугановъ, то прижимая кулакъ къ своей груди, то поднося кончики пальцевъ къ своимъ губамъ. Онъ былъ необыкновенно оживленъ и походилъ на комиссіонера, на фактора, которые осаждаютъ новопріѣзжихъ иностранцевъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ отеляхъ большихъ заграничныхъ городовъ. У мальчугановъ физіономіи дѣлались все болѣе и болѣе глуповато-умильными, какъ у дѣтей, передъ которыми взрослые разставляютъ одно за другимъ различныя лакомства, обѣщая имъ дать этихъ лакомствъ. Флери, тупо слушая, стоялъ около Винтера и его передергивало болѣе обыкновеннаго.

Минутъ черезъ пять, Винтеръ и Флери явились въ ложѣ возлѣ Муратова. Винтеръ торопливо вытащилъ записную книжку, вырвалъ листокъ бумаги и началъ писать. Черезъ минуту онъ свернулъ бумажку и позвалъ обезьяно-подобнаго старика, находившагося при ложахъ.

— Отнеси это къ Леа Пиронъ. Отвѣтъ нуженъ.

Старикъ молча взялъ записку и пошелъ.

— Что это, вы угостить Пироншу хотите?—насмѣшливо спросилъ Муратовъ.

— Нѣтъ... представь, случай: знакомая молодежь, знаешь, пріѣхала... просить познакомить,—проговорилъ Винтеръ, засовывая записную книжку въ карманъ.

— Это вонъ тѣ?—спросилъ Муратовъ, указывая глазами на противоположную ложу.

— Да.

— Драть бы еще ихъ надо, а не съ разными Пиронъ знакомить.

— Ну-у!.. Мы, знаешь, приглашаемъ Леа Пиронъ собственно потому, что она съ горничной всегда ѣздитъ... Ахъ, что за дѣвчонка—прелесть!.. Да, вотъ мы сейчасъ уѣдемъ, такъ пришли тебя спросить: ты подписался на подарокъ Маріонъ де-Норманди?.. Ее, знаешь, надо поощрить...

— Нѣтъ, не подписался,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Ну-у!.. Вѣдь ты съ ней знакомъ! Она послѣзавтра будетъ пѣть у Сакса въ бенефисѣ... Всѣ наши будутъ... Весь demi-monde соберется.

— Я не буду, вѣроятно, на бенефисѣ Сакса.

— Это почему? это почему?

— Потому что не буду!

— Что это съ тобой?.. Всѣ наши, знаешь, будутъ... Послѣ поѣдемъ кутить... Маріонъ обѣщалась ѣхать... Аносовъ на свой счетъ хотѣлъ устроить весь пиръ.

— Ну, и наслаждайтесь!

Винтеръ и Флери какъ-то глупо посмотрѣли на Муратова, не понимая, какъ можетъ онъ пропускать добровольно случай покутить на чужой счетъ. Въ эту минуту сторожъ принесъ отвѣтъ отъ Леа Пиронъ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! Отлично! обрадовался Винтеръ и замахалъ записочкой, показывая ее мальчуганамъ, сидѣвшимъ на другой сторонѣ театра. Мальчуганы оживились и заерзали на своихъ стульяхъ въ ложѣ.

— Ну, прощай, мы тамъ будемъ ее ждать,—сказалъ

Винтеръ, протягивая руку Муратову.—Да ты не хочешь ли съ нами ѣхать?..

— Я?!—съ изумленіемъ спросилъ Муратовъ, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ гнѣва.

— Да. Они будутъ рады... Это, знаешь, добрые малые, имъ все равно... Вонъ тотъ, долговязый, съ краснымъ лицомъ и длинной шеей, сынъ бывшаго откупщика Сидорова, а этотъ, маленькій, что на дѣвочку похожъ, сынъ милліонера-грека графа Вангелова... не имѣетъ ни отца, ни матери...

— Да какое мнѣ дѣло, кто они?—нетерпѣливо произнесъ Муратовъ, пожимая плечами...

— Да вѣдь все равно, наши ужъ не пріѣдутъ...

Муратовъ стиснулъ отъ злобы зубы. Онъ понималъ, что эти «идіоты» намекаютъ на пустоту его кармановъ совершенно безсознательно, но не злиться на нихъ не могъ.

— И очень хорошо сдѣлаютъ, такъ какъ здѣсь по обыкновенію тоска,—отвѣтилъ онъ холодно и сдержанно.

— Ну-у!.. А какъ же ты?—съ недоумѣніемъ спросилъ Винтеръ, не понимая, что будетъ дѣлать Муратовъ, не встрѣтивъ Аносова и его пріятелей.

Муратовъ терялъ терпѣнье.

— Я тебя не понимаю,—отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.

— Ну да, какъ же ты одинъ... куда поѣдешь?—путаясь, говорилъ Винтеръ.

Флери только подмигивалъ лѣвымъ глазомъ, точно приглашая Муратова не упрямиться и ѣхать съ ними.

— Вѣроятно, домой поѣду,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Ну-у!—почти съ сожалѣніемъ произнесъ Винтеръ.—Впрочемъ, какъ знаешь... Намъ, знаешь, пора... Прощай!

Онъ и Флери пожали руку Муратову и шумно стали пробираться на другую сторону театра. Обезьяно-подобный сторожъ, не получивъ ни гроша за обычные комиссіонерскіе труды, составлявшіе главную его доходную статью, ворчливо началъ разставлять въ ложѣ стулья. Винтеръ и Флери были уже на противоположной сторонѣ и оживленно говорили съ мальчуганами. Черезъ пять минутъ въ ихъ ложѣ появилась Леа Пиронъ. Мальчики сбились сконфуженно въ кучу при видѣ въ своей ложѣ перезрѣлой, некрасивой, безголосой и потому очень снисходительной и покладистой артистки. Имъ приходилось впервые имѣть дѣло съ «артисткой», съ «кокоткой». До сихъ поръ они посылали записочки только горничнымъ. Она, улыбаясь глуповатой

улыбкой, развязно усѣлась къ барьеру ложи. Подлѣ нея помѣстился Винтеръ. Остальная молодежь осталась позади.

— Сволочь! — пробормоталъ Муратовъ и поднялся съ мѣста, проговоривъ: —пальто!

Сторожъ засуетился, подавая ему пальто. Муратовъ сунулъ ему въ руку пару серебряныхъ монетъ и пошелъ изъ ложи, зазвенѣвъ саблею и обративъ на себя всеобщее вниманіе.

— А, здравствуйте! —окликнулъ его кто-то и протянулъ ему руку.

Муратовъ взглянулъ на встрѣтившагося и сухо поздоровался съ нимъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, въ поношенномъ фракѣ, съ складной шляпой подъ мышкой. Слѣды гульбы, безсонныхъ ночей, попоекъ ярко врѣзались въ черты его лица. Его глаза походили на глаза пьянаго, вѣки были припухлы, щеки одутловаты и дряблы, цвѣтъ лица былъ изжелта-блѣденъ, какъ у больного водянкой.

— А вы, Вощиновъ, здѣсь неизмѣнно! —насмѣшливо усмѣхнулся Муратовъ.

— Дѣла! дѣла! —развелъ руками молодой человѣкъ.—Вы знаете, нашъ братъ теперь вездѣ нуженъ. У однихъ артистовъ съ содержателемъ театра столько дѣлъ, что на двоихъ аблакатовъ хватитъ.

— И все по мировымъ?

— Да. На-дняхъ было дѣло въ мировомъ съѣздѣ. Преинтересное... Вы помните, тутъ подрались Пиронъ и Дегазонъ.

— Знаю, знаю!.. До свиданья!

Муратовъ небрежно кивнулъ головой и, не протягивая руки, не дослушавъ разсказа, пошелъ изъ театра. Вощиновъ повернулся на каблукахъ, ухватилъ кого-то за руку и проговорилъ:

— А вы знаете, кто это?

— Нѣтъ!

— Муратовъ, извѣстность въ своемъ родѣ! Хлыщъ страшнѣйшій. Гроша нѣтъ за душой, а живетъ припѣваючи и задираетъ носъ. Ему то купчиха богатая, то старушка благочестивая покровительствуютъ—глядишь, онъ, какъ говорится, и сытъ, и пьянъ. Въ карты тоже счастливо играетъ. На-дняхъ, говорятъ, потерялъ расположеніе купчихи Вахромеевой и теперь груститъ, вѣроятно. Да ему что! Пристроится какъ-нибудь. Красивъ, дюжъ, здоровъ—что же еще нужно? А тутъ еще, къ довершенію всѣхъ благъ, мундиръ.

Вощиновъ говорилъ быстро, точно куда-то спѣша, и сильно жестикулировалъ руками, какъ человѣкъ, привыкшій говорить передъ публикой.

— Что же это онъ такъ рано изъ театра уѣхалъ?

— Вѣрно, Аносова нѣтъ, такъ поѣхалъ его разыскивать, или на свиданіе спѣшитъ. Вѣдь всѣ они только разными Аносовыми и живутъ въ трудныя времена. Аносовы ихъ и поятъ, и кормятъ, и амурами услаждаютъ. Вы видали его, Аносова-то?

— Нѣтъ.

— Олухъ царя небеснаго. Нѣсколько лѣтъ все юнкеромъ служитъ. Длинный-предлинный такой, розово-молочное такое лицо, глаза точно у теленка черные, бакенбарды мягкія, рѣденькія—совсѣмъ, знаете, телятиной выглядитъ. Кокотка по призванію; только въ юнкерскомъ мундирѣ. И ужъ что за дура, что за дура, такъ это и представить себѣ трудно... Да пойдемте, я посмотрю, нѣтъ ли его въ театрѣ. Покажу вамъ.

Вощиновъ насильно и торопливо повлекъ своего случайнаго слушателя въ театръ, но, сдѣлавъ десять шаговъ, остановился и обратился къ одному изъ сторожей, стоявшихъ группою въ коридорѣ и обсуждавшихъ свои денежныя сдѣлки:

— Если Друмъ будетъ меня спрашивать—позови меня. Я буду сидѣть во второмъ ряду креселъ съ правой стороны. Друмъ—это самый безпокойный артистъ,—снова обратился Вощиновъ къ своему случайному слушателю.—Вѣчно съ кѣмъ-нибудь судится. Вотъ и теперь побилъ въ трактирѣ маркера. Приходится защищать. Вы не повѣрите, сколько здѣсь дѣлъ. Это вѣдь настоящій вертепъ скандаловъ...

Они вошли въ зрительный залъ.

Вощиновъ уже раскланивался съ нѣкоторыми изъ дамъ полусвѣта, съ падшими женщинами низшаго сорта, съ Флери и Винтеромъ.

— Вы знаете этихъ господъ?—спросилъ Вощиновъ у своего спутника, указывая глазами на Флери и Винтера.

— Нѣтъ.

— Это тоже прихлебатели Аносова, Броницына, графа Риво, Сухарева, однимъ словомъ, всѣхъ, у кого есть деньги... Такъ по цѣлымъ днямъ и рыщутъ, чтобы гдѣ-нибудь попить, да поѣсть на чужой счетъ. Бездомники... Недавно тоже чуть не влопались въ хорошую исторію. Обѣдали у Дюссо съ однимъ армейскимъ юнкеромъ; денегъ ни у кого; юнкеръ возьми, да и сцапай серебро, вышелъ изъ ресто-

рана, заложилъ серебро и, какъ ни въ чемъ не бывало, воротился съ деньгами, заплатилъ за обѣдъ и бросилъ еще какою десять рублей на водку...

— Ну, и что же?

— Поймали! Дуракъ: билетъ ссудной кассы не бросилъ на улицѣ... Я удивляюсь, какъ они это глупо все дѣлаютъ. Концовъ спрятать не умѣютъ... Впрочемъ, потушили дѣло. Во-первыхъ, у юнкера были родные извѣстные богачи, а во-вторыхъ, для Дюссо не выгодно тягаться съ этою молодежью, лучше смотрѣть на все сквозь пальцы... А ужъ когда-нибудь эти Флери да Винтеры попадутъ на скамью подсудимыхъ!

— Служащіе или учащіеся еще?

— Нигдѣ не доучились. Перебывали въ десяти учебныхъ заведеніяхъ и отовсюду выгонялись за скандалы. Теперь, говорятъ, Флери поступаетъ въ одно злачное мѣстечко. Онъ будетъ тамъ не безполезенъ. У него полъ-Петербурга знакомыхъ, а это-то и нужно будетъ ему на новомъ поприщѣ. Можно будетъ дѣлишки обдѣлывать, Винтеръ же просто матушкинъ сынокъ. Мать—вдова, кутитъ напропалую, все промотала; дядя у нихъ есть, аптекарь или зубной врачъ, онъ ихъ дѣлишки ведетъ теперь, да поправить нельзя. И вѣдь, что за мѣдный лобъ у этого птенца: ему чуть въ глаза не плюютъ, а онъ ничего, смѣется, и живетъ на счетъ богачей и кокотокъ. Можете себѣ представить, не брезгаетъ даже подачками отъ этихъ женщинъ, ѣздитъ въ ихъ экипажахъ, когда онѣ сами не хотятъ кататься... Bonjour, bonjour!—закивалъ головой Вощиновъ одной изъ проходившихъ сзади нижнихъ ложъ кокотокъ, дѣлая ей любезный жестъ рукою.—Тоже моя кліентка: недавно описали у нея имущество, нужно выручать...

— Вощиновъ, на пару словъ,—тихо окликнулъ Вощинова какой-то немолодой господинъ съ нафабренными усами и дѣловымъ видомъ.—Познакомьте меня съ этой... какъ ее...

— Съ Камиллой Ге?—быстро скороговоркой спросилъ Вощиновъ.—Сейчасъ, сейчасъ! Вотъ случай!

Онъ быстрыми шагами съ озабоченнымъ видомъ пошелъ изъ зрительной залы въ коридоръ, гдѣ скрылась Камилла Ге.

— Хорошія дѣла у господина Вощинова,—съ серьезно-важнымъ видомъ проговорилъ господинъ съ нафабренными усами, обращаясь къ господину, котораго только-что посвящалъ Вощиновъ въ тайны этой жизни.—Даровитый человѣкъ, очень даровитый; краснорѣчіе, знаете, у него, ну, и

законы знаетъ... Теперь это главное. Намъ дѣльцы нужны. Да-съ, замѣтный будетъ присяжный повѣренный.

А на сценѣ уже пѣла какая-то декольтированная снизу и сверху женщина не первой молодости, вздергивая ногу выше своей головы и крича безшабашнымъ тономъ:

— Voilà comme on tourne la tête au jeune homme!

II.

Петръ Павловичъ Муратовъ вышелъ изъ театра и въ раздумьи остановился на подъѣздѣ.

— Прикажете подавать, ваше сіятельство!—обратился къ нему разбитнымъ тономъ молодой ухарскій извозчикъ.

— Давай!—машинально отвѣтилъ Муратовъ.

Къ подъѣзду театра подкатили новенькія сани. Муратовъ сѣлъ.

— Куда прикажете!—спросилъ извозчикъ.

— Домой!—сквозь зубы проговорилъ Муратовъ, думая совсѣмъ о другомъ.

— Куда-съ?—обернулся къ нему извозчикъ.

Муратовъ какъ бы очнулся.

— Ахъ да, ты вѣрно не знаешь меня,—пробормоталъ онъ.—На уголъ Большой Морской, въ Гороховую.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ извозчикъ.

Сани понеслись. Муратовъ опять задумался. Ему было не весело. Онъ не разсчитывалъ, что ему придется такъ рано забраться домой. Было еще не болѣе девяти часовъ вечера. Онъ обыкновенно пріѣзжалъ домой не ранѣе второго часа ночи. Ему вообще съ нѣкоторыхъ поръ «не везло», какъ онъ выражался.

Съ того времени, какъ онъ сталъ помнить себя, онъ былъ баловнемъ мужчинъ и женщинъ. Его счастіе, или, вѣрнѣе сказать, его несчастіе, состояло въ томъ, что онъ былъ когда-то хорошенькимъ кадетикомъ. Заброшенный изъ провинціи въ петербургскій корпусъ, попавшій въ среду богатой и важной родни, онъ сразу сталъ въ положеніе «хорошенькаго мальчика», «красавчика», «купидончика», «милаго шалунишки», «ребенка-игрушки». Его было пріятно приласкать, его было пріятно прокатать на гуляньи, его было пріятно видѣть танцующимъ на дѣтскомъ балу. Пухленькія щечки, казалось, сами напрашивались, чтобы ихъ приласкали, мягкіе, курчавые волосы невольно заставляли провести по нимъ ласковой рукой; полненькія, полуоткрытыя губенки требовали поцѣлуевъ. Его ласкали, гладили, цѣло-

вали. Кругомъ него были дѣти-аристократы, дѣти-богачи; но если они пользовались всѣми удобствами, всѣми благами жизни, то онъ пользовался всѣмъ этимъ вдвойнѣ. Тѣ дѣти брали всего столько, сколько имъ хотѣлось; ему давали всего болѣе, чѣмъ ему было нужно. Тѣ дѣти веселились въ своей семьѣ; онъ веселился во всѣхъ семьяхъ своихъ многочисленныхъ дальнихъ родственниковъ. Тѣхъ дѣтей ласкали ихъ бабушки, матери, тетки: его ласкали всѣ почти чужія женщины. Уже на двѣнадцатомъ году, прижимаясь къ ласкавшимъ его женщинамъ, онъ сталъ засматриваться на ихъ декольтированныя шеи и плечи, потому что въ этихъ добрыхъ созданіяхъ онъ видѣлъ не своихъ тетокъ, не своихъ бабокъ, не своихъ кузинъ, а просто красивыхъ или некрасивыхъ женщинъ. Не мудрено, что эти женщины говорили:

— Посмотрите, какая разница между нашими дѣтьми и Пьеромъ. Наши дѣти такъ равнодушны и холодны, а Пьеръ такъ нѣженъ, такъ ласковъ.

И онѣ ласкали его еще искреннѣе, еще чаще, не замѣчая, что въ ласкахъ мальчика чувствуются уже ласки мужчины. Когда мальчикъ оставался съ своими сверстниками-родными, онъ передавалъ этимъ дѣтямъ свои недѣтскія наблюденія, свои недѣтскія впечатлѣнія. Мальчики, выросшіе въ одной дѣтской съ своими сестрами, игравшіе потомъ съ этими сестрами, какъ съ товарищами, вовсе не замѣчали въ этихъ сестрахъ того, что замѣчалъ въ нихъ этотъ ребенокъ, и широко открывали глаза, когда онъ таинственно говорилъ имъ, что онъ тихонько поцѣловалъ въ плечико ту или другую дѣвочку. Для нихъ эта дѣвочка была сестрою или кузиною и имъ приходилось столько разъ цѣловать ее и въ губы, и въ плечи, не придавая этому никакого значенія. Они вслушивались въ его рѣчи и передъ ними открывался новый міръ еще не испытанныхъ ими чувствъ, стремленій и наслажденій. На пятнадцатомъ году онъ влюбился въ двадцатидвухлѣтнюю женщину, называвшую его «mon petit cousin», но приходившуюся ему такою же родственницей, какъ и китайскому императору; онъ объяснился въ любви этой кузинѣ, она шутливо выдрала его за ухо, засмѣялась, но, видя, что онъ сдвинулъ брови и стиснулъ зубы, чтобы скрыть слезы, взяла его ладонями за обѣ щеки и поцѣловала въ губы. Этого было довольно: мальчикъ сжалъ ея талію и такъ страстно отвѣтилъ долгимъ поцѣлуемъ на ея поцѣлуй, что кузина струсила, поблѣднѣла и тихо прошептала:

— Ради Бога, Пьеръ!.. кто-нибудь можетъ войти!

Она увидала въ немъ уже мужчину. Онъ уже могъ скомпрометировать ее, могъ возбудить ревность въ ея мужѣ, флигель-адъютантѣ. Это была первая любовь Пьера, первое его посвященіе въ число «рыцарей любви». Съ той поры женщины осторожнѣе ласкали Пьера, но, можетъ-быть, заглядывались на него болѣе прежняго; съ этой поры Пьеръ менѣе разсказывалъ своимъ сверстникамъ, но чаще подвергался ихъ допросамъ. Разговаривая съ женщинами, онъ началъ немножко басить, пощипывать кожу на верхней губѣ, дѣлая видъ, что у него уже растутъ усики; разговаривая съ товарищами, онъ сталъ смотрѣть на нихъ съ ироніей стараго курильщика-студента, смотрящаго на поблѣднѣвшихъ отъ первой папиросы школяровъ. Прошло еще съ годъ, съ два: молоденькія горничныя стали стыдливо краснѣть и потуплять глаза, встрѣчая по утру нѣсколько нахальные взгляды и насмѣшливыя улыбки «барина-красавчика». Пьеръ сталъ чаще ходить изъ гимназіи, въ которую переименовался корпусъ, въ отпускъ, къ дальней родственницѣ, вдовѣ-аристократкѣ возраста бальзаковскихъ женщинъ; у него появился дорогой портсигаръ сазиковской работы, дорогіе часы отъ Мозера, шелковый бурсъ съ турецкими букетами, наполненный деньгами; онъ сталъ небрежно говорить своимъ сверстникамъ-богачамъ:

— Что это вы все киснете дома? Хоть бы въ циркъ съѣздили!

— А ты поѣдешь?—спрашивали они.

— Отчего же нѣтъ? У меня есть статское платье!—отвѣчалъ онъ.

Дорожка къ кутежамъ проторилась.

Такъ шли годы. О поэзіи первой любви къ двадцатидвухлѣтней кузинѣ не было и помину; проза разгула дѣлалась все грязнѣе, все пошлѣе, все болѣе и болѣе захватывающею. Юноша, если не по натурѣ, то вслѣдствіе бѣдности и скупости помѣщицы-матери, пребыванія въ чужихъ домахъ, завистливаго смотрѣнія на чужую роскошь, на чужое богатство, былъ скупъ, алченъ, но не умѣлъ еще быть расчетливымъ. Ему хотѣлось денегъ и денегъ, но не для того, чтобы скопить, спрятать, сберечь эти деньги, а для того, чтобы сорить ими такъ же, какъ сорили ими тѣ изъ его близкихъ, которые никогда не задумывались о значеніи денегъ. Юноша смотрѣлъ на добываніе денегъ легко: онъ зналъ, что онъ не принужденъ добывать ихъ потомъ и

кровью; онъ зналъ, что онъ можетъ ихъ добыть безъ тяжелаго труда при помощи хорошенькаго личика, веселаго нрава, ловкости и беззастѣнчивости. Эти качества были его недвижимою собственностью, дававшею довольно большіе доходы. Во всякомъ случаѣ, эти доходы были болѣе, чѣмъ доходы отъ службы въ полку. Если эта служба и была почему-нибудь нужна для него, такъ только потому, что она давала право носить блестящій мундиръ: въ этомъ плотно стягивавшемъ его молодое тѣло мундирѣ онъ выглядѣлъ красивѣе, стройнѣе, привлекательнѣе, чѣмъ въ статскомъ платьѣ. Такимъ образомъ, его жизнь была тою развеселою, безпечальною жизнью, которою могутъ пользоваться только очень богатые люди.

Но красота, молодость, сила, здоровье, веселость, все это исчезаетъ довольно быстро, особенно въ томъ случаѣ, когда расходуется опрометчиво. Катанья на тройкахъ въ морозныя ночи, ежедневное пребываніе въ душной атмосферѣ театровъ, развратъ тѣла и мысли, все это не могло пройти даромъ. Природа безпощадно наказываетъ ослушниковъ ея вѣчныхъ законовъ и тѣхъ, которые, ради разгула или ради труда, превращаютъ день въ ночь, а ночь въ день, и тѣхъ, которые, по капризу или по необходимости, переживаютъ въ годъ то, что слѣдовало бы пережить только въ десятки лѣтъ. Муратовъ въ послѣднее время сталъ замѣчать, что онъ начинаетъ полнѣть болѣзненною полнотою, что его щеки теряютъ свѣжій румянецъ и здоровую упругость, что у него тяжелѣетъ голова и чувствуется усталость послѣ каждой безсонной ночи, что онъ начинаетъ лѣниво зѣвать въ то время, когда еще нужно пѣть, смѣяться и смѣшить другихъ. Но самымъ дурнымъ признакомъ было то, что онъ началъ впервые «думать».

До сихъ поръ онъ не замѣчалъ этого за собою: онъ жилъ, дѣйствовалъ, отдавался увлекающему его вихрю бѣшенаго разгула, но не думалъ. Начать думать—значило начать прощаться съ безпечальнымъ житьемъ. Безпечальное житье только тогда и можетъ продолжаться, когда человѣкъ не думаетъ, когда человѣкъ ѣдетъ на обѣдъ съ шампанскимъ потому, что его пригласили на этотъ обѣдъ, когда онъ заѣзжаетъ въ театръ Берга только потому, что тамъ соберутся всѣ его пріятели, когда онъ скачетъ изъ театра Берга на ночную оргію исключительно потому, что его извѣстили объ этой оргіи. Муратовъ до сихъ поръ такъ и дѣлалъ: онъ не задумывался, куда можно дойти по этой дорожкѣ,

почему онъ считаетъ эту жизнь лучше болѣе правильной жизни, что онъ находитъ интереснаго въ однообразныхъ бездарныхъ и глупыхъ спектакляхъ въ театрѣ Берга, надолго ли хватитъ его силъ на оргіи, какія впечатлѣнія, кромѣ усталости, тошноты, скуки, оставляютъ въ немъ всѣ эти кутежи золотой молодежи? Теперь онъ началъ думать обо всемъ, не безъ горечи сознавая, что эти думы являются вѣрнымъ признакомъ наступленія преждевременной старости. Думы явились слѣдствіемъ боязни за будущее; боязнь за будущее явилась слѣдствіемъ начинавшагося упадка силъ, энергіи, красоты, однимъ словомъ, упадка молодости. Онъ даже началъ нѣсколько эгрироваться: его стала задѣвать за живое каждая глупо-оскорбительная фраза Аносова, одного изъ самыхъ щедрыхъ его родственниковъ-богачей; онъ началъ раздражительно сравнивать свое положеніе съ положеніемъ такихъ «прихлебателей» и «прихвостней» золотой молодежи, какъ «мальчишка» Флери и «мальчишка» Винтеръ; онъ скрежеталъ зубами, когда его впервые бросила его пріятельница вдова-купчиха Вахромеева, тогда какъ до сихъ поръ онъ самъ бросалъ своихъ пріятельницъ; онъ, ходя по своей гостиной, иногда желчно говорилъ себѣ, что онъ до сихъ поръ поступалъ, какъ мальчишка, какъ вѣтреникъ, не умѣвъ ничего скопить на черный день, тогда какъ скопить было можно и нужно. Вмѣсто сбереженій онъ видѣлъ у себя только долги. Покуда долги были ничтожны, но онъ не могъ уплатить и ихъ изъ скуднаго жалованья. Но эти долги должны будутъ возрасти до громадной цифры, если онъ будетъ продолжать ту же жизнь, какую велъ до сихъ поръ. Онъ видѣлъ въ перспективѣ «долговое отдѣленіе», и у него пробѣгала по тѣлу дрожь отъ страха, отъ стыда.

Возвращаясь изъ театра Берга домой, онъ чувствовалъ себя особенно скверно. Пережитый имъ день былъ днемъ неудачъ: днемъ онъ не засталъ дома ни одного изъ своихъ богатыхъ пріятелей; вечеромъ онъ разсчитывалъ навѣрное встрѣтить кого-нибудь изъ нихъ въ театрѣ Берга и обманулся въ расчетѣ. Увѣреніе Винтера и Флери, что Аносовъ будетъ въ тридцатой ложѣ, заставило его бросить на выручку кассы послѣдніе пять рублей. Когда онъ пришелъ въ свою ложу, онъ увидѣлъ, что Винтеръ и Флери соврали: противъ обыкновенія, ни Аносова, ни графа Рипо, ни Сухарева не было въ театрѣ. Его смутило это обстоятельство, его взбѣсило, что Флери и Винтеръ обманули его. Ему было

досадно, когда эти «мальчишки», эти «пошляки» въ угоду ему шикали. Ему было скверно, когда эти «идіоты» взглянули на него чуть не состраданіемъ, слыша, что онъ поѣдетъ домой, а не на кутежъ, когда они предложили ему ѣхать покутить съ какими-то «мальчуганами».

До сихъ поръ онъ относился къ Винтеру и Флери такъ же, какъ относились къ нимъ его богатые пріятели, — небрежно, иронически, презрительно Онъ видѣлъ въ этихъ «шалопаяхъ» шутовъ, блюдолизовъ, гаеровъ и бездомниковъ. Теперь онъ увидалъ, что эти «прихлебатели» золотой молодежи ставятъ его на одну доску съ собою. Онъ ихъ ненавидѣлъ, и если бы у него въ эту минуту было пятьдесятъ, сто рублей, онъ позвалъ бы ихъ ужинать съ собою куда-нибудь въ загородный ресторанъ, чтобы показать имъ, что онъ не то, что они,—не нищій, который можетъ веселиться только на чужой счетъ. Онъ выкинулъ бы на этомъ ужинѣ какую-нибудь штуку, чтобы посмѣяться надъ ними, чтобы унизить ихъ, какъ унижала ихъ вся «золотая молодежь», доходившая въ этомъ отношеніи до невообразимыхъ мерзостей во время своихъ оргій. Но онъ не только не могъ угостить ихъ ужиномъ, онъ не могъ бы дать имъ взаймы рубля, если бы они обратились къ нему съ просьбою объ этомъ. Онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ и, отдавъ сторожу, снимавшему съ него пальто, послѣднюю мелочь, поѣхалъ домой безъ гроша въ карманѣ. Онъ могъ бы дойти домой пѣшкомъ, но онъ такъ привыкъ ѣздить, что сѣлъ въ сани прежде, чѣмъ вспомнилъ, что у него нѣтъ денегъ. Его взбѣсило даже это обстоятельство, и почти всю дорогу онъ думалъ о томъ, какъ сильно пріучила его жизнь поступать нерасчетливо, не размышляя, не думая.

Въ этихъ думахъ онъ едва не проѣхалъ мимо дома, гдѣ онъ жилъ.

Остановившись у подъѣзда, онъ выскочилъ изъ саней, вошелъ въ двери подъѣзда и на ходу отрывисто сказалъ швейцару:

— Заплати ему!

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ швейцаръ.

Въ головѣ Муратова мелькнула мысль, что швейцаръ, по обыкновенію, отдастъ извозчику рубль, тогда какъ обыкновенный смертный, не Муратовъ, не другъ Аносовыхъ, могъ бы заплатить за проѣздъ отъ театра Берга до Гороховой копеекъ двадцать или тридцать. Но нельзя же было вернуться и сказать швейцару, что на этотъ разъ нужно за-

платить извозчику меньше, чѣмъ платилось всегда. Или ужъ такъ и заявить всѣмъ лакеямъ и швейцарамъ, что онъ, Муратовъ, начинаетъ бѣднѣть, заявить то, догадка о чемъ со стороны Винтера и Флери оскорбила его, Петра Павловича Муратова. Да и возможно ли именно теперь дать поводъ думать, что онъ нищій, теперь, когда онъ твердо рѣшился жениться на богачихѣ, на молоденькой сестрѣ Сухарева, теперь, когда онъ только-что задумалъ закинуть крючокъ этой золотой рыбкѣ? Она была послѣднею его надеждою.

Муратовъ молча прошелъ въ свою квартиру, задумавшись о томъ, что безпечальное житье сдѣлало его и мотомъ, и расточителемъ. Но какъ же иначе могло быть? Могъ ли онъ разсчитывать гроши, вращаясь въ томъ кругу, гдѣ бросалось на водку королевскому лакею по десяткамъ рублей, гдѣ не платилось извозчику менѣе рубля за одинъ конецъ, гдѣ подносились французскимъ кокоткамъ подарки въ тысячи рублей и букеты въ сотни рублей? Въ этомъ кругу ставилась послѣдняя копейка ребромъ, ставилась безъ расчета, безъ думъ, безъ заглядыванія въ будущее и, главное, безъ всякой опредѣленной, осмысленной цѣли. Кто разсчитывалъ гроши, тотъ не могъ быть въ этомъ кругу или долженъ былъ играть въ немъ ту роль, которую играли Винтеръ и Флери—Троцкіе нашего времени. Золотая молодежь двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ платила Троцкому по гривеннику за пощечину, по рублю за его проѣздъ на лошади лицомъ къ хвосту, но держала Троцкаго на «благородной дистанціи», держала его «въ черномъ тѣлѣ»; золотая молодежь семидесятыхъ годовъ за право издѣваться надъ Винтерами и Флери кормила ихъ ужинами и позволяла имъ обращаться съ собою на «ты». Муратовъ понималъ, что такъ жить ему нельзя, что онъ стоитъ на краю пропасти.

До сихъ поръ онъ былъ алченъ до денегъ, служившихъ источникомъ безпечальнаго житья; теперь въ немъ пробуждалось чувство скупца, видящаго всю прелесть въ сбереженіи денегъ на черный день. До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ среды, подъ вліяніемъ обстоятельствъ; теперь въ немъ пробуждалась его собственная природа, его наслѣдственныя качества. Недаромъ же онъ былъ сыномъ расчетливой, скупой, хотя и неумѣлой мелкопомѣстной «матушки-барыни»; недаромъ же его идіотъ-отецъ собиралъ всю жизнь гвозди, бичевки, газетную бумагу, все, что попадалось ему подъ руку на дорогѣ, на дворѣ, на полу; не-

даромъ же онъ самъ съ дѣтства слышалъ только разсужденія о пропавшемъ яйцѣ, о недостающемъ кускѣ холста, принесеннаго крестьянками, объ увеличеніи на рубль подушнаго оброка съ крестьянъ. Онъ былъ кулакъ по натурѣ, по воспоминанію, по положенію въ обществѣ, и до сихъ поръ являлся мотомъ только вслѣдствіе разнузданности и увлеченія разгуломъ. Такъ сорятъ деньгами купеческіе сынки, будущіе герои наживы, вырвавшись впервые изъ желѣзныхъ лапъ родителей-кулаковъ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою квартиру. Онъ нанималъ двѣ хорошо меблированныя комнаты за шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Одна комната служила спальней, другая—гостиной. Его жалованье все уходило на эту квартиру. На всѣ остальныя потребности приходилось добывать деньги изъ другихъ источниковъ. Теперь, можетъ-быть, временно, всѣ эти источники стали изсякать. Это было первое предостереженіе судьбы. Второе могло выразиться въ какой-нибудь продолжительной болѣзни, которая могла бы лишить Муратова возможности увернуться отъ третьяго—отъ смерти. Петръ Павловичъ трусилъ не на шутку.

«Жениться бы поскорѣй на Сухаревой и конецъ»,—думалъ онъ.

Но женитьба на богатой — этотъ вѣчный исходъ всѣхъ голяковъ, промотавшихъ свое состояніе и неспособныхъ къ труду,—была исходомъ въ будущемъ—въ близкомъ, или далекомъ, но все же въ будущемъ. А что дѣлать теперь, сегодня, завтра, когда нѣтъ ни гроша въ карманѣ, когда есть мелкіе долги, когда нѣтъ средствъ пережить время сватовства? Прежде, чѣмъ жениться, нужно было попрежнему являться въ свѣтъ въ качествѣ если не богатаго, то не нуждающагося человѣка, нужно было передъ свадьбою нанять и отдѣлать квартиру, дѣлать мелкіе подарки невѣстѣ, стоять въ положеніи независимаго человѣка. Правда, у Муратова оставался еще одинъ источникъ пріобрѣтенія денегъ, но этотъ источникъ, если и не былъ мелокъ, то былъ ненадеженъ, не давалъ покуда многаго.

Случайно Муратовъ познакомился съ глуповатою, какъ онъ мысленно выражался о ней, женою извѣстнаго ростовщика Зимина. Эта женщина, по его же выраженію, полюбила его, «какъ кошка». Отъ нея въ минуты жизни трудныя онъ добывалъ заимообразно немного денегъ. Но ея мужъ былъ деспотъ, скряга, она боялась мужа, она съ трудомъ добывала деньги или, лучше сказать, не деньги, а вещи,

подаренныя ей мужемъ. Эти вещи она тайкомъ передавала Муратову: онъ закладывалъ ихъ. Этотъ источникъ походилъ на соломинку, за которую хватается утопающій. Надѣяться на него было трудно, не хвататься за него было уже нельзя, хотя Муратова каждый разъ коробило, когда ему приходилось хвататься за это средство спасенія.

Петръ Павловичъ тотчасъ же по возвращеніи домой написалъ нѣсколько строкъ, позвонилъ и отдалъ молоденькой горничной записку.

— Отнесите служанкѣ Зминыхъ,—сказалъ онъ, отдавая дѣвушкѣ письмо.

Горничная ушла. Онъ заходилъ по комнатѣ.

«Да, братъ Аркадій лучше меня устроилъ свои дѣла,— думалъ онъ.— Адель — ловкая женщина. Глупо, что я ее прозѣвалъ. Мы вмѣстѣ устроили бы свои дѣла лучше. Аркадій глупъ и только мѣшаетъ ей. Моя самонадѣянность меня погубила: жилъ не думая, не разсчитывая. И то сказать: къ чему меня готовили? Бросили въ корпусъ, научили шагистикѣ, тогда какъ нужно было учить чему-нибудь другому, ну, хоть бы сельскому хозяйству или юридическимъ наукамъ, или медицинѣ научили бы, что ли. Знали вѣдь, что безъ денегъ, безъ крестьянъ останусь. Теперь нужно или къ землѣ прикрѣпиться, или быть адвокатомъ тяжущихся дураковъ, или лѣчить больное человѣчество. Эти профессіи даютъ деньги. Инженеры тоже зашибаютъ копейку. А мы, военные, что мы можемъ добыть? Блестящій мундиръ и жизнь впроголодь—отличная карьера для человѣка, не имѣющаго ни земли, ни крестьянъ, ни денегъ. И что за насмѣшка судьбы: росъ среди роскоши и блеска, росъ въ то время, когда кругомъ шла разгульная жизнь хлыщей и кокотокъ, росъ, когда доматывались послѣднія деньги молодыми барчуками и бросались на вѣтеръ легко пріобрѣтаемыя тысячи адвокатовъ и желѣзнодорожниковъ, а теперь, когда привыкъ къ этой жизни, когда отучаться отъ нея поздно, дѣлаюсь нищимъ!»

По лицу Муратова скользнула горькая усмѣшка.

«И вѣдь изъ всей семьи только мнѣ такъ не повезло,— продолжалъ онъ думать, ходя по комнатѣ.—Дядя Александръ получилъ наслѣдство, Аркадій и Адель выбиваются изъ затруднительнаго положенія, Данила женился на золотомъ мѣшкѣ, сестра Серафима начинаетъ дѣлаться извѣстною личностью, Максимъ... Да, гдѣ-то теперь братъ Максимъ?»

Петръ Павловичъ задумался. Передъ нимъ, какъ живой,

воскресъ образъ худощаваго, серьезнаго, плохо одѣтаго юноши. Петръ Павловичъ не разъ встрѣчалъ на улицахъ Петербурга подобныхъ учащихся юношей въ высокихъ сапогахъ, въ клеенчатыхъ фуражкахъ, въ поношенной одеждѣ, въ пледахъ на плечахъ въ трескучіе морозы. Не разъ онъ читалъ въ газетахъ, какъ кончали свою жизнь эти юноши, и въ его головѣ промелькнула мысль:

«Не умеръ ли онъ? Его нигдѣ не видать, о немъ ничего не слышно».

Онъ задумался, но черезъ минуту по его лицу скользнула опять горькая усмѣшка.

«Да гдѣ же мнѣ о немъ и слышать! — подумалъ онъ. — Кто изъ нашихъ якшается съ такими людьми, къ кому изъ нашихъ пойдутъ они? Нѣтъ, Максимъ тоже, вѣрно, не погибъ, устроился по-своему и счастливо. Эти узколобые для себя многаго не требуютъ. Это только я»...:

Онъ сдвинулъ брови и подошелъ къ окну.

«У Зимнихъ еще нѣтъ свѣчи на окнѣ, вѣрно, самъ еще дома,—подумалъ онъ. — А если не уйдетъ сегодня? Чѣмъ завтра за квартиру заплатить? Изъ чего отдать швейцару? На что нанять извозчика? И если опять выдастся такой денекъ, какъ сегодня? Этакъ съ голода поколѣешь, прежде чѣмъ женишься».

Онъ остановился у окна и сталъ барабанить пальцами по подоконнику.

«А сколько денегъ прошло черезъ мои руки!—опять думалъ онъ.—И куда ушли? Въ карманы Берга, Гинне, лакеевъ, извозчиковъ! Сколько осталось на рулеткѣ Салаева».

При этомъ воспоминаніи онъ закусилъ чуть не до крови нижнюю губу. Въ его воспоминаніи ясно воскресла эта большая зала съ длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, съ грудами золота, съ возбужденными физіономіями игроковъ, съ отрывистыми возгласами: «Messieurs, faites votre jeu», «Rien ne va plus», «Le jeu est fait». Сколько денегъ оставилъ онъ въ этой залѣ, надѣясь выиграть, надѣясь сдѣлаться богачомъ!

«И какъ все это было глупо, пошло, безцѣльно! — продолжалъ онъ думать. — Безцѣльно? Да гдѣ же было взять сознаніе цѣли? Кто говорилъ мнѣ о ней? Дома поститься мать и отецъ учили, въ корпусѣ маршировать учили, у родныхъ наслаждаться жизнью учили. Ну, вотъ и донаслаждался до нищеты. И зачѣмъ я такъ рано уѣхалъ сегодня отъ Берга? Аносовъ, можетъ-быть, еще пріѣхалъ бы. Маль-

чишки эти мнѣ надоѣли, противно смотрѣть. Гроша нѣтъ за душой, никакого положенія въ свѣтѣ, никакого будущаго, а ничего—веселы, смѣются. Подличать готовы передъ каждымъ, ну, и счастливы. Неужели придется жить, какъ они, безъ гроша, быть лишнимъ и непрошеннымъ гостемъ вездѣ, залѣзать по уши въ мелкіе долги? Да, женитьба—единственное спасенье. Сухарева восторженна, какъ всѣ институтки. Ее увлечь не трудно. У Сухаревыхъ милліонное состояніе. Такая невѣста—кладъ. Но надо торопиться; въ женихахъ у нея не будетъ недостатка».

Онъ вперилъ глаза въ темноту, охватывавшую городъ. Внизу ярко горѣли газовые фонари, свѣтились окна магазиновъ, то тутъ, то тамъ виднѣлись въ окнахъ огни, порой мелькали фонари каретъ. Онъ завидовалъ всѣмъ этимъ людямъ, которые живутъ, какъ ему казалось, счастливѣе его.

«А у Зиминыхъ все еще нѣтъ на окнѣ огня,—подумалъ Муратовъ и сталъ еще усиленнѣе барабанить по подоконнику.—Нельзя ли у Зиминой захватить болѣе крупный кушъ? Вексель, что ли, съ нея взять. Потомъ учесть можно. Она влюблена, какъ кошка. Она на все готова. И то сказать, что значитъ ей дать мнѣ вексель? Мужа боится? Но мужъ скоро умретъ. Едва ли протянетъ зиму, чахотка въ полномъ развитіи. Тогда ей будетъ чѣмъ платить. Не подождать ли его смерти, да и жениться на ней? Хороша была бы она въ нашихъ салонахъ! Глупа, плохо воспитана, наивна»...

Онъ отошелъ отъ окна и зашагалъ снова по комнатѣ. Что-то скверное поднималось у него на душѣ.

«Вывернуться бы на-время, обставиться и начать атаку противъ Сухаревой,—продолжалъ онъ думать. — На первое время добыть бы денегъ, потомъ, когда все пойдетъ хорошо, можно будетъ прихватить денегъ у Адели. Она дастъ, когда будетъ увѣрена въ отдачѣ денегъ. Ея Гельфрейхъ не откажетъ, узнавъ, что я женюсь на Сухаревой. Еще бы! Ну, а если не удастся увлечь Сухареву? Что тогда? Жить на офицерское жалованье? Глядѣть, какъ веселятся другіе? Стушеваться? Нѣтъ, ужъ лучше покончить съ собой разомъ».

Онъ остановился и снова сталъ смотрѣть въ окно. Въ противоположномъ домѣ бель-этажъ былъ ярко освѣщенъ, тамъ мелькали фигуры нарядно одѣтыхъ людей, при свѣтѣ свѣчей и лампъ можно было разсмотрѣть богатую обстановку комнатъ. По улицѣ мчались кареты, останавливаясь у подъѣзда этого дома. Муратову стало опять завидно, что

люди веселятся въ то время, когда онъ находится одинъ въ своемъ углу, безъ гроша въ карманѣ, и ждетъ нетерпѣливо, мучительно ждетъ, не поставятъ ли на одно изъ темныхъ оконъ въ третьемъ этажѣ противоположнаго дома свѣчу—условный знакъ, извѣщавшій его о возможности пробраться въ эту квартиру за тѣмъ, чтобы выпросить нѣсколько рублей.

У него билось сердце отъ зависти, злости и нетерпѣнія. Онъ думалъ отрывками, перескакивая отъ одной темы къ другой, какъ человѣкъ, волнуемый множествомъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Среди этихъ думъ особенно ярко выдѣлялась одна мысль: «скоро ли поставятъ свѣчу на окно въ третьемъ этажѣ противоположнаго дома». Передъ этою мыслью смолкали упреки за глупо растраченныя силы, передъ нею блѣднѣли опасенія за далекое будущее. Онъ походилъ на дошедшаго до нищенства человѣка, у котораго горько прошлое и страшно будущее, но который исключительно думаетъ о томъ, подадутъ ли ему въ послѣднемъ изъ всѣхъ обойденныхъ имъ домовъ Христа ради хоть грошъ—можетъ-быть, на кусокъ хлѣба, можетъ-быть, на выпивку.

— Нѣтъ, я окончательно старѣю, — вслухъ проговорилъ онъ.—Прежде я весело переносилъ эти кризисы...

Онъ позвонилъ. Вошла горничная.

— Вы отдали письмо?—спросилъ онъ.

— Отдала-съ,—отвѣтила она.

— Какой же отвѣтъ?

— Вы знаете, какая грубая у нихъ прислуга. «Ну, васъ, говоритъ, и съ записками!»

— Дура!

— Да ужъ точно, что дура.

— Ступайте. Приготовьте мнѣ чай.

Горничная вышла. Муратовъ опять зашагалъ по комнатѣ. За стѣной послышался смутный говоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Говоръ дѣлался все оживленнѣе и оживленнѣе. Вотъ пронесся взрывъ хохота, вотъ кто-то заигралъ на фортепіано «Pif-paf». Муратовъ нервно и нетерпѣливо сталъ барабанить по подоконнику, остановившись снова у окна. Его мысли унеслись куда-то далеко-далеко, кровь прилила къ головѣ.

«Дюроше пѣла эту пѣсню»,—мелькало у него въ головѣ, и онъ, помимо своей воли, мысленно повторялъ припѣвъ шансонетки.

«Говорятъ, и она теперь богата! — вдругъ промелькнуло

у него въ головѣ.—И то сказать, кому же и жить теперь, какъ не имъ?.. Но что же это тамъ не выставляютъ свѣчи?»—съ досадой топнулъ онъ ногой.

— Самоваръ поданъ,—послышался голосъ горничной.

— Заварите чай,—отвѣтилъ онъ.

Въ противоположномъ домѣ въ третьемъ этажѣ вдругъ стало совсѣмъ темно.

У него замерло сердце.

«Неужели они ложатся уже спать? — подумалъ онъ и взглянулъ на часы. Было еще десять часовъ: — неужели я не болѣе получаса, какъ пробылъ дома?»

Онъ поднесъ къ уху часы—они вѣрно отчеканивали свое неизмѣнное, торопливое «тикъ-такъ». Онъ опять взглянулъ на противоположный домъ. Тамъ въ третьемъ этажѣ мелькнула мимо трехъ оконъ свѣча и скрылась. Черезъ нѣсколько минутъ свѣча появилась снова, ее поднесли къ одному изъ оконъ и поставили на подоконникъ.

— Катя, Катя, вы оставьте чай, я скоро вернусь,—торопливо проговорилъ Муратовъ горничной, направляясь къ выходу.

Онъ быстро захватилъ свою фуражку. Его лицо оживилось. Его глаза свѣтились радостью. Онъ надѣялся добыть средства на день, на два, для продолженія безпечальнаго житья. Темное, далекое будущее было опять на-время забыто.

III.

— Серьги съ двумя брильянтами, обсыпанными розами, шестьдесятъ рублей, — монотонно вычитывалъ изъ длинной и узенькой шнуровой книги нѣсколько рѣзкій, надтреснутый мужской голосъ, непріятно звучавшій въ невозмутимой тишинѣ полутемной комнаты, загроможденной разнымъ хламомъ. — Покажи-ка ихъ!.. Гмъ, брильянты не велики, не чистой воды... желтоваты... Много дала... Брильянты нынче падаютъ въ цѣнѣ... всѣ вещи падаютъ въ цѣнѣ... а деньги дорожаютъ...

— Эти серьги выкупятъ, — несмѣло отвѣтилъ молодой женскій голосъ.

— Выкупятъ! Говоришь, точно какая-нибудь дѣвочка наивная!.. Когда приносятъ, всегда надѣются выкупить, а потомъ... Знаемъ мы ихъ, какъ онѣ выкупаютъ... брошенныя любовницы, замотавшіяся барыни... «Шелковое платье, отдѣланное бахромой, десять рублей», — снова читалъ мужской голосъ.—Какъ вписываешь: «шелковое платье,

отдѣланное бахромой», и только! Зачѣмъ не прибавлено: «поношенное?» Сколько разъ нужно повторять тебѣ это? Пиши: поношенное, съ пятнами, а то долго ли до непріятностей.

— Оно совсѣмъ новое,—робко замѣтилъ женскій голосъ.

— При тебѣ шили, что ли?.. Не прямо же отъ модистки принесли? Надѣвали, вѣрно... Проститутка какая-нибудь сшила для бала, для театра, для пикника... Платье не привыкло любовника, ну, и стащила его въ закладъ... Онѣ въ одинъ день хуже отмызгаютъ платье, чѣмъ иная барыня въ мѣсяцъ... хвостотрепки!.. «Ковровый платокъ, попорченный молью, три рубля», — продолжалъ чтеніе мужской голосъ. — Это что! Это зачѣмъ? А?.. Я говорилъ, что этой дряни не нужно принимать!.. Опять какая-нибудь нищая притащила, разжалобила слезами... Семья, дѣти, ѣсть нечего!.. Знаемъ ихъ... Тунеядцы... Туда же, дѣтей рожаютъ... Голь!.. Намъ нечего мягкосердечничать! У самихъ не сотни тысячъ... Все трудомъ, безсонными ночами добыто, все мной добыто, все мной добыто!.. Тебѣ это только все легко досталось, за рожицу смазливую, такъ ты и не знаешь цѣны деньгамъ... Погибала безъ крова, въ лохмотьяхъ, и вдругъ въ теплый уголъ попала, въ шелкъ нарядилась, такъ тебѣ и кажется, что деньги всѣмъ съ неба падаютъ, что ими сорить можно... А ты бы спросила, что я теряю каждый день на акціяхъ, на векселяхъ?.. Кругомъ всѣ компаніи лопаются, всѣ купцы банкротятся... Мы сами скоро по-міру пойдемъ... Тогда узнаешь, что значитъ нищета... Три рубля за поѣденный молью ковровый платокъ!.. Куда его дѣнешь, если не выкупятъ?.. Сама носить будешь, что ли?.. Дура, дура!

Мужчина закашлялъ. Женщина стояла, опустивъ глаза въ землю, едва смѣя дышать.

— Въ могилу... въ могилу свести меня хочешь... Только началъ жить... всю жизнь бился, какъ рыба объ ледъ... страдалъ... Началъ жить, женился на красавицѣ, и вотъ... въ могилу она же сводитъ...

Эти упреки звучали рѣзко и отчетливо въ тишинѣ полутемной комнаты, чередуясь съ звуками сухого кашля, исходившаго точно изъ пустой груди.

Молодой женщинѣ становилось страшно. Ей казалось, что она, молодая, полная силъ, страстно желающая пожить, и этотъ исхудалый человѣкъ, истощенный невзгодами, пожираемый чахоткою, приближающійся къ могилѣ, заперты, замуравлены вдвоемъ въ полутемный склепъ, на-

полненный истлѣвающими трупами и скелетами. Ее давила эта низенькая комната, едва озаренная слабымъ свѣтомъ одинокой, догоравшей свѣчи. Кругомъ стола, за которымъ сидѣлъ мужчина и у котораго стояла эта женщина, тѣснились стеклянныя этажерки, несгораемые шкапы, вѣшалки съ шубами, платьями, мантильями, сюртуками, панталонами. Тутъ медвѣжья шуба смотрѣла, какъ злобный ощетинившійся звѣрь, тамъ пара брюкъ, сверхъ которыхъ висѣлъ узелокъ, напоминала висѣльника съ поникшей головой; порою изъ-за стеколъ шкаповъ, какъ глаза, наполненные крупными слезами, загорались брильянтовыя искры дамскихъ украшеній,—и все это словно надвигалось все ближе и ближе къ столу въ этой полутьмѣ, въ этой мертвой тишинѣ.

Кашель мужчины немного утихъ. Надтреснутый голосъ дочитывалъ послѣднія строки записной книги.

— Мнѣ надо идти.... по векселю завтра срокъ... надо предупредить должника... Ты останешься одна съ Дарьей... Не отворяйте никому... Касса закрыта... Если очень настойчиво будутъ звонить, надѣньте цѣпь и тогда отворите дверь... Сама не отпирай, пусть отпираетъ Дарья... Нѣтъ, ты опять о чемъ-то другомъ думаешь... Что у тебя въ головѣ? Скажи ты мнѣ, ради Бога, не терзай ты меня... скажи все откровенно, добей разомъ...

— Я слушаю...

— Слушаю, а глаза смотрятъ Богъ знаетъ куда, за тысячу верстъ смотрятъ! Бѣжать, что ли, хочешь?... Нѣтъ, не убѣжишь... отъ мужа не убѣжишь... Змѣя!.. Позови Дарью...

Мужчина отвернулся. Женщина пошла изъ комнаты, пробираясь среди вѣшалокъ, платья, узловъ, шкаповъ, исчезая въ этомъ лабиринтѣ развѣшанныхъ лохмотьевъ человѣческой суетности, нищеты и роскоши, задѣвая за эти предметы и вздрагивая отъ ихъ прикосновенія. Черезъ пять минутъ ея фигура снова появилась среди навѣшаннаго тряпья. Сзади нея шла другая женщина, не молодая, сухая, хмурая, въ грязномъ, измятомъ ситцевомъ платьѣ.

— Дарья, я ухожу, не впускай безъ меня никого... Будутъ сильно звонить, цѣпь надѣнь на дверь и тогда пріотвори... Сама стой въ сторонѣ... Мало ли, что можетъ случиться... Береги барыню... Я приду черезъ часъ, черезъ полтора...

Мужчина всталъ, болѣзненно расправилъ грудь, выпятивъ ее впередъ, и взялъ теплую фуражку.

— Смотри же, никого не впускай!

— Да знаю!—сурово и отрывисто отвѣтила служанка.—Кажинный день одно и то же.

— Посвѣти!

Служанка взяла свѣчку и пошла изъ комнаты по направленію къ прихожей. Мужчина пошелъ за ней. Молодая женщина, казалось, хотѣла остаться одна, но ее пугала эта темная комната, и она поспѣшно пошла за мужчиной.

— Нѣжности какія, пробожаетъ!—пробормоталъ онъ сквозь зубы.—Лицемѣрка!

Онъ надѣлъ въ передней чуйку на мѣху, высокія калоши тоже на мѣху, обмоталъ вокругъ шеи красный вязаный шарфъ и пошелъ.

— Смотри же, не отворяй никому!—еще разъ обернулся онъ къ служанкѣ, когда она щелкнула звонкимъ предохранительнымъ замкомъ выходныхъ дверей.

Черезъ минуту замокъ снова щелкнулъ; женщины остались однѣ.

— Письмо къ вамъ принесли давеча,—отрывисто проговорила служанка.

— Кто?—съ живостью спросила молодая женщина.

— Извѣстно кто, не двадцать человѣкъ письма къ вамъ носятъ, а одинъ.

— Онъ самъ былъ?

— Сорока его на хвостѣ принесла.

— Давай же скорѣе!

Служанка подала письмо.

— Давать бы вамъ этихъ писемъ не слѣдовало, только бѣды съ ними наживешь,—ворчала она.

Но молодая женщина не слушала ее и жадно перечитывала лаконическую записку.

«Если одна сегодня вечеромъ, поставь свѣчу на окно. Есть нѣсколько свободныхъ минутъ».

— Свѣчу надо на окно поставить, скорѣе. Сейчасъ придетъ... Ты черезъ кухню, Дарьюшка, впусти,—заторопилась молодая женщина и направилась со свѣчою къ окну.

— Допущать-то его не слѣдовало бы... все бы барину надо разсказать,—ворчала служанка.

— Ну, полно, полно, родная! — уговаривала ее ребяческимъ голосомъ молодая женщина. — Ты знаешь, я тебя отблагодарю за все, за все...

— Что благодарность! Въ бѣду съ вами попадешь! Еще убьетъ, звѣрь-то нашъ...

— Видишь, ты сама его звѣремъ называешь... а каково же мнѣ...

— Кабы не знала, каково вамъ, такъ развѣ стала бы брать экій грѣхъ на душу... Ужъ больно жаль, такъ и попущаю... А то бы...

Служанка махнула рукой.

— Ну, я въ кухню пойду ждать,—проворчала она.

— Я тоже туда пойду посидѣть,—торопливо сказала молодая женщина и, какъ ребенокъ, боящійся, что изъ его темной спальни уйдетъ нянька, торопливо пошла за служанкой.

— Что это вы все въ кухнѣ норовите сидѣть безъ Леонида Григорьевича, — замѣтила служанка: — точно комнатъ нѣтъ.

— Боюсь я, боюсь,—отвѣтила молодая женщина.

— Чего? Дверь заперта...

— Да я не воровъ... а знаешь... тутъ эти вещи, точно привидѣнія... темно такъ, тихо, — пояснила молодая женщина, входя съ служанкой въ кухню. — Я и въ дѣтствѣ была трусихой, когда у бабеньки жила... Бабенька была такая старая, старая, все крестилась, все «да воскреснетъ Богъ» читала... мерещилось ей что-то... Няня, гувернантка и кухарка наши тоже старыя были, про домовыхъ, бывало, говорятъ, а я вся дрожу, дрожу... Потомъ, когда бабенька умерла, и я одна осталась въ домѣ, мнѣ такъ страшно, страшно стало, что я была даже рада въ первую минуту, когда дядя пріѣхалъ и выгналъ меня изъ дома бабеньки...

— Хорошъ дядюшка, на улицу племянницу родную выгналъ,—проворчала служанка.

— Да онъ вѣдь не виноватъ: оказалось, что я незаконная внучка бабеньки была и по закону мнѣ ничего не слѣдовало получить послѣ нея,—простодушно пояснила молодая женщина.

— По закону!—пренебрежительно произнесла служанка.— А онъ бы не по закону, а по-божески поступилъ... Тогда не пришлось бы и за Леонида Григорьевича выходить, тиранства терпѣть отъ злодѣя...

— Да... Леня больной, раздражительный... только я ему обязана... Я вѣдь совсѣмъ съ голоду померла бы, если бы не онъ... я какъ осталась на улицѣ, такъ и умерла бы... Куда бы я пошла?.. Бабенька меня при себѣ держала, ничему не научила, только умѣла я читать и писать по-русски, да по-французски, да играть на фортепіано; бабенька

все говорила, что для порядочной дѣвушки больше ничего не надо... Если бы Леня не проходилъ тогда по Александровскому парку, когда я сидѣла, да плакала, не зная, куда идти, я такъ бы и умерла, а онъ сжалился...

— Ну, да, сжалился!.. Будь-ка вы уродъ, да перестарокъ, не сжалился бы, а то жалостью-то своею вѣкъ вашъ заѣлъ... Васъ бы и не такой лядащій взялъ въ жены...

Въ эту минуту раздался стукъ въ двери.

— О, чтобъ васъ не было!—проворчала испуганная стукомъ служанка и пошла къ дверямъ.

Но молодая женщина уже вскочила съ мѣста и быстро отворила двери.

— Петя, Петя!—воскликнула она и обвила руками шею молодого человѣка, переступившаго порогъ въ кухню.

Это былъ Петръ Павловичъ Муратовъ.

— Соня, задушишь, задушишь! — небрежно усмѣхнулся онъ и отвелъ ея руки.—Дай снять пальто.

Онъ ловко сбросилъ пальто на руки служанки и небрежно проговорилъ носовымъ голосомъ:

— Завтра, Церберъ, получишь вознагражденіе!

— Надѣюсь, что вы, Софья Дмитріевна, проведете меня въ свои внутренніе покои изъ этой пріемной,—усмѣхнулся онъ, обращаясь къ молодой женщинѣ.

— Пойдемъ, пойдемъ, Петя!—засуетилась молодая женщина.

Она взяла свѣчу и почти побѣжала изъ кухни. Она теперь ничего не боялась: ни навѣшаннаго хлама, ни полутьмы, ни тишины. Ея маленькое, кругленькое, румяное, какъ крымское яблоко, личико все свѣтилось чисто дѣтскою радостью и счастіемъ. Вся ея физіономія напоминала новосмыслившуюся, несформировавшуюся физіономію ребенка, безъ опредѣлившихся, рѣзкихъ очертаній. Вздернутый носикъ, пухленькій розовый подбородокъ съ ямкой, толстыя румяныя губки, нѣсколько свѣтлые голубые глаза, отдувшіяся щечки, не особенно правильныя брови,—все это напоминало скорѣе дѣвочку, чѣмъ женщину. Небольшой ростъ дополнялъ иллюзію.

— А что Рауль Синяя Борода скоро явится въ свой замокъ? — небрежно спросилъ Петръ Павловичъ Муратовъ, опускаясь на кушетку.

— Леня?.. Нѣтъ, онъ черезъ часъ придетъ, не ранѣе,— отвѣтила молодая женщина, останавливаясь передъ нимъ.—

Идти далеко, а онъ ни за что извозчика не возьметъ... Вотъ-то онъ скупой!

— Значитъ, можно побесѣдовать...

— Ты даже не поцѣловалъ еще меня, — упрекнула его молодая женщина, по-дѣтски капризно надувая губки.

— Приблизьтесь, и я васъ расцѣлую, прелестная царевна! — засмѣялся Муратовъ и, взявъ за талью молодую женщину, посадилъ ее къ себѣ на колѣни. — Сперва подставьте ваши добрые глазки, потомъ ваши надувшіяся губки.

Онъ поцѣловалъ ея глаза, ея губы, онъ обращался съ нею, какъ съ игрушкой, какъ съ вещью, изъ которой онъ могъ дѣлать все, что ему вздумается. Что-то глубоко-развратное, безконечно-циничное было въ его ласкахъ. Отъ этихъ ласкъ у нея кровь приливала къ головѣ, темнѣло въ глазахъ, захватывало дыханье въ горлѣ.

— Ну, теперь мы перестали дуться и, надѣюсь, остались довольны?—спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ слегка насмѣшливымъ тономъ.

Молодая женщина, вся раскраснѣвшаяся, молча наклонилась и прильнула къ его выхоленной, почти женской рукѣ губами. Въ этомъ поцѣлуѣ сказывалась какая-то смиренная, покорная благодарность рабыни.

— А время идетъ и вмѣстѣ съ нимъ идетъ и Рауль Синяя Борода, — проговорилъ Петръ Павловичъ, не отнимая руки отъ губъ молодой женщины.—Теперь мнѣ остается еще сдѣлать одинъ вопросъ: какъ наши дѣла?

Молодая женщина быстро подняла голову и какъ-то растерянно и пугливо взглянула на Муратова.

— Петя, еще немного побудь,—молящимъ голосомъ проговорила она.—Посиди...

— Нельзя... ты сама знаешь, что надо уйти во-время...—произнесъ онъ, пожимая плечами.—Не должно портить водевиль трагическимъ концомъ... А вы, Софья Дмитріевна, о дѣлахъ, вѣрно, и забыли!

— Петя, какой ты недобрый!—упрекнула его молодая женщина.—Вотъ брошь... за нее дадутъ сто рублей.

— Сто-о?—спросилъ протяжно Муратовъ, взглянувъ на брошь, вынутую Софьею Дмитріевною изъ кармана.

— Да, это покуда... послѣ я постараюсь еще,—въ смущеніи начала Софья Дмитріевна.

— Немного... немного...—задумчиво произнесъ Петръ Павловичъ.—И вѣчная возня съ этими вещами, съ оборотами... это тяжело!.. Я не знаю, какъ я перебьюсь... жизнь

такъ дорога въ Петербургѣ. Право, лучше мнѣ перевестись въ армію, въ провинцію... Тамъ дешевле жить... Здѣсь мнѣ приходится только обирать тебя, мучиться самому и мучить тебя...

— А я?—испугалась молодая женщина.

— Что-жъ... ты потуда останешься съ своимъ Раулемъ... не вѣчно же будетъ онъ жить...

— Не вѣчно... но мнѣ годъ безъ тебя покажется вѣчностью...

— А мнѣ, ты думаешь, будетъ весело гдѣ-нибудь въ трущобѣ? Но вѣдь безъ денегъ жить здѣсь нельзя, служа въ Петербургѣ...

— Петя!..

Молодая женщина съ мольбой взглянула на Муратова, и въ ея глазахъ блеснули слезы.

— Придумай что-нибудь.

— Что же придумать?—небрежно пожалъ плечами Муратовъ и поднялъ глаза къ потолку, обдумывая что-то.— Вексель, что ли, напиши... можетъ-быть, кто-нибудь учтетъ...

— А изъ чего же заплатить?—испугалась молодая женщина.

— Помретъ мужъ—заплатишь, не помретъ до срока—отсрочить можно.

— Да?.. Ну, что же, дѣлай, какъ знаешь... Только ради Бога не уѣзжай... Нѣтъ, это совсѣмъ невозможно... Остаться безъ тебя здѣсь съ нимъ... нѣтъ, нѣтъ!.. Милый мой, красавчикъ!..

Она опять припала губами къ его рукѣ.

— Эхъ, Соня, Соня, мы только затягиваемъ на себѣ петлю...

— Милый!—молящимъ тономъ произнесла она.

Онъ молча махнулъ рукою.

— Такъ я зайду на-днихъ,—промолвилъ онъ, поднимая ее съ своихъ колѣнъ и поднимаясь съ мѣста.—А вексель ты можешь прислать мнѣ завтра утромъ... Вѣдь вексельная бумага у васъ всегда есть...

— Ты поскорѣй приходи!.. Завтра или послѣзавтра Леня опять уйдетъ въ девять, въ десять часовъ... ему нужно будетъ опять идти по дѣлу... засѣданіе у нихъ какое-то будетъ по дѣламъ порѣченской желѣзной дороги... Я поставлю на окно свѣчу...

— Хорошо, хорошо!.. Прощай!

Молодая женщина еще разъ обвила его шею своими руками и прильнула губами къ его лицу.

— Никогда бы я не разсталась съ тобой!—воскликнула она, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Нужно покориться судьбѣ!

— У, какой ты жестокій!

— Да развѣ я могу отвѣчать за распоряженія судьбы?

— Нѣтъ, но ты не напоминай о судьбѣ... это тяжело...

— Ты совсѣмъ дѣвочка!

Они вышли въ кухню. Служанка, положивъ голову на столъ, спала крѣпкимъ сномъ усталаго рабочаго человѣка.

— Вѣрный Церберъ плохо сторожитъ,—усмѣхнулся Петръ Павловичъ.

— Не буди ее, я сама подамъ тебѣ пальто,—сказала молодая женщина.

— Зачѣмъ же? Я и самъ надѣну,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я подамъ! Если бы ты зналъ, какъ я тебя люблю. Я все, все готова для тебя сдѣлать,—горячо проговорила молодая женщина, вся полная любовью.

— Даже пальто подать?—усмѣхнулся Муратовъ.

— Ахъ, нѣтъ! Ты все шутишь! Я не умѣю этого высказать, я такая глупенькая!

Она подала ему пальто и снова обвила его руками. Онъ поцѣловалъ ее крѣпко, прижавъ къ груди, почти приподнявъ на воздухъ, и потомъ отворилъ дверь.

— Прощай, приходи же!—проговорила она.

Дверь заперлась за Петромъ Павловичемъ. Молодая женщина осталась въ кухнѣ. Она присѣла въ уголокъ и задумалась. Въ ней проснулось сожалѣніе, что она не встрѣтилась съ Петромъ Павловичемъ Муратовымъ до своего замужества. Если бы она встрѣтилась съ нимъ раньше замужества, ей не пришлось бы обманывать своего мужа. Мало-по-малу, ей вспомнилась вся ея прошлая жизнь.

Она росла у бабки, старой, полупомѣшанной генеральши, разсердившейся на весь міръ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, бросившей свое крошечное имѣніе и поселившейся въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, съ старою служанкою, съ старою нянькою Сони, съ старой гувернанткою ребенка. «Матушка-генеральша», высокая, прямая, какъ палка, набѣленная и нарумяненная, въ черномъ сырцевомъ парикѣ съ буклями, въ пестрыхъ и яркихъ старомодныхъ платьяхъ, въ широчайшихъ кринолинахъ, жила затворницею и являлась только въ казначейство для полученія пенсіи, и въ церкви для распеканія сторожей за плохо вставленныя свѣчи, для распеканія дѣтей за неусердное моленіе, для распеканія нищихъ за то, что они не работаютъ. Когда она являлась на улицѣ, въ своемъ красномъ платьѣ, въ своемъ

вытертомъ бархатномъ салопѣ съ широкими полосами и клѣтками, въ своей старомодной шляпкѣ съ длиннымъ и и обдерганнымъ страусовымъ перомъ,—прохожіе оглядывали ее, какъ какое-то чудо, съ удивленіемъ, а мальчишки безъ церемоніи бѣжали вприскочку за «барыней чудихой», бормотавшей имъ какія-то угрозы. Дѣвочка росла невесело въ домѣ этой старухи, среди запаха ладана и деревяннаго масла, среди суевѣрныхъ страховъ и суевѣрныхъ обрядовъ, въ родѣ крестовъ, дѣлаемыхъ мѣломъ на дверяхъ наканунѣ крещенія, въ родѣ выставленія башмаковъ подошвами къ стеклу во время вытья собаки, въ родѣ обматыванія руки красной шерстинкой, когда «разовьется» рука, въ родѣ бросанія соли черезъ плечо того, кто просыпалъ соль, и т. п. Ни родныхъ, ни знакомыхъ не появлялось въ домѣ. «Матушка-генеральша» по цѣлымъ днямъ или раскладывала пасьянсы, или ворчала на старыхъ служанокъ, или, подпершп граціозно нарумяненную щеку костлявою рукою, сидѣла у окна и безцѣльно по часамъ смотрѣла на пустынную улицу, точно купеческая невѣста, поджидающая жениха. Вспоминалась ли ей въ эти часы старая жизнь съ покорными «Глашками» и «Прошками»; грезились ли ей былые романы ея молодости съ стройными гвардейцами; накоплялась ли въ ней желчь на новые порядки, выбившіе ее изъ старой колеи,—неизвѣстно. Она не дѣлилась ни съ кѣмъ своими мыслями, потому что была «горда, горда», какъ она однажды заявила сама на исповѣди попу. Подъ вліяніемъ этого выжившаго изъ ума существа протекли лучшіе годы маленькой Сони,—протекли скучно, однообразно, безцѣльно. Ученіе дѣвочки ограничивалось русской и французской грамотностью, музыкой, изученіемъ молитвъ, акаѳистовъ, заповѣдей. Свободное время посвящалось вышивкѣ по канвѣ. Пить, ѣсть, спать, слушать разсказы о чудесахъ знахарства, смотрѣть на раскладываніе гранъ-пасьянсовъ, нянчить во время болѣзней заплывшую жиромъ моську, вышивать, играть на фортепіано, говорить по-французски, молиться, читая по молитвеннику знакомыя молитвы,—вотъ все, чѣмъ наполнялись дни дѣвочки въ этомъ мрачномъ домѣ съ старомодною мебелью. Никакихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, никакихъ вопросовъ о нравственности и обязанностяхъ человѣка не поднималось въ этомъ маленькомъ міркѣ полупомѣшанныхъ старухъ. Если можно было назвать кого-нибудь «невиннымъ созданіемъ», такъ именно эту дѣвочку. Она не знала въ сущности ничего изъ жизни человѣчества. Ея

мозгъ на семнадцатомъ году былъ въ такомъ же младенческомъ состояніи, какъ и на пятомъ году, съ тою только разницею, что на пятомъ году жизни она не была такою трусихою, какою сдѣлалась на семнадцатомъ. Теперь она боялась и темной комнаты, и покойниковъ, и грозы, и сердитыхъ людей, и гнѣвнаго Бога, о Которомъ она только и знала одно то, что Онъ можетъ наказать и наказываетъ людей. Можетъ-быть, она прожила бы такъ и долго, если бы у нея внезапно не умерла бабка. Тотчасъ послѣ похоронъ «матушки-генеральши» пріѣхалъ сынъ покойницы, отпустилъ старыхъ слугъ, а потомъ выгналъ и молоденькую дѣвочку. Когда ее выгоняли, ей сказали, что она незаконная дочь старшаго сына покойницы, убитаго на войнѣ, и потому не имѣетъ права на наслѣдство. Ей было такъ страшно въ томъ домѣ, гдѣ недавно еще была покойница, что она была почти рада, вырвавшись послѣ похоронъ на улицу изъ мрачнаго дома бабки. Такъ вырывается изъ клѣтки птица, не думая, что на свободѣ она, можетъ-быть, не найдетъ корму. Но эта радость быстро прошла, когда дѣвушка увидала, что ей приходится остаться на мостовой на ночь, что у нея нѣтъ ни денегъ, ни знакомыхъ, ни родныхъ. Она зашла въ Александровскій паркъ, сѣла на скамью и заплакала. Каждый встрѣчный могъ въ эту минуту сдѣлать съ нею, что угодно. Въ это же время на скамью присѣлъ Леонидъ Григорьевичъ Зиминъ. Онъ пѣшкомъ ходилъ къ какому-то должнику на Аптекарскій островъ и, возвращаясь домой, присѣлъ усталый отдохнуть въ паркѣ. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное, длинное пальто на ватѣ, несмотря на теплую весеннюю погоду, на немъ была нахлобучена теплая фуражка и намотанъ вокругъ шеи вязанный шарфъ. Онъ былъ занятъ своими расчетами процентовъ, неустоекъ, учета, пониженія и повышенія процентныхъ бумагъ. Онъ не могъ привлечь на себя вниманія молодой дѣвушки и не могъ заинтересоваться ею. Но она плакала все неутѣшнѣе и неутѣшнѣе. У него были больные нервы чахоточнаго человѣка. Его раздражали эти рыданія.

— Чего вы?—грубо спросилъ онъ.—Потеряли что-нибудь?

Онъ не могъ себѣ представить, чтобы человѣкъ плакалъ о чемъ-нибудь, кромѣ потери.

— Бабушка у меня умерла,—всхлипывая, отвѣтила она.

— Не Аридовы же вѣки жить,—пробормоталъ онъ.—Чего же вы-то здѣсь сидите: плакали бы дома.

— Меня выгнали оттуда... я незаконная внучка...—рыдала молодая дѣвушка.

— Выгнали? Куда?
— На улицу.
— Что-жъ, у васъ есть деньги?
— Нѣтъ!
— А знакомые?
— Никого!
— Куда же вы пойдет
— Мнѣ некуда идти!

Зиминъ искоса осмотрѣлъ ее. Она была похожа на пухленькаго ребенка. Ему показалось, что онъ когда-то и гдѣ-то видѣлъ это личико.

— Да кто была ваша бабушка?—спросилъ онъ.
— Генеральша Трощинская,—отвѣтила дѣвушка.
— А! такъ я васъ у нея видѣлъ!

Онъ теперь ясно вспомнилъ, что онъ видѣлъ эту дѣвушку, приходя нѣсколько разъ на зовъ генеральши Трощинской, закладывавшей у него свои послѣднія золотыя вещи. Онъ помнилъ даже, какъ генеральша хвастала своею любовью къ внучкѣ, «которую она могла бы бросить», и какъ старуха прибавляла къ этому, что она, «впрочемъ, не можетъ жаловаться на неблагодарность дѣвочки». Можетъ-быть, ему стало жаль эту дѣвочку, судьба которой походила на его судьбу; можетъ-быть, онъ сообразилъ, что она можетъ сдѣлаться даровой его работницей; можетъ-быть, онъ вспомнилъ, что у него недавно умеръ отъ чахотки старый конторщикъ и что этого конторщика можно замѣнить ею,—это трудно опредѣлить.

— Хотите идти ко мнѣ жить?—спросилъ онъ ее.
— Если вы возьмете меня.
— Вы не боитесь, что я васъ обижу?
— Чѣмъ же?
— Мало ли чѣмъ можно обидѣть такую молодую дѣвушку.

Она подняла на него дѣтски-недоумѣвающій взглядъ. Онъ понялъ, что она вовсе не сознаетъ, что ее можно чѣмъ-нибудь обидѣть.

Съ этого дня она поселилась у Зимина въ качествѣ конторщицы при его гласной кассѣ ссудъ. Онъ относился сначала къ ней просто, грубо, сухо, раздражительно, какъ онъ относился къ своей Дарьѣ, какъ относился когда-то къ прежнему своему конторщику, сердясь, что новая конторщица не могла сразу понять своихъ обязанностей. Въ седьмомъ часу онъ самъ будилъ молодую дѣвушку, толкая ее костлявою рукою въ плечо и говоря ей грубымъ голосомъ:

— Вѣчно васъ будить надо, сами проснуться не можете.

Вечеромъ онъ провѣрялъ съ нею кассовую книгу до двѣнадцати часовъ, не обращая никакого вниманія на ея утомленіе, не смотря на ея лицо. Онъ являлся передъ нею въ халатѣ, въ туфляхъ, почти въ той одеждѣ, въ которой спалъ, и не находилъ въ этомъ ничего неприличнаго. Онъ видѣлъ въ ней конторщицу, что-то въ родѣ машины, нѣчто въ родѣ механическихъ счетовъ. Но природа взяла свое.

Леонидъ Григорьевичъ Зимнинъ, отставной поручикъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, былъ человѣкъ лѣтъ тридцати девяти, сорока. Онъ, какъ онъ самъ выражался, воспитывался въ кружевныхъ и атласныхъ пеленкахъ. Восемнадцати лѣтъ онъ былъ выпущенъ въ офицеры, въ гвардію. Въ это время внезапно умеръ его отецъ, а за отцомъ скоро умерла и мать. Онъ сдѣлался наслѣдникомъ неоплатныхъ долговъ, оставленныхъ ему вмѣсто богатства мотами-родителями. Это такъ на него подѣйствовало, что онъ сдѣлался постепенно мизантропомъ, скрягой, ростовщикомъ. Сначала онъ затворился отъ своихъ старыхъ друзей, съ которыми онъ кутилъ напропалую съ шестнадцати лѣтъ и которые бросили его во время его бѣдности, потомъ онъ началъ копить деньги на черный день съ твердымъ намѣреніемъ еще пожить въ свое удовольствіе; далѣе онъ сталъ отдавать эти деньги подъ залогъ, наконецъ, долженъ былъ вслѣдствіе этого выйти изъ полка, открылъ гласную кассу ссудъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ алчныхъ ростовщиковъ. Его характеръ портился, черствѣлъ, омрачался постепенно: ударъ, нанесенный ему его покойными отцомъ и матерью, необходимость рѣзко перемѣнить образъ жизни, холодность друзей, еще наканунѣ ухаживавшихъ за нимъ, какъ за наслѣдникомъ богатыхъ людей, разрывъ со всѣми родными, которые не протянули ему руки помощи, горечь при сознаніи, что онъ долженъ отказывать себѣ во всѣхъ удобствахъ и удовольствіяхъ, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства и которыми еще пользовались его вчерашніе друзья,—все это раздражало, бѣсило, доводило до болѣзненности молодого человѣка. Ему хотѣлось кому-то отомстить, кого-то затоптать въ грязь, и онъ, зная по опыту, какое значеніе имѣютъ деньги, добивался только ихъ, добивался всѣми путями. Деньги уже стали скапливаться въ его рукахъ, но ему все казалось, что ихъ еще мало, что, начавъ ихъ тратить, онъ легко можетъ впасть въ нищету, и онъ продолжалъ дрожать надъ каждымъ грошемъ, отказывать себѣ во всемъ. Когда ему удалось ско-

пить порядочный капиталецъ, онъ былъ уже не особенно молодъ, страдалъ чахоткою, видѣлъ близость смерти. Въ это время судьба столкнула его съ Софьею Дмитріевной. Сначала онъ ее какъ будто не замѣчалъ, не считалъ за дѣвушку. Но разъ какъ-то онъ пришелъ домой и засталъ ее за піанино, которое только-что заложили къ нему. Она играла попури изъ «Лючіи». Онъ вошелъ въ комнату и остановился. Чѣмъ-то прошлымъ, давно забытымъ, пахнуло на него. На минуту передъ нимъ пронеслись какія-то нѣкогда дорогія ему картины театра, музыки, нарядной толпы, аплодисментовъ, веселаго движенія. Онъ испугался и рѣзко обратился къ молодой дѣвушкѣ:

— Прошу у меня не играть!.. Лучше занимайтесь дѣломъ... Книги надо привести въ порядокъ, свести итоги... а вы...

Онъ оборвалъ фразу на полусловѣ и подошелъ къ конторкѣ.

Молодая дѣвушка подняла на него удивленные и добрые глаза и отошла отъ піанино. Ее удивило, что его сердитъ музыка. Она не знала, что онъ раздражился отъ нахлынувшихъ воспоминаній, что онъ испугался ихъ, какъ узникъ пугается веселаго шума свободы послѣ мрачнаго затишья тюрьмы. На слѣдующій день поутру, онъ, страдавшій вѣчной безсонницей и особенно тревожно проведшій эту ночь, по обыкновенію разбудилъ служанку и пошелъ будить молодую дѣвушку, жившуюся на кушеткѣ. Подойдя къ ней, онъ невольно остановился и впервые взглянулъ на нее во время ея сна. Ея лицо горѣло молодымъ румянцемъ, ея полуобнаженныя руки и грудь были полненькія, какъ у здоровенькаго ребенка. Она производила впечатлѣніе и малютки, и выхоленной дѣвушки-невѣсты. Впервые Зимину стало жаль будить ее, и онъ, посмотрѣвъ еще немного на ея раскраснѣвшееся личико съ полуоткрытымъ ртомъ, махнулъ рукою, отошелъ прочь и сѣлъ въ другой комнатѣ у окна, опустивъ голову на обѣ руки. Прошлое, его свѣтлое прошлое, снова воскресло передъ нимъ, но онъ уже не отгонялъ этихъ воспоминаній, не сердился на нихъ. Онъ просто плакалъ. Въ его надломленной, нервной натурѣ проснулась снова жажда жизни, и онъ боялся теперь одного, что начинать жить было уже поздно.

— Я проспала сегодня,—замѣтила дѣвушка, проснувшись и одѣвшись черезъ часъ.

— Ничего! Когда же и спать, какъ не въ ваши лѣта. Это намъ, старикамъ, не спится,—грустнымъ тономъ сказалъ Зиминъ.

— Развѣ вы старикъ?—проговорила она.

— А вы думаете, молодъ?—горько усмѣхнулся онъ.

— Разумѣется! Вамъ лѣтъ сорокъ...

— Тридцать восемь...

— Ну, вотъ видите, мужчина сорокъ лѣтъ—молодой. Бабенька всегда говорила: сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ; а для мужчины—пора жениться.

— Вотъ какъ!

Онъ задумался.

Для чего онъ живетъ? Для чего онъ добываетъ деньги? Для кого копитъ богатство? Когда онъ начиналъ копить, онъ думалъ скопить деньги для веселой, безпечной жизни въ будущемъ, потомъ копить деньги вошло въ привычку, въ потребность, сдѣлалось цѣлью, а не средствомъ; годы уходили, а онъ все еще не жилъ, а только собиралъ средства для жизни. Когда послѣ безсонной ночи онъ снова пришелъ будить молоденькую дѣвушку, онъ уже былъ самъ не свой, онъ уже сладострастно впился въ нее глазами; онъ хотѣлъ дотронуться до ея плеча, чтобы разбудить ее, и безсознательно нагнулся и поцѣловалъ ее въ губы.

— Ахъ, это вы?—открыла она глаза и, кажется, удивилась только тому, что его лицо наклонилось такъ близко къ ея лицу.

— Софья Дмитріевна, Соня,—прошепталъ онъ:—полюбите меня...

У него захватило дыханіе. Онъ любилъ, онъ признавался въ любви впервые на тридцать восьмомъ году жизни, какъ школьникъ, неумѣло, несмѣло, смѣшно, стоя у постели той кого любилъ.

— Да развѣ я васъ не люблю?—простодушно отвѣтила она.—Какъ же мнѣ васъ не любить, вы меня спасли...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что спасенье!—пробормоталъ онъ.

— Любите меня не за это, а такъ... какъ мужа...

Она смотрѣла въ недоумѣніи.

— Я не знаю... какъ же...—говорила она.—Какъ мужа любятъ... я не знаю...

— Будьте моею... выйдите за меня замужъ... живите вѣчно, вѣчно со мной,—шепталъ онъ.

— Куда же мнѣ больше идти? У меня никого нѣтъ, кромѣ васъ,—отвѣтила она.

— Такъ вы согласны?.. Соня, милая!

Онъ обнялъ, онъ цѣловалъ ее страстно, мучительно. Она

испугалась этихъ непривычныхъ, дикихъ для нея порывовъ страсти.

Они обвѣнчались, они сдѣлались мужемъ и женою. Онъ обожалъ ее и тиранилъ; онъ тиранилъ ее ласками, тиранилъ ревностью, тиранилъ подозрѣніями, тиранилъ упреками. Почему? Потому, что онъ былъ боленъ, а она здорова; потому, что онъ обожалъ ее, а она только позволяла дѣлать съ собой, что угодно; потому, что онъ увядалъ, а она расцвѣтала; потому, что иногда въ тѣ минуты, когда ему хотѣлось ласкать и ласкать ее, онъ падалъ, задыхаясь отъ кашля, почти безъ чувствъ, къ ея ногамъ, и сознавалъ, что онъ самъ добиваетъ себя, разрушаетъ свое здоровье этою любовью. Она, съ своей стороны, играла роль жены такъ же, какъ она играла роль бухгалтера; ее можно было заставить написать какой угодно длинный счетъ, и она исполняла это въ точности, но безъ приказанія она не вписала бы въ книгу и двухъ цифръ; ее можно было заставить поцѣловать мужа десять разъ въ день, но сама по себѣ она не дала бы мужу и одного поцѣлуя въ годъ. Лично для нея ни эти счеты, ни эти поцѣлуи не имѣли никакого интереса: они не составляли для нея потребности, они были ей не нужны, они были для нея работою, а не наслажденіемъ.

— Скажи ты мнѣ, кого ты любишь? Кого?—кричалъ иногда мужъ, выходя изъ себя при видѣ ея равнодушной покорности, при видѣ отсутствія въ ней страсти.

— Я, право, не знаю, что ты говоришь?—съ недоумѣніемъ говорила она.

— Ну да, кто твой любовникъ?

— Любовникъ?

— Не притворяйся! Не притворяйся! Вѣдь ты ненавидишь меня!

— Тебя? За что же? Я тебѣ такъ благодарна! Ты добрый...

— Да развѣ такъ любятъ?

— А какъ же надо любить? Ты скажи, я готова все сдѣлать...—наивно произносила она, смотря на него испуганными и ребяческими глазами.

Онъ хватался за голову и рыдалъ, крича:

— Уйди! уйди отъ меня!

Потомъ онъ плакалъ и вымаливалъ себѣ прощеніе, называя ее «чистымъ ребенкомъ», «невиннымъ созданіемъ», «женщиной-дѣвственницей». Онъ былъ правъ: это была

дѣвственница въ нравственномъ отношеніи; она еще не понимала возможности стремиться къ наслажденіямъ любовью.

Такъ прошло два года, когда однажды въ ихъ гласную кассу ссудъ зашелъ молодой гвардейскій офицеръ. Она сидѣла за піанино и играла вальсъ изъ «Фауста» Гуно. Услышавъ звонокъ отворившейся двери, она встала и зашла за конторку. Она увидѣла передъ собою красиваго, ловкаго, развязнаго молодого человѣка въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ. Онъ, гремя саблею, небрежно и развязно подошелъ къ конторкѣ и подалъ молодой женщинѣ часы.

— Пожал-ста, поскорѣе,—небрежно проговорилъ онъ носовымъ акцентомъ.—Потерялъ сейчасъ деньги и нечѣмъ даже за ка-ету заплатить...

Онъ красиво облокотился на выручку и безцеремонно разсматривалъ молодую женщину. Покуда она оцѣняла часы, онъ, кажется, оцѣнялъ ее, эту вещь, называемую «молоденькой женщиной».

— Вы по цѣлымъ днямъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она.

— Это очень скучно, должно-быть,—сказалъ онъ.

— Отчего же?—спросила она и объявила ему цѣну.

— Какъ отчего?.. Вы такъ мо-оды, такъ хо-оши собою, вамъ надо бы жить, веселиться... Здѣсь такъ неуютно...

Онъ проболталъ еще десять минутъ и ушелъ, получивъ деньги. Ей было странно, что онъ объяснялся съ нею такъ просто, такъ развязно, какъ старый знакомый. Ее поразило его красивое лицо, его развязная ловкость. Дня черезъ два онъ опять зашелъ къ ней заложить портсигаръ и кольцо.

— Я къ вамъ скоро перетаскаю все свое имущество, чтобы только видѣть васъ,—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Чтобы видѣть меня?—простодушно удивилась она.

— Да... меня такъ и тянетъ къ вамъ взглянуть на васъ.

— Сколько вамъ дать за вещи?

— Ахъ, мнѣ все равно!..

Въ это время его бросила молодая вдова-купчиха, которую прельстилъ больше, чѣмъ онъ, ея молодой рослый приказчикъ.

— Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе вы произвели на меня,—продолжалъ онъ.

— Я вамъ не могу дать болѣе двадцати рублей,—сказала она.

— Вы все говорите о деньгахъ!.. Что деньги, когда мнѣ хочется смотрѣть на васъ, смотрѣть безъ конца.

— Мой мужъ...

— Я знаю вашего мужа: это сухой, суровый человѣкъ безъ сердца.

— Вотъ деньги...

— Богъ съ вами, вы совсѣмъ не хотите меня слушать.

Онъ опять протянулъ руку, и когда она подала ему свою руку, онъ быстро прильнулъ къ ней губами. Она даже не вскрикнула, не отдернула руки. Ея лицо только вспыхнуло еще болѣе.

— Ради Бога уйдите,—прошептала она.

Онъ ушелъ, она опустилась на стулъ и словно замерла. Въ ея воображеніи стоялъ его образъ, она еще чувствовала на своей рукѣ прикосновеніе этихъ пышныхъ, горячихъ губъ съ мягкими вьющимися усиками, она еще ощущала пожатіе этой нѣжной, красивой руки. Впервые она понимала, что любовь можетъ дать наслажденіе, любовь къ такому красивому, здоровому молодому человѣку. Когда дня черезъ три онъ опять принесъ что-то въ залогъ, она и испугалась, и обрадовалась. Когда онъ протянулъ ей руку, когда онъ поцѣловалъ ея руку, она тихо прошептала:

— Что вы со мной дѣлаете!

Они сошлись. Она отдалась ему безъ думъ, безъ размышленій, отдалась вполнѣ, не думая, что она измѣняетъ мужу, что она грѣшитъ, что она падаетъ. Такъ сходятся самки съ самцами у животныхъ. Она любила его и не понимала, что она не имѣетъ права любить его. Ея нравственныя понятія были такъ же узки, какъ ея кругозоръ, какъ ея опытность, какъ ея умъ. Когда-то ея бабка и гувернантка выучили ее молитвамъ и заповѣдямъ, и этимъ ограничивались всѣ ея понятія о нравственности. Она знала заповѣдь: «не прелюбы сотвори», но она совершенно не знала, что значатъ эти слова: маленькой дѣвочкѣ считали неприличнымъ объяснять значеніе этихъ словъ; когда она выросла, ей забыли ихъ объяснить. Она не говорила своему мужу о своей связи, но только потому, что инстинктивно боялась его. Она сдѣлалась холоднѣе къ мужу, не перестала любить его по-своему, то-есть отдаваться его ласкамъ и говоритъ: «онъ добрый, онъ такъ много для меня сдѣлалъ, онъ спасъ меня».

Петръ Павловичъ Муратовъ—это былъ онъ—подкупилъ служанку Зиминыхъ и устраивалъ частыя свиданія съ Софьей Дмитріевной. Онъ почти всегда уносилъ ея вещи, такъ какъ ему нужны были деньги, деньги и деньги; онъ

взялъ даже ея билеты и заложилъ ихъ, а не продалъ, чтобы имѣть возможность отрѣзать въ срокъ купоны, которые мѣнялъ самъ Зиминъ. Софья Дмитріевна, трусиха по натурѣ и по воспитанію, сильно боялась, что въ одинъ прекрасный день мужъ спроситъ у нея и эти вещи, и эти билеты, подаренные ей имъ же, но отказать Муратову она не могла ни въ чемъ. Ему достаточно было сказать, что онъ долженъ по неимѣнію средствъ уѣхать изъ Петербурга, и она отдавала все. Впрочемъ, онъ утѣшалъ ее тѣмъ, что мужъ ея не проживетъ долго, и тогда некому будетъ спрашивать у нея отчета, тогда они соединятся.

Но отчего же не соединиться бы теперь? Этого вопроса она не задавала себѣ. Она боялась даже мысли объясниться съ мужемъ, она была убѣждена, что его не слѣдуетъ огорчать; она не видѣла ничего страннаго въ томъ, что она живетъ съ Муратовымъ, какъ не видѣла ничего страннаго въ томъ, что съ нею живетъ ея мужъ. Только когда Муратовъ уходилъ, она нерѣдко плакала,—плакала о томъ, что онъ ушелъ, какъ дѣти плачутъ, когда у нихъ для ихъ же пользы отнимаютъ излишнія лакомства.

Теперь, сидя въ кухнѣ, она тоже плакала, всхлипывая и оттопыривая губы, какъ ребенокъ. Рѣзкій звонокъ заставилъ ее очнуться. Она начала поспѣшно отирать слезы.

— О, чтобъ его не было! Вѣчно напугаетъ!—проворчала проснувшаяся Дарья и пошла отворять двери.

— Опять плакала?

Это были первыя слова, которыми встрѣтилъ мужъ жену.

— О чемъ?.. Скучно?.. Мужъ надоѣлъ?..

— Ты все сердишься,—проговорила робко жена.

— Сержусь!.. Очень тебя заботитъ это!.. Не все равно тебѣ, огорчаюсь я или нѣтъ.

— Полно, Леня... Зачѣмъ же браниться... Скажи лучше просто, въ чемъ я виновата...

— Во всемъ, во всемъ,—проговорилъ онъ, закашлявъ.

Онъ говорилъ теперь менѣе сердито, какъ человѣкъ, ворчавшій по привычкѣ, безъ цѣли, безъ сознанія.

Онъ присѣлъ на стулъ, вынулъ бумажникъ и молча началъ считать деньги, потомъ онъ сложилъ ихъ пачками, перевязалъ бечевками, щелкнулъ замкомъ несгораемаго шкапа, уложилъ туда деньги и снова сѣлъ у стола. Прошло около четверти часа. Онъ мелькомъ взглянулъ на жену. Она сидѣла поодаль, опустивъ на колѣни руки, какъ провинившійся ребенокъ.

— Соня!—позвалъ онъ ее.

— А?—очнулась она.

— Ты сердишься?

— За что же, Леня?

— Я тебя все обижаю!

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руки.

— Ты прости меня. Я больной, измученный, изломанный человѣкъ! Я не на тебя сержусь. Я сержусь на людей, на судьбу, на себя! Я сержусь на то, что моя жизнь изломана, что я приближаюсь къ могилѣ, а между тѣмъ, именно теперь мнѣ хотѣлось бы жить и жить, когда у меня есть и деньги, и ты, моя ненаглядная, дорогая!.. Я знаю, что ты мученица, но что же мнѣ съ собою дѣлать, когда я самъ исковеркалъ свой характеръ, когда люди исковеркали меня.

Онъ опустился передъ нею на колѣни.

— Вѣдь ты все же любишь меня?

— Люблю... ты добрый,—отвѣтила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, я злой, злой!.. Ты брани, упрекай меня... Мнѣ будетъ легче... веселѣе...

— За что же?

— Ахъ, если бы ты знала, какъ я люблю тебя, какъ хочу жить для тебя, съ тобою!

Онъ цѣловалъ ея руки, ея платье, припадая головой къ ея колѣнямъ. Онъ опять и опять спрашивалъ ее:

— Вѣдь ты любишь меня? Да?

— Люблю,—отвѣчала она.

— Да, да... Если бы ты сказала мнѣ, что ты не любишь меня, я не знаю, что я сдѣлалъ бы... Я сошелъ бы съ ума я убилъ бы и тебя, и себя!.. Да, убилъ бы тебя!..

Ей становилось жутко отъ этихъ словъ. Но онъ не замѣчалъ ничего. Онъ снова порывисто, лихорадочно обнималъ жену. Это была нервная, безумная, болѣзненная страсть. Потомъ онъ немного успокоился и въ сотый разъ говорилъ ей:

— До встрѣчи съ тобой я не зналъ, что значитъ любовь. Мальчишкой я кутилъ, развратничалъ, потомъ жилъ только для денегъ; я собиралъ ихъ сначала, чтобы поправить дѣла, потомъ это вошло въ привычку, въ страсть. Ради нихъ я забылъ людей, жизнь, самого себя. Ты заставила меня очнуться, сдѣлала снова человѣкомъ. Теперь я хочу жить для себя и для тебя. Какъ только приведу я въ порядокъ наши дѣла, мы уѣдемъ за границу, я буду лѣчиться, я еще воскресну, и тогда... тогда ты увидишь, какъ мы

весело заживемъ. Я понимаю, что тебѣ скучно, что тебѣ нужна другая жизнь...

Она боялась его мечтаній о путешествіи еще болѣе, чѣмъ его угрозъ убить и ее, и себя, если она его разлюбитъ.

— Нѣтъ, мнѣ хорошо и такъ, я привыкла,—пробормотала она дрожащимъ голосомъ.

— Привыкла? Это страшное слово, Соня! — перебилъ онъ.—Не произноси его... Привыкнуть ко всему можно, привычкой можно убить въ себѣ всѣ человѣческія чувства, всѣ человѣческія стремленія. Нѣтъ, я не хочу, чтобы ты погубила себя, очерствѣла, замерла, привыкнувъ къ нашей жизни. Я самъ теперь начинаю ненавидѣть эту жизнь, къ которой я привыкъ... Мы должны зажить иначе, шумнѣе, веселѣе... Я былъ до сихъ поръ кротомъ, меня занималъ процессъ нарастанія капитала... Теперь кротъ вырвется на свѣтъ Божій, сдѣлается опять человѣкомъ... И какъ оживешь ты, какъ расцвѣтешь ты за границей... Можетъ-быть, у насъ будутъ еще дѣти...

И снова онъ цѣловалъ и обнималъ свою жену, свою «терпѣливую мученицу». Ее не смущала эта любовь, ее не тяготили эти ласки, ей не казалось страннымъ, что ее любятъ въ одно и то же время два человѣка, какъ не смущало ее когда-то и то, что ее въ одно и то же время любили и бабенька, и няня, и гувернантка. Она только боялась, чтобъ мужъ какъ-нибудь не узналъ о Муратовѣ; она только боялась, чтобъ мужъ дѣйствительно не увезъ ее за границу.

IV.

Проснувшись рано утромъ, Муратовъ нашелъ на своемъ мѣстѣ около постели записку отъ Софьи Дмитріевны. Онъ торопливо разорвалъ конвертъ и увидалъ письмо и вексель на пятьсотъ рублей. Его лицо оживилось. Онъ едва пробѣжалъ глазами страстное посланіе молодой женщины и сталъ торопливо разсматривать вексель. Онъ былъ написанъ по формѣ, какъ слѣдуетъ. Муратовъ ожилъ. Этотъ вексель обѣщалъ ему въ близкомъ будущемъ еще нѣсколько болѣе крупныхъ векселей отъ Зиминой. Нужно было только узнать цѣнность этого перваго векселя на денежномъ рынкѣ. Муратовъ торопливо одѣлся, чтобы ѣхать къ знакомому еврею Исааку Кречмеру, который уже не разъ принималъ отъ Муратова въ учетъ различные векселя тѣхъ или другихъ

мужчинъ и женщинъ. Но прежде чѣмъ ѣхать къ этому господину, Петру Павловичу нужно было заложить брошь, такъ какъ у него не было ни копейки въ карманѣ даже на извозчика. Онъ вышелъ изъ дома, сѣлъ въ первыя попавшіяся сани и отправился закладывать брошь. Получивъ за нее сто рублей, онъ направился къ Кречмеру.

Старый еврей жилъ скромно. Отъ его небольшой квартиры двѣ комнаты были отведены подъ контору. Въ этихъ комнатахъ не было ничего лишняго, ничего говорившаго о личныхъ вкусахъ хозяина. Отъ голыхъ стѣнъ, оклеенныхъ обоями подъ дубъ, отъ прочныхъ вѣнскихъ стульевъ изъ свѣжаго бука съ плетеными сидѣньями, отъ дубовыхъ, блестѣвшихъ лакомъ письменныхъ столовъ съ скромными чернильницами безъ всякихъ украшеній, отъ блестящихъ лакомъ свѣтлыхъ конторокъ конторы вѣяло чѣмъ-то нежилымъ, чѣмъ-то строгимъ и холоднымъ. Въ первой комнатѣ сидѣли два молодые конторщика, длинные, худые, изжелта-блѣдные евреи съ горбатыми, заостренными носами, всегда безмолвные, всегда согнувшіеся надъ своими конторками, похожіе скорѣе на восковыхъ куколъ, чѣмъ на живыхъ людей. Во второй комнатѣ занимался самъ Кречмеръ за письменнымъ столомъ, отдѣлявшимъ его отъ посѣтителей подобно крѣпкой баррикадѣ. Въ глубинѣ комнаты за стуломъ хозяина была дверь, за которою, вѣроятно, былъ другой міръ, шла другая жизнь, но въ эту дверь не проникалъ никто изъ приходившихъ сюда «по дѣламъ». Самъ Кречмеръ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ этой офиціальной обстановкой. Плотный, серьезный старикъ съ холоднымъ выраженіемъ лица, съ горбатымъ носомъ, съ проницательными безстрастными глазами, смотрѣвшими на бумаги сквозь очки и на людей сверхъ очковъ, былъ, казалось, недоступенъ никакимъ другимъ интересамъ, кромѣ своихъ дѣлъ.

Петръ Павловичъ давно зналъ эту контору, давно обдѣлывалъ въ ней свои «дѣла» по учету векселей, но каждый разъ онъ терялъ бодрость духа, свою выработанную долголѣтней свѣтской жизнью развязность при входѣ въ эту контору. Онъ, не стѣсняясь, разсказывалъ своимъ друзьямъ свои довольно пошленькія и грязненькія похожденія, онъ беззастѣнчиво бралъ отъ любившихъ его женщинъ деньги и подарки, онъ дерзко и нахально относился ко всѣмъ торгашамъ, купцамъ, людямъ, живущимъ трудомъ, но при входѣ въ эту контору, гдѣ всѣ, казалось, были глухи и нѣмы, гдѣ его принимали съ холодной вѣжливостью, гдѣ

онъ доставлялъ хозяину извѣстные барыши, онъ испытывалъ какое-то странное чувство неловкости, смущенія. Онъ, кажется, чутьемъ угадывалъ, что Кречмеръ, всегда предупредительный и готовый къ услугамъ, смотритъ на него съ презрѣніемъ, какъ на мелкаго плута, и зорко слѣдитъ, чтобы не попасть ему на мошенническую удочку. Его конфузилъ пристальный осмотръ Кречмеромъ каждаго векселя, каждой подписи. Онъ, вертѣвшійся въ томъ кругу, гдѣ деньги не считались, гдѣ никто не обращалъ вниманія, какую бумажку ему даютъ, фальшивую или настоящую, не могъ понять самой обыкновенной осмотрительности дѣлового человѣка и приписывалъ ее недовѣрію, подозрительности, принимая это за личную обиду. На этотъ разъ онъ чувствовалъ себя еще болѣе неловко, не зная навѣрное, согласится ли Кречмеръ учесть вексель Зиминой. Онъ, кусая губы, дотронулся до пуговки электрическаго звонка. Дверь безъ шума отворилась въ ту же минуту. Онъ сбросилъ съ себя пальто и спросилъ у безмолвно стоявшаго передъ нимъ мальчика-еврея:

— Господинъ Кречмеръ у себя?

Мальчикъ молча указалъ на дверь, ведущую въ контору. Муратову оставалось только войти, потому что Кречмеръ по обыкновенію былъ по-утру дома. Петръ Павловичъ оправилъ сюртукъ и вошелъ въ первую комнату. Молодые конторщики-евреи сидѣли на своихъ мѣстахъ и даже не пошевелились при его появленіи, продолжая писать. Они, казалось, срослись съ своими стульями. Муратовъ замѣтилъ только, что ихъ зоркіе глаза на мгновеніе скользнули по его фигурѣ, хотя ихъ головы продолжали оставаться въ прежнемъ положеніи, сильно пригнувшись къ конторкамъ.

Онъ неловкою походкою, подобравъ саблю, прошелъ во вторую комнату.

Старикъ Кречмеръ тоже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, придерживая одною широкою и плоскою рукою въ перстняхъ раскрытую шнуровую книгу и положивъ другую руку на счеты. Не поднимая головы, но поднявъ глаза и брови, онъ сверхъ очковъ окинулъ своимъ ястребинымъ взглядомъ вошедшаго, неторопливо закрылъ книгу и, указавъ на стулъ, стоявшій около стола противъ его кресла, вѣжливо проговорилъ:

— Прошу! Чѣмъ могу служить?

— У меня есть дѣло, — началъ Муратовъ, бросивъ на столъ фуражку и садясь на стулъ.

Еврей молчалъ и ждалъ объясненія дѣла. Муратовъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ вынуть вексель и спросить, согласится ли Кречмеръ его учесть, но, несмотря на все желаніе поскорѣе выбраться отсюда, онъ не могъ сразу сдѣлать это и вмѣсто векселя вытащилъ портсигаръ, проговоривъ:

— Вы позволите?

Кречмеръ молча подвинулъ ему спички. Старикъ долголѣтнимъ опытомъ убѣдился, что лучше всего дѣлать наблюденія надъ людьми молча, вызывая молчаніемъ ихъ болтливость. Муратовъ зналъ неразговорчивость Кречмера, и все-таки въ его головѣ промелькнула мысль, что Кречмеръ слѣдитъ за нимъ, какъ за мошенникомъ. Онъ былъ отчасти правъ, потому что Кречмеръ считалъ всѣхъ людей мошенниками. Это обстоятельство вовсе не огорчало, не озлобляло старика, но только дѣлало осторожнѣе. Онъ заботился только о томъ, чтобы не сдѣлаться жертвою людского мошенничества, которое онъ считалъ такимъ же неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ потребность людей ѣсть и пить.

— У меня есть вексель, — началъ Муратовъ, затянувшись папиросой и выпуская клубъ дыма.

Кречмеръ молчалъ.

— Я хотѣлъ бы его учесть. Вы можете это сдѣлать? — спросилъ Петръ Павловичъ.

— Я, какъ вы знаете, учитываю векселя, — отвѣтилъ Кречмеръ.

— Такъ пожалуйста,—оживленно заговорилъ Петръ Павловичъ.—У меня немного запутались дѣла вслѣдствіе приготовленій къ женитьбѣ; всѣ эти расходы требуютъ столько денегъ. Конечно, было бы лучше не учитывать всѣ эти векселя и не переплачивать за учетъ, но что станете дѣлать! Мы не умѣемъ изворачиваться такъ, какъ вы, дѣловые люди!

Онъ старался быть развязнымъ, старался придти въ свое обыкновенное состояніе духа. Онъ досталъ бумажникъ, развернулъ его такъ, чтобы Кречмеръ увидалъ тамъ пачку кредитныхъ билетовъ, и, вытащивъ вексель, передалъ его Кречмеру. Кречмеръ неторопливо развернулъ вексель, положилъ его на столъ, разгладилъ широкою ладонью и, опустивъ брови и глаза, неторопливо прочелъ его отъ начала до конца, разсматривая его сквозь очки. Петръ Павловичъ чувствовалъ, что у него замерло сердце, что въ эту минуту онъ не могъ бы отвѣтить безъ запинки, безъ заиканій, если

бы кто-нибудь посторонній заговорилъ съ нимъ. Дочитавъ вексель, Кречмеръ перевернулъ его на лѣвую чистую сторону, посмотрѣлъ на нее, снова сложилъ вексель и передалъ его Муратову.

— Этого векселя я не приму къ учету! — ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Муратовъ поблѣднѣлъ.

— Позвольте... вы же учитывали мнѣ столько разъ векселя,—началъ онъ оборвавшимся отъ волненія голосомъ.

Кречмеръ, видя, что Муратовъ не беретъ обратно векселя, положилъ его около фуражки посѣтителя.

— Эта бумажка не имѣетъ никакой цѣнности,—пояснилъ Кречмеръ.

— Я васъ не понимаю!—волновался Муратовъ.—Что же, вы сомнѣваетесь въ дѣйствительности этого векселя, въ подлинности его подписи, въ томъ, что госпожа Зимина пожелаетъ уплатить деньги въ срокъ?

— Госпожа Зимина не имѣетъ ровно ничего, и ей нечѣмъ будетъ уплатить по этому векселю,—равнодушно отвѣтилъ Кречмеръ, снова раскрывая шнуровую книгу и какъ бы желая этимъ выразить, что разговоръ конченъ.

— Но вы забываете, что это жена человѣка, который можетъ во всякое время уплатить десятки такихъ векселей,—загорячился Муратовъ, чувствуя, что послѣднія его надежды лопаются.

— И вы думаете, что онъ уплатитъ по *этому* векселю?—съ удареніемъ произнесъ Кречмеръ и взглянулъ черезъ очки испытующимъ взглядомъ на Муратова.

Муратовъ пожалъ плечами, чтобы скрыть свое смущеніе, и проговорилъ, стараясь придать своему голосу ироническій оттѣнокъ:

— Я думаю, никто не пожелаетъ компрометировать свою жену и себя.

— Въ такомъ случаѣ позвольте оставить вексель до завтра и справиться у господина Зимина или попросите его поставить бланковую надпись, — сказалъ Кречмеръ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица Муратова.

Муратовъ растерялся окончательно. Онъ чувствовалъ, что старикъ видитъ въ его предложеніи мошенническую продѣлку.

— Я этого не могу допустить, — прошепталъ онъ упавшимъ голосомъ. — Госпожа Зимина не желаетъ, то-есть ей теперь надо...

Онъ совершенно спутался и замолчалъ. Ему впервые

приходилось находиться въ такомъ скверномъ положеніи. Во всѣ прежніе визиты къ Кречмеру онъ чувствовалъ себя неловко просто потому, что старикъ имѣлъ привычку слишкомъ подробно разсматривать векселя, слишкомъ односложно предлагать свои условія, слишкомъ холодно встрѣчать его. Теперь онъ чувствовалъ, что старикъ поймалъ его, какъ мошенника, желавшаго залѣзть въ его карманъ, и убиваетъ его своей презрительной холодностью, не считая даже нужнымъ прямо высказать ему своего мнѣнія насчетъ его поступка.

— Такъ, значитъ, мнѣ придется принести госпожѣ Зиминой очень неутѣшительный отвѣтъ,—началъ Петръ Павловичъ, стараясь какъ-нибудь выпутаться.—Я собственно хлопоталъ тутъ не о себѣ, если сказать правду. Очень жаль, потому что она сильно разсчитывала на эти деньги, необходимыя ей на короткое время...

Кречмеръ молчалъ, слегка перелистывая шнуровую книгу. Муратовъ готовъ былъ провалиться сквозь землю. Онъ чувствовалъ, что ему слѣдуетъ встать, что лучше всего сдѣлать это поскорѣе, а между тѣмъ, ему было трудно подняться съ мѣста, точно онъ боялся оступиться, свалить стулъ или сдѣлать что-нибудь такое, что вызоветъ насмѣшливую улыбку старика. Онъ сидѣлъ, неловко натягивая снятую перчатку, точно приросшій къ стулу. Наконецъ, онъ собрался съ силами и поднялся.

— Ну, значитъ, я такъ и скажу госпожѣ Зиминой, что вы ея векселей не станете принимать, — проговорилъ онъ, взявъ фуражку и вексель.

— Да, если на нихъ не будетъ бланка ея мужа или какого-нибудь богатаго человѣка, — проговорилъ старикъ. — Вѣдь сама госпожа Зимина не можетъ разсчитывать даже на большое наслѣдство, покуда господинъ Зиминъ не сдѣлалъ духовной въ ея пользу. Впрочемъ, вы легко можете ей помочь: у васъ такъ много знакомой богатой молодежи; кто-нибудь изъ этихъ господъ можетъ поставить на векселѣ бланкъ, тогда другое дѣло.

Муратовъ поклонился. Старикъ уже тихо и ровно передвигалъ костяшки на счетахъ, даже не взглянувъ, какъ удалялся изъ комнаты его посѣтитель. Ему приходилось не впервые видѣть въ своей конторѣ подобныхъ господъ, не впервые онъ велъ подобные переговоры. Его они не удивляли, не волновали, не возмущали; онъ забывалъ ихъ, какъ мы забываемъ лѣтомъ о комарѣ, который хотѣлъ по-

пользоваться нашею кровью и котораго намъ удалось во-время смахнуть съ нашего тѣла: отогнанный комаръ въ этихъ случаяхъ, конечно, волнуется гораздо болѣе насъ самихъ. Муратовъ былъ тоже взволнованъ гораздо болѣе, чѣмъ Кречмеръ. Онъ шелъ неловкою и смущенною походкою черезъ первую комнату конторы, стараясь не глядѣть на молодыхъ конторщиковъ, которые попрежнему, не разгибаясь, сидѣли у своихъ конторокъ. Муратову казалось, что Кречмеръ сейчасъ же передастъ имъ происшедшую сцену и велитъ мальчику-слугѣ не принимать болѣе его, Петра Павловича Муратова. Онъ поспѣшно вышелъ изъ конторы и на лѣстницѣ отеръ съ лица потъ. Стыдъ, бѣшенство, безнадежность,—всѣ эти чувства перемѣшивались въ его душѣ. Впервые онъ чувствовалъ, что посторонній человѣкъ сказалъ ему своимъ взглядомъ: «ты подлецъ»,— сказалъ это въ такую минуту, когда нельзя было даже отвѣтить ему браннымъ словомъ, пощечиной, вызовомъ на дуэль, когда приходилось молчаливо снести эту обиду, безъ оправданія, безъ отплаты за нее. Впервые онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ болѣе исхода, нѣтъ надежды на поправленіе денежныхъ затрудненій тѣмъ обыкновеннымъ для него способомъ, къ которому онъ прибѣгалъ сотни разъ. Впервые онъ не зналъ, куда ему идти, куда ѣхать, чувствуя, что онъ не въ состояніи теперь болтать о разныхъ попойкахъ, Антуанетахъ, татерсаляхъ съ своими пріятелями и сознавая въ то же время, что ему тяжело будетъ сидѣть одному дома. Выбравшись на улицу, онъ расплатился съ извозчикомъ и пошелъ безъ цѣли по Невскому проспекту, сжимая рукою въ карманѣ пальто вексель, который онъ даже забылъ сунуть въ бумажникъ. Этотъ вексель, какъ что-то живое, какъ что-то одушевленное, тревожилъ и безпокоилъ его: ему хотѣлось скомкать, разорвать, растоптать эту бумажку. Онъ дошелъ до Караванной, когда кто-то его окликнулъ. Онъ поднялъ глаза и увидалъ выскакивавшаго изъ саней молодого Аносова.

— О чемъ это ты такъ задумался? Кричалъ, кричалъ тебѣ, а ты и ухомъ не ведешь!—проговорилъ Аносовъ.

Это былъ очень стройный, довольно плотный юнкеръ, съ нѣжнымъ молочно-бѣлымъ лицомъ, съ полными розовыми щеками, съ блѣдными, «бараньими» глазами, съ полными сладострастными губами, съ мягкими, какъ пухъ, вьющимися черными бакенбардами. Смотря на его физіономію, можно было сразу сказать, что онъ сильно холитъ свое

тѣло, что онъ былъ «человѣкъ съ лѣнцой», что онъ не отличался особенно сильнымъ умомъ. Въ то же время въ немъ была замѣтна извѣстная свѣтская выправка, его движенія были плавны, его взглядъ былъ сосредоточенно-серьезенъ и холоденъ.

— Гдѣ ты вчера пропадалъ? — спросилъ Муратовъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Зѣвалъ на семейномъ вечерѣ у моего портмонэ, — серьезно отвѣтилъ Аносовъ, называвшій во время денежныхъ кризисовъ своего отца своимъ портмонэ.

— Значитъ, опять промотался?

— Пустяки, проигралъ у Салаева... Не люблю я только этихъ хлопотъ съ векселями.

Муратовъ невольно стиснулъ рукою вексель, лежавшій у него въ карманѣ.

— Какъ, развѣ ужъ и до того дошло? — проговорилъ Муратовъ.

— Да, это время... Мой портмонэ не въ духѣ...

— Ну, братъ, не очень-то тебѣ и повѣрятъ...

— Мнѣ? Не повѣрятъ? Вотъ глупости!

— Да вѣдь ты несовершеннолѣтній?

— Ну, такъ что же? Мальчикъ ты, что ли, что не знаешь, какъ эти дѣла дѣлаются! Приходится только много переплачивать.

Муратовъ молча что-то соображалъ.

— А кто беретъ къ учету твои векселя?—спросилъ онъ.

— Да всѣ эти жиды,—отвѣтилъ Аносовъ.

— Ты не знаешь, Кречмеръ взялъ бы къ учету твой вексель или вексель съ твоею бланковою надписью?

— Еще бы! У него есть мои векселя. Да это ты къ чему спрашиваешь?

— Такъ, у меня есть тамъ векселя, на которыхъ нужно бы поставить кому-нибудь бланкъ, такъ я, можетъ-быть, попрошу тебя, — отвѣтилъ въ раздумьи Муратовъ. — Впрочемъ, это не къ спѣху...

— Я готовъ. А ты будешь у брата? Тамъ тебя ждутъ, наши барыни пріѣхали изъ-за границы...

— Пріѣхали?—съ живостью спросилъ Муратовъ и даже покраснѣлъ.—Какъ же... буду, буду, сегодня же...

— Кстати, Julie о тебѣ тоже спрашивала.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Скучаетъ она, какъ видно, въ домѣ моего брата хуже, чѣмъ въ институтѣ. Вѣчныя наставленія, вѣчные

совѣты—это хоть кого сведетъ съ ума. Однако, я тороплюсь. До свиданья!

Аносовъ пошелъ къ санямъ, но тотчасъ же воротился.

— А ты знаешь: я отбилъ у Броницына «Воина»,—указалъ онъ на лошадь.—Броницынъ просто на стѣну лѣзетъ отъ злости. Ты вѣдь знаешь, какъ онъ добивался купить «Воина»...

— А тебѣ на что «Воинъ»? Вѣдь ты ѣздишь на извозчичьихъ?—замѣтилъ Муратовъ.

— Да я «Воина» сегодня же подарю Маріонъ де-Норманди. Просто купилъ потому, что этотъ дуракъ взбѣсилъ меня... И подарю затѣмъ, чтобы показать ему, что если я чего не захочу уступить, такъ ужъ не уступлю... У насъ дѣло чуть не дошло до очень серьезныхъ послѣдствій...

— Пьяны, что ли, были?—усмѣхнулся Муратовъ.

— Нѣтъ, вѣдь Броницынъ становится просто нестерпимымъ въ послѣднее время...

— Наслѣдство вскружило голову...

— Это мѣщанство, неотесанность! Вѣдь онъ тоже не съ нищими имѣетъ дѣло.

Аносовъ говорилъ какимъ-то не то апатичнымъ, не то дѣловымъ тономъ даже самыя глупыя фразы. Его добродушные телячьи глаза старались смотрѣть серьезно и сосредоточенно. Посторонній человѣкъ, смотря на него со стороны, не сразу понялъ бы, что передъ нимъ стоитъ записной кутила, крайне ограниченный человѣкъ, очень тупо учащійся и очень мало знающій юноша.

Муратовъ хотѣлъ еще что-то сказать ему, какъ вдругъ розовое лицо Аносова покраснѣло еще болѣе, и его глаза, нѣсколько сощурившись, тревожно устремились вдаль.

— Прощай! — торопливо проговорилъ онъ Муратову и быстро сѣлъ въ сани, пробормотавъ кучеру: — сворачивай на Караванную.

Муратовъ усмѣхнулся и, обернувшись назадъ, взглянулъ по направленію, куда смотрѣлъ за минуту передъ тѣмъ Аносовъ: тамъ вдали стояла коляска, въ которой сидѣлъ отецъ Аносова, разговаривавшій съ какимъ-то подошедшимъ къ колескѣ господиномъ.

Назвавъ мысленно своего пріятеля идіотомъ и трусомъ, Муратовъ не безъ зависти проводилъ глазами его быстро уносившіяся сани и пошелъ далѣе. Слова Аносова о томъ, что Юлія Николаевна Сухарева спрашивала о немъ, о Муратовѣ, заставили Петра Павловича задуматься еще силь-

нѣе. Она вспомнила о немъ,—это былъ хорошій знакъ; это подавало надежду увлечь ее, жениться на ней. Но какъ жениться, если не будетъ денегъ, если придется черезъ нѣсколько времени отказаться отъ свѣтской жизни, можетъ-быть, попасть въ долговое отдѣленіе? Неужели же эта золотая рыбка выскользнетъ изъ рукъ? Петръ Павловичъ совсѣмъ сталъ грустенъ и серьезенъ. Онъ подошелъ къ дому Аносовыхъ въ самомъ скверномъ настроеніи духа, точно онъ шелъ не на свиданіе съ тою, которую онъ надѣялся привязать къ себѣ, а на какую-то тяжелую пытку. Онъ позвонилъ у подъѣзда и справился у швейцара: «дома ли господа?» Швейцаръ отвѣчалъ, что барыня и барышня дома. Муратовъ сбросилъ пальто и велѣлъ доложить о себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ лакей попросилъ его въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ сидѣла стройная молодая женщина, жена старшаго Аносова, урожденная Сухарева.

— Это мило съ вашей стороны, что вы сегодня же зашли къ намъ,—дружески сказала она ему по-французски, протягивая руку.

— Я такъ соскучился о васъ, что тотчасъ полетѣлъ сюда, какъ только узналъ о вашемъ пріѣздѣ отъ Жоржа,— отвѣчалъ Петръ Павловичъ, пожимая протянутую ему руку.

Марья Николаевна Аносова, несмотря на свои тридцать лѣтъ, была еще довольно свѣжа и хороша собою. Высокая и стройная, она смотрѣла нѣсколько холодно и гордо, немного прищуривая свои большіе каріе глаза. Она умѣла владѣть своею физіономіею, умѣла быть въ мѣру любезною, безъ заискивающихъ улыбокъ, и строгою, безъ повышенія голоса, безъ нервнаго сдвиганія бровей и стискиванія губъ. Видно было, что она прошла суровую школу свѣтской жизни, салоннаго обращенія и, можетъ-быть, убила всѣ свои душевныя силы на изученіе всѣхъ тонкостей умѣнья держать себя. Съ Петромъ Павловичемъ она обращалась съ искусственною простотою, какъ съ дальнимъ родственникомъ, какъ съ пріятелемъ своего мужа и его брата, но эта простота никогда не доходила ни до фамильярности, ни до откровенности. Это дѣлалось вовсе не потому, чтобъ Марья Николаевна не любила Муратова, но потому, что Муратовъ слылъ опаснымъ сердцеѣдомъ, и съ нимъ нужно было держать себя въ извѣстныхъ границахъ.

— А Юлія Николаевна? Надѣюсь, здорова? — спросилъ Муратовъ, садясь въ кресло.

— Она сейчасъ придетъ. Здорова. Скучала немного за границей. Мы вѣдь все въ Швейцаріи больше жили.

— Въ царствѣ мѣщанской экономіи и семейныхъ радостей?

— Да. Тамъ именно съ семейнымъ кружкомъ хорошо жить. А мы были однѣ.

— Но вы поправились.

— О, да, я отдохнула. Меня утомляетъ наша зимняя жизнь. Мнѣ нравится въ Швейцаріи. Жизнь идетъ просто, ровно...

— И скучно, скучно до одурѣнія,—докончилъ Муратовъ.

— О, нѣтъ, не говорите этого. Тамъ есть семейные патріархальные кружки, наслаждающіеся дѣйствительными, серьезными радостями, а не пустыми свѣтскими развлеченіями.

— То-есть всѣмъ, что достается за дешевую цѣну?

— А развѣ удовольствіе только тогда удовольствіе, когда оно дорого стоитъ?

— О, нѣтъ. Но я думаю, что швейцарцы были бы рады промѣнять свои серьезныя радости на наши пустыя свѣтскія развлеченія, если бы можно было достать послѣднія по дешевой цѣнѣ.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе, торопливые шаги, шуршанье платья, и чрезъ минуту въ гостиную вошла или, лучше сказать, вбѣжала, впорхнула молоденькая дѣвушка, съ разгорѣвшимися щеками, съ веселыми черными глазами, съ смѣющимся лицомъ. Она весело подошла къ поднявшемуся съ мѣста Петру Павловичу и протянула ему обѣ руки. Онъ не успѣлъ еще схватить ихъ, какъ она спросила серебристымъ голосомъ:

— Вы узнали бы меня, кузенъ Пьеръ, гдѣ-нибудь на улицѣ?

— Еще бы! — проговорилъ онъ и нѣсколько смутился отъ этой слишкомъ родственной встрѣчи. — Развѣ ваше лицо можно забыть, кузина?

Марья Николаевна бросила едва замѣтный серьезный взглядъ на сестру, какъ бы дѣлая ей выговоръ за излишнюю развязность, и перемѣнила разговоръ:

— Вы еще не въ академіи?—спросила она у Муратова.

— Нѣтъ еще. Нынѣшній годъ не удалось,—отвѣтилъ онъ.

— И всему виною лѣность? Но вѣдь это необходимо. Николай говоритъ, что безъ академіи теперь невозможна дальнѣйшая карьера. Теперь такъ смотритъ на дѣло вся наша гвардія. Что же вы медлите? Вѣдь годы уходятъ...

— Да, это правда. Но я нѣсколько затянулъ свое поступленіе въ академію, и теперь трудно собраться съ духомъ, чтобы снова приняться за книги.

— Журить васъ некому.

— Ахъ, если бы вы знали, кузенъ, какъ она умѣетъ журить! — съ комически-серьезнымъ вздохомъ проговорила молодая дѣвушка, указывая глазами на сестру.—Она, право, строже нашихъ классныхъ дамъ. А вы помните ихъ, кузенъ? Вы еще одну называли померанцевою коркою въ сахарѣ...

Молодая дѣвушка залилась искреннимъ смѣхомъ.

— Ахъ, это Иванову? Кажется, ее такъ звали? Такая длинная-предлинная, съ шафраннымъ цвѣтомъ лица? — засмѣялся Петръ Павловичъ.

— Да, да, она ужасно насъ притѣсняла, такъ что ее звали всѣ злючкой.

— Жюли!—тихо проговорила Марья Николаевна, слегка пожимая плечами.

Молодая дѣвушка сконфуженно смолкла. Марья Николаевна снова перемѣнила разговоръ, спросивъ Муратова о городскихъ новостяхъ. Но онъ еще не успѣлъ ей отвѣтить, какъ въ комнату довольно грузной походкой, переваливаясь съ-боку-на-бокъ, какъ жирная утица, вошла немолодая женщина, рыхлая, какъ тѣсто, одѣтая по послѣдней модѣ, но довольно пестро. Это была мать Аносовой и Сухаревой, вдова генерала Сухарева, дочь милліонера-купца Протопопова. Дочери встали навстрѣчу матери. Она поцѣловала ихъ и обратилась къ Муратову.

— Сердита, сердита на тебя, сорванецъ!—погрозила она ему пальцемъ. — Совсѣмъ пропалъ. Ушонки нужно бы надрать!

— Каюсь въ грѣхахъ своихъ, а повинную голову и мечъ не сѣчетъ,—шутливо отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руку.

Она слегла потрясла его за ухо, опять погрозила ему пальцемъ и обратилась къ старшей дочери:

— Не могла утерпѣть,—пріѣхала,—заговорила она нѣсколько нараспѣвъ и въ носъ.—Багажъ получили?

— Да, — отвѣтила коротко Марья Николаевна, смотря еще холоднѣе и строже, чѣмъ всегда.

— Покажи, покажи, пожалуйста! Это интересно! — проговорила старуха, немного закатывая глаза. — Вѣдь ты у Ворта заказывала платья? Ну, я воображаю, что это за платья. Я была сейчасъ у нашей портнихи, говорю: «Да гдѣ же вамъ такъ сшить, какъ шьетъ Ворть? Моя дочь,

говорю, у него заказывала платья для зимняго сезона, такъ ужъ я знаю, какъ шьетъ Вортъ»... Ахъ, нѣтъ, ты покажи мнѣ.

— Хорошо, maman,—сухо отвѣтила Марья Николаевна, не трогаясь съ мѣста.

— Пойдемъ же, пойдемъ!.. Я не могу ждать. Я вѣдь на полчаса заѣхала... Визиты, визиты, запустила въ послѣднее время... Надо у всѣхъ побывать...

Марья Николаевна не знала, что дѣлать: ей не хотѣлось оставлять сестру съ-глазу-на-глазъ съ такимъ извѣстнымъ сердцеѣдомъ, какъ Муратовъ, и въ то же время она знала, что мать не отстанетъ отъ нея и не пойметъ никакихъ ея мимическихъ объясненій насчетъ неловкости ея положенія.

— Жюли, проводи maman въ гардеробную,—проговорила она сестрѣ.

— Ну, ну, ну, стрекоза, тебя-то мнѣ не нужно!—отстранила Сухарева рукою младшую дочь.—Ты ничего не понимаешь и все перепутаешь. Нѣтъ, Мари, ты ужъ сама все мнѣ покажи.

Марья Николаевна еще колебалась и, повидимому, ждала, что Петръ Павловичъ самъ пойметъ, что ему необходимо удалиться. Но Муратовъ не трогался съ мѣста, ожидая именно той минуты, когда онъ останется одинъ съ молодой дѣвушкой. Марья Николаевна встала съ мѣста.

— Вы меня извините,—проговорила она сухимъ тономъ, недовольная и матерью, и Петромъ Павловичемъ.

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь! — произнесъ Петръ Павловичъ.

— Да онъ радехонекъ, что поболтаетъ съ нашей стрекозой безъ насъ, — шутя проговорила старуха Сухарева, грозя ему толстымъ пальцемъ, затянутымъ въ свѣжую перчатку. — Вѣдь онъ чего-чего не болталъ ей въ институтѣ, смѣшитъ, бывало, такъ, что я сама еле удерживалась отъ смѣха... всѣмъ класснымъ дамамъ клички далъ...

Марья Николаевна молча пошла изъ гостиной.

— Кузина, дайте вашу руку,—тихо проговорилъ Муратовъ, оставшись наединѣ съ Юліей Николаевной:—я даже не успѣлъ ее хорошенько пожать.

— Вотъ вамъ обѣ,—проговорила молодая дѣвушка, весело протягивая ему обѣ руки.

Онъ съ чувствомъ пожалъ ихъ и тихо поцѣловалъ ея правую руку.

— Вы похорошѣли, выросли,—проговорилъ онъ.

— Выросла? Не говорите мнѣ этого! Это слово всегда напоминаетъ мнѣ, что будто я еще ребенокъ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ велятъ учить урокъ и оставятъ безъ третьяго блюда или снимутъ пелеринку.

— А вы хотите быть поскорѣе взрослой и самостоятельной?—улыбнулся онъ, всматриваясь въ нее.

— Кто же этого не хочетъ? Вы помните, какъ я рвалась за границу? И что же? Насъ заперли въ отдѣльное купэ. Nicolas былъ серьезно боленъ и раздраженъ. Мари устала отъ зимняго сезона и все дремала, а миссъ Дальтонъ, которую взяли мнѣ для практики въ англійскомъ языкѣ, только таращила глаза и отвѣчала протяжнымъ басомъ: «Yes». Наконецъ, мы пріѣхали въ Вильдбадъ. Что за общество! Кто въ подагрѣ, кто на костыляхъ, кто въ чахоткѣ, одни едва ходятъ, другихъ возятъ въ коляскахъ, какъ дѣтей, точно въ лазаретѣ. Даже смѣяться было неловко. Вотъ-то я скучала! Потомъ поѣхали въ Швейцарію, въ Интерлакенъ, — тамъ та же скука. Мнѣ даже природа надоѣла. И вездѣ наставленія, вездѣ замѣчанія! Поѣхали мы разъ смотрѣть на восходъ солнца на Юнгфрау. Рядомъ съ нами былъ какой-то длинный-предлинный англичанинъ въ клѣтчатомъ костюмѣ и такая же длинная англичанка, тоже въ клѣтчатомъ костюмѣ. Онъ держалъ въ рукахъ часы, провѣряя по нимъ восходъ солнца, а она читала какой-то гидъ, свѣряя описаніе природы въ гидѣ и самую природу. Когда солнце взошло, они оба съ серьезнымъ и строгимъ видомъ проворчали: «совершенно вѣрно». Ну, я и расхохоталась. Если бы вы видѣли, какъ посмотрѣла на меня Мари! И потомъ всю дорогу она читала мнѣ наставленіе насчетъ того, что смѣяться неприлично... А я не могу не смѣяться, когда мнѣ смѣшно!.. Потомъ мы въ Парижъ заѣзжали и видѣли только какія-то колонны да умирали со скуки въ «Comédie française», смотря Мольера. Нѣтъ, я не такою воображала себѣ жизнь внѣ института.

— И такая жизнь, кузина, будетъ продолжаться вплоть до вашего замужества, — тихо проговорилъ Муратовъ, искренно любуясь наивной молодой дѣвушкой, походившей на милаго ребенка.

Онъ не ожидалъ встрѣтить этого ребенка такимъ прекраснымъ.

Въ эту минуту въ гостиную вернулась Марья Николаевна и еще разъ извинилась передъ Муратовымъ, зорко взгля-

нувъ на разгорѣвшееся лицо сестры. Минуть черезъ десять Муратовъ откланялся.

— Я надѣюсь, Жюли, что ты вела себя прилично?—проговорила Аносова, обращаясь къ сестрѣ.

Юлія Николаевна вся вспыхнула, какъ оскорбленный ребенокъ, но не отвѣтила ничего.

— Ты должна быть осторожна съ посторонними мужчинами,—проговорила Марья Николаевна.

— Пьеръ не посторонній,—тихо отвѣтила Юлія Николаевна.

— Совершенно посторонній, и мнѣ очень непріятно, что ты продолжаешь называть его кузеномъ. Это остатокъ вашихъ ребяческихъ отношеній; но что было хорошо для дѣвочки, то не идетъ къ взрослой.

— Ахъ, какая я взрослая, если всѣ третируютъ меня, какъ ребенка,—огорченнымъ тономъ замѣтила молодая дѣвушка.

— Не какъ ребенка, а какъ дѣвушку, еще незнакомую съ свѣтомъ,—съ особеннымъ удареніемъ замѣтила Марья Николаевна.—Ты должна быть осторожна съ мужчинами вообще, а съ Петромъ Павловичемъ въ особенности. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мужчинъ, которые всего опаснѣе для женщинъ.

— Онъ? Я тебя не понимаю,—отвѣчала молодая дѣвушка, вопросительно смотря на сестру.

— Онъ молодъ, хорошъ собою, уменъ, ловокъ, легко увлекаетъ женщинъ, и близость съ нимъ можетъ тебя компрометировать,—сухо сказала Марья Николаевна.

— Неужели же мнѣ нужно искать только общества стариковъ, идіотовъ и уродовъ, чтобы не компрометировать себя?—надула губки Юлія Николаевна.

— Совсѣмъ нѣтъ. Нужно вовсе ни съ кѣмъ не фамильярничать. Ты уже невѣста, и тебѣ нужно быть осторожною и осмотрительною въ своихъ симпатіяхъ. Такіе господа, какъ Петръ Павловичъ, не могутъ быть претендентами на твою руку.

Юлія Николаевна опять посмотрѣла вопросительно на сестру.

— Онъ бѣденъ,—пояснила сестра.

— Да развѣ я за деньги должна полюбить жениха?

— Вовсе нѣтъ. Но плохо, если тебя полюбитъ женихъ за деньги. А такіе люди, какъ Петръ Павловичъ, скорѣе всего полюбятъ только за деньги. Онъ жалкій человѣкъ, который очень скоро погибнетъ...

— Погибнетъ?—почти съ испугомъ спросила Юлія Николаевна и съ тревогой взглянула на сестру широко раскрывшимися глазами.

У нея вдругъ защемило сердце, и слезы готовы были навернуться на глаза.

— Ну да. Ты еще такъ молода, что тебѣ многое трудно объяснить. Петръ Павловичъ попалъ въ такое общество дурныхъ молодыхъ людей и дурныхъ женщинъ, которое доведетъ его до гибели, испортитъ его будущность, лишитъ его возможности сдѣлаться хорошимъ семьяниномъ. Теперь онъ отказывается отъ академіи и портитъ свою карьеру, потомъ онъ запутается въ денежныхъ дѣлахъ и долженъ будетъ выйти изъ службы, изъ нашего круга.

— Вотъ-то я никакъ не думала, что онъ такой несчастный!—вздохнула Юлія Николаевна и задумалась.

Она качала своей хорошенькой головкой, тяжело переводя духъ.

— Что это съ тобою, стрекоза? Чѣмъ опечалили?—проговорила старуха Сухарева, возвратившись въ гостиную и увидавъ задумчиво стоявшую Юлію Николаевну.

— Такъ! мы наставленій не любимъ,—холодно отвѣтила за сестру Марья Николаевна.

— А гдѣ этотъ головорѣзъ нашъ?—спросила старуха, оглядывая комнату.

— Муратовъ? Ушелъ,—отвѣтила Марья Николаевна.

— Онъ мнѣ удивительно напомнаетъ моего генерала,—проговорила старуха, закатывая глаза подъ лобъ.—Адонисъ!

— Развѣ онъ похожъ на папа?—быстро спросила Юлія Николаевна съ засверкавшими радостью глазами.

— О, удивительно! Твой покойный папа былъ такой же сорви-голова и сердцеѣдъ!—съ чувствомъ вздохнула генеральша.

Марья Николаевна строго взглянула на мать, слегка пожавъ плечами.

— Но вѣдь папа былъ очень добрый?—вопросительно произнесла Юлія Николаевна и съ любопытствомъ взглянула на мать.

— Да они всѣ добрые, эти вѣтрогоны!—махнула рукой генеральша.

Марья Николаевна не вытерпѣла и проговорила:

— Жюли, ты пошла бы почитать съ миссъ Дальтонъ.

Юлія Николаевна нетерпѣливо вздернула плечиками и со вздохомъ, отрывисто проговорила:

— Adieu, mam.

— Прощай, прощай, стрекоза!

Юлія Николаевна поцѣловала старуху и нѣжно, какъ шаловливое, балованное дитя, шепнула ей:

— Голубчикъ, возьмите меня къ себѣ погостить!

Старуха утвердительно мигнула ей глазами и таинственно пожала ея руку. Генеральша была всегда въ восторгѣ, когда ей удавалось въ чемъ-нибудь обмануть и провести старшую дочь, которой она не на шутку побаивалась въ душѣ.

— Maman, какъ вы неосторожны!—съ упрекомъ, почти строго произнесла Марья Николаевна, когда ея сестра удалилась изъ гостиной.

— А что?—спросила съ удивленіемъ старуха.

— Вы хвалите при Жюли Муратова! Долго ли вскружить голову бѣдной дѣвочкѣ?

— Что-жъ изъ этого?.. Она уже невѣста. Чѣмъ раньше выйдетъ замужъ, тѣмъ лучше!.. Молодость дважды не приходитъ,—вздохнула Сухарева, словно сожалѣя, что и къ ней не вернется ея молодость.

— Но не за Муратова же вы думаете ее выдать?

— Я ни за кого не думаю ее выдавать. Кто ей понравится, за того и выйдетъ. Это старыя традиціи выдавать дочерей по волѣ родителей.

При словѣ «традиціи» Марья Николаевна немного покраснѣла, точно боялась, что кто-нибудь посторонній слышалъ это выраженіе матери.

— Да, но нельзя же выдать Жюли за перваго встрѣчнаго бѣдняка безъ карьеры, безъ будущности,—проговорила она сухимъ тономъ.

— Ахъ, мой генералъ тоже былъ санкюлотомъ, когда женился на мнѣ,—засмѣялась искреннимъ смѣхомъ старуха.—Однако, дослужился же до генеральскаго чина! Съ деньгами, матушка, все можно. Ты знаешь, что твой дѣдъ и изъ мужиковъ вышелъ, а посланники у него обѣдывали. Разъ прусскій посланникъ...

Марья Николаевна еще болѣе нахмурилась и перебила воспоминанія матери.

— Что-жъ, если хотите, выдавайте Жюли за кого угодно, хоть за этого кутилу. Мнѣ все равно,—проговорила она сухо.—Я считаю только необходимымъ предупредить васъ...

— Да я тебѣ говорю, что я ни за кого не выдамъ ее насильно,—перебила ее мать.—А захочетъ она идти за Муратова—и пусть идетъ. Ты называешь его кутилой, но тѣмъ

лучше, если онъ до женитьбы перебѣсится; хуже, если она выйдетъ за такого, который начнетъ кутить послѣ свадьбы. А вѣдь мужчина когда-нибудь да долженъ кутить. Это ужъ такъ опредѣлено. Это въ физіологіи мужчинъ. А ты лучше скажи, когда ты пришлешь ко мнѣ погостить Жюли? Я вѣдь одна соскучилась. Пусто такъ въ домѣ.

— Но у васъ же Жакъ живетъ? — холодно замѣтила Марья Николаевна.

— Яша рыщетъ Богъ знаетъ гдѣ, его я и не вижу по цѣлымъ днямъ,—отвѣтила старуха.—Да къ тому же у него своя отдѣльная половина въ домѣ...

— Вы ему воли много дали. Онъ сдѣлался сказкой города.

— Ахъ, матушка, да про кого же не говорятъ! Яшу зовутъ мотомъ, твоего мужа—скрягой. Это въ порядкѣ вещей. Кто богатъ, о томъ и говорятъ. Перебѣсится Яша—и молодецъ будетъ.

— Но онъ тратитъ чудовищныя суммы денегъ.

— Всего не промотаетъ. Промотаетъ свое—отъ меня останется. Да и своего-то не промотаетъ. Шестьдесятъ тысячъ въ годъ ему теперь приходится при готовой квартирѣ и готовомъ столѣ, такъ этого на его кутежи хватитъ. А ты взгляни на него, что за молодецъ! Мой генералъ и не думалъ, что его Яшка такимъ героемъ вырастетъ...

— Сидящимъ четыре года въ юнкерахъ,—съ презрѣніемъ проговорила Марья Николаевна.

— Да куда-жъ ему спѣшить? Ему еще и всего-то двадцать первый годъ. Ахъ, ворчунья, ты все преувеличиваешь, все видишь въ дурномъ свѣтѣ!—пошутила Сухарева, поднимаясь съ мѣста.

Марья Николаевна промолчала и сухо простилась съ матерью. Она негодовала на мать за ея «глупые взгляды», за ея «необразованность», за ея «вульгарность», за ея «поблажки» Юліи Николаевнѣ и Якову Николаевичу. Въ душѣ Марья Николаевна давала себѣ слово не отпускать по возможности сестру къ матери, гдѣ молодая дѣвушка могла набраться дурныхъ манеръ, гдѣ она могла встрѣчаться съ кутящимъ вѣтрениковъ-братомъ, гдѣ Муратовъ могъ овладѣть сердцемъ молодой дѣвушки. Марья Николаевна и ея мужъ были опекунами и попечителями молодыхъ Сухаревыхъ и часто разсчитывали, что для нихъ не безвыгодно подольше продержать въ дѣвушкахъ Юлію Николаевну или выдать ее за человѣка, для котораго приданое

будетъ играть второстепенную роль, чего нельзя было ожидать отъ Муратова.

Муратовъ, возвращаясь домой, никакъ не думалъ, что его визитъ къ Аносовымъ возбудилъ столько толковъ о немъ. Онъ шелъ въ странномъ настроеніи. Онъ почти не думалъ теперь о богатствѣ Юліи Николаевны и только вспоминалъ о томъ, какъ она похорошѣла, какъ она свѣжа, какъ она привѣтлива. До сихъ поръ онъ сходился съ женщинами пожившими, съ женщинами испорченными; теперь впервые его манило сближеніе съ дѣвушкой свѣжей и чистой, какъ ребенокъ. Въ немъ проснулось что-то въ родѣ боязни прикоснуться нечистыми помыслами къ этому дѣвственному существу, въ его головѣ зароились картины семейнаго счастья съ порхающею и поющею птичкой-женой, съ отдыхомъ отъ безсонныхъ оргій холостой жизни. Чѣмъ шире разрастались его мечты объ этомъ счастьѣ, тѣмъ ненавистнѣе становилась ему его теперешняя жизнь съ вѣчными поисками денегъ, денегъ и денегъ, добываемыхъ лживыми увѣреніями въ любви, любезничаньемъ съ перезрѣлыми и испорченными женщинами, жизнь съ постоянными хлопотами по учету векселей, по залогу вещей, съ неизбѣжными столкновеніями съ ростовщиками, комиссіонерами, темными героями легкой наживы, жизнь съ пьяными оргіями, съ усиліями подладиться подъ вкусъ богатыхъ кутилъ, съ панибратскимъ обращеніемъ со стороны такихъ же бѣдныхъ, какъ онъ, приживалокъ и прихлебателей богачей,—прихлебателей, противныхъ ему по своему тупоумію, цинизму, наглости. Онъ мысленно говорилъ себѣ теперь, что Юлія Николаевна могла сдѣлаться для него ангеломъ-хранителемъ, который спасетъ его отъ капризовъ разныхъ молодыхъ самодуровъ Аносовыхъ, разныхъ сластолюбивыхъ купчихъ Вахромеевыхъ, разныхъ циничныхъ Альфонсинъ, разныхъ грязненькихъ тунеядцевъ и идіотовъ Винтеровъ и Флери. Онъ говорилъ себѣ, что, вырвавшись изъ этого омута, онъ начнетъ новую жизнь...

V.

Софья Дмитріевна сильно трусила, выдавъ Муратову вексель. Она очень хорошо знала, что выдача ею векселя можетъ открыться только черезъ полгода, но все же трусила. Ей хотѣлось поскорѣе увидать Муратова, чтобы узнать, въ надежныя ли руки онъ передалъ этотъ вексель, не покажутъ ли ея мужу этотъ предательскій клочокъ бу-

лаги. Мужъ, между тѣмъ, какъ нарочно никуда не уходилъ въ теченіе двухъ дней. Онъ былъ нездоровъ и придирался болѣе обыкновеннаго. Бѣдная женщина страдала и за себя, и за своего «Петю». Она представляла себѣ, въ какомъ тревожномъ состояніи долженъ былъ находиться Муратовъ, не имѣя возможности видѣться и переговорить съ нею о дѣлахъ.

Она отчасти была права. Муратовъ хотя и не печалился о томъ, что не могъ обнять ее, но сильно волновался оттого, что не могъ сообщить ей извѣстій о неудачѣ по дѣлу учета ея векселя. Онъ просидѣлъ два вечера дома, ожидая, что у Зиминыхъ поставятъ на окно свѣчи. Но свѣчи на окно не ставили, и ему приходилось ложиться спать въ самомъ скверномъ настроеніи духа.

На третій день, часу въ девятомъ, когда у Зиминыхъ кончился пріемъ залоговъ, Зимину нужно было непремѣнно идти по дѣлу. До своего ухода онъ сталъ, по обыкновенію, провѣрять шнуровую книгу и просматривать принятыя подъ залогъ вещи. Среди этого занятія онъ столкнулъ локтемъ принятую въ залогъ брошь, положенную въ темный футляръ. Онъ, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, сталъ ее искать на полу и раскашлялся. Стоя на колѣняхъ, задыхаясь отъ кашля, онъ поставилъ свѣчу на подоконникъ.

— Что ты дѣлаешь!—вскрикнула Софья Дмитріевна и быстро схватита свѣчу съ подоконника.

— Что съ тобой? Чего ты?—спросилъ мужъ, продолжая кашлять.

Софья Дмитріевна совсѣмъ растерялась. Она была блѣдна и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я испугалась... мнѣ показалось... занавѣси могутъ вспыхнуть,—пробормотала она, вся блѣдная и трепещущая.

Она не умѣла ни лгать, ни притворяться.

— Дура... дура... испугала,—ворчалъ мужъ.—Подними... подними меня...

Она подняла его съ полу. Мало-по-малу, его кашель началъ утихать.

— Пора идти,—проговорилъ онъ.

Она не отговаривала его, хотя ей было его жаль. Но ей было необходимо скорѣе увидать Петра Павловича. Ее слишкомъ сильно мучилъ вопросъ о векселѣ; притомъ ей хотѣлось поскорѣе узнать, можетъ ли она сама добыть деньги для выкупа вещей, заложенныхъ ею для Муратова. Въ послѣдніе дни ея мужъ все чаще и чаще говорилъ, что

имъ необходимо съѣздить въ театръ, въ гости къ ея родственникамъ, разсѣяться. Она боялась этихъ предложеній, потому что мужъ могъ заставить ее надѣть брильянты и браслеты, которыхъ у нея уже не было.

— Ты потеплѣй закутайся!—проговорила она мужу.

— Какія нѣжности!—проворчалъ онъ.—Ужъ не боишься ли за мое здоровье!

— Ты знаешь, мнѣ жаль тебя,—тихо и покорно сказала она.

— Жаль?

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Чего жалѣть? Умру—богатой вдовой останешься,—желчно проговорилъ онъ.

Она вздохнула. Ее все болѣе и болѣе терзали эти желчныя выходки больного человѣка.

— Выйдешь замужъ за какого-нибудь хлыща, вѣтрогона, вмѣстѣ мотать начнете, что я, дуракъ, накопилъ для другихъ...

— Для чего ты это мнѣ говоришь?—болѣзненно сказала она.

— А затѣмъ, чтобы сказать, что этого можетъ и не быть,—рѣзко отвѣтилъ онъ.—Умру безъ духовной—мои родственники, вся эта подлая сволочь, не знавшая меня во дни моей бѣдности, все отнимутъ. Останешься съ жалкими грошами, тогда будешь вспоминать, какъ жила при мужѣ, какъ мужъ обо всемъ заботился. Тогда вспомнишь, въ какія погоды приходилось ему, больному, бѣгать для тебя, для твоего спокойствія, будешь жалѣть, что не умѣла удержать его...

Она не выдержала и заплакала, но не останавливала его. Онъ нахмурился и замолчалъ.

— Полно,—тихо сказалъ онъ черезъ минуту.—Ты видишь, я боленъ, я раздраженъ... Ну, прости меня!

Онъ поднесъ къ своимъ сухимъ и горячимъ губамъ ея руку. Онъ самъ сознавалъ, что онъ терзаетъ, мучитъ ее, и все-таки не могъ не терзать ее. Онъ раздражался, потому что она была молода, здорова, свѣжа, а онъ былъ боленъ, безсиленъ, слабъ. Онъ чутьемъ угадывалъ, что она не можетъ любить его, что она испытываетъ чувство неудовлетворенности, и это бѣсило его.

— Не сердись!.. Я тиранъ, я деспотъ, какъ всѣ люди, бывшіе долго сухими, старыми холостяками... Мнѣ не слѣдовало жениться... Но ты пойми, что я люблю, люблю тебя больше жизни, больше всего... О, если бы я былъ здоровъ!.. Вотъ теперь, мнѣ нужно, необходимо нужно идти по дѣлу,

а это меня бѣситъ, я хотѣлъ бы сидѣть здѣсь, въ теплѣ, съ тобою, около тебя, у твоихъ ногъ...

Ей стоило сказать: «останься!» и онъ остался бы, забывъ о всѣхъ выгодахъ.

Но она молчала, она боялась заговорить.

— Но я долженъ идти, въ наказаніе за то, что огорчилъ тебя,—бормоталъ онъ.—Да, да, потомъ отдохнешь, успокоишься и простишь меня... Ты вѣдь простишь? Да?

— Я... я не сержусь... Мнѣ больны твои упреки,—тихо прошептала она.

Ей хотѣлось сказать что-то болѣе теплое, ласковое, но въ ея головѣ промелькнула пугливая мысль: «что если онъ останется?»

— Ну, я пойду!—вздохнулъ онъ, опять цѣлуя ея руки.

Софья Дмитріевна переносила страшную пытку.

Онъ намоталъ на шею шарфъ, надѣлъ шубу и теплую шапку и пошелъ, отдавъ приказаніе Дарьѣ «беречь барыню». Минуты черезъ двѣ свѣча появилась на окнѣ. Софья Дмитріевна поставила свѣчу и почувствовала, что у нея сжалось сердце. Почему-то ей казалось, что мужъ когда-нибудь, можетъ-быть, сегодня, подсмотритъ этотъ условный сигналъ. Что будетъ тогда? Наконецъ, онъ можетъ во время ея отсутствія изъ комнаты поставить свѣчу на подоконникъ и тогда... Она дрожала отъ одной этой мысли.

Прошло минутъ десять. Въ дверь кухни послышался знакомый стукъ. Софья Дмитріевна сама бросилась отпирать двери и уже обнимала Муратова.

— Наконецъ-то ушелъ твой самодуръ. Я цѣлые три дня почти не отходилъ отъ своего окна,—нѣсколько раздражительно проговорилъ Муратовъ.

Она смутилась и посмотрѣла на него испуганнымъ взглядомъ. Онъ былъ, очевидно, въ самомъ дурномъ расположеніи духа.

— Ты сердишься?—спросила она.

— Я полагаю, что мы будемъ говорить не въ кухнѣ?—сухо сказалъ онъ вмѣсто отвѣта, пожимая плечами.

— Ахъ, да, да!.. Пойдемъ!—заторопилась она.

Они вошли въ комнату. Муратовъ сѣлъ. Она стояла передъ нимъ. Она ждала, что онъ, по обыкновенію, посадитъ ее къ себѣ на колѣни, приласкаетъ, какъ ребенка.

— Я долженъ буду, наконецъ, уѣхать изъ Петербурга,—проговорилъ онъ, подавая ей ея вексель.

Она растерянно взяла въ руки этотъ клокъ тонкой бумаги и повертѣла его, точно это было что-то неизвѣстное ей.

— Твои векселя не имѣютъ никакой цѣны,—сухо продолжалъ онъ.—Ихъ не учитаютъ и за десять процентовъ въ мѣсяцъ. Оно и понятно. У твоего мужа есть много родныхъ, все достанется имъ, тебѣ выдастся самая незначительная часть. Кто же станетъ учитать векселя нищихъ! Очень жаль, что я не понялъ всего этого раньше и поступилъ не какъ дѣлецъ, а какъ мальчишка.

Она стояла, опустивъ руки, потупивъ глаза, какъ преступница, обличенная въ преступленіи.

— Мнѣ пришлось, впрочемъ, пережить за это прескверныя минуты,—продолжалъ онъ.—Жидъ Кречмеръ такъ посмотрѣлъ на меня, такъ отвѣтилъ мнѣ, когда я принесъ ему этотъ проклятый вексель къ учету, что было отъ чего растеряться. Это былъ хорошій урокъ.

Она стояла, какъ статуя, съ растерянным видомъ. Муратовъ былъ непривычно сухъ, рѣзокъ и грубъ. Испытанное имъ оскорбленіе, неудача, полное отсутствіе надежды на будущее,—все это бѣсило, раздражало его. Онъ поднялся съ мѣста. Софья Дмитріевна очнулась и схватила его за рукавъ.

— Ради Бога, ради Бога, не уходи!—воскликнула она.— Подумаемъ, что можно сдѣлать... Останься!.. У меня есть еще брильянтовыя серьги. Завтра достану ключи отъ шкапа... выну ихъ... передамъ тебѣ...

— Пожалуйста, не уговаривай меня!—проговорилъ Муратовъ.—Это только ухудшаетъ мое положеніе, запутываетъ дѣла... Ну, я останусь... Добудемъ мы еще сотню, двѣ сотни рублей, а потомъ?.. Вѣдь на эти деньги долго не проживешь!.. Я надѣялся, что твои векселя что-нибудь значатъ, и потому остался... Но я ошибся и только даромъ прожилъ здѣсь лишнее время, тогда какъ каждый день здѣсь требуетъ денегъ, денегъ и денегъ... Да, другъ мой, мы плохіе счетчики и дѣльцы... Мы думали, что вексель бѣдной жены богатаго мужа что-нибудь значитъ, и ошиблись... «Вотъ если бы это былъ вексель самого господина Зимина,—сказалъ Кречмеръ:—тогда другое дѣло»... Жидъ не дуракъ... «Если бы, говоритъ, тоже было духовное завѣщаніе въ пользу г-жи Зиминой, я учелъ бы ея векселя»... Все если бы, да если бы, а теперь—прощай.

— Постой!—снова вскрикнула она и обвила его шею руками.—Постой! Я дамъ тебѣ завтра серьги, потомъ подумаемъ, обсудимъ. О, милый, дорогой, не уѣзжай отсюда, не уходи.

Она прильнула къ нему. Онъ сѣлъ и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Она приклонилась къ его рукамъ своимъ лицомъ, прильнула къ нимъ губами. Она была жалка въ эту минуту, вымаливая ласковаго слова, привѣтливаго взгляда. Сжалился ли надъ ней Муратовъ, разсчиталъ ли онъ, что лучше получить отъ нея брильянтовыя серьги, чѣмъ не получить ихъ, но только онъ остался у нея. Это было для него тѣмъ легче исполнить, что онъ, во всякомъ случаѣ, не могъ уѣхать изъ Петербурга отъ своихъ кредиторовъ и долженъ былъ какъ-нибудь перебиться до того времени, когда судьба пошлетъ ему новую, болѣе выгодную связь. Онъ приласкалъ бѣдную женщину.

— Но ты должна подумать о себѣ,—говорилъ онъ ей.— Постарайся, чтобы мужъ, сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ твою пользу. Конечно, можно бы обойтись и безъ духовной, если бы онъ выдалъ тебѣ векселя. Но это труднѣе. Тебѣ надо очень и очень позаботиться о себѣ. Что будетъ, если ты останешься безъ денегъ послѣ его смерти?

— Тогда вмѣстѣ, уѣдемъ въ провинцію,—робко прошептала она.—Тамъ, ты говоришь, дешевле жить.

— Одному—да, но съ женою, съ семьей и тамъ жить дорого. Поступать опрометчиво нельзя. Теперь не такое время, чтобы съ милымъ былъ рай и въ шалашѣ. У насъ могутъ быть дѣти. Надо подумать о нихъ. Почему и я, и ты несчастны? Потому, что наши родные не думали о насъ, не дали намъ порядочнаго образованія, оставили нищими на произволъ судьбы. Да, намъ придется разстаться, если у насъ не будетъ ничего: этого требуетъ честность.

— Не говори, не говори такъ! Не думай о томъ, что будетъ послѣ; покуда мы вмѣстѣ, покуда мы счастливы!

Она зажала рукою его ротъ и прижалась къ нему.

Черезъ полчаса, когда онъ долженъ былъ снова уйти, она и смѣялась, и плакала, надѣясь, что онъ останется въ городѣ хотя нѣсколько времени. Когда онъ ушелъ, она усѣлась въ кухнѣ и задумалась. Какъ остановить его отъ перехода въ армію? Гдѣ достать денегъ? Деньги были нужны не только для него, но и для нея, для выкупа вещей. Что, если мужъ опять вздумаетъ везти ее въ театръ и велитъ ей надѣть что-нибудь изъ подаренныхъ ей золотыхъ бездѣлушекъ? Можетъ ли она долго скрывать, что этихъ вещей у нея нѣтъ? Среди этихъ думъ въ ея головѣ ни разу не промелькнула мысль, что лучше всего отказаться отъ Му-

ратова. Онъ ей былъ нуженъ, какъ воздухъ и вода. Въ немъ была теперь вся цѣль ея жизни.

Она вздрогнула и поблѣднѣла, услышавъ звонокъ мужа. Дарья отворила двери, вошелъ Зиминъ. Онъ былъ блѣденъ и, казалось, продрогъ. Его лицо походило на лицо покойника. Софьѣ Дмитріевнѣ вспомнилось лицо ея бабки, и она сильно испугалась.

— Что съ тобой?—тревожно спросила она.

— Прозябъ,—тихо отвѣтилъ онъ и глухо закашлялъ.— Чаю сдѣлай. Я прилягу.

Онъ въ изнеможеніи легъ на диванъ. Его била лихорадка. Софья Дмитріевна начала хлопотать надъ приготовленіемъ чая. Наконецъ, чай былъ готовъ. Она налила стаканъ и подала его мужу. Онъ лежалъ въ забытьѣ, съ полуоткрытыми глазами, уставленными на одну точку.

«Что, если онъ умретъ?»—промелькнуло въ ея головѣ, и ее охватилъ ужасъ. Она боялась его живого, она еще болѣе боялась увидать его мертвымъ среди этой обстановки. Она назвала его по имени, онъ очнулся.

— Да, да, дай чаю!—пробормоталъ онъ, взявъ стаканъ. Его руки дрожали.

— Закрой меня чѣмъ-нибудь теплымъ,—сказалъ онъ, допивъ чай.

Она накрыла его пледомъ. Онъ снова впалъ въ забытье. Она присѣла около него и задумалась. Эта комната, походившая на склепъ съ высохшими трупами, этотъ полумертвый человѣкъ, эта тишина, царившая кругомъ, пугали ея трусливую, запуганную душу. Ей представлялось, что онъ умретъ, какъ ея бабка, и станетъ такимъ синимъ, похожимъ на скелетъ. Его начнутъ обмывать, и у него руки и ноги будутъ висѣть, какъ плети. Когда обмывали трупъ ея бабки, одна рука старухи стукнулась объ полъ. Какой страшный былъ этотъ стукъ! Потомъ его положатъ на столъ, и дьячокъ станетъ протяжно, заунывно читать по ночамъ. Она закроетъ глаза и уши, какъ она закрывала ихъ во время смерти бабки. Но онъ все же будетъ мерещиться ей. Нѣтъ, она уйдетъ къ своему Петѣ. Она уже никогда не вернется сюда. Она будетъ жить съ Петей.

«Жить съ Петей... А что, если Леня умретъ безъ духовной?—вдругъ мелькнуло въ ея головѣ.—У него есть родные; они ненавидятъ меня; они все оберутъ; они выгонятъ меня, какъ выгналъ дядя изъ дома бабеньки... Что же я буду дѣлать? Уѣду съ Петей въ провинцію?.. Но развѣ

у насъ хватитъ средствъ для жизни?.. Онъ говорилъ, что жить съ семьей и тамъ дорого... Сколько мнѣ достанется?.. Я не знаю, что есть у Лени. Нѣтъ, такъ нельзя... Надо что-нибудь сдѣлать».

Она уставила глаза въ полъ и сидѣла, не двигаясь, не шевелясь. Теперь уже ее пугала не картина смерти ея мужа, а картина ея будущей жизни.

— Что же, чай-то будете пить?—спросила Дарья.

Софья Дмитріевна вздрогнула.

— Нѣтъ, Дарьюшка!—отвѣтила она.

— Что это съ бариномъ-то?—тихо спросила Дарья.

— Умираетъ,—такъ же тихо прошептала Софья Дмитріевна.

— Ну-у!—недовѣрчиво проговорила служанка.—За священникомъ или за докторомъ не послать ли?

— Я не смѣю!

— А можетъ, и такъ отлежится, сномъ, значитъ, пройдетъ. Это бываетъ.

Служанка вышла. Софья Дмитріевна осталась сидѣть одна.

«Вотъ и бабенька умерла безъ духовной, по-міру меня пустила,—думала она.—И онъ такъ умретъ. Мнѣ такъ на роду написано... Написать бы духовную и попросить его подписать ее... Но какъ же попросить? Подпишетъ ли?.. Нѣтъ, я не рѣшусь попросить, ни за что не рѣшусь!.. А если я сама? Говорятъ, это часто дѣлается... Вотъ онъ разсказывалъ про такой случай... Онъ вѣдь все равно хотѣлъ бы мнѣ все оставить, а не своимъ роднымъ. Онъ ихъ ненавидитъ. Да это и не ихъ имущество. Это его и мое. Я жена... Но гдѣ же взять свидѣтелей?»

Она опять впала въ оцѣпенѣніе. Ей стали вспоминаться всѣ знакомые мужа,—ростовщики, биржевые дѣльцы, комиссіонеры, темныя личности. Въ ея воспоминаніи воскресли всѣ ихъ разговоры о поддѣлкѣ духовныхъ завѣщаній, о поддѣлкѣ векселей, о всей той массѣ мошенническихъ сдѣлокъ, которыми жилъ этотъ людъ. Весь этотъ людъ, спокойно говорившій о разныхъ мошенничествахъ, охотно согласился бы за деньги составить вмѣстѣ съ нею подложное духовное завѣщаніе. Но ей страшно было войти съ ними въ переговоры. Они могли выдать ее. Она боялась ихъ.

«Если векселя отъ его имени написать,—снова мелькнуло въ ея головѣ.—Это легче. Подписать, какъ онъ подписываетъ. Это я одна могу сдѣлать. Но учтутъ ли ихъ? Учтутъ! Леня самъ принималъ поддѣльные векселя. По поддѣльнымъ скорѣе выплатятъ, говорилъ онъ. Не захотятъ подвергнуться

уголовной отвѣтственности. Но вѣдь это онъ учиталъ векселя, поддѣланные дѣтьми вліятельныхъ особъ, извѣстныхъ лицъ. А кто учтетъ поддѣланные мною векселя?.. Развѣ попросить Петю, чтобы онъ уговорилъ своихъ друзей поставить на векселяхъ бланки... Мнѣ только бы теперь вывернуться съ Петей, а тамъ... Умретъ Леня... я все возьму и безъ духовной... Я одна здѣсь... Вѣдь это все мое, мое... Да, учесть векселя теперь, тогда будутъ деньги на выкупъ вещей... А если онъ не умретъ? Что онъ скажетъ тогда, узнавъ о векселяхъ? Онъ убьетъ меня... Убьетъ!»

Она съ ужасомъ взглянула на мужа. Онъ казался мертвымъ.

«Нѣтъ, онъ не встанетъ,—подумала она.—Нужно торопиться. Не то все оберутъ его родные. Этотъ проклятый двоюродный его братъ... эта гнусная его тетка... они ненавидятъ меня. Я ихъ мало знаю, но знаю, что они злые, гадкіе... Да, они, какъ мой дядя, пріѣдутъ и выгонятъ меня на улицу, въ одномъ платьѣ... Господи, какъ я была тогда несчастна... хорошо еще, что я тогда не вполнѣ понимала это... А теперь... Нѣтъ, нѣтъ, я должна что-нибудь сдѣлать».

Она думала и дѣйствовала точно во снѣ, въ бреду, наобумъ. Она знала дѣйствительную жизнь по наслышкѣ, она не умѣла мошенничать; она только сознавала, что она можетъ теперь спастись однимъ мошенничествомъ. Она осторожно встала и, крадучись, пошла между шкаповъ, этажерокъ и вѣшалокъ съ платьемъ къ письменному столу, на которомъ стояла свѣча. Она открыла одну изъ шнуровыхъ книгъ, взяла листъ лежавшей тамъ бумаги и начала копировать подпись мужа. Это была затѣйливая подпись, состоявшая изъ длинныхъ, узкихъ буквъ, составлявшихъ треугольникъ, начинавшійся большимъ *З* и кончавшійся едва замѣтнымъ *ъ* съ росчеркомъ, образовавшимъ почти кольцо, охватывавшее весь треугольникъ. Эта подпись была пріобрѣтена долгой практикой еще въ тѣ времена, когда молоденькій пажъ Зиминъ пріучалъ себя подписывать «подпоручикъ Зиминъ». Она хорошо знала эту подпись, знала характеръ каждой изъ этихъ шести буквъ, и все-таки ея рука выводила совсѣмъ иныя буквы. Повидимому, что могло быть легче этого росчерка, представлявшаго тонкое, правильное кольцо, а между тѣмъ у нея не выходило это кольцо такимъ ровнымъ, такимъ правильнымъ. Она попробовала наложить на подпись мужа тонкую бумагу и прорисовать эту подпись. Но этотъ опытъ вышелъ еще неудачнѣе: всѣ буквы

обличали дрожаніе въ рукѣ, росчеркъ былъ мѣстами толще, мѣстами тоньше.

— Кто это? Кто?—послышался ей голосъ мужа.

Она замерла, быстро закрывъ рукою бумажку съ пробными подписями.

— Это я,—отозвалась она.

— Не спишь?—спросилъ онъ слабо.

— Нѣтъ.

— Что дѣлаешь?

Онъ пошевелился. Она еще плотнѣе зажала рукой бумажку. «Что, если онъ встанетъ, увидитъ?»—мелькнуло въ ея головѣ. Она словно замерла.

— Просматриваю книги отъ нечего дѣлать,—глухо отвѣтила она.

— Пить дай!

Она скомкала исписанную ею бумажку и спрятала ее въ карманъ. Черезъ минуту она приближалась къ мужу со стаканомъ воды.

— Тебѣ лучше?—спросила она.

— Нѣтъ... тутъ горитъ... душитъ,—отвѣтилъ онъ, показывая на грудь.

— Не послать ли за докторомъ?—заботливо спросила она.

Онъ отрицательно махнулъ рукою и снова забылся.

Она опять сѣла писать эти роковыя шесть буквъ. Иногда она останавливалась на первой же буквѣ, написавъ вмѣсто *з* знакъ, обозначавшій унцію; иногда ей удавалось написать всѣ шесть буквъ и испортить все росчеркомъ; ни разу она не могла сказать, что она хотя на шагъ приблизилась къ желанной цѣли. Въ ея головѣ не было теперь никакихъ думъ, вопросовъ, сомнѣній; ея мозгъ былъ направленъ въ одну сторону; онъ видѣлъ только эти шесть буквъ съ круглымъ росчеркомъ; онъ стремился только уловить эту подпись. Ея душевное настроеніе дѣлалось все болѣе и болѣе болѣзненнымъ, лихорадочнымъ; она была больна серьезнѣе, чѣмъ ея мужъ; ея психическое состояніе могло быть названо, безъ всякой натяжки, помѣшательствомъ.

— Не надо... не надо... спи!—опять послышался голосъ больного.

— Ничего!—отвѣтила Софья Дмитріевна, снова вздрогнувъ и пряча бумажки, исписанныя ею.

— Мы поѣдемъ... ну, и хорошо... довольно такъ жить... Возьми билеты... Ты думаешь, денегъ нѣтъ... глупости!.. Деньги есть... Потеряна только честь... Бери билеты.

Больной бредилъ ровнымъ, однообразнымъ, гробовымъ голосомъ.

Софья Дмитріевна вся съежилась отъ ужаса. Она боялась подняться съ мѣста, боялась позвать служанку. Мутное зимнее утро начинало уже заниматься. Она сама не вѣрила своимъ глазамъ, видя, что ночь уже прошла. Она не могла даже дать себѣ яснаго отчета, какъ она провела эту ночь—писала ли она безъ перерыва, забывалась ли на нѣсколько минутъ сномъ.

VI.

Рѣзкій звонокъ у парадnаго входа въ квартиру Зиминыхъ заставилъ Софью Дмитріевну очнуться вполнѣ. Онъ напомнилъ ей, что начался день и что ей пора приняться за свои обычныя обязанности.

Она торопливо, испуганно спрятала исписанные ею листы бумаги, кое-какъ поправила свой туалетъ и пошла отворить дверь для пріема посѣтителей. Принявъ въ залогъ вещи и выдавъ ссуду, она осталась одна и начала опять смутно припоминать, что было съ нею въ прошлую ночь. Поддѣлываніе подписи мужа казалось ей теперь какимъ-то тяжелымъ сномъ, страшнымъ кошмаромъ: если бы въ ея карманѣ не было этихъ предательскихъ, исписанныхъ ею, бумажекъ, она не повѣрила бы, что она провела эту ночь безъ сна въ такой работѣ; она даже не понимала теперь, для чего она старалась поддѣлать подпись мужа. Выдать векселя отъ его имени она, какъ ей казалось теперь, не посмѣла бы, покуда онъ еще живъ. Написать въ свою пользу завѣщаніе отъ его имени было невозможно, такъ какъ у нея не было надежныхъ свидѣтелей. Теперь она понимала все это, и ей самой казалось, что она дѣйствовала ночью въ бреду, въ припадкѣ умопомѣшательства. Она никакъ не могла вспомнить, какъ она додумалась ночью до необходимости поддѣлать подпись мужа. Но что же ей дѣлать теперь, чтобы обезпечить себя въ будущемъ, въ случаѣ смерти мужа? Да дѣйствительно ли онъ такъ опасно боленъ? Нужно позвать доктора, нужно спросить его о состояніи больного. Она прошла къ мужу. Онъ лежалъ, попрежнему, безъ движенія, но не спалъ.

— Тебѣ, Леня, очень худо?—спросила несмѣло Софья Дмитріевна.

— Доктора пригласи,—проговорилъ больной слабымъ голосомъ.

— Фроста или кого-нибудь другого?—спросила жена.

— Фроста.

Софья Дмитріевна торопливо направилась въ кухню, послала кухарку за докторомъ, велѣла ей вернуться черезъ парадную лѣстницу и заперла за нею дверь на черный ходъ.

— Ты, Леня, не хочешь ли чаю?—спросила она, возвращаясь къ мужу.

— Пожалуй, съ лимономъ,—отвѣтилъ больной.

Онъ лежалъ, обкусывая кожу на пересохшихъ губахъ и разсматривая съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ свои исхудалыя желтыя руки.

— Хорошо ли тебѣ съ лимономъ?—спросила она.

— Ничего...

Она пошла снова въ кухню заварить чай. Она дѣйствовала теперь бодро, энергично, точно въ лихорадкѣ. По временамъ ей казалось, что ей нужно именно теперь собрать всѣ свои силы, такъ какъ, пожалуй, сегодня къ вечеру все кончится. Она не говорила даже мысленно, что именно кончится; она не давала себѣ отчета, почему она думаетъ, что все должно кончиться именно сегодня; она была просто сильно возбуждена и ждала какой-то катастрофы. Среди хлопотъ съ чаемъ она два раза слышала рѣзкіе звонки у парадного входа, два раза отрывалась отъ самовара, чтобы выдать ссуды посѣтителямъ.

— Соня,—позвалъ ее больной.

— Что?—отозвалась она.

— Вывѣси на двери объявленіе, что сегодня касса закрыта,—проговорилъ больной.—Я не могу слышать этого звонка.

Она поспѣшила исполнить его желаніе. Она сама была рада, что ее не будутъ тревожить въ этотъ день посѣтители. Черезъ полчаса вернулась служанка. Слѣдомъ за нею пріѣхалъ и докторъ Фростъ—полный, серьезный мужчина, съ просѣдью, съ подстриженными бакенбардами, съ холодными глазами, съ большими перстнями на толстыхъ пальцахъ, походившій скорѣе на озабоченнаго дѣльца изъ биржевыхъ игроковъ, на разжирѣвшаго ростовщика, чѣмъ на друга болящихъ.

— Я такъ и думалъ, что вчерашнее собраніе не пройдетъ вамъ даромъ,—проговорилъ онъ, щупая пульсъ больного.

— Да... да... Это чортъ знаетъ что такое... Грабежъ чистѣйшій,—взволновался больной.

— И какъ насъ-то поддѣли!.. Оказывается, и директора,

и наблюдательный совѣтъ, всѣ были заодно... Вѣдь у меня до тридцати тысячъ гибнетъ... Ну, а языкъ какъ?

Больной съ трудомъ высунулъ языкъ.

— Мы, впрочемъ, можетъ-быть, еще успѣемъ сбыть наши акціи, пока дѣло не гласно,—проговорилъ докторъ, разсѣянно смотря на языкъ больного.

— Пожалуйста, похлопочите... Эта проклятая болѣзнь мнѣ мѣшаетъ самому позаботиться.

Больной говорилъ съ трудомъ.

— Непремѣнно... непремѣнно... Ознобъ сейчасъ же начался, какъ вернулись домой?

— Да... Нѣтъ, а каковы же директора? Сами сухи изъ воды выйдутъ, а акціонеры поплатятся своими боками... А?

— Да я вѣдь предсказывалъ, что это будетъ. Мы съ вами рискнули...

Докторъ торопливо кончилъ изслѣдованіе больного, почти не выслушалъ отвѣтовъ на свои вопросы, поспѣшно нацарапалъ рецептъ и, аккуратно спрятавъ въ бумажникъ полученныя за визитъ деньги, пожалъ руку больного.

— Что, докторъ, какъ вы его нашли?—спросила Софья Дмитріевна, провожая его въ переднюю.

— Простудился. При его обыкновенной болѣзни опасно было выходить вечеромъ изъ дому, — отвѣтилъ онъ, надѣвая шубу.

— Я это говорила, да онъ такой упрямый.

— Что-жъ, если дѣла были, такъ нельзя же было сидѣть дома. Дѣла общества крутогорско-порѣченской желѣзной дороги совсѣмъ разстроились... Открылся цѣлый рядъ плутней, мошенничествъ... Мы вчера и собирались en petit comité обсудить свое положеніе. Онъ сильно погорячился.

— Но вы не опасаетесь?

— Помилуйте, какъ не опасаться! У меня на тридцать тысячъ акцій! Онъ кажется, менѣе поплатится,—горячо воскликнулъ докторъ.

— А относительно его болѣзни? Она не опасна?

Докторъ пожалъ плечами.

— Онъ уже давно опасно боленъ. При спокойствіи можетъ еще проскрипѣть. Въ его лѣта съ этой болѣзнью тянуть долго... Очень можетъ-быть, что мнѣ удастся во-время сбыть наши акціи, это подѣйствуетъ на него хорошо въ моральномъ отношеніи.

— Такъ вы думаете, что онъ можетъ еще прожить?

— Отчего же нѣтъ, если все пойдетъ хорошо! ручаться

ни за что нельзя. Конечно, мы спохватились во-время; на биржѣ, положимъ, слухи о дѣлахъ распространятся тоже скоро, но еще найдутся дураки, которые купятъ акціи. Теперь надо только торопиться, ловко обдѣлать дѣло.

— Лѣкарство давать черезъ часъ?

— Да, да, черезъ часъ... Я тамъ ему прописалъ микстурку. Но это все пустяки всѣ эти микстурки. Поправятся наши дѣла—и онъ ободрится опять... Лѣкарство это такъ, для успокоенія совѣсти... Когда дѣла плохи, никакія лѣкарства не помогутъ.

Докторъ кивнулъ головой Софьѣ Дмитріевнѣ и торопливо скрылся. Его сильно тревожили акціи крутогорско-порѣченской желѣзной дороги, на которыя онъ убилъ значительную часть своего капитала и которыя должны были сильно упасть въ цѣнѣ вслѣдствіе мошенничества желѣзнодорожнаго правленія.

Софья Дмитріевна, отославъ кухарку въ аптеку, осталась въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Ей было бы гораздо легче, если бы докторъ прямо сказалъ, что ея мужъ долженъ умереть, и умереть скоро, завтра, сегодня. Это придало бы ей энергіи, заставило бы ее сообразить, что дѣлать. Теперь же она рѣшительно не знала, за что приняться. Ея ненормальное возбужденіе прошло; силы снова упали. Когда больной немного забылся, она вышла въ кухню и расплакалась. Она даже не замѣтила возвращенія Дарьи изъ аптеки.

— Что баринъ-то? Помираетъ?—спросила кухарка.

— Худо ему, Дарьюшка, очень худо!—проговорила, всхлипывая, Софья Дмитріевна.

— Экой грѣхъ какой случился!—вздохнула кухарка.

— Ты дай знать Петру Павловичу, чтобы вечеромъ зашелъ.

— А самъ-то какъ же?

— Что же Леня—Леня теперь не увидитъ.

— Оно, конечно, если ужъ помираетъ... Дворникъ вотъ спрашивалъ. Гробовщикъ, говоритъ, если понадобится, такъ у него есть знакомый.

— Ахъ, что ты, что ты!

Софья Дмитріевна замахала рукой.

— Что-жъ, въ смерти и животѣ Богъ воленъ!

Софья Дмитріевна снова заплакала.

— Ты сходи, Дарьюшка, къ Петру Павловичу, сходи!—всхлипывала она.

Кухарка покачала головой и вышла изъ кухни. Черезъ четверть часа весь домъ уже зналъ, что Зиминъ «помираетъ». Дарья успѣла передать всѣмъ своимъ знакомымъ тревожную новость. Толки о безнадежномъ положеніи «ростовщика» интересовали всѣхъ. Всѣ представляли себѣ, какъ обрадуется молодая жена, оставшись богатой вдовой. Дворникъ далъ знать гробовщику и сбѣгалъ къ родственникамъ Зимина, которые, уже давно видя, какъ расхварывается Леонидъ Григорьевичъ, подговорили дворника дать имъ знать, если что-нибудь случится съ ихъ родственникомъ. Они ожидали его смерти, какъ хищныя птицы ждутъ падали.

Въ полдень, по черной лѣстницѣ, къ квартирѣ Зиминыхъ уже поднималась немолодая женщина, въ полиняломъ и вытертомъ лисьемъ салопѣ, съ обдерганнымъ собольимъ воротникомъ и въ смятой старомодной шляпкѣ съ выгорѣвшимъ на солнцѣ краснымъ цвѣткомъ, сдвинувшейся на затылокъ. Лицо этой женщины, измятое, сморщенное и обрюзгшее, нѣсколько раскраснѣлось отъ усиленной ходьбы. Ея бѣлокурые, сухіе и мѣстами посѣдѣвшіе волосы выбивались нѣсколькими коротенькими прядями на лицо. Она на ходу передергивала свои синеватыя, некрасивыя губы, какъ бы обкусывая беззубымъ ртомъ ихъ запекшуюся кожу. Судя по росту, по довольно прямому стану, по полнотѣ, можно было предполагать, что эта женщина была когда-то «belle femme». Теперь это была руина въ полномъ смыслѣ этого слова,— руина отталкивающая, некрасивая, сломанная не столько годами, сколько житейскими бурями и ураганами. Но, несмотря на все это, сразу можно было сказать, что это руина зданія, когда-то блестѣвшаго, когда-то удивлявшаго своимъ величіемъ. При всей своей изношенности, при всей своей нищенской одеждѣ, эта женщина сохранила твердость походки, суровое, повелительное выраженіе глазъ, что-то неуловимое, что сразу говорило, что это «барыня». Она торопливо вошла въ кухню Зиминыхъ и, увидавъ Софью Дмитріевну, вдругъ сдѣлала привѣтливую физіономію, хотя улыбка искривила только ея ротъ, въ темной пропасти котораго торчалъ одинъ желтый и большой клыкъ, но не озарила ея тусклыхъ и холодныхъ, сѣрыхъ, какъ свинецъ, глазъ, хранившихъ какое-то суровое, почти жестокое выраженіе.

— Ма chère, что случилось? Вы въ слезахъ?—проговорила она, пожимая руку Софьи Дмитріевны грубою, широкою, почти мужскою рукою.

— Леня захворалъ, —проговорила растерянно Софья Дми-

тріевна, не ожидавшая встрѣтить у себя Марью Ивановну Шустову, тетку своего мужа.

Софья Дмитріевна боялась этой женщины. Она знала отъ мужа грязное прошлое этой барыни-аристократки, оставившей въ Баденъ-Баденѣ и Гамбургѣ на рулеткѣ все свое состояніе, и инстинктивно угадывала, что Шустова не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы поправить хотя сколько-нибудь свое матеріальное положеніе.

— Mon Dieu! mon Dieu! Я такъ и думала, такъ и думала!—воскликнула старуха. — Какъ же вы не дали мнѣ знать? Кто же за нимъ ходитъ?

Старуха говорила развязно, скоро, вставляя французскія слова въ русскую рѣчь, какъ женщина, привыкшая съ молодости больше болтать въ салонахъ, чѣмъ слушать. Она небрежно сбросила свой салопъ на руки служанкѣ, сняла шляпку и, бросивъ ее куда попало, какъ вещь, не имѣвшую для нея никакого значенія, направилась въ комнату больного.

— Леня спитъ,—несмѣло замѣтила Софья Дмитріевна.

— Все равно. Я думаю, со мной нечего церемониться. Люди говорятъ, что довожусь теткой! — съ сухой иронiей отвѣчала старуха.—Ахъ, Боже мой, онъ даже не на постели лежитъ, а на диванѣ. Это неудобно! Его надо перенести!

Зиминъ открылъ глаза и тупо посмотрѣлъ на тетку.

— Ай, ай, ай, какой нехорошій ты! Фи! — проговорила старуха, стараясь придать своему сиплому голосу мягкость.— Не стыдно ли хворать?

— Умирать собираюсь,—пробормоталъ больной, скрививъ насмѣшливо ротъ.

— Ну, полно, полно! Очень нужно думать о смерти! Еще такимъ молодцомъ будешь, что завидно смотрѣть будетъ.

Больной опять сдѣлалъ насмѣшливую гримасу.

— Докторъ былъ?—обратилась старуха къ Софьѣ Дмитріевнѣ.

— Былъ.

— Кто?

— Фростъ его постоянно лѣчитъ.

— Фростъ? Фростъ?—протяжно повторяла старуха, какъ бы что-то припоминая.—Это какая-то неизвѣстность! Вы бы пригласили кого-нибудь другого.

— Не надо,—слабо махнулъ рукой Зиминъ.

— Ну, какъ хочешь, какъ хочешь!—успокоительно сказала она.—Но за нимъ уходъ нуженъ. Вамъ однѣмъ тяжело.

Я готова побыть съ нимъ, чтобы вы отдохнули. Я все равно бью покуда баклуши, да слоновъ продаю.

Въ тонѣ, которымъ была сказана послѣдняя фраза, снова зазвучала сухая, холодная иронія. Старуха часто прибѣгала къ подобнымъ вульгарнымъ фразамъ, иногда переходившимъ отъ вульгарности къ цинизму.

— Я не устала,—тихо проговорила Софья Дмитріевна.

— Не устали теперь, но устанете потомъ,—наставительно отвѣтила старуха. — За больнымъ нужно походить, чтобы знать, какъ это утомляетъ. Лучше двоимъ ходить, чѣмъ одной.

Софья Дмитріевна обратила молящій взоръ къ мужу. Она боялась, что его тетка останется у нихъ. Старуха могла помѣшать ея свиданіямъ съ Муратовымъ. Она могла помѣшать составленію духовнаго завѣщанія.

— Ты устала, Соня?—спросилъ больной, стараясь прямо взглянуть на нее.

— Нѣтъ, Леня,—поспѣшно отвѣтила она.

— Ну, и прекрасно, и ходи одна. Тебѣ же лучше будетъ.

Въ его голосѣ послышалось не то ласка, не то иронія.

— Ну, какъ хотите,—пробормотала старуха, передергивая синеватыми губами.—Но я надѣюсь, что вы тотчасъ же пригласите меня, какъ только понадобится моя помощь.

Она присѣла около дивана. Софьѣ Дмитріевнѣ нужно было выйти по хозяйству, но она боялась оставить тетку съ-глазу на-глазъ съ больнымъ. Наконецъ, ее позвала Дарья, спросить насчетъ кофе и завтрака. Она вышла изъ комнаты. Старуха устремила на больного ястребиный взоръ и, казалось, мысленно разсчитывала, долго ли ему осталось жить. Что-то холодное, безсердечное было въ этихъ глазахъ старой развратницы, дошедшей до нищеты и жаждавшей только денегъ и денегъ, чтобы не умереть на мостовой. Больной неожиданно открылъ глаза и встрѣтилъ этотъ взглядъ. Старуха поспѣшила улыбнуться, но опять улыбался только ея беззубый, темный, какъ бездонная пропасть, ротъ, изъ котораго выдвигался наружу только одинъ пожелтѣлый, крупный клыкъ.

— Вотъ какъ свернулся! И недѣли не протяну,—усмѣхнулся больной, словно отвѣчая на ея затаенныя мысли.

— Ne dites pas des bêtises. Въ болѣзни всегда разстраивается воображеніе,—торопливо и развязно произнесла старуха.—И не думай о смерти! Tu es hors d'affaire. Ты совсѣмъ не опасенъ. Я знаю это; много видѣла больныхъ на

своемъ вѣку; и выздоравливали, и умирали на моихъ рукахъ. Тоже пожила, слава Богу!

— Нѣтъ, ужъ мнѣ не встать. Духовную надо сдѣлать,— произнесъ больной.

— Ахъ, забудь обо всемъ этомъ, не волнуйся—и будешь здоровъ.

Старуха чувствовала, что нужно какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы больной не дѣлалъ духовнаго завѣщанія. Его слова даже обрадовали ее, давъ ей понять, что онъ еще не сдѣлалъ завѣщанія.

— Въ твоей болѣзни главное—спокойствіе. Не думай о деньгахъ, о противныхъ расчетахъ, тогда и будешь спокоенъ. Бери съ меня примѣръ: жила, много жила, а никогда ничего не считала.

— Зато много и прожили.

— Много или мало, не знаю, оттого и не тужу. Хуже было бы, если бы считала, да проживала, давно въ могилу сошла бы съ горя о прожитомъ. Всѣ эти soucis de la vie только убиваютъ, а пользы, право, никакой не приносятъ. Ну, что вотъ ты? Ну, разсчитывалъ, копилъ, а развѣ ты жилъ?

— Гдѣ ужъ мнѣ! Это вы умѣли только пожить!—усмѣхнулся больной.

— Да, пожила, пожила! Есть чѣмъ прошлое вспомнить!— почти хвастливо отвѣтила старуха.

— А много тѣ-то стоили, съ кѣмъ пожили?—презрительно спросилъ больной, какъ бы желая съ умысломъ оскорбить ненавистную ему женщину.

— Ну, mon cher, никогда не продавала, никогда не покупала,—отвѣтила она съ холоднымъ цинизмомъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла Софья Дмитріевна, чтобы пригласить старуху къ кофе.

— Бѣдный Леонидъ! Sa bile s'émeut aisément, какъ только онъ вспомнитъ о дѣлахъ, о деньгахъ. А онъ только и толкуетъ, что о духовной,— заговорила тетка, обращаясь къ Софьѣ Дмитріевнѣ.—Ему эти волненія вредны. Вы должны уговорить его, чтобы онъ не думалъ ни о какихъ дѣлахъ. Поправится, тогда другое дѣло. Теперь же позволить ему толковать о нихъ—значитъ желать ухудшенія его здоровья. Это ваша прямая обязанность заботиться о его спокойствіи.

Софья Дмитріевна взглянула вопросительно на тетку и мужа.

— Да вѣдь ей нельзя не заботиться о духовномъ завѣ-

щаніи, такъ какъ безъ духовной она останется нищей,— проговорилъ больной, и опять по его лицу скользнула насмѣшливая гримаса.

— Ну, мой другъ, никто не станетъ обирать Софью Дмитріевну, — произнесла тетка, презрительно пожимая плечами.—Да, я думаю, ей теперь и не до того, чтобы размышлять, что съ нею будетъ послѣ. Теперь мысль о твоемъ здоровьѣ должна быть у нея на первомъ планѣ.

Софья Дмитріевна была смущена.

— Почему же мысль о моемъ здоровьѣ, а не о моей смерти?— усмѣхнулся больной.—Живые о живомъ и думаютъ. Вѣдь меня всѣ милліонеромъ считаютъ. Какъ же не думать о такомъ богатствѣ!

— Фи, ты оскорбляешь жену свою подозрительностью!— съ упрекомъ покачала головой тетка.—Хорошо, что я не наслѣдница послѣ тебя, а то, право, и я оскорбилась бы. Впрочемъ, можетъ-быть, ты мнѣ и вздумаешь оставить какую-нибудь старую шубу, а то моя хламида просится въ отставку,—усмѣхнулась она и, быстро перемѣнивъ тонъ, прибавила:—полно, ты еще насъ переживешь, только не волнуйся.

Софья Дмитріевна пригласила тетку мужа въ другую комнату. Обѣ женщины вошли въ комнату, раздѣленную драпировкой на двѣ половины, и сѣли у круглаго стола пить кофе.

— Бѣдный Леонидъ, какъ онъ волнуется! — вздохнула тетка. — Ахъ, ужъ эти дѣльцы! Деньги для нихъ дороже собственной жизни. Вамъ надо стараться успокоить его и ободрять. Я надѣюсь, что вы, ma chère, не говорили ему о завѣщаніи? Денежные вопросы — это его больное мѣсто. Его можно убить ими. Будьте осторожны. Этого требуетъ благоразуміе. Вы можете его окончательно убить, напоминая ему о завѣщаніи, и тогда для васъ же будетъ хуже. Онъ не сдѣлаетъ завѣщанія, если вы его станете просить объ этомъ теперь. Вы видите, какъ онъ относится къ этому дѣлу. А между тѣмъ, это взволнуетъ его и ускоритъ его смерть.

Софья Дмитріевна молчала. Она все болѣе и болѣе понимала безвыходность своего положенія.

— Какъ жаль, что вы не поддержали моего предложенія ходить за больнымъ,—продолжала тетка.—Я, можетъ-быть, скорѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, могла бы довести Леонида до составленія духовнаго завѣщанія. Меня вѣдь онъ не

можетъ подозрѣвать ни въ чемъ. Я не наслѣдница. Съ своими дѣтьми я, какъ вы знаете, не въ ладахъ. Наконецъ, заботясь о духовной, я могла бы дѣйствовать только въ вашу пользу. Вѣдь ваше положеніе дѣйствительно очень тяжелое. Правда, про Леонида говорятъ, qu'il est cousu d'argent, но я думаю, что онъ вовсе не такъ богатъ, чтобы ваша законная часть наслѣдства могла быть значительною. Вамъ достанутся какія-нибудь семь-восемь тысячъ, вотъ и все. Съ этими средствами on ne peut pas faire bonne vie. Pauvre enfant! Вы еще не знаете, что значитъ нищета! Ахъ, я все знаю по опыту: и богата была, и голодала. Всего было... Ну, да что объ этомъ толковать! Дай Богъ вамъ не пройти той дороги, которую прошла я. Можетъ-быть, Леонидъ еще поправится, хотя, конечно, надежды мало. Я насмотрѣлась на своемъ вѣку на больныхъ. Онъ можетъ умереть совершенно неожиданно: припадокъ сильнаго кашля, недостатокъ воздуха—и конецъ. Cela peut ne pas arriver, но все же вы должны быть къ этому готовы: эти удары переносятся не легко, когда ихъ не ждешь.

Софья Дмитріевна чувствовала, что у нея замираетъ отъ ужаса сердце. Ей опять представлялся этотъ исхудалый трупъ среди ихъ мрачной обстановки, приходъ полиціи, опечатываніе имущества, раздѣлъ денегъ, грабежъ со стороны алчныхъ родственниковъ мужа, ея бѣдность и необходимость отречься отъ Муратова. Она сознавала, что ее можетъ спасти только духовное завѣщаніе; но какъ же сказать мужу о духовномъ завѣщаніи? Это его раздражитъ. Онъ взволнуется, упрекнетъ жену за желаніе его смерти и, конечно, не напишетъ духовнаго завѣщанія. Можетъ-быть, это даже ускоритъ его смерть. Но если не говорить ему объ этомъ предметѣ, то онъ самъ и не подумаетъ о духовномъ завѣщаніи, а умереть онъ можетъ каждую минуту.

— Ну, я пойду, дитя моя! — проговорила тетка, зорко слѣдившая за Софьей Дмитріевной своими холодными глазами. — Мужайтесь и надѣйтесь, если вы еще можете надѣяться.

Старуха встала и простилась съ Зиминой. Софья Дмитріевна осталась одна и задумалась. Шустова поставила ее въ безвыходное положеніе: она отрѣзала ей возможность намекнуть больному о духовномъ завѣщаніи и въ то же время указала бѣдной женщинѣ, что ждетъ ее въ будущемъ, если духовнаго завѣщанія не будетъ сдѣлано. Теперь Софьѣ Дмитріевнѣ, не знавшей размѣровъ денежныхъ

средствъ мужа, становилось еще страшнѣе, когда она вспомнила о словахъ Фроста, говорившаго о значительныхъ потеряхъ Зимина на акціяхъ крутогорско-порѣченской желѣзной дороги. Не потерялъ ли Зиминъ на нихъ бо́льшую часть своего состоянія? Не разорился ли онъ совсѣмъ? Что тогда? Что достанется ей?

Въ это время отчетливо пробили часы. Молодая женщина вспомнила, что пора дать больному лѣкарство. Она торопливо поднялась съ мѣста, и въ ея головѣ мелькнула мысль, что нужно какъ можно аккуратнѣе лѣчить больного, чтобы поднять его. Теперь она, кажется, много отдала бы, чтобы видѣть его здоровымъ. Она вошла въ комнату къ мужу и предложила ему лѣкарство.

— Ворона улетѣла?—глухо спросилъ онъ.

— Кто?

— Про тетку спрашиваю...

— Да, она ушла.

— Почуяла падаль! Это первая застрѣльщица. Погоди, прилетятъ и другія хищныя птицы. Сыну дастъ знать.

— Они въ ссорѣ, Леня...

— Ну да, въ ссорѣ, потому что у нея денегъ нѣтъ... Теперь помирятся. Нѣтъ, воронъ ворона не заклюетъ... Всѣ вмѣстѣ дѣйствовать ста́нутъ.

Больной взглянулъ на жену.

— Ты боишься ихъ, Соня?—спросилъ онъ мягко.

— Чего же мнѣ ихъ бояться?—тихо отвѣтила она.

— А помнишь своего дядю, какъ онъ тебя выгналъ на улицу? И они выгонятъ тебя, если не будетъ духовнаго завѣщанія. Денегъ, денегъ всѣмъ надо! Изъ-за денегъ убить ближняго всѣ готовы. Теперь вѣкъ такой; съ деньгами ты—царь, безъ денегъ—отщепенецъ, прокаженный... Не будь у меня денегъ, издыхалъ бы, какъ собака. Никто не пришелъ бы навѣстить...

Больной встревожился и закашлялъ. Софья Дмитріевна поблѣднѣла.

— Леня, милый, не тревожься! — начала она умолять его.—Береги себя, береги ради меня!

Въ ея голосѣ послышались слезы.

— Ничего, ничего... пройдетъ! — отрывисто махалъ онъ рукою, продолжая кашлять.

Она машинально провела рукою по его впалой груди. Она боялась, что онъ умретъ, оставивъ ее нищей. Онъ съ благодарностью взглянулъ на нее за это ласковое движеніе.

— Бѣдная моя... тяжело тебѣ со мною... Ну, да я еще поднимусь... поправлюсь... заживемъ иначе... уѣдемъ сейчасъ же въ Ментонъ, какъ только немного полегчаетъ... Ты вѣдь рада будешь попутешествовать? Да?..

— Да, — отвѣтила Софья Дмитріевна, чувствуя, что ее снова охватилъ ужасъ при мысли о путешествіи, о разлукѣ съ Муратовымъ, объ открытіи мужемъ недостатка ея золотыхъ вещей.

Она окончательно переставала понимать, что она желаетъ, и что ей нужно дѣлать. Желать скорой смерти мужа и остаться, быть-можетъ, съ такими маленькими средствами, что Петръ Павловичъ откажется на ней жениться. Желать выздоровленія мужа и при отъѣздѣ его за границу открыть ему пропажу ея золотыхъ вещей, разстаться съ Муратовымъ. Попросить мужа сдѣлать въ ея пользу духовное завѣщаніе и тѣмъ самымъ показать мужу, что она надѣется на его смерть, раздражить его еще болѣе, заставить его лишить ее всего. Не говорить ему о духовномъ завѣщаніи и терпѣливо ждать, когда онъ самъ напишетъ это завѣщаніе, зная навѣрное, что онъ его не напишетъ никогда по своему собственному почину. Она теряла голову и бродила весь день, какъ помѣшанная. Казалось, ее заперли въ затхлый и темный подвалъ, откуда не было никакого выхода, гдѣ ей приходилось стоять у постели умирающаго, у котораго были спрятаны въ неизвѣстномъ для нея мѣстѣ ключи отъ этого подвала,—она боялась и продолженія жизни этого умирающаго, и его смерти. Она вся холодѣла отъ сознанія безвыходности своего положенія, и въ то же время ей вспоминался Муратовъ, вспоминались восторги любви, рисовалась возможность счастливой жизни съ нимъ. Она сознавала, что она не можетъ отказаться отъ Муратова, что онъ ей дороже всего на свѣтѣ, что онъ — цѣль ея жизни. Ей вспоминалось его еще красивое выхоленное тѣло, и она сравнивала его съ истощенной, костлявой и желтой фигурой мужа; ей вспоминались мужественныя ласки Муратова, и она видѣла въ его цинизмѣ, въ его развращенности силу и страстность; ей представлялось, что она могла бы безраздѣльно, постоянно обладать этимъ человѣкомъ, если бы не мужъ, если бы не бѣдность. Ей въ душу начинало впервые закрадываться чувство, близкое къ ненависти къ мужу, — ненависти за то, что онъ живетъ, что онъ не отказываетъ ей по духовному завѣщанію всего своего состоянія. Это чувство не было чувствомъ простой раз-

вратницы, чувствомъ обыкновенной безнравственной женщины; это было просто чувство женщины, не знавшей никакихъ другихъ законовъ, кромѣ законовъ чисто-животной жизни, не имѣвшей никакого понятія о нравственности. Дикарь убиваетъ дикаря, чтобы не быть самому убитымъ; онъ съѣдаетъ убитаго врага, потому что онъ хочетъ ѣсть, а человѣческое мясо кажется ему питательнымъ. Тутъ нѣтъ преступленія, потому что тутъ нѣтъ сознанія о нравственности и безнравственности, а есть простые животные инстинкты, простыя потребности утробной жизни. Этою жизнью жила Софья Дмитріевна. Она спокойно выносила присутствіе и ласки мужа, покуда это присутствіе и эти ласки не мѣшали ей почти ежедневно хоть часъ удовлетворять свои собственныя животныя потребности съ другимъ; теперь больной мужъ дѣлался преградою для ея свиданій, онъ могъ помѣшать въ будущемъ ея наслажденіямъ, — и она начинала ненавидѣть этого мужа.

Въ девять часовъ вечера явился Петръ Павловичъ. Его пришлось принять въ кухнѣ, откуда была выслана Дарья въ спальню сторожить, не проснется ли баринъ.

— Ты знаешь, Леня захворалъ, — проговорила Софья Дмитріевна, обнимая Муратова.

— Опасно?—спросилъ Петръ Павловичъ.

— Да... кажется, не встанетъ... Я не знаю, что мнѣ дѣлать.

Муратовъ нахмурился.

— Надо поторопиться заполучить духовное завѣщаніе.

— Онъ никогда его не напишетъ самъ, просить же я не смѣю. Онъ подумаетъ, что я желаю его смерти.

— Да, но вѣдь въ противномъ случаѣ ты останешься, быть-можетъ, нищею.

— Милый, дорогой мой, мнѣ лично ничего не нужно... Но тебѣ было бы трудно жить со мною безъ средствъ.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, — пробормоталъ Муратовъ, пораженный мыслью, что Зимина не сегодня, такъ завтра можетъ сдѣлаться вдовою, свободною.

— Ты меня совсѣмъ не любишь!

— Ты удивительная женщина... Впрочемъ, нѣтъ, вы всѣ, женщины, таковы. Ты думаешь, что любовь выражается въ томъ, чтобы очертя голову сходиться двумъ любящимъ сердцамъ. Въ любви есть нѣчто высшее: тутъ есть забота о будущности любимаго человѣка, о дѣтяхъ... Ты неопытна и тебѣ кажется, что мы будемъ счастливы и нищими, а я

знаю, что нищета убиваетъ любовь, что мы не имѣемъ права играть участью нашихъ дѣтей, что меня будетъ убивать, если ты будешь нуждаться въ чемъ-нибудь, да и ты не вынесешь, если буду нуждаться я...

Она не слушала его и только страстно любовалась имъ. Ей нравилось, какъ онъ говорилъ, какъ онъ убѣждалъ.

— Красавецъ мой, дорогой! — страстно шептала она, не спуская съ него глазъ. — Я тебя не отдамъ, никому не отдамъ.

Она прижалась къ его груди, поднесла къ губамъ его руки. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ты все свое толкуешь, когда надо говорить о дѣлѣ! — пробормоталъ онъ, угадывая, что она вовсе не слушала его.

— Говори, говори, я слушаю! — нѣжно улыбнулась она, какъ взрослый человѣкъ, увѣряющій ребенка, что онъ слушаетъ лепетъ послѣдняго.

— Мы оба теперь стоимъ въ скверномъ и ложномъ положеніи. Мы зашли слишкомъ далеко. Намъ надо извернуться. Нужно выкупить твои вещи, мнѣ нужны деньги. Не попробовать ли еще разъ прибѣгнуть къ помощи твоихъ векселей...

— Ты говорилъ, что за нихъ ничего не даютъ, — замѣтила Зимина.

— Да, безъ поручительства... Но, въ крайнемъ случаѣ, я могу прибѣгнуть къ поручительству Аносова. Я думалъ обойтись безъ этого, но нельзя: деньги уходятъ, а мнѣ онѣ нужны до зарѣзу. Конечно, учетъ векселя будетъ сдѣланъ за варварскіе проценты. Если бы это былъ вексель твоего мужа, то учетъ обошелся бы дешевле. Но что же дѣлать, надо покориться необходимости.

Зимина на минуту задумалась. Въ ея душѣ происходила какая-то борьба.

— Петя, послушай, — начала она несмѣло. — Если бы я дала вексель Лени...

— Да развѣ онъ подпишетъ?—изумился Муратовъ.

— Нѣтъ... но видишь ли... вѣдь это на-время... Онъ умретъ... тогда мы заплатимъ... Я за него подпишу...

Она совсѣмъ спуталась и замолчала.

— Что ты выдумала?—воскликнулъ Муратовъ, блѣднѣя.— Преступленіе? Въ какую пропасть ты тянешь меня! Мало того, что мы гибнемъ отъ недостатка средствъ, такъ нѣтъ, еще нужно затянуть на шеѣ новую петлю...

Онъ хотѣлъ встать. Зимина пугливо удержала его.

— Прости, прости меня. Я совсѣмъ потеряла голову. Я брежу,—начала она, ловя и цѣлуя его руки.

— Это возмутительно! — бормоталъ онъ въ волненіи. — Поддѣлывать векселя! Идти подъ уголовный судъ!..

— Ну, не сердись, милый! Я завтра утромъ пришлю тебѣ два своихъ векселя,—робко проговорила Зимина.

— Да нужно ли и это! Вѣдь и эти векселя вотъ гдѣ будутъ сидѣть у меня.

Муратовъ провелъ рукою по шеѣ.

Онъ вдругъ начиналъ сознавать, что онъ падаетъ въ какую-то пропасть, что онъ становится преступникомъ.

— Ну, полно, полно!—прошептала Зимина, снова прижимаясь къ нему. — Такъ бы я и не разсталась съ тобой, никогда, никогда! Знаешь, я, кажется, все, все сдѣлала бы для тебя. Ты боишься преступленія, а я — я боюсь только разлуки съ тобой... Только ты нехорошій, мало ласкаешь меня, мало любишь!

Она обняла его и поцѣловала, но его ласки были холоднѣе обыкновеннаго. Ему начинало дѣлаться какъ-то неловко, какъ-то тяжело, какъ-то страшно въ присутствіи этой женщины.

Впервые онъ сошелся съ женщиной, которая ему говорила только о любви и о любви, и которой онъ говорилъ только о деньгахъ и о деньгахъ. До сихъ поръ деньги въ его любовныхъ интрижкахъ вовсе не составляли никакого вопроса ни для него, ни для любившихъ его женщинъ. Эти деньги попадали ему въ карманъ такъ же случайно, незамѣтно и просто, какъ попадали въ его желудокъ конфеты, фрукты, вино. Онъ, получая иногда эти деньги, не считалъ, что онъ продается, что ему платятъ за какія-нибудь услуги; женщины, даря ему эти деньги, не думали, что онѣ платятъ ему за любовь. Это были дружескія одолженія, подарки на память, займы безъ отдачи. И дающія, и берущій не придавали этимъ деньгамъ никакого значенія, привыкли не считать ихъ, сорить ими, бросать ихъ направо и налѣво и возмутились бы, если бы кто-нибудь сказалъ, что тутъ идетъ продажа и покупка любви. Теперь было не то. Онъ начиналъ сознавать, что онъ продаетъ свои ласки. И кому же онъ продаетъ эти ласки? Прежде женщины дарили его изъ своихъ денегъ; теперь онъ беретъ деньги у женщины, не имѣющей ничего своего, обманывающей и обкрадывающей своего мужа. Она дѣлаетъ преступленіе, и онъ является ея соучастникомъ, ея

подстрекателемъ. Но этого мало. Прежде онъ сходился съ женщинами съ полнымъ сознаніемъ, что онъ завязываетъ мимолетную интрижку, рѣшается на любовную шалость, какъ каждый молодой холостякъ, вѣтреникъ, кутила, Донъ-Жуанъ. Это зналъ и онъ, и онѣ. Въ этомъ была поэзія мимолетной любви; этимъ любовники спасали себя отъ страха за будущее, отъ серьезныхъ думъ. «Ловить минуты наслажденья», «любить безъ думъ, безъ размышленій» — вотъ что было имъ нужно. Теперь онъ, наоборотъ, долженъ былъ обманывать эту женщину, придавая интригѣ серьезное значеніе, давая клятвы жениться на этой женщинѣ съ полнымъ сознаніемъ, что онъ лжетъ. Онъ дошелъ до этой лжи не умышленно, постепенно, но все же дошелъ. Клялся въ вѣчной любви онъ нерѣдко и прежде, но тѣ женщины знали хорошо цѣну этихъ клятвъ, а эта женщина, неопытная, несвѣтская, простоватая, приняла каждое его увѣреніе за чистую монету, запомнила каждое его обѣщаніе, построила на его словахъ все свое будущее. До сихъ поръ онъ былъ «шалунъ», «повѣса», «гуляка», теперь онъ дѣлался «обманщикомъ», «преступникомъ», «соучастникомъ воровки». Въ немъ могла дремать совѣсть, въ немъ могло не возмущаться нравственное чувство, но въ немъ не могъ не пробудиться стыдъ, не могъ не пробудиться страхъ. До сихъ поръ онъ гордился ролью Донъ-Жуана и готовъ былъ, какъ Казанова, написать свои скандалезные мемуары; теперь онъ стыдился роли сообщника воровки, принимающаго отъ нея краденыя вещи съ полнымъ сознаніемъ, что онѣ краденыя. Всеобщій любимецъ, всеобщій баловень, онъ держалъ себя гордо, небрежно, развязно; теперь онъ чувствовалъ, что онъ не перенесетъ позора, а позоръ могъ покрыть его каждую минуту. Предложеніе Зиминой поддѣлать векселя напомнило ему о возможности попасть на скамью подсудимыхъ—попасть не за эти векселя, а за принятіе отъ Зиминой краденыхъ вещей. Онъ испытывалъ уже не одно чувство гадливости, которое проснулось въ немъ, когда онъ увидалъ, что Винтеръ и Флери равняютъ его съ собой; въ немъ пробудилось чувство, близкое къ отчаянію.

— Не тужи, все еще какъ-нибудь уладится. Нужно подумать, что дѣлать,—ласковымъ голосомъ прошептала Софья Дмитріевна, тревожно слѣдя за выраженіемъ его лица.

Эти слова заставили Муратова очнуться. Онъ осмотрѣлся, и его точно что-то кольнуло въ самое сердце. Ему стало

обидно и больно, что онъ сидитъ съ этою женщиною въ кухнѣ. Это была мелочь въ сравненіи со всѣмъ, что грозило ему, но именно эта мелочь теперь болѣе всего оскорбляла его. Онъ походилъ на смертельно больного человѣка, который забываетъ на минуту всѣ свои страшныя страданія и мучится болѣе всего оттого, что не можетъ согнать медленно ползающей по его лицу мухи, точно она-то и дѣлаетъ главнымъ образомъ невыносимымъ его положеніе.

Муратовъ всталъ.

— Посиди еще, милый, дорогой мой!—обвила его руками Софья Дмитріевна.—Ты недобрый, даже не хочешь приласкать меня.

— Не до ласкъ теперь!—раздражительно произнесъ онъ.—Я удивляюсь вамъ, женщинамъ. Вы только и думаете о наслажденіяхъ, хоть бы кругомъ все погибало. Стыдись, Соня, думать теперь о ласкахъ, о наслажденіяхъ. Вѣдь худъ ли, хорошъ ли твой мужъ, но все-таки ты многимъ ему обязана, во многомъ передъ нимъ виновата, а онъ теперь умираетъ, здѣсь, возлѣ насъ...

Ему стала противна въ эту минуту Софья Дмитріевна, какъ навязчивое существо, живущее только своими животными инстинктами, своими сладострастными побужденіями. Насколько была она сама виновата въ этомъ, насколько былъ въ этомъ виноватъ онъ—этого онъ не спрашивалъ, не сознавалъ. Ему просто было противно смотрѣть на женщину, которая безучастно смотритъ на все—на положеніе своего мужа, на свое положеніе, на положеніе любимаго человѣка, и только требуетъ ласкъ и ласкъ.

Онъ поспѣшно всталъ, наскоро простился съ нею и вышелъ изъ квартиры Зиминыхъ. На душѣ у него было тяжело, скверно; въ немъ начинало шевелиться что-то въ родѣ угрызеній совѣсти, раскаянія. Если бы въ эту минуту у него былъ подъ рукою другъ, добрая сестра, чье-нибудь любящее чистое сердце, онъ расплакался бы самыми искренними слезами.

VII.

Возвратившись домой отъ Зиминыхъ, Муратовъ нашелъ на столѣ въ своей спальнѣ письмо отъ старухи Сухаревой. Она приглашала его къ себѣ на балъ. Это было одно изъ тѣхъ обыкновенныхъ приглашеній, какія Муратову приходилось получать чуть не каждую недѣлю въ теченіе зимняго сезона, но онъ взволновался. Онъ зналъ, что на этомъ

балу онъ встрѣтитъ Юлію Николаевну Сухареву, что ему представится первый случай въ эту зиму поговорить съ молодой дѣвушкой, въ которой онъ видѣлъ единственное свое спасеніе.

До сихъ поръ Юлія Сухарева не играла въ жизни Петра Павловича Муратова никакой особенной роли. Онъ, въ качествѣ ея дальняго родственника и пріятеля ея брата, ѣздилъ къ ней въ институтъ вмѣстѣ съ старшимъ Сухаревымъ, чтобы посмотрѣть на институтокъ, чтобы пошкольничать. Въ омутѣ безпечальнаго житья онъ никогда не задумывался о томъ, какое впечатлѣніе онъ производилъ на молоденькую институтку, встрѣчаясь съ нею изрѣдка въ пріемные дни въ институтѣ и видя ее лѣтомъ на дачѣ у ея матери или у ея сестры Аносовой. Теперь его мучилъ вопросъ: какъ она смотритъ на него, какъ она приметъ его предложеніе, какъ дойти до этого предложенія? Этотъ вопросъ его занималъ тѣмъ болѣе, что онъ боялся встрѣтить отпоръ своимъ намѣреніямъ въ семьѣ Аносовыхъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на Сухаревыхъ.

Онъ зналъ хорошо семью Аносовыхъ, приходившихся ему тоже сродни. Мужская часть этой семьи состояла изъ отца и двухъ сыновей. Старикъ Петръ Ивановичъ Аносовъ и его старшій сынъ Николай Петровичъ Аносовъ, женатый на Марьѣ Николаевнѣ Сухаревой, давно захватили въ свои руки и de jure, и de facto опеку надъ Сухаревыми. Старикъ Аносовъ, добившійся весьма значительнаго поста въ административной сферѣ при помощи своихъ родственныхъ связей съ графами Баскаковыми, при помощи своей ловкости и красоты, при помощи своего серьезнаго характера и блестящаго воспитанія, былъ сначала далеко не такимъ богатымъ человѣкомъ, чтобы жить сообразно съ своимъ замѣтнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого ему приходилось, съ одной стороны, быть сильно расчетливымъ, а съ другой—искать выгодныхъ сдѣлокъ. Онъ былъ членомъ различныхъ правленій въ банкахъ и въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ за каждое засѣданіе получалось по пятидесяти и болѣе рублей; онъ сильно работалъ по доставленію разныхъ концессій желѣзнодорожнымъ строителямъ; онъ игралъ на биржѣ своими и казенными деньгами. Но всѣ добываемыя имъ деньги почти безъ остатковъ уходили на ту широкую жизнь, къ которой его обязывало его положеніе въ свѣтѣ, и на воспитаніе дѣтей, которыя должны были въ будущемъ занять такое же блестящее положеніе въ свѣтѣ.

какое занималъ онъ. Вслѣдствіе этого въ домѣ Аносовыхъ шла довольно своеобразная, хотя и нерѣдко повторяющаяся у подобныхъ людей жизнь. Повидимому, этотъ домъ былъ источникомъ неизсякаемыхъ богатствъ: множество просторныхъ комнатъ, блескъ бронзы, бархата и художественныхъ произведеній, обиліе тропическихъ растеній, большое число парадной прислуги, бонны, гувернантки и гувернеры у дѣтей, экипажи и лошади, абонированныя ложи въ оперѣ и во французскомъ театрѣ, ежегодные офиціальные балы и обѣды,—все это говорило о богатствѣ. Но рядомъ съ этимъ шли заботы о томъ, чтобы послѣ бала прислуга не украла огарковъ стеариновыхъ свѣчей, чтобы послѣ обѣда не исчезли оставшіяся отъ стола грушн-дюшесъ или несъѣденные трюфели, чтобы обойщикъ при передѣлкѣ мебели не укралъ лишняго аршина матеріи. Старикъ Аносовъ и его жена заходили еще далѣе: оттянуть два урока у учителя, не заплатить за полмѣсяца прогнанному лакею, затянуть уплату разнымъ ремесленникамъ,—все это было въ ихъ нравахъ, хотя въ то же время они жертвовали или, вѣрнѣе сказать, должны были жертвовать тысячи на разныя благотворительныя учрежденія, поддерживая этими жертвами слухи о своемъ богатствѣ, упрочивая свой кредитъ и свое положеніе въ обществѣ. Посторонніе люди и прислуга считали разныя утягиванія денегъ Аносовыми у той или другой трудящейся мелкоты слѣдствіемъ скупости. Въ сущности все это было сначала слѣдствіемъ бѣдности,—бѣдности, имѣющей десятокъ тысячъ годового дохода и обязанной прожить ежегодно одиннадцать тысячъ. Потомъ это усчитываніе и утягиваніе грошей вошло въ привычку, да сверхъ того, когда у старика было уже столько денегъ, сколько было нужно для прожитія, онъ увидалъ необходимость сберегать лишнія копейки на приданое дочерямъ и сыновьямъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ, гордый и неприступный всегда и вездѣ, являлся довольно смирнымъ и ручнымъ передъ служащими тѣхъ правленій, гдѣ онъ былъ членомъ, когда отъ этихъ служащихъ зависѣло лишній разъ замѣнить имъ того или другого очередного члена правленія, не явившагося на засѣданіе, и, такимъ образомъ, дать ему право получить лишніе пятьдесятъ рублей за лишнее засѣданіе. Но то, что было у старика слѣдствіемъ привычки сводить концы съ концами, выродилось у старшаго сына въ положительную скупость, въ скряжничество, въ алчность. Старшій сынъ Аносова, выросшій въ то время, когда его

отецъ положительно долженъ былъ утягивать у гувернантокъ, учителей и прислуги гроши, привыкъ съ дѣтства дорожить каждою копейкою. Онъ съ колыбели слышалъ, какъ его отецъ и мать говорили въ тѣсномъ семейномъ кругу: «эти люди настоящіе мошенники», «насъ грабятъ со всѣхъ сторонъ», «мы не можемъ сорить деньгами направо и налѣво», «насъ совершенно разорятъ всѣ эти расходы». Онъ сталъ чувствовать какой-то невольный, инстинктивный страхъ, ежедневно ожидая, что они обѣднѣютъ. Онъ помнилъ, какое сильное впечатлѣніе произвела въ его домѣ вѣсть объ освобожденіи крестьянъ. Его отецъ волновался, говоря, что «хорошо отпускать крестьянъ тѣмъ, кому имѣнія съ неба упали, у кого они родовыя, но каково тѣмъ, кто купилъ крестьянъ на кровныя деньги, кто вошелъ въ долги при покупкѣ имѣнія». Онъ, старикъ Аносовъ, былъ однимъ изъ такихъ несчастливцевъ: онъ незадолго передъ освобожденіемъ крестьянъ, въ первый годъ крымской кампаніи, когда онъ занимался въ комиссаріатѣ, прикупилъ къ своему небольшому имѣнію большое помѣстье, на которое затратилъ всѣ наличныя деньги и ради котораго вошелъ еще въ долги. Онъ говорилъ объ эмансипаціи со скрежетомъ зубовнымъ, потерявъ даже свою обыкновенную способность уклоняться въ сторону при каждомъ щекотливомъ вопросѣ, и чуть-чуть не испортилъ этимъ всей своей карьеры. Въ теченіе извѣстнаго промежутка времени ему пришлось быть «не у дѣлъ». Это печальное обстоятельство въ его служебной карьерѣ, вызванное представленнымъ имъ письменнымъ мнѣніемъ относительно вопроса объ эмансипаціи, заставило его сильнѣе сблизиться съ людьми биржи, а сына его заставило сдѣлаться еще болѣе трусливымъ скрягой. Въ эту пору судьба уже послала Аносовымъ кладъ въ видѣ опеки надъ Сухаревыми. Оберегать милліоны Сухаревыхъ было не безвыгодно и тѣмъ болѣе удобно, что сама мать семейства, старуха Сухарева, была женщина недалекая по уму, мало образованная, помѣшанная на нарядахъ, на балахъ, и вовсе не занималась ни воспитаніемъ дѣтей, ни денежными дѣлами. Она знала только одно, что ей и ввѣкъ не прожить того богатства, которое ей оставилъ ея отецъ, одинъ изъ крупныхъ откупщиковъ и подрядчиковъ былого времени. У нея было четверо дѣтей: двѣ дочери и два сына. Старшая дочь очень скоро вышла замужъ за Николая Петровича Аносова. Это случилось въ то время, когда карьера Петра Ивановича Аносова снова стала дѣлаться завидной.

Уже въ 1863 году его имя снова появилось въ числѣ другихъ замѣтныхъ именъ, и его «дипломатическая физіономія» сдѣлалась серьезнѣе, важнѣе и сосредоточеннѣе прежняго. Онъ сталъ все чаще при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ повторять свою любимую фразу: «я предвидѣлъ то-то и то-то еще въ такомъ-то году и представлялъ записку по такому-то и такому-то вопросу». Писаніе «записокъ» и произнесеніе рѣчей было его конькомъ. Онъ писалъ и говорилъ витіевато, многословно и плавно, и потому очень скоро прослылъ за «человѣка съ головой», за «глубокомысленнаго государственнаго дѣятеля», за «дипломата». Этому много помогалъ его способъ выражаться: онъ избѣгалъ рѣзкихъ словъ, возбуждающихъ страсти, и всегда находилъ тѣ смягчающія выраженія, при которыхъ самыя горькія явленія дѣлаются менѣе страшными. Онъ первый замѣнилъ слова «мошенничество желѣзнодорожнаго правленія» словами «недостаточная исполнительность въ администраціи желѣзной дороги», слово «голодъ» словами «продовольственныя затрудненія, временно посѣтившія такую-то губернію», слова «французская революція» словами «умственное броженіе общественныхъ массъ во Франціи», слово «бунтъ» словами «прискорбное недоразумѣніе между частными лицами и представителями власти», слово «конституція» словами «организованное общественное мнѣніе» и т. д. Такихъ оборотовъ рѣчи у него было въ запасѣ неисчерпаемое множество. Нужно было быть, конечно, далеко не глупымъ человѣкъ, чтобы удачно придумывать эти смягчающія выраженія для грубыхъ истинъ. Уклончивость была самою главною чертою характера. Самая его физіономія, самая его фигура служили какъ бы выраженіемъ этой способности. Мягкое, круглое, слегка розоватое лицо отличалось отсутствіемъ рѣзкихъ чертъ. Отсутствіе усовъ и бороды давало возможность видѣть его круглый и красивый подбородокъ, его довольно правильныя губы. Въ то же время его ровные, заботливо подстриженные бакенбарды прикрывали его вульгарныя скулы, его нѣсколько широкія щеки. Его глаза были зорки, но сѣровато-голубой цвѣтъ скрывалъ отъ наблюдателя ихъ зоркость, смягчая рѣзкость ихъ взгляда. Онъ не былъ ни высокъ, ни низокъ и потому не останавливалъ на себѣ вниманія, стоя въ толпѣ. Онъ былъ не толстъ, но круглъ, такъ что его движенія были мягки, граціозны, не угловаты. Онъ ходилъ легкой, едва слышной поступью, какъ человѣкъ, привыкшій къ паркету,

къ тишинѣ женскихъ будуаровъ. Такъ же мягокъ, спокоенъ былъ его голосъ. Онъ умѣлъ говорить такъ, что избѣгалъ слова «нѣтъ». Онъ во всякомъ поднятомъ въ обществѣ вопросѣ горячо развивалъ сначала ту мысль, что этотъ вопросъ самый насущный, самый животрепещущій, и, доказавъ такимъ образомъ современность своихъ взглядовъ и возвышенность своихъ чувствъ, съ глубокимъ прискорбіемъ произносилъ «но» и затѣмъ начиналъ осторожно и мягко, опять-таки съ глубокимъ прискорбіемъ, доказывать, что при современномъ умственномъ уровнѣ развитія общественныхъ классовъ и при временныхъ экономическихъ затрудненіяхъ страны было бы невозможно приняться за разрѣшеніе этого вопроса, не убивъ его въ зародышѣ излишнимъ усердіемъ въ примѣненіи его къ жизни. Такимъ образомъ, онъ спасалъ каждый животрепещущій вопросъ отъ гибели тѣмъ, что предлагалъ его оставить покуда подъ сукномъ. Временныя затрудненія у него являлись при обсужденіи каждой реформы, и каждую реформу онъ встрѣчалъ восторженнымъ, почти юношескимъ привѣтомъ, обѣщая ей полный успѣхъ, какъ только пройдутъ временныя затрудненія, при которыхъ не слѣдуетъ и упоминать о ней. Старшій его сынъ былъ его портретомъ во всѣхъ отношеніяхъ, только расчетливость отца сдѣлалась у сына скупостью, а осторожность отца превратилась у сына въ трусость. Отецъ былъ похожъ на человѣка, выросшаго среди паркетной знати, привыкшаго носить въ пріемныхъ и будуарахъ улыбающуюся маску; сынъ напоминалъ военнаго, привыкшаго въ лагерѣ къ извѣстной рѣзкости выраженій и движеній. Какъ старикъ Аносовъ подчинилъ себѣ свою жену мягкой настойчивостью, такъ сынъ подчинилъ себѣ свою жену своею рѣзкою твердостью. Молодая Аносова смотрѣла глазами мужа, говорила его фразами, думала его умомъ. Онъ не долюбливалъ ея мать за мотовство, она тоже охладѣла къ матери; онъ говорилъ, что ея сестру не слѣдуетъ торопиться выдавать замужъ, она тоже подозрительно посмотрѣла бы на каждаго, кто началъ бы ухаживать за ея сестрой; онъ говорилъ, что такихъ людей, какъ ея братъ, юнкеръ, нужно бы лишать имущества, она тоже съ негодованіемъ говорила о мотовствѣ брата. Но, можетъ-быть, она даже и не подозрѣвала, почему ея мужъ не любитъ ея матери, почему онъ не хотѣлъ бы выдать замужъ ея сестру, почему онъ бранитъ ея брата. Мужъ никогда не говорилъ ей, что онъ завидуетъ ихъ богатству, что онъ былъ бы радъ отнять у нихъ это богатство.

Такова была семья, отъ которой въ значительной степени зависѣла судьба Юліи Николаевны Сухаревой.

Муратовъ понималъ, что и Николай Петровичъ Аносовъ, и его жена не будутъ особенно довольны, если онъ посватается за молодую Сухареву. Мужъ и жена, конечно, употребятъ всѣ усилія, чтобы этотъ бракъ не состоялся. Чтобы успѣшно бороться съ этими людьми, нужно было имѣть сильнаго союзника. Этимъ союзникомъ могла быть только сама Юлія Николаевна Сухарева. Ея мать была женщина слабая, безъ силы воли, безъ твердаго характера. Она не могла помѣшать ему, но она не могла и помочь ему. Но какъ смотритъ на него Юлія Николаевна Сухарева? Молодая дѣвушка встрѣтила его послѣ долгой разлуки какъ близкаго родственника, привѣтливо, съ добродушной институтской наивностью. Но этого мало. Подобная любовь не можетъ заставить ее бороться съ сестрой, съ мужемъ сестры, если они станутъ противиться ея браку съ нимъ, Муратовымъ, если они не пощадятъ его и станутъ его чернить въ ея глазахъ. Чтобы бороться за него, она должна полюбить его страстно, слѣпо. Удастся ли ему пробудить въ ней эту страсть, когда родные дѣвушки постараются не допускать ихъ свиданій, ихъ tête-à-tête? Онъ чувствовалъ, что онъ впервые совсѣмъ падаетъ духомъ. За нимъ было столько грѣховъ, что было не трудно вооружить противъ него эту дѣвушку, въ которой онъ видѣлъ теперь все свое спасеніе, которая дѣлалась для него чѣмъ-то болѣе дорогимъ, чѣмъ обыкновенная «выгодная невѣста». Передъ его глазами носился этотъ прекрасный, вполнѣ непорочный, вполнѣ дѣвственный образъ, и въ его душѣ пробуждалось какое-то свѣтлое чувство давно забытой любви. Въ его душѣ при этомъ шевельнулось что-то въ родѣ проклятій прошлой жизни: это было еще не искреннее и безкорыстное раскаяніе за свою безнравственность, но злоба на горькіе плоды, которые могла принести ему теперь эта безнравственность. Эта жизнь не только поглотила всѣ деньги, перебывавшія въ его рукахъ, но грозила въ близкомъ будущемъ вырвать у него изъ-подъ рукъ и счастье, и деньги, за которыя онъ намѣревался теперь воевать на жизнь и смерть.

Вспомнивъ о деньгахъ, онъ вспомнилъ о векселяхъ Зиминой: ихъ нужно будетъ учесть, безъ этого онъ не могъ обойтись. Онъ рѣшился на слѣдующій же день попросить младшаго Аносова поставить на нихъ бланковую подпись.

Рано утромъ, получивъ векселя отъ Зиминой, онъ отправился къ младшему Аносову.

— Баринъ еще почиваютъ,—сказалъ ему лакей, отворяя дверь.

— Ничего, я его разбужу, — отвѣтилъ Муратовъ, сбрасывая пальто.

Онъ прошелъ черезъ двѣ роскошно убранныя комнаты и вошелъ въ спальню Юрія Петровича Аносова. Эта комната, съ мягкими коврами, съ большимъ зеркаломъ, съ мраморнымъ подзеркальнымъ столикомъ, со множествомъ флаконовъ, баночекъ, щеточекъ, съ затѣйливыми умывальными приборами, напоминала скорѣе спальню женщины-кокотки, чѣмъ спальню военнаго человѣка. Аносовъ, еще болѣе розовый, чѣмъ обыкновенно, уже не спалъ, но нѣжился въ постели, заложивъ руки подъ голову, глубоко дыша бѣлою, широкою грудью, виднѣвшеюся изъ-подъ разстегнутаго ворота тонкой рубашки. Что-то женоподобное, что-то изнѣженное было во всей его фигурѣ, во всѣхъ его движеніяхъ. Его глаза выражали лѣнь, сладострастіе, глуповатость. Его нѣсколько вздернутый и довольно пухленькій носъ, его оттопыренная кверху верхняя губа, опушенная мягкими и вьющимися, темными, какъ мягкій ленъ, усиками, придавали его лицу дѣтски-капризное выраженіе. При бѣловатомъ свѣтѣ, пробивавшемся сквозь опущенныя шторы, его тѣло казалось еще болѣе бѣлымъ, еще болѣе выхоленнымъ.

— Какъ не стыдно валяться до полудня, а еще будущій воинъ!—шутливо замѣтилъ Муратовъ, подходя къ его постели и похлопавъ его по мягкому плечу, сквозившему сквозь тонкую сорочку.

— Усталъ вчера!—лѣниво отвѣтилъ Аносовъ, медленно зѣвая.

— Опять какая-нибудь попойка? — съ пренебреженіемъ спросилъ Муратовъ.

— Да вѣдь вчера пикникъ въ честь Маріонъ де-Норманди устраивали. Кстати, отчего ты не былъ ни у Берга, ни на пикникѣ? Мы тебя ждали.

— Надоѣло все это!

— А-а, ты старѣешь!—зѣвнулъ Аносовъ.

— Я думаю, что не я постарѣлъ, а ваши удовольствія постарѣли и пріѣлись. Дайте мнѣ чего-нибудь новаго и тогда...

— Ахъ, кстати, о новомъ: что вчера выдѣлывалъ Винтеръ, ты и представить себѣ не можешь.—вдругъ нѣсколько

оживился Аносовъ.—Мы всѣ перепились и потомъ заставили его при себѣ...

— Я удивляюсь, какъ ты можешь говорить хладнокровно о разныхъ негодяяхъ,— перебилъ его Муратовъ, все болѣе и болѣе начинавшій ненавидѣть Винтера и Флери.—Они обираютъ, объѣдаютъ васъ, матушкиныхъ сынковъ, а вы еще унижаетесь до того, что тѣшитесь ихъ безобразіями.

— Ты сегодня не въ своей тарелкѣ!—лѣниво проговорилъ Аносовъ.

— Да ты не валяйся, а лучше вставай, да проѣдемся. Тебѣ освѣжиться надо, погода отличная...

— А, хорошо, хорошо!.. Ты извини, что я при тебѣ буду одѣваться.

— Не нагишомъ же ѣхать!

Аносовъ позвонилъ. Вошелъ камердинеръ. Аносовъ всталъ съ постели и прошелъ къ умывальному шкапу. Онъ умылъ лицо, потомъ сбросилъ съ себя бѣлье, и слуга началъ вытирать его тѣло смоченною въ водѣ и одеколонѣ губкой. Эта операція вытиранія душистой водой продолжалась, по обыкновенію, довольно долго. Наконецъ, Аносовъ надѣлъ свѣжее бѣлье, накинулъ на нѣсколько минутъ шелковый халатъ и присѣлъ къ топившемуся камину въ большое кресло. Слуга началъ приготовлять принадлежности для причесыванья и подвиванья волосъ.

— Ты что будешь пить: чай, кофе или шоколадъ?—спросилъ Аносовъ у Муратова.

— Мнѣ все равно; пожалуй, кофе,—отвѣтилъ Муратовъ, полулежа въ качалкѣ у камина.

— Подавай,—приказалъ Аносовъ слугѣ.

Камердинеръ ушелъ за кофе. Аносовъ лѣниво протянулъ руку, взялъ съ маленькаго столика разныя принадлежности для чищенья ногтей и, при помощи маленькаго напилка, щеточки и батистоваго платка, сталъ ровнять и подчищать ногти на своихъ выхоленныхъ рукахъ.

— Что ты нынче экзамены будешь держать?—спросилъ Муратовъ по-французски.

Онъ чувствовалъ себя не особенно ловко и не зналъ, о чемъ говорить, прежде чѣмъ приступить къ главной цѣли своего визита къ Аносову.

— Ахъ, они мнѣ надоѣли! Они меня раздражаютъ. Учишь, учишь эту белиберду и только скуку нагоняешь! На что это все?—раздражительно пожалъ плечами Аносовъ.—Учителя эти ѣздятъ, читаютъ всякую дребедень, только даромъ деньги

приходится платить. Я говорю папа, пусть подаритъ экзаменаторовъ, а иначе я никогда не сдамъ экзаменовъ. У меня отъ природы отвращеніе ко всему этому, потому я рано началъ сознавать ненужность всего этого. Мой дѣдъ еще говорилъ: побѣждаютъ не семинаристы, а кулаки и женщины. Я самъ въ этомъ вполнѣ убѣжденъ. Не могу же я толочь воду въ ступѣ.

Слуга подалъ кофе и сталъ причесывать волосы Аносова, слегка подвивая ихъ. Окончивъ это дѣло, онъ расчесалъ, подравнялъ и подвилъ его бакенбарды.

— Одѣваться!—лаконически сказалъ Аносовъ, допивая кофе.

Слуга сталъ приготовлять принадлежности туалета. Онъ надѣлъ на молодого барина сапоги, панталоны, галстукъ, жилетъ и сюртукъ.

Аносовъ походилъ на избалованную кокотку, которая не умѣетъ застегнуть сама ни одной пуговицы на платьѣ. Когда сюртукъ былъ застегнутъ, Аносовъ повелъ кверху правою рукою и съ досадливой гримасой замѣтилъ камердинеру:

— Я говорилъ тебѣ, что мнѣ рѣжетъ этотъ сюртукъ—тутъ подъ мышкой рѣжетъ. Это надо передѣлать. Не могу же я такъ ходить. Этакъ вѣчно будешь дергать рукою, точно въ конвульсіяхъ... Дай другой сюртукъ.

Слуга снялъ съ него сюртукъ и пошелъ за другимъ.

— Эти портные просто уродами насъ сдѣлаютъ,—обратился Аносовъ къ Муратову ребячески-недовольнымъ тономъ.—Сошьютъ такое платье, что станешь, какъ Флери, рожи выдѣлывать.

Камердинеръ надѣлъ на него другой сюртукъ. Онъ повернулся раза два передъ зеркаломъ, попробовалъ, ловко ли поднимаются въ этомъ сюртукѣ его руки, передернулъ ногами, чтобы болѣе удобно сидѣли панталоны, приподнялъ снизу ладонями бакенбарды, чтобы сдѣлать ихъ ровнѣе, посмотрѣлъ еще разъ на ногти и, взявъ со стола перчатки, сказалъ:

— Я, кажется, готовъ.

— Да, покуда ты одѣвался, иной полководецъ успѣлъ бы сраженіе выиграть,—сухо замѣтилъ Муратовъ.

— А развѣ я долго одѣвался?—серьезно удивился Аносовъ.

— Нѣтъ, всего только часъ,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Да?—какъ-то глупо проговорилъ Аносовъ.

Они вышли изъ дома и усѣлись на узенькія сани. Кров-

ный рысакъ понесъ ихъ по Большой Морской, по направленію къ Невскому.

Они проѣхали очень немного и увидали передъ собою парныя сани съ затѣйливыми вензелями на спинкѣ. Въ этихъ саняхъ сидѣлъ въ своемъ легкомъ пальто, въ лѣтней шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, Винтеръ.

— Ты видишь,—съ иронической улыбкой замѣтилъ Муратовъ, указывая глазами на Винтера.—Изволятъ кататься въ экипажѣ Маріонъ де-Норманди. Вымолилъ у нея экипажъ за то, что хлопоталъ о подпискѣ на подарокъ ей въ бенефисъ Сакса!

— Это, въ сущности, просто подло!—серьезнымъ тономъ проговорилъ Аносовъ.

— Я, право, удивляюсь, какъ ты можешь кланяться этой сволочи.

— Нѣтъ, что же, онъ забавенъ. Кстати, я тебѣ не досказалъ, что мы заставили его продѣлать. Это вѣдь невѣроятно. Я не могъ бы этого сдѣлать.

Аносовъ началъ по-французски передавать Муратову какую-то пикантную исторію.

— Да не можетъ быть!—съ отвращеніемъ пожалъ плечами Муратовъ.

— Parole d'honneur! Ей-Богу! Я самъ удивился, какъ онъ могъ. Мы всѣ тутъ были: я, Риво, Сухаревъ.

— Вѣдь это просто омерзительно!

— Ну... мы, знаешь, были въ состояніи невмѣняемости. Посмѣялись, по крайней мѣрѣ... а то скука такая!.. Но если бы ты видѣлъ, что дѣлалось въ это время съ Флери. Вотъ рожи-то строилъ!

— Завидно, вѣрно, было, что не онъ услужилъ господамъ,—съ презрѣніемъ проговорилъ Муратовъ.

Они поровнялись съ санями Маріонъ де-Норманди. Винтеръ торопливо раскланялся съ своими знакомыми и быстро спросилъ Аносова:

— Ты куда?

— Къ Борелю!—сказалъ Аносовъ.

— Ага!—отвѣтилъ Винтеръ.—Значитъ, встрѣтимся. Я туда же. Мнѣ нужно съ тобой переговорить.

— Хорошо. Я только проѣду по Невскому и сейчасъ вернусь.

Сани Аносова понеслись впередъ.

— Проѣдемъ послѣ къ Дюссо,—проговорилъ Муратовъ.—

Мнѣ нужно съ тобой переговорить, и я вовсе не желаю быть въ обществѣ съ этимъ марзавцемъ.

— Что-жъ, и отлично,—согласился Аносовъ.—Пусть подождетъ у Бореля. Безъ денегъ, вѣрно. Штука отличная выйдетъ! скандалъ!

Аносовъ вдругъ смолкъ и весь покраснѣлъ, какъ ракъ, закусивъ нижнюю губу.

— Въ Кирпичный переулокъ, — поспѣшно проговорилъ онъ кучеру.

— Это зачѣмъ?—спросилъ Муратовъ.

— Т-ссъ! — едва слышно прошепталъ Аносовъ и прибавилъ по-французски:—Папа впереди ѣдетъ! У меня сегодня лекція утромъ... Онъ не долженъ знать, что я...

Рысакъ круто завернулъ въ Кирпичный переулокъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—снова заговорилъ Аносовъ по-французски съ необычайнымъ для него раздраженіемъ.—Вездѣ онъ и онъ, куда ни поѣдешь. Третьяго дня я случайно не замѣтилъ, что онъ идетъ, и обогналъ его. Что-жъ ты думаешь: велѣлъ мнѣ выйти изъ саней и идти за нимъ. Нечего дѣлать—пошелъ, а онъ безъ церемоніи на улицѣ читаетъ наставленія. Третируетъ, какъ школьника. Конечно, я безъ предубѣжденій, и онъ для меня самъ по себѣ ничего не значитъ. Mais il tient les cordons de ma bourse.

— Я, право, не понимаю, какъ ты не сумѣешь жить на тѣ средства, которыя онъ доставляетъ тебѣ. Ты бросаешь деньги на вѣтеръ, на сволочь, въ родѣ Винтеровъ и Флери, безъ всякой цѣли. Я на твоемъ мѣстѣ постарался бы скорѣе сдать экзамены, и тогда, я увѣренъ, отецъ увеличилъ бы тебѣ ежемѣсячное содержаніе...

— Ахъ, не говори мнѣ объ экзаменахъ! Не могу я учиться, все это мнѣ надоѣло. Я не ребенокъ, чтобы зубрить всякую дрянь. Кто же виноватъ, что я рано началъ жить? Я знаю, какъ жилъ самъ папа. Онъ въ свое время былъ первымъ Донъ-Жуаномъ въ Петербургѣ.

— Только не тратилъ на это денегъ, — усмѣхнулся Муратовъ.

— Ну, да... Да деньги тутъ ни при чемъ. Я говорю только, что въ мои лѣта нельзя сидѣть за книжкой, когда на умѣ женщины. Нельзя быть старикомъ въ мои лѣта.

— Да вѣдь дѣлалъ же твой отецъ дѣло, несмотря на свои любовныя интриги.

— Ну, онъ дѣло дѣлалъ, а развѣ приготовленіе къ экза-

мену—дѣло? Это формальность, которую можно обойти. Кто же виноватъ, что я это понимаю?

Они проѣхались по Невскому до Аничкова моста, вернулись назадъ въ Морскую и, выскочивъ изъ саней, вошли къ Дюссо. Прислуга съ низкими поклонами встрѣтила ихъ, на ходу снимая съ нихъ верхнюю одежду. Они прошли въ отдѣльную комнату. Аносовъ заказалъ завтракъ.

— Теперь поговоримъ о дѣлѣ,—нѣсколько нерѣшительно проговорилъ Муратовъ, закуривая папироску и стараясь казаться спокойнымъ. — Ты помнишь, на-дняхъ я тебѣ говорилъ о томъ, что мнѣ, можетъ-быть, понадобится твоя услуга по части поручительства по векселю...

Муратовъ чувствовалъ себя скверно. Ему впервые приходилось просить подобной услуги у своего юнаго родственника и друга. До сихъ поръ, если онъ и прибѣгалъ къ займамъ, то не ради крайней нужды, а ради удовлетворенія какой-нибудь прихоти, съ сознаніемъ, что онъ возвратитъ деньги. Теперь онъ до-зарѣзу нуждался въ поручительствѣ Аносова и въ то же время сознавалъ, что онъ можетъ запутать своего друга въ грязное дѣло.

— А, да!—отвѣтилъ Аносовъ и нѣсколько покраснѣлъ.

— Теперь приходится просить тебя поставить бланкъ,— продолжалъ Муратовъ.—Конечно, это пустяки, но мнѣ понадобились деньги, и я не могу ждать, когда настанетъ срокъ векселю. Мнѣ нужно его учесть.

Аносовъ сильно смутился. Отказать своему пріятелю въ такой ничтожной услугѣ онъ не могъ. Такой отказъ былъ въ его глазахъ подлостью. Но въ то же время были причины, по которымъ онъ затруднялся поставить свой бланкъ на векселѣ.

— Я надѣюсь, что ты вѣришь, что я не допущу тебя до уплаты по этимъ векселямъ, — проговорилъ Муратовъ, дожидаясь отвѣта и немного удивляясь молчанію Аносова.

Это молчаніе задѣвало его за живое, нѣсколько оскорбляло его.

— Помилуй, можетъ ли быть тутъ сомнѣніе!—торопливо проговорилъ Аносовъ.—Но вотъ видишь ли... Я, право, не знаю, учтутъ ли векселя съ моимъ бланкомъ.

— Твои же векселя учитаютъ? — произнесъ Муратовъ, пристально взглянувъ на Аносова...

— Да... но...

Аносовъ не кончилъ фразы, всталъ и заходилъ по комнатѣ. Муратовъ изумился, видя его, вѣчно безстрастнаго,

вѣчно спокойнаго, вѣчно холоднаго, смущеннымъ и встревоженнымъ, какимъ онъ являлся только при встрѣчахъ съ отцомъ.

— Что съ тобой?—спросилъ въ недоумѣніи Петръ Павловичъ.

Аносовъ отвѣтилъ не вдругъ. Въ немъ происходила внутренняя борьба.

— Я долженъ тебѣ сказать правду, иначе ты будешь меня считать за подлеца, который отказывается услужить другу,—наконецъ, проговорилъ онъ отъ волненія. — Ты на это будешь имѣть полное право. Не въ нашихъ правилахъ отказывать въ этихъ денежныхъ услугахъ друзьямъ. Наконецъ, ты для меня болѣе, чѣмъ другъ. Я привыкъ съ дѣтства видѣть въ тебѣ брата. Видишь ли, дѣло въ томъ, что мои векселя, мои бланковыя подписи ничего не значатъ въ глазахъ ростовщиковъ.

Муратовъ широко открылъ глаза: онъ не могъ себѣ представить, чтобы Аносовъ могъ кутить на деньги, получаемыя отъ отца, чтобы онъ обходился безъ выдачи векселей, чтобы онъ, наконецъ, совралъ ему при ихъ послѣдней встрѣчѣ, говоря, что его векселя учитаются ростовщиками, и вдругъ теперь Аносовъ говоритъ, что его векселя ничего не значатъ въ глазахъ ростовщиковъ.

— Но ты же говорилъ, что Кречмеръ...—началъ онъ нерѣшительно.

— Ни Кречмеръ, ни кто-нибудь другой не придаетъ никакой цѣны моимъ подписямъ, — перебилъ онъ съ необычайнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.—Во всѣхъ дѣлахъ эти ростовщики всѣ дѣйствуютъ заодно. Ils s'entendent comme larrons en foire.

Муратовъ недоумѣвалъ. Онъ понималъ, что Аносовъ не лжетъ, но онъ не могъ постигнуть, какимъ же образомъ вывертывался Аносовъ во время проходящихъ денежныхъ затрудненій.

— Однако, ты занималъ же, когда у тебя не хватало денегъ,—началъ онъ.

Аносовъ, весь красный, сконфуженный, смущенный, какъ школьникъ, пойманный въ шалости, подошелъ къ Муратову.

— Ну, да, я занималъ на векселя,—заговорилъ онъ въ ребяческомъ волненіи.—Но если бы ты зналъ, какимъ способомъ...

Онъ на минуту закусилъ губы. Онъ начиналъ походить

на школьника, на мальчугана, котораго поймали на мѣстѣ преступленія.

— Ты мой другъ, мы родные. Я знаю, что ты меня не выдашь, не обвинишь, — началъ онъ какъ-то растерянно, протягивая руку Муратову и пожимая его руку:—и потому я долженъ сказать тебѣ все. Я долженъ сказать, чтобы ты меня не считалъ подлецомъ за отказъ.... Было бы подло, если бы я отказалъ вслѣдствіе каприза... Я выдавалъ векселя—это правда. Но я выдавалъ ихъ съ бланковыми надписями отца и матери.

— Какъ, они ручались за тебя? — въ недоумѣніи спросилъ Муратовъ, знавшій очень хорошо стариковъ Аносовыхъ.

— Они не ручались, но ихъ бланковыя надписи стояли и стоятъ на моихъ векселяхъ! — глухо отвѣтилъ Аносовъ, совсѣмъ растерявшійся и смотрѣвшій куда-то въ сторону.

— Ты?..—воскликнулъ Муратовъ и не кончилъ фразы.

Муратовъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ не могъ себѣ представить, что онъ, Аносовъ, сынъ извѣстнаго въ Петербургѣ лица, блестящій кутила, рѣшился поддѣлывать чужія подписи.

— Ну, да, я поддѣлывалъ ихъ подписи, — проговорилъ почти со слезами Аносовъ, выглядѣвшій въ эту минуту совсѣмъ жалкимъ.—Но что же мнѣ было дѣлать, когда меня обыгрывали у Салова на рулеткѣ, когда Камилла Ге обирала меня въ прошломъ году? Не могъ же я показать, что я нищій! Не могъ же я занимать деньги у такого нахала, какъ Сухаревъ, не могъ же я выйти изъ того кружка, гдѣ я жилъ и долженъ жить постоянно! Я двадцать разъ просилъ денегъ у папа, но онъ не давалъ. Братъ Николай совѣтовалъ ему проучить меня. Ну, и пришлось...

Муратовъ былъ смущенъ не менѣе Аносова.

— Напрасно ты не сказалъ откровенно отцу, что ты вошелъ въ долги, что ты выдалъ векселя,—замѣтилъ онъ. — Вѣдь я надѣюсь, что первые векселя были не фальшивые?

Аносовъ махнулъ рукою.

— Говорилъ!—пробормоталъ онъ.

— Ну, и что же?

— Отецъ заплатилъ...

— Вотъ видишь ли, значитъ и теперь...

Аносовъ остановилъ Муратова на полусловѣ.

— Позволь! Ты лучше спроси, какъ заплатились эти деньги, — проговорилъ онъ, уже глотая по-дѣтски свои слезы. — Передъ тобой мнѣ нечего теперь скрываться. Ты

знаешь, что я еще мальчикомъ полюбилъ тебя болѣе, чѣмъ простого родственника. Ты былъ мнѣ дороже брата... Я тебѣ не передавалъ этой исторіи прежде потому, что не въ моемъ характерѣ жаловаться на семью... Это мѣщанство... Но теперь мнѣ было бы обидно, если бы ты думалъ, что я не желаю сдѣлать тебѣ первую услугу, которую ты потребовалъ отъ меня, за всю любовь, которую ты оказывалъ мнѣ...

Онъ путался и обрывался; онъ не привыкъ долго говорить въ серьезномъ тонѣ...

— Когда я впервые задолжалъ,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — это было тотчасъ по выходѣ изъ пансіона Павловскаго. Ты помнишь, мы тамъ уже начали кутить, и насъ завлекъ въ свой кружокъ Саловъ.

— То-есть завлекли тебя туда Винтеръ и Флери, жившіе на счетъ васъ, матушкиныхъ сынковъ,—вставилъ Муратовъ.

— Ну, да, вѣдь эти штафирки — полковыя собаки, какъ ихъ называетъ братъ Николай... У Салова я проигрался въ рулеткѣ и потратился сильно на Камиллу Ге, съ которою онъ меня свелъ...

— Да, ты вѣдь отбивалъ ее тогда у Сухарева, подзадоренный разною сволочью...

— Да. Она надула насъ обоихъ... Я выдалъ тогда векселя. Они, конечно, не имѣли значенія, какъ векселя мальчишки, но я считалъ долгомъ честнаго человѣка уплатить по нимъ. Я все разсказалъ отцу. Онъ прочелъ мнѣ, по обыкновенію, длинное наставленіе и сказалъ, что онъ не можетъ въ данную минуту уплатить моихъ долговъ, но что онъ поручитъ это брату. Ты знаешь папа, онъ всегда такъ *мягко* стелетъ, что его не за что упрекнуть. Братъ—другое дѣло. Папа хорошо это зналъ. Николай призвалъ меня къ себѣ...

Аносовъ перевелъ духъ и закусилъ на минуту нижнюю губу. Ему было, повидимому, трудно признаться даже передъ Муратовымъ въ томъ, что онъ перенесъ.

— Братъ меня встрѣтилъ, какъ перваго негодяя, какъ перваго мерзавца,—продолжалъ онъ черезъ минуту.—Я не знаю, какихъ ругательствъ я не выслушалъ отъ него. Tu sais, comme il est brutal. Онъ былъ хуже мужика, ругающагося на площади. Я не вынесъ этого, вспылилъ, сказалъ ему, что я не позволю ему ругаться...

— Ну?

— Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и, прежде, чѣмъ я опомнился, далъ мнѣ нѣсколько пощечинъ...

У Аносова опять навернулись на глаза слезы. Онъ подошелъ къ окну и, ставъ спиною къ Муратову, началъ смотрѣть безцѣльно въ окно, чтобы успокоить свое волненіе.

Муратовъ заходилъ по комнатѣ. Они не дотрогивались до завтрака, принесеннаго слугой-татариномъ. Только Аносовъ отпивалъ по нѣсколько глотковъ вина.

— Такъ вотъ гдѣ начало вашихъ холодныхъ отношеній съ братомъ,—задумчиво сказалъ Муратовъ.

— Ты понимаешь, Пьеръ, что если я это вынесъ тогда, будучи мальчишкой, то я не вынесу этого теперь, — проговорилъ, не оборачиваясь, Аносовъ. — Я понимаю, что они могли бы на меня сердиться, если бы я тратилъ ихъ деньги, — продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, тоже заходивъ по комнатѣ. — Но вѣдь у меня есть свои деньги, оставленныя мнѣ дѣдомъ. Правда, я не имѣю права, согласно духовному завѣщанію, распоряжаться этими деньгами до двадцати одного года, но все же эти деньги мои. Я буду богатъ, я буду богаче ихъ. Если отецъ и братъ заплатили за меня, то они заплатили не изъ своего кармана. Они вычтутъ эти деньги изъ моего капитала, вычтутъ съ процентами.

Наступило короткое молчаніе.

— Но какъ же ты рѣшился выдать фальшивые векселя?—спросилъ Муратовъ.

— Иначе не давали. Я задолжалъ слишкомъ много, и, вѣроятно, ростовщики боялись, что я, получивъ наслѣдство, откажусь отъ уплаты долговъ, сдѣланныхъ до совершеннолѣтія... Ils nous mesurent à leur aune. Они и прибѣгнули къ помощи фальшивыхъ векселей. Теперь я въ ихъ рукахъ. Отъ этихъ векселей не откажешься.

Наступило опять неловкое и тяжелое молчаніе.

— Да, такъ вотъ источникъ твоихъ кутежей,—наконецъ проговорилъ Муратовъ въ раздумьи. — Я никакъ этого не думалъ! Чортъ знаетъ, до чего доводитъ эта проклятая жизнь. Вѣдь ты петлю на себѣ затягиваешь. Тебѣ надо остепениться...

— Да вѣдь это невольно, я и самъ не знаю, куда уходятъ деньги... У меня характера нѣтъ. Братъ—скряга, онъ привыкъ разсчитывать. Я росъ у дѣда, былъ избалованъ, привыкъ не считать денегъ. Да, наконецъ, и для чего мнѣ считать? Вѣдь черезъ полтора года я буду имѣть достаточно средствъ...

— Полно, пожалуйста! Въ эти полтора года твои ростов-

щики такъ увеличатъ твои фальшивые векселя, что тебѣ придется отдать имъ все, что ты получишь. Тебѣ надо уплатить всѣ долги теперь, пока еще они не наросли до огромныхъ цифръ...

— Гдѣ же взять денегъ?..

— Объясни отцу. Ну, переживешь скверный день—два, и конецъ.

— Ни за что! Отецъ опять заставитъ объясняться съ братомъ, а братъ... Ты знаешь ли, я сильно подозрѣваю, что ему извѣстно отчасти мое положеніе, и онъ... Впрочемъ, это такъ гнусно, такъ гнусно, что не хочется и говорить...

Аносовъ нахмурился и взглянулъ куда-то въ сторону.

— Ты думаешь, что онъ былъ бы радъ, если бы ты попался и очистилъ ему путь ко всему наслѣдству отца? — спросилъ Муратовъ.

— Ну да! — сквозь зубы проговорилъ Аносовъ. — Вѣдь Броницынъ добился же того, что его брата лишили наслѣдства. Мой братъ мнѣ никогда не проститъ того, что мнѣ, а не ему отказалъ дѣдъ весь свой капиталъ.

Муратовъ задумался. Ему было какъ-то жутко, точно онъ стоялъ надъ какою-то бездонною пропастью. Теперь каждый день приносилъ ему зловѣщія открытія изъ области безпечальной жизни, въ которую онъ самъ окунулся съ головой. Прежде вся эта закулисная сторона этой жизни ускользала отъ его вниманія, не занимала его; теперь онъ, стоя надъ пропастью, жадно слѣдилъ за этими мрачными сторонами окружавшей его жизни, точно изъ желанія все сильнѣе и сильнѣе убѣдить себя въ невозможности продолжать эту жизнь, въ необходимости вырваться изъ ея когтей.

— Такъ вотъ оно, наше безпечальное житье, къ чему приводитъ, — покачалъ онъ головой, обдумывая свое положеніе и положеніе Аносова.—Десятки, сотни, тысячи рублей вылетаютъ куда-то въ трубу, и мы идемъ къ разоренію, къ преступленію, не умѣя остановиться во-время, не умѣя разсчитывать. И хоть бы дѣйствительно на веселье тратили, а то...

Въ эту минуту дверь отворилась, и на порогѣ совершенно неожиданно, безъ обыкновеннаго предупредительнаго стука въ дверь, показался Винтеръ.

— Вообрази, заѣзжаю, знаешь, къ Борелю, спрашиваю: «наши здѣсь?», говорятъ «нѣтъ». Я подождалъ, подождалъ, мяжу, знаешь, а твои сани стоятъ у Дюссо, — я сюда! — проговорилъ онъ, входя въ комнату.

Муратовъ весь поблѣднѣлъ отъ злости.

— Какое вы имѣли право входить безъ позволенія? — подошелъ онъ къ Винтеру, едва переводя духъ отъ волненія.

— Ну-у! — засмѣялся Винтеръ глуповатымъ смѣхомъ, полагая, что надъ нимъ, по обыкновенію, «изволятъ потѣшаться».

— Извольте выйти вонъ! — еще болѣе рѣзко произнесъ Муратовъ.

— Что за шутки!—проговорилъ Винтеръ, не зная, продолжать ли ему смѣяться или обидѣться.

— Съ вами не шутятъ! Надъ вами можно шутить только въ пьяномъ видѣ, а въ трезвомъ видѣ васъ можно только выбрасывать за дверь.

— Но, однако... Аносовъ, я къ тебѣ,—началъ Винтеръ, обращаясь къ Аносову.

Но Муратовъ не далъ ему договорить, взялъ его за плечи и грубо вытолкалъ вонъ.

— Скотина! — проворчалъ со злобой Петръ Павловичъ, запирая дверь.—Вотъ кто тебя погубилъ! — обратился онъ къ Аносову. — Всѣхъ насъ эти мерзавцы погубили... Они ѣли и пили на твой счетъ и заставляли тебя втрое переплачивать любовницамъ, которыя платили имъ услугами за услуги. Они подзадоривали тебя, разсказывая о щедрости Сухарева, какъ ему разсказывали о твоихъ кутежахъ. Это agents provocateurs золотой молодежи, это факторы развратницъ и комиссіонеры ростовщиковъ.

— Но, послушай, ты такъ обошелся съ нимъ...—началъ Аносовъ, чувствовавшій себя неловко при всякой грубой выходкѣ.

— Мнѣ все равно, я съ этими людьми уже порвалъ связь и теперь едва ли когда-нибудь встрѣчусь съ ними... Довольно я пожилъ этою жизнью, теперь дай Богъ только выбраться цѣлымъ на другую дорогу...

— Что ты хочешь начать? — съ недоумѣніемъ спросилъ Аносовъ.

— Я женюсь,—коротко отвѣтилъ Муратовъ.

— Женишься?

— Да... Удастся ли—не знаю, но я хочу жениться... Не удастся—пулю въ лобъ и конецъ...

— Развѣ ты такъ влюбленъ?

— Тутъ вопросъ не объ одной любви... тутъ цѣлый гордіевъ узелъ, который нужно разрубить разомъ, или онъ затянется на шеѣ въ мертвую петлю... Я посовѣтовалъ бы и

тебѣ приняться за дѣло, бросить эту компанію и начать другую жизнь... Въ противномъ случаѣ ты въ одинъ прекрасный день очутишься нищимъ, да это еще будетъ не самый худой конецъ...

Аносовъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки. Ему было не весело.

— Отсутствіе грѣющаго семейнаго кружка, вотъ что губитъ тебя, да и всѣхъ насъ это погубило,—горячо говорилъ Муратовъ. — Старый Тартюфъ-отецъ, содержащій танцовщицъ и проповѣдующій юношѣ-сыну воздержаніе, биготкамать, размѣнявшая крупные капиталы материнской любви на мѣдную мелочь свѣтскихъ приличій и нравственныхъ сентенцій, скряга-братъ, ненавидящій брата за то, что тотъ тоже долженъ получить свою долю изъ отцовскаго имѣнія,— вотъ тотъ кружокъ, изъ котораго ты бѣжалъ къ Бергамъ, къ Камилламъ, къ Саловымъ, къ Винтерамъ. Тамъ хоть не стѣсняли тебя, тамъ хоть смѣшили тебя, тамъ хоть ласкали тебя за деньги. Я вѣдь теперь понимаю все это, потому что я самъ прожилъ не лучше. Только понялъ я это поздно, понялъ тогда, когда меня начала душить за горло эта жизнь. Когда-нибудь она задушитъ и тебя, если ты вовремя не отрезвишься.

— Но какъ же ты выйдешь изъ затруднительнаго положенія?—спросилъ Аносовъ.

— Я не знаю, — мрачно и отрывисто отвѣтилъ Муратовъ.—Я сдѣлаю все, что могу... Я знаю только одно, что я пережилъ свой Sturm und Drang-Periode, подло прожилъ его, и теперь долженъ или выйти на другой путь, или погибнуть... Поѣдемъ!

Они поднялись съ мѣста, расплатились за завтракъ, до котораго они почти не дотронулись, и вышли отъ Дюссо. Аносовъ—этотъ мальчикъ, высокій ростомъ, игравшій роль взрослаго, дѣлавшій всегда серьезный видъ, — былъ какъ будто растерянъ, подавленъ, испуганъ: его ребяческій и туповатый мозгъ не могъ ничего сообразить; ему было только страшно, какъ бывало страшно при видѣ строгаго лица отца, какъ дѣлалось страшно при видѣ экзаменаторовъ. Муратовъ былъ сильно возбужденъ; онъ говорилъ горячо, онъ искренно проклиналъ свое прошлое. Это не было раскаянье честнаго человѣка; это было отчаянье припертаго къ стѣнѣ преступника, чувствующаго, что его затравили.

Когда они разстались, Муратовъ прошелъ прямо домой. Прежде всего, переступивъ порогъ своего жилища, онъ разо-

рвалъ векселя Зиминой. Онъ дѣлалъ это съ какой-то злобой, точно ему хотѣлось, чтобы эта бездушная бумага почувствовала боль. Онъ говорилъ теперь себѣ, что нужно покончить съ Софьею Дмитріевною, покончить со всѣмъ прошлымъ.

«Только бы жениться, и тогда я спасенъ,—говорилъ онъ себѣ. — Начну новую жизнь, спокойную, строгую семейную жизнь. Но какъ жениться безъ денегъ? Не пойти ли напроломъ? Посвататься на этихъ же дняхъ за Юлію. Если согласится она и старуха Сухарева — я спасенъ. Довольно ихъ согласія, чтобы мнѣ открылся кредитъ. Тогда заплачу срочные долги, выкуплю вещи Зиминой. О, если бы мнѣ раздѣлаться съ этой женщиной. Отношенія къ ней начинаютъ меня пугать. Я погружаюсь въ какую-то пропасть вмѣстѣ съ нею. Надо порвать эту связь, порвать скорѣе».

Ходя въ тяжелыхъ думахъ по своей гостиной, Муратовъ случайно подошелъ къ столу у дивана и увидалъ визитную карточку. Онъ взялъ ее и поблѣднѣлъ, взглянувъ на надпись. Это была карточка одного изъ его кредиторовъ.

«Зачѣмъ онъ былъ?—мелькнуло въ головѣ Муратова. — Развѣ ему срокъ платить?»

Онъ досталъ изъ кармана записную книжку и сжалъ съ досадой кулакъ. Оказывалось, что черезъ два дня приходилось уплатить по векселю въ пятьсотъ рублей. Муратовъ упалъ духомъ. У него не было этихъ денегъ. Достать ихъ было негдѣ. Попросить отсрочить вексель, но отсрочатъ ли? Надо попытаться.

Муратовъ торопливо одѣлся и вышелъ снова изъ дома. Онъ взялъ извозчика и помчался къ своему кредитору. Кредиторъ оказывался неумолимымъ. Убѣжденія Муратова не послужили ни къ чему.

Онъ воротился домой въ полномъ отчаяніи. Впервые послѣ долгихъ лѣтъ онъ плакалъ, плакалъ, какъ мальчикъ. Если бы кто-нибудь увидалъ его въ эту минуту — тотъ не узналъ бы въ немъ невозмутимаго фата, какимъ привыкли всѣ видѣть его въ обществѣ. Онъ сознавалъ, что всѣ его надежды рушатся ради этого векселя: вексель протестуютъ, его удалятъ со службы, имущество опишутъ, явятся другіе кредиторы... Сколько ихъ? Онъ самъ хорошо не зналъ этого... Впереди была уже не женитьба, а долговое отдѣленіе, гибель всей карьеры, всего будущаго. Занять было не у кого. Не къ Сухареву же идти за деньгами! Какъ занимать у брата невѣсты въ то время, когда хочешь сдѣ-

лать ей предложеніе! Да притомъ же взять у Сухарева деньги—это значило огласить на всѣхъ перекресткахъ о пустотѣ своихъ кармановъ. Сухаревъ походилъ на свою мать въ дѣлѣ болтливости и вульгарной безтактности. А между тѣмъ ему, Муратову, теперь нужно было болѣе, чѣмъ когда-нибудь, казаться ненуждающимся человѣкомъ. Попросить Аносова подписать фальшивый вексель? Но какъ же рѣшиться на это послѣ того, какъ Аносовъ самъ сознался, какъ его мучатъ эти фальшивые векселя? Наконецъ, не низко ли еще болѣе запутывать сѣть, въ которую попался юноша? Идти къ Зиминой...

«Опять она, опять она! — мысленно воскликнулъ Муратовъ.—Да вѣдь другого исхода въ настоящую минуту нѣтъ. Надо взять у нея вексель съ надписью ея мужа, попросить Аносова поставить бланкъ, не говоря ему, какой это вексель. Учесть его. Потомъ торопиться женитьбой. Я не допущу, чтобы вексель былъ протестованъ, чтобы Аносова притянули къ суду. Я женюсь, во что бы то ни стало. Тогда я отдамъ все Зиминой, уплачу долги Аносова и все, все будетъ поправлено. О, проклятый омутъ, когда я изъ тебя вырвусь, когда?!. А если не удастся жениться?..»

Муратовъ опять рыдалъ, какъ ребенокъ. Въ этихъ рыданіяхъ было все—и злоба, и отчаянье, и горе. Онъ чувствовалъ, что онъ гибнетъ, что въ его головѣ все путается, все мѣшается.

Впервые онъ сознавалъ вполнѣ ясно, что онъ безпомощенъ, неумѣлъ, безсиленъ, что онъ не обладаетъ ни изворотливостью, ни умѣньемъ обдѣлывать дѣла, ни знаніями. Онъ могъ только играть въ азартную игру, гдѣ выигрышъ и проигрышъ зависѣли не отъ умѣнья, а отъ слѣпого, глупаго случая. Теперь онъ понималъ, что вся его жизнь, все его будущее ставились на одну карту.

VIII.

На слѣдующій день у Муратова въ рукахъ были уже векселя на три тысячи.

Эти векселя были подписаны Зиминымъ. Человѣкъ, хорошо знавшій подпись Зимина, могъ бы очень легко угадать, что эта подпись поддѣлана на векселяхъ и притомъ поддѣлана рукою довольно неумѣлою. Муратовъ это смутно угадывалъ, хотя онъ и не зналъ подписи Зимина. Онъ боялся, что его могутъ поймать съ этими векселями, но все-таки онъ отправился съ ними къ Аносову просить по-

ручительства послѣдняго. Онъ сознавалъ, что онъ ставитъ на карту не только свою честь, но и честь своего юнаго друга. Но другого исхода, какъ ему казалось въ данную минуту, не было. Ему былъ теперь дорогъ каждый день, нужно было ловить удобный случай, чтобы отдѣлаться отъ кредиторовъ, жениться и потомъ загладить всѣ грѣхи прошлаго. Его теперь въ сущности не столько тревожилъ самый фактъ учета подложныхъ векселей, столько то обстоятельство, что онъ долженъ лгать передъ Аносовымъ, выдавая ему эти векселя за настоящіе. Но, дѣлая это, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что тотчасъ послѣ женитьбы онъ уплатитъ не только эти векселя, но даже и тѣ векселя Аносова, которые могли довести послѣдняго до скамьи подсудимыхъ и которые, во всякомъ случаѣ, все болѣе и болѣе подрывали будущее благосостояніе Аносова. Ему не приходилъ теперь въ голову вопросъ, что женитьба можетъ не удаться, что онъ можетъ умереть раньше оплаты этихъ векселей.

Онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи, отправляясь съ этими векселями, носившими уже на себѣ бланковыя надписи Аносова, къ Кречмеру.

Что если Кречмеръ задержитъ его, Муратова? Нужно будетъ употребить силу, чтобы вырваться отъ него и вырвать эти векселя. Была минута, когда онъ пожалѣлъ даже, что не захватилъ съ собою револьвера. Но положимъ, что онъ справится съ Кречмеромъ и безъ револьвера. А если Кречмеръ учтетъ векселя и потомъ представитъ ихъ въ судъ? Что тогда? Зимина, Аносовъ, онъ, Муратовъ, всѣ попадутъ на скамью подсудимыхъ. Нѣтъ, не остановиться ли, покуда есть время? Ну, а тогда что? Завтра срокъ векселю въ пятьсотъ рублей. Если этотъ векселъ представится ко взысканію, другіе кредиторы не будутъ молчать, они выползутъ изъ своихъ норъ, какъ выползаютъ впотьмахъ тараканы изъ щелей. А сколько ихъ! Много ли, мало ли,— не все ли равно? Уплатить имъ онъ, Муратовъ, теперь не можетъ. Объ этомъ нечего и думать. Они его засадятъ въ долговое отдѣленіе, они ославятъ его, какъ разореннаго человѣка, они окончательно отрѣжутъ ему путь къ женитьбѣ, а въ ней все его спасенье. Хуже всего то, что за предъявленіемъ векселей, по закону, неизбѣжно должна послѣдовать отставка. Нѣтъ, рѣшено, нужно скорѣе, скорѣе ковать желѣзо.

Муратовъ сильно торопился къ Кречмеру, но все-таки онъ шелъ пѣшкомъ, не бралъ извозчика, словно забывъ,

что на свѣтѣ существуютъ извозчики. Въ этомъ было какое-то инстинктивное сознаніе того, что ходьба ослабляла слишкомъ сильное нервное, мозговое напряженіе; въ этомъ было безсознательное стремленіе еще хоть на минуту отсрочить пугавшее его свиданіе съ ростовщикомъ. Среди размышленій о векселѣ въ его головѣ вдругъ возникъ вопросъ: «на что были заняты эти деньги?» На пикникъ? На новый мундиръ? На отдачу карточнаго долга? На подарокъ какой-нибудь актрисѣ? Онъ никакъ не могъ этого вспомнить, и это мелочное обстоятельство мучило его: ему хотѣлось припомнить, куда ушли эти деньги, а припомнить этого онъ не могъ. Но эти размышленія нѣсколько ослабили его страхъ передъ встрѣчей съ Кречмеромъ. Наконецъ, онъ дошелъ, почти безсознательно, почти машинально до конторы Кречмера и остановился. Ему показалось теперь, что онъ не можетъ войти въ эту контору въ такомъ взволнованномъ состояніи духа, что ему нужно отдохнуть, собраться съ силами. Онъ спустился по лѣстницѣ и присѣлъ на подоконникъ на ея площадкѣ. Вдругъ гдѣ-то скрипнула дверь. Онъ быстро поднялъ глаза къ дверямъ конторы. Въ его головѣ промелькнула мысль, что кто-нибудь изъ служащихъ въ конторѣ можетъ выйти и замѣтить его. Что они подумаютъ? Не возбудитъ ли онъ подозрѣнія? Не лучше ли подняться въ верхній этажъ и посидѣть тамъ? Онъ поднялся по лѣстницѣ и сѣлъ на подоконникъ на верхней площадкѣ. Ему въ то же время было стыдно, что кто-нибудь можетъ увидѣть его, офицера, сидящимъ на лѣстницѣ. Эти мелочныя чувства копошились въ немъ рядомъ съ серьезнымъ страхомъ. Онъ просидѣлъ минутъ пять, а между тѣмъ ему казалось, что прошло уже полчаса, часъ.

— Нѣтъ, это хуже всякой пытки!—пробормоталъ онъ.— Лучше кончить все разомъ.

Онъ спустился къ конторѣ, дотронулся дрогнувшей рукой до электрическаго звонка. Передъ нимъ отперли дверь.

— Господинъ Кречмеръ у себя?—послышался его вопросъ, прозвучавшій какъ-то странно, точно кто-то душилъ спрашивавшаго за горло.

Мальчикъ-еврей указалъ на дверь въ контору. Муратовъ вошелъ. Въ первой комнатѣ сидѣли тѣ же два длинноносые, тощіе конторщика. Муратовъ миновалъ ихъ, подобно тѣни, и вошелъ во вторую комнату. Невозмутимый Кречмеръ, по обыкновенію, сидѣлъ за столомъ надъ шнуровой книгой. Онъ взглянулъ черезъ очки на Муратова, закрылъ книгу,

пригласилъ посѣтителя сѣсть. Все это дѣлалось машинально, по привычкѣ. Муратову же казалось, что всѣ смотрятъ на него съ особеннымъ вниманіемъ.

Муратовъ заговорилъ не вдругъ.

— Нужно учесть векселя, — коротко произнесъ онъ, точно тяжело вздохнулъ, и положилъ векселя на столъ.

Онъ боялся много говорить, боялся, что его голосъ, глухой и срывавшійся, выдастъ его.

Кречмеръ неторопливо взялъ векселя, взглянулъ на нихъ и въ ту же минуту, какъ бы инстинктивно, перевелъ глаза на Муратова. Въ этомъ взглядѣ не было ни удивленія, ни угрозы, ни гнѣва,—въ немъ былъ простой вопросъ. Муратовъ понялъ этотъ вопросъ и, весь блѣдный, глянулъ куда-то въ сторону. Въ его головѣ промелькнула, какъ молнія, мысль:

«Зачѣмъ я показалъ ему всѣ векселя вдругъ, ихъ будетъ труднѣе вырвать, если представится надобность».

Кречмеръ уже разсматривалъ подписи Аносова, перевернувъ векселя на другую сторону.

— За эти векселя я могу предложить вамъ не болѣе тысячи рублей,—проговорилъ Кречмеръ.

Муратовъ вздохнулъ свободнѣе, такъ что его вздохъ рѣзко прозвучалъ въ мертвой тишинѣ этой дѣловой комнаты.

— Помилуйте, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи,— проговорилъ онъ.

— Вы можете занять еще у меня подъ свои векселя съ поручительствомъ господина Аносова, если вамъ необходимо,—отвѣтилъ Кречмеръ.—Я только говорю, что подъ эти векселя я больше тысячи не дамъ.

Муратовъ взглянулъ на Кречмера недоумѣвающимъ взглядомъ. Кречмеръ предлагалъ ему учесть его векселя съ поручительствомъ Аносова — это было спасеніе, это было полное спасеніе и для него, и для Аносова. Стоитъ только написать векселя, учесть ихъ, уплатить свои долги и долги Аносова—и конецъ. Эти мысли молніей промелькнули въ головѣ Муратова. Онъ быстрымъ движеніемъ руки взялъ со стола векселя Зимина и проговорилъ взволнованнымъ, но радостнымъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ я завезу вамъ свои векселя, вмѣсто этихъ...

— Вы меня не поняли,—не спѣша пояснилъ ему Кречмеръ.—Вы говорите, что вамъ нужно, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи. Я предлагаю вамъ за эти векселя тысячу.

Если же завтра или послѣзавтра вамъ понадобится еще тысяча, двѣ или три, то я дамъ вамъ подъ ваши векселя съ поручительствомъ господина Аносова.

Муратовъ понялъ все. Онъ опять сталъ блѣденъ, опять почувствовалъ, что у него замираетъ дыханіе.

— Эти векселя написаны на шесть мѣсяцевъ,—продолжалъ Кречмеръ.—Если вамъ нужны будутъ еще деньги, то напишите свои векселя на менѣе продолжительный срокъ. Этотъ срокъ слишкомъ великъ.

— На какой же?—спросилъ Муратовъ.

— Все равно, на пять, на пять съ половиною мѣсяцевъ, но шесть мѣсяцевъ—это слишкомъ много,—проговорилъ спокойно и равнодушно старикъ.

— То-есть вы хотите, чтобъ по моимъ вѣкселямъ я уплатилъ раньше, чѣмъ настанетъ срокъ этимъ?—произнесъ Муратовъ.

— Да,—лаконически отвѣтилъ Кречмеръ.

Муратовъ былъ готовъ провалиться сквозь землю. Никакихъ недоразумѣній болѣе не оставалось. Кречмеръ готовъ былъ теперь давать ему деньги за поручительствомъ Аносова, держа ихъ обоихъ въ рукахъ при помощи этихъ векселей. Конечно, самъ Муратовъ не имѣлъ въ глазахъ Кречмера никакого значенія. Но Аносовъ—Аносовъ дѣло другое: онъ еще могъ откупиться крупными суммами денегъ отъ непріятности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Муратовъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и замѣтилъ холоднымъ тономъ:

— Впрочемъ, мнѣ все равно. Мнѣ деньги нужны на два, на три мѣсяца, не болѣе.

— Это ваше дѣло,—отвѣтилъ Кречмеръ.—Значитъ, вы согласны?

— Да,—отвѣтилъ Муратовъ.

Старикъ всталъ и взялъ со стола векселя. Муратовъ забылся и тоже быстро поднялся съ мѣста. Онъ готовъ былъ вырвать эти векселя у Кречмера, точно боялся, что старикъ ихъ унесетъ въ другую комнату и призоветъ полицію.

— Я сейчасъ принесу деньги, — обернулся къ нему Кречмеръ, крайне удивленный его неожиданнымъ движеніемъ.

Муратовъ плохо зналъ душу старика.

Кречмеръ въ эти минуты не думалъ ни о полиціи, ни о преслѣдованіи преступника, а только разсчитывалъ, что ему удалось сдѣлать очень выгодную сдѣлку. Онъ очень хорошо зналъ подпись Аносова и еще лучше зналъ что Аносовъ

черезъ годъ, черезъ полтора получитъ очень и очень значительный капиталъ, который отчасти перейдетъ къ нему, Кречмеру, владѣвшему старыми фальшивыми векселями Аносова и заручившемуся теперь еще новыми векселями съ фальшивыми подписями.

Минутъ черезъ десять Муратовъ выходилъ отъ Кречмера съ тысячею рублей въ карманѣ. Онъ сознавалъ, что теперь онъ можетъ отдать по векселю, которому наступалъ срокъ, что онъ завтра можетъ получить двѣ, три, четыре тысячи, что онъ можетъ просуществовать до женитьбы, но настроеніе его духа было страшно. Ему казалось, что вотъ-вотъ его предадутъ въ руки полиціи. Кречмеръ могъ теперь погубить его. Смерть Зимина могла открыть поддѣлку векселей. Неудачное сватовство могло довести его до скамьи подсудимыхъ. Но мало того, что тысячи случайностей могли выдать его;—эти случайности могли погубить и Зимину, и Аносова, по милости его, Муратова. Его опять-таки терзала не столько мысль о преступленіи, о гибели этихъ лицъ, сколько мысль о томъ, какъ взглянетъ на него Аносовъ, если откроется это дѣло. Аносовъ можетъ бросить тогда ему въ лицо словомъ «подлецъ!» Нравственные принципы его были ничто въ сравненіи съ его понятіями о свѣтскихъ приличіяхъ, о свѣтской чести, о пріятельскихъ обязанностяхъ. Это была такая нравственная пытка, которая вполнѣ отплачивала за всѣ годы безпечальнаго житья.

Муратовъ то ходилъ до изнеможенія изъ угла въ уголъ по своей квартирѣ, то плакалъ, то молился. До сихъ поръ онъ думалъ, что онъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ. Это же думали о немъ и другіе. Онъ умѣлъ казаться въ обществѣ сдержаннымъ, равнодушнымъ, серьезнымъ. Но это была та маска, которую онъ надѣлъ на себя потому, что въ такой маскѣ ходили и другіе его свѣтскіе пріятели, считавшіе необходимостью казаться сдержанными, ничему не удивляющимися, никогда не выходящими изъ себя и, по большей части, скучающими людьми. Но эта маска вовсе не выражала его личнаго характера, а была такимъ же моднымъ украшеніемъ, какъ бѣлокурые шиньоны у кокотокъ, какъ короткіе волосы у учащихся дѣвушекъ, какъ длинные шлейфы у модницъ. Ношеніе этой маски вошло въ привычку—и только. Теперь эта маска душила его, и онъ сбросилъ ее, по крайней мѣрѣ, передъ самимъ собою, являясь просто тѣмъ избалованнымъ удачами и не привыкшимъ къ борьбѣ человѣкомъ, какимъ онъ былъ съ дѣт-

ства и какимъ онъ остался до сихъ поръ. Онъ проклиналъ теперь опять мелочность, невыносливость и тряпичность своей натуры, пошлость своего прошлаго, свою неумѣлость, въ качествѣ дѣльца. Онъ сознавалъ, что онъ фатъ, развратникъ, кутила, былъ безпомощенъ и неопытенъ, какъ мальчикъ, тамъ, гдѣ нужно было явиться дѣльцомъ. Какъ многое множество русскихъ людей, онъ бичевалъ теперь себя, топталъ въ грязь, давалъ себѣ нравственныя пощечины. Но это вовсе не значило, что въ немъ уже совершился переворотъ, что онъ всталъ уже на новый путь. Нѣтъ, тутъ просто надъ головой человѣка грянулъ громъ, при раскатахъ котораго крестятся русскіе люди,—и только. Это онъ сознавалъ самъ и начиналъ бояться за свое будущее.

— Что съ тобой, Петя?—воскликнула Софья Дмитріевна, увидавъ его вечеромъ.—Ты нездоровъ?

Ее изумило выраженіе его лица.

— Не нездоровъ, а хуже,—отвѣтилъ онъ серьезно.—Мы сдѣлали съ тобой дѣло, которое можетъ довести насъ до скамьи подсудимыхъ. Что твой мужъ?

— Ему очень худо!—отвѣтила она.

Муратовъ вздрогнулъ.

— Неужели нѣтъ надежды?—быстро спросилъ онъ.

— Я, право, не знаю...

— Это будетъ ужасно, если онъ умретъ теперь. Нужно созвать докторовъ, нужно хлопотать, нужно спасти его!.. Если мнѣ удастся до его смерти добыть денегъ, чтобы распутать наши дѣла, то, конечно, все обойдется отлично. Но вѣдь онъ можетъ умереть раньше... Вызовъ кредиторовъ заставитъ выплыть на свѣтъ Божій и эти проклятые векселя... Духовнаго завѣщанія онъ не дѣлалъ?

— Нѣтъ еще!

— Ужасное положеніе...

— Я не смѣю, Петя, и сказать ему о духовной, а онъ самъ никогда не напишетъ ее. Да, впрочемъ, Богъ съ ними и съ деньгами!

— Э, Боже мой, что ты говоришь! Теперь то и нужно думать о будущемъ!

— Что мнѣ будущее! Былъ бы ты со мною—и мнѣ больше ничего не нужно!—обвила она руками его шею.

— Ты все свое!—невольно отстранился онъ отъ объятій.—Мы не дѣти, мы должны серьезнѣе смотрѣть на жизнь! Не все же жить одной любовью.

— Мнѣ больше ничего не нужно!

Она опять хотѣла обнять его.

— Полно, Соня!—проговорилъ Муратовъ, и на его языкъ снова навернулись тѣ же слова, которыя онъ уже говорилъ ей:—я удивляюсь, какъ можетъ приходить тебѣ въ голову мысль только о ласкахъ и поцѣлуяхъ, когда мы сами стоимъ надъ пропастью, когда твой мужъ умираетъ! Повторяю тебѣ, что я иногда думаю, что у тебя нѣтъ сердца. Вѣдь должно же тебя тревожить наше положеніе, должна же ты жалѣть своего мужа, который все-таки спасъ тебя и передъ которымъ ты виновата.

Софья Дмитріевна въ недоумѣніи широко открыла глаза. Она слышала этотъ упрекъ уже во второй разъ, и теперь онъ кольнулъ ее въ сердце. Она вся вспыхнула.

— Петя, да я страдаю, страшно страдаю, но вѣдь твоя любовь — одно мое утѣшенье, — съ горечью проговорила она.—Только твои ласки меня и поддерживаютъ. Когда ты со мной, я ни о чемъ не думаю, ничего не помню, ничего не боюсь. Ты говоришь, что намъ грозитъ опасность, но пусть будетъ, что будетъ, лишь бы ты былъ со мною. Я всюду пойду за тобой, что бы ни случилось. Ты говоришь о мужѣ, но вѣдь мой мужъ—ты, только ты; Леня женился на мнѣ, когда я не знала, что значитъ любовь, женитьба, отношенія жены къ мужу. Мнѣ было все равно, какъ называться — дѣвушкой или женщиной, конторщицей или женой, а тебя никто у меня не отниметъ. Слышишь, я тебя никому не отдамъ!

Она прижалась къ нему. По его тѣлу пробѣжала дрожь. Онъ опять начиналъ испытывать страхъ передъ этой женщиной.

— А если намъ нужно будетъ разстаться? — проговорилъ онъ.

— Нужно?—спросила она, смотря на него съ недоумѣніемъ.—Полно, полно, не говори этого?.. Я не хочу слышать этого!.. Ты все думаешь о деньгахъ, боишься нужды... Но что значитъ нужда, когда люди любятъ другъ друга?

— Но...

— Перестань, перестань!—остановила она его. — Ну, и нужды не будетъ: достанемъ деньги, устроимъ дѣла... Для тебя я все сдѣлаю...

— Ради Бога не дѣлай болѣе ничего!—проговорилъ онъ, боясь, что она сдѣлаетъ еще какой-нибудь подлогъ и запутаетъ его еще болѣе. — Мы и такъ запутались съ тобою, зашли слишкомъ далеко... я дорого бы далъ теперь, чтобы не было ничего этого...

— Чего?—спросила Софья Дмитріевна съ испугомъ.

— Всего, Соня: и нашей любви, и нашихъ кражъ у твоего мужа, и этихъ векселей,—отвѣтилъ онъ.—За одни эти обманы намъ придется упрекать себя всю жизнь.

— Да вѣдь Леня же не пострадалъ отъ этого. Онъ не подозрѣвалъ ничего,—отвѣтила она.

— А наша собственная совѣсть? Развѣ ты не слышишь ея упрековъ?

— Я, кажется, не сдѣлала Ленѣ никакого зла,—отвѣтила Софья Дмитріевна, смотря на Муратова ясными, дѣтскими глазами.—Онъ не слыхалъ отъ меня ни одного дурного слова, ни одного упрека. Я хожу теперь за нимъ...

Муратовъ начиналъ понимать, что говорить объ этомъ предметѣ съ Софьей Дмитріевной невозможно.

Она дѣйствительно не понимала, въ чемъ она виновата передъ мужемъ, она была совершенно спокойна насчетъ своихъ отношеній къ мужу и Муратову, она если и волновалась чѣмъ-нибудь, такъ только возможностью открытія ея денежныхъ дѣлъ со стороны мужа, да существовавшими еще препятствіями для полнаго соединенія съ Муратовымъ. Муратовъ чувствовалъ теперь, что его и эту женщину раздѣляетъ цѣлая пропасть: онъ былъ испорченъ, исковерканъ, но онъ всегда сумѣлъ бы отличить добро отъ зла; она не была испорчена, но не имѣла никакихъ понятій о той нравственности, во имя которой человѣчество порицаетъ или наказываетъ тѣ или другіе проступки. Говоря теперь съ этой женщиной, онъ сознавалъ, что для нея все сводится на ея чисто-животные инстинкты, что она не задается никакими вопросами для удовлетворенія этихъ инстинктовъ, что ей все равно, быть ли женой или любовницей любимаго человѣка, жить ли съ нимъ въ нищетѣ или въ богатствѣ, ласкать ли его при живомъ мужѣ или только послѣ смерти этого мужа. Въ этой любви была вся цѣль ея существованія: для этой цѣли она поднималась утромъ съ постели, объ этой цѣли она думала весь день, ради этой цѣли она хитрила, работала, рѣшалась на все.

Въ головѣ Муратова вертѣлась мысль, что онъ долженъ скорѣе, скорѣе разстаться съ этой женщиной.

— Нѣтъ, Соня,—проговорилъ онъ:—и ты, и я сдѣлали твоему мужу много зла уже тѣмъ, что обманывали его, что этотъ обманъ когда-нибудь можетъ дойти до него и отравить его и безъ того не веселую жизнь. Еще слава Богу, что у насъ нѣтъ дѣтей... Ну, да того, что сдѣлано, не во-

ротишь. Теперь намъ нужно только загладить прошлое, остановиться, пока мы не зашли слишкомъ далеко.

Софья Дмитріевна вздрогнула и съ ужасомъ взглянула на Муратова.

— Что ты говоришь? Какъ загладить прошлое, какъ остановиться?—воскликнула она.

— Нужно выкупить твои вещи, уплатить векселя, и... Муратовъ на мгновеніе перевелъ духъ.

— Разстаться, наконецъ, нужно,—кончилъ онъ коротко и тихо.

— Разстаться!—снова воскликнула она.—Никогда, никогда!..

— Соня, Соня, подумай, что ты говоришь! — ласково произнесъ онъ.—Ты хочешь еще обманывать бѣднаго больного человѣка, ты, можетъ-быть, доведешь дѣло до того, что у насъ будетъ дитя... Что же будетъ тогда?.. Онъ не признаетъ этого ребенка своимъ, а я... Вѣдь я не могу на тебѣ жениться при живомъ мужѣ, не могу усыновить это дитя... Да, повторяю, мы дѣлаемъ съ тобой скверное дѣло... Въ прошломъ у насъ есть еще какое-нибудь оправданье: мы увлеклись, забылись, поступили легкомысленно, а теперь... Вѣдь теперь и я, и ты, мы оба понимаемъ, должны понимать гнусность своего поведенія; теперь мы не можемъ оттовариваться увлеченіемъ... За одно за то, что вотъ теперь мы сидимъ здѣсь и толкуемъ о любви, когда рядомъ лежитъ твой больной мужъ, мы заслуживаемъ презрѣнія...

Лицо Софьи Дмитріевны сдѣлалось мрачнымъ, и въ ея глазахъ сверкнулъ какой-то зловѣщій огонекъ.

— О, если бы онъ скорѣе умеръ! —глухо прошептала она.

Муратовъ былъ пораженъ и выраженіемъ ея лица, и ея голосомъ. Ему становилось жутко не на шутку. Онъ поспѣшилъ прекратить разговоръ и выбраться изъ кухни Зиминыхъ, гдѣ ему становилось и противно, и страшно.

Еще ни разу въ жизни не приходилось ему такъ серьезно задумываться о своемъ положеніи, какъ теперь. Нѣсколько времени тому назадъ, проклиная свою судьбу, онъ видѣлъ причину своей гибели въ томъ, что его не подготовили ни къ чему, кромѣ военной карьеры. Теперь ему пришло въ голову, что живутъ же честно и скромно сотни, тысячи военныхъ, не знающихъ, подобно ему, ничего, кромѣ военной службы. Они строго относятся къ своимъ обязанностямъ, они добросовѣстно изучаютъ свое дѣло, они стойко переносятъ всѣ трудности своей службы, они представляютъ

ту силу, на которую можетъ разсчитывать общество, можетъ положиться правительство, когда понадобится помощь или содѣйствіе этой силы. Отчего же онъ не жилъ подобно имъ? Нѣтъ, онъ погибъ не потому, что его научили только военному ремеслу. Онъ погибъ бы и тогда, если бы его сдѣлали юристомъ, дипломатомъ, чѣмъ угодно. Онъ и тогда остался бы тѣмъ же бездомникомъ, какимъ онъ былъ теперь, какими были Винтеръ, Флери и сотни подобныхъ хлыщей и кутилъ. Ему вспомнились его же слова, сказанныя имъ недавно Аносову насчетъ отсутствія честной семьи. Тогда онъ сказалъ эти слова почти безсознательно, теперь онъ серьезно задумался надъ ними. Дѣйствительно, и онъ, и Аносовы, и Сухаревы, и даже Винтеры и Флери были какіе-то бездомники. Почему они бѣжали на молодые пиры, на оргіи, въ игорные дома, къ кокоткамъ? Не потому ли, что имъ хотѣлось жить и любить, а дома, въ ихъ семьяхъ, не было ни жизни, ни любви. Ихъ или распекали дома за каждую мелочь, или старались освободиться отъ нихъ, какъ отъ лишняго бремени, или томили скучными наставленіями, чопорностью, мелочами приличій. У одного былъ развратникъ отецъ, у другого была кутящая мать, у третьяго—Тартюфы и биготки родные навѣвали скуку и вѣяли холодомъ на молодую душу. Веселаго, откровеннаго, привѣтливаго и простого семейнаго кружка не было ни у кого изъ нихъ. Вотъ почему, какъ казалось теперь Муратову, они летѣли, какъ мотыльки на огонь, на первый ласковый зовъ пріятелей, на первый привѣтъ продажныхъ женщинъ. Но этотъ путь всегда ведетъ въ пропасть: сначала, мальчики, они украдкой, вырвавшись изъ-подъ надзора холодныхъ и сухихъ менторовъ, кутили довольно невинно, считая верхомъ счастья какой-нибудь шумный ужинъ гдѣ-нибудь въ модномъ кафе послѣ цирка или театра Берга; потомъ въ одинъ изъ этихъ ужиновъ кто-то постарше ихъ замѣтилъ, что ужины безъ женщинъ не веселы, и они пригласили женщинъ, но какихъ женщинъ—падшихъ, алчныхъ, торгующихъ собою; далѣе эти женщины завели ихъ въ игорные дома, пріучили пить, развратили ихъ. И всѣ эти вечера были обставлены блескомъ, пѣніемъ, музыкой, веселымъ смѣхомъ, танцами, ласками, а вино довершало то, чего не могли сдѣлать ни пѣсни, ни музыка, ни ласки. Когда шампанское ударяло въ голову, когда рейнвейнъ точно сковывалъ ноги, когда нельзя было отрезвиться отъ одного вечера до другого,—нечего было и думать о счет

денегъ, о размышленіи насчетъ своего образа жизни, о заботахъ и тревогахъ за будущее, о серьезныхъ цѣляхъ и задачахъ жизни. У нихъ не было ни семьи, ни отечества, ни идеала. Ихъ выгнала непріютность семейнаго очага на улицу, и они помчались туда, гдѣ, какъ имъ казалось, было веселѣе. Цѣли у нихъ не было, не могло быть никакой. Кто имъ говорилъ объ этихъ цѣляхъ? Ему вспомнился вдругъ одинъ изъ его прежнихъ, рано умершихъ, друзей, нѣкто графъ Талановъ, богатый юноша, оставшійся [illegible] сиротою на рукахъ биготки, горбатой дѣв[illegible]ны-тетки, проведшей далеко не красиво молодость, и про[illegible] старика-дяди, убившаго на француженокъ, да на [illegible] все свое состояніе. Онъ вспомнилъ, какъ бѣдный Талановъ томился въ гостиной своей тетки, вѣчно толковавшей на старости лѣтъ о спасеніи души, какъ онъ презиралъ стараго мота-дядю, старавшагося нагрѣть руки около опеки племянника, какъ онъ вырвался въ кружокъ друзей, увлекавшихъ его съ корыстными цѣлями все дальше на путь разврата. Онъ видѣлъ, какъ сгорѣлъ этотъ юноша въ два, въ три года, а между тѣмъ онъ, Талановъ, кончилъ курсъ гимназіи съ медалью, на семнадцатомъ году уже изумлялъ общество своими музыкальными способностями, слылъ въ своемъ кругу острякомъ, талантливой натурой, юношей, подающимъ надежды. Чего ему недоставало? У него было все: богатство, умъ, талантъ, молодость,—у него не было только честной, любящей, простой и откровенно-радушной семьи; потому-то онъ послѣ похоронныхъ раутовъ тетки и бѣжалъ изъ дома, какъ изъ омута, на оргіи пріятелей, потому-то онъ послѣ пустыхъ, но чопорныхъ и скучныхъ бесѣдъ съ выдрессированными кузинами и стремился къ такимъ же пустымъ, но, по крайней мѣрѣ, веселымъ и безцеремоннымъ женщинамъ-кокоткамъ. А сколько стоило это здоровья и денегъ! Вспомнивъ о деньгахъ, Муратовъ нахмурился. Передъ нимъ мелькнули тѣ вечера, на которыхъ онъ разсорилъ свои деньги. Сколько ихъ прошло черезъ его руки: наслѣдство, доставшееся отъ матери, подарки нѣсколькихъ женщинъ, занятыя имъ деньги, деньги юныхъ родственниковъ-богачей, открывавшихъ ему нерѣдко свои кошельки, деньги покойнаго Виктора Сухарева, старшаго брата Юліи Николаевны, съ которымъ росъ Муратовъ съ десяти лѣтъ,—все, все ушло въ цирки, къ Бергу, на рулетку Салова, на тройки, въ руки трактирныхъ слугъ. Но мало того, что ушли деньги,—у него явились долги, ради которыхъ онъ

случайно, незамѣтно, безсознательно сошелся съ Зиминой. Онъ принесъ къ ней въ закладъ вещи и началъ съ нею любезничать только для того, чтобы скрыть свое смущеніе при закладываніи вещей. При второй и третьей встрѣчѣ онъ позволилъ себѣ поцѣловать ея руку и былъ не прочь завязать интрижку съ хорошенькой ростовщицей. Интрижка съ хорошенькой замужней женщиной, да еще притомъ съ женой «гнуснаго ростовщика»,—это такъ заманчиво! Тутъ есть своего рода ухарство; это своего рода побѣда. Кто же изъ свѣтской молодежи откажется отъ такого приза? Тутъ нѣтъ ничего позорнаго, ничего подлаго, ничего непозволительнаго въ глазахъ свѣтскаго человѣка. Такъ поступаютъ всѣ безъ исключенія, объ этомъ говорятъ въ каждомъ пріятельскомъ кружкѣ. Такой-то пріударилъ за женой такого-то и добился своей цѣли—молодецъ! Ему рукоплещутъ, ему завидуютъ, у него отбиваютъ ее. Интрижка дѣйствительно завязалась и тутъ, но какъ?—Ростовщица влюбилась въ Муратова, придала серьезное значеніе его клятвамъ, насильно,—да, это онъ помнитъ совершенно ясно,—дала ему первую дорогую вещь, услыхавъ, что онъ временно нуждается въ деньгахъ, и этимъ какъ бы закрѣпостила его. Онъ считалъ уже постыднымъ бросить ее именно въ то время, когда онъ принялъ отъ нея помощь. Эта помощь была въ его глазахъ пустяками: ему дали какую-то вещь, чтобы онъ заложилъ ее на-время. Потомъ онъ думалъ выкупить эту вещь и возвратить по принадлежности. Вотъ и все. Но дѣла его отъ этой помощи не поправились, и онъ уже самъ попросилъ Зимину дать ему еще какую-нибудь вещь на-время для поправленія разстроенныхъ обстоятельствъ, а потомъ... Ему было теперь стыдно вспомнить, что было потомъ...

«Я ее погубилъ!»—впервые мелькнуло въ его головѣ.

До сихъ поръ онъ думалъ только о себѣ, до сихъ поръ онъ нерѣдко проклиналъ ее въ душѣ, до сихъ поръ онъ ни разу не задумывался о томъ, насколько онъ виноватъ передъ Зиминой. Теперь онъ говорилъ, что онъ погубилъ ее, но это сознаніе пришло къ нему именно тогда, когда Зимина уже начинала пугать, отталкивать его, когда онъ понялъ, что съ этой женщиной онъ не могъ бы жить, какъ мужъ.

«Но что будетъ, если я разойдусь съ ней?»—мелькнуло въ головѣ, и ему вспомнились слова Софьи Дмитріевны о томъ, что она не уступитъ его никому. Ему стало страшно.

Что если она дѣйствительно не уступитъ его Юліи Николаевнѣ Сухаревой? Что если она узнаетъ о его намѣреніи жениться и явится къ Юліи Николаевнѣ? Что если она разстроитъ его свадьбу? Не жениться ли на ней, если умретъ ея мужъ? Нѣтъ, онъ чувствуетъ теперь, что онъ ея не любитъ, что у него нѣтъ ничего общаго съ нею, что она истерзаетъ, загубитъ его своею любовью, своею ревностью, своею неразвитостью, своею ограниченностью. И развѣ она можетъ создать семейный кружокъ, развѣ она можетъ быть матерью семейства, развѣ она не заставитъ его бѣжать опять изъ дома въ дома разврата, на оргіи, въ омуты столичнаго разгула? Да, наконецъ, развѣ онъ можетъ промѣнять на нее ту, которая теперь дѣлалась ему все дороже и дороже?

Но почему она была ему дорога? Потому, что она была богата? Потому, что она могла создать для него семью? Потому, что она была хороша собою, чиста и молода? Человѣческія побужденія вообще такъ сложны, а побужденія искалѣченнаго столичнымъ омутомъ человѣка еще сложнѣе, и иногда трудно бываетъ опредѣлить, которое изъ сотни этихъ переплетающихся въ душѣ побужденій беретъ верхъ надъ другими. Самъ себѣ Муратовъ не давалъ яснаго отчета, почему стала ему такъ дорога Юлія Николаевна Сухарева. Онъ просто говорилъ, что онъ ее «любитъ».

А она?

IX.

Юлія Николаевна Сухарева съ нетерпѣніемъ ждала бала у матери. Она ждала его вовсе не потому, что это былъ первый балъ, на которомъ она должна была явиться послѣ выхода изъ института. Ее радовалъ этотъ балъ, какъ предлогъ остаться на нѣсколько времени у матери. Кромѣ того, она надѣялась на этомъ балу поговорить съ кузеномъ Пьеромъ. Поговорить съ нимъ казалось ей необходимымъ теперь, когда она услыхала отъ сестры, что ему грозитъ какая-то опасность, что онъ можетъ погибнуть.

Эти неосторожныя слова сестры глубоко запали ей въ душу и не на шутку мучили ее. Услышавъ ихъ, она почувствовала, какъ сжалось ея сердце. Почему? Развѣ кузенъ Пьеръ былъ ей такъ дорогъ, такъ близокъ? Да. Она любила его, любила давно, не смѣя сказать объ этомъ никому, храня эту любовь въ своемъ сердцѣ, какъ нѣчто драгоцѣнное, завѣтное.

Какъ она полюбила его? Это была простая исторія.

Ее отдали въ институтъ тотчасъ послѣ смерти ея добраго и безхарактернаго отца,—отдали вопреки желаніямъ матери. Мать хотѣла воспитывать ее дома, считала даже неприличнымъ воспитывать въ институтѣ такую богатую дѣвушку, но Аносовы и покорная имъ Марья Николаевна рѣшили на своемъ семейномъ совѣтѣ, что дѣвочку нужно удалить отъ вліянія «легкомысленной и пустой старухи Сухаревой», что «эта необразованная женщина — cette femme mal élevée—можетъ сдѣлать Богъ знаетъ что изъ дѣвочки», что дѣвочку нужно выдрессировать въ закрытомъ заведеніи, что ее нужно подчинить ихъ вліянію—вліянію Аносовыхъ.

— Ты, Marie, знаешь, какъ многому тебѣ пришлось учиться, вырвавшись изъ дома твоей maman,—говорили Марьѣ Николаевнѣ.

Марья Николаевна, несмотря на все умѣнье владѣть собою, краснѣла и потупляла глаза. Она сознавала, что дѣйствительно здѣсь научили ее многому и многое заставили забыть. Аносовы непремѣнно хотѣли быть барами, знатью, аристократами, тогда какъ они были просто чиновными людьми и воротилами въ извѣстныхъ сферахъ.

Старуха Сухарева протестовала противъ рѣшенія Аносовыхъ, даже посердилась, даже поплакала, хотя это было не въ ея натурѣ, но Аносовы все-таки сдѣлали по-своему. Но, помѣщая дѣвочку въ институтъ, они не предвидѣли одного: они не могли запретить старухѣ Сухаревой посѣщать дочь. Эти-то посѣщенія дочери и сдѣлались для старой модницы новымъ источникомъ развлеченія и средствомъ ослѣплять людей блескомъ своихъ нарядовъ. У нея открылось новое мѣсто, куда она могла ѣздить показывать себя. Она являлась въ институтъ неизмѣнно въ каждый пріемный день, въ своихъ блестящихъ экипажахъ, на своихъ кровныхъ лошадяхъ, въ своихъ шумныхъ туалетахъ, соря деньгами направо и налѣво, швейцарамъ, горничнымъ, классным дамамъ, изумляя институтскихъ посѣтителей своею роскошью, развязно заговаривая съ совершенно незнакомыми ей матерями другихъ институтокъ, изыскивая случай показать даже здѣсь свою щедрость и великодушіе. Покуда ея дочь была въ институтѣ, старуха Сухарева ухитрилась даже выдать замужъ шестерыхъ дѣвушекъ, вышедшихъ въ это время изъ института. Старуха особенно любила выдавать замужъ и женить молодыхъ людей, при чемъ она, конечно, играла первую роль на ихъ свадьбахъ. Смотря на нее, когда

она, полная, румяная, разбитная, являлась въ пріемной залѣ, можно было подумать, что это самая популярная личность въ Петербургѣ, что это начальница всѣхъ присутствующихъ въ залѣ лицъ, что это покровительница всѣхъ, кому нужно или не нужно покровительство. Но мало того, что генеральша Сухарева сама не пропускала пріемныхъ дней въ институтѣ, — она захватывала съ собою и своихъ сыновей, и молодого Аносова, и кузена Пьера, очень часто гостившаго у ея старшаго, недавно умершаго сына, и готова была захватить всѣхъ находящихся въ Петербургѣ гвардейскихъ офицеровъ и юнкеровъ, чтобы только увеличить свою свиту и сдѣлать изъ пріемной институтской залы что-то въ родѣ блестящаго салона, гдѣ царила и шумѣла больше всѣхъ она сама, не признавая ни институтскихъ властей, ни институтскихъ правилъ. Петръ Павловичъ ѣздилъ въ институтъ потому же, почему онъ ѣздилъ на балы, въ театры, на пикники: ему было скучно, его приглашали, онъ надѣялся развлечься, онъ любилъ кататься на такихъ лошадяхъ, какъ лошади Сухаревой, — вотъ и все. Тутъ не было ни расчета, ни цѣли, ни внутренней потребности; тутъ все дѣлалось потому, что вѣтеръ въ данную минуту гналъ въ эту сторону, а не въ другую. Иногда онъ пропускалъ эти пріемные часы въ пріютѣ непорочности и дѣвственности, потому что въ это время онъ только-что возвращался домой съ безобразной оргіи отъ представительницъ разврата и разнузданности. Въ такіе дни ему становилось только досадно, что онъ не успѣлъ возвратиться съ оргіи раньше, чтобы отправиться и проѣхать на свиданіе съ чистой милой дѣвочкой, смѣявшейся такимъ веселымъ и задушевнымъ смѣхомъ при его остротахъ. Онъ, въ сущности, очень мало думалъ объ этой дѣвочкѣ, онъ, можетъ-быть, никогда не поѣхалъ бы къ ней, если бы генеральша Сухарева не захватывала его съ собой. Но, встрѣтившись съ этой дѣвочкой, онъ не могъ быть не любезнымъ, не веселымъ, не милымъ: онъ былъ и здѣсь, какъ вездѣ, самъ собою. Онъ былъ такъ же привѣтливъ, нѣженъ, родственъ и съ этой дѣвочкой, какъ за два-три часа передъ тѣмъ онъ былъ привѣтливъ, нѣженъ и родственъ съ послѣднею циничною продавщицею своего тѣла, разыгрывавшею передъ толпой молодежи сцену изъ жизни Фрины. Эта мягкость, это добродушіе, эта нѣжность была слѣдствіемъ избалованности красавчика, слѣдствіемъ привычки быть въ будуарахъ и салонахъ, слѣдствіемъ полнаго отсутствія идеаловъ

и цѣлей въ жизни, которые всегда дѣлаютъ человѣка мягкимъ въ одну сторону и суровымъ въ другую. Но дѣвочка этого не знала: она видѣла, какъ ласковъ, какъ милъ, какъ веселъ этотъ кузенъ, и привязалась къ нему, какъ къ родственнику, какъ къ другу покойнаго брата, какъ къ брату, привязалась уже потому, что ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поболтать въ пріемные часы, а между тѣмъ ея мать проводила эти часы въ болтовнѣ съ посторонними дамами, а не съ дочерью. Вслѣдствіе этого дѣвочка нетерпѣливо ждала пріѣзда кузена и скучала, когда онъ не являлся. Но этого мало. Всѣ ея подруги называли его «душкой», «амкой», «киской», однимъ словомъ, всѣми ласкательными именами институтокъ, и завидовали «Сушкѣ», какъ они называли Юлію Сухареву,—завидовали въ томъ, что она можетъ говорить съ «нимъ». Институтки говорили, что онъ «первый красавецъ въ мірѣ». Дѣвочка стала не только «обожать» своего дальняго родственника, но начала имъ гордиться. Старуха Сухарева, съ свойственнымъ ей легкомысліемъ, подлила масла въ этотъ огонекъ, говоря, что «гдѣ нашъ повѣса, тамъ и веселье», что «безъ этого пострѣла ужъ ни одинъ балъ не обойдется», что «онъ вѣдь вездѣ предводитель», и неопытной дѣвочкѣ представлялось, что ея кузенъ является какимъ-то божкомъ и царькомъ въ еще неизвѣстномъ ей обществѣ, что вокругъ него группируется это общество. Два-три прочитанные тайкомъ отъ классныхъ дамъ французскіе романа докончили дѣло: въ благородныхъ герояхъ этихъ романовъ дѣвочка узнала своего кузена. Ея подруги были правы, называя Петра Павловича ея «кумиромъ». Но она поклонялась своему кумиру робко, безмолвно, съ сознаніемъ, что онъ можетъ только позволить себя обожать, но что едва ли онъ отвѣтитъ на это обожаніе. Она краснѣла отъ удовольствія, когда въ недолгіе отпуски къ матери и сестрѣ въ лѣтнее время Петръ Павловичъ, пріѣхавъ изъ лагеря, удостоивалъ ее тѣмъ, что игралъ съ нею на дачѣ въ серсо или въ воланы. Она даже связала ему какой-то бисерный кошелекъ, который, впрочемъ, не рѣшилась ему отдать и хранила у себя, какъ сокровище, дорогое ей уже потому, что оно предназначалось въ даръ ея кумиру. Замѣчалъ ли это обожаніе Петръ Павловичъ, разсчитывалъ ли онъ съ давнихъ поръ жениться на ней,—этого онъ не могъ бы сказать съ полною увѣренностью и самъ, хотя, по всей вѣроятности, онъ смутно угадывалъ и любовь этой дѣвочки, и мимолетно мечталъ о выгодности женитьбы

на ней когда-нибудь послѣ, когда понадобится отдыхъ, когда надоѣстъ донжуанство. Среди его разсѣянной жизни ему было трудно сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли, на какой-нибудь опредѣленной цѣли; онъ несся по волѣ вѣтра, безъ руля, безъ опредѣленнаго плана, съ толпой другихъ участниковъ безумныхъ вакханалій. Вотъ почему теперь, когда въ Юліи Николаевнѣ онъ видѣлъ все свое спасенье, его тревожилъ и мучилъ вопросъ: «любитъ ли она его?»

Въ день бала у матери, Юлія Николаевна была въ крайне возбужденномъ состояніи. Она, выслушавъ длинный рядъ наставленій отъ сестры, съ утра пріѣхала къ матери и нетерпѣливо ждала бала, хотя приготовлялась къ нему очень невнимательно, вовсе не думая о томъ, идетъ ли къ ней ея бальное платье, къ лицу ли причесываетъ ее кауферъ. Она, казалось, вовсе не думала о томъ, что въ красивомъ нарядѣ она можетъ произвести сильное впечатлѣніе на кузена Пьера. Ей только хотѣлось поскорѣе узнать отъ него, счастливъ ли онъ, и предупредить его, что ему грозитъ опасность. Какая опасность?—этого она сама не знала и потому еще болѣе боялась этой опасности.

Наконецъ, насталъ и вечеръ; большая часть гостей съѣхалась, Юлію Николаевну окружила молодежь. Одинъ изъ представленныхъ ей молодыхъ кавалергардовъ ангажировалъ ее.

— На вторую кадриль,—отвѣтила она, краснѣя.—Первую я танцую.

Послѣдовало еще одно приглашеніе. Юлія Николаевна предложила четвертую кадриль, говоря, что она приглашена на третью. Она сидѣла рядомъ съ Марьей Николаевной. Какъ только молодежь отхлынула отъ нихъ на минуту, Марья Николаевна нагнулась къ ней и вполголоса спросила ее:

— Кто же тебя ангажировалъ на первую кадриль?

— Я съ кузеномъ Пьеромъ танцую, — отвѣтила Юлія Николаевна, и по ея лицу снова разлился яркій румянецъ.

— Развѣ онъ уже здѣсь?—проговорила Марья Николаевна, обводя прищуренными глазами залъ.

— Нѣтъ... я уже давно обѣщала ему,—въ смущеніи проговорила Юлія Николаевна.

— Какъ ты неосторожна!.. Что подумаютъ, видя, что ты танцуешь съ нимъ!—воскликнула старшая сестра.

— Что же могутъ подумать? Развѣ я не могу съ нимъ танцовать?

— Тебѣ никто не запрещаетъ... но вѣдь всѣ увидятъ, что его не было еще здѣсь, когда тебя приглашали на первую кадриль... Наконецъ, онъ просто можетъ не пріѣхать... Тогда... да нѣтъ, это невозможно... Надо позвать хоть брата Жака, пусть онъ танцуетъ съ тобой первую кадриль... Это непростительная опрометчивость...

Марья Николаевна сдѣлала животрепещущій вопросъ изъ этого обстоятельства, какъ она обыкновенно дѣлала животрепещущіе вопросы изъ всѣхъ мелочей, и Юлія Николаевна чувствовала, что у нея сжимается сердце и отъ этихъ наставленій, и отъ мысли, что она станетъ танцовать съ братомъ и не успѣетъ поговорить съ кузеномъ Пьеромъ. Марья Николаевна поднялась съ мѣста и пошла, чтобы позвать брата. Въ эту минуту Юлія Николаевна чуть не вскрикнула отъ радости: черезъ залу пробирался къ ней Муратовъ. Она даже приподнялась съ мѣста, точно боясь, что онъ ее не замѣтитъ, что онъ подойдетъ не къ ней. Не обращая вниманія на сидѣвшихъ и стоявшихъ около нея молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, она быстро протянула руку Муратову и прошептала ему, глубоко дыша отъ волненія:

— Я должна танцовать съ вами первую кадриль, кузенъ.

— Я затѣмъ и пробирался къ вамъ, кузина, чтобы ангажировать васъ,—отвѣтилъ онъ, наклоняя голову.

Марья Николаевна, только-что отыскавшая брата, шла уже обратно къ сестрѣ и закусила губы, видя, что сестра и Муратовъ стоятъ другъ передъ другомъ, выдѣляясь среди группы сидящихъ и ходящихъ гостей. Она сразу почувствовала, что ея сестра опять сдѣлала неловкость, вставъ навстрѣчу къ кузену, не давъ ему времени подойти къ ней самому.

— Здравствуй, очень радъ, что ты пріѣхалъ,—проговорилъ молодой Сухаревъ, подходя со старшею сестрою къ Муратову: —а то меня хотѣли запрячь вмѣсто тебя первую кадриль отплясывать съ сестрой.

— Вмѣсто меня?—въ недоумѣніи спросилъ Муратовъ, поздоровавшійся съ Аносовой.

— Да, Julie сдѣлала неловкость,—пояснила Марья Николаевна.—Обѣщала вамъ когда-то танцовать съ вами первую кадриль на первомъ балу и отказала приглашавшимъ, хотя васъ здѣсь и не было...

Муратовъ недоумѣвалъ. Юлія Николаевна, вся раскраснѣвшаяся, смотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ, точно боялась, что онъ ее выдастъ.

— Но Юлія Николаевна очень хорошо знала, что я не опоздаю на первую кадриль и сдержу свое слово,—отвѣтилъ онъ, понимая, что ему нужно поддержать смущенную дѣвушку.

— Не въ этомъ дѣло... я, во всякомъ случаѣ, думаю, что ей неловко танцовать съ вами... это можетъ обидѣть тѣхъ, кто приглашалъ ее до вашего пріѣзда... Наконецъ, это обратитъ вниманіе...

— О, гораздо менѣе, чѣмъ наша бесѣда посреди залы,— иронически улыбнулся Муратовъ.

Марья Николаевна только теперь вспомнила, что они неловко стояли посреди залы, составляя какую-то группу семейнаго совѣщанія.

Она закусила губу и отошла съ сестрою къ группѣ дамъ.

— Ну, свалилъ обузу съ плечъ,—вздохнулъ Сухаревъ.— Ненавижу я этихъ дѣвчонокъ, особенно родственницъ! Ужъ и безъ того точно въ тискахъ себя чувствуешь на этихъ балахъ. Кстати: ты отъ насъ куда?

— Домой.

— Да что за чортъ насѣлъ на тебя? Все домой, да домой, а когда же къ потомкамъ Мамая?

Потомками Мамая Сухаревъ называлъ татаръ, прислуживающихъ въ ресторанахъ.

— Вѣроятно, никогда или, по крайней мѣрѣ, не скоро,— отвѣтилъ Муратовъ.

— Причины?

— Надоѣло.

— Ну, потолкуй вечеръ съ Julie, да съ Marie, главное съ Marie, тогда къ самому послѣднему изъ мамаевскихъ потомковъ, какъ къ отцу родному, въ объятія бросишься. А ты слышалъ, что я вчера сотворилъ?

— Нѣтъ.

— Пригласилъ въ тройку на Невскомъ какихъ-то трехъ ночныхъ бабочекъ Сѣверной Пальмиры къ мамаевскимъ потомкамъ, довезъ ихъ туда, высадилъ и направо кругомъ— маршъ: укатилъ обратно въ городъ. Вотъ-то, я думаю, ругались! Морозище вѣдь былъ сильный.

— Какъ тебѣ это не надоѣстъ!

Въ это время послышались звуки музыки. Въ залѣ усилилось движеніе. Муратовъ поспѣшилъ къ Юліи Николаевнѣ.

— Вы на меня не сердитесь, кузенъ? — спросила она, когда они остались одни, приготовляясь къ кадрили.

— За что?—удивился онъ.

— За то, что я сама васъ ангажировала... Вы, можетъ-быть, хотѣли съ кѣмъ-нибудь другимъ танцовать...

— Напротивъ...

— Но, право, мнѣ очень, очень нужно поговорить съ вами...

Кадриль началась.

— Вы хотѣли о чемъ-то говорить со мною, — сказалъ Муратовъ, когда Юлія Николаевна опять сѣла.

— Да; вотъ видите ли...—сказала она въ смущеніи, не зная, какъ начать.—Вы мнѣ все откровенно скажете?

— Отчего же нѣтъ?

— Вы счастливы, кузенъ?—спросила она совершенно неожиданно, смотря прямо ему въ глаза.

— Вы хотите знать правду?—спросилъ, въ свою очередь, нѣсколько озадаченный Муратовъ.

— Да, правду.

— Нѣтъ, кузина, несчастливъ, — отвѣтилъ онъ со вздохомъ.

Она бросила на него испуганный, тревожный взглядъ. Начиналась вторая фигура. Юлія Николаевна путалась и въ сущности не понимала, что она дѣлаетъ; ея голова была занята одною мыслью о томъ, что Marie не лгала, что кузенъ Пьеръ несчастливъ, что ему грозитъ опасность.

— Такъ, значитъ, вы все знаете, — проговорила она, опять садясь.

— То-есть, что?—съ недоумѣніемъ спросилъ онъ.

— Что вамъ грозитъ опасность.

— Опасность?

— Ну, да!

— Какая, кузина? Я васъ не понимаю.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь вы же, вѣроятно, оттого и несчастливы!

— Объясните, ради Бога, кузина, что все это значитъ? Во-первыхъ, какая опасность? — встревоженно спросилъ Петръ Павловичъ.

— Я... я не знаю, кузенъ, — чуть не плача отвѣтила Юлія Николаевна.—О, если бы я знала, я все, все разсказала бы вамъ!..

Послышалась музыка третьей фигуры. Опять насталъ несносный перерывъ разговора. Теперь уже не одна Юлія Николаевна путалась въ танцахъ; путался и Муратовъ, обыкновенно бывшій руководителемъ въ танцахъ. Въ его головѣ вертѣлись мысли о связи съ Зминой, о векселяхъ.

— Вы меня совсѣмъ смутили, кузина, своими загадочными словами,—началъ онъ, когда Юлія Николаевна сѣла.— Вы говорите, что мнѣ угрожаетъ опасность, и въ то же время говорите, что не знаете сами, какая это опасность... Но почему же...

— Вотъ видите ли, кузенъ,—перебила его Юлія Николаевна.—Я ничего не знаю... Но мнѣ говорила сестра...

— Ваша сестра говорила съ вами обо мнѣ? — быстро проговорилъ Муратовъ, угадывая что-то очень недоброе.

— Да, чему вы такъ удивились? — спросила Юлія Николаевна, съ изумленіемъ поднявъ на него глаза.

— Я никогда не думалъ, что я сколько-нибудь интересую вашу сестру,—холодно и нѣсколько грустно отвѣтилъ онъ.

— О, напротивъ, напротивъ! Она, должно-быть, очень жалѣетъ васъ, потому что она-то мнѣ и сказала о томъ, что вамъ угрожаетъ опасность.

Новый перерывъ прервалъ на минуту разговоръ. Кончивъ четвертую фигуру, Муратовъ обратился къ Юліи Николаевнѣ.

— Итакъ, ваша сестра сказала, что мнѣ грозитъ опасность, но не говорила ли она, какого рода эта опасность?

— Она говорила, что васъ кто-то хочетъ погубить, что вы попали въ такое общество, гдѣ васъ... я, право, не поняла... Вы, вѣрно, попали къ какимъ-нибудь врагамъ...

Юлія Николаевна совсѣмъ спуталась; ей въ эту минуту кузенъ Пьеръ казался чѣмъ-то въ родѣ Генриха IV, окруженнаго католиками, которые готовятся убить его въ Варѳоломеевскую ночь.

— А какъ вы думаете, кузина, зачѣмъ ваша сестра говорила вамъ это? Затѣмъ, чтобы вы предупредили меня?— спросилъ Муратовъ, зорко взглянувъ на Юлію Николаевну.

— Я, право, не знаю,—смутилась Юлія Николаевна.

— Нѣтъ, кузина, не затѣмъ,—твердо проговорилъ онъ:— а затѣмъ, чтобы вы не говорили болѣе со мной, чтобы вы избѣгали меня, какъ человѣка, который гибнетъ и можетъ погубить другихъ.

Юлія Николаевна въ недоумѣніи взглянула на него.

— Ваша сестра меня не любитъ,—продолжалъ онъ.— Она считаетъ меня очень дурнымъ, очень испорченнымъ человѣкомъ.

— О, кузенъ!—почти воскликнула Юлія Николаевна.

Пятая фигура остановила продолженіе разговора.

— Да, кузина, ваша сестра считаетъ меня дурнымъ и

испорченнымъ,—повторилъ Муратовъ, окончивъ пятую фигуру: — и она права. Мы всѣ, люди, пожившіе въ свѣтѣ, люди, давно сошедшіе со школьной скамьи, — дурные и испорченные люди. Хорошими и непорочными могутъ быть люди только въ ваши годы, кузина, когда только-что начинается жизнь. Но какъ бы ни были дурны и испорчены люди, ихъ не слѣдуетъ отталкивать, презирать, губить еще болѣе,—ихъ нужно спасать, имъ нужно помогать. Вы еще не испорчены, вы еще любите весь міръ и потому вы не можете не согласиться со мною, что несчастныхъ, погибающихъ, падающихъ нужно спасать.

— О, да, да!—горячо проговорила Юлія Николаевна.

— Ваша сестра это угадала и хотѣла поскорѣе запугать васъ моею окончательною испорченностью, моею неминуемою близостью къ гибели, чтобы помѣшать вамъ даже попытаться спасти меня... сдѣлать другимъ человѣкомъ... вывести на другой путь...

Грянули звуки шестой фигуры.

— Кузенъ, я съ вами танцую третью кадриль! — торопливо шепнула Юлія Николаевна Муратову, когда онъ отводилъ ее на мѣсто.

— Julie, ты вся раскраснѣлась,—проговорила ей Марья Николаевна.

— Здѣсь жарко,—отрывисто отвѣтила Юлія Николаевна.

— О чемъ это ты такъ горячо разсуждала съ Муратовымъ?

— Я не знала, что мнѣ будетъ нужно передавать все то, о чемъ я буду говорить сегодня вечеромъ, — недовольнымъ тономъ проговорила Юлія Николаевна.

— Я вовсе этого и не требую, — сухо замѣтила Марья Николаевна.—Я только хотѣла тебѣ замѣтить, что неловко во время танцевъ разсуждать съ такимъ серьезнымъ видомъ, какой приняла ты во время всей кадрили.

— Marie, я никакъ не думала, что сегодня вечеромъ будетъ для меня не балъ, а урокъ приличій, и...

— Напрасно, — перебила ее холоднымъ тономъ Марья Николаевна.—Первый балъ—это всегда первый урокъ свѣтской жизни. Нельзя же до перваго бала предвидѣть всѣ тѣ безтактности и неловкости, на которыя способна такая неопытная дѣвочка, какъ ты.

Вторую кадриль Юлія Николаевна танцовала съ кавалергардомъ, представленнымъ ей въ началѣ бала. Она уже успѣла забыть его фамилію и очень мало интересовалась

имъ, вся занятая мыслью о Муратовѣ. Кавалергардъ сдѣлалъ ей нѣсколько банальныхъ комплиментовъ, она выслушала его молча; онъ заговорилъ о театрѣ, она отвѣчала, что ее еще не вывозили въ театры; онъ спросилъ ее, понравилось ли ей за границей, она отвѣтила, что она почти ничего не видала тамъ; онъ выразилъ свое мнѣніе о томъ, что она, вѣроятно, давно уже ждала свободы и надѣется на удовольствія настоящей зимы, она отвѣтила односложнымъ: «да». Разговоръ, плохо вязавшійся съ самаго начала, оборвался. Кавалергардъ внутренно сердился на свою даму, сердился на всѣхъ институтокъ, съ которыми не о чемъ говорить; Юлія Николаевна вовсе ничего не думала о немъ и только ждала конца кадрили, разсѣянно смотря по сторонамъ и не находя въ числѣ танцующихъ Муратова. Муратову было не до танцевъ. Наконецъ, кончилась и эта кадриль, наконецъ, началась и третья.

— Вы не танцовали, кузенъ? — спросила Юлія Николаевна, садясь на свое мѣсто и поднимая глаза на Муратова.

— Нѣтъ, кузина. Мнѣ не до танцевъ послѣ нашего разговора,—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, я бы вамъ ничего не сказала, если бы я знала, что это васъ такъ огорчитъ! Вы не сердитесь на меня?

— И вы еще спрашиваете! Развѣ можно сердиться за то, что люди принимаютъ въ насъ участіе? Мнѣ только стало грустно, когда я вполнѣ убѣдился, что ваша сестра постарается прервать наши родственныя отношенія и вооружить васъ противъ меня.

— Никогда, никогда! — почти воскликнула Юлія Николаевна, съ разгорѣвшимся лицомъ.

— Не говорите этого; вы не знаете еще, что могутъ придумать люди, чтобы очернить, унизить своихъ ближнихъ.

— Я не буду слушать ничего... зажму уши и не буду слушать... ничего... ничего!..

Муратовъ ласково улыбнулся при этой дѣтской выходкѣ.

— Это не поможетъ. Вамъ все-таки будутъ говорить про меня. Будутъ упрекать васъ за вниманіе ко мнѣ, за разговоръ со мною...

— Ахъ, знаете, кузенъ, меня уже распекали и теперь за то, что я говорила слишкомъ серьезно съ вами во время танцевъ.

— Это только начало... Много еще придется вамъ выслушать за меня.

— Кузенъ, скажите, отчего васъ не любитъ Магіе?— ласково спросила Юлія Николаевна.

Муратовъ нахмурился.

— Вѣроятно, потому, что я не богатъ, а вы богаты,— проговорилъ онъ.

— Я васъ не понимаю.

— Когда-нибудь поймете, когда вамъ скажутъ о моей бѣдности... Однако, мы ведемъ вовсе не бальный разговоръ,—замѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Ахъ, Богъ съ нимъ, съ баломъ! — проговорила Юлія Николаевна. — Я рада, что вижусь съ вами, и мнѣ нѣтъ дѣла ни до чего.

— Но скоро мы, быть-можетъ, не будемъ и видѣться.

— Кузенъ!—испуганно прошептала молодая дѣвушка.

— Да, меня или перестанутъ принимать у вашей сестры, или будутъ постоянно наблюдать, когда вы и я сойдемся вмѣстѣ.

— А я буду васъ видѣть у maman!

— Вы знаете, что ваша сестра неохотно отпускаетъ васъ сюда.

— Да... я, право, не понимаю, почему...

— Потому, что ваша мать добрая женщина...

Юлія Николаевна вопросительно посмотрѣла на Муратова.

— Ваша мать никогда не скажетъ вамъ: такой-то бѣденъ, и потому не говори съ нимъ, а такой-то богатъ, и потому слушай его.

Юлія Николаевна задумалась.

— Я еще очень глупенькая, — тихо проговорила она.— Я совсѣмъ не знаю жизни и не могу понять никакихъ соображеній и расчетовъ сестры, не могу выяснить ея отношеній къ maman...

— Дай Богъ, чтобы вамъ и не пришлось распутывать эти сѣти семейныхъ интригъ и корыстныхъ расчетовъ, а вырваться изъ нихъ какъ можно раньше, — проговорилъ Муратовъ, нѣжно взглянувъ на Сухареву.

Когда кадриль кончилась, Муратовъ отвелъ Юлію Николаевну на мѣсто и простился съ нею и съ Марьей Николаевной.

— Вы уже уѣзжаете?—сухо спросила Аносова.

— Мнѣ какъ-то не по себѣ,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Много повѣсничаете,—шутливо замѣтила она.

— Я?—удивленнымъ тономъ спросилъ Муратовъ.—Я по недѣлямъ не выхожу изъ дома никуда, кромѣ службы.

— Вотъ какъ! Это что-то новое!—усмѣхнулась она.

— Да, новое, и потому не слѣдуетъ смѣшивать съ нимъ то, что давно устарѣло и должно забыться,—съ удареніемъ произнесъ онъ, откланиваясь.

Марья Николаевна сдѣлала презрительную гримаску и проговорила какъ бы про себя:

— Я никогда не подозрѣвала въ немъ способностей актера.

Юлія Николаевна бросила на сестру негодующій взглядъ.

Поздно ночью, когда разъѣхались гости, Юлія Николаевна осталась одна въ будуарѣ съ матерью. Она бросилась къ матери на шею.

— Мама, голубчикъ, милая, не отпускай меня отъ себя!—говорила она, покрывая поцѣлуями лицо и руки матери.

— Что съ тобой, что съ тобой, коза?—твердила изумленная генеральша, очень любившая, когда ее цѣловали ея дѣти, что случалось не часто.

— Я не хочу нигдѣ жить, кромѣ какъ здѣсь, у тебя, дома.

— Ты, вѣрно, думаешь, что у меня каждый день балы?—пошутила старуха, ущипнувъ ее за щеку.

— Что мнѣ балы! Мнѣ ничего, ничего не надо! Я только хочу жить здѣсь... и... и... больше ничего.

— Ну, хорошо, хорошо! Ты знаешь, я сама рада видѣть тебя здѣсь. А то я все одна. И выѣзжаю, и дома сижу, всегда и вездѣ одна.

Генеральша вздохнула: дѣйствительно, у нея не было семейнаго кружка. Ея младшій сынъ былъ на полномъ пансіонѣ въ модномъ училищѣ; ея старшій сынъ почти постоянно проводилъ время у кокотокъ, на пикникахъ, въ циркѣ, у Берга, въ театрѣ Буффъ; ея старшая дочь, видимо, отдалялась отъ нея; ея младшую дочь хотѣли тоже отдалить отъ нея. Ей было тяжело или, лучше сказать, скучно, но у нея недоставало характера передѣлать свою жизнь.

X.

Петръ Павловичъ Муратовъ возвратился домой въ странномъ настроеніи духа. Онъ ясно увидалъ, что Юлія Николаевна любитъ его, любитъ страстно; это должно было бы сильно обрадовать, ободрить его. Но онъ былъ грустенъ.

Впервые въ жизни онъ стыдился теперь своего недавняго прошлаго. До сихъ поръ онъ негодовалъ на это прошлое

за то, что оно поглотило всѣ перебывавшія въ его рукахъ деньги; иногда онъ боялся этого прошлаго, думая, что не сегодня, такъ завтра могутъ открыться всѣ его вольные и невольные грѣхи и проступки. Но никогда еще онъ не стыдился этого прошлаго. Онъ хвасталъ этимъ прошлымъ повѣсы, волокиты, сердцѣда, Донъ-Жуана, циника въ дѣлахъ любви. Теперь было не то. Онъ краснѣлъ при мысли, что этой чистой и наивной дѣвушкѣ ея сестра можетъ открыть всѣ его похожденія, что эту дѣвушку посвятятъ во всю закулисную грязь петербургской жизни, что она узнаетъ, насколько онъ забрызгалъ себя этой грязью. Ему хотѣлось бы сойтись съ нею, не потупляя передъ нею глазъ, не боясь ея молчаливыхъ упрековъ, не вызывая въ ней и тѣни подозрѣній, не имѣя надобности лгать передъ нею, подыскивая себѣ оправданія. Можетъ ли она вѣрить его клятвамъ, если ей разскажутъ, сколько разъ онъ клялся другимъ женщинамъ? Можетъ ли она вѣрить его безкорыстной любви, если ей разскажутъ, что онъ завязъ по уши въ долгахъ? Можетъ ли она выйти за него замужъ такою же чистою нравственно, какою является она теперь, если ей передадутъ всю грязь его прошлой жизни? Ее просвѣтятъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, и просвѣтятъ только потому, что ея женихъ—онъ, личность падшая, личность испорченная. Эти мысли приходили ему теперь въ голову, и онъ не могъ, не хотѣлъ отогнать ихъ. У него не хватало теперь цинизма, чтобы сказать: «да не все ли мнѣ равно, что ей будутъ говорить, лишь бы добиться своей цѣли». Онъ не былъ еще извращенъ настолько, чтобы въ его головѣ явились циничныя мысли при взглядѣ на ребенка, при думахъ о ребенкѣ, а Юлія Николаевна являлась въ его глазахъ именно ребенкомъ, чистымъ, непорочнымъ, любящимъ ребенкомъ.

Онъ уѣхалъ съ бала, потому что онъ чувствовалъ, что еще нѣсколько словъ — и онъ объяснится ей въ любви. Онъ сознавалъ, что на балу, на первомъ балу, гдѣ явилась эта дѣвочка,—не мѣсто для подобныхъ объясненій.

Но что же было дѣлать дальше? Какъ предупредить интриги Марьи Николаевны? Какъ увидать съ-глазу на-глазъ Юлію Николаевну? Она, должно-быть, осталась у матери. Нужно поѣхать туда. Медлить нельзя. Ее увезутъ скоро.

На слѣдующій же день послѣ бала, противъ всѣхъ обычаевъ и приличій, онъ поѣхалъ къ старухѣ Сухаревой. Онъ даже разсчитывалъ, что это никого не удивитъ, такъ

какъ онъ былъ «своимъ человѣкомъ» въ этомъ домѣ, да и старуха Сухарева не придавала никакого значенія свѣтскимъ обычаямъ и приличіямъ. Она, несмотря на свое положеніе въ свѣтѣ, осталась до старости отчасти простоватою дочерью богатой купеческой семьи, отчасти свободолюбивою матерью-командиршею, полковою барыней.

— Господа дома? — спросилъ Муратовъ у швейцара Сухаревыхъ.

— У себя, Петръ Павловичъ,—отвѣтилъ швейцаръ, снимая съ него пальто.

— Никого нѣтъ изъ посторонннихъ?

— Одни-съ.

Муратовъ поднялся по широкой, уставленной цвѣтами лѣстницѣ. Лакей доложилъ о немъ генеральшѣ.

— Такъ и знала, такъ и знала, что безъ тебя не обойдется, — засмѣялась Сухарева, принимая его въ маленькой синей гостиной.

— Отчего же вы знали?—спросилъ Петръ Павловичъ, цѣлуя ея пухлую руку, украшенную кольцами и браслетами.

— Провѣдалъ, что Юля здѣсь. Вѣдь ужъ я знаю, гдѣ молоденькая дѣвочка есть, тамъ и ты. А у Юли сегодня голова разболѣлась.

— Она нездорова?—встревоженно спросилъ Муратовъ.

Генеральша плутовато улыбнулась.

— Для тебя она здорова, я думаю. Это у насъ, знаешь, военныя хитрости,—понизила она голосъ:—боимся, что Маша за нами пріѣдетъ, ну, вотъ мы и страдаемъ головною болью.

Генеральша засмѣялась и вдругъ приняла серьезный тонъ.

— Нѣтъ, точно, Маша не права,—заговорила она.—Она слишкомъ строга къ дѣвочкѣ. Требуетъ отъ нея, чтобы она вела себя, какъ схимница. Слыханное ли это дѣло! Дѣвочка жить хочетъ, а ее держатъ взаперти и учатъ, учатъ... ахъ, Боже мой, чему только ее не учатъ!.. Точно въ гувернантки или бабки готовятъ. Такъ нельзя. Ну, выучилась, чему тамъ нужно, подросла и нужно ее потѣшить. Я сама всѣ книги выбросила за окно, какъ только мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Ужъ до книгъ ли въ эти годы! У насъ батюшка даже сердился, когда мы читали много... «Съ тѣла, говоритъ, бывало, только спадешь да сонъ отобьешь»...

— Но я удивляюсь, почему вы не вырвете Юлію Николаевну изъ дома Аносовыхъ,—замѣтилъ Муратовъ.

— Ахъ, не говорите мнѣ этого! — воскликнула генеральша.—Не люблю я этихъ дрязгъ. Это не въ моемъ духѣ. Начнутъ тамъ говорить, что мой повѣса подаетъ Юлѣ дурной примѣръ, что онъ Богъ знаетъ что внушитъ ей, что я не могу вездѣ вывозить Юлю, что мнѣ не усмотрѣть за нею по моей излишней добротѣ... Вѣдь ты знаешь, меня всѣ за доброту упрекаютъ. Совсѣмъ преступницей сдѣлали... Да вотъ погоди, тебя здѣсь увидятъ — и это въ преступленіе мнѣ поставятъ. Право!

— Меня Марья Николаевна, какъ кажется, очень не долюбливаетъ,—усмѣхнулся Муратовъ.

— Ну, да, батюшка, самъ виноватъ, самъ виноватъ!— замахала рукой генеральша.—Бѣсился, бѣсился, пора бы и остепениться, такъ нѣтъ, все еще кутишь и съ моимъ повѣсой, и съ Жоржемъ Аносовымъ. Вѣдь ты ужъ солиднымъ долженъ бы быть, некстати съ мальчишками водиться. Ты посмотри на себя, тоже солидный видъ пріобрѣлъ.

— Ну, я уже почти отсталъ отъ ихъ общества,—проговорилъ Муратовъ: — но, чтобы остепениться вполнѣ, жениться нужно.

— Что-жъ, и женись! Кто мѣшаетъ?..

Муратовъ хотѣлъ что-то отвѣтить, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались женскіе легкіе шаги. Муратовъ встрепенулся и просіялъ. Онъ ожидалъ увидѣть Юлію Николаевну, но въ гостиную вошла Марья Николаевна. Муратовъ не ожидалъ встрѣтить ее и смутился. Она бросила на него мимолетный подозрительный взглядъ, поздоровалась съ нимъ и съ матерью и скороговоркой проговорила:

— А я заѣхала на минуту за Julie...

— Ахъ, бѣдная Юля слегла,—печальнымъ голосомъ отвѣтила генеральша.

— Больна?—изумилась Марья Николаевна.

— Да, мигрень, должно-быть,—отвѣтила старуха. — Ей нельзя будетъ ѣхать сегодня къ тебѣ.

Марья Николаевна слегка сдвинула брови.

— Но, можетъ-быть, ей теперь лучше,—проговорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ была у нея. Она только-что уснуть хотѣла,—торопливо замѣтила мать.

— Я взгляну на нее.

— Постой,—удержала ее мать.

Явился лакей.

— Пройди къ Настѣ и спроси, проснулась ли барышня.

Скажи, что Марья Николаевна пріѣхала, — сказала старуха. Слышишь?

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ лакей и вышелъ.

Черезъ двѣ-три минуты онъ вошелъ снова и доложилъ, что «барышня почиваютъ».

— Ну, слава Богу, значитъ немного легче стало,—проговорила генеральша. — А я ужъ испугалась: на завтра я взяла ложу въ русскій театръ и боялась, что Юля не можетъ со мной ѣхать.

— Вы хотите везти ее въ русскій театръ?—чуть не съ испугомъ спросила Марья Николаевна.

— Да, надо же развлекать дѣвочку.

— Именно потому, что она дѣвочка, ее и не нужно особенно много развлекать. Успѣетъ пожить. И притомъ везти въ русскій театръ... Я, право, не понимаю, какъ это вамъ пришло въ голову!.. Ужъ не Островскаго ли смотрѣть?.. Этого только недоставало!..

Марья Николаевна была недовольна и говорила своимъ холоднымъ, дидактическимъ тономъ. Муратовъ посидѣлъ нѣсколько минутъ и всталъ. Сухарева взглянула на него, и ей стало жаль, что онъ уходитъ такимъ печальнымъ. Ей было жаль и свою Юлю, что она пропустила случай поболтать съ нимъ. Она встала и проводила его до двери гостиной, проговоривъ ему едва слышно: «обѣдай у насъ».

Муратовъ ожилъ. Онъ зналъ, что старуха любила его всегда, какъ она любила всю молодежь съ нѣсколько вольными манерами, съ умѣньемъ разсказывать двусмысленные анекдоты, съ способностью попѣть и посмѣшить. Но онъ, зная богатство Сухаревыхъ, никогда не думалъ, что она явится его помощницей даже въ томъ случаѣ, когда онъ приволокнется за ея дочерью. Онъ, впрочемъ, не вполнѣ зналъ старуху, думая, что она угадываетъ его тайныя намѣренія. Сухарева не угадывала ничего, а просто хотѣла доставить удовольствіе и себѣ, и Юлѣ, пригласивъ на обѣдъ лишняго веселаго собесѣдника.

— Скажите, пожалуйста, зачѣмъ онъ приходилъ?—спросила Марья Николаевна, какъ только затихли шаги Муратова.

— Какъ зачѣмъ?—удивилась мать.—Затѣмъ же, зачѣмъ и всѣ другіе ко мнѣ ходятъ. Слава Богу, онъ не чужой.

— Чужой, совершенно чужой, и было бы очень печально, если бы онъ когда-нибудь сдѣлался нашимъ родственникомъ,—отвѣтила Марья Николаевна.—Онъ начинаетъ ухаживать за Julie.

— Ну, полно! Онъ съ нею друженъ, какъ братъ. Вѣдь и ты росла съ нимъ...

Марья Николаевна покраснѣла и закусила нижнюю губу.

— Я вамъ говорю, что онъ ухаживаетъ за ней. Конечно, его привлекаетъ не она, глупенькая дѣвочка, а ея богатство,—проговорила она.—Любить онъ не умѣетъ и никогда не умѣлъ... Онъ нищій, онъ запутался въ долгахъ, ему нужно поправить свое состояніе... Вотъ его цѣли!..

— Ну, на это у Юли хватитъ денегъ,—наивно замѣтила генеральша.

— Maman, вы начинаете выводить меня изъ терпѣнія!— не выдержала Марья Николаевна. — Ни я, ни мой мужъ никогда не согласимся на бракъ Julie съ этимъ негодяемъ! Мы уже говорили вчера объ этомъ...

— Позволь, позволь!—взволновалась старуха.—Какое вы имѣете право соглашаться или не соглашаться на бракъ Юли? Что вы ей? Ты забываешь, что у нея есть мать, что она сама не дитя!

Марья Николаевна слегка поблѣднѣла, понявъ, что она задѣла за живое самолюбіе старухи.

— Я говорю въ томъ смыслѣ, что мы употребимъ все свое вліяніе, чтобы открыть глаза Julie,—проговорила она.— Вы, maman, всегда были слишкомъ довѣрчивы, снисходительны, добры...

— Ахъ, пошелъ счетъ моихъ семи смертныхъ грѣховъ!— нетерпѣливо воскликнула генеральша. — Ну, я знаю, знаю ихъ! Вѣдь только ради этихъ смертныхъ грѣховъ меня опекаютъ, какъ несовершеннолѣтнюю, ради нихъ у меня отняли дочь, чтобы помѣстить въ казенное заведеніе, въ сиротскій пріютъ какой-то, гдѣ всякія нищія учатся, ради этихъ смертныхъ грѣховъ я позволяю тебѣ такъ говорить со мною. Впрочемъ, нынче это въ принципахъ—не уважать матерей. Какъ это называется?.. Нигилизмъ!.. Да, да, нигилизмъ!.. Вотъ у Тургенева этотъ... какъ его... тоже не уважалъ отца и мать и въ Бога не вѣрилъ... Мать его малиной тамъ со сливками угощаетъ, а онъ... Знаю я, знаю нынѣшніе принципы...

Старуха расходилась не на шутку. Марья Николаевна кусала губы, думая, что теперь старуха способна будетъ нарочно, на зло ей, поставить на своемъ, и если не выдастъ замужъ Юлію Николаевну, то, во всякомъ случаѣ, станетъ настойчивѣе заступаться за нее.

— Я удивляюсь, maman, какъ вы стали нынче раздра-

жительны,—нѣсколько мягче замѣтила она.—Я, какъ и мой мужъ, желаю Julie добра, и потому мнѣ простительна моя горячность.

— Ну, конечно, конечно!—съ ироніей сказала старуха.—Вѣдь это я только не могу горячиться въ этомъ вопросѣ, такъ какъ гдѣ же мнѣ сумѣть желать добра своей дочери!.. Что я такое?.. Я вѣдь только мать и не болѣе того...

— Я не то хотѣла сказать, но вы... — начала Аносова.

— Ахъ, знаю, знаю! Я довѣрчива, добра, снисходительна и потому ничего не понимаю!—горячо перебила ее мать.—Я только скажу тебѣ одно: сегодня утромъ болѣла голова у одной Юли, теперь будетъ мигрень и у нея, и у меня!..

Генеральша встала и, переваливаясь, утомленной походкой подошла къ этажеркѣ, на которой, среди массы другихъ бездѣлушекъ, стоялъ едва замѣтный флаконъ съ туалетной солью. Она открыла золотую крышечку флакона, вынула хрустальную пробку и поднесла ее къ носу.

— Вы сердитесь?—проговорила Марья Николаевна, вставъ и подходя къ матери.

— Помилуй, какое я имѣю право сердиться? Я сама виновата: я была такъ добра, снисходительна и довѣрчива, что позволила, наконецъ, своимъ дѣтямъ говорить со мною такъ, какъ ты говоришь со мною...

Генеральша была недовольна и старалась какъ можно болѣе усилить свое недовольство, зная, что въ эти рѣдкія минуты она является непобѣдимою. Она даже боялась, что Марья Николаевна обниметъ ее или поцѣлуетъ у нея руку, зная, что тогда все будетъ потеряно, и вмѣсто бурной сцены выйдетъ идиллія. Генеральша хорошо изучила свой собственный характеръ и помнила до сихъ поръ, что въ былые годы, въ минуты гнѣва на дѣтей, она, браня ихъ, едва удерживалась отъ смѣха, что, впрочемъ, не ускользало отъ ихъ вниманія и они начинали хохотать въ отвѣтъ на строгія распеканія матери, которая, въ свою очередь, въ концѣ-концовъ, разражалась смѣхомъ, крича имъ: «отстаньте, отстаньте отъ меня, дрянные ребятишки!»

— Когда Юля выздоровѣетъ, я ее привезу сама, — проговорила она.—А теперь, извини, я совсѣмъ нездорова.

Она холодно кивнула головой дочери и, даже не протянувъ ей руки, вышла изъ гостиной. Марья Николаевна, несмотря на свое самообладаніе, растерялась и смутилась. Она видѣла, что она своею безтактностью не только не отстранила опасности отъ сестры, но даже потеряла возможность

на нѣкоторое время вернуть сестру въ свой домъ. Она уѣхала раздосадованная, съ твердой рѣшимостью такъ или иначе поправить дѣло. Ее, эту строгую и суровую барыню, пугала теперь всего болѣе мысль о томъ, что скажетъ ея мужъ. Она его боялась, какъ дѣти боятся строгаго учителя. Онъ читалъ ей наставленія, сухо, внушительно, не допуская возраженій, не принимая оправданій. Вчера, во время возвращенія съ бала, когда она разсказала ему о своихъ подозрѣніяхъ насчетъ цѣлей Муратова, онъ нахмурился и рѣзко сказалъ ей:

— Ты не должна этого допускать!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ прибавилъ:

— Вообще нужно повременить ея замужествомъ. Ты завтра же поѣдешь къ матери и привезешь дѣвочку домой. Не слѣдовало ее вывозить на балъ. Она должна быть еще дѣвочкой, а не невѣстой въ глазахъ свѣта.

Онъ говорилъ все это своимъ грубоватымъ, нетерпящимъ противорѣчій голосомъ. Что же скажетъ она ему теперь? Какъ онъ раскричится, какъ разсердится! Да, она сознавала сама, что она боится мужа, какъ школьница, и ей было тяжело.

Генеральша, между тѣмъ, прошла уже въ комнату Юліи Николаевны.

— Мама, ты одна?—спросила Юлія Николаевна, лежа на маленькомъ диванчикѣ и крѣпко зажмуривъ глаза, какъ ребенокъ, воображающій, что его не увидятъ, если онъ закроетъ глаза.

— Одна!—недовольнымъ тономъ сказала генеральша.

— Мама, ты на что-то сердишься? — вскочила съ мѣста Юлія Николаевна, услышавшая въ голосѣ матери раздраженіе.

— Ну, да, изъ-за тебя пришлось вынести цѣлую бурю,— отвѣтила старуха Сухарева, представлявшая себѣ бурю именно въ такомъ видѣ, въ какомъ произошла ея ничтожная размолвка съ дочерью.

— И ты очень бушевала? «Не подходи ко мнѣ! Я тебя отвергаю! Неблагодарная дочь!» — съ трагическимъ пафосомъ проговорила Юлія Николаевна и, заливаясь задушевнымъ, звонкимъ смѣхомъ, обвила мать обѣими руками и завертѣла ее по комнатѣ.

— Отстань, отстань, гадкая дѣвчонка!—уже хохотала генеральша, отталкивая дочь.—Ради Бога, только въ шею не цѣлуй, знаешь, что я этого боюсь!

Но Юлія Николаевна цѣловала мать и въ щеки, и въ шею и въ то же время закидывала ее вопросами:

— Надолго оставили?.. Въ театръ завтра поѣдемъ?.. А какъ же сегодня никого не будетъ?.. Мама, голубчикъ, у насъ еще кто-то былъ, кромѣ Маруси?.. Мама, ты чего такъ хитро улыбаешься?..

— А то, что поѣдемъ кататься,—отвѣтила старуха.

— А мигрень?—спросила, смѣясь, дочь.

— Это помогаетъ отъ мигрени,—серьезно отвѣтила старуха.

— Я, мама, совсѣмъ упаду въ колескѣ, если встрѣчу Марусю или ея мужа.

— Ахъ, перестань, никого изъ нихъ мы не встрѣтимъ. Они лошадей берегутъ.

Черезъ четверть часа старуха Сухарева и Юлія Николаевна неслись уже по Морской, потомъ по Невскому, потомъ по Дворцовой набережной. Старуха, по обыкновенію, не удержалась отъ того, чтобы не заѣхать въ пять-шесть магазиновъ, не перерыть всякія модныя ненужности и не накупить разныхъ вещей, отъ которыхъ и безъ того ломились шкапы въ ея гардеробной и которыя, въ концѣ-концовъ, исчезали безъ ея вѣдома въ рукахъ горничныхъ. Всѣ эти посѣщенія магазиновъ, толки съ модистками затянули прогулку. Мать и дочь вернулись домой къ самому обѣду. Юлія Николаевна, раскраснѣвшаяся отъ катанья на морозѣ, торопливо сбрасывала верхнюю одежду, говоря горничной, что она страшно проголодалась.

— Да гости ужъ давно васъ поджидаютъ къ обѣду у молодого барина,—замѣтила горничная.

— Гости? Кто?

— Графъ Риво, Георгій Петровичъ Аносовъ, Петръ Павловичъ Муратовъ.

— Петръ Павловичъ?.. Они всѣ здѣсь?—воскликнула Юлія Николаевна.

— Юля, ты готова къ обѣду?—послышался голосъ генеральши.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, мама, за все, за все!—проговорила Юлія Николаевна, цѣлуя мать звонкими поцѣлуями.

Она угадывала, что Муратовъ остался у нихъ по приглашенію матери.

— Нѣтъ, ты невыносима!—засмѣялась старуха, чувствуя, что она давно не была такъ счастлива, какъ въ этотъ день пребыванія у нея младшей дочери.

Муратовъ дѣйствительно остался по приглашенію старухи

Сухаревой. Онъ прошелъ на половину молодого Сухарева и засталъ тамъ Аносова и Риво. Молодежь сидѣла въ разстегнутыхъ сюртукахъ и пила сельтерскую воду.

— Ба! Кого я вижу!—воскликнулъ Сухаревъ.—Изъ какихъ странъ ко мнѣ явился?

— Спасаюсь отъ Марьи Николаевны, съ половины твоей матери,—отвѣтилъ Муратовъ, пожимая руки пріятелей.

— А, восчувствовалъ, что значитъ быть съ лисой-проновѣдницей,—захохоталъ Сухаревъ.

— А вы что же это водицу пьете?—улыбнулся Муратовъ, закуривая папиросу.

— Омываемся отъ прегрѣшеній нашихъ,—смѣялся Сухаревъ.—Я-то вчера... Maman тебѣ ничего не говорила?

— Нѣтъ.

— Скандалъ произвелъ! Скучища у насъ, какъ ты самъ знаешь, была вчера смертельная. Ну, я и посѣщалъ все буфетъ для возбужденія пріятнаго настроенія.

— И въ концѣ-концовъ?..

— Растянулся на полу! Конечно, maman приказала убрать мое мертвое тѣло. Но, по счастью, меня уже ждала тройка, и меня повезли провѣтривать, да такъ до десяти часовъ утра и провѣтривали.

— Ты тоже былъ?—спросилъ Муратовъ у Аносова.

— Всѣ были,—отвѣтилъ Аносовъ.—Ничего, весело было.

— Однимъ словомъ, была ночь въ лѣсу или драма въ пяти дѣйствіяхъ, какъ говоритъ мой адвокатъ Игольниковъ,—проговорилъ Риво.

— А ты все по-старому его словами говоришь,—усмѣхнулся ироническою улыбкой Муратовъ.

— Да ты послушай, какія это слова,—обратился къ нему Сухаревъ.—Мы до колотья здѣсь передъ тобой хохотали. Эоюнъ у Игольникова значитъ кучеръ; халдей—значитъ попъ; вѣникъ—значитъ букетъ; на заднемъ дворѣ быть—значитъ въ послѣднихъ рядахъ креселъ сидѣть; другой рисунокъ—значитъ другая тема разговора...

— Да онъ, знаешь, говоритъ, что ему наскучилъ нашъ будничный языкъ, что надо изобрѣсти новый,—лѣниво пояснилъ Риво:—ну, и изобрѣлъ. Да вѣдь и точно, скука вездѣ такая, что не знаешь, куда себя дѣвать.

— Такъ вы бы по-татарски научились говорить, можетъ-быть, веселѣе бы стало,—улыбнулся Муратовъ.

— Ну да, еще бы не скучать, когда на каждомъ шагу только и встрѣчаешь людей въ родѣ моихъ сестрицъ, одна

ханжа, другая непорочность небесная, — замѣтилъ Сухаревъ.—Впрочемъ, я свою младшую сестренку просвѣщу непремѣнно. Уговорю maman свезти ее къ Бергу на первыхъ порахъ, а потомъ...

— Ты съ ума сошелъ!—горячо прервалъ его Муратовъ.

Сухаревъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ тобой? Крикнулъ, точно тебя ударилъ кто.

— Да какъ же возможно говорить такія пошлости! — въ волненіи проговорилъ Муратовъ. — Возить порядочную дѣвушку въ этомъ домъ... Тьфу, говорить даже гадко!

— Позволь, позволь! Maman уши тебѣ выдрала бы за это,—захохоталъ Сухаревъ.—Она ни одного театра не любитъ такъ, какъ театръ Берга, и Бланшъ Гандонъ она не называетъ иначе, какъ Гандошкой, и чуть не до истерики хохочетъ, когда Антуанета дѣлаетъ на караулъ ногой.

— Твоя мать—женщина старая, къ ней ничего не пристанетъ, — холодно отвѣтилъ Муратовъ. — Но Юлія Николаевна почти ребенокъ...

— Вотъ потому-то ее и нужно просвѣтить! Очень пріятно видѣть этихъ болванчиковъ, которые ничего не понимаютъ. Я воображаю положеніе мужа, который женится на такой невинности, вѣчно повторяющей: «что такое любовь?» Объясняй ей потомъ!

— Ну, братъ, тоже не особенная радость, если жена въ первые дни свадьбы явится учительницей мужа въ дѣлахъ любви. Твою сестру нужно беречь, да и беречь отъ тебя, отъ твоей среды... Знаю я, какъ нашъ братъ просвѣщаетъ этихъ невинныхъ созданій!

— Да ты что такъ горячишься за нее? Ты, что ли, хочешь жениться на ней?

— Я вовсе не за нее горячусь, а вообще за подобныхъ дѣвушекъ, — сдержанно отвѣтилъ Муратовъ и перемѣнилъ разговоръ.

Часовъ въ пять молодежь пригласили къ столу. Кромѣ нихъ, хозяйки дома и Юліи Николаевны, въ столовой была еще одна пожилая женщина, двоюродная сестра хозяйки, жившая въ домѣ и извѣстная подъ именемъ tante Catiche. Бѣлая, полная, съ заплывшими маленькими глазками, она походила на апатичнаго и добродушнаго кота, разжирѣвшаго въ лабазѣ. Она была настолько невозмутима и флегматична, что была даже неспособна и на такія вспышки неудовольствія, на какія была способна добродушная генеральша, и потому въ минуты жизни трудныя молодой ку-

тила Сухаревъ всегда обращался къ tante Catiche, чтобы умаслить генеральшу и выпросить у послѣдней денегъ для оплаты его долговъ, которые онъ ухитрялся дѣлать, несмотря на десятки тысячъ своего годового дохода. Tante Catiche очень любила его, потому что, по ея словамъ, онъ былъ весь въ нее, хотя это сходство ограничивалось круглой формой и замѣчательной бѣлизной его нѣсколько женственнаго лица. Обѣдъ прошелъ очень весело, какъ всѣ будничные обѣды у генеральши Сухаревой, которые она обыкновенно называла «юнкерскими», говоря своимъ собесѣдникамъ, что и въ то время, когда ея мужъ командовалъ эскадрономъ, она постоянно предпочитала общество юнкеровъ всякому другому обществу, потому что юнкера хотя и самый безпутный, но зато и самый добродушный народъ. Муратовъ замѣтилъ шутя, что онъ одинъ нарушаетъ «юнкерскую» гармонію обѣда, но генеральша засмѣялась и сказала, что онъ вѣчно былъ и, кажется, вѣчно останется юнкеромъ въ душѣ.

— Да, кромѣ того, тебя надо вознаградить за утреннее пораженіе,—прибавила она.

— А что, развѣ была какая-нибудь баталія?—спросилъ своимъ вульгарнымъ тономъ молодой Сухаревъ.

— Это ужъ наша тайна,—лукаво засмѣялась старуха.— А что твоя мигрень?—обратилась она къ Юліи Николаевнѣ.

— Какъ, ужъ начались и мигрени, и истерики?—воскликнулъ Сухаревъ.—Я такъ и зналъ, что ты, Сушка, выйдешь нюней.

Юлія Николаевна засмѣялась.

— Эта мигрень была ради того, чтобы завтра ѣхать въ русскій театръ,—проговорила она.

— А, вотъ оно что! Притворяться ужъ научилась! А вы, maman, ее проучите и не берите въ театръ.

Генеральша хохотала.

— Да вѣдь это средство мы съ нею вмѣстѣ придумали, чтобы ей не ѣхать къ Машѣ,—отвѣтила она.

— Да, кстати,—серьезно замѣтилъ Сухаревъ.—Для чего она тамъ живетъ?

— Чтобы не видать тебя,—отвѣтила генеральша.

Начался общій разговоръ съ намеками на то, что Юліи Николаевнѣ, должно-быть, будетъ очень скучно въ домѣ сестры. Молодой Аносовъ выразилъ мысль, что онъ не прожилъ бы и недѣли въ домѣ брата.

— Это просто монастырь, состоящій изъ двухъ отдѣленій.

Одно женское, гдѣ монашествуетъ одна Marie, другое мужское, гдѣ спасается одинъ братъ. Они сходятся за трапезой и потомъ снова замыкаются въ своихъ кельяхъ,—смѣялся Аносовъ.

— А когда прибыла ты, пришлось создать, конечно, и третье отдѣленіе?—захохоталъ Сухаревъ.

— Нѣтъ, для меня устроили не третье отдѣленіе, а просто основали отдѣленіе школы на дѣтской половинѣ,—засмѣялась сестра.

— Да ты, я думаю, ужъ всему научилась, больше меня знаешь.

— Вотъ удивилъ-то!—воскликнула генеральша.—Точно ты что-нибудь знаешь!

— Нѣтъ, ей-Богу, Сушку нужно вырвать оттуда,—проговорилъ Сухаревъ.—Это ни на что не похоже: ее биготкой сдѣлаютъ. Кстати, я сегодня проектировалъ свезти Сушку къ Бергу.

— Что ты, что ты! съ ума сошелъ!—воскликнула генеральша, махая рукой.—Еще кто-нибудь ее тамъ увидитъ!

— Ну, вотъ! Въ литерной ложѣ за занавѣску посадимъ.

— Вопросъ не въ томъ, что кто-нибудь увидитъ тамъ Юлію Николаевну, а въ томъ, что она увидитъ тамъ,—горячо проговорилъ Муратовъ, и его лицо вспыхнуло отъ негодованія.—Я понимаю, что можно не желать, чтобы изъ Юліи Николаевны сдѣлали биготку, ханжу, но я, право, еще менѣе понимаю, какъ возможно грязнить ея еще чистое воображеніе берговскими представленіями.

Юлія Николаевна подняла на него свои глаза, и онъ показался ей въ эту минуту еще прекраснѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Бойтесь наставленій Марьи Николаевны, относитесь къ нимъ осторожно и критически, — проговорилъ онъ ей теплымъ тономъ:—но ради Бога не слушайте вовсе того, что будетъ говорить вамъ братъ.

— Ты что же это, вооружать ее противъ меня вздумалъ?—захохоталъ Сухаревъ.—Ну, да погоди, я ее вышлифую.

Въ эту минуту вошелъ лакей и доложилъ:

— Госпожа Левина.

— Проси въ красную гостиную, — сказала генеральша.—Мы перейдемъ пить кофе туда, если хотите,—обратилась она къ гостямъ.

— А послушаемъ, что разскажетъ намъ старая грѣховодница,—сказалъ Сухаревъ, поднимаясь съ мѣста.

— Ея бенефисъ завтра: билетъ, вѣрно, привезла,—замѣтилъ Аносовъ.

Обѣдъ кончился. Сухаревъ уже успѣлъ настолько выпить, что его бѣлое лицо пылало теперь румянцемъ и покрывалось потомъ, а языкъ, и безъ того вольный и вульгарный, дѣлался все свободнѣе и свободнѣе. Всѣ встали изъ-за стола. Сухаревъ подошелъ къ матери нѣсколько невѣрною походкой и поцѣловалъ руку.

— Ну, у тебя уже въ глазахъ мальчики!—ударила она его слегка по лбу.

— Нѣтъ, maman, у меня всегда дѣвочки въ глазахъ,—засмѣялся онъ.

Генеральша сдѣлала строгіе глаза и погрозила пальцемъ.

Общество перешло въ сосѣднюю съ столовой комнату, убранную въ восточномъ вкусѣ, съ мебелью, покрытой красною шелковою матеріею съ яркими узорами, съ потолкомъ, блестѣвшимъ золотомъ и красными арабесками, съ турецкимъ ковромъ во весь полъ.

— Извините,—я помѣшала вашему обѣду,—проговорила хозяйкѣ гостья, ожидавшая въ этой комнатѣ.

Это была актриса Левина, женщина лѣтъ пятидесяти пяти, полная, обрюзгшая, съ просѣдью, съ бойкими манерами, съ бѣгавшими черными глазками и съ громкимъ голосомъ. При взглядѣ на нее трудно было опредѣлить ея положеніе въ обществѣ: ея безвкусный яркій нарядъ напоминалъ героиню изъ пьесы «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ»; размашистые жесты и звонкій, нѣсколько надтреснутый голосъ приводилъ на память Амаранту изъ «Дочери рынка»; бѣгающіе хитрые глаза говорили, что это была «баба на всѣ руки», «комиссіонеръ въ юбкѣ». Трудно было только въ этомъ сальномъ, жирномъ лицѣ, въ этой угловатости движеній, въ этой топорности фигуры провидѣть артистку.

— Нѣтъ, мы кончили обѣдъ,—отвѣтила хозяйка.—Я очень рада, что вы пріѣхали. Я васъ завербую на вечеръ.

Молодежь развязно поздоровалась съ Левиной, какъ съ слишкомъ хорошо знакомымъ человѣкомъ. Всѣ усѣлись пить кофе.

— Благодарю васъ,—отвѣтила Левина Сухаревой. — Я рада отдохнуть у васъ отъ нашихъ закулисныхъ дрязгъ. Вы не можете себѣ представить, что у насъ дѣлается. Я просто безъ ногъ отъ хлопотъ о своемъ бенефисѣ. Хотѣла поставить большую оперетку... Все для васъ,—мелькомъ бросила она лукавый взглядъ на Сухарева:—чтобы дать роль Ком-

ковой... Но вообразите, Загулинъ пропилъ свой голосъ и не хочетъ болѣе являться въ опереткахъ, переходитъ на роли благородныхъ отцовъ...

— Какъ, сердцеѣдъ Александринки хочетъ сдѣлаться благороднымъ отцомъ?—захохоталъ Сухаревъ.—Ну, и освищутъ! Риво, поѣдемъ свистать?

— Что-жъ, мнѣ все равно! Я поѣду,—лѣниво отвѣтилъ Риво.

— Весь раскъ откуплю, а ужъ освищу!—рѣшилъ Сухаревъ.—Этакъ изъ-за него Комкова безъ ролей останется. Мерзавецъ, право, мерзавецъ!

— Нечего дѣлать, рѣшилась ставить драму,—продолжала Левина.—Представила три пьесы, ни одна не можетъ идти. Кромѣ того, Сѣмечкинъ, по обыкновенію, со всѣми въ ссорѣ.

— Да вѣдь это grand intrigant Александринки!—небрежно вставилъ Риво.

— Да, да, а вѣдь какимъ тихоней выглядитъ. Богу все молится. Свѣчки въ часовнѣ Спасителя ставитъ при изученіи новой роли, а интригуетъ противъ всѣхъ такъ, что вы и представить не можете! Нѣтъ, но вы войдите въ мое положеніе. Я стара...

— Полноте, что вы говорите! — перебилъ ее Сухаревъ, лукаво подмигивая.

— Да, да, стара, что дѣлать, надо сознаться!—вздохнула Левина, бросивъ на него нѣжный взглядъ.—На мой бенефисъ для меня одной не поѣдутъ! Надо чѣмъ-нибудь этакимъ особеннымъ привлечь. Ну, рѣшилась, наконецъ, поставить старую пьесу Островскаго, выписавъ для нея изъ Москвы Ѳедорову. Это вѣдь знаменитость,—съ гримасой добавила она:—пусть бѣгутъ смотрѣть. Актриса реальная, знаете. Нынче это въ модѣ. Вотъ когда дебютировала Сохонская и въ лаптяхъ, въ настоящихъ лаптяхъ, и въ крашенинномъ сарафанѣ вышла, весь театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій. Теперь вѣдь все такое, что мужикомъ сиволапымъ пахнетъ, въ ходу, въ модѣ. Высморкается актриса въ народной пьесѣ пальцами, сейчасъ десять разъ вызовутъ. Геніально, изъ дѣйствительной жизни черту подмѣтила! Впрочемъ, и для васъ есть приманка,—опять обратилась Левина къ Сухареву:—Комкова играетъ въ маленькой опереткѣ и будетъ пѣть вставной романсъ: «Ты скоро меня позабудешь». Вы понимаете?

— Ну, се-то не скоро позабыть,—холодно засмѣялся Риво.—Потрошить гусей, какъ говоритъ мой адвокатъ Игольниковъ, умѣетъ,—обратился онъ къ Аносову.

Аносовъ засмѣялся своимъ глуповатымъ смѣхомъ.

— А признайтесь, она вамъ очень дорога? — спросила Левина у Сухарева.

— Тридцать тысячъ векселями, да двадцать наличными,— съ гримасой отвѣтилъ Риво за Сухарева.

— Ахъ, только-то еще!—проговорила Левина.

Муратовъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Его теперь оскорбляли эти разговоры, которые всегда слышались въ гостиной генеральши Сухаревой, любившей и юнкеровъ, и артистовъ, и весь тотъ сбродъ, который могъ развлечь ее въ часы ея безконечнаго бездѣлья. Онъ наклонился къ Юліи Николаевнѣ и спросилъ ее:

— А вы все попрежнему любите музыку?

— О, да!—отвѣтила она, какъ бы очнувшись отъ забытья.

— Сыграйте что-нибудь.

— А ты спой,—мелькомъ сказала Сухарева:—услышавъ разговоръ дочери и Муратова.

— Хорошо, но прежде послушаю игру,—отвѣтилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

Онъ и Юлія Николаевна перешли въ залъ, отдѣленный отъ турецкой гостиной аркой съ замѣчательной лѣпной золоченой работой. Въ гостиной разговоръ принялъ еще болѣе фолишонный характеръ. Двусмысленныя остроты, юнкерскіе анекдоты, прозрачные намеки посыпались неудержимымъ потокомъ. На всѣхъ этихъ разсказахъ и остротахъ лежала печать пошлости, вульгарности, глуповатости, но общество было вполнѣ довольно своимъ времяпрепровожденіемъ. Генеральша была въ самомъ превосходномъ настроеніи духа и только иногда говорила своему черезчуръ пересаливавшему сыну:

— Молчи, молчи!

Левина хохотала громкимъ и рѣзкимъ смѣхомъ и даже раза два ударила Сухарева по рукѣ и обозвала его чѣмъ-то въ родѣ «поганца».

Въ залѣ, между тѣмъ, слышались звуки одной изъ мендельсоновскихъ «пѣсенъ безъ словъ». Муратовъ стоялъ, облокотившись на рояль, и любовался Юліей Николаевной.

— Какъ я радъ, что мы вырвались оттуда,—проговорилъ онъ тихо, указывая глазами на гостиную, откуда слышался громкій смѣхъ Левиной и юнкеровъ.

— Вы не любите общество брата?—спросила Юлія Николаевна.

— Да, не люблю, потому что именно это общество вело

меня до сихъ поръ къ гибели, грозило мнѣ тою опасностью, о которой говорила вамъ ваша сестра.

— Грозило опасностью? А теперь?

— Теперь я не боюсь за себя. Я встрѣтилъ одно существо, которое мнѣ указало опасность, указало на возможность другой жизни...

Муратовъ чувствовалъ, что онъ долженъ воспользоваться удобной минутой, что онъ долженъ высказать теперь все.

— Но я боюсь, что это чистое, прекрасное существо само стоитъ покуда въ этомъ обществѣ, гдѣ не безопасно пробыть лишній день, лишній часъ,—проговорилъ онъ.

Она съ недоумѣніемъ подняла на него глаза.

— Кузина, вы не знаете, сколько пошлости, сколько грязи, сколько пороковъ таится въ этомъ кружкѣ, живущемъ безпечальною жизнью, тратящемъ безцѣльно и безплодно лучшіе годы жизни. Вамъ тяжело жить у сестры, вамъ скучно у нея, но повѣрьте мнѣ, что здѣсь вамъ будетъ еще хуже. Тамъ вы будете испытывать только скуку, здѣсь вы можете утратить свою душевную чистоту. Я самъ былъ когда-то чистымъ и наивнымъ мальчикомъ, когда попалъ въ эту среду, и она затянула, закружила меня въ своихъ сѣтяхъ...

— Да, но гдѣ же мнѣ жить, что дѣлать?—тихо проговорила она.

— На свѣтѣ есть, кузина, другая жизнь,—продолжалъ онъ.—Жизнь спокойная, мирная, честная, жизнь въ любящей семьѣ, среди строго избранныхъ друзей. Въ такой жизни нѣтъ скуки, нѣтъ опасностей загрязнить свою душу. Въ хорошей семейной жизни есть цѣль—это счастіе мужа, дѣтей, ближнихъ.

Юлія Николаевна нерѣдко мечтала съ подругами о *немъ*, то-есть объ избранникѣ своего сердца, о своемъ героѣ, о своемъ кумирѣ, который придетъ къ ней и скажетъ ей: «я—твой, ты—моя». Давно ей казался чѣмъ-то заманчивымъ, чѣмъ-то таинственно-прекраснымъ этотъ союзъ двухъ сердецъ, вырывающихся изъ среды окружающихъ ихъ враговъ, козней и интригъ. Она въ своей жизни еще не видѣла ни враговъ, ни козней, ни интригъ, но все это казалось ей необходимыми принадлежностями, всегда окружающими два любящія сердца. Это она находила во всѣхъ романахъ, а жизнь она считала тоже романомъ, который люди не перечитываютъ, а переживаютъ. Теперь ея сердце билось сильнѣе. Слова Муратова открыли ей, что и домъ сестры, и кружокъ матери—враждебные ей лагери, что замужество должно ее

спасти изъ этихъ лагерей и окружить какою-то новою, свѣжею атмосферою любви, мира и счастія. Она волновалась, какъ дѣвочка, чувствовавшая, что она начинаетъ являться героиней романа.

— Начать эту свѣжую, полную чистыхъ наслажденій жизнь зависитъ вполнѣ отъ васъ,—продолжалъ Муратовъ, ближе наклоняясь къ ней.

Она опять подняла на него свои глаза. У него захватывало духъ. Онъ сознавалъ, что отъ одного ея слова зависитъ его будущее.

— Я... я васъ люблю,—тихо прошепталъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Изъ ея груди вырвалось что-то похожее на слабый, едва слышный крикъ. Муратовъ взглянулъ на нее и нашелъ отвѣтъ. Ея лицо озарилось счастіемъ, любовью. На глазахъ виднѣлись слезы. Онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ. Въ сосѣдней комнатѣ смѣхъ раздавался еще громче, еще безшабашнѣе.

— Ты любишь меня?—шепталъ онъ.—Да?

— Я давно, давно люблю васъ,—застѣнчиво прошептала она.

— Добрая, милая моя!—въ восторгѣ говорилъ онъ.—И ты не перестала любить меня даже тогда, когда меня старались очернить передъ тобою... Я боюсь только одного, что твоя сестра начнетъ еще сильнѣе клеветать на меня, узнавъ о моихъ намѣреніяхъ...

— Я ничего, ничего не буду слушать!—горячо проговорила она.

— Нѣтъ, мой другъ, слушай, слушай все! — произнесъ онъ.—Да, ты должна знать, что мое прошлое грустно, дурно, позорно, какъ прошлое всѣхъ подобныхъ мнѣ людей, твоего брата, Аносова, Риво... Но чѣмъ печальнѣе оно, тѣмъ болѣе должна ты гордиться, что ты отрѣзала мнѣ возвратъ къ этому прошлому. Ты сдѣлаешь меня другимъ человѣкомъ... Я отрекусь навсегда отъ этого прошлаго...

Въ сосѣдней комнатѣ внезапно пронесся новый взрывъ хохота, заставившій вздрогнуть задумавшуюся Юлію Николаевну. Муратовъ хотѣлъ продолжать разговоръ, но она его остановила.

— Тс-съ, сюда идутъ,—прошептала она и снова начала играть, но пальцы не слушались ее.

— Что же ты не поешь?—послышался голосъ генеральши Сухаревой, подошедшей къ Муратову.

— А, да... спѣть? Хорошо...—отвѣтилъ онъ и сѣлъ къ роялю.

Онъ запѣлъ: «Помолись за меня». Юлія Николаевна, какъ-то безсильно прислонившись къ стѣнѣ, ловила каждый звукъ этого задушевнаго, еще довольно сильнаго и чистаго баритона. Каждое слово, каждый звукъ романса, казалось, былъ обращенъ лично къ ней. Послѣднія ноты пѣсни уже замирали, а она все еще слушала и слушала, какъ вдругъ раздался грубый и вульгарный голосъ ея брата:

— Ну, отмолилась и пусть идетъ спать! — захохоталъ онъ.—А ты спой лучше что-нибудь изъ нашего репертуара.

Муратовъ быстро поднялся съ мѣста и проговорилъ:

— Довольно.

— Ты, братъ, совсѣмъ раскисъ!—проворчалъ Сухаревъ и обратился къ Левиной:—Дарья Трофимовна, спойте что-нибудь.

— Христосъ съ вами! У меня теперь и голосу ужъ нѣтъ! Все пропѣла!—отвѣтила Левина, махая жирными руками, на которыхъ блестѣло безчисленное множество колецъ съ брильянтами и рубинами.

— Ну, толкуйте! Изъ «Дочери рынка», — приставалъ Сухаревъ.

— А ну васъ!—засмѣялась она и сѣла къ роялю.

Раздалась пѣсня Амаранты изъ перваго акта «Дочери рынка». Левина пѣла какимъ-то сиповатымъ и надтреснутымъ голосомъ, но фразировала не безъ ухарства, сильно подчеркивая двусмысленные намеки.

— А вы знаете другія слова на этотъ же мотивъ?—спросилъ Сухаревъ.

— Ужъ не хотите ли вы, чтобы я ихъ спѣла?—спросила Левина.

— А что же?

— А то же, что вамъ за это надо бы уши надрать! Выдумалъ что!

Сухаревъ хохоталъ. Левина стала шопотомъ передавать генеральшѣ содержаніе этихъ «другихъ словъ» пѣсни. Генеральша только руками махала.

Муратовъ и Юлія Николаевна отошли отъ рояля и начали ходить по залѣ въ сторонѣ отъ развеселаго кружка, гдѣ ужъ вплоть до чаю не смолкали каскадные куплеты.

Когда всѣ разъѣхались, Юлія Николаевна крѣпко обняла мать и покрыла ея лицо и руки горячими поцѣлуями.

— Что ты, дѣвочка?—спросила Сухарева, удивленная ея ласками.

— Ничего, ничего!—отвѣтила Юлія Николаевна и, скрывшись въ свою спальню, юркнула въ постель.

Ей не хотѣлось разсказывать теперь матери того, что случилось. Ей хотѣлось насладиться своею «тайною». Она сама почти не вѣрила тому, что онъ, ея кумиръ, ея идолъ, снизошелъ до того, что полюбилъ ее.

XI.

Юлія Николаевна проснулась по-утру вся сіяющая, вся свѣтившаяся счастіемъ. Ей хотѣлось рѣзвиться и прыгать, какъ ребенку, которому наканунѣ вечеромъ подарили игрушку. Она не могла уже болѣе молчать; ей теперь хотѣлось кому-нибудь передать свою радость, кого-нибудь обнять, расцѣловать. Улучивъ первую удобную минуту, она, оставшись наединѣ съ матерью, бросилась къ генеральшѣ на шею.

— Мама, у меня есть большая, большая тайна!—проговорила она.

— Вотъ такая?—развела генеральша съ улыбкой руками.

— Больше, больше, гораздо больше!—воскликнула съ хохотомъ дочь.—Я выхожу замужъ!

— Ты?—изумилась генеральша.—Выходишь замужъ? За кого это?

— За кузена Пьера!—съ торжествующимъ видомъ произнесла дочь.—Онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе!

— Ужъ успѣлъ!—воскликнула генеральша, нѣсколько не то смутившись, не то оробѣвъ.

— Какъ онъ меня любитъ! Какъ любитъ!—говорила Юлія Николаевна, обнимая мать.—О, если бы ты знала, мама... Я боялась и думать объ этомъ... А онъ...

— Постой, постой!—отбивалась отъ нея генеральша.—Вотъ не ожидала я, чтобы такъ скоро...

— Мама, развѣ ты недовольна?—съ изумленіемъ спросила дочь, пристально взглянувъ на мать.

Генеральша сама не могла объяснить, довольна она или недовольна.

— Вѣдь ты же сама любишь его? Вѣдь правда, любишь, любишь?—допрашивала дочь.—Ты всегда съ нимъ обращалась, какъ съ роднымъ, не такъ, какъ Мари...

— Да, да, вотъ ты о Мари говоришь,—проговорила торопливо генеральша, словно вдругъ понявъ причину своего смущенія.—Что скажетъ Мари? Скажи мнѣ, что скажетъ объ этомъ Мари?

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до того, что она скажетъ!— воскликнула Юлія Николаевна.

— Нѣтъ, ты, пожалуйста, не торопись, не говори ей,— заговорила генеральша.—Надо подождать, присмотрѣться... Ты такъ неопытна... Можетъ-быть, ты еще встрѣтишь... Наконецъ, мало ли что можетъ случиться... Бывали такіе случаи... много случаевъ бывало...

— Какихъ, мама?

— Ахъ, перебила меня и спутала!..

Генеральша совсѣмъ смѣшалась и махнула рукой, не зная, что нужно говорить.

— Ахъ, дѣвочка, дѣвочка, что ты натворила!—проговорила она, наконецъ, качая въ раздумьи головой.—Пойдутъ теперь эти сцены! Опять меня упрекать станутъ, что я не досмотрѣла, допустила... Нѣтъ, Мари правду говоритъ, что я не умѣю руководить дѣтьми... рѣшительно не умѣю... Представьте себѣ, какое своеволіе: въ моемъ домѣ, у меня подъ носомъ, не спросясь моего совѣта, шушукаются, объясняются въ любви, даютъ согласіе... Да это Богъ знаетъ что такое...

— Да ты чего же волнуешься, мама?—удивлялась Юлія Николаевна.—Вѣдь ты согласна, чтобы я вышла за кузена? Ты не запретишь мнѣ?

— Я... я...—начала растерявшаяся генеральша.—Я тутъ ничего не значу... Не въ моихъ принципахъ насиловать чужую волю... Тебѣ жить съ мужемъ... Но какъ же это такъ вдругъ?.. Ну, пусть бы подождалъ, далъ бы время подумать, а то такъ вдругъ... Хорошъ, нечего сказать, хорошъ!..

— Ты, мама, Мари боишься?—спросила Юлія Николаевна, прямо глядя въ глаза матери.

— Я и сама не знаю, чего я боюсь!—проговорила генеральша, потирая свой лобъ и качая головою.—Онъ бѣденъ.

— Фи! мама, ты попрекаешь его бѣдностью!—съ дѣтской укоризной сказала Юлія Николаевна.

— Не упрекаю я его, но ты такъ богата, что могутъ подумать, что онъ женится ради денегъ...

— Фи, фи!—произнесла Юлія Николаевна.—Да вѣдь это можно сказать о каждомъ, кто присватается за меня!

— Но онъ повѣса!—начала генеральша.

— Мама, а вѣдь ты сама говорила, что и папа такъ жилъ, что и всѣ, всѣ молодые люди въ нашемъ кругу такъ живутъ.

— Потомъ Мари...—начала опять генеральша, терявшаяся все болѣе и болѣе.

— Ахъ! Мари, Мари, вотъ ты кого боишься! Я такъ и знала!—захлопала въ ладоши Юлія Николаевна.—«Maman, какъ вамъ не стыдно было допустить Julie до объясненія съ Петромъ Павловичемъ! Петръ Павловичъ женится на ней ради ея богатства. Петръ Павловичъ—погибшій человѣкъ и не постничаетъ, какъ мой мужъ! Петръ Павловичъ кутила и не умѣетъ скряжничать, какъ мой обожаемый супругъ»,—строгимъ тономъ говорила Юлія Николаевна, копируя сестру, и вдругъ расхохоталась.—Ты, мамочка, совсѣмъ растерялась, а самой хочется, очень хочется, чтобы я вышла за кузена Пьера, потому что онъ цѣлуетъ твои ручки.

— Поди ты! Съ тобой нельзя серьезно разсуждать!—проговорила въ отчаяньи генеральша, не знавшая, что вообще сказать дочери.

— Да ужъ я знаю, знаю, что ты его любишь!—тормошила мать Юлія Николаевна.—Придетъ, сейчасъ ручку поцѣлуетъ, ты его за уши: «что это ты, батюшка, напроказничалъ?»

— Поди! Поди, сумасшедшая дѣвчонка!—отбивалась отъ дочери генеральша.

Если бы вопросъ шелъ о томъ, кого позвать на балъ, какой туалетъ нужно сдѣлать для театра, гдѣ заказать шляпку, какъ устроить повеселѣе пикникъ,—о, тогда бы генеральша не растерялась! Все это она могла объяснить, какъ профессоръ веселой жизни; обо всемъ этомъ она могла бесѣдовать безъ всякой подготовки цѣлые часы, какъ первѣйшій импровизаторъ. Но объяснить дочери, почему нужно осторожно выбирать мужа, какія стороны могутъ пугать въ Муратовѣ, почему онъ представляетъ опасность для молодой дѣвушки,—этого она не могла сдѣлать. Она знала, что Муратовъ бѣденъ,—но и ея генералъ былъ бѣденъ, сватаясь за нее. Она знала, что Муратовъ сорви-голова, кутила, сердцеѣдъ,—но и ея генералъ провелъ бурную молодость. Она... однимъ словомъ, она сознавала, что если бы она была теперь молода, то она тотчасъ бы вышла замужъ за Муратова, услышавъ первое его предложеніе. Какъ же она могла предостерегать свою дочь? Но ее тревожила Мари. Если бы не было Мари, генеральша сейчасъ бы благословила свою дочь на бракъ съ Муратовымъ, потому что свадьба, семейная жизнь, все это казалось ей такимъ же пустякомъ, какъ выборъ кавалера на балу: былъ бы молодъ, красивъ и ловокъ этотъ кавалеръ—и довольно. Несчастія брачной

жизни? Да развѣ они могутъ быть у богатыхъ? Мужъ будетъ измѣнять женѣ? Да какой же мужъ не измѣняетъ женѣ? Онъ будетъ мотать? Да развѣ можно промотать все состояніе Юліи Николаевны? Она разлюбитъ сама мужа? Но какой же свѣтскій мужъ не смотритъ сквозь пальцы на мимолетныя измѣны богатой жены? Нѣтъ, нѣтъ, думать серьезно о бракѣ нечего! Но Мари, Мари что скажетъ? Упреки, сцены, волненія! Генеральша боялась всего этого, какъ огня.

«Хоть бы онъ ее похитилъ, что ли! ей сама бы имъ помогла!»—промелькнуло у нея въ головѣ, и ея лицо вдругъ озарилось улыбкой при этой мысли.

— Мама, чему ты улыбаешься?—спросила Юлія Николаевна, наблюдавшая за матерью.

— Нѣтъ, нѣтъ, это я такъ!—проговорила генеральша и не безъ горечи вспомнила, что теперь былъ постъ.—Знаешь, что, Юля,—проговорила она.—Ты ничего не говори Мари... Пусть покуда она ничего не знаетъ... Мы все это устроимъ потомъ... экспромптомъ... Оно лучше...

— Хорошо, мамочка! Мнѣ все равно! Ты, значитъ, согласна?

Юлія Николаевна опять обнимала мать.

— Ахъ, ты, дитя, дитя!—бормотала генеральша.—Рада, что хорошенькій мужъ подвернулся!

— Онъ, мама, лучше всѣхъ, лучше всѣхъ! Правда?—восторженно говорила Юлія Николаевна.

— Ну, да, да!—говорила уже весело генеральша, которая отчасти успокоилась при мысли, что Мари не скоро узнаетъ всю эту исторію, и передъ которой уже мелькнула теперь заманчивая картина приготовленія приданаго.

— Надо вотъ серьезно подумать о приданомъ,—сказала она глубокомысленно дочери.

— Да, да... Дѣлай все, какъ знаешь!—разсѣянно отвѣтила дочь.

— Нѣтъ, мы вмѣстѣ будемъ ѣздить, выбирать... Я думаю, вы можете на первое время помѣститься въ моемъ домѣ... Я вамъ отдѣлаю половину бель-этажа... Надо будетъ меблировать все заново... Мы пригласимъ художника Перро: у него есть вкусъ, французскій шикъ въ составленіи проектовъ для отдѣлки комнатъ... Когда я отдѣлывала эту половину для себя—онъ составлялъ мнѣ всѣ рисунки... Я просто ахнула, когда онъ мнѣ привезъ эскизъ восточной гостиной... знаешь, той, что подлѣ столовой... Это вѣдь игрушка,

игрушка, а не комната... Ты знаешь, онъ ѣздилъ изучать этотъ стиль... какъ его?.. ну, вотъ еще въ Альгамбрѣ такой... Да мавританскій... Тамъ вотъ, что эти узоры золотомъ на потолкѣ сдѣланы, это все надписи... въ Альгамбрѣ все такое съ надписями... А тебѣ будуаръ я въ русскомъ вкусѣ совѣтую сдѣлать, это теперь въ моду входитъ и очень красиво... Бѣлый фонъ и узоры—коньки и пѣтушки, пѣтушки и коньки—синимъ и краснымъ шелкомъ вышиты.

Генеральша попала на своего конька и была вполнѣ довольна. День почти весь прошелъ въ разъѣздахъ, такъ какъ генеральша уже считала нужнымъ кое-что присмотрѣть и разболтать по магазинамъ, что она присматриваетъ вещи, чтобы заранѣе приготовить кое-что изъ приданаго.

— Конечно, моя дочь еще не выходитъ замужъ, но все же нужно эти вещи заранѣе обдумать,—разъясняла она модисткамъ въ модныхъ магазинахъ и приказчикамъ въ англійскомъ магазинѣ, гдѣ она была своимъ человѣкомъ и даже знала семейную жизнь всѣхъ приказчиковъ.

Вечеромъ Петръ Павловичъ явился къ Сухаревымъ.

— Я все сказала maman,—шепнула ему Юлія Николаевна.

— И что же?—такъ же тихо спросилъ онъ, немного робѣя.

— Maman согласна, но не хочетъ, чтобы Мари знала объ этомъ теперь... покуда постъ...

Муратовъ не успѣлъ еще отвѣтить, когда вышли tante Catiche и генеральша. Онѣ были уже совсѣмъ одѣты, чтобы ѣхать въ театръ.

— Уши драть нужно бы тебѣ!—пригрозила генеральша Сухарева Муратову пальцемъ.

Онъ поклонился и молча поцѣловалъ ея руку.

— Вы куда-то ѣдете?—спросилъ онъ, очень хорошо зная, куда онѣ ѣдутъ.

— Въ русскій театръ. Надѣюсь, ты съ нами? Мы безъ мужчинъ,—отвѣтила генеральша.—Яшка въ креслахъ будетъ безчинствовать...

— О, съ удовольствіемъ.

Они поѣхали.

Въ первомъ же антрактѣ въ ихъ ложу явился старшій Аносовъ. Это посѣщеніе было совершенною неожиданностью для всѣхъ: Аносовъ вообще ѣздилъ рѣдко въ театръ, ѣздилъ туда только съ дѣловыми цѣлями, русскій же театръ онъ, какъ и вся его семья, не посѣщалъ никогда, считая его пошлымъ и вульгарнымъ. Очевидно, что на этотъ разъ онъ сдѣлалъ исключеніе изъ правила ради высшихъ сообра-

женій, ради наблюденія за старухой Сухаревой и Юліей Николаевной. Войдя въ ложу, онъ раскланялся съ дамами и холодно пожалъ руку Муратова. Ему было, видимо, непріятно, что Муратовъ сидѣлъ въ ложѣ Сухаревыхъ, какъ родственникъ, какъ спутникъ и обожатель молоденькой дѣвушки.

— Что твоя мигрень прошла?—спросилъ онъ у Юліи Николаевны.

— Да вѣдь это не долго бываетъ!—отвѣтила она.

— Значитъ завтра домой?—спросилъ онъ.

— Я, право, не знаю... Это будетъ зависѣть отъ maman,— сухо отвѣтила Юлія Николаевна.

Генеральша поспѣшила перемѣнить разговоръ и быстро начала разспрашивать Николая Аносова о какой-то будто бы заинтересовавшей ее личности. Она боялась, что Аносовъ спроситъ ее, отпуститъ ли она завтра Юлію Николаевну къ сестрѣ. Къ счастію, въ оркестрѣ заиграла музыка передъ поднятіемъ занавѣса, и Аносовъ вышелъ. Онъ заходилъ въ теченіе спектакля еще разъ, и еще разъ генеральша такъ заговорила его, такъ засыпала разспросами, что онъ не могъ сдѣлать ей главнаго вопроса о Юліи Николаевнѣ. Юлія Николаевна смѣялась въ душѣ надъ ловкостью матери и надъ подавленнымъ неудовольствіемъ Аносова. Аносовъ былъ дѣйствительно въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Онъ говорилъ рѣзко и желчно и между прочимъ замѣтилъ:

— Что это выдѣлываетъ Жакъ? Его, въ концѣ-концовъ, выведутъ! Онъ не только вызываетъ Комкову по десяти разъ, но онъ не даетъ никого слушать, крича и стуча ногами. Онъ пьянъ, кажется!

— Ахъ, Комкова—его слабость!—отвѣтила генеральша.

— Да, но онъ неприличенъ!.. Мнѣ уже указывалъ на него нашъ почтенный Ѳедоръ Петровичъ Торбинъ... Вѣдь всѣ знаютъ, что мы родня, къ несчастію...

— Ну, такъ пусть на гауптвахту посадятъ, вотъ и конецъ,—рѣшила генеральша.—Мало ли какъ мальчишки шалятъ!

Аносовъ передернулъ плечами. Прощаясь съ Сухаревыми, онъ успѣлъ-таки сказать, что его жена пріѣдетъ завтра за Юліей Николаевной, но его слова заглушились музыкой и пропустились мимо ушей генеральшею и Юліей Николаевной.

Tante Catiche очень мирно продремала въ теченіе всего спектакля.

Выходя изъ кареты у своего дома, Сухаревы и Муратовъ замѣтили стоявшія у подъѣзда двѣ тройки. Они вошли въ двери подъѣзда и увидѣли цѣлую компанію молодежи, надѣвавшей свои военныя шинели и статскія пальто. Среди этой группы были Винтеръ и Флери.

— А, Ноевъ ковчегъ пріѣхалъ изъ экспедиціи на Арарать!—закричалъ Сухаревъ, уже успѣвшій со всей компаніей заѣхать изъ театра на нѣсколько минутъ домой.

Его широкое лицо было красно; отъ него пахло шампанскимъ. Въ отвѣтъ на его слова раздалось безцеремонное гоготанье Винтера и Флери. Генеральшу нѣсколько смутилъ этотъ безцеремонный смѣхъ, встрѣтившій ея появленіе.

— Вотъ бы съ нами поѣхали, такъ не то бы увидали, что въ Александринкѣ! Хочешь, Сушка?—обратился Сухаревъ къ сестрѣ.—У насъ пикникъ съ дамами! Какія дамы!

— Ха-ха-ха! Съ дамами!—опять загоготали Винтеръ и Флери, считавшіе долгомъ смѣяться при каждой остротѣ Сухарева.

— Ты опять пьянъ,—проговорила генеральша, стараясь придать своему голосу строгій тонъ.

— Maman, я не пьянъ, но веселъ безконечно,—отвѣтилъ развязно сынъ.—Tante Catiche, поѣдемте съ нами!

— Ну, ну, ужъ поѣзжай скорѣе самъ!—шопотомъ отвѣтила тетка, видя, что генеральша недовольна.

Дамы спѣшили подняться по лѣстницѣ.

— А тебя не отпустимъ, тебя похитимъ!—кричалъ Сухаревъ Муратову.

— Благодарю, я не поѣду!—сухо отвѣтилъ Муратовъ.

— Онъ нынче въ монахи готовится!—проговорилъ Винтеръ.

— Ха-ха-ха!—захохоталъ Флери, дѣлая гримасы.—Въ монахи!

Муратовъ кусалъ губы.

— По тебѣ Армансъ соскучилась! Ты знаешь, что ты былъ всегда ея слабостью! Это влеченіе сердецъ!—хохоталъ Сухаревъ.

— Она всегда говоритъ: я только Муратова люблю не за деньги,—прибавилъ Винтеръ.

— Отстань ты съ своими Армансами,—проговорилъ Муратовъ Сухареву.—Поѣзжай, а то еще опоздаешь! Да, я думаю, вонъ эти уже проголодались со вчерашняго дня.

Онъ презрительно указалъ глазами на Винтера и Флери и тоже поднялся по лѣстницѣ, съ недовольнымъ видомъ, направляясь въ столовую.

— Нѣтъ, Яшка дѣйствительно становится невыносимымъ,—говорила въ это время генеральша. — Хоть бы ты его образумилъ и сказалъ ему, что онъ обращаетъ мой домъ въ кабакъ,—обратилась она къ входившему въ столовую Муратову.—И что это за два санкюлота были съ нимъ, въ длинныхъ легкихъ халатахъ и лѣтнихъ шляпахъ?

— Это два негодяя, Винтеръ и Флери, обирающіе золотую молодежь,—сказалъ Муратовъ.

— Шумятъ и хохочутъ, точно на постояломъ дворѣ!

Генеральша была недовольна неожиданной встрѣчею съ пьяной компаніей, смутившей ее своимъ безцеремоннымъ смѣхомъ. Юлія Николаевна сидѣла тоже съ задумчивымъ лицомъ. Ей вспоминались слова Муратова о томъ, что если ей и плохо жить у сестры, то жить у матери еще опаснѣе.

— Неужели Жакъ всегда ведетъ такую жизнь? — тихо спросила она.

— Ахъ, всѣ они такую жизнь ведутъ, — отвѣтила генеральша.—Вонъ и онъ не лучше живетъ, — указала она на Муратова.

Онъ хотѣлъ что-то возразить, но она продолжала:

— Это очень естественно, но зачѣмъ онъ наводитъ этихъ пьяныхъ санкюлотовъ сюда... Хохочутъ, точно какихъ-то чудовищъ увидали. Ты слышала, Catiche, что онъ это о ковчегѣ говорилъ?.. Ноевъ, говоритъ, ковчегъ прибылъ изъ экспедиціи на Араратъ... Очень остроумно!.. Я свою карету изъ Вѣны выписала; такихъ каретъ во всемъ Петербургѣ двѣ: у меня и у княгини Елены Павловны...

— Я ничего не слыхала,—скромно отвѣтила tante Catiche, потупляя глаза.

— Дуракъ, совсѣмъ дуракъ!—пробормотала генеральша.— Да и какъ не поглупѣть! Ему бы «дурака» на его слова сказать надо, а эти голодные санкюлоты хохочутъ, ну, онъ и думаетъ, что онъ уменъ... Ноевъ ковчегъ изъ экспедиціи на Араратъ... Нѣтъ, знаешь, Catiche, я теперь не стану ѣздить въ этой каретѣ. Ей-Богу! Она агасировать мои нервы будетъ. Вѣдь эти санкюлоты вездѣ разскажутъ это, и люди начнутъ пальцами указывать: «вонъ генеральша Сухарева въ Ноевомъ ковчегѣ изъ экспедиціи на Араратъ ѣдетъ». Просто сказкой города сдѣлаешься изъ-за милѣйшаго сынка...

Муратовъ поспѣшилъ кое-какъ перемѣнить разговоръ и минутъ черезъ пять успѣлъ разсѣять недоброе настроеніе генеральши, не умѣвшей долго сердиться. Когда онъ ухо-

дилъ, общество было уже попрежнему весело, только Юлія Николаевна продолжала размышлять о недавней сценѣ. Ей было непріятно, что она два дня сряду видѣла своего брата полупьянымъ, что два дня сряду онъ обращался къ ней съ какими-то предложеніями «просвѣтить ее», что два дня сряду она не понимала сущности его рѣчей, угадывая чутьемъ, что въ этихъ рѣчахъ кроется что-то пошлое и грязное. Ей теперь хотѣлось выйти поскорѣе замужъ, чтобъ вырваться и изъ общества сестры, и изъ общества брата.

XII.

Николай Петровичъ Аносовъ пріѣхалъ домой изъ русскаго театра въ самомъ скверномъ настроеніи духа. Онъ всегда не долюбливалъ Муратова, какъ пустого кутилу, какъ человѣка опаснаго для мужей, какъ очень небогатаго господина, вертѣвшагося около богатыхъ, какъ лучшаго друга покойнаго Виктора Сухарева, имѣвшаго не малое вліяніе на свою семью. Теперь же онъ начиналъ ненавидѣть этого человѣка, подозрѣвая, что онъ надѣется жениться на Юліи Николаевнѣ. Аносовъ зналъ, что Муратовъ росъ съ покойнымъ братомъ Юліи Николаевны, что старуха Сухарева говорила ему «ты», что Юлія Николаевна называла его «кузеномъ», что ему легко было вскружить голову этой дѣвочкѣ. Аносовъ боялся этого брака: онъ вообще готовъ былъ засадить Юлію Николаевну въ дѣвушкахъ, чтобы опекать ее, но менѣе всего желалъ онъ отдать ее замужъ за бѣдняка, который можетъ потребовать и потребуетъ подробныхъ отчетовъ по имѣнію. Этихъ отчетовъ не провѣряли ни тринадцатилѣтній Александръ Сухаревъ, учившійся въ модномъ пансіонѣ, ни восемнадцатилѣтній Яковъ Сухаревъ, не научившійся вообще ни русской грамотѣ, ни счетной части, ни Юлія Николаевна Сухарева, не знавшая размѣровъ своего состоянія, ни сама генеральша Сухарева, говорившая, что она готова всѣмъ переплатить сотни и тысячи за то, чтобы только не заниматься «этою математикою». А между тѣмъ эти счеты были довольно интересны: взявъ за женою тысячъ сорокъ или сорокъ пять ежегоднаго дохода, Аносовъ, такъ же, какъ и его отецъ, не считалъ безполезнымъ прибавить къ этимъ доходамъ еще десятокъ тысячъ изъ доходовъ опекаемыхъ, въ сущности, и имъ, и его отцомъ Сухаревыхъ. Аносовъ предчувствовалъ, что такой человѣкъ, какъ Муратовъ, женившись на Юліи Николаевнѣ, постарается освѣтить всѣ эти мелочи опеки и

попечительства и открыть глаза Сухаревымъ. Аносовъ, какъ дѣлецъ и практикъ, очень хорошо понималъ, что чѣмъ презрительнѣе онъ относился прежде къ Муратову, тѣмъ язвительнѣе постарается послѣ Муратовъ отплатить ему. Если бы онъ и желалъ мужа для Юліи Николаевны, то желалъ какого-нибудь кутилу въ родѣ своего брата Жоржа или графа Риво, которые не знали счета даже своимъ собственнымъ деньгамъ. Вслѣдствіе этого его не могло не раздражать то обстоятельство, что на балу у Сухаревой Муратовъ слишкомъ горячо бесѣдовалъ съ Юліей Николаевной и что онъ явился съ семьею Сухаревыхъ въ ложѣ въ театрѣ. Онъ вошелъ домой хмурый и раздраженный.

— Представь себѣ, какую новую безтактность совершила твоя мать,—проговорилъ онъ женѣ, раздражительно срывая перчатки и садясь къ чайному столу.—Мало того, что она была съ Жюли въ русскомъ театрѣ, такъ еще явилась въ ложѣ въ сопровожденіи этого развратника!

— Какого?—спросила струсившая Марья Николаевна.

— Конечно, Муратова, вашего милаго кузена, — съ грубой ироніей произнесъ мужъ.—Что подумаютъ въ обществѣ? Прославятъ женихомъ! Вѣдь ни для кого же не тайна, что онъ вамъ седьмая вода на киселѣ и что онъ не можетъ сопровождать вашу семью въ качествѣ родственника на балахъ и въ театры.

Марья Николаевна сидѣла, потупившись, какъ виноватая. Она вообще стушевывалась при мужѣ, помня очень хорошо, какъ въ первые годы ея замужества онъ останавливалъ ее на каждомъ шагу, говоря ей одну и ту же фразу: «это вы не у своей ли матери учитесь такъ поступать?» Къ несчастью, онъ всегда былъ правъ, и Марьѣ Николаевнѣ оставалось только покориться, сознавая, что она не умѣетъ говорить, не умѣетъ вести себя, не знаетъ приличій общества. Развѣ въ домѣ ея матери можно было научиться всему этому?

— Да, глубокое несчастіе запастись подобною матерью!— проговорилъ Аносовъ, точно дѣло шло о какой-нибудь взятой по найму ключницѣ. — Мало того, что она сама не умѣетъ себя держать, она портитъ и дѣтей. Прекрасные результаты выйдутъ для Юліи Николаевны изъ сближенія съ этимъ негодяемъ. Онъ ее, конечно, увлечетъ. Вы, кажется, тоже когда-то очень нѣжно называли его кузеномъ?—язвительно усмѣхнулся Аносовъ. — И то сказать, какъ же не

увлечься имъ! Молодъ, красавчикъ, болтать умѣетъ,—чего же еще нужно для какой-нибудь дуры въ родѣ Жюли.

— Я ее предостерегала, — нерѣшительно начала Марья Николаевна.

— Э, Боже мой, что значатъ ваши предостереженія!— разсердился Аносовъ.—Нужно было подчинить ее своему вліянію. У тебя иниціативы, энергіи нѣтъ. Ты что дѣлала? Наставляла, проповѣдовала и только? Это скучно, сухо, ординарно. Нужно было заставить ее полюбить себя, привязать къ себѣ, сдѣлаться твоею ученицею. Правда, на это нуженъ природный умъ, на это нуженъ тактъ. Сухаревы этимъ, кажется, не отличаются.

Марья Николаевна сидѣла, какъ убитая. Теперь она не походила на ту выдрессированную, холодную и сдержанную свѣтскую женщину, какою являлась она въ салонахъ. Но вліяніе суровой домашней школы, въ которой ее выдрессировали въ послѣдніе годы, имѣло свою силу даже въ эти горькія минуты. Сознавая, что ее оскорбляютъ и унижаютъ, Марія Николаевна умѣла не плакать и не волноваться, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ. Она сидѣла молча и слушала, стараясь уловить указаніе, какъ нужно ей дѣйствовать дальше.

— Недостаетъ только, чтобы этого мерзавца дѣйствительно объявили женихомъ вашей сестры,—продолжалъ Аносовъ.—Это будетъ прекрасно! Нищій, развратникъ, мотъ захватитъ ея капиталъ, чтобы убить его на какихъ-нибудь Камилокъ и потомъ пустить по-міру жену! Это все нужно разсказать, разъяснить ей. Нужно вырвать ее изъ дому ея матушки. Вѣдь этотъ домъ сдѣлался давно сказкой города. Это какой-то притонъ развратниковъ и проходимцевъ, какихъ-то кутящихъ юнкеровъ и лизоблюдовъ-художниковъ, пѣвцовъ и актрисъ. Я ни за что не поручусь, чего бы не могло сдѣлаться съ твоей сестрой въ этомъ домѣ, особенно если она попадетъ въ руки Муратову. Онъ и не такихъ дуръ губилъ. Нужно отдалить его хоть на-время. Онъ долго ждать не можетъ, у него запутаны дѣла, и онъ не просуществуетъ и этой зимы.

Марья Николаевна продолжала соображать.

— Я кое-что мелькомъ слышалъ о его векселяхъ, онъ вездѣ долженъ. Черезъ годъ онъ будетъ, вѣроятно, уже не опасенъ, потому что его раньше выгонятъ въ отставку, запрячутъ въ долговое, и хорошо еще, если только туда. Недаромъ онъ пересталъ въ послѣднее время кутить. Отъ этой

жизни не отрезвляются такъ вдругъ безъ серьезной причины. Я полагаю, что его дни сочтены, и когда настанетъ день расплаты за прошлое, можетъ-быть, онъ отвертится не легко. Такіе господа способны на все—и на поддѣлку векселей, и на всякія мошенничества...

— Ты слышалъ что-нибудь?—спросила Марья Николаевна.

— Я не сыщикъ, чтобы выслѣживать этихъ господъ. Но я думаю, что, зная ихъ вообще, можно впередъ сказать, на что они способны...

Аносовъ допилъ чай и шумно всталъ изъ-за стола.

— Я надѣюсь, что завтра же ваша сестра будетъ здѣсь,— отчетливо проговорилъ онъ, уходя изъ столовой.

Марья Николаевна промолчала. Она напрягала теперь всѣ свои умственныя силы, чтобы сумѣть вырвать сестру изъ дома матери. Ей вспомнилось теперь, что черезъ два дня назначенъ балъ у графа Баскакова, куда давно уже были приглашены и она, съ мужемъ и сестрою. Это былъ отличный предлогъ увезти сестру.

На другой день по-утру она была уже у матери.

— А я за тобой, Julie, пріѣхала,—сказала она сестрѣ, здороваясь съ нею и съ матерью.—Завтра балъ у Баскаковыхъ, и мы должны ѣхать.

— Я не хотѣла бы,—сказала Юлія Николаевна.

— Нельзя, душа моя! Ты знаешь, что графъ твой grand-oncle, и ты его обидѣла бы, если бы не была на ихъ первомъ балу. Онъ, кажется, и балъ-то устраиваетъ ради тебя, и мнѣ было очень досадно, что maman сдѣлала балъ у себя. Тебѣ было бы удобнѣе показаться впервые свѣту на балу у Баскаковыхъ. У нихъ собирается такое избранное общество... Намъ нужно будетъ заѣхать съ тобой въ магазины за различными мелочами. Платье для этого бала уже, я думаю, готово. Его надо только примѣрить.

Отказаться отъ бала Юліи Николаевнѣ было нельзя. Старуха Сухарева тоже уговаривала ее ѣхать. Она сама очень рѣдко бывала у Баскаковыхъ, гдѣ ей казалось слишкомъ скучно, и ея посѣщенія къ нимъ были визитами въ будни, утромъ, когда Баскаковы были одни. Старуха чувствовала себя не на своемъ мѣстѣ въ ихъ кругу, хотя и не высказывала этого, говоря просто, что она не любитъ этихъ «чопорныхъ аристократовъ».

— Наши боевые генералы не такъ выглядѣли, какъ эти паркетные дипломаты,—говорила она не безъ гордости.— Мой генералъ такъ и по-французски не зналъ. Разъ, когда

покойный государь обратился къ нему на французскомъ языкѣ, онъ только и могъ отвѣтить: «не конпранъ па, государь!» Его такъ потомъ и звалъ государь «генераломъ не конпранъ па».

Но, гордясь простотой «боевыхъ генераловъ», генеральша считала необходимымъ, чтобы Юлія Николаевна поддерживала связи со всѣми домами высшаго круга въ Петербургѣ, куда можно было попасть черезъ Аносова и графовъ Баскаковыхъ. Собираясь ѣхать къ сестрѣ, Юлія Николаевна шепнула матери, чтобы та поскорѣе прислала за нею. Черезъ полчаса она уже сидѣла въ каретѣ сестры.

— Какъ я рада, Julie, что ты опять ѣдешь ко мнѣ,— замѣтила Марья Николаевна ласковымъ тономъ.—Я не говорю о томъ, что я привыкла къ твоему присутствію у насъ, что мнѣ безъ тебя скучно. Я не настолько эгоистка, чтобы держать тебя при себѣ ради своего удовольствія. Но я, право, боюсь, когда ты гостишь у maman.

— Боишься?—спросила Юлія Николаевна.

— Да. Ты еще дитя, милое, наивное дитя, а тамъ... Скажи откровенно... Jacques былъ всѣ эти дни, по обыкновенію, пьянъ?

Юлія Николаевна промолчала. Послышался вздохъ Марьи Николаевны.

— Бѣдная maman, она совсѣмъ не умѣетъ справляться съ нимъ! Что его ждетъ—я и подумать боюсь... И, вѣрно, опять натащилъ съ собою этихъ негодныхъ кутилъ—Риво, Жоржа, Бронницына... Знаешь, я разъ слышала ихъ бесѣды—мнѣ противно стало. Все это пошло, глупо, безнравственно, цинично. Ни одного умнаго слова, ни одной дѣльной фразы. И то сказать: эти люди едва писать умѣютъ!.. Вѣдь про Жака анекдотъ ходитъ, что онъ въ словѣ изъ трехъ буквъ четыре ошибки дѣлаетъ и пишетъ *пьсчо*, вмѣсто *еще*... Если это и неправда, то это вполнѣ возможно... Это вѣдь совсѣмъ оглупѣвшіе, отупѣвшіе люди... Вотъ почему я боюсь оставлять тебя въ этой средѣ... Ты молода, ты неопытна и легко можешь совершенно погибнуть тамъ.

Юліи Николаевнѣ вспомнились слова Муратова. Онъ говорилъ то же, что говоритъ ея сестра.

— Вѣдь эта среда погубила и Муратова, — продолжала Марья Николаевна.—Онъ запутался, опошлился, погибъ среди этой молодежи, и теперь для него нѣтъ выхода, хотя онъ былъ и не глупъ, и не тупъ...

Юлія Николаевна вспыхнула.

— Пожалуйста, не говори такъ о кузенѣ Пьерѣ!—воскликнула она.—Ты его совсѣмъ не знаешь! Онъ ненавидитъ этихъ людей, онъ стремится вырваться изъ этого пошлаго круга.

— Это онъ самъ тебѣ говорилъ?—спросила Марья Николаевна.

— Да!

— И ты повѣрила? Онъ это готовъ повторить каждой неопытной дѣвушкѣ, чтобы разжалобить ее. Я вѣдь его давно знаю и знаю всѣ его пріемы. Сперва пробудитъ къ себѣ участіе, состраданіе, жалость, а тамъ одинъ шагъ до любви. Это старая, старая пѣсня. У него просто денегъ нѣтъ, и ему нужна богатая невѣста, чтобы забрать въ руки ея состояніе и потомъ продолжать ту же самую разгульную жизнь...

— Не говори, не говори мнѣ о немъ!—горячо перебила Юлія Николаевна.—Ты его ненавидишь, потому ты такъ и говоришь...

— Совсѣмъ не потому, а потому, что я знаю, сколько женщинъ онъ погубилъ,—холодно возразила Марья Николаевна.—Ему ничего не стоитъ увлечь дѣвушку или женщину, чтобы потомъ ее бросить. Этимъ людямъ ничего не стоитъ поклясться въ любви и послѣ насмѣяться надъ тѣми, которыя имъ вѣрятъ.

— Ты такъ говоришь, точно онъ самой тебѣ признавался когда-то въ любви и обманулъ тебя,—замѣтила Юлія Николаевна.

— Я никогда не принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, съ которыми смѣютъ играть въ любовь подобные люди,—сухо отвѣтила Марья Николаевна.

— И ты за это сердишься на него?—спросила Юлія Николаевна.

— Ты забываешься! Что за тонъ у тебя явился? Это, наконецъ, становится невыносимымъ! Съ тобой нельзя говорить, не напрашиваясь на дерзости!

Марья Николаевна была внѣ себя отъ негодованія. До этой минуты ей ни разу не приходило въ голову, что она когда-нибудь любила Муратова, что ей было бы лестно услышать отъ него признаніе въ любви, что ей было обидно его невниманіе къ ней, и все-таки слова сестры задѣли ее за живое, глубоко оскорбили ее, точно сестра угадала какую-то тайну, о которой не знала и сама Марья Николаевна. Ей даже вспомнилось, что и ея мужъ сдѣлалъ ей вчера та-

кой же намекъ. Съ чего это они выдумали? Развѣ она имъ признавалась въ своихъ сердечныхъ тайнахъ? Развѣ она не была всегда одинаково холодна съ Муратовымъ? Она пробовала увѣрить себя, что дѣйствительно она всегда считала кузена Пьера не кузеномъ, а чужимъ. Ужъ не хвасталъ ли онъ ея неравнодушіемъ къ нему? Вѣдь отъ него всего можно ожидать. Она еще долго не могла успокоиться и бранила Муратова. Но Юлія Николаевна уже отворнулась отъ сестры. Она не хотѣла ее слушать. Карета, между тѣмъ, подъѣхала къ дому. Юлія Николаевна печально входила въ этотъ домъ, гдѣ все было какъ-то чинно, парадно, неуютно. Молодая дѣвушка уже заранѣе чувствовала, что ее ожидаетъ здѣсь скука. Но кромѣ этой скуки ей грозили еще большія непріятности: она готовилась выслушивать постоянныя нападенія на Муратова. Она впередъ знала сущность этихъ нападеній: Муратовъ бѣденъ и потому гонится за ея богатствомъ, Муратовъ велъ безпутную жизнь и потому онъ долженъ погибнуть, Муратовъ обманывалъ женщинъ и потому обманетъ и ее. Все это она знала впередъ, потому что самъ Муратовъ сказалъ ей, что ей будутъ говорить это про него. Говоря ей это, онъ и не думалъ отрицать, что онъ бѣденъ, что онъ стоитъ на краю пропасти, что онъ провелъ безпутно жизнь,—но онъ теперь каялся и просилъ состраданія. Мари говоритъ, что это ложь. Но какъ же узнать правду, кому вѣрить послѣ того? Если бы онъ лгалъ, онъ не сталъ бы высказывать откровенно своихъ недостатковъ. Юлія Николаевна думала и передумывала и постоянно приходила къ одному и тому же заключенію, что Мари возненавидѣла Муратова и потому браниті его.

Николай Аносовъ былъ правъ, говоря женѣ, что она не сумѣла подчинить себѣ сестру, и что въ этомъ было главное несчастіе. Дѣйствительно, Юліи Николаевнѣ досаждали наставленія Марьи Николаевны, ее томила скука въ этомъ домѣ, ей недоставало здѣсь грѣющей ласки, и она не могла быть откровенною съ сестрою, не могла вѣрить искренности сестры. Она относилась къ сестрѣ, какъ къ сухой и строгой классной дамѣ, которую хотѣлось обмануть, отъ которой хотѣлось ускользнуть, которой хотѣлось сдѣлать что-нибудь на зло. При такихъ отношеніяхъ каждое нападеніе Марьи Николаевны на Муратова подливало только масла въ огонь.

Первое время въ этомъ домѣ прошло для Юліи Николаевны еще сносно. Приготовленія къ балу и самый балъ у Баскаковыхъ наполнили время. На этомъ балу Юлія Николаевна

даже была очень весела и счастлива, увидавъ въ числѣ гостей кузена Пьера. Среди танцевъ онъ много говорилъ съ нею. Зашла, между прочимъ, рѣчь о томъ, что она опять гоститъ у сестры.

— Во враждебномъ лагерѣ,—замѣтилъ онъ.

— Да; скажите, кузенъ, почему она васъ такъ не любитъ?—еще разъ спросила Юлія Николаевна.

— Марья Николаевна любитъ всѣхъ тѣхъ, кого любитъ ея мужъ,—замѣтилъ Муратовъ.

— А онъ васъ почему не любитъ?

— Потому, что онъ не любитъ всѣхъ тѣхъ, кто можетъ полюбить васъ.

— Меня? Я васъ не понимаю.

— Онъ боится вашего замужества, потому что ему выгодно быть вашимъ опекуномъ.

Она подняла на него глаза.

— Деньги, деньги и вездѣ деньги на первомъ планѣ,— проговорилъ онъ.—Васъ называютъ дѣвочкой, васъ держатъ какъ дѣвочку, васъ рѣдко вывозятъ, чтобы вы не вздумали выйти замужъ. Вамъ бранятъ меня, потому что вы, вѣроятно, имѣли неосторожность похвалить меня. Скажите, что вы влюбились въ кого-нибудь другого,—начнутъ бранить и его... Впрочемъ, что толковать объ этомъ: будемъ терпѣливо ждать и надѣяться, пропуская мимо ушей всѣ толки, всѣ слухи, всѣ интриги. Знайте только одно, кузина: если вамъ будутъ рисовать черными красками мое прошлое, — представляйте его себѣ еще черпѣе; если вамъ будутъ рисовать черными красками мое будущее,—не забывайте, что и свѣтъ, и тьма этого будущаго зависятъ отъ васъ и только отъ васъ.

Онъ съ грустнымъ видомъ дружески пожалъ ей руку.

Она совсѣмъ повеселѣла,—она была вполнѣ убѣждена, что нельзя лгать такимъ искреннимъ тономъ. Она была въ этотъ вечеръ счастлива и весела, видя, что и ея кузенъ теперь болѣе оживленъ, чѣмъ на балѣ у ея матери, и зная, что онъ обязанъ этимъ оживленіемъ ей, одной ей.

Но балъ кончился, впереди стояли дни скуки, одиночества, холодныхъ встрѣчъ, чопорныхъ разговоровъ. Ей теперь было опять жаль дома ея матери: тамъ шла глупая, безалаберная, безпутная и пошлая жизнь, но тамъ можно было, не стѣсняясь, пѣть, смѣяться, бѣгать, дѣлать все, чего требуетъ настоятельно организмъ ребенка, какимъ въ сущности была еще Юлія Николаевна; тамъ можно было обнимать и цѣловать и кружить по комнатѣ и веселую генеральшу-мать, и

добродушно-сентиментальную tante Catiche, и даже толстяка-брата, безпутнаго, кутящаго, недалекаго по уму, испорченнаго, но, въ сущности, простого и добраго малаго, не безъ удовольствія готоваго подурачиться съ «сестренкой»; тамъ, наконецъ, можно было видѣть его, кузена Пьера. Юлія Николаевна переживала именно ту пору, когда человѣку нужно все это—и дѣтскія шалости, и сердечныя ласки родныхъ, и первый лепетъ любви гдѣ-нибудь въ уголку, украдкой, на одно мгновенье, съ легкимъ пожатіемъ руки, можетъ-быть, съ пугливымъ поцѣлуемъ, а здѣсь... Здѣсь вѣчно торчитъ передъ ея глазами высохшая и неприступная миссъ Дальтонъ съ своими однозвучными «yes», «no» и «so», однозвучными, какъ біеніе ея сердца, засохшаго среди невольной дѣвственности, составлявшей и предметъ озлобленія, и предметъ гордости безобразной англичанки. Здѣсь вѣчно слышатся сухія, холодныя и педантическія замѣчанія сестры о «неприличіяхъ», о томъ, «что не принято», о томъ, что «безтактно», какъ будто люди живутъ въ свѣтѣ именно для того, чтобы носить какія-то тяжелыя вериги, безъ всякаго разумнаго сознанія пользы и необходимости этихъ веригъ. Здѣсь является на минуты сдержанный, отрывисто-говорящій, не терпящій возраженій хозяинъ дома съ внѣшнимъ лоскомъ завзятаго богатаго столичнаго офицера и съ душой азіатскаго деспота, считающаго всѣхъ живущихъ въ его домѣ своими рабами. Здѣсь приводятся къ матери и къ отцу въ урочные часы, въ урочныя минуты нарядныя, накрахмаленныя, выглаженныя, какъ куклы, дѣти, чтобы сказать: сегодня: «Bonjour, maman! Bonjour, papa!» чтобы повторить завтра то же самое по-нѣмецки, а послѣзавтра по-англійски, повторить вовсе не потому, что имъ такъ хочется, а потому, что имъ такъ велятъ, у нихъ же нѣтъ ни своей воли, ни своихъ желаній, ни своихъ мыслей, такъ какъ все для нихъ давно уже сдѣлано, приготовлено, пригнано, портными, модистками, сапожниками, гувернантками, боннами, учителями и всѣмъ другимъ людомъ, получившимъ подрядъ отъ ихъ родителей поставлять все необходимое для этихъ «порядочныхъ дѣтей».

— Прочтите этотъ романъ, это произведеніе знаменитаго нашего Фильдинга,—говоритъ миссъ Дальтонъ Юліи Николаевнѣ, и Юлія Николаевна начинаетъ читать «Томъ Джонсъ».

Романъ длиненъ, онъ говоритъ о чуждыхъ ей людяхъ, о давно прошедшей жизни, а въ ея головѣ вертятся мысли: «Какая-то жизнь начнется для меня, если я выйду замужъ?

Кузенъ Пьеръ говоритъ, что онъ жилъ дурно. Я понимаю, что и мама живетъ дурно. Я ненавижу и жизнь Мари. Но какъ же лучше жить?» Томъ Джонсъ не даетъ на это отвѣтовъ.

— Вамъ нравится нашъ чудный Фильдингъ?— спрашиваетъ миссъ Дальтонъ.

— Онъ скученъ,—коротко отвѣчаетъ Юлія Николаевна.

Миссъ Дальтонъ сдвигаетъ брови.

— Имъ восхищалось нѣсколько поколѣній лучшихъ людей Европы,—замѣчаетъ она не безъ ядовитости.

— Я, вѣроятно, принадлежу къ худшимъ людямъ,—грустно улыбается Юлія Николаевна, смотря на величественное выраженіе безобразнаго лица старой дѣвы.

Она уходитъ въ другую комнату, подходитъ къ окну и присаживается на бѣлый мраморный подоконникъ, смотря на улицу, гдѣ снуетъ народъ, гдѣ происходитъ какая-то сцена съ жалкой клячей, не имѣющей силы сдвинуть съ мѣста возъ.

— Julie!—окликаетъ ее сестра.—Что ты дѣлаешь?

— Я? Ничего! Смотрю вотъ на улицу, несчастная лошадь тамъ,—разсѣянно отвѣчаетъ дѣвушка.

— Сойди, пожалуйста, съ окна. Я удивляюсь, что у тебя за привычки!

— А развѣ на окнѣ нельзя сидѣть?—улыбается Юлія Николаевна.

— Я думаю!—отвѣчаетъ Марья Николаевна.

— Отчего, Маша?

— Это не принято

— Да? Но отчего же не принято, Маша?

Марья Николаевна пожимаетъ плечами. Въ сущности, она и сама не знаетъ, почему это не принято, ей даже никто и не говорилъ, что это не принято, но она чувствуетъ, что это не принято, и не можетъ допустить этого въ своемъ домѣ.

— Маша, есть такая книга, гдѣ было бы написано все, все, что прилично и что не прилично, что принято и что не принято?—спрашиваетъ веселымъ тономъ Юлія Николаевна.

— Я думаю, въ насъ самихъ долженъ быть тотъ тактъ, который подсказываетъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ дѣлать,—сухо замѣчаетъ Марья Николаевна.

— Маша, когда-нибудь, хоть въ мои годы, являлось ли у тебя желаніе поступить такъ, какъ не принято, сдѣлать то, что другіе считаютъ неприличнымъ?..

— Ты говоришь глупости!—пожимаетъ плечами Марья

Николаевна.—Мало ли, что дѣлаютъ дѣти, дѣвочки, но чтобы останавливать ихъ—существуютъ бонны, гувернантки...

Но Юлія Николаевна уже не слушаетъ ее.

Солнечные лучи, упавшіе на молодую дѣвушку, или воспоминаніе о первомъ шопотѣ Муратова: «я васъ люблю» согрѣваютъ молодое сердце, и Юлія Николаевна начинаетъ пѣть, ходя по комнатѣ.

— Ты бы сѣла за рояль и спѣла что-нибудь,—замѣчаетъ Марья Николаевна сестрѣ.

— Не хочется, Маша, пѣть!—отзывается Юлія Николаевна.

— Но ты же поешь,—говоритъ сестра.

— Я? Развѣ я пѣла?—удивляется Юлія Николаевна, даже не подозрѣвавшая, что она пѣла вслухъ.

— Ну да, конечно, пѣла,—говоритъ сестра.—Гораздо же лучше сѣсть за рояль и пѣть, если хочется, чѣмъ пѣть ходя...

Юлія Николаевна, вся сіяющая, улыбается и, остановясь передъ сестрой, плутоватымъ тономъ говоритъ:

— Это, вѣрно, опять-таки не принято, Маша?

— Ну да!—разсѣянно отвѣчаетъ сестра.—Это напоминаетъ «дѣвичью»...

Юлія Николаевна хохочетъ.

— Маша, Маша, ты все, точно монахиня съ монастырскимъ уставомъ, съ свѣтскими приличіями возишься! Брось ихъ, забудь ихъ, Маша, когда мы однѣ... Мнѣ жить хочется... всѣмъ жить хочется... Вѣдь и тебѣ хочется жить?.. Да?.. Да?..

Она тормошитъ сестру за плечи.

— Ахъ, оставь меня, пожалуйста!—раздражительно отвѣчаетъ та.—У тебя все еще остались эти институтскія привычки... наивности...

Юлія Николаевна утихаетъ, садится и задумчиво глядитъ на сестру, продолжающую вышивать по канвѣ полосу для церковной лампады.

— Маша, счастлива ты?—спрашиваетъ она вдругъ теплымъ, задушевнымъ тономъ.

— Я? Что за вопросъ!—удивляется Марья Николаевна и пожимаетъ плечами.

— Нѣтъ; ты не счастлива!—уже утвердительно замѣчаетъ Юлія Николаевна.—Счастливыя такъ не могутъ жить!

— Какъ такъ жить?—спрашиваетъ съ удивленіемъ Марья Николаевна.

— Да вотъ такъ, какъ ты!.. Ты вотъ вышиваешь... Почему? Потому что тебѣ скучно... Ты всегда одна, потому что

ты не смѣешь пойти къ мужу, который занятъ дѣломъ, и къ дѣтямъ, потому что у нихъ вѣчно тоже идутъ занятія... Тебѣ не съ кѣмъ говорить, некого любить.

— Что ты выдумываешь?—восклицаетъ Марья Николаевна, опять подергивая плечами.

— Да, да, тебѣ некого любить!—настаиваетъ на своемъ сестра.—Мужъ не любитъ лишнихъ ласкъ, дѣтей ты боишься избаловать ласками, ласкать меня—не прилично, потому что это сентиментальности... мѣщанскія нѣжности... Ахъ, Маша, Маша, я умерла бы отъ такой жизни!.. Да, умерла бы!.. Вотъ мнѣ стало весело—я запѣла, а ты—ты вѣдь не смѣешь запѣть въ своемъ собственномъ домѣ...

Марья Николаевна усмѣхнулась, какъ усмѣхаются въ отвѣтъ на глупость, сказанную ребенкомъ.

— Ты двадцать разъ слышала, какъ я пою,—замѣтила она.

— Да, за роялемъ!.. Нѣтъ, а такъ, безъ рояля, ходя, вѣдь ты не смѣешь запѣть!

— Ахъ, ты начинаешь мнѣ надоѣдать!—немного раздражилась Марья Николаевна.

— Да, не смѣешь!—настойчиво повторила сестра.—Не смѣешь вотъ встать и пойти къ дѣтямъ, обнять, расцѣловать ихъ, потому что миссъ Дальтонъ скажетъ, что это оторветъ ихъ отъ правильныхъ занятій, развлечетъ ихъ, нарушитъ ихъ внимательность... А вѣдь ты тоже мать, Маша!

Марья Николаевна опустила на колѣни вышивку и устремила на сестру сверкнувшіе гнѣвомъ глаза.

— Ты, кажется, намѣренно дразнишь меня,—сдержанно проговорила она.—Ты думаешь, что имѣешь дѣло съ одной изъ своихъ институтскихъ подругъ, которую можно «встравить», какъ вы выражаетесь на вашемъ институтскомъ жаргонѣ! Но ты ошибаешься! Я на тебя смотрю, какъ на глупую и настойчивую дѣвочку.

Марья Николаевна поднялась съ мѣста и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Маша, прости, я тебя огорчила!—проговорила Юлія Николаевна съ навернувшимися на глаза слезами и подошла къ сестрѣ.—Я давно замѣчаю, какъ тебѣ тяжело жить!

Марья Николаевна остановилась при первыхъ словахъ сестры, но конецъ фразы словно обжегъ ее. Она отвела отъ себя сестру движеніемъ руки и проговорила:

— Да, я стала несчастлива съ тѣхъ поръ, какъ ты поселилась у меня.

Она вышла.

Она говорила правду. До сихъ поръ ей не приходила въ голову мысль, что ее задѣла когда-то за живое невнимательность къ ней Муратова, теперь сестра ей сказала: «ты его ненавидишь за то, что онъ никогда не обращалъ на тебя вниманія». До сихъ поръ она никогда не подозрѣвала, что она раба и узница въ своемъ домѣ; теперь сестра ей сказала: «ты несчастна, потому что ты не смѣешь сдѣлать шагу по своей волѣ». До сихъ поръ она не задумывалась о своемъ положеніи, теперь сестра навела ее на эти мысли, и ей было досадно, обидно, больно именно то, что она не могла найти въ себѣ сознанія своего счастія.

Она не имѣла привычки «дуться», потому что, по словамъ ея мужа, это было «мѣщанство», но все-таки за обѣдомъ она не могла говорить съ сестрою. Ее взволновало до глубины души, что сестра, эта дѣвочка, угадала то, чего она старалась не чувствовать, о чемъ она не хотѣла думать, чего она стремилась не замѣчать. Обѣдъ шелъ скучно и вяло, говорилъ только Аносовъ, браня, по обыкновенію, Якова Сухарева, своего брата Жоржа, графа Риво, Муратова и всю золотую молодежь, передавая ея новыя продѣлки. По обыкновенію, онъ ушелъ изъ-за стола ранѣе другихъ.

— Маша, тебѣ пріятно слушать, какъ каждый день бранятъ брата?—спросила Юлія Николаевна.

— Ты опять хочешь вывести меня изъ терпѣнія?—спросила Марья Николаевна, сдерживая свой гнѣвъ.

— Нѣтъ, но я тебѣ хотѣла сказать, что вотъ и мнѣ такъ же непріятно, когда ты бранишь кузена Пьера,—спокойно замѣтила Юлія Николаевна.

— Ужъ не влюблена ли ты въ него?—съ ироніей спросила Аносова.

— Можетъ-быть. Во всякомъ случаѣ, я люблю его, какъ родного.

— Это не дѣлаетъ чести твоему вкусу, — усмѣхнулась Марья Николаевна.

— Да вѣдь и ты, вѣроятно, любила его прежде,—просто отвѣтила Сухарева.

— Я?—съ горячностью спросила Аносова, и по ея лицу разлилась краска.

— Да! Для чего ты отрекаешься отъ этого? Онъ росъ съ тобой, ты звала его кузеномъ. Твой мужъ, вѣрно, разссорилъ васъ. Я, право, не удивилась бы, если бы ты была теперь его женой. Онъ хорошъ, ласковъ, мягокъ, онъ берегъ бы тебя и не третировалъ бы, какъ служанку...

Марья Николаевна не выдержала. Ея лицо сдѣлалось блѣдно, глаза сверкали, грудь дышала тяжело.

— Я тебѣ запрещаю говорить подобныя вещи мнѣ!— почти крикнула она, забывая всѣ приличія. — Я тебѣ запрещаю... не твое дѣло... счастлива ли я... съ кѣмъ бы я была счастлива...

Она судорожно сжала въ рукахъ батистовый платокъ и стиснула зубы. Юлія Николаевна замѣтила на ея глазахъ слезы. Она опустила голову и тихо прошептала:

— Бѣдная Маша!

XIII.

Эта сцена открывала теперь Юліи Николаевнѣ глаза. По крайней мѣрѣ, ей самой такъ казалось. Молодая дѣвушка угадывала причину ненависти сестры къ Муратову. Сестра любила его, сестра была несчастлива тѣмъ, что вышла замужъ не за него, а за Аносова. Молодой дѣвушкѣ вспомнились теперь сцены давно прошедшаго дѣтства, когда молоденькая Маруся и такой же молоденькій кузенъ Пьеръ вмѣстѣ танцовали, вмѣстѣ играли и иногда убѣгали слишкомъ далеко въ глубину сада на дачѣ Сухаревыхъ. Ей вспомнилось, какъ Маруся вышла замужъ за Аносова по предложенію покойнаго отца, грустно говоря, что она боится своего жениха. Ей вспомнилось потомъ, какъ ея и безъ того робкая сестра стала еще пугливѣе послѣ замужества, какъ она стала сторониться отъ кузена Пьера, отъ своего старшаго брата, отъ матери, какъ она говорила ей, Юліи Николаевнѣ, своей двѣнадцатилѣтней сестрѣ, что та ведетъ себя неприлично, что у нихъ, у Сухаревыхъ, въ домѣ ведется глупая и пошлая жизнь, что въ свѣтѣ такъ не принято жить, что ее, дѣвочку, нужно отдать въ институтъ. Далѣе Юлія Николаевна ничего не знала, что дѣлалось въ ихъ домѣ, поселившись въ институтѣ. Когда она вышла изъ института, ее увезли за границу, потомъ... потомъ она встрѣтила кузена Пьера въ домѣ сестры и услыхала отъ сестры, что его не слѣдуетъ звать кузеномъ, что онъ погибшій человѣкъ, что сестра его ненавидитъ.

— Ненавидитъ! Она его любитъ! Она ненавидитъ теперь своего мужа!—рѣшила теперь молодая дѣвушка.

Она шла впотьмахъ, ощупью, дѣлая разные выводы безъ чужой помощи. Насколько она заблуждалась, насколько она была права, — этого не могъ ей сказать никто: одни были такъ же недальновидны и неопытны, несмотря на

свои годы, какъ она; другимъ она не вѣрила; третьи видѣли свою выгоду въ извращеніи передъ нею истины. Добравшись, какъ ей казалось самой, до истинной причины ненависти Марьи Николаевны къ Муратову, Юлія Николаевна отрѣзала сестрѣ возможность освѣтить передъ нею Муратова истиннымъ свѣтомъ. Съ одной стороны, сама Марья Николаевна боялась теперь говорить о немъ, чтобы не услышать отъ сестры: «Ты его еще любишь! ты ревнуешь!» Съ другой стороны, Юлія Николаевна стала бы пропускать мимо ушей все, что могла сказать о немъ ея сестра, «которая его любила сама». Да и что могла ей сказать новаго про Муратова ея сестра? Что онъ кутила, что онъ Донъ-Жуанъ, что онъ губилъ своей любовью женщинъ, что онъ бѣденъ? Но развѣ не грезились уже Юліи Николаевнѣ въ дѣвическихъ снахъ, какъ чудные герои, Онѣгинъ, Печоринъ, Демонъ, Донъ-Жуанъ? И они губили женщинъ, и они вели разсѣянную, бурную жизнь, и ихъ ненавидѣли и проклинали. Но развѣ ихъ образы не обольстительны, развѣ поэты не окружили ихъ сіяніемъ? «Онъ первый коноводъ вездѣ»; «гдѣ онъ, тамъ и веселье»; «его на части рвутъ въ обществѣ»,—вспоминались ей слова матери, слышанныя ею еще въ институтѣ, и она еще болѣе убѣждалась, что онъ принадлежитъ къ числу этихъ натуръ, которыя проносятся надъ обществомъ, какъ кометы. Марья Николаевна могла бы, можетъ-быть, сказать ей, что онъ просто пошлъ и пустъ. Но развѣ она повѣрила бы этому? Не онъ ли откровенно бранилъ пустоту своей жизни, не онъ ли съ грустью замѣчалъ о мелочности жизни Марьи Николаевны и ея мужа? Юлія Николаевна еще не жила, не видѣла людей и не знала, что въ нашъ вѣкъ самый пошлый изъ пошлыхъ людей можетъ сыпать какія угодно фразы, драпироваться въ какую угодно одежду, играть какую угодно роль.

Но, раздумывая о Муратовѣ, Юлія Николаевна все болѣе и болѣе тяготилась тѣмъ, что она его не видитъ, что она о немъ не слышитъ. Ее все болѣе и болѣе тянуло въ домъ матери. Къ несчастію, ея мать уже была у Аносовыхъ два раза и оба раза не застала дочерей дома. Наконецъ, она пріѣхала, когда обѣ дочери были дома. Юлія Николаевна чуть не заплакала отъ радости, увидавъ мать.

— Я поѣду къ тебѣ,—сказала она рѣшительнымъ тономъ.

Марья Николаевна изумилась.

— Помилуй, Julie, нельзя же тебѣ жить то у насъ, то у maman,—возразила она.—Это неудобно и неловко.

Юлія Николаевна взглянула на нее съ улыбкой.

— И неприлично?—добавила.—Но я для тебя же хочу уѣхать къ maman, чтобы ты была нѣсколько счастливѣе.

Марья Николаевна сдвинула брови.

— Ты все глупости говоришь!—проговорила она.

— Нѣтъ, вѣдь ты сама сказала, что ты стала несчастна съ того дня, когда я поселилась у тебя, — отвѣтила Юлія Николаевна.

Генеральша была какъ на горячихъ угольяхъ, чувствуя, что начинается семейная сцена. Но Юлія Николаевна быстро вышла, чтобы одѣться.

— Maman, неужели вы ее возьмете? — спросила Марья Николаевна.

— Ты видишь, ей хочется,—замялась генеральша.

— Она страшно испорчена, капризна и своенравна.

— Юля-то!—воскликнула генеральша.—Что ты, что ты!

— Ахъ, вы ничего не замѣчаете по своей добротѣ,— сказала Марья Николаевна недовольнымъ тономъ.—Ее нужно выправить. Я ей же желаю добра. Съ своимъ характеромъ она не уживется ни съ какимъ мужемъ.

Въ эту минуту явилась Юлія Николаевна, уже совсѣмъ готовая къ отъѣзду.

— Такъ ты все-таки ѣдешь? — спросила Марья Николаевна.

— Да,—отвѣтила Юлія Николаевна.

Марья Николаевна закусила губу: ей представилась сцена, которую сдѣлаетъ ей мужъ, когда узнаетъ объ отъѣздѣ сестры. Въ ея головѣ промелькнула мысль, что она и удерживаетъ сестру у себя не ради своего собственнаго желанія, а изъ страха передъ гнѣвомъ мужа. Эта мысль раздражала ее теперь.

— Я надѣюсь, maman, что вы завтра же завезете ее опять къ намъ, — обратилась она къ матери. — Ей нужно учиться, нужна практика англійскаго языка...

— Хорошо, хорошо!—обрадовалась генеральша мирному окончанію семейной бесѣды и встала.

Черезъ двѣ-три минуты экипажъ старухи Сухаревой уносилъ ея дочь отъ дома Аносовыхъ.

— Я, мама, не поѣду болѣе къ нимъ,—рѣшительно сказала Юлія Николаевна.

— Какъ же такъ? — смутилась и въ то же время обрадовалась мать.

— Просто не поѣду, вотъ и все! Я твоя дочь, я должна

жить у тебя, а не у чужихъ. Что они не довѣряютъ тебѣ, что ли? Я не хочу этого! Всѣхъ только бранятъ... и Жака, и... кузена Пьера...

Юлія Николаевна вдругъ любовно взглянула на мать.

— Мама, онъ былъ? у насъ?—спросила она, улыбаясь.

— Былъ...

— Я ничего о немъ не знала болѣе двухъ недѣль...

— Онъ три раза былъ у Маши и никого не заставалъ дома...

— Гадкіе, гадкіе, они отказывали ему! Они хотятъ, чтобы я не видала его, потому что имъ нужно распоряжаться нашимъ имѣніемъ.

— Юля! — упрекнула ее мать, не любившая толковъ о деньгахъ.

— Да, да, имъ наши деньги нужны,—я это знаю!.. То-есть не имъ, мама, не Машѣ, а ея... медвѣдю!—закончила Юлія Николаевна и захохотала.—Ахъ, мама, какой онъ ворчунъ! Придетъ это къ столу и начинаетъ: «хорошъ вашъ братецъ, опять выдалъ векселей на десять тысячъ и еще устроилъ скандалъ!.. Разбилъ зеркала въ какомъ-то ресторанѣ!.. Точно купеческіе сынки на нижегородской ярмаркѣ!.. Хоть бы фамилію не маралъ...» А самъ, мама, брови этакъ нахмуритъ и надувается, какъ индѣйскій пѣтухъ...

Генеральша уже хохотала. Ей опять было весело слушать болтовню веселаго молоденькаго существа. Она такъ скучала въ эти двѣ недѣли, какъ никогда. Ее даже не смѣшили въ эти дни выходки сына и болтовня заѣзжавшей къ ней Левиной. Но Юлія Николаевна была еще счастливѣе матери: она чувствовала, что она вырвалась на свободу, на настоящую свободу, гдѣ ожидали ее свиданія «съ нимъ».

Муратовъ явился въ тотъ же вечеръ. Юлія Николаевна чуть не бросилась къ нему на шею.

Начались для нея лучшіе дни ея жизни послѣ выхода изъ института: устраивалась ли у матери импровизированная вечеринка съ смѣшаннымъ обществомъ, въ которомъ присутствовали и Левина съ дочерью, и двѣ-три небогатыя подруги Юліи Николаевны, которыхъ отыскала ея мать, и графъ Риво, и младшій Аносовъ, и Сухаревъ, и Муратовъ, оставались ли всѣ члены семьи въ своемъ кругу, при чемъ мать и тетка играли въ пикетъ, а она съ нимъ, съ кузеномъ Пьеромъ, садилась за рояль, играла и пѣла, смѣялась

или читала какой-нибудь новый французскій романъ; бралась ли ложа во французскомъ театрѣ или русской оперѣ и они ѣхали всѣ вмѣстѣ въ театръ, а потомъ за чаемъ толковали о видѣнномъ и слышанномъ; наставалъ ли понедѣльникъ, ихъ абонементный день въ итальянской оперѣ, и она опять сидѣла въ ложѣ, постоянно оборачиваясь къ нему, слыша сзади себя его шопотъ, его дыханіе,—вездѣ и всегда ей было хорошо, хорошо и хорошо, потому что онъ былъ съ нею. Что нравилось ей въ Муратовѣ? Его стройная фигура и красивое лицо съ страстными глазами, съ вьющимися волосами? Его умѣнье задушевно пѣть или умѣнье ловко танцовать? Его оживленная, нѣсколько насмѣшливая свѣтская болтовня или его грустныя, прочувствованныя, искреннія жалобы на свое убитое прошлое? Его умѣнье, вмѣсто благодарности, пожать руку, вмѣсто словъ объясниться глазами, вмѣсто выраженія сожалѣнья вздохнуть? Или, можетъ-быть, ей нравилось въ немъ и то, чего въ немъ не было и что навязывало ему ея воображеніе? Какъ бы то ни было, она любила его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и уже въ ея воображеніи нерѣдко рисовались картины ихъ свѣтлой супружеской жизни.

Но что же это за жизнь? Она этого не знала и передъ ней носился какой-то розовый туманъ, какая-то область свѣта, гдѣ будетъ жить и наслаждаться она любовью своего мужа. Но что такое любовь мужа? Вѣдь и теперь онъ ее любитъ, для чего же онъ стремится поскорѣе жениться на ней, для чего ей самой хочется выйти поскорѣе за него замужъ? Почему въ романахъ всѣ любовники стремятся соединиться узами брака, и, когда соединятся, авторъ обрываетъ романъ? Должно-быть, въ этомъ есть что-то таинственное, что-то непередаваемо-свѣтлое, лучезарное? О, когда онъ скажетъ ей «ты моя жена»,—какъ сильно, сильно забьется у нея сердце, предчувствуя начало новаго блаженства любви. Когда она думала обо всемъ этомъ, въ ней пробуждался и непорочный ребенокъ, и институтка, наслушавшаяся полубезсмысленныхъ толковъ подругъ о любви, и дѣвушка, уже испытавшая какой-то сладкій трепетъ при чтеніи всѣхъ этихъ поэмъ, повѣстей, романовъ, гдѣ любовь ставилась на первый планъ, точно въ ней была вся цѣль жизни, точно ею исчерпывался весь смыслъ общественныхъ отношеній.

Въ обществѣ, между тѣмъ, уже громко начинали говорить, что Муратовъ женихъ Сухаревой. Ихъ видѣли по-

стоянно вмѣстѣ въ ложѣ, ихъ видѣли катающимися въ сопровожденіи старухи Сухаревой по Невскому — этого было довольно для возбужденія толковъ. Всѣ завидовали Муратову и потому всѣ порицали эту партію. Старшій Аносовъ выходилъ изъ себя и дѣлалъ сцены женѣ, хотя изъ этого не выходило никакой пользы. Марья Николаевна не могла ничего подѣлать и сознавала только все яснѣе и яснѣе, что сестра права, называя ее «несчастной». Мало того, въ душу Марьи Николаевны начинало закрадываться сознаніе, что она, Марья Николаевна, дѣйствительно была бы въ тысячу разъ счастливѣе, если бы она была женою Муратова, а не Аносова. Ее начинали больно колоть упреки и выговоры мужа, его вѣчныя и грубыя выходки насчетъ того, что «немудрено, если Жакъ Сухаревъ ведетъ себя безобразно, если старуха Сухарева поступаетъ безтактно, если Жюли начинаетъ открыто вѣтреничать, такъ какъ чего же и ждать отъ семьи людей, играющихъ въ свѣтѣ роль parvenus, чуть не вчера вышедшихъ изъ мужицкаго дома господина Распопова, Протопопова или какъ его тамъ звали вашего дѣдушку».

«Зачѣмъ же онъ на мнѣ женился? — думалось ей. — Онъ говоритъ, что Муратовъ женится на Юліи ради денегъ. А онъ? Развѣ онъ любитъ меня? Развѣ онъ когда-нибудь любилъ меня? Да, сестра права, что я несчастна. Но что же мнѣ дѣлать? Теперь тужить поздно, надо покориться, надо дѣлать то, что ему хочется. Но какъ же исполнить его требованія насчетъ Жюли? Всѣ говорятъ о ея свадьбѣ, и я не могу этого передѣлать, не могу помѣшать свадьбѣ».

А толки все росли и росли. Предметъ былъ интересный: Сухаревыхъ въ столицѣ немного и не толковать о такой невѣстѣ было невозможно! Муратовъ не поддерживалъ ходившихъ толковъ, но и не опровергалъ ихъ: онъ старался рѣже являться въ обществѣ, чтобы дотянуть кое-какъ до свадьбы. Его денежныя средства были плохи, занимать еще у Кречмера онъ боялся, а свадьба была еще далеко: рождественскій постъ еще не кончился.

XIV.

Муратовъ никому не говорилъ о своей приближавшейся женитьбѣ, но онъ думалъ, мечталъ о ней ежедневно.

Мысль о ней сдѣлалась его idée fixe, отъ которой онъ не могъ оторваться, ради которой онъ позабывалъ все остальное. Ему казалось, что эта женитьба должна сразу

его поставить на новый путь, загладить всѣ слѣды его прошлаго. Изъ денегъ жены онъ уплатитъ всѣ свои долги, выкупитъ у Кремчера векселя, даже ссудитъ молодому Аносову деньги на выкупъ векселей этого юноши, могущихъ надѣлать много непріятностей молодому богачу прежде полученія имъ дѣдовскаго наслѣдства. Будущее рисовалось передъ Муратовымъ въ заманчивыхъ краскахъ: мирная семейная жизнь съ молодой женой-красавицей; роскошная обстановка ихъ семейнаго очага; богатство, дающее возможность играть видную роль въ свѣтѣ и сдѣлать карьеру,— вотъ тѣ идеалы, къ которымъ онъ теперь стремился. Онъ, какъ мальчикъ, мечталъ, что онъ будетъ счастливъ и что будутъ счастливы всѣ окружающіе его, что онъ будетъ жить весело, но безъ кутежей, безъ попоекъ, безъ разврата, что онъ не будетъ отказывать себѣ въ комфортѣ, но не будетъ мотомъ, расточителемъ. Ему казалось, что именно такая жизнь и должна быть цѣлью каждаго человѣка, что, достигнувъ ея, человѣкъ достигаетъ высшаго блаженства на землѣ.

Онъ уже теперь предвкушалъ сладость этого блаженства, сидя въ роскошныхъ гостиныхъ сухаревскаго дома, разъѣзжая въ модныхъ экипажахъ своей будущей тещи, сидя въ ея ложѣ около своей будущей жены, сіявшей молодостью, красотою и счастьемъ. Онъ уже теперь говорилъ себѣ, что онъ всталъ на новый путь, не имѣющій ничего общаго со старымъ: онъ говорилъ это потому, что теперь ужиналъ въ обществѣ старухи Сухаревой, своей невѣсты, tante Catiche и тому подобныхъ личностей, а не въ обществѣ Альфонсинъ, Антуанетъ, Камилъ и Пепитъ; онъ говорилъ это потому, что онъ выпивалъ теперь за ужиномъ или за обѣдомъ двѣ-три рюмки столоваго вина въ сухаревскомъ домѣ, а не двѣ-три бутылки шампанскаго въ загородномъ ресторанѣ; онъ говорилъ это потому, что онъ теперь ѣхалъ кататься на тройкѣ съ приличными дамами въ восьмомъ часу вечера, чтобы возвратиться въ одиннадцатомъ часу домой, а не отправлялся изъ берговскаго театра на гульбу въ полночь съ полупьяными юнкерами и кокотками, чтобы быть привезеннымъ домой въ полу-безчувственномъ состояніи на зарѣ. Онъ говорилъ себѣ о новой жизни и вовсе не замѣчалъ, что эта новая жизнь опьяняетъ его точно такъ же, какъ и старая, что по его тѣлу пробѣгаетъ тотъ же знакомый трепетъ животной страсти, когда онъ украдкою сжимаетъ и цѣлуетъ руку своей невѣсты, когда онъ тайкомъ

срываетъ съ ея губъ пугливый поцѣлуй, когда онъ сидитъ въ ложѣ за нею и не спускаетъ разгорающихся отъ сластолюбія глазъ съ ея словно выточенной изъ мрамора шеи и стройныхъ дѣвственныхъ плечъ и груди.

Когда молодой Яковъ Сухаревъ впервые предложилъ своей семьѣ прокатиться по обыкновенію на тройкѣ за городъ на горы, захвативъ и «Сушку», Петръ Павловичъ выразилъ неодобреніе, но когда Сухаревъ сталъ убѣждать, что они поѣдутъ рано и воротятся прежде, чѣмъ соберется на горы другое общество, что они, то-есть онъ, Яковъ Сухаревъ, его мать, tante Catiche, Левина ѣзжали и прежде на подобныя катанья,—Муратовъ согласился, чувствуя сильную потребность катанья за городъ—удовольствія, котораго онъ уже не испытывалъ давно. Впрочемъ, ему казалось, что онъ согласился на предложеніе вовсе не потому, что оно доставляло удовольствіе ему. Нѣтъ, онъ согласился на это потому, что видѣлъ восторгъ Юліи Николаевны, желавшей прокатиться на тройкѣ, представлявшей себѣ это катанье чѣмъ-то особенно интереснымъ, заманчивымъ. Они поѣхали. Онъ сидѣлъ противъ своей невѣсты, онъ любовался ея оживленіемъ, онъ каталъ ее съ горъ; онъ наслаждался, ощущая, какъ крѣпко обвиваютъ его шею ея руки, какъ близко прижалась она къ его спинѣ, какъ она слабо вскрикнула, когда сани начали спускаться. Когда они ѣхали обратно, онъ сидѣлъ рядомъ съ нею, и она, немного озябшая, близко, близко прижалась къ нему; въ темнотѣ онъ обнялъ одною рукою ея станъ, и ему было такъ хорошо.

— Если бы Мари увидала насъ теперь,—шепнула она ему.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только крѣпче прижался къ ней.

— Что, Сушка, сомлѣла отъ восторга?—хохоталъ грубымъ смѣхомъ Яковъ Сухаревъ.—Погоди еще, поживешь—погуляешь! У Мари теперь ужъ почивала бы сномъ праведницы послѣ проповѣди кислой настоятельницы семейнаго монастыря.

Ни Муратовъ, ни Юлія Николаевна ничего не отвѣчали. Они подъ полостью саней пожимали другъ другъ руки.

— Поѣдемъ прокатиться вдвоемъ,—приглашалъ Муратовъ Юлію Николаевну въ одинъ изъ звѣздныхъ, ясныхъ зимнихъ вечеровъ.

— На чемъ же? Какъ?—спрашивала она.

— Возьмемъ у брата одного изъ его рысаковъ.

— А мама?

— Что-жъ, ты думаешь, что она не позволитъ?

Рысакъ былъ отданъ въ распоряженіе молодыхъ людей, мать ничего не имѣла противъ ихъ затѣи, такъ какъ Мари и ея мужъ узнать объ этомъ не могутъ, а все остальное очень мало заботило генеральшу. Генеральша въ молодости столько разъ въ жизни сама каталась по вечерамъ съ своимъ женихомъ! Да и съ кѣмъ она не каталась! Она, можетъ-быть, даже жалѣла, что дѣло происходило въ посту и что, вслѣдствіе этого, Муратовъ не могъ «похитить» Юліи Николаевны и обвѣнчаться съ ней тайно во время этой прогулки. Для Юліи Николаевны открывалось новое наслажденіе мчаться въ морозномъ воздухѣ, въ звѣздный вечеръ вдвоемъ «съ нимъ», болтать о чемъ попало, чувствовать, какъ захватываетъ духъ отъ быстрой ѣзды, какъ его рука придерживаетъ ее за талью, какъ близко сидитъ онъ къ ней на узенькихъ санкахъ, какъ онъ порой заглядываетъ съ улыбкой въ ея глаза, наслаждаясь ея счастьемъ. Петръ Павловичъ тоже испытывалъ тѣ ощущенія, которыхъ онъ уже не испытывалъ давно, къ которымъ онъ привыкъ съ дѣтства, безъ которыхъ въ послѣднее время ему было иногда какъ-то не по себѣ. Близость молодого женскаго существа, возможность обвивать рукою этотъ станъ, придерживая свою спутницу, страстный шопотъ любви,—все это волновало, опьяняло, отуманивало его. Возвратившись въ свою квартиру послѣ этой прогулки, онъ бросился на постель и страстно мечталъ о томъ, какъ онъ обожаетъ, какъ онъ любитъ свою невѣсту, какъ хороша она съ разгорѣвшимися отъ морознаго воздуха и страсти щеками, какъ строенъ ея молодой дѣвственный станъ, какъ много наслажденій и счастія обѣщаетъ она ему въ будущемъ. Передъ нимъ мелькали заманчивыя и обольстительныя картины, которыми онъ упивался, какъ давно голодающій обжора, представляющій себѣ тонкій гастрономическій обѣдъ. Онъ не могъ теперь прожить дня, не видавъ ея; онъ искалъ случая побыть съ нею подольше вдвоемъ и долго, долго цѣловать ея руки, мягкія ладони этихъ рукъ, розовые пальчики этихъ рукъ. Разъ какъ-то онъ нагнулся за упавшею книгою, сталъ на колѣни, припалъ къ рукѣ Юліи Николаевны и долго не могъ подняться съ пола, долго не могъ оторвать губъ отъ этой руки. Она сіяла счастьемъ, она чувствовала, что онъ обожаетъ ее, и довѣрчиво отдавалась его ласкамъ, которыя будили въ ней какія-то новыя ощущенія, вызывали радужныя улыбки на ея лицо, заставляли ее улыбаться во снѣ, мечтать по цѣлымъ часамъ по утру въ постели,

откуда ей теперь иногда не хотѣлось подняться, гдѣ хотѣлось ей понѣжиться, полѣниться среди туманныхъ, полуфантастическихъ грезъ. Она уже искала, подобно ему, случая остаться съ нимъ безъ свидѣтелей, читая книгу, обрывать ее на полусловѣ увѣреніями въ любви, разговаривая съ нимъ, припасть головкой къ его плечу.

— Кузенъ, сегодня мы поѣдемъ кататься?—спрашивала она его уже сама.

И они ѣхали на тройкѣ съ обществомъ родныхъ и знакомыхъ или на узенькихъ санкахъ вдвоемъ. Она не сдерживала себя съ нимъ, она была смѣла съ нимъ, какъ бываютъ смѣлы дѣти, играющія въ шаткомъ челнокѣ, срывая въ рѣчонкѣ красивыя головки кувшинокъ; онъ не сдерживался съ нею, потому что вовсе не сознавалъ необходимости сдерживать и скрывать свою любовь, какъ онъ называлъ свое чувство къ ней.

Такъ проходили дни за днями среди театровъ, катаній, пѣнія романсовъ, чтенія романовъ. Это было что-то одурѣющее понемногу, что-то наркотическое, глотаемое по каплѣ, безъ перерыва, безъ устали, безъ оглядки. Однажды среди этой жизни, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго вмѣстѣ съ Юліей Николаевной, Петръ Павловичъ пригласилъ ее вечеромъ кататься. Это было 14 декабря. Въ прежніе годы Петръ Павловичъ устраивалъ у себя въ этотъ день пиръ, празднуя годовщину своего рожденія. Теперь онъ даже не напомнилъ никому объ этомъ днѣ. Но Яковъ Сухаревъ вспомнилъ объ этомъ во время обѣда и, придравшись къ случаю, приказалъ подать шампанскаго. Всѣ поздравили Петра Павловича.

— Хорошъ, хорошъ, даже и не намекнулъ, что у него сегодня праздникъ,—говорила генеральша.—Я бы хоть гостей позвала, вечеринку устроила бы...

— Для чего напоминать о томъ, что хочется позабыть,—проговорилъ Муратовъ.—Этотъ день я проводилъ прежде такъ глупо, такъ пошло, что мнѣ не хотѣлось и вспоминать о немъ нынче.

— Да, глупо!—воскликнулъ Сухаревъ. — Вѣрьте ему! Прошлаго года мы такой кутежъ въ этотъ день задали, что просто любо-дорого!

— Эти-то кутежи я и называю глупыми и пошлыми,—отвѣтилъ Муратовъ.—Слава Богу, что нынче удалось обойтись безъ всего этого.

— Ну, братъ, ты нынче что-то на Николая Аносова на-

чинаешь смахивать,—засмѣялся Сухаревъ.—Тебѣ бы только жениться; какъ разъ время сдѣлаться благочестивымъ отцомъ семейства.

— Я этого только и хочу,—отвѣтилъ Муратовъ, бросая съ улыбкою взглядъ на Юлію Николаевну.

— Ну, такъ выпьемъ за твое будущее супружеское счастье,—предложилъ тостъ Сухаревъ.

— Да, да, за твое будущее счастье!—повторила весело генеральша.

Бокалы снова наполнились и осушились. Тотчасъ послѣ обѣда пріѣхала Левина. Сухаревъ велѣлъ подать еще шампанскаго, началась оживленная болтовня, и только часовъ въ девять Сухаревъ вспомнилъ, что ему нужно ѣхать. Левина, генеральша Сухарева и tante Catiche усѣлись играть въ ералашъ съ болваномъ. Муратовъ и Юлія Николаевна остались вдвоемъ.

— Я радъ, что я кончаю день моего рожденія вдвоемъ съ тобою,—страстно шепталъ раскраснѣвшійся Муратовъ Юліи Николаевнѣ.—Это, можетъ-быть, предвѣщаетъ, что мы отнынѣ всегда будемъ вмѣстѣ, вдвоемъ...

Онъ нѣжно заглядывалъ ей отуманеннымъ взоромъ въ глаза и цѣловалъ ея руки.

— Поѣдемъ прокатиться!—предложилъ онъ.

— Хорошо,—отвѣтила она.

Черезъ полчаса они уже неслись на узенькихъ санкахъ въ темнотѣ зимняго вечера.

— Да, никогда не проводилъ я этого дня такъ мирно и никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь,—шепталъ Муратовъ, крѣпко обвивая станъ своей спутницы —Ты, и только ты виновница этого счастья. Въ былыя времена у меня собиралась въ этотъ день наша кутящая молодежь, ей задавалъ я пиръ, а сегодня я если бы и хотѣлъ имѣть кого-нибудь въ своемъ углѣ, такъ это тебя. Если бы ты была тамъ, мнѣ хоть на минуту показалось бы, что ты уже моя жена, моя хозяйка.

Они ѣхали мимо Гороховой.

— Вотъ и мой домъ, моя убогая холостая квартира,—тихо проговорилъ Муратовъ.—Если бы... Да нѣтъ, я не смѣю и просить тебя взглянуть хоть на минуту на мой уголокъ... Тамъ не мало пережито горя, но счастья—нѣтъ, счастья тамъ никогда не было...

Онъ грустно вздохнулъ и заглянулъ ей въ лицо такимъ нѣжнымъ, такимъ молящимъ взглядомъ.

— Ты хочешь, чтобы я побывала у тебя въ гостяхъ?— шепнула Юлія Николаевна, взглянувъ на него ясными, довѣрчивыми глазами.—Отчего же нѣтъ?... Мы на минутку, на одну минутку... Мы не опоздаемъ домой?..

— Нѣтъ!.. Долго ли заѣхать!—отвѣтилъ онъ.

Ей хотѣлось сдѣлать ему это удовольствіе, подарить ему этотъ подарокъ; ей было даже любопытно взглянуть на его уголокъ. Она вѣдь никогда не видала, какъ онъ живетъ. Онъ быстро приказалъ кучеру вернуться назадъ и пожалъ ей съ благодарностью руку. Сани остановились у подъѣзда. Молодые люди быстро поднялись по лѣстницѣ и подошли къ квартирѣ, гдѣ жилъ Муратовъ.

— А тамъ никого нѣтъ?—спросила Юлія Николаевна, прежде чѣмъ Муратовъ позвонилъ.

— Кому же у меня быть?—отвѣтилъ онъ.

Горничная отворила дверь, и Юлія Николаевна вошла съ Петромъ Павловичемъ въ его гостиную. Онъ торопливо зажегъ свѣчи.

— Ну, здравствуй, моя невѣста, моя жена, моя хозяйка,— проговорилъ онъ ей, цѣлуя ея руки и снимая съ нея теплое, ловко охватывавшее ея талію бархатное пальто.— Теперь у меня праздникъ вполнѣ, первый хорошій праздникъ въ жизни...

Онъ снова цѣловалъ ея руки.

— А у тебя здѣсь мило,—съ дѣтскимъ любопытствомъ осматривала она комнату.—А тутъ что? Это твой кабинетъ?

— Да, и кабинетъ, и спальня... Присядь же, не уноси покоя,—сказалъ онъ, усаживая ее на маленькую оттоманку.

Онъ присѣлъ возлѣ нея и любовался ею. Въ его глазахъ стоялъ какой-то свѣтлый туманъ.

— Хорошая, ненаглядная моя, если бы ты знала, какъ я люблю тебя!—шепталъ онъ, страстно сжимая ее въ объятіяхъ.—Я до сихъ поръ не зналъ, что значитъ любовь, что значитъ счастье. Ты мнѣ дала все, все... А ты? Хорошо тебѣ со мною, вдвоемъ, вдали отъ всѣхъ?

— Да,—тихо прошептала она, склонившись къ нему на плечо.

Она о чемъ-то размечталась, она думала, что вотъ такъ они будутъ сидѣть вдвоемъ, когда они обвѣнчаются, тихо и хорошо будетъ имъ, никто не придетъ помѣшать ихъ счастью, некого имъ будетъ бояться, не нужно имъ будетъ обманывать другихъ, что они принадлежатъ другъ другу. А онъ все болѣе и болѣе горячо цѣловалъ ее, шепталъ

какія-то рѣчи, полныя любви и счастья. Какія-то новыя ощущенія проснулись въ ней. Она забылась, она забыла, что пора ѣхать домой, пригрѣтая послѣ мороза его объятіями, его ласками.

— Жена моя, чудная моя жена, теперь никому не уступлю я тебя!—страстно шепталъ онъ и крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

Въ эту минуту послышались голоса въ сосѣдней комнатѣ.

— Сюда идутъ?—съ испугомъ прошептала, очнувшись отъ забытья, Юлія Николаевна и широко открыла глаза, точно спросонокъ.

— Нѣтъ, это сосѣди, Богъ съ ними,—разсѣянно проговорилъ онъ и еще болѣе страстно сжалъ ее, покрывая поцѣлуями ея шею.

Говоръ въ сосѣдней комнатѣ не умолкалъ.

— Поѣдемъ!—шептала она.

— О, погоди! Я не могу оторваться отъ тебя!—воскликнулъ онъ, и она почувствовала, что она не можетъ подняться, освободиться отъ его объятій.—Что намъ за дѣло до людей, до всего міра! Развѣ мы не мужъ и жена передъ Богомъ?.. Чего намъ стыдиться? Кого намъ бояться? Теперь уже ничто и никто не разлучитъ насъ, и мы имѣемъ право не на одни робкіе поцѣлуи, данные тайкомъ, украдкою... Мы можемъ любить другъ друга открыто, передъ всѣмъ міромъ... Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело сдерживать себя съ тобою, подавляя свою страсть... И для чего эта сдержанность? Любовь приходитъ только разъ въ жизни и нужно ловить эти свѣтлыя мгновенія...

Въ сосѣдней комнатѣ вдругъ раздался громкій смѣхъ.

— Они слышатъ... слышатъ... они надъ нами!—прошептала дрожащимъ отъ стыда и слезъ голосомъ Юлія Николаевна и вдругъ взглянула въ лицо Муратова: оно было совершенно не такимъ, какимъ она привыкла его видѣть; чисто-животная страсть преобразила выраженіе этихъ глазъ; въ этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ выражалась теперь не млѣющая нѣжность, но что-то дикое, деспотическое, необузданное; его губы не слагались въ мягкую улыбку, но были полуоткрыты и изъ нихъ вылетало тяжелое дыханіе.

— Я не отпущу тебя, не отдамъ тебя!—задыхающимся голосомъ говорилъ онъ.

Юлія Николаевна почувствовала, что онъ обвилъ ее, какъ желѣзнымъ кольцомъ, своими руками, прижался къ ней своимъ тѣломъ...

А въ сосѣдней комнатѣ смѣялись еще громче.

— Не надо... не надо... пусти!—быстро рванувшись, освободилась отъ Муратова Юлія Николаевна и, шатаясь, бросилась къ окну, чтобы скрыть свои слезы.

Муратовъ очнулся отъ сильнаго движенія, сдѣланнаго дѣвушкою, и смутился. Онъ чувствовалъ, что онъ дѣйствовалъ въ опьянѣніи, что онъ поступилъ гнусно, что въ немъ проснулся опять прежній развратникъ. Онъ не сразу собрался съ духомъ, чтобы подойти къ Юліи Николаевнѣ, и стоялъ съ опущенной головой, смотря исподлобья на молодую Сухареву, стоявшую лицомъ къ окну. Онъ видѣлъ, какъ нервно вздрагивали ея плечи, какъ торопливо отирала она платкомъ свои глаза; онъ слышалъ, какъ она тихо всхлипывала, старалась подавить свои слезы. Наконецъ, онъ рѣшился подойти къ ней. Она очнулась при звукѣ его шаговъ и, быстро обернувшись, испуганно прошептала:

— Домой!.. Ради Бога домой!..

Она не смѣла теперь поднять на него глаза, она стыдилась теперь его.

Черезъ двѣ-три минуты они выходили изъ его квартиры; Юлія Николаевна шла, опустивъ глаза въ землю, стыдясь и горничной, отворявшей дверь, и швейцара, стоявшаго на подъѣздѣ, и кучера, подъѣхавшаго къ подъѣзду. Молодые люди молча сѣли въ сани. Муратовъ не рѣшался даже придержать, по обыкновенію, ее за талью, не рѣшался заговорить съ ней. Они быстро доѣхали до дома Сухаревыхъ. Юлія Николаевна прошла въ свою спальню.

— Барышня, чай уже поданъ,—сказала ей горничная.

— Я не пойду къ чаю... Я озябла... напьюсь здѣсь и лягу,—отвѣтила Юлія Николаевна.

Горничная сообщила объ этомъ генеральшѣ.

— Еще бы не озябнуть, столько времени ѣздила,—отвѣтила генеральша.—А это ты все, поди-ка, чуть не до Ташкента продралъ,—замѣтила генеральша Муратову.—Уши бы тебѣ надрать слѣдовало...

— Ахъ, ужъ ихъ не исправить,—захохотала Левина.—Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить...

Муратовъ молчалъ и былъ насмуренъ. Онъ злился на себя. Тотчасъ послѣ чаю онъ уѣхалъ домой.

Юлія Николаевна не спала почти всю ночь. Ей вспомнились всѣ мелочи этого вечера. Хорошо ли она дѣлала, что рѣшилась кататься съ кузеномъ Пьеромъ вдвоемъ? Мари

вѣрно не поѣхала бы вдвоемъ съ своимъ женихомъ, не пустила бы и ее на подобныя катанья. Только здѣсь, въ домѣ ея матери, и сама мать, и братъ Яковъ, и всѣ остальные смотрѣли легко на эти отношенія! Но она, Юлія Николаевна, должна бы смотрѣть посерьезнѣе на эти отношенія, ее столько разъ предостерегали противъ кузена Пьера, она въ сущности мало его знаетъ и должна бы держать себя съ нимъ покуда иначе. Она увлеклась любовью къ нему, она слишкомъ довѣрилась ему. И какъ она рѣшилась зайти къ нему, къ жениху, къ холостому человѣку, на квартиру? Что скажутъ объ этомъ кучеръ, горничная, швейцаръ, за кого сочтутъ ее? Какъ она прежде не подумала объ этомъ? Онъ такъ нѣжно просилъ ее посѣтить его. Съ какою цѣлью? Ну да, онъ любитъ ее и ему хотѣлось видѣть ее у себя. Но зачѣмъ же онъ такъ воспользовался ея легкомысліемъ? Она вздрогнула, вспомнивъ выраженіе его лица, его глазъ, когда онъ обнялъ ее, и ей стало жутко и страшно. Неужели это было выраженіе любви? Развѣ она глядѣла на него когда-нибудь такъ, а вѣдь она его любитъ. Нѣтъ, это не выраженіе любви, это что-то другое. Но что же? Неужели ей придется еще когда-нибудь увидѣть его въ такомъ видѣ? Онъ смотрѣлъ на нее такъ, точно онъ готовъ былъ силой приковать ее къ мѣсту, точно онъ хотѣлъ ей приказать не шевелиться, не возражать, не говорить. О, какъ ей страшно, какъ скверно! Но она поступила, какъ вѣтреная и неопытная дѣвочка, поѣхавъ къ нему, а онъ— вѣдь онъ опытенъ, онъ могъ все предвидѣть, онъ предвидѣлъ все это... Зачѣмъ же онъ везъ ее къ себѣ?.. Ей вспомнился внезапно смѣхъ въ сосѣдней комнатѣ. Они все слышали, они смѣялись надъ ней, они считаютъ, что у Муратова была одна изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ такъ часто говорятъ ея братъ, Аносовъ, Риво, Броницынъ. Можетъ-быть, онъ и ей говорилъ все то же, что говорилъ этимъ женщинамъ, можетъ-быть, онъ обнималъ ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обнималъ ихъ, можетъ-быть, онъ и любитъ ее тою же любовью, какою любилъ ихъ? А смѣхъ все звенѣлъ и звенѣлъ въ ея ушахъ. И кто были эти люди? Можетъ-быть, они знаютъ ее? Они могли ее узнать по рысаку и кучеру ея брата. Они, можетъ-быть, потому такъ и смѣялись. Они могутъ разсказать объ этомъ всѣдѣ... Господи, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ! Какъ она взглянетъ завтра на него? Нѣтъ, она не рѣшится поднять на него глазъ... Вотъ теперь бы уѣхать къ Мари на нѣкоторое время, чтобы позабыть все!..

Ея думамъ не было конца, не было исхода. Она и плакала, и краснѣла, и блѣднѣла, припоминая поразившее ее обстоятельство. На слѣдующій день она выглядѣла утомленною и печальною.

XV.

— Что ты, дѣвочка, нездорова?—спросила мать за завтракомъ.

— Нѣтъ, простудилась, должно-быть, немного... Пустяки!—отвѣтила дочь.

— Не попросить ли доктора?—замѣтила генеральша.

— Ахъ, нѣтъ, не надо... Для чего лѣчиться изъ-за пустяковъ...

— У меня есть отъ простуды гомеопатическія лѣкарства,—замѣтила tante Catiche.—Алопатамъ не слѣдуетъ довѣрять. Они готовы вливать лѣкарство бочками и только вредятъ. Это я уже сколько разъ испытала.

— Нѣтъ, тетя, я обойдусь и безъ алопатовъ, и безъ гомеопатовъ.

Въ эту минуту семейнаго совѣта пріѣхала Марья Николаевна.

— Что это у васъ за разсужденія о докторахъ? — спросила она, здороваясь со всѣми.—Нездоровъ кто-нибудь?

— Да, Юля немного простудилась,—отвѣтила генеральша.

— Да, ты смотришь блѣдною и утомленною,—сказала Марья Николаевна, бросивъ взглядъ на сестру.—Гдѣ же простудилась?

— Каталась, вотъ и простудилась,—замѣтила генеральша.

— Да, кстати, о катаньѣ,—замѣтила Марья Николаевна.—Что это, maman, вы наняли Муратова, чтобы онъ всюду сопровождалъ васъ?

Генеральша не сразу нашла отвѣтъ.

— Васъ вездѣ видятъ съ нимъ и какіе-то злые языки говорятъ, что видѣли даже разъ вечеромъ Julie съ нимъ вдвоемъ,—продолжала Марья Николаевна.—Я васъ должна предупредить, что все это компрометируетъ Julie. Или онъ уже объявленный ея женихъ? Впрочемъ, и въ такомъ случаѣ прогулки вдвоемъ болѣе чѣмъ странны...

Генеральша сидѣла, какъ на горячихъ угольяхъ.

— Ты, Маша, угадала, — отвѣтила тихо Юлія Николаевна.—Я выхожу за него замужъ...

— Какъ?—воскликнула Марья Николаевна.—Выходишь

за него замужъ, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, не объявивъ никому объ этомъ?

— Да это никого и не касается кромѣ меня и его,— отвѣтила Юлія Николаевна.

— Это касается чести нашей фамиліи!—горячо возразила Марья Николаевна.—Теперь ходятъ Богъ знаетъ какіе слухи и предположенія, потому что никто не знаетъ ничего опредѣленнаго. Мнѣ приходится краснѣть и смущаться, когда меня спрашиваютъ объ отношеніяхъ Муратова къ тебѣ, такъ какъ я не могу ничего отвѣтить положительнаго.

— Теперь ты можешь не краснѣть и не смущаться, такъ какъ я тебѣ сказала свое рѣшеніе,—отвѣтила Юлія Николаевна.

— Ахъ, пожалуйста, не думай, что этимъ и кончается вопросъ о тебѣ!—воскликнула Марья Николаевна.—Мнѣ все равно придется краснѣть за тебя, когда мнѣ будутъ разсказывать, какъ ты ведешь себя въ отношеніи жениха. Невѣста, разъѣзжающая вдвоемъ съ женихомъ по вечерамъ— это мило! Я удивляюсь вамъ, maman, какъ вы допустили все это, какъ вы позволили ей такъ сблизиться, какъ вы согласились на ея бракъ съ нимъ, какъ вы могли все это скрыть отъ меня, отъ моего мужа.

— Мама ни на что не соглашалась,—быстро замѣтила Юлія Николаевна, прежде чѣмъ генеральша собралась съ духомъ отвѣтить.—Мама только разъ и навсегда сказала мнѣ, что я могу выйти замужъ за того, кто мнѣ понравится. Мнѣ понравился кузенъ Пьеръ и я выхожу за него, о чемъ и говорю теперь и тебѣ, и maman.

Марья Николаевна взглянула на мать, желая узнать, знала ли та обо всемъ этомъ прежде. Но генеральша, растерянная и смущенная, выглядѣла такъ, какъ будто и ее ошеломила эта новость.

— Julie, ты еще ребенокъ и тебя не трудно увлечь какому-нибудь Муратову,—горячо заговорила Марья Николаевна. — Онъ обманывалъ и болѣе опытныхъ женщинъ. Ему ничего не стоитъ сказать, что онъ никогда еще не любилъ никого до встрѣчи съ тобою, что только ты открыла ему, что значитъ чувство святой любви, что твой отказъ будетъ для него смертнымъ приговоромъ, что въ твоихъ рукахъ его жизнь и его смерть. Ложь ему ничего не стоитъ.

— Я не имѣю покуда, Маша, никакого права подозрѣвать его во лжи,—тихо отвѣтила Юлія Николаевна, сму-

щенная тѣмъ, что сестра угадала все то, что дѣйствительно говорилъ ей Муратовъ.

— Не имѣешь права?—воскликнула Марья Николаевна.— Да развѣ такъ любятъ? Развѣ любящій человѣкъ не охранитъ дѣвушку отъ злословія, отъ разныхъ faux pas, отъ невольныхъ промаховъ неопытности? Развѣ любящій человѣкъ, знающій хорошо свѣтъ и условія свѣтской жизни, сталъ бы компрометировать дѣвушку до гласнаго объявленія о ея бракѣ съ нимъ? Развѣ онъ позволилъ бы себѣ пригласить ее кататься съ нимъ вдвоемъ, зная, что это не укроется отъ чужихъ глазъ и наброситъ на нее тѣнь, возбудитъ подозрѣнія? Нѣтъ, нѣтъ, такъ не любятъ! Но ему это нужно, чтобы добыча не выскользнула изъ рукъ, чтобы отступленіе для нея стало невозможнымъ. Чтобы сдѣлать это, онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ! Берегись, Julie, онъ еще добьется не того, онъ отыщетъ случай, чтобы погубить тебя окончательно. Тогда, конечно, ты будешь вполнѣ въ его рукахъ, ты волей-неволей будешь должна выйти за него замужъ...

Юлія Николаевна, вся блѣдная и дрожащая, слушала слова Марьи Николаевны безмолвно; эти слова напомнили ей о томъ, что она передумала ночью послѣ вчерашней сцены. Марью Николаевну испугали и смутили блѣдность и смущеніе сестры; какія-то зловѣщія, чисто женскія подозрѣнія и предчувствія пробудились въ ея душѣ.

— Нѣтъ, Julie, ты должна подумать, отказаться отъ него, покуда еще не поздно, покуда еще возможно,—сказала она.— Ты знаешь, что я желаю тебѣ добра, что я говорю это изъ любви къ тебѣ.

— Этого нельзя,—отрицательно покачала головой Юлія Николаевна.

— Нельзя? — вырвался изъ груди Марьи Николаевны вопросъ, походившій на слабый крикъ испуга.

Юлія Николаевна встала.

— Ты, Маша, слишкомъ поздно начала говорить мнѣ о своей любви ко мнѣ,—съ горькой ироніей отвѣтила Юлія Николаевна.—Можетъ-быть, если бы я прежде знала, что ты любишь меня, я не искала бы любви перваго встрѣчнаго ласковаго человѣка. А ты вѣдь всегда говорила только, что я капризная дѣвчонка, что я дѣлаю тебя несчастною, что я... Нѣтъ, Маша, ты опоздала со своими признаніями въ любви... Теперь я выхожу за Муратова и не могу не выйти за него...

— Не можешь? Почему? Ради Бога, скажи, что случилось?—взволновалась Марья Николаевна.

Юлія Николаевна бросила на нее ироническій и грустный взглядъ.

— Ничего особеннаго... Только ты же сама сказала, что всѣ уже говорятъ о моихъ вечернихъ катаньяхъ съ нимъ,—отвѣтила она.—Можетъ-быть, скоро будутъ говорить о моихъ визитахъ къ нему... мало ли о чемъ могутъ говорить... могутъ назвать падшей дѣвушкой... вѣдь у васъ тамъ, въ свѣтѣ, такіе зоркіе глаза, такіе злые языки...

Юлія Николаевна, едва сдерживая рыданія, вышла изъ столовой. Марья Николаевна стояла, какъ пораженная громомъ. Ея женское воображеніе быстро создало самую мрачную картину паденія сестры. Она почти не сомнѣвалась теперь въ томъ, что Муратовъ привелъ въ исполненіе хитро задуманный имъ планъ. Ей стало страшно.

— Что это все значитъ? Я рѣшительно ничего не понимаю!—наконецъ проговорила она, обращаясь къ матери.—Объясните мнѣ, что тутъ у васъ дѣлается.

— Я не знаю, что тебѣ объяснять,—замѣтила растерявшаяся отъ всей предшествовавшей сцены генеральша.—Ты слышала, кажется, что она полюбила Муратова и хочетъ выйти за него замужъ...

— Но вѣдь это невозможно! этого нельзя допустить!—съ волненіемъ проговорила Марья Николаевна.—Неопытная дѣвочка увлеклась первымъ встрѣчнымъ, но ей нужно разъяснить, что это за человѣкъ, что ее ждетъ въ будущемъ... Ахъ, Богъ мой, этого ничего не случилось бы, если бы она жила у меня, а не у васъ... Да нѣтъ, это все надо поправить, надо разстроить эту свадьбу!..

— Не поздно ли?—простодушно замѣтила Сухарева.

Марья Николаевна бросила на мать испуганный взглядъ.

— Развѣ и вы что-нибудь подозрѣваете?—торопливо спросила она.—Меня поразило выраженіе лица Julie, ея слова такъ странны, она въ такомъ возбужденномъ состояніи... Я просто теряюсь, неужели онъ успѣлъ настолько завлечь ее, что отступленіе уже невозможно?.. Скажите, вы отпускали ее съ нимъ когда-нибудь одну?..

Генеральша, совсѣмъ смутившаяся, не знала, что отвѣтить.

— Я, право, не понимаю, изъ-за чего ты такъ волнуешься,—проговорила она, не отвѣчая на вопросъ дочери.—Муратовъ нисколько не хуже другихъ, и если Юля любитъ его, то и пусть выходитъ за него. Съ кѣмъ она будетъ

счастлива или несчастлива—впередъ трудно сказать. Я мѣшать ея свободѣ не буду. Не мѣшала же я тебѣ выйти за Nicolas, хотя особеннаго расположенія я сама не чувствовала къ нему, да и онъ едва ли хоть сколько-нибудь привязанъ ко мнѣ...

— Вы сравниваете Nicolas съ какимъ-то негодяемъ!— запальчиво воскликнула Марья Николаевна.

— Ну, это еще вопросъ, негодяй ли Муратовъ. Онъ просто кутила, какъ и вся нынѣшняя молодежь... Впрочемъ, что говорить о томъ, что уже сдѣлано.

Генеральша поднялась съ мѣста.

— Ты меня извини, мнѣ сегодня непремѣнно нужно выѣхать утромъ,—сухо сказала она дочери и простилась съ ней.

Генеральшѣ хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ Марьи Николаевны, потому что она не знала, что говорить, какъ отстаивать Юлію Николаевну, какъ оправдывать себя. Но если генеральша чувствовала себя въ самомъ скверномъ положеніи, то Марья Николаевна чувствовала себя еще хуже. Она рѣшительно не знала, какъ она объяснитъ своему мужу всю эту исторію, что онъ прикажетъ ей дѣлать, какъ станетъ ее упрекать и бранить. Она пріѣхала домой разстроенная и блѣдная. Мужъ явился къ обѣду.

— Ты была у своей матери?—спросилъ онъ.

— Была,—отвѣтила она.

— Сестру не привезла?

— Нѣтъ.

— Но ты говорила имъ о слухахъ, которые ходятъ въ городѣ?.. Я сегодня опять слышалъ чортъ знаетъ что...

— Говорила...

— Ну, и что же?

Марья Николаевна едва переводила духъ. Наконецъ, она собралась съ силами и сказала:

— Julie рѣшилась выйти замужъ за Муратова...

— Что-о?—проговорилъ Аносовъ, сдвигая брови.—Выйти замужъ за этого шалопая? Да кто ей позволитъ? Этого никогда не будетъ. Ты завтра же поѣдешь къ матери и привезешь сюда сестру.

— Она не поѣдетъ.

— Я тебѣ говорю, что ты должна ее привезти сюда! Или и ты желаешь этого брака? Этого только недоставало! Впрочемъ, именно тебѣ я и обязанъ тѣмъ, что твоя сестра выходитъ замужъ за этого мерзавца. Ты не умѣла повліять на нее, подчинить ее себѣ. Но теперь ты должна разстроить

этотъ бракъ. Мы должны помѣшать ему,—слышишь: должны!

Марья Николаевна пугливо взглянула на мужа.

— Я думаю, не поздно ли теперь,—тихо замѣтила она.—Дѣло, кажется, зашло слишкомъ далеко...

— Что-о?—хмуро спросилъ Аносовъ, зорко взглянувъ на жену.—Дѣло зашло слишкомъ далеко? Милая семейка, гдѣ сынъ-молокососъ наводитъ въ домъ своей матери всякую сволочь изъ мужчинъ и женщинъ, гдѣ дочь-дѣвчонка заводитъ шашни съ первымъ попавшимся мерзавцемъ! Это отлично, это превосходно! Сухаревы и безъ того сдѣлались уже сказкой города... Но я вамъ долженъ замѣтить одно: если бы дѣло зашло даже дальше, чѣмъ вы предполагаете, то и тогда этотъ бракъ надо разстроить. Пусть лучше она всю жизнь просидитъ въ дѣвкахъ, чѣмъ выйдетъ замужъ за Муратова. Я этого не хочу, я этого не могу допустить. Я знаю его цѣли и планы: ему хочется посчитаться со мною, только это ему не удастся... никогда не удастся...

Аносовъ въ волненіи бросилъ на столъ салфетку, всталъ изъ-за стола и зашагалъ по комнатѣ, потирая руки.

— Да, но что же дѣлать?—спросила Марья Николаевна.

— Надо затянуть, отсрочить свадьбу, и тогда ея не будетъ вовсе,—отвѣтилъ мужъ.—Муратовъ виситъ на волоскѣ, онъ не проживетъ и полугода, у него долговъ больше, чѣмъ волосъ на головѣ; я увѣренъ, что есть фальшивые векселя... Затянуть свадьбу—и конецъ весь, тогда бояться нечего. Надо только привезти сестру сюда, не оставлять ее у вашей почтенной матушки... Чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше... Слышите?

Аносовъ вышелъ изъ столовой. Марья Николаевна опустила голову: ей предстояло исполнить такую трудную задачу, что она совсѣмъ упала духомъ. Она знала впередъ, что сестра теперь не поѣдетъ къ ней.

Не менѣе Марьи Николаевны были встревожены и всѣ остальныя дѣйствующія лица этой семейной исторіи, и въ особенности Юлія Николаевна. Она упрекала себя за вѣтреность, ей стыдно было встрѣтиться съ Муратовымъ, она стала бояться его, она вдругъ перестала представлять себѣ въ розовомъ свѣтѣ ту таинственную жизнь, которая должна начаться для нея послѣ брака: ее теперь даже пугала мысль о томъ, что она послѣ брака останется вдвоемъ съ нимъ, съ Муратовымъ, какъ она осталась съ нимъ вдвоемъ вчера, и что онъ будетъ выглядѣть такимъ же, какимъ онъ былъ вчера въ ту минуту, когда она убѣжала

отъ него, испугавшись выраженія его глазъ, его тяжелаго дыханія, его насильно и больно сжимавшихъ ее желѣзныхъ объятій. Вечеромъ Муратовъ зашелъ къ Сухаревымъ. Юлія Николаевна едва отвѣтила на его пожатіе руки, она не поднимала на него глазъ, она старалась не быть съ нимъ съ глазу на глазъ. Но въ концѣ вечера генеральша, ничего не замѣчая, сказала Муратову:

— Нездоровится мнѣ сегодня... Все изъ-за тебя. Мари была тутъ и сцену сдѣлала, узнавъ о твоемъ предложеніи.. Я пойду къ себѣ... болтайте одни...

Она вышла изъ комнаты, оставивъ молодыхъ людей вдвоемъ. Муратовъ наклонился къ Юліи Николаевнѣ.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ,—отвѣтила она, глянувъ въ сторону.

— Нѣтъ, я вижу, что вы сердитесь! Я, дѣйствительно, виноватъ передъ вами. Вчерашняя исторія не даетъ мнѣ покоя. Всему виною это шампанское... моя страсть...

Юлія Николаевна, покраснѣвшая и смущенная, чуть не заплакала.

— Зачѣмъ... зачѣмъ,—прошептала она:—вы напоминаете объ этомъ...

— Я долженъ оправдать себя въ вашихъ глазахъ... Если бы вы знали, какъ я люблю васъ, какъ мнѣ тяжело быть сдержаннымъ съ вами...

Юлія Николаевна уже плакала.

— Если я пережила этотъ вечеръ,—съ горечью и упрекомъ въ голосѣ проговорила она:—то зачѣмъ же еще разъ унижать меня, напоминая о немъ!..

Муратовъ только тутъ понялъ свою оплошность.

— Это жестоко... Это надо было забыть... Объ этомъ не надо было вспоминать никогда, а вы...

Юлія Николаевна не кончила фразы и въ смущеніи поднялась съ мѣста.

— Простите мою мужскую безтактность, — проговорилъ Муратовъ.

Но Юлія Николаевна уже не слушала его: она тихо вышла изъ комнаты. Ей теперь среди слезъ вспомнились слова сестры, что онъ не любитъ ее, что онъ не умѣетъ любить, что любящій человѣкъ охраняетъ репутацію дѣвушки, что любящій человѣкъ не заставитъ дѣвушку краснѣть отъ стыда. Слово «развратникъ», часто слышанное Юліей Николаевной отъ сестры, вертѣлось теперь въ ея головѣ и она никакъ не могла понять вполнѣ его смысла,

но смутно угадывала, что, должно-быть, именно такъ любятъ развратники, какъ любитъ Муратовъ, что они готовы на все, только бы увлечь, покорить избранную ими женщину, хотя бы это губило ея репутацію, хотя бы это доставляло ей непріятность, хотя бы это заставляло ее краснѣть отъ стыда. Тяжелѣе всего для Юліи Николаевны было то, что ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться, некому было передать свои тревоги и сомнѣнія и нужно было идти ощупью, наугадъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ и заключеніямъ, сомнѣваясь въ ихъ правдѣ. Она ощущала что-то въ родѣ того, что у нея ускользаетъ изъ-подъ ногъ почва.

XVI.

Другая жизнь шла въ это время въ квартирѣ Зиминыхъ. Зиминъ все еще не вставалъ, не поправлялся, медленно угасая. Софья Дмитріевна, можетъ-быть, и свыклась бы съ его болѣзнью, какъ свыкаются въ теченіе времени со всѣмъ на свѣтѣ, и съ горемъ, и съ радостью, если бы она могла почаще видѣть своего «Петю». Но онъ теперь не являлся по цѣлымъ недѣлямъ и, являясь, говорилъ ей все одно и то же, о томъ, что стыдно и грѣшно имъ думать о любви, когда за стѣной умираетъ ея мужъ. Мало того, Зиминъ, несмотря на болѣзнь, не забывалъ о денежныхъ дѣлахъ: онъ не только держалъ подъ подушкой ключи, не только толковалъ съ докторомъ Фростомъ объ акціяхъ, но и помнилъ, что онъ ежедневно несетъ убытки, закрывъ свою кассу ссудъ.

— Ma tante, вы предлагали ходить за мной, — сказалъ онъ однажды, когда къ нему по обыкновенію зашла старуха-тетка.—Тогда я отказался... Но это было сдѣлано въ надеждѣ, что я скоро встану... Теперь болѣзнь затянулась...

Софья Дмитріевна едва переводила духъ.

— Соня одна не можетъ справиться,—окончилъ больной.

— Я, кажется, не жаловалась, — робко начала Софья Дмитріевна.

— Не то! — раздражительно замѣтилъ онъ. — Развѣ ты можешь жаловаться!.. Но у насъ закрыта касса... Мы терпимъ убытки...

— Ты самъ же велѣлъ ее закрыть,—опять начала жена.

— Ну да, велѣлъ, потому что одной нельзя и за больнымъ ходить, и въ кассѣ сидѣть,—опять раздражался онъ.—Но нельзя же ради моей болѣзни отвадить кліентовъ... Вы, ma tante, можете ей помочь... Приходите днемъ къ намъ...

— Ты знаешь, я готова всегда, — отвѣтила радостно тетка.—Я уже походила на своемъ вѣку за больными...

— Да, да... А ты будешь заниматься попрежнему въ кассѣ,—обратился больной къ женѣ.

— Но тебя будутъ безпокоить звонки,—замѣтила она.

— Другой колокольчикъ повѣсь... Да я и плохо слышу... заложило что-то уши... говорятъ, это передъ выздоровленіемъ...

Съ этого дня тетка безвыходно проводила дни у Зиминыхъ, уходя домой только на ночь. Иногда она оставалась у нихъ и ночевать. Софья Дмитріевна теряла почти всякую возможность видѣть Петра Павловича. Она начинала теперь чувствовать все бо́льшую и бо́льшую ненависть къ мужу. До сихъ поръ ее смягчали еще и примиряли съ мужемъ его страданія, его стоны, его кашель, надрывавшіе душу, пробуждавшіе сожалѣніе. Теперь же она сидѣла по цѣлымъ днямъ за конторкой, не видя этой страшной, долгой и упорной борьбы жизни со смертью, и только негодовала на него, раздумывая по цѣлымъ часамъ о томъ, что онъ служитъ препятствіемъ къ ея счастью. Онъ начиналъ дѣлаться ей противнымъ. Она не могла ѣсть, когда онъ приказывалъ накрыть столъ у его постели, говоря, что у него явится аппетитъ при видѣ, какъ ѣдятъ другіе. Ей было противно и постоянное хрипѣніе мокроты въ его горлѣ, и харканье больного, и то, какъ онъ чавкалъ, съ трудомъ раздвигая челюсти при разжевываніи пищи. По ней пробѣгала дрожь, какъ онъ, желая ее приласкать, прикасался къ ней постоянно влажнымъ отъ сильнаго пота, желтымъ и исхудалымъ лицомъ. Иногда она, точно умышленно стараясь усилить это отвращеніе, всматривалась въ него подолгу, слѣдила за безсознательными гримасами его запекшихся губъ, за конвульсивнымъ движеніемъ его желтыхъ, морщинистыхъ и костлявыхъ рукъ съ длинными пальцами, съ грязными ногтями, за каплями пота, сливавшимися въ струйки на его желтомъ лбу, на его ввалившихся вискахъ. Все, что было некрасиваго, неприглядnаго, противнаго въ этомъ больномъ человѣкѣ, не ускользало теперь отъ ея вниманія, бросалось ей въ глаза, возбуждало въ ней отвращеніе къ нему. Теперь ей казалось, что ея мужъ былъ всегда не лучше, что она всегда чувствовала къ нему отвращеніе не въ одномъ нравственномъ, а и въ чисто-физическомъ отношеніи, и по ея тѣлу пробѣгала дрожь при воспоминаніи о его супружескихъ ласкахъ, о его изнеможеніи въ минуты

страстныхъ признаній, о его безсильныхъ слезахъ у ея ногъ послѣ имъ же нанесенныхъ ей обидъ.

«И Петя хочетъ, чтобы я любила, чтобы я жалѣла его!»— мысленно воскликала она.

Порой, когда тетка уходила на ночь, она посылала къ Петру Павловичу, но отвѣтъ получался одинъ и тотъ же:

— Нѣтъ дома.

«Гдѣ онъ бываетъ? У какихъ-то Сухаревыхъ? Кто эти Сухаревы? Нѣтъ ли тамъ молодой женщины? Не измѣняетъ ли онъ ей, Софьѣ Дмитріевнѣ? Что-жъ, онъ молодъ, онъ почти не видится съ нею, онъ видитъ другихъ женщинъ... О, это все ради него, ради ея мужа дѣлается! Онъ своею болѣзнью разлучилъ ее съ ея Петей!»

Ненависть къ мужу опять поднималась въ ея груди.

«Хоть бы онъ скорѣе умеръ!.. Но что онъ ей оставитъ? На-дняхъ онъ говорилъ Фросту, что онъ разоренъ потерею на акціяхъ... Что если онъ оставитъ ее бѣдной?.: У ея Пети тоже ничего нѣтъ... Они выдали фальшивый вексель, по которому нужно будетъ уплатить или попасть подъ судъ... Ну, что-жъ, ихъ вмѣстѣ осудятъ... Ей все равно, только бы быть съ нимъ, съ Петей... Но, Боже мой, какъ рѣдко она его видитъ! Вмѣсто него ей приходится видѣть лица закладывающихъ свой скарбъ людей, слушать раздражительную брань мужа, просиживать часы съ ненавистной ей старухой, теткой мужа».

— Тяжело вамъ, mon enfant! — говорила старуха. — Я вполнѣ понимаю ваше положеніе. Мужъ больной, брюзга, старый—это ужасно въ ваши лѣта! Il sent le sapin, а вы еще только расцвѣтаете,—это невыносимо... Я это испытала: я сама была первый разъ замужемъ за старикомъ-подагрикомъ... Дядя Леонида, мой первый мужъ, выглядѣлъ не лучше его и сверхъ того былъ старъ... Когда я вырвалась на волю послѣ его смерти — я ожила... Я была свободна, какъ птица,—и пожила!.. Могу сказать, что пожила!..

Старуха вздохнула и пожевала свою синюю нижнюю губу.

— Правда, у меня были средства, большія средства! Безъ денегъ жизнь не въ жизнь! L'argent est le nerf de la vie,—продолжала она.—Безъ денегъ что!

— Вы все за границей жили?—спросила Софья Дмитріевна.

— Да развѣ здѣсь живутъ?—съ ироніей усмѣхнулась старуха. — Здѣсь прозябаютъ и питаются, а живутъ тамъ, на водахъ, въ Дрезденѣ, въ Парижѣ... Это широкая жизнь, чувствуешь, точно въ морѣ, что живешь каждымъ нервомъ,

каждымъ суставомъ... Я тамъ и замужъ вышла, и овдовѣла во второй разъ... Мой второй мужъ тоже любилъ пожить...

— Да, но такъ жить дорого.

— Дорого? Не знаю, не думаю... Я никогда не считала, что это стоило...

— Да, но вы...

Софья Дмитріевна сконфузилась и замолчала.

— Вы хотите сказать, что я прожилась?—усмѣхнулась презрительною усмѣшкою тетка, показавъ свой желтый клыкъ.— А! это случайности... я проигралась на рулеткѣ... въ это время подошло освобожденіе крестьянъ и мнѣ не выслали во-время оброку и не могли продать мои крѣпостныя души... Съ этого и началось... имѣніе взяли за долги... пришлось дополучить гроши... Я просто случайно подвернулась подъ колесо фортуны. Впрочемъ, я никогда не жалѣю о прошломъ... Я жила и живу au jour le jour... Да что и думать о прошломъ и будущемъ?.. Прошлаго не вернешь, будущаго не предусмотришь... Пойдешь гдѣ-нибудь по улицѣ, камень съ крыши упадетъ—и конецъ... Да, о будущемъ нечего думать... Да теперь я и стара—дотяну кое-какъ вѣкъ...

Она задумалась на минуту.

— Правда, бывали трудные дни,—снова заговорила она.— Приходилось даже романы переводить для этихъ книгопродавцевъ... Я вѣдь вполнѣ владѣю разговорнымъ языкомъ. Въ наше время мы много говорили, много переписывались... Это теперь только въ обществѣ люди или молча дуются другъ на друга, или спорятъ съ пѣной у рта... Въ наше время *говорили* и что за остряки были!.. Мы умѣли быть остроумными даже тогда, когда приходилось causer chiffons et théatre... И то сказать, мы воспитывались не такъ, какъ теперешніе выводки городскихъ парниковъ... Мы знали и деревню, и городъ, и дѣвичью, и парижскіе салоны... Для насъ не было тайнъ ни въ великорусскомъ языкѣ, ни въ парижскомъ жаргонѣ... Это вотъ теперь только слышишь, какъ ваши петербуржцы говорятъ: «текетъ», «сѣкетъ», да затрудняются, какъ выговорить: «кладбище» или «кладбище»... Я вотъ разъ употребила слово «жальникъ», такъ всѣ рты разинули, а въ какой-нибудь Новгородской губерніи каждый мужикъ знаетъ, что жальникъ тотъ же погостъ.

— Вы, значитъ, много работали? — перебила ее Софья Дмитріевна, знавшая, что старуха никогда не кончитъ панегирика своему знанію языковъ. Это знаніе было одною изъ ея тысячи слабостей...

— Да, нужно было дождаться, пока найдутъ мѣсто,— отвѣтила старуха. — У меня вѣдь протекцій много... всѣ высшія лица были когда-то свои люди, бывшіе друзья дома. Потомъ бросила переводную работу, получивъ мѣсто начальницы пріюта.

— Какъ, вы были начальницей пріюта и оставили это мѣсто?—удивилась Зимина.

— Да, вы, дитя, ничего не понимаете!.. Вы знаете, что должна дѣлать начальница пріюта?.. Или морить дѣвчонокъ съ голоду и наказывать ихъ, или тратить на нихъ свои деньги и распустить ихъ до того, что у нихъ амуры начнутся... Ну, а я ни морить голодомъ ихъ не могла, ни тиранить ихъ не умѣла... Имъ тоже жить хочется, вѣдь инымъ было по семнадцати лѣтъ... А я семнадцати лѣтъ уже двоихъ дѣтей имѣла... Меня на пятнадцатомъ году выдали замужъ за Зимина. Я въ этомъ пріютѣ только запуталась въ долгахъ: мнѣ отпускали на каждую дѣвчонку сколько-то тамъ копеекъ, а я ихъ кормила телятиной и балы имъ дѣлала!.. Около двухъ тысячъ рублей задолжала... Если бы не мой Иннокентій, пріѣзжавшій въ то время засѣдать въ синодѣ, такъ въ долговое посадили бы эти мясники и лавочники... Иннокентій только и выручилъ по старой памяти... Мы вѣдь съ нимъ сосѣди были по имѣнію... Къ несчастію, онъ потомъ вскорѣ умеръ...

Старуха вздохнула.

— Правда, тутъ подвернулась опять работа, — проговорила она.—Я вѣдь музыкантша... Ну, и стала учить музыкѣ, знаете, этихъ несчастныхъ падшихъ женщинъ...

Софья Дмитріевна не совсѣмъ понимала старуху.

— Тутъ, знаете, дома такіе есть, гдѣ живутъ эти несчастныя жертвы общественнаго темперамента, — пояснила Шустова.—Онѣ большею частью необразованы, серьезно учиться музыкѣ или чему-нибудь другому онѣ не имѣютъ ни возможности, ни времени, но музыка имъ иногда нужна, какъ приманка для мужчинъ... Вотъ я и учила ихъ играть отдѣльныя пьески, романсы, не съ нотъ, а съ пальцевъ, какъ я говорила... Не правда ли, это вѣдь удачный оборотъ: съ пальцевъ учиться на фортепіано играть?.. Вотъ этимъ и добывала кусокъ хлѣба... Что-жъ, я старуха, теперь ко мнѣ уже ничего не пристанетъ... Я даже хотѣла поближе ознакомиться съ ихъ бытомъ. Это интересно... Можно бы описать потомъ гдѣ-нибудь въ журналѣ... У насъ этотъ вопросъ совсѣмъ не разработанъ... Но мой сынъ, его position sociale

не позволяло этого, и онъ попросилъ меня бросить это занятіе... Правда, мы съ нимъ не въ хорошихъ отношеніяхъ, но все же мнѣ не хотѣлось компрометировать его... А я могла нажиться, право! Дѣвушки стали входить во вкусъ, у нихъ это сдѣлалось модой: одна выучится аккомпанировать одинъ романсъ, другая хочетъ выучить два, всѣ наперебой выучили гейневскую пѣсню: «Du hast Diamanten und Perlen»... И кромѣ того j'étais largement rayée!

Старуха опять умолкла и пожевала нижнюю губу.

— Да, не легко достаются деньги! — вздохнула она. — Вамъ было бы особенно трудно остаться безъ денегъ. У васъ нѣтъ ни знакомыхъ, ни подготовки, ни опытности... Я вѣдь была не то, что вы: я ни передъ чѣмъ не остановилась бы для достиженія своей цѣли... И кромѣ того у меня половина Петербурга знакомыхъ... Я вамъ когда-нибудь поразскажу хронику нашего высшаго свѣта, я вѣдь тамъ всѣхъ и все знаю... Это интересно... Вы думаете, что этотъ высшій свѣтъ состоитъ изъ однихъ недосягаемыхъ аристократовъ, потомковъ нашего родовитаго барства? Глупости! Кто такой графъ Ильмъ-Колычевъ? Сынъ одной аристократки-дѣвицы и ея камердинера. Его вывели въ люди, женили на графинѣ Колычевой, и онъ сталъ графомъ. А маркизъ Шевалье? Вѣдь это бывшій парикмахеръ графини Долгиной. А кто такіе князья Фалины? Дѣти цыганки Варьки, на которой женился въ пьяномъ видѣ ихъ отецъ. Я когда-нибудь передамъ вамъ все это подробно... А вы не знаете, сколько у Леонида капитала?—вдругъ спросила Шустова у Софьи Дмитріевны. — Я слышала, онъ что-то потерялъ гдѣ-то... на биржѣ тамъ или на концессіи... я это все путаю... въ наше время вѣдь ничего этого не было... У насъ, у дворянъ, оброкъ былъ, у купцовъ тамъ и евреевъ—откупъ и только.

— Я, право, не знаю, — отвѣтила Софья Дмитріевна. — Леня держитъ ключи у себя.

— Ахъ, такъ неужели вы никогда не ходите въ его шкапъ сами?

— Нѣтъ, онъ даетъ мнѣ ключи на минуту и то не отъ главнаго отдѣленія.

Старуха пристально смотрѣла на молодую женщину, какъ бы стараясь угадать, не лжетъ ли та, и по ея лицу проскользнула не то сострадательная, не то насмѣшливая улыбка.

— Да, вамъ будетъ тяжело, если онъ не такъ богатъ.

какъ всѣ думаютъ! — вздохнула она. — Вѣдь безъ духовной вы получите какую-то тамъ часть его капитала, а не все его имущество... у насъ тамъ законъ какой-то есть на этотъ счетъ... Наконецъ, это еще затянется, будутъ вызывать наслѣдниковъ...

Софья Дмитріевна сидѣла молча, какъ приговоренная къ смерти.

Этотъ разговоръ и десятки подобныхъ разговоровъ тяжело отзывались въ душѣ молодой женщины. Она боялась, что за всѣ терзанія она еще останется, въ концѣ концовъ, нищею. Она теперь желала только одного, чтобъ ея мужъ скорѣе умеръ, прекратилъ бы ея сомнѣнія, развязалъ бы ей руки.

О духовномъ завѣщаніи она боялась и думать, такъ какъ больной сердился все чаще и чаще, сжимая иногда въ безсильномъ бѣшенствѣ кулаки или хватаясь за воротъ своей рубашки, точно онъ хотѣлъ разорвать ее на себѣ. Чахотка его была въ послѣднемъ періодѣ и дѣлала его и безъ того тяжелый характеръ невыносимымъ. Ладить съ нимъ умѣла только тетка, всегда хладнокровная, всегда расторопная, всегда находчивая. Она выносила на своемъ вѣку и не такія бури и не смущалась ни отъ какой брани, ни отъ какихъ угрозъ больного, которыя, какъ она знала, должны были кончиться и кончались кашлемъ, упадкомъ силъ и тяжелымъ сномъ. Къ несчастію, Софья Дмитріевна не могла такъ спокойно выносить капризовъ и придирокъ больного мужа, которые все болѣе и болѣе возмущали ее съ тѣхъ поръ, какъ она начала чувствовать къ нему ненависть, и уже нерѣдко плакала, жалуясь на свою судьбу.

— Неужели вы когда-нибудь любили Леонида?—спросила старуха въ одну изъ горькихъ минутъ, когда молодая женщина вышла въ слезахъ отъ мужа.

— Онъ меня взялъ съ улицы... спасъ отъ голодной смерти...—отвѣтила, всхлипывая, молодая женщина.

— Да, вы могли быть ему благодарны, — замѣтила старуха.—Но благодарность не любовь... Вы не могли любить его: онъ былъ всегда некрасивъ, онъ былъ болѣзненнымъ, сухимъ и грубымъ человѣкомъ. Наконецъ, онъ уже не молодъ... Такихъ любить нельзя въ ваши годы...

— Я тогда ничего не понимала...

— А потомъ?.. Неужели вы и послѣ не любили никого другого?

Софья Дмитріевна плакала и не отвѣчала. Старуха зорко смотрѣла на нее своими свинцовыми, холодными глазами.

— Да, я такъ и думала, что вы кого-нибудь любили, можетъ-быть, любите,—утвердительнымъ тономъ сказала она черезъ минуту.

Софья Дмитріевна рыдала еще сильнѣе, она не находила силы отрицать предположеніе тетки.

— Pauvre enfant, вѣроятно, эта любовь несчастна? Леонидъ васъ держалъ взаперти, ревновалъ, не давалъ вамъ воли... Я понимаю, какъ страстно вы должны желать конца этимъ мученіямъ! Я ужъ испытала это! Я молилась, чтобы мой мужъ умеръ. Онъ былъ еще хуже Леонида... Отчего вы теперь не видитесь съ *нимъ?* — вдругъ рѣзко спросила Шустова.

— Съ кѣмъ?—спросила Софья Дмитріевна, не сразу понявъ тетку.

— Съ тѣмъ, кого вы любите? — рѣшительно пояснила старуха.—Я кое-что знаю. Это тотъ офицеръ, который заходилъ иногда къ вамъ?

Софья Дмитріевна испуганно-растерянным взглядомъ взглянула на тетку.

— Я не знаю... я...—начала она въ смущеніи.

— Полноте, дитя мое!—усмѣхнулась старуха.—Чего вы боитесь? Чего вы скрываетесь?.. Неужели вы думаете, что я разскажу все Леониду?.. Фи!.. Я никогда не выдавала сердечныхъ тайнъ... Я сама женщина, пережившая все это... Если бы я хотѣла это сдѣлать, я сдѣлала бы это раньше... Вѣдь я не сегодня же узнала, что къ вамъ ходитъ этотъ господинъ... Объ этомъ знаетъ весь домъ...

Софья Дмитріевна, едва переводила духъ. Она никакъ не думала, что кого-нибудь интересуютъ ея свиданія съ Муратовымъ, что объ этихъ свиданіяхъ знаютъ въ домѣ. Теперь у нея замирало сердце при мысли, что ея тайну могутъ выдать ея мужу. Что она скажетъ ему тогда? Онъ лишитъ ее всего, всего! Она останется нищею. Она теперь боялась тетки, которая могла пустить ее по-міру, разсказавъ все Леониду.

«О, если бы онъ скорѣе умеръ, — умеръ раньше, чѣмъ узнаетъ ея тайну!»

Она выбрала первую удобную минуту, чтобы передать этотъ разговоръ Петру Павловичу, говоря ему со слезами, что она теперь не можетъ быть покойною ни одной минуты, дрожа при мысли, что тетка разскажетъ все ея мужу. Просить его о духовномъ завѣщаніи не было уже никакой возможности; если бы онъ даже вздумалъ самъ написать

это духовное завѣщаніе, то ей пришлось бы отговорить его въ угоду теткѣ, которая, въ противномъ случаѣ, воспользовалась бы орудіемъ, находящимся у нея въ рукахъ.

— Эхъ, скорѣе бы все это кончилось! — проговорилъ хмуро Петръ Павловичъ. — Мы такъ запутались, что я иногда готовъ размозжить себѣ голову, чтобы не думать обо всемъ этомъ.

— Петя!—молящимъ тономъ обратилась къ нему Софья Дмитріевна.

— Вѣдь, ты подумай только, что у насъ есть этотъ проклятый вексель. Ну, вдругъ твой мужъ умретъ завтра, — ты останешься безо всего, вексель представятъ,—чѣмъ мы заплатимъ?.. Это будетъ отплата намъ за прошлое.

— Да чѣмъ же мы виноваты, что полюбили другъ друга?—опять говорила Софья Дмитріевна, не понимавшая, въ чемъ она была виновата и передъ кѣмъ.—Да забудемъ это!.. Все какъ-нибудь уладится, только ты не бросай меня... будь со мною...

Она хотѣла снова приласкаться къ нему, но онъ отстранилъ ее.

— Полно, Соня, — сказалъ онъ. — Я тебѣ еще разъ повторяю, что не до ласкъ мнѣ теперь...

— Ты меня разлюбилъ?.. Ты рѣдко ходишь ко мнѣ... Ты все у какихъ-то Сухаревыхъ...

— А! тебѣ докладываютъ, куда я ѣзжу!..

— Да... Ужъ нѣтъ ли тамъ женщины, которую ты любишь?

— Пожалуйста, безъ допросовъ!—сухо сказалъ онъ, вставая. — Если бы тамъ и была женщина, если бы я полюбилъ кого, если бы я женился, такъ ты должна знать, что прежде всего мнѣ нужно подумать, какъ спасти тебя и себя. Для этого я готовъ на все и прежде всего на женитьбу на богатой, такъ какъ въ этомъ единственное наше спасеніе...

Софья Дмитріевна взглянула на него со страхомъ.

— Петя! — прошептала она. — А я... какъ же я тогда... Нѣтъ, нѣтъ... не надо... лучше пусть насъ судятъ, чѣмъ... Нѣтъ, вѣдь ты не женишься? не женишься?

Она бросилась къ нему и обвила его руками съ ужасомъ во взглядѣ. Она теперь забыла все на свѣтѣ, и въ ея ушахъ раздавалась только фраза Муратова о необходимости жениться на богатой.

— Я тебѣ не позволю... я пойду и скажу...—прошептала она въ отчаяніи.

— Что? что ты скажешь?—спросилъ онъ, блѣднѣя.

— Я не знаю... я все, все разскажу... — растерянно шептала она.

— Ты съ ума сходишь!—почти грубо произнесъ онъ.

— Ну, да, да, я съ ума схожу!.. Но развѣ я виновата, что ты мнѣ дороже всего... Сдѣлай изъ меня, что хочешь, но не гони меня... не женись...

Она зарыдала.

Ему опять становилось страшно за себя. Онъ теперь уже не жалѣлъ ее, она становилась ему противна, онъ въ ней уже видѣлъ не страдающую женщину, а чисто-животную натуру. Кое-какъ успокоивъ ее, онъ поспѣшилъ выбраться изъ кухни Зиминыхъ. Теперь ему еще тяжелѣе были эти свиданія, потому что эта женщина составляла въ его глазахъ яркій контрастъ съ Юліей Николаевной, а эта кухня казалась еще неприглядиѣе послѣ роскошныхъ залъ сухаревскаго дома.

XVII.

«Петя женится!—твердила Зимина, оставшись одна послѣ ухода Муратова.—Женится!..»

Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу терпѣнія. Софья Дмитріевна совершенно обезумѣла. Она просидѣла съ полчаса въ кухнѣ, ни о чемъ не думая, безцѣльно глядя въ полъ, не шевельнувшись, какъ окаменѣлая. Наконецъ, пришла Дарья.

— Барыня, можно, чай, и спать ложиться?—спросила она.

Софья Дмитріевна вздрогнула и очнулась.

— А, да!.. Спать?.. Ложись!..—отвѣтила она, поднимаясь съ мѣста.

— Вы меня покличьте, если что ночью нужно будетъ,— сказала Дарья.

— Да, да... покличу...

Софья Дмитріевна говорила какъ во снѣ. Она машинально, безсознательно направилась въ комнату, гдѣ лежалъ мужъ, и сѣла у его постели. Мало-по-малу, въ ея головѣ зароились мысли, воспоминанія, слова послѣдняго свиданія съ Муратовымъ.

Муратовъ не можетъ жениться на ней, покуда живъ ея мужъ; Муратову и ей грозитъ опасность попасть на скамью подсудимыхъ за поддѣльный вексель, если ея мужъ встанетъ; Муратовъ долженъ жениться на богатой, чтобы вы-

купить этотъ векселъ. А что же тогда будетъ съ нею? Она останется прикованной къ этому ненавистному ей теперь человѣку, она навсегда потеряетъ его, Муратова. Поддѣлать завѣщаніе? Но кто согласится вступить въ союзъ съ нею для этого дѣла? Развѣ это дѣло не откроется? Что тогда? Ее будутъ судить, осудятъ, сошлютъ. Осудятъ одну, безъ Пети. Онъ останется здѣсь, сдѣлается свободнымъ, женится... Иначе ему не выбиться изъ долговъ, онъ непремѣнно женится на богатой... А она? Она такъ и останется навсегда брошенная, забытая, одна... Украсть у мужа деньги, выкупить векселъ, дать деньги Муратову, чтобы онъ могъ прожить, не нуждаясь, до смерти ея мужа? Вѣдь мужъ умретъ, непремѣнно умретъ! Развѣ можетъ этотъ скелетъ еще жить, еще терзать ее? Какъ онъ страшенъ, какъ онъ противенъ ей! Онъ вѣдь знаетъ, что послѣ его смерти ее ограбятъ его ненавистные ему самому родные, и все-таки не дѣлаетъ духовнаго завѣщанія. Онъ умышленно терзаетъ ее, онъ, можетъ-быть, злобно наслаждается мыслью о томъ, каково будетъ ей послѣ его смерти. Или онъ вовсе не думаетъ о смерти? Да развѣ можно думать о жизни въ такомъ положеніи? О, если-бъ онъ умеръ скорѣе! Она бросила взглядъ, полный ненависти, на этого человѣка, на этотъ полутрупъ, на эту колоду, лежавшую на ея пути къ счастію. Теперь она была неузнаваема. Всегда похожая на дѣвочку, теперь она, сильно похудѣвшая и поблѣднѣвшая, съ тупо-сосредоточеннымъ и тусклымъ взглядомъ, выглядѣла мрачной, полупомѣшанной преступницей. Да, украсть, украсть деньги! Это единственный исходъ. И кто можетъ узнать объ этомъ? Родные не знаютъ, сколько у него денегъ, имъ нельзя будетъ догадаться о кражѣ. Ужъ не онъ ли, не умирающій ли мужъ узнаетъ все это? Да если бы онъ потомъ и узналъ объ этомъ, такъ что же? Гдѣ доказательство воровства? Гдѣ искать деньги? Нѣтъ, нѣтъ, ей надо обезпечить себя скорѣе. Если она не украдетъ — все достанется сыну Шустовой, а не ей, не Софьѣ Дмитріевнѣ. Ей дадутъ какую-то часть, и то не сейчасъ, а послѣ, черезъ сколько-то мѣсяцевъ, а ей деньги нужны теперь... теперь...

Она стала чутко прислушиваться къ дыханію мужа. Онъ, кажется, спалъ. Она загасила лампу и на цыпочкахъ, озираясь, подошла къ дивану. Трусиха, боявшаяся темноты, теперь она не боялась ничего и вся отдалась одной подавлявшей ея мозгъ мысли: украсть деньги, спасти себя и

своего Петю и сдѣлать ненужною его женитьбу на богатой. Послѣднее было важнѣе всего.

Прошла минута. Она раза два окликнула мужа. Онъ молчалъ. Она постояла еще немного и осторожно протянула руку подъ подушку. Ключи были тамъ, но она не сразу ощупала ихъ. Наконецъ, эта проклятая связка попалась ей въ руки, и она, забывшись отъ радости, быстро потянула ее къ себѣ.

— Стой!.. стой! Воры!.. Соня, Соня, сюда!—дикимъ, задыхающимся голосомъ прохрипѣлъ больной и вцѣпился въ руку жены мокрою отъ пота рукою.

У Софьи Дмитріевны помутилось въ глазахъ, чувство яростной злобы охватило ее, какъ человѣка, котораго хотятъ оторвать отъ завѣтной цѣли, до которой онъ достигъ съ такимъ трудомъ, съ такими усиліями, и она, схвативъ подушку, зажала ею лицо мужа. Онъ отпустилъ ея правую руку, поднялъ свои безсильныя, мокрыя руки къ подушкѣ, попытался сорвать ее отъ своего лица, но подушка была придавлена къ лицу словно свинцовою тяжестью, по его тѣлу пробѣжало конвульсивное движеніе, послышалась какая-то страшная хрипота. Онъ не то задыхался отъ кашля, не то изнемогалъ отъ недостатка воздуха. Но сорвать съ лица подушку онъ не могъ, у него не было силъ, съ нимъ начиналось что-то въ родѣ обморока. Софья Дмитріевна застыла, окаменѣла съ широко-раскрытыми, ничего не видѣвшими во мракѣ глазами. Нѣсколько минутъ она сама не сознавала, что она дѣлаетъ, гдѣ она находится, и только все сильнѣе, все отчаяннѣе нажимала подушку...

Наконецъ, она очнулась. Что ее вывело изъ оцѣпенѣнія—она сама не знала: можетъ-быть, на улицѣ крикнулъ какой-нибудь пьяный, можетъ-быть, еще не уснувшая Дарья неосторожно хлопнула дверями, можетъ-быть, какой-нибудь экипажъ съ шумомъ подъѣхалъ къ подъѣзду. Она не могла отдать себѣ ни въ чемъ отчета, ни въ томъ, что она дѣлала, ни въ томъ, что происходило вокругъ нея. Очнувшись, она быстро оттолкнула подушку, бывшую въ ея рукахъ, и дотронулась до мужа. Онъ не двигался и начиналъ остывать. Она, кажется, только въ эту минуту съ ужасомъ поняла все и отшатнулась отъ него, пошла куда-то и наткнулась на одну изъ вѣшалокъ; она свернула въ сторону и снова на что-то наткнулась. Казалось, изъ этой комнаты не было выхода. Ее охватывалъ теперь давно знакомый ей страхъ: она боялась этой тьмы, этой тишины, этого

убитаго ею человѣка. Въ ея головѣ былъ какой-то хаосъ мыслей: она хотѣла бѣжать, она хотѣла достать ключи, она хотѣла убѣдиться еще разъ, живъ ли ея мужъ. Она уже теперь ступала наобумъ, ничего не видя, ничего не понимая; наконецъ, ей попалось подъ руку что-то холодное. Она широко открыла глаза: передъ нею была полная тьма, но ей казалось, что она видитъ чьи-то страшные открытые глаза; ей казалось, что холодное тѣло снова начинаетъ шевелиться подъ ея рукою. Она безъ крика, какъ камень, упала на этотъ трупъ.

Часа черезъ два Дарья, зашедшая, по обыкновенію, въ минуту просонокъ заглянуть, что дѣлается въ комнатѣ барина, уже собрала всѣхъ, кого могла, въ квартиру Зимнихъ. Какая-то женщина приводила въ чувство Софью Дмитріевну; кто-то хлопоталъ около трупа: наконецъ, вся эта суетня и тревога прекратилась разомъ, и чей-то повелительный голосъ громко кричалъ:

— Какъ смѣли сюда набраться? Растащатъ еще вещи! Вонъ отсюда! Дворникъ, гони всѣхъ! Дать знать въ полицію, чтобы все опечатали.

Это распоряжался сынъ госпожи Шустовой, Ѳедоръ Семеновичъ Зимнинъ. Сразу можно было сказать, что это «наслѣдникъ», то-есть настоящій хозяинъ всѣхъ богатствъ, оставленныхъ покойнымъ ростовщикомъ.

— Ma chère, какой съ вами сдѣлался обморокъ!.. Этой смерти надо было ожидать! Теперь вы хотя свободны! Вѣдь Леонидъ все равно не могъ встать! — развязно говорила тетка, стоя надъ приведенной въ чувство Софьей Дмитріевной.

Софья Дмитріевна сидѣла, какъ статуя, ничего не слыша, ничего не понимая.

— Онъ сильно мучился? Вы одни были при немъ? Я воображаю, какъ вы испугались! Да, смерть—страшное дѣло,— продолжала старуха. — Я, впрочемъ, думала, что вы вынесете эту потерю бодрѣе.

Она была теперь говорлива, довольна, счастлива, и даже ея физіономія не имѣла своего обычнаго отталкивающаго выраженія. Ея сынъ, при ея помощи, былъ теперь главнымъ наслѣдникомъ ростовщика, не сдѣлавшаго духовнаго завѣщанія. Жизнь снова улыбнулась ей, снова приголубила ее, такъ какъ она ждала отъ сына хорошей награды за услугу. Правда, сынъ былъ съ нею до сихъ поръ въ дурныхъ отношеніяхъ, попрекалъ ее все за то, что она «жила»

и лишила его возможности «жить», то-есть мотать деньги; но они, сынъ и мать, были благородные люди; она хлопотала въ его интересахъ, старалась вознаградить его за прошлое, и онъ счелъ бы себя негодяемъ, если бы не отплатилъ ей за это благодарностью. Онъ былъ теперь даже любезенъ и предупредителенъ съ матерью, что очень шло къ его красивой и развязной фигурѣ ловкаго джентльмена-чиновника изъ лицеистовъ, вѣчно числившагося при комъ-то, по какимъ-то особымъ порученіямъ и вѣчно юнаго и бодраго душою, несмотря ни на годы, ни на финансовые удары судьбы, вѣчно старающейся бить по карману своихъ нелюбимцевъ.

— Я эти дни пробуду съ вами, — продолжала по-утру любезничать старуха Шустова съ молодой неутѣшной вдовой. — Надо будетъ поѣхать заказать трауръ. Я надѣюсь, вы плерезами не будете обшивать пелеринъ и платье? Это вульгарно, вышло изъ моды, да и бросается въ глаза. Просто сдѣлать креповыя обшивки плиссе и конецъ!.. Кстати, у васъ есть деньги на расходы?—закончила старуха, и ея зоркіе глаза впились въ лицо молодой женщины.

— Деньги?—тупо переспросила Софья Дмитріевна.

Она, казалось, до сихъ поръ не понимала, что ей говорятъ, что дѣлается вокругъ нея, и вздрогнула только при вопросѣ о деньгахъ.

— Ну да, нужно на расходы, — подтвердила тетка, не спуская съ нея глазъ.

— Ничего... ничего у меня нѣтъ! — вырвался вопль изъ груди Софьи Дмитріевны, и она закрыла лицо руками.

Въ ея сознаніи вдругъ мелькнула мысль, что она не спасла ничего, что она сдѣлала только преступленіе. И картина событій, пережитыхъ ею ночью, воскресла передъ ея глазами. Она не зарыдала, но безпомощно поникла головой, точно всѣ ея члены были разбиты параличомъ.

— Ну, не печальтесь! Мой Теодоръ дастъ на расходы. Потомъ отдадите. Ваша доля вѣдь тутъ есть. Вы не чужая!—ласково утѣшала ее тетка.—Поѣдемте лучше за покупками, вамъ надо провѣтриться... вы совсѣмъ ослабѣли...

— Нѣтъ, поѣзжайте однѣ... ради Бога...

Софья Дмитріевна говорила опять какъ во снѣ.

— Ну, хорошо, хорошо! значитъ, я сюда приглашу модистку. Но вы должны ободриться, собраться съ духомъ. Ахъ, вы, молодое петербургское поколѣніе, отъ такого простого явленія, какъ смерть безнадежно больного, сами чуть

не умираете! Нѣтъ, мы и не такіе случаи въ жизни переносили съ веселымъ и бодрымъ видомъ... Вотъ ужъ я никакъ не думала, что васъ поразитъ его смерть. Правда, въ эти минуты вспоминается все—загубленные годы, прошлыя страданія. Я это испытала! Но я была бодра. Впрочемъ, вы говорили мнѣ, что вы боитесь покойниковъ. О, дитя, дитя, нашли кого бояться! Насъ, живыхъ, нужно бояться, а эти... эти уже не встанутъ!.. Однако, надо ѣхать... Теодоръ, Теодоръ!—позвала тетка своего сына. — Мы хотимъ тебя грабить. Представь себѣ, у бѣдной Софи нѣтъ ни гроша! Надо на трауръ.

— А, хорошо, хорошо! Располагайте моимъ кошелькомъ,— развязно отвѣтилъ Ѳедоръ Семеновичъ, передавая матери пачку кредитныхъ билетовъ.

Она отвела его въ сторону.

— Ты еще не знаешь, много ли осталось? — спросила она тихо.

— Нѣтъ,—отрывисто отвѣтилъ онъ.—Массу вещей приходится опечатать, записать. Хотѣли отложить это до похоронъ, я настоялъ, чтобы все сдѣлали теперь. Еще растащатъ.

— Я могу только тебѣ сказать одно, что капиталы всѣ цѣлы,—проговорила мать.—Она—вообрази себѣ—не сумѣла ни гроша припрятать на черный день. Я всегда тебѣ говорила, что она очень недалекая женщина и что ты напрасно боялся ея интригъ, но, признаюсь, я никогда не считала ее глупой въ такой степени...

— Ѳедоръ Семеновичъ, Ѳедоръ Семеновичъ, мы васъ ждемъ!—крикнулъ кто-то.

— Pardon, maman! Меня тамъ ждутъ,—проговорилъ сынъ Шустовой.—У меня просто голова кругомъ идетъ...

— Погоди, погоди, что еще скажешь послѣ!—ласково потрепала его по плечу мать.

Онъ понесся туда, гдѣ его звали. Онъ былъ весь погруженъ въ отрадныя дѣловыя занятія при описи имущества. Покойника всѣ забыли, всѣ бросили.

Кто-то его вымылъ, кто-то отыскалъ для него сорочку, кто-то подвязалъ ему нижнюю челюсть, кто-то съ величайшимъ усиліемъ подогнулъ у него на правой рукѣ два скрючившіеся пальца и скрестилъ его руки. Даже докторъ Фростъ, пріѣхавъ съ визитомъ, не полюбопытствовалъ взглянуть на своего бывшаго товарища и паціента, торопясь уѣхать и говоря, что онъ вчера «такъ и былъ увѣренъ, что Зиминъ

умретъ вечеромъ или ночью», и прибавляя, что у него «столько больныхъ, столько больныхъ...» И то сказать: долго оставаться здѣсь было нечего, такъ какъ это былъ даровой и безполезный визитъ; за посѣщеніе докторомъ паціента-покойника родные обыкновенно не платятъ, не ожидая болѣе, что медикъ облегчитъ, наконецъ, навсегда страданія дорогого имъ существа и успокоитъ ихъ. Даже Дарья не присутствовала «при баринѣ» и бѣгала оповѣщать всѣхъ, что «самъ-то померъ»: для нея былъ чистый праздникъ.

Въ числѣ оповѣщенныхъ о смерти Зимина была и горничная, прислуживавшая Петру Павловичу. Горничная выслушала новость довольно равнодушно, такъ какъ она давно видѣла, что ея баринъ находится съ Зиминой въ «контрахъ». Тѣмъ не менѣе, она сочла нужнымъ передать эту новость Муратову.

Онъ только-что возвратился домой съ обѣда отъ Сухаревыхъ, когда она вошла къ нему въ комнату спросить, будетъ ли онъ пить чай дома.

— Нѣтъ, я ѣду сейчасъ въ театръ,—отвѣтилъ онъ мимоходомъ и спѣша переодѣться.

Это было уже на третій день рождественскихъ праздниковъ.

— А знаете, сударь, вѣдь Зиминъ-то померъ позавчера,— замѣтила горничная.

Петръ Павловичъ опустилъ руки и присѣлъ, точно его ударили обухомъ по головѣ.

— Умеръ?—прошепталъ онъ.—Не можетъ быть!

— Ей-Богу-съ! Панафиды уже служили! Все это уже опечатали у нихъ... Сама-то, говорятъ, точно тѣнь стала, ровно убитая ходитъ...

Петръ Павловичъ уже не слышалъ. Въ его головѣ мелькали страшныя мысли.

«Вексель нужно вырвать изъ рукъ Кречмера... Теперь она свободна... Что я буду говорить, что буду дѣлать! Надо идти къ ней!»

Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ; онъ не могъ остановиться на какой-нибудь опредѣленной мысли, не могъ обсудить своего положенія; онъ сознавалъ только, что онъ стоитъ на краю пропасти.

Онъ торопливо, порывисто одѣвался, хватаясь не за то, за что нужно было взяться. Минутъ черезъ десять онъ уже былъ у Зиминыхъ на черной лѣстницѣ. Онъ вызвалъ Дарью.

— Барыня дома... одна?—спросилъ онъ.

— Однѣ-съ... швейка у нихъ какая-то... да это такъ-съ, не гостья, работаетъ что-то,—отвѣтила Дарья.

— Вызови Софью Дмитріевну.

Онъ ждалъ Софью Дмитріевну въ кухнѣ. Здѣсь сильно пахло ладаномъ. Изъ комнатъ въ тишинѣ доносились какіе-то однообразные, скорбные звуки—это читалъ псаломщикъ. Муратову было жутко. Наконецъ, появилась и Софья Дмитріевна. Она вышла, блѣдная, осунувшаяся, кое-какъ причесанная, неприглядная, съ потупленными глазами, и не бросилась къ нему, но остановилась почти у самой двери, у стѣны, чтобы не упасть, такъ какъ у нея подкашивались ноги. Муратова поразилъ ея видъ. Онъ ожидалъ, что и теперь она бросится къ нему на шею, что и теперь она станетъ осаждать его своими клятвами. Онъ вѣдь хорошо зналъ ее. Что значила для нея смерть ненавистнаго мужа? И вдругъ передъ нимъ является убитая, едва двигающаяся, не смѣющая поднять глазъ, нуждающаяся въ опорѣ женщина. Что же это значитъ? Неужели въ ней проснулась совѣсть? Неужели она теперь поняла, какъ она была виновата передъ мужемъ? Или она, подобно ему, поражена мыслью о грозящей имъ гибели?

— Я слышалъ... — началъ неловко Муратовъ и не кончилъ фразы.

— Да... умеръ,—едва слышно, коротко прошептала она.

— Я знаю всю неловкость моего присутствія здѣсь теперь...—началъ въ смущеніи Муратовъ:—но...

Онъ перевелъ духъ. Ему было стыдно говорить теперь, въ эту минуту, этой убитой женщинѣ о векселяхъ, о деньгахъ. Но вѣдь отлагать было нельзя. Кречмеръ тотчасъ же можетъ предъявить эти векселя, узнавъ о смерти Зимина. Ему нужно заплатить, и заплатить много: онъ не выпуститъ изъ рукъ этихъ векселей, не получивъ по другимъ векселямъ Муратова.

— У насъ есть векселя, компрометирующіе насъ обоихъ,— проговорилъ онъ, собравшись съ силами.

Она молчала, подавленная сознаніемъ, что ей нечѣмъ заплатить по этимъ векселямъ.

— Нельзя ли уплатить по нимъ... Я все отдамъ черезъ нѣсколько недѣль,—въ смущеніи заговорилъ онъ.

Она еще ниже опустила голову. Она ждала и боялась этихъ словъ.

— Я ничего... ничего не спасла! — отвѣтила она надо-

рваннымъ голосомъ, какъ женщина, кающаяся въ преступленіи.

Муратовъ вздрогнулъ. Онъ начиналъ терять голову

— Боже мой, что же мы будемъ дѣлать! — воскликнулъ онъ въ ужасѣ.—Кречмеръ потребуетъ уплаты или раскроетъ все... тогда мы погибли.

— Я... я... во всемъ виновата!.. Я одна... — вдругъ болѣзненно воскликнула Софья Дмитріевна и дрожащими руками схватила его руки.—Прости меня, прости!..

У нея подогнулись колѣни, и она безсильно опустилась на полъ.

— Полноте, — тихо сказалъ онъ, поднимая ее. — Я не обвинять пришелъ... Надо спастись... Господи, что же это будетъ!..

Онъ въ отчаяніи схватился за голову.

— Гдѣ-жъ спастись?.. Пусть наказываютъ... я стою... заслужила... всего стою... Не надо спасаться!.. Пусть судятъ вмѣстѣ... сошлютъ... не оставляй меня!

Она безъ силъ припала къ его рукѣ губами.

— Вѣдь и тамъ живутъ же люди... Если ты простишь меня... если ты будешь со мною, я все вынесу,—шептала она.

По тѣлу Муратова пробѣжала дрожь.

— Что вы говорите! Не вмѣстѣ насъ сошлютъ... не къ одному наказанію присудятъ... Мы не мужъ и жена... Мы чужіе,—проговорилъ онъ отрывисто.

Онъ торопливо поднялъ, посадилъ ее на табуретъ и быстро, не простившись съ нею, вышелъ изъ кухни. Она сидѣла съ опущенной головой, съ опущенными руками, и тупо смотрѣла въ полъ. Ея голова работала плохо. Она ничего не могла сообразить. Въ ея умѣ вертѣлись какія-то отдѣльныя слова, а не мысли.

— Убила... не спасла ничего... Судить будутъ... Чужіе!..

Все это вертѣлось, путалось въ ея умѣ, шепталось ею, произносилось вслухъ. Въ эту минуту любой, самый неумѣлый слѣдователь могъ бы получить отъ нея вполнѣ откровенные отвѣты насчетъ всего сдѣланнаго ею: она не владѣла собою.

XVIII.

Муратовъ уже мчался къ Кречмеру. Онъ зналъ, что контора Кречмера была уже закрыта, онъ зналъ, что его самого ждутъ въ театрѣ, но отложить посѣщеніе къ Кречмеру, ждать до утра, у него не было силъ. Ему казалось, что онъ

и теперь опоздаетъ предупредить Кречмера относительно предъявленія фальшиваго векселя, что Кречмеръ тотчасъ же предъявитъ этотъ вексель, какъ только узнаетъ о смерти Зимина, что онъ уже узналъ объ этомъ событіи. Нужно было спѣшить и спѣшить, вотъ все, что онъ сознавалъ теперь. Онъ почти взбѣжалъ по лѣстницѣ до дверей конторы и сильно нажалъ пуговку электрическаго звонка. Черезъ минуту передъ нимъ открылась дверь.

— Господинъ Кречмеръ! — отрывисто сказалъ онъ мальчику-еврею.

— Контора закрыта,—лаконично отвѣтилъ тотъ.

— Я знаю. Мнѣ нужно видѣть господина Кречмера, — проговорилъ Муратовъ.

— Они ѣдутъ въ театръ,—проговорилъ мальчикъ.

— Все равно, все равно! Доложите скорѣе,—настаивалъ Муратовъ.

Мальчикъ нерѣшительно пошелъ докладывать.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ, возвратившись минутъ черезъ пять назадъ.

Муратовъ торопливо сбросилъ пальто. Мальчикъ со свѣчою въ рукахъ проводилъ его черезъ пустую комнату конторы въ слѣдующую комнату, гдѣ обыкновенно принималъ посѣтителей Кречмеръ. Теперь обѣ комнаты конторы выглядѣли еще строже, еще холоднѣе. Въ нихъ не было никого. Все было прибрано, все было какъ-то безжизненно и пустынно. Прошло минутъ пять прежде, чѣмъ появился самъ Кречмеръ. Онъ былъ щегольски одѣтъ, красиво причесанъ: на его рукахъ блестѣли брильянтовыя и крупныя бирюзовыя кольца, на груди сверкала дорогая булавка съ рубиномъ и брильянтами, его обыкновенно суровое и холодное лицо нѣсколько раскраснѣлось, вѣроятно, отъ вина, и приняло самодовольное, немного сальное и плотоядное выраженіе, нерѣдко встрѣчающееся на лицахъ старыхъ, богатыхъ евреевъ. Кречмеръ теперь не походилъ на того сухого дѣльца, какимъ онъ выглядѣлъ по утрамъ, но напоминалъ собою любящаго пожить, довольнаго собою и своею судьбой мѣщанина во дворянствѣ, какимъ онъ являлся обыкновенно въ театрѣ Берга, въ Буффѣ, въ балетѣ, на пикникахъ и попойкахъ среди кутящихъ тузовъ ростовщичества, биржи и желѣзныхъ дорогъ.

— А, это вы! — проговорилъ онъ, подходя къ Муратову съ довольнымъ видомъ, и, фамильярно коснувшись его плеча

рукою, добавилъ съ улыбкою:—ужъ очень деньжонки понадобились?

Онъ теперь не помѣстился за барикадою своего письменнаго стола, а стоялъ рядомъ съ Муратовымъ.

— Только вы скорѣе! Мнѣ нужно ѣхать,—добавилъ онъ, вытаскивая изъ жилетнаго кармана тяжеловѣсные золотые часы съ толстой цѣпочкой и смотря, который часъ. — Мы сегодня, знаете, собрались кутнуть, — засмѣялся онъ. — Мы вѣдь рѣдко, да мѣтко...

Повидимому, винные пары ходили у него въ головѣ и заставляли его ежеминутно улыбаться и потирать руки, сверкавшія въ брильянтахъ. Онъ былъ крайне комиченъ.

— Вечеръ, кажется, великолѣпный, только на тройкахъ и кататься въ такіе вечера,—замѣтилъ онъ.

Муратовъ хотѣлъ заговорить о дѣлѣ.

— А, знаете, здѣсь холодновато,—сказалъ Кречмеръ, потирая руки.—Перейдемте ко мнѣ...

Онъ взялъ подъ руку Муратова и провелъ его за письменный столъ въ свою квартиру. Они очутились въ роскошно, хотя и безвкусно-убранномъ кабинетѣ, гдѣ было слишкомъ много мягкихъ диванovъ, разнохарактерной бронзы, малахита, медвѣжьихъ шкуръ на полу. Видно было, что всѣ эти дорогія вещи купились не сразу, а постепенно, въ разныя эпохи, по случаю; хозяинъ хорошо зналъ ихъ цѣнность, но вовсе не понималъ, насколько гармонировали между собою всѣ предметы; съ него было довольно и того, что они дороги и поражаютъ глаза своимъ великолѣпіемъ. Въ кабинетѣ было сильно накурено, точно въ немъ сейчасъ еще пировало нѣсколько мужчинъ. Впрочемъ, вѣроятно, это такъ и было: около камина и въ пепельницахъ валялись еще окурки папиросъ и сигаръ. Войдя въ комнату, Муратовъ услышалъ громкій смѣхъ трехъ-четырехъ мужскихъ голосовъ и смутился. Онъ инстинктивно обвелъ глазами комнату: она была пуста, двери въ нее были заперты, закрыты тяжелыми портьерами, и за этими дверями слышались голоса.

— Тамъ у меня пріятели, — проговорилъ Кречмеръ, замѣтивъ смущеніе Муратова.

Они подошли къ камину.

— Ну-съ, теперь говорите, сколько вамъ надо?—проговорилъ Кречмеръ, усаживаясь съ Муратовымъ въ высокія готическія кресла у камина, гдѣ еще тлѣли уголья.

— Я не за деньгами,—произнесъ Муратовъ.—Я пришелъ вамъ сказать, что Зиминъ умеръ...

— Ага!—съ улыбкой протянулъ Кречмеръ такимъ тономъ, точно хотѣлъ сказать Муратову: «значитъ, ты попался, голубчикъ».

Муратова передернуло. Онъ не зналъ, какъ бы удачнѣе высказать свое желаніе.

— У васъ есть вексель Зимина, переданный вамъ мною,— продолжалъ Муратовъ. — Вы, конечно, должны будете его представить, такъ какъ начнется вызовъ кредиторовъ и должниковъ покойнаго...

Кречмеръ, откинувшись въ креслѣ, молчалъ и улыбался, смотря въ огонь. Муратову казалось, что онъ смѣется надъ нимъ. Онъ жестоко ошибался, потому-что Кречмеру въ эту минуту вспомнились совсѣмъ не дѣловые разговоры, а иныя бесѣды, смѣшившія его за только что конченнымъ обѣдомъ. Эти бесѣды вспоминались ему еще ярче подъ звуки несмолкавшаго въ сосѣдней комнатѣ смѣха.

— Я попросилъ бы васъ не представлять этого векселя, такъ какъ...—началъ Муратовъ и на минуту остановился:— такъ какъ этотъ вексель можетъ компрометировать жену Зимина...

Кречмеръ бросилъ на него лукавый взглядъ и, подмигнувъ ему, ударилъ его слегка по колѣнкѣ.

— Хорошенькая бабенка?—проговорилъ онъ.

Муратовъ постарался небрежно усмѣхнуться. Но его улыбка вышла какою-то плачевною и кислою.

— Такъ какъ же мы это сдѣлаемъ?—добродушно спросилъ Кречмеръ.—Надо, надо помочь ей! Что-жъ напрасно губить бабенку.

Муратовъ начиналъ оживать.

— Я дамъ вамъ вексель отъ себя, а этотъ вы уничтожите,—проговорилъ онъ.

— Ахъ, вы, фантазеры! — отвѣтилъ Кречмеръ, шутливо дотрогиваясь до его руки.—Такъ дѣла не дѣлаются... Свой вексель вы дадите?.. Что значитъ вашъ вексель?..

Муратовъ хотѣлъ что-то сказать, но Кречмеръ повторилъ снова:

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, что значитъ вашъ вексель?

Кречмеръ опять добродушно засмѣялся.

— Позвольте, вы же имѣете дѣло съ благороднымъ человѣкомъ,—проговорилъ Муратовъ въ смущеніи.

— О!—поднялъ руку Кречмеръ съ серьезнымъ выраженіемъ лица. — Я никогда не сомнѣвался въ этомъ, никогда!

Онъ протянулъ руку Муратову и пожалъ его руку, точно увѣряя его въ своей преданности и въ своемъ уваженіи.

— Но у васъ нѣтъ средствъ, — продолжалъ онъ наставительнымъ тономъ.—Вы плохо распоряжаетесь деньгами... Знаете, въ чемъ главное различіе между вами и нами, дѣловыми людьми? Скажите мнѣ, знаете ли вы это?

Муратовъ затруднялся отвѣтомъ.

— Ну, я вамъ скажу,—пояснилъ Кречмеръ.—Мы наживаемъ рубли и тратимъ полтинники; вы же не наживаете и полтинниковъ, а тратите рубли! Вотъ и вся разница!.. Право!.. Другого различія между нами нѣтъ, всѣ мы люди...

Кречмеръ былъ доволенъ придуманнымъ имъ сравненіемъ, и вся его физіономія озарилась широкою улыбкою.

— Я женюсь,—проговорилъ Муратовъ: — женюсь на-дняхъ на очень богатой особѣ...

— А! На-дняхъ?.. на-дняхъ?.. Ну, у васъ, кажется, теперь еще не вѣнчаютъ, — произнесъ, что-то соображая, Кречмеръ.

— Я говорю: на-дняхъ, потому что постъ уже кончился, пройдутъ праздники, и въ первыхъ числахъ января будетъ моя свадьба.

— Могу спросить, на комъ? — вѣжливо освѣдомился Кречмеръ.

Муратовъ отвѣтилъ не вдругъ, точно ему было тяжело произнести здѣсь фамилію своей невѣсты.

— На Сухаревой,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, собравшись съ силами.

— А-а! Прекрасная партія! Прекрасная партія! Поздравляю, поздравляю отъ души!—проговорилъ Кречмеръ, снова пожимая ему руку. — Значитъ, городскіе слухи вѣрны. Я, признаюсь вамъ, не совсѣмъ довѣрялъ имъ... но я очень радъ, очень радъ за васъ...

— Вы понимаете, что я заплачу все тотчасъ послѣ женитьбы,—сказалъ Петръ Павловичъ.

— Да, да, большое состояніе, очень большое! Говорятъ, у дѣвушки сорокъ или пятьдесятъ тысячъ годового дохода, не считая того, что ей оставитъ послѣ своей смерти мать.

— Кажется, что около того... Итакъ, вы видите, что вы ничѣмъ не рискуете, взявъ отъ меня вексель взамѣнъ векселя Зимина,—произнесъ Муратовъ.

Кречмеръ покачалъ головою.

— А если вдругъ... — Кречмеръ остановился и потомъ окончилъ:—если вы умрете до свадьбы?

Муратовъ смутно угадалъ, что Кречмеръ хотѣлъ сказать вовсе не то, что сказалъ: «а если вы лжете?» «а если вы не женитесь?» «а если вамъ откажутъ?»

— Ну, я постараюсь дожить какъ-нибудь до этого времени, — усмѣхнулся Петръ Павловичъ. — Женитьба моя — дѣло рѣшенное, помѣшать ей ничто не можетъ.

— Отчего же бы вамъ не взять у невѣсты теперь тысячъ десять-пятнадцать, чтобы расплатиться со мною вообще?—задумчиво произнесъ Кречмеръ.—Это было бы всего проще.

— Брать у невѣсты деньги наканунѣ свадьбы!—воскликнулъ Муратовъ.—Это было бы уже слишкомъ!

— Да, да. Неловко!..—согласился съ серьезнымъ видомъ старикъ. — Но вѣдь вы же хотите выгородить Зимину въ этомъ дѣлѣ... Надо такъ или иначе это уладить... Обмѣнить векселя Зимина на ваши векселя я положительно не могу... Теперь рисковать нельзя, тѣмъ болѣе, что за одинъ этотъ векселъ, между нами будь сказано, мнѣ дадутъ родственники Зиминой съ удовольствіемъ десять тысячъ... Я васъ увѣряю... Кромѣ того...

Кречмеръ облокотился на ручку кресла и съ таинственнымъ видомъ нагнулся къ Муратову.

— Кромѣ того, я сильно подозрѣваю, что мнѣ былъ бы очень благодаренъ старшій Аносовъ, если бы я представилъ этотъ векселъ Зимина, выданный на ваше имя, съ бланковой надписью его брата. Вы вѣдь, конечно, знаете, какіе слухи ходятъ объ отношеніяхъ этихъ двухъ братьевъ?..

Муратовъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Теперь онъ сообразилъ, что Кречмеръ дѣйствительно могъ разсчитывать на крупныя благодарности со стороны родственниковъ Зимина и со стороны старшаго брата молодого Аносова. Онъ теперь уже боялся, что Кречмеръ потребуетъ за этотъ векселъ десятки тысячъ. Его била лихорадка. Въ эту минуту дверь въ кабинетъ отворилась, и въ нее просунулось длинное лицо одного изъ тощихъ конторщиковъ, племянника и наслѣдника бездѣтнаго вдовца Кречмера. Носъ этого конторщика походилъ теперь на тоненькій кончикъ свеклы; его совсѣмъ сузившіеся черные глазки блистали масломъ, широкій ротъ осклаблялся глуповатой улыбкой подгулявшаго человѣка; длинныя руки его игриво и весело болтались въ воздухѣ, выдѣлывая какіе-то жесты. Въ другое время Муратовъ разразился бы неудержимымъ смѣхомъ при видѣ развеселившагося смиренника, напоминавшаго теперь брыкающагося

и задирающаго хвостъ теленка, впервые попавшаго въ открытое поле.

— Прикажете ждать васъ или ѣхать? — спросилъ онъ, подмигивая дядѣ. — Ахъ, мое почтеніе, господинъ Муратовъ!—обратился онъ развязно къ Муратову, который и не подозрѣвалъ, что тотъ знаетъ его фамилію. — Вы тоже съ нами-съ поѣдете?.. Мы сегодня совсѣмъ того... кутнули... А что еще будетъ!

Длинныя руки замахали въ воздухѣ.

— А-а!—ударилъ себя по лбу Кречмеръ.—Я и забылъ! заболтался съ вами!.. Сейчасъ, сейчасъ иду!—отвѣтилъ онъ племяннику.

— Хорошо-съ! — отвѣтилъ племянникъ и обратился къ Муратову:—Прощайте-съ, господинъ Муратовъ!.. Пожелайте намъ хорошо веселиться!..

Молодой конторщикъ шаркнулъ ногой.

Казалось, онъ вознаграждалъ себя за вѣчное молчаніе и вѣчную неподвижность во время занятій въ конторѣ. Черезъ минуту его длинноносая фигура скрылась за дверью.

— Да, такъ мы кончимъ этотъ разговоръ завтра,—сказалъ Кречмеръ Муратову.—Я готовъ сдѣлать вамъ услугу; признаюсь, бабенку мнѣ эту жаль компрометировать... тысячъ десять, вѣроятно, покроютъ мои счеты съ вами... Но... но я попрошу васъ расплатиться наличными деньгами... ваши векселя тутъ не могутъ помочь... Теперь рисковать нельзя, такія времена... Но до суда, конечно, я не желалъ бы доводить дѣла... Тутъ и безъ того одно такое дѣло начинается... Вы вѣдь знаете Винтера, глупый такой мальчишка изъ прихвостней...

— Да, знаю...

— Ну, вотъ тоже, кажется, попался... Поддѣлалъ чеки отъ имени дяди... Дядя у него почтенный человѣкъ, съ деньгами... Дѣло будетъ скверное... Ужъ теперь такія времена... Всѣ хотятъ жить, а наживать умѣютъ немногіе...

Муратовъ всталъ и пошелъ, провожаемый Кречмеромъ. Онъ совершенно упалъ духомъ, его лицо было страшно блѣдно. Онъ машинально надѣлъ пальто, спустился съ лѣстницы. У подъѣзда, гремя мелкими бубенчиками, стояли двѣ бойкія тройки, взрывавшія копытами снѣгъ.

«Мы наживаемъ рубли и проживаемъ полтинники, а вы не наживаете и полтинниковъ, а проживаете рубли»,— раздавалась въ головѣ Муратова фраза Кречмера.

«Куда теперь ѣхать?» думалось ему. Въ театръ въ ложу

Сухаревыхъ? Но возможно ли въ его положеніи явиться въ ярко-освѣщенный театральный залъ? Онъ сознавалъ, что онъ выглядитъ, должно-быть, страшно. Домой? Но онъ сознавалъ, что нигдѣ не найдетъ теперь себѣ покоя. Онъ взглянулъ на часы: было половина девятаго. Черезъ полтора, черезъ два часа кончится спектакль. Нужно убить это время и потомъ идти къ Сухаревымъ. Нужно рѣшиться на послѣдній шагъ: открыть все Юліи Николаевнѣ. Что она подумаетъ о немъ? Не сочтетъ ли она его негодяемъ, который нарочно устраивалъ дѣло такъ, чтобы она не имѣла возможности отказать ему въ деньгахъ, отказаться отъ него? Продолжаетъ ли она любить его попрежнему? Не пробудилъ ли въ ея душѣ его проступокъ отвращенія къ нему? И зачѣмъ это онъ такъ безтактно извинялся передъ нею? Это еще болѣе возбудило ее противъ него. Онъ переживалъ теперь тяжелую пытку, онъ расплачивался за долгіе годы безпечальнаго житья. Нельзя ли обратиться къ кому-нибудь изъ богатыхъ пріятелей? Да, хороши эти богачи! Они тратятъ десятки тысячъ на подарки кокоткамъ и актрисамъ, но у нихъ почти никогда нѣтъ наличныхъ денегъ. Ни у одного изъ нихъ не найдется десяти тысячъ рублей для спасенія пріятеля. Да и повѣрятъ ли они ему? Не лучше ли спросить деньги у старухи Сухаревой? Но вѣдь она разболтаетъ все и сыну, и Юліи Николаевнѣ; сынъ разскажетъ это всему городу, а Юлія Николаевна — о, она еще болѣе станетъ подозрѣвать его, Муратова, въ грязныхъ цѣляхъ, въ безчестныхъ планахъ. Нѣтъ, нужно испить до конца чашу этой горечи, нужно покаяться съ глазу на глазъ передъ Юліей Николаевной.

«Бѣдная дѣвушка, за что я заставляю тебя страдать!» — почти вслухъ съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ онъ.

Онъ торопился домой, блѣдный, смущенный, и заперся въ своей квартирѣ. Онъ боялся, что къ нему кто-нибудь войдетъ. Передъ нимъ теперь встало все его прошлое, ему представлялось близкое объясненіе съ невѣстой, и его бросало въ жаръ и въ холодъ. Что онъ будетъ говорить? Какъ онъ будетъ объясняться? Онъ ничего не могъ придумать. Онъ чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ его горлу, душатъ его. Его губы невольно шептали какія-то мольбы. Случайно его взглядъ упалъ на небольшой образокъ, висѣвшій высоко въ углу его спальни. Въ его головѣ промелькнула мысль, что онъ украшалъ стѣны своей квартиры пошлыми изображеніями голыхъ Фринъ и Психей и поста-

рался запрятать повыше этотъ едва замѣтный образокъ, которымъ когда-то благословила его мать. Лучше бы ужъ совсѣмъ не вѣшать его, совсѣмъ изгнать изъ комнаты, чѣмъ стыдливо прятать его подъ потолокъ отъ взоровъ посторонних посѣтителей. Да, лучше бы, но онъ боялся сдѣлать это, потому что хотя онъ и глумился часто надъ многими вопросами вѣры, а все-таки суевѣрно молился тайкомъ отъ всѣхъ въ трудныя минуты жизни. Теперь въ его головѣ мелькала мысль, что Богъ наказываетъ его за его глумленія, за его стремленіе казаться невѣрующимъ, за его молитвы, совершаемыя, какъ преступленіе, тайкомъ отъ всѣхъ. Онъ вспомнилъ, какъ разъ Аносовъ, смѣясь, замѣтилъ ему: «ого, ты и образа у себя повѣсилъ», а онъ отвѣтилъ ему, краснѣя: «да, это хозяйскіе, никакъ не желаютъ убрать ихъ!» На его глаза навернулись слезы. Онъ опустился на колѣни, склонилъ къ полу свою голову и молился уже со слезами, шепча, какъ нервная женщина, вмѣсто молитвъ отрывистыя фразы: «Не попусти! не погуби! спаси меня!.. Прости мнѣ мои грѣхи!.. Обрати меня на путь истины!.. Грѣшенъ я, много грѣшенъ передъ Тобою, но помилуй меня... помилуй!..»

Онъ былъ пришибленъ, униженъ, жалокъ.

XIX.

Около одиннадцатаго часа онъ вышелъ изъ дому.

— Пріѣхали господа изъ театра?—спросилъ онъ у швейцара Сухаревыхъ.

— Нѣтъ-съ, еще не пріѣзжали,—отвѣтилъ швейцаръ.

— Я подожду!

Петръ Павловичъ сбросилъ пальто и прошелъ въ залъ. Заложивъ руки за спину, опустивъ голову, онъ тихо ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, слабо освѣщенной сверху лампой. Иногда онъ останавливался, не то обдумывая что-то, не то прислушиваясь къ чему-то. Наконецъ, на улицѣ послышался шумъ подъѣзжавшаго экипажа. Раздались голоса. Онъ узналъ въ нихъ голоса генеральши Сухаревой, tante Catiche и Юліи Николаевны. У него замерло сердце; онъ готовъ былъ убѣжать; въ его головѣ мелькнула мысль: «достаточно приставить къ виску револьверъ, спустить курокъ, и всѣ испытанія кончатся».

— Хорошъ, хорошъ, батюшка!—встрѣтила его старуха.— Юлія чуть не захворала, поджидая тебя.

— Не могъ... задержали,—запинаясь, проговорилъ Петръ Павловичъ.

— Я ужъ думала, не захворали ли вы вдругъ,—заговорила tante Catiche.

— Нѣтъ... ничего...

Муратовъ едва переводилъ духъ. Юлія Николаевна молча поздоровалась съ нимъ и смутилась при видѣ выраженія его лица: онъ былъ не похожъ на себя.

— Чай подавайте!—обратилась генеральша къ лакею.— Мы сейчасъ придемъ въ столовую.

— Все готово-съ,—отвѣтилъ лакей.

Муратовъ тихо, запинаясь, прошепталъ Юліи Николаевнѣ:

— Мнѣ надо будетъ поговорить съ вами...

Юлія Николаевна вопросительно подняла на него глаза и въ смущеніи спросила:

— Сейчасъ?

— Послѣ чаю,—послышался отвѣтъ.

Чай прошелъ вяло. Болтала одна генеральша. Наконецъ, Юлія Николаевна поднялась и проговорила:

— Кузенъ, пройдемтесь по залѣ... Я устала сегодня сидѣть...

Они вышли.

Они вошли въ залу, прошли оттуда въ синюю гостиную. Юлія Николаевна, предчувствуя что-то недоброе, съ замирающимъ сердцемъ ждала, что онъ скажетъ.

— Жюли, вѣришь ли ты, что я тебя люблю?—наконецъ, проговорилъ онъ.

— Что за вопросъ?—прошептала она. — Ты знаешь... я выхожу за тебя замужъ...

Она была встревожена, смущена.

— Да, ты идешь за меня замужъ, ты дала мнѣ слово, но ты не знала вполнѣ моей прошлой жизни...

Она остановила его движеніемъ руки.

— Не говори мнѣ о ней... Забудь о ней самъ... Ты самъ замѣтилъ мнѣ, что это дурная жизнь...

— Да, дурная, проклятая жизнь, но я не могу забыть о ней, отдѣлаться отъ нея, покуда остаются ея слѣды,— горячо проговорилъ онъ.

Она сдвинула брови и удвоила вниманіе.

— Слѣды? Какіе? О чемъ ты говоришь?

— Я запуталъ свои денежныя дѣла...

Она опустила руки: ей вдругъ вспомнились слова сестры: «онъ женится на тебѣ потому, что запуталъ свои денеж-

ныя дѣла». Да, онъ слово въ слово повторилъ фразу ея сестры. Вообще онъ говорилъ все то, что говорила ея сестра. Можетъ-быть, онъ и точно женится на ней только ради поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ.

— Я это знаю,—тихо отвѣтила Юлія Николаевна.

— Знаешь?

— Да. Сестра мнѣ говорила уже объ этомъ.

Онъ весь вспыхнулъ.

— А! Она говорила тебѣ?—воскликнулъ онъ.—Она говорила, что я женюсь на тебѣ, потому что мнѣ нужны деньги, что имѣй я деньги, и я никогда не женился бы на тебѣ?

— Да, — коротко и твердо отвѣтила Юлія Николаевна, взглянувъ прямо ему въ лицо своими ясными глазами.

Онъ смутился: дѣйствительно, онъ сначала хотѣлъ присвататься за нее ради денегъ, онъ хотѣлъ сдѣлать неизбѣжною эту свадьбу, чтобы выпутаться изъ денежныхъ затрудненій. Но развѣ теперь онъ не любилъ ея? Развѣ онъ промѣнялъ бы ее теперь на болѣе богатую невѣсту?

— И ты вѣришь ей?—спросилъ онъ.

Она взглянула куда-то въ сторону.

— Въ послѣднее время я сама не знаю, чему я вѣрю и чему не вѣрю,—болѣзненнымъ тономъ отвѣтила она.

— Жюли! — воскликнулъ онъ и припалъ къ ея рукѣ. — Ты права! Ты права! Ты имѣешь право не вѣрить мнѣ, считать меня негодяемъ! Это самое страшное наказаніе за все мое прошлое! Послѣ, черезъ долгіе годы, я заслужу твое прощеніе, я завоюю твою любовь, твою вѣру въ мою искренность. Теперь же...

Онъ остановился, взволнованный, со слезами на глазахъ. Онъ былъ жалокъ въ эту минуту. До сихъ поръ такимъ жалкимъ, плачущимъ, слабымъ онъ являлся только въ своей спальнѣ, когда его никто не видѣлъ. Теперь онъ являлся такимъ передъ другимъ лицомъ. Юлія Николаевна стояла, опустивъ голову, ждала, что онъ скажетъ. А у него все сильнѣе и сильнѣе подступали слезы; наконецъ, онъ не выдержалъ и зарыдалъ, опустившись на диванъ и закрывъ лицо руками.

— Я не могу, не могу!—прошепталъ онъ.—Это свыше моихъ силъ... Нѣтъ, пусть лучше дѣлаютъ, что хотятъ... Пусть лучше судятъ...

Юлія Николаевна продолжала стоять. Ея брови были сдвинуты, выраженіе лица было серьезно, даже строго. Она походила теперь уже не на дѣвочку, а на женщину, пере-

живающую тяжелую внутреннюю борьбу. Прошло минуты двѣ, наконецъ, она подняла голову, подошла къ нему и провела рукою по его волосамъ. Въ этомъ жестѣ было что-то материнское.

— Полно, Пьеръ,—тихо сказала она.—Говори мнѣ все... Я выслушаю все спокойно...

Онъ, не поднимая головы, не глядя на нее, прильнулъ къ ея рукѣ.

— Я... я... выдалъ фальшивые векселя,—тихо сказалъ онъ.—Ты, конечно, не знаешь, что это значитъ. Меня могутъ за это судить, сослать въ Сибирь... Но мало того, что я запуталъ себя, я запуталъ и Жоржа Аносова... Онъ пострадаетъ также... Это было подло... гнусно...

Юлія Николаевна, не шевелясь, слушала его.

— Завтра, послѣзавтра я долженъ заплатить по этимъ векселямъ или... У меня нѣтъ денегъ... Мнѣ негдѣ достать...

— Сколько нужно?—отрывисто спросила она.

— Десять, двѣнадцать тысячъ...

— Хорошо,—сухо отвѣтила она.

Онъ снова прильнулъ къ ея рукѣ губами. Ему было стыдно глядѣть на нее. У него не хватило силъ увѣрять ее теперь въ своей любви. Онъ сознавалъ, что и ей въ эту минуту было тяжело его присутствіе. Онъ поднялся съ мѣста, сжалъ ея руку и пошелъ. Она не останавливала его, не шла его провожать, оставшись стоять у стола. Минуты черезъ двѣ она какъ бы опомнилась и прошла въ свою спальню. Къ ней вошла горничная.

— Не надо, я сама раздѣнусь,—отрывисто проговорила Юлія Николаевна.

Горничная вышла. Юлія Николаевна опять впала въ раздумье. Она теперь уже совсѣмъ не походила на ту дѣвочку, какою она была такъ недавно. Теперь ее не манило уже замужество, какъ что-то таинственно-прекрасное, какъ что-то неизвѣданно-обольстительное. Оно уже потеряло для нея всю свою поэтическую прелесть съ того дня, когда она побывала у Муратова. Тогда онъ своими животно-страстными ласками разбилъ ея дѣвическія смутныя мечты о поэзіи любви, теперь онъ пошатнулъ въ ней вѣру въ его любовь къ ней вообще. Что если онъ дѣйствительно ищетъ только ея денегъ? Что если онъ любитъ другую? Что, если его раскаяніе, его отвращеніе къ прежней разгульной жизни обусловливается только безденежьемъ? Вѣдь ея супружеская жизнь съ нимъ, утратившая въ ея глазахъ всю таинственную пре-

лесть и заманчивость, сдѣлается мрачнымъ адомъ. Но какъ же отказать ему теперь, когда кромѣ него она, какъ ей казалось теперь, ни за кого не рѣшится выйти замужъ? Не разсчитывалъ ли онъ именно на это, дѣлая умышленно невозможнымъ для нея отступленіе? Не лгалъ ли онъ ей, когда говорилъ, что онъ любитъ ее и только ее одну? У кого спросить совѣта, гдѣ искать поддержки? Она была одна, одна и одна, не знающая жизни, неопытная и безсильная. Если бы ее иначе воспитали, если бы у нея была разумная, любящая семья, она не сбилась бы съ пути, она не сдѣлала бы ошибокъ, она не мучилась бы теперь...

Часы шли за часами, а она не ложилась спать. Она то плакала, то молилась, то какъ-то стихала и серьезно задумывалась, но эти думы были тяжелы, такъ какъ онѣ состояли изъ однихъ вопросовъ, на которые она не умѣла дать отвѣтовъ, и сознавала, что этихъ отвѣтовъ ей не дадутъ ни мать, ни сестра, ни братъ, ни tante Catiche. Они или не понимаютъ ничего, или изолгались, или ни о чемъ не задумывались. Ей теперь дѣлались всѣ эти люди или противны, или жалки; она понимала, что они не могутъ ей служить руководителями... Но на что же она можетъ надѣяться? На время, на опытъ? Не подождать ли выходить замужъ, не присмотрѣться ли поближе къ людямъ и къ жизни? Не испытать ли любви Муратова отсрочкою свадьбы?..

Когда на другой день она проснулась, ея лицо сильно измѣнилось. Мать заботливо спросила ее:

— Здорова ли ты?

— Я? Ничего!—отвѣтила она.

Во время чаю она спросила мать:

— Мама, когда же мнѣ будутъ дѣлать приданое?

Генеральша оживилась, видя въ перспективѣ возможность разъѣзжать по магазинамъ.

— Да, надо будетъ поскорѣе начать,—отвѣтила она.

— Ты изъ своихъ денегъ будешь все дѣлать?

— Ну да, и изъ своихъ, и изъ твоихъ! Надо будетъ взять твои деньги у мужа Мари.

— Да, ты возьми. Я хотѣла бы имѣть и у себя лично деньги, чтобы распоряжаться по своему усмотрѣнію.

— Ахъ, разумѣется, нельзя же предоставить все другимъ, нужно все дѣлать по своему вкусу. Замѣтила ты вчера, какъ красивы были брильянты на Адели Муратовой?

— Да, очень хороши,—отвѣтила Юлія Николаевна, ничего не замѣтившая во время спектакля вслѣдствіе тревоги объ

отсутствіи Петра Павловича.—Я хотѣла бы купить себѣ что-нибудь подобное.

— Да, да, это будетъ хорошо! Мы съ тобой поѣдемъ. Я увѣрена, что эти брильянты куплены у Болэна или у Зефтигена. Надо будетъ сегодня же объѣздить. Впрочемъ, самое лучшее будетъ заказать все по своему вкусу. Я на-дняхъ видѣла розу для волосъ—это просто прелесть! Вся сдѣлана изъ бѣлыхъ брильянтовъ и только въ серединѣ нѣсколько розовыхъ брильянтовъ и самыхъ свѣтлыхъ рубиновъ; нѣжность цвѣтовъ изумительная и при малѣйшемъ колебаніи она просто горитъ, горитъ... Хорошо бы тебѣ заказать такую для поддержки подвѣнечнаго вуаля сзади. Это было бы эффектно: точно упавшая и запутавшаяся въ блондахъ роза...

— Да, да, это будетъ хорошо, — безсознательно согласилась Юлія Николаевна.

Генеральша напала на своего конька: она уже впередъ предвкушала всѣ наслажденія разъѣздовъ по магазинамъ, перерываніе товаровъ, примѣряніе вещей. Она говорила объ этомъ предметѣ съ тѣмъ захлебываніемъ, съ какимъ проголодавшійся обжора говоритъ о вкусныхъ блюдахъ.

— Но я все-таки попрошу дать мнѣ лично на руки часть денегъ,—проговорила Юлія Николаевна.

— Хорошо, хорошо!

— Мнѣ, мама, много, много нужно... Тысячъ пятнадцать... Я буду тогда знать, что и я богата...

У Юліи Николаевны замирало сердце: она боялась отказа.

— Ха-ха-ха! — захохотала генеральша. — Дать ей пятнадцать тысячъ, чтобы она знала, что и она богата! Дурочка моя! Ты думаешь, что пятнадцать тысячъ—богатство! Нашъ Яшка въ прошломъ году въ одинъ день поднесъ танцовщицѣ Неспѣловой однихъ брильянтовъ на двадцать тысячъ! И это такъ, ни за что, ни про что! А она будетъ считать себя богатой, имѣя въ рукахъ пятнадцать тысячъ! Посмотрю я, много ли ты на нихъ сдѣлаешь!

— Я, можетъ-быть, ничего не буду на нихъ дѣлать, а положу въ шкатулку и буду знать, что у меня есть свои деньги,—замѣтила Юлія Николаевна.

— У тебя и есть свои деньги, но не пятнадцать, не двадцать тысячъ, а сорокъ пять тысячъ ежегоднаго дохода, кромѣ того, что ты получишь послѣ меня, — проговорила генеральша, взявъ дочь за подбородокъ и цѣлуя ее въ лобъ.

Онѣ встали изъ-за стола.

— Такъ ты мнѣ дашь, мама, деньги?—спросила Юлія Николаевна.

— Хорошо, хорошо!—отвѣтила генеральша.—А мы, въ самомъ дѣлѣ, сегодня же поѣдемъ смотрѣть нѣкоторыя вещи для приданаго. Погода, кажется, отличная... Ахъ, я совсѣмъ забыла!—вдругъ нахмурилась старуха.—Мари вѣдь хотѣла сегодня пріѣхать, вѣроятно, за тобою... Она, должно-быть, сейчасъ будетъ сюда!

— Я не поѣду болѣе къ ней!—рѣзко отвѣтила Юлія Николаевна.

— То-есть какъ же это?—въ недоумѣніи спросила мать, считавшая невозможнымъ серьезно возражать требованіямъ Марьи Николаевны.

— Да такъ: просто не поѣду—вотъ и все,—холодно отвѣтила Юлія Николаевна.

Старуха съ недовѣріемъ покачала головой. Она и радовалась тому, что ея дочь хочетъ остаться жить у нея, и не вѣрила въ возможность этого счастья.

Черезъ полчаса, дѣйствительно, пріѣхала Марья Николаевна. Бросивъ пристальный взглядъ на нее, можно было замѣтить въ ней сильную перемѣну. Она словно похудѣла и была блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно. Только при помощи довольно большихъ усилій она сохраняла равнодушный и спокойный видъ, стараясь скрыть свое внутреннее волненіе. Дѣло въ томъ, что послѣдніе дни были самыми тяжелыми днями въ ея жизни: ея мужъ, раздражаемый свѣтскими толками и предположеніями насчетъ близкой женитьбы Муратова на Юліи Николаевнѣ, пріѣзжалъ каждый день домой въ такомъ настроеніи, что не церемонился уже вовсе съ женою даже при слугахъ. Оскорбленія, упреки, угрозы, все это обрушивалось на нее, и, въ концѣ концовъ, слышалось одно и то же приказаніе привезти немедленно сестру въ ихъ домъ. Иногда можно было подумать, что онъ начинаетъ сходить съ ума отъ безсильной злобы, отъ сознанія, что не сегодня, такъ завтра «негодяй» Муратовъ, въ качествѣ мужа Юліи Николаевны, получитъ право потребовать у него, у Николая Аносова, отчетъ по опекѣ. Эта мысль приводила Аносова въ ярость, и онъ нападалъ на жену. Несмотря на всю свою выдержку, на всю привычку къ подобнымъ сценамъ, Марья Николаевна, говорившая словами мужа, одѣвавшаяся по вкусу мужа, любившая и ненавидѣвшая по волѣ мужа, падала духомъ и не знала, какъ помочь дѣлу. Взять съ собой сестру отъ матери она не надѣялась и от-

тягивала, по возможности, попытку сдѣлать это. Но, наконецъ, настоянія мужа сдѣлались настолько невыносимыми, что она рѣшилась ѣхать къ матери за сестрой, мало вѣря въ успѣхъ своей попытки. Она поздоровалась съ матерью, съ теткою и сестрой, перекинулась съ ними нѣсколькими фразами и, наконецъ, проговорила:

— Я за тобой пріѣхала, Julie.

— Я останусь здѣсь,—твердо проговорила Юлія Николаевна.

— Ахъ, ты совсѣмъ, какъ дѣвочка, хочешь улизнуть отъ уроковъ, — улыбнулась небрежною улыбкою Марья Николаевна.—Твоя англичанка соскучилась уже о тебѣ.

— Англичанка можетъ такъ же жить при мнѣ здѣсь, какъ и у тебя, если мнѣ вздумается продолжать занятіе англійскимъ языкомъ,—сухо отвѣтила Юлія Николаевна.

Генеральша и tante Catiche сидѣли, какъ на иголкахъ, уже предчувствуя бурю. Имъ, кажется, очень хотѣлось спрятать свои головы и заткнуть свои уши, чтобы не видѣть и не слышать предстоявшаго сраженія. Марья Николаевна нахмурилась.

— Я тебя не понимаю,—проговорила она.

— Мнѣ кажется, дѣло такъ просто, что его не трудно понять,—отвѣтила Юлія Николаевна.—Я хочу жить у матери, а не въ чужомъ домѣ—вотъ и все!

— Ахъ, я не знала, что ты считаешь мой домъ чужимъ домомъ!—обидчиво проговорила Марья Николаевна.

— Не твой домъ, а домъ твоего beau père, домъ твоего мужа, — пояснила Юлія Николаевна. — Ты сама въ немъ чужой человѣкъ...

Марья Николаевна взглянула на мать, какъ бы требуя ея поддержки, но генеральша торопливо встала и начала усердно отыскивать что-то на этажеркѣ. Марья Николаевна не выдержала и вспылила.

— Это кто же тебѣ присовѣтовалъ остаться здѣсь? Твой женихъ, monsieur Mouratoff, конечно? Ему здѣсь удобнѣе вскружить тебѣ окончательно глупую головку.

— Напротивъ того, ему было бы удобнѣе, если бы я была у тебя,—усмѣхнулась Юлія Николаевна.—Напоминая мнѣ постоянно о немъ, браня его постоянно при мнѣ, ты только пробудила бы во мнѣ еще большую любовь къ кузену. Здѣсь же я могу видѣть его самого, могу узнать сама всѣ его дурныя стороны.

— О, Боже мой, какое самомнѣніе!—съ ироніей воскли-

нула Марья Николаевна. — Какъ это ты разсмотришь его дурныя стороны, вѣшаясь ему на шею и только дожидаясь первой возможности выйти замужъ за этого...

— Пожалуйста, не доканчивай,—перебила ее Юлія Николаевна.—Никто не вѣшается здѣсь на шею кузену Пьеру, никто не торопится выйти за него замужъ. Выйду ли я за него—это еще вопросъ, но что я не выйду за него раньше, чѣмъ черезъ годъ—это несомнѣнно.

Марья Николаевна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на сестру и потомъ, словно что-то сообразивъ, съ ироніей передернула плечами:

— Ахъ, вѣроятно, институтская размолвка! — проговорила она.

— Ты ошибаешься, Marie, считая меня ребенкомъ,— отвѣтила Юлія Николаевна.—Можетъ-быть, ты и была права прежде, но я за эти дни много выросла,—съ горечью прибавила она.

Марья Николаевна нѣсколько смутилась. Въ ея душѣ опять мелькнуло подозрѣніе насчетъ дѣйствительныхъ отношеній Муратова къ ея сестрѣ.

— Я, право, ровно ничего не понимаю, — проговорила она въ замѣшательствѣ.

— Ты мнѣ говорила, что кузенъ Пьеръ любитъ не меня, а мои деньги,—сказала Юлія Николаевна.—Но вѣдь это же можно будетъ сказать о каждомъ женихѣ, который присватается за меня. Мое богатство ни для кого не тайна. Я люблю кузена Пьера и хотѣла бы думать, что онъ любитъ меня не за однѣ деньги! Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, я рѣшилась подождать годъ, присмотрѣться къ нему, провѣрить его...

У Марьи Николаевны промелькнула въ головѣ мысль о томъ, что въ продолженіе года Муратовъ можетъ совсѣмъ запутаться въ долгахъ.

— Ну, а если онъ черезъ годъ будетъ не въ состояніи жениться на тебѣ?—проговорила она, глядя испытующимъ взглядомъ на сестру и вспоминая ея слова о томъ, что теперь она *должна* выйти замужъ за Муратова.

— Тогда я не выйду ни за кого,—твердо отвѣтила Юлія Николаевна.

Марья Николаевна опять смутилась. Опять подозрѣнія сильнѣе закопошились въ ея головѣ. Если сестра не выйдетъ замужъ—это не бѣда; они, Аносовы, дольше могутъ играть ея деньгами, дольше могутъ опекать ее. Да, она и

не выйдетъ замужъ, потому что Муратовъ въ годъ успѣетъ окончательно запутаться въ долгахъ, и еще въ какихъ долгахъ! Но для чего же сестра хочетъ жить у матери? Не лучше ли, не выгоднѣе ли переманить ее къ себѣ?

— Я, Julie, не имѣю ничего противъ твоего рѣшенія, дѣлающаго честь твоей разсудительности,—довольно ласково сказала Марья Николаевна. — Но я надѣюсь, что ты не останешься здѣсь. Maman уже мало выѣзжаетъ въ свѣтъ, она...

— Мнѣ не для чего теперь выѣзжать въ свѣтъ,—перебила ее Юлія Николаевна.—Вѣдь туда невѣстъ на смотръ женихамъ вывозятъ, а мнѣ уже не нужны женихи. Да, кромѣ того, Маша, ты меня всегда учила приличіямъ,—не безъ ироніи замѣтила она:—и я теперь вполнѣ понимаю, какъ неприлично мнѣ жить въ домѣ сестры, когда у меня есть домъ моей матери, мой домъ. Я компрометировала бы мать, живя не съ нею, точно она недостойна, чтобы ея дѣти жили подъ ея надзоромъ и защитой.

Генеральша быстро обернулась отъ этажерки и бросила не то благодарный, не то торжествующій взглядъ на младшую дочь. Марья Николаевна въ смущеніи старалась найти въ своемъ умѣ возраженія, но его не являлось.

— Ты... ты не такъ смотришь,—начала она.

— Нѣтъ, Маша, я именно такъ смотрю на дѣло, какъ слѣдуетъ,—перебила ее Юлія Николаевна.—Ты могла оправдывать мое пребываніе въ твоемъ домѣ, а не здѣсь, только необходимостью вывозить меня въ свѣтъ или пренебреженіемъ, недовѣріемъ къ нашей матери. Но первое теперь не нужно, а второе... Я надѣюсь, что ты не станешь утверждать, что наша мать не имѣетъ права требовать, чтобы ея дочь жила у нея?

Марья Николаевна снова вспылила.

— Ты дѣлаешь мнѣ дерзости, ты хочешь поссорить со мною maman!—нервно воскликнула она.

— Ты напрасно сердишься, — отвѣтила Юлія Николаевна.—Ты вообще нынче слишкомъ много волнуешься... Я ничего не хочу; я просто рѣшилась остаться здѣсь и останусь, покуда мама не выгонитъ меня.

— О, Юля! — воскликнула генеральша и протянула ей руку.

Юлія Николаевна поцѣловала ея руку и, улыбаясь, обратилась къ Марьѣ Николаевнѣ.

— И за что ты сердишься, зачѣмъ ты такъ гонишься за дрянной, за глупой дѣвчонкой, какъ ты всегда назы-

ваешь меня? — проговорила она. — Развѣ ты меня любила? Развѣ ты заботилась обо мнѣ? Развѣ ты меня научила чему-нибудь? Нѣтъ, ты только говорила мнѣ, что не прилично, что не принято, что безтактно. Больше я ничего не слышала отъ тебя. Ты даже не могла дать мнѣ объясненій, когда я тебя спрашивала: почему же то или другое не принято, не прилично, безтактно? Ты, вѣроятно, и сама этого не знала, а говорила потому, что такъ тебѣ сказали Аносовы... Ты вѣдь только у нихъ и научилась всему этому, а не въ нашей вульгарной семьѣ... Если бы ты давала мнѣ болѣе серьезные совѣты, мнѣ не пришлось бы передумать, перечувствовать, пережить того, что я испытала въ послѣдніе дни...

— Что за мѣщанство! Попреки! — воскликнула съ презрѣніемъ Марья Николаевна, плохо скрывая свое все возраставшее волненіе.

Юлія Николаевна бросила на нее холодный взглядъ и съ ироніей вопросительнымъ тономъ сказала:

— Это, вѣрно, тоже не принято въ свѣтѣ?

— Maman, я, кажется, становлюсь лишнею въ вашемъ домѣ, гдѣ меня можетъ оскорблять каждая дѣвчонка,—проговорила задыхающимся голосомъ Марья Николаевна, поднимаясь съ мѣста.

— Она мнѣ такая же дочь, какъ ты,—отвѣтила генеральша.

— Да, но она еще слишкомъ молода, чтобы...

— Ну, полно, полно,—перебила ее генеральша.—Я очень рада, что теперь я буду не одна...

— Я вѣрю, что вамъ весело съ нею, но я хлопочу о ней, о ея счастьи, — замѣтила Марья Николаевна. — Она сама говоритъ, что она ни за кого не выйдетъ замужъ, кромѣ Муратова, и что свадьбу съ нимъ она откладываетъ на годъ... Въ этотъ годъ она окончательно скомпрометируетъ себя въ глазахъ общества, а за Муратова, между тѣмъ, не выйдетъ... Что же будетъ послѣ?

— Ты увѣрена, что я не выйду за него? — спросила Юлія Николаевна.

— О, конечно! Вѣдь ему нужна ты именно теперь, а не черезъ годъ! Онъ сдѣлаетъ все, чтобы принудить тебя выйти за него теперь, потому что черезъ годъ эта милая личность будетъ уже сидѣть гдѣ-нибудь въ долговомъ или даже на скамьѣ подсудимыхъ...

Въ лицѣ Марьи Николаевны мелькнуло какое-то злорадное выраженіе, котораго она не могла скрыть.

— И ты этому радуешься?—спросила Юлія Николаевна.— Ахъ, Маша, Маша, какую сухую и черствую женщину сдѣлали изъ тебя Аносовы...

Марья Николаевна вспыхнула и хотѣла что-то возразить, но у нея захватило духъ: ей стало вдругъ невыносимо тяжело.

— Пожалуйста, не возражай,—остановила ее сестра.— Я не знаю, чего бы я ни сдѣлала, чтобы спасти отъ гибели не только друга моего дѣтства, но просто совсѣмъ постороннаго человѣка, близкаго къ гибели, а ты радуешься этому... А вѣдь было время, Маша, когда ты была такъ же добродушна, какъ вся наша семья... И странно бы намъ не быть добрыми, когда у насъ только птичьяго молока недостаетъ... А теперь... Нѣтъ, Маша, ужъ лучше быть женой Муратова, чѣмъ женой такого мужа, который сдѣлаетъ изъ жены такую сухую и черствую женщину, какую сдѣлали изъ тебя.

Марья Николаевна чувствовала, что сестра унижаетъ, разбиваетъ, топчетъ ее въ грязь, и потеряла всякое самообладаніе. Она уже не горячилась, но готова была расплакаться: слезы такъ и душили ее...

— Да, я, дѣйствительно, вижу, что твое присутствіе въ моемъ домѣ было бы величайшимъ моимъ несчастіемъ,— сказала она, черезъ силу сдерживая слезы.

— И все-таки ты дорого бы дала за то, чтобы я переѣхала снова къ тебѣ,—тихо и грустно замѣтила Юлія Николаевна:—потому что ты уже теперь дрожишь при мысли, какъ ты воротишься домой безъ меня, какъ объяснишь мужу мое нежеланіе переѣхать къ тебѣ...

Это былъ послѣдній мѣткій ударъ. Марья Николаевна вздрогнула, сдѣлала шагъ впередъ и вдругъ истерически зарыдала.

— Господи!.. За что, за что ты меня топчешь въ грязь... разбиваешь во мнѣ все, все! — тихо, болѣзненно прошептала она, закрывая лицо руками и опускаясь на стулъ.

— Бѣдная Маша, ты очень, очень несчастлива!—проговорила со вздохомъ Юлія Николаевна.

— И это радуетъ тебя... доставляетъ тебѣ торжество!— рыдала Марья Николаевна.

— Полно, Маша, не говори того, во что ты сама не вѣришь, — съ чувствомъ замѣтила Юлія Николаевна. — Лучше подумаемъ вмѣстѣ, какъ отвратить отъ тебя семейную бурю... Я тебѣ сказала, что я на годъ откладываю

свою свадьбу... Чтобы прекратить толки о себѣ и Муратовѣ, я поѣду за границу... Вѣдь ты, мама, свезешь меня, покажешь мнѣ Европу? — обратилась она къ матери. — Кстати, мы въ Парижѣ у Ворта нѣсколько платьевъ для приданаго закажемъ...

— Да, да, это отлично!—согласилась генеральша.—Мнѣ давно хотѣлось самой побывать у него...

— А какъ же я?—спросила робко tante Catiche.

— Тетя, развѣ мы можемъ уѣхать безъ васъ? А вѣдь вамъ все равно, гдѣ дремать? Въ купэ вагоновъ еще лучше дремлется, чѣмъ дома,—съ улыбкой сказала Юлія Николаевна.

— Да, мнѣ все равно,—согласилась успокоенная tante Catiche.

— Вотъ ты и скажи, Маша, мужу, что ты уговорила меня и на отсрочку брака, и на поѣздку за границу для прекращенія сплетенъ и моихъ безтактностей,—говорила Юлія Николаевна сестрѣ.—И твой мужъ будетъ доволенъ тобою...

Марья Николаевна уже не плакала, но она сидѣла съ низко опущенной головой, съ видомъ униженной, опозоренной женщины. Впервые въ жизни ее довели до того, что она созналась передъ другими въ своемъ несчастьи; впервые въ жизни ей протягивали руку помощи, чтобы спасти ее отъ семейныхъ бурныхъ сценъ. Она не сознавала, что ей нужно сказать, что ей нужно сдѣлать. Какъ-то машинально она поднялась съ мѣста, разсѣянно протянула руку матери и проговорила:

— Мнѣ пора!

Когда она сѣла въ карету, она не помнила, простилась ли она съ сестрою и tante Catiche или нѣтъ, сказали ли ей о днѣ отъѣзда за границу или нѣтъ. Но чѣмъ ближе она подъѣзжала къ своему дому, тѣмъ сильнѣе въ хоасѣ ея мыслей начинала выдѣляться мысль о томъ, что надо приготовиться къ разговору съ мужемъ. Испытанное ею униженіе, сознаніе своего несчастнаго положенія, все это подавлялось теперь чувствомъ привычнаго страха передъ мужемъ и соображеніями о томъ, какъ лучше, какъ искуснѣе предотвратить его гнѣвъ.

— А, пріѣхала! Одна?—встрѣтилъ ее вопросомъ мужъ.

— Да,—отвѣтила Марья Николаевна.—Случились такія интересныя перемѣны... Вообрази себѣ, что я добилась отсрочки брака Julie на годъ... Кромѣ того, Julie съ maman и tante Catiche уѣдутъ на-время за границу...

— Да-а?—удивился Аносовъ.

— Это мнѣ не легко далось, — сказала Марья Николаевна.

— На колѣняхъ просила и плакала,—съ грубой ироніей замѣтилъ онъ.—У тебя глаза, какъ у кролика.

— Да, немного поплакала, — отвѣтила Марья Николаевна.—Все же жаль разстаться со всѣми близкими, хотя я и знаю, что это необходимо... Вѣдь ты самъ же говорилъ, что хоть бы на годъ отсрочить этотъ бракъ, и тогда его не будетъ вовсе...

— Ну-да, ну-да. Теперь бы мнѣ только узнать, кому долженъ Муратовъ, — задумчиво сказалъ Аносовъ. — Я бы нашелъ человѣка, который скупилъ бы его векселя... Ну, да теперь это можно обдѣлать исподволь...

Тотчасъ по отъѣздѣ Марьи Николаевны, Юлія Николаевна обратилась къ матери:

— Мама, теперь денегъ, денегъ на приданое въ награду за побѣду!—проговорила она и постаралась разсмѣяться, обнимая мать.

— Хорошо, хорошо, милая, умная моя дѣвочка!—съ горячимъ чувствомъ говорила генеральша, цѣлуя припавшую къ ея плечу дочь.

Черезъ нѣсколько минутъ Юлія Николаевна прятала уже въ карманъ большую пачку облигацій городского кредитнаго общества и говорила:

— О, какая я теперь богачиха!

Генеральша хохотала отъ души надъ ея восторгомъ, не замѣчая, что ея лицо покрывается пятнами, что ея движенія какъ-то лихорадочны.

XX.

Рано утромъ проснулся Петръ Павловичъ. Муратовъ, блѣдный, похудѣвшій, встревоженный. Ему опять и опять вспоминались всѣ давно и недавно пережитыя имъ событія, и онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ за нихъ. Отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній, отдаться другимъ мыслямъ у него не было силъ; эти воспоминанія, какъ страшный кошмаръ наяву, давили, угнетали его мозгъ. Онъ не вѣрилъ въ свое спасеніе, ему все казалось, что случится еще что-нибудь такое, что помѣшаетъ его спасенію, и ему представлялась картина суда—суда гласнаго, съ присяжными засѣдателями, съ прокуроромъ и защитникомъ, съ знакомой великосвѣтской публикой, съ нимъ, Муратовымъ, на скамьѣ подсудимыхъ. По

его тѣлу пробѣжала дрожь, когда ему представлялось, какъ будетъ безпощадно топтать его въ грязь прокуроръ, какъ унизительно станетъ его оправдывать адвокатъ, ссылаясь на его легкомыслiе, на его недоразвитость, на его неумѣлость. Съ одной стороны онъ явится какимъ-то закоснѣлымъ въ развратѣ негодяемъ, не имѣющимъ ничего святого, представителемъ кутежа, лишеннымъ всякаго понятiя о нравственности преступникомъ; съ другой стороны, онъ предстанетъ передъ обществомъ какимъ-то безхарактернымъ, недалекимъ по уму, легкомысленнымъ и глуповатымъ человѣкомъ, который былъ увлеченъ средою на путь ошибокъ и заблужденiй. Эти два человѣка—прокуроръ и адвокатъ—станутъ рыться въ его душѣ и одинаково, обвиняя и защищая его, унизятъ его и стащутъ съ того пьедестала, на которомъ онъ стоялъ до сихъ поръ въ глазахъ своего муравейника. Нѣтъ, если онъ не достанетъ денегъ, онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ. А что же тогда будетъ съ Жоржемъ Аносовымъ, съ Зиминою? Вѣдь только онъ еще можетъ кое-какъ выгородить ихъ на судѣ. Безъ него они погибнутъ. Это будетъ послѣдняя его подлость, самая крупная подлость въ жизни. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не имѣетъ права губить ихъ, онъ долженъ испить чашу униженiя до дна и тогда, когда ихъ оправдаютъ, а его осудятъ, онъ можетъ покончить съ собою. Судъ будетъ его послѣднею попыткою, послѣднею казнью.

Ходя по комнатѣ, онъ часто подходилъ къ окну; наконецъ, его вниманiе остановили запряженныя четвернею дроги, подъѣхавшiя къ противоположному дому. Онъ вспомнилъ о Зиминѣ, вспомнилъ, что онъ былъ глубоко виноватъ передъ этимъ человѣкомъ, передъ его женою. Онъ не зналъ, что онъ былъ подстрекателемъ къ убiйству этого человѣка, но онъ зналъ, что онъ заставлялъ жену этого человѣка обманывать мужа, что онъ разбилъ ея жизнь. Остановившись у окна, онъ смотрѣлъ, какъ разсыпали по дорогѣ ельникъ, какъ одѣвались факельщики, какъ оправлялись траурные лакеи, какъ собирались похоронные гости, какъ прошли пѣвчiе. Наконецъ, пріѣхало духовенство. Толпа праздныхъ зѣвакъ, сильно возраставшая съ каждою минутою, заволновалась и плотнѣе сдвинулась у подъѣзда. Минутъ черезъ десять, черезъ пятнадцать, показались въ дверяхъ подъѣзда пѣвчiе, одѣтые въ красивые кафтаны; за ними шли дьяконъ и священники; вотъ показался и гробъ. Муратовъ тревожно искалъ глазами кого-то въ этой густой

и пестрой толпѣ празднаго народа, сошедшагося посмотрѣть на чужія похороны... А вотъ и она! Софья Дмитріевна, маленькая, похудѣвшая, похожая на умирающаго ребенка, почти не шла, а волочилась за гробомъ, распустивъ длинный шлейфъ, таща его по снѣгу и по грязи. Опустившись на чьи-то руки, поддерживавшія ее съ обѣихъ сторонъ, свѣсивъ безпомощно на грудь свою головку, она сама походила на блѣдный, бездыханный трупъ, который насильно волокли за гробомъ... У Муратова сжалось сердце: вѣдь это онъ, одинъ онъ, разбилъ эту жизнь... А если бы онъ зналъ, что онъ не только разбилъ ея надежды, но и отравилъ все ея будущее угрызеніями совѣсти! Дроги тронулись,—молодую, безпомощную женщину поволокли за ними, какъ какой-то мѣшокъ, по снѣгу. Онъ не могъ болѣе смотрѣть на нее, онъ опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очнулся и всталъ съ мѣста.

«Недостаетъ еще, чтобы ее повели на скамью подсудимыхъ за меня!» — воскликнулъ онъ и быстро взглянулъ на часы.

Было еще половина одиннадцатаго, и идти къ Сухаревымъ было рано. Ему казалось, что время тянется убійственно медленно. Въ эти минуты у него все сильнѣе и сильнѣе росъ страхъ, что Юлія Николаевна можетъ не достать денегъ. Ему казалось даже, что она навѣрное не достанетъ денегъ: своихъ денегъ у нея не было на рукахъ, у матери она посовѣстится спросить, мать, наконецъ, можетъ не дать... Ему хотѣлось поскорѣе узнать результатъ ея попытки. Но когда настала минута идти къ ней, у него проснулся стыдъ. Ему было совѣстно идти къ ней, совѣстно глядѣть на нее. Онъ сознавалъ, что она можетъ взглянуть на него, какъ на негодяя, какъ на мерзавца, пользующагося выгодами своего положенія, чтобы эксплуатировать ее. Вѣдь она, навѣрное, не спала эту ночь и много думала о немъ, о его поступкѣ. Къ какимъ выводамъ пришла она? Могли ли быть эти выводы въ его пользу? Была ли хоть одна черта въ его поведеніи, говорящая за него? Нѣтъ, нѣтъ, его можно было обвинить во всемъ, но оправдывать его было не за что.

Когда онъ входилъ въ домъ Сухаревыхъ, онъ чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ. Ему было легче говорить съ Зиминой, ему было легче говорить съ Кречмеромъ, чѣмъ

смотрѣть теперь на Юлію Николаевну. Юлія Николаевна уже ждала его. Она была блѣдна послѣ безсонно проведенной ночи, но казалась спокойною, сдержанною, какъ человѣкъ, порѣшившій мучившіе его сомнѣнія и вопросы. Взглянувъ на Муратова, она сразу поняла, что онъ испытываетъ страшныя мѵки.

— Кузенъ, вотъ деньги, — тихо сказала она, торопливо передавая ему бумаги.—Тутъ пятнадцать тысячъ. Можетъ-быть, у васъ еще есть долги. Заплатите ихъ всѣ.

Она говорила ему теперь «вы», а не «ты» безъ умысла, безсознательно, просто потому, что на ея языкъ не подвертывалось слово «ты».

— Вы меня презираете, — тихо сказалъ онъ, опустивъ голову.

Она не могла ничего отвѣтить — ни да, ни нѣтъ. У нея стѣснялось дыханіе.

— Я заслуживаю вполнѣ всего, всего, что вы должны теперь чувствовать ко мнѣ,—съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ онъ. — Я размозжилъ бы себѣ голову, если бы въ этомъ несчастномъ дѣлѣ былъ замѣшанъ только я, а не другія, ни въ чемъ не виновныя личности....

Она тяжело вздохнула. Ей было жаль его, она сознавала, что его нужно бы ободрить, утѣшить, но она чувствовала, что теперь она не въ силахъ говорить съ нимъ, утѣшать его. Ей было тяжело даже и слушать его. Она старалась не смотрѣть на него, не встрѣчаться съ нимъ глазами. Ей хотѣлось только одного, чтобы онъ скорѣе ушелъ.

— Я боюсь, что вся эта исторія никогда, никогда не изгладится изъ вашей памяти, и вы никогда не будете по-прежнему любить меня, — прошепталъ онъ со слезами на глазахъ.

— Любить!—вырвалось у нея восклицаніе, и она, словно испугавшись чего-то, проговорила:—Ступайте, кузенъ... Мы теперь не женихъ и не невѣста... мы просто, по-старому, родные...

— Вы мнѣ отказываете?—воскликнулъ онъ, съ испугомъ поднимая на нее глаза.

— Нѣтъ... но теперь... теперь я не могу выйти за васъ... Я такъ рѣшила... Я думала объ этомъ... много думала и рѣшила... Это и для васъ лучше... Черезъ годъ, черезъ полтора... Но теперь—теперь вы не можете быть моимъ мужемъ...

У нея на каждомъ словѣ обрывался голосъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но она перебила его:

— О, кузенъ, забудьте обо всемъ, что было между нами... забудьте, что вы сватались за меня, что я дала вамъ слово... Вы свободны...

Онъ опять хотѣлъ что-то сказать, но она быстро проговорила:

— Идите, идите!..

Онъ безмолвно повиновался ей, онъ пошелъ и услышалъ за собою глухія рыданія. Онъ быстро вернулся къ ней, но она махнула рукой и, прошептавъ: «Не надо... не надо!»— скрылась изъ комнаты.

Онъ былъ уничтоженъ. Теперь его грызло раскаяніе за его поведеніе съ этой дѣвушкой, ему жгли руки деньги, находившіяся у него въ карманѣ. Ему казалось, что болѣе унизить его было невозможно: отъ него точно откупались, только бы избавиться отъ его сватовства, отъ его ухаживаній. Но вѣдь онъ стоитъ этого, она не могла теперь смотрѣть на него иначе, какъ на негодяя. Она не могла не бояться брака съ нимъ, потому что все—его недавнее поведеніе, ея сестра, его послѣдняя просьба о деньгахъ,— все говорило противъ него. Но поправить сдѣланнаго было нельзя. Онъ не могъ даже отдать назадъ эти проклятыя деньги, потому что отъ нихъ зависѣло теперь спасеніе Аносова и Зиминой.

Минутъ черезъ десять онъ былъ уже у Кречмера. Кречмеръ принялъ его, по обыкновенію, съ офиціальною сухостью. На лицѣ стараго жида не осталось и слѣда отъ того настроенія, въ которомъ видѣлъ его Муратовъ послѣдній разъ. Дѣлецъ былъ снова холоднымъ и сухимъ дѣльцомъ, съ зоркими глазами и односложными отвѣтами.

— Я вамъ принесъ деньги, чтобы получить обратно свои векселя,—сказалъ коротко Муратовъ.

— Очень радъ,—отвѣтилъ Кречмеръ.—Мы, кажется, уговорились за десять тысячъ?

— Да,—отвѣтилъ Муратовъ, вынимая деньги.

— Вы сейчасъ получите векселя.

Кречмеръ всталъ и удалился въ свой кабинетъ, затворивъ за собою двери. Минутъ черезъ десять онъ вынесъ векселя и положилъ ихъ около себя. Муратовъ подалъ ему деньги. Кречмеръ пересчиталъ ихъ два раза и подвинулъ векселя къ Муратову.

— Кажется, всѣ,—проговорилъ старикъ.

— Да, всѣ! — отрывисто сказалъ Муратовъ, торопливо собирая векселя.

Онъ даже не простился съ старикомъ, торопясь домой.

Онъ сознавалъ теперь, что онъ спасенъ, что ему уже не грозятъ никакія опасности. Онъ дышалъ теперь свободнѣе, но не былъ ни спокоснъ, ни веселъ. Онъ выглядѣлъ какимъ-то подавленнымъ, униженнымъ. Иногда по его тѣлу пробѣгала дрожь, когда онъ опять вспоминалъ, какая участь грозила ему, ясно представляя себѣ, какимъ жалкимъ предсталъ бы на судъ онъ, блестящій петербургскій фатъ, державшійся такъ надменно, смотрѣвшій съ такимъ презрѣніемъ на толпу, выказывавшій всегда бретерскія наклонности. Порой ему становилось до боли стыдно, когда онъ вспоминалъ послѣднее свое свиданіе съ Юліей Николаевной, которая, какъ казалось ему, должна теперь презирать, ненавидѣть его. Среди этихъ думъ ему вдругъ пришло въ голову, что его испытанія еще не кончены, что онъ еще не покончилъ съ Софьей Дмитріевной, что ее нужно извѣстить о выкупѣ векселя, что она можетъ разсказать объ этомъ векселѣ. Ея видъ, ея слова во время ихъ послѣдняго свиданія поразили его, заронили въ немъ мысль, что она какъ будто помѣшалась, что она можетъ выдать всѣмъ и каждому ихъ тайну. Онъ рѣшился написать ей коротенькое письмо, чтобы извѣстить ее объ уничтоженіи векселя и сказать о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Петербурга. Онъ сѣлъ къ письменному столу и сталъ писать:

«Милостивая Государыня
Софья Дмитріевна!

«Вексель находится въ моихъ рукахъ, и я его уничтожаю...»

Онъ остановился, зачеркнулъ написанное и задумался. Черезъ минуту онъ писалъ снова:

«Не бойтесь теперь ничего, мнѣ удалось устранить всякую опасность...»

Эти слова снова были зачеркнуты, и на мѣсто ихъ появилась фраза:

«Всѣ дѣла улажены благополучно...»

Наконецъ, онъ бросилъ перо, всталъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Развѣ возможно писать о такихъ вещахъ! Это просто безуміе! Я точно мальчикъ поступаю!—пробормоталъ онъ въ волненіи и, скомкавъ бумажки, бросилъ ихъ въ каминъ.

Вѣдь эта бумажка могла попасть кому-нибудь въ руки. Кто могъ поручиться, что Софья Дмитріевна прочтетъ его письмо и тотчасъ же его уничтожитъ? Она совсѣмъ расте-

рялась, она, быть-можетъ, больна, и его письмо можетъ попасться въ чужія руки. Мало ли преступленій открывалось по самой ничтожной неосторожности преступниковъ. Такія объясненія должны дѣлаться съ глазу на глазъ. Онъ долженъ еще разъ видѣть эту женщину, переговорить съ нею. Что, если она упадетъ къ его ногамъ и будетъ просить его не покидать ее? Неужели онъ долженъ будетъ добивать ее, и безъ того убитую, говоря ей, что онъ не любитъ уже ее, что онъ и не любилъ ее никогда, а просто игралъ ея любовью по легкомыслію, по вѣтрености, по привычкѣ къ любовнымъ интрижкамъ? Но если онъ не порветъ разомъ своей связи съ нею, то онъ только запутаетъ еще болѣе свои отношенія. Онъ былъ какъ на горячихъ угольяхъ.

Ему было и страшно идти къ Зиминой, и хотѣлось скорѣе разрубить этотъ послѣдній узелъ. Но идти къ Зиминой раньше вечера было невозможно: у нея, вѣроятно, были теперь гости и родные, оставшіеся послѣ похороннаго обѣда. Надо было ждать вечера. Кстати онъ вспомнилъ о вещахъ Зиминой, перебранныхъ имъ у нея и заложенныхъ у ростовщиковъ. Эти вещи нужно сейчасъ же выкупить и отдать ей, чтобы послѣ не встрѣтить необходимости еще разъ видѣться съ нею. Онъ сходилъ за вещами и вечеромъ направился къ квартирѣ Зиминыхъ. На его стукъ въ дверь кухни Зиминыхъ вышла Дарья.

— Могу ли я видѣть Софью Дмитріевну?—спросилъ Муратовъ.

— Барыни нѣтъ. Ихъ увезли-съ,—отвѣтила Дарья.

— Увезли? Кто? Куда? — быстро спросилъ Муратовъ, испугавшись чего-то.

— Тетенька покойнаго Леонида Григорьевича увезли-съ къ себѣ. Барыня никакъ здѣсь оставаться не могли и захворали... совсѣмъ ровно не въ своемъ умѣ стали... А тетенька покойнаго Леонида Григорьевича у мадамы номеръ снимаетъ, такъ тамъ у нихъ комнатка была свободная, ну, онѣ и увезли Софью Дмитріевну...

Муратовъ молчалъ и не трогался съ мѣста, хотя ему и не для чего было здѣсь оставаться.

— Ужъ такъ-то убивались онѣ, такъ-то убивались, что я и сказать не могу, — продолжала Дарья въ сотый разъ разсказывать жалостную исторію своей барыни.—Какъ это только панафиду служить начнутъ, станутъ онѣ въ уголокъ, не шевельнутся, да вдругъ взглянутъ это на покойника-то, крикнутъ: «не могу, не могу!» и начнутъ это на полу

биться, биться, ровно въ падучей. Поднимутъ это ихъ, отнесутъ въ другую комнату, посадятъ въ кресло, въ чувствія начнутъ приводить, ну и стихнутъ онѣ немного. Священникъ кончитъ эту панафиду, разоблачится, тоже къ нимъ придетъ, говоритъ: «Не убивайтесь, сударыня, это великій грѣхъ убиваться. Богъ все къ лучшему дѣлаетъ. Все въ Его волѣ. Вашъ супругъ былъ человѣкъ болѣзненный и жить никакъ не могъ, а только мучился. Богъ прекратилъ его страданія и успокоилъ его. Вамъ нужно покориться Его святой волѣ и молиться объ упокоеніи души усопшаго, почтить добрыми дѣлами его память. На поминовеніе его души въ церковь вкладъ сдѣлать или тамъ бѣднымъ помочь». Говоритъ это священникъ таково жалостно, а барыня сидитъ, ручки висятъ какъ плети, голова на грудь свалилась, и нѣтъ отъ нея ни гласу, ни послушанія...

Муратовъ стоялъ, опустивъ голову, и молча, забывшись, слушалъ Дарью.

— Барыня-то это сидитъ, ровно окаменѣлая, а священникъ все свое, все свое, — продолжала словоохотливая Дарья. — «Богъ, говоритъ, всякія испытанія на пользу и спасеніе человѣка посылаетъ. Забываемъ мы Бога въ счастіи, покуда громъ не грянетъ, только въ несчастіи познаемъ мы Его святой промыселъ и обращаемся къ нему. Вотъ и вы, сударыня, воспользуйтесь своимъ положеніемъ для добрыхъ дѣлъ». А барыня все сидитъ и не шелохнется, какъ въ столбнякѣ. Такъ ее и за гробомъ повели безъ всякаго чувствія, а въ церкви, какъ стали всѣ съ покойнымъ бариномъ прощаться, хотѣли ее подвести къ гробу, а она забилась, забилась, да, ровно мертвая, такъ и рухнулась на полъ. Такъ ее тетенька покойнаго Леонида Григорьевича и увезли къ себѣ въ безчувствіи. Сейчасъ сюда заѣзжали, все это разсказывали... Теперь, говорятъ, горячка, кажется, открывается... боюсь, какъ бы тоже не померла... сидѣлку къ ней изъ «Общины» хотимъ взять... священникъ рекомендовалъ...

Дарья еще что-то разсказывала о томъ, что ей поручили квартиру сторожить, что все опечатано и что она товарку ночевать пригласила, потому что все же одной боязно, душа человѣка сорокъ дней все бродитъ тамъ, гдѣ жилъ человѣкъ, грѣхи свои оплакиваетъ,—но Муратовъ ничего уже не слыхалъ. Онъ постоялъ, постоялъ на площадкѣ лѣстницы и началъ медленно, усталой походкой, спускаться внизъ.

Кое-какъ дотащился онъ до своей квартиры, сбросилъ пальто и бросился на постель. Теперь онъ ощущалъ чисто физическую боль во всемъ тѣлѣ, во всѣхъ членахъ. Въ послѣдніе дни онъ все торопился, все спѣшилъ, точно боялся, что вотъ-вотъ онъ опоздаетъ и извѣстить Кречмера о смерти Зимина, и переговорить съ Зиминой, и добыть деньги, и отдать ихъ Кречмеру, и передать Зиминой вѣсть о спасеніи и ея вещей. Эта излишняя, вызванная охватившимъ его страхомъ, торопливость, это совсѣмъ ненужное метаніе изъ одного конца города въ другой, эти безпрерывныя тяжелыя встрѣчи и сцены, то унижавшія, то пугавшія его,—все это истощило его физическія силы, и, упавъ теперь на свою постель, онъ забылся тяжелымъ сномъ.

Когда онъ проснулся утромъ, было уже довольно поздно. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ проспалъ ночь, не раздѣвался. Въ его усталомъ мозгу прежде всего смутно промелькнула мысль, что онъ теперь спасенъ, что теперь ему нечего бояться. Онъ машинально, безсознательно перекрестился и широко вздохнулъ. Ему вспомнилась та, кому онъ былъ обязанъ спасеніемъ. Идти ли къ ней? О, онъ теперь въ слезахъ бросился бы къ ея ногамъ. Но будетъ ли пріятно теперь ей это посѣщеніе? Она не вѣритъ ему, не вѣритъ его словамъ, ей нужно доказать теперь, что онъ вступилъ на новый путь, что онъ любитъ ее и только ее одну. Онъ всталъ и началъ серьезно обдумывать свое будущее. Въ его головѣ начали возникать планы новой жизни, новой дѣятельности. До сихъ поръ онъ небрежно относился къ службѣ, теперь онъ хотѣлъ посвятить себя этой службѣ, подготовиться въ академію. Его лицо уже начинало проясняться, ему уже становилось все легче и легче, какъ вдругъ онъ увидалъ на кушеткѣ брошенный имъ свертокъ: это были футляры съ вещами Зиминой, завернутые въ бумагу. Эти вещи, какъ грозное memento mori, напомнили ему, что съ прошлымъ сведены еще далеко не всѣ счеты, что покуда у него будутъ эти вещи—онъ долженъ ждать свиданія съ Зиминой, объясненія съ ней. Нельзя же переслать ей эти вещи, нельзя же извѣстить ее письмомъ объ уничтоженіи векселя. Но какъ приметъ его эта женщина, какъ отнесется она къ нему, когда пройдутъ первые порывы ея горя, когда пройдетъ ея болѣзнь. Онъ, точно боясь смотрѣть на эти вещи, поспѣшно спряталъ ихъ въ письменный столъ. Но не прошло и десяти минутъ, какъ онъ всталъ изъ-за поданнаго ему чаю, чтобы достать мел-

кихъ денегъ, открылъ ящикъ письменнаго стола и снова наткнулся на эти вещи; онъ нахмурился и переложилъ ихъ въ другое мѣсто, подальше. Онѣ внушали ему какой-то суевѣрный страхъ.

— Нѣтъ, мое прошлое не кончено, покуда онѣ здѣсь,— прошепталъ онъ.

Муратовъ раздумывалъ, за что ему приняться, что дѣлать, когда въ передней послышался знакомый ему голосъ Якова Сухарева.

— Дома? Всталъ?—спрашивалъ Сухаревъ.

— Встали-съ, пьютъ чай,—отвѣтила горничная и слабо вскрикнула.

— Что, не любишь, когда щиплютъ? — захохоталъ Сухаревъ.

Онъ вошелъ къ Муратову.

— Здравствуй, ты что это такъ поздно изволилъ подняться? — спросилъ онъ, здороваясь съ Петромъ Павловичемъ. — А у тебя славная дѣвчонка прислуживаетъ. Оно хорошо въ домашнемъ обиходѣ. Только щипковъ не любитъ, кричитъ!

— Хочешь чаю?—спросилъ Муратовъ.

— Вотъ выдумалъ!—пожалъ плечами Сухаревъ, доставъ изъ портсигара и закуривъ папиросу. — Я къ тебѣ на минуту. Сестра просила заѣхать...

— Юлія Николаевна?—торопливо спросилъ Муратовъ.

— А ты думалъ Марья Николаевна? Очень ты ей нуженъ!.. Скажи, пожалуйста, какія тамъ у тебя дѣла завелись?..

— Дѣла? Какія же у меня дѣла?—въ недоумѣніи и смущеніи проговорилъ Муратовъ.

— Да ты же самъ говорилъ Сушкѣ, что у тебя эту недѣлю есть какія-то дѣла, которыя задержатъ тебя и помѣшаютъ быть у насъ,—сказалъ Сухаревъ.

— А да... да, это мои личныя дѣла... да, точно я говорилъ, что я не могу быть у васъ на этой недѣлѣ,—подтвердилъ ничего не понимающій Муратовъ.

— Ну, вотъ она и просила меня заѣхать къ тебѣ,—сказалъ Сухаревъ. — Ты вѣдь, вѣроятно, слышалъ, что наши барыни вдругъ собрались за границу ѣхать и такъ торопятся, что maman изъ коляски не выходитъ, закупая какіе-то сакъ-вояжи, баулы, чемоданчики и чортъ знаетъ еще что. Сушка и просила меня заѣхать къ тебѣ и сказать, чтобы ты хоть на желѣзную дорогу пріѣхалъ проводить ихъ, если ужъ не можешь побывать у насъ...

— Да, да, я заѣду проводить ихъ, — печально отвѣтилъ Муратовъ.

Онъ понялъ, что Юлія Николаевна не хочетъ видѣть его у себя до отъѣзда.

— Да ты еще, можетъ-быть, и у насъ побываешь, дѣла не убѣгутъ,—сказалъ Сухаревъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу заѣхать къ вамъ... Я даже на нѣсколько дней уѣду изъ Петербурга... Мнѣ надо,—говорилъ Муратовъ.—Но ты дай мнѣ знать о днѣ ихъ отъѣзда... я долженъ быть на дебаркадерѣ... проститься...

Муратовъ замолчалъ. Прошло съ минуту молчанія. Сухаревъ докурилъ папиросу и поднялся съ мѣста.

— Ты куда-нибудь собираешься?—спросилъ онъ у Муратова.

— Да, мнѣ надо, — отвѣтилъ тотъ, тоже поднимаясь съ мѣста.

Онъ до этой минуты никуда не думалъ выходить, но теперь ему хотѣлось отдѣлаться отъ Сухарева, провѣтриться.

— Въ какую сторону? Я подвезу...

— А ты куда?

— Въ наши казармы...

— Нѣтъ, мнѣ въ другую сторону...

Муратовъ пріодѣлся и оба пріятеля вышли вмѣстѣ.

Сухаревъ сѣлъ въ свои сани. Муратовъ пошелъ пѣшкомъ, по направленію къ Невскому. Онъ шелъ безъ цѣли, свернулъ съ Морской на Невскій, дошелъ до Гостинаго двора. Ему бросилась въ глаза освѣщенная часовня съ молящимся людомъ, онъ набожно перекрестился и еще болѣе задумался.

— Прикажете подавать?—обратился къ нему стоявшій у тротуара извозчикъ.

— Къ часовнѣ Спасителя, на Петербургскую,—отвѣтилъ Муратовъ, садясь въ сани.

Онъ поѣхалъ.

«Не хочетъ меня видѣть... Правда, ей тяжело меня видѣть, если она меня презираетъ, не любитъ болѣе... Но зачѣмъ же она проситъ пріѣхать на дебаркадеръ, проститься?.. Для того, чтобы не навлечь подозрѣнія на нашъ разрывъ, чтобы всѣ думали, что наши отношенія не измѣнились?.. У нея есть тактъ... Она щадитъ меня...»

Онъ тяжело вздохнулъ.

«Не написать ли ей, не объяснить ли ей все?.. Но что же я буду объяснять?.. Она и такъ все знаетъ... Негодяй,

негодяй и негодяй, вотъ все, что можетъ она думать обо мнѣ теперь, что можетъ вычитать изъ моей исповѣди... Нѣтъ, тутъ не словами нужно оправдываться, а жизнью... Тутъ нужно время, можетъ-быть, цѣлые годы для поправленія своей репутаціи...»

Онъ еще болѣе задумался.

«Ну, что-жъ, годы, такъ годы! Жизнь еще не ушла, жизнь еще впереди... Неужели же не хватитъ ни умѣнія, ни силъ, ни мужества для борьбы съ самимъ собою?.. Вѣдь эта борьба не безъ надежды, не безъ цѣли... Призъ впереди, и какой призъ!.. О, чего я не сдѣлаю, чтобы завоевать ее... Она даромъ, безъ боя, безъ усилій отдавалась мнѣ, но я тогда не зналъ цѣны ей... А теперь,—теперь я понимаю, что я теряю въ ней... Изъ нея выйдетъ не такая женщина, какъ ея мать, какъ ея сестра... Что-жъ, посмотримъ, можетъ-быть, удастся...»

Онъ подъѣхалъ къ часовнѣ Спасителя, вышелъ изъ саней и направился къ историческому домику, гдѣ проливалось не мало слезъ, гдѣ возносилось не мало молитвъ скорбящимъ и вѣрующимъ людомъ. Онъ тихо вошелъ въ небольшую комнату, съ темными стѣнами, съ низенькимъ потолкомъ, заставленную образами, озаренную трепетнымъ свѣтомъ горящихъ восковыхъ свѣчей, сильно наполненную тяжелымъ запахомъ ладана и воска. Здѣсь царствовала полнѣйшая тишина: сторожъ, наблюдавшій за свѣчами, ходилъ на цыпочкахъ, словно боясь кого-то разбудить, нарушить чьи-то молитвенныя грезы; два-три богомольца стояли въ сторонѣ, у стѣнъ, склонивъ головы, набожно крестясь и шевеля губами, шепчущими молитвы; казалось, люди не замѣчали здѣсь другъ друга и забывались въ своихъ благоговѣйныхъ сновидѣніяхъ. Муратовъ тоже машинально склонилъ свои колѣни и словно застылъ, смотря на темный, матовый ликъ Спасителя съ строгими большими глазами, какъ будто смотрящими въ душу. Минуты летѣли за минутами, а Муратовъ все молился, и все свѣтлѣе, все спокойнѣе становилось у него на душѣ. Онъ не замѣчалъ, какъ входили и уходили молившіеся здѣсь люди, не замѣчалъ, какъ текли по его лицу и падали на грудь его пальто крупныя слезы. Когда онъ поднялся, онъ былъ совершенно спокоенъ, онъ приложился къ образу, далъ сторожу деньги на свѣчку, положилъ какую-то мелочь въ кружку и вышелъ изъ часовни. Ему показалось послѣ полумрака часовни какъ-то особенно свѣтло на улицѣ; ему, послѣ душной наркотической атмо-

сферы часовни, дышалось особенно свободно на свѣжемъ воздухѣ...

«О, если бы всегда было такъ легко на душѣ»,—подумалъ онъ, возвращаясь домой.

XXI.

Дни шли за днями, насталъ день отъѣзда Сухаревыхъ за границу. Муратовъ явился на дебаркадеръ. Сухаревы пріѣхали довольно поздно, ихъ провожалъ Яковъ Сухаревъ, Марья Николаевна Аносова, Николай Аносовъ, Левинъ и еще какія-то двѣ-три личности. Муратовъ не могъ перекинуться съ отъѣзжающими и двумя словами безъ свидѣтелей. Онъ только замѣтилъ, что Юлія Николаевна похудѣла, поблѣднѣла и была грустна. Она пожала его руку, спросила о здоровьи, но къ нимъ тотчасъ же торопливо присоединилась Марья Николаевна съ какими-то вопросами. Наконецъ, раздался второй звонокъ, нужно было садиться въ вагонъ. Всѣ стали прощаться.

— Кузенъ, я жду вашихъ писемъ,— проговорила Юлія Николаевна, пожимая руку Муратова.

— Они вамъ нужны?—тихо спросилъ онъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Отъ кого же я узнаю о васъ, если не отъ васъ самихъ?—сказала она.

Онъ еще разъ крѣпко сжалъ ея руку. У него навернулись на глазахъ слезы. Черезъ нѣсколько минутъ раздался еще звонокъ, пронесся рѣзкій звукъ свистка, поѣздъ тронулся. Всѣ провожавшіе, вполнѣ довольные, что обрядъ упорнаго и холоднаго прощанія кончился, стали расходиться.

— Ты со мной?—спросилъ Сухаревъ у Муратова.

— Пожалуй,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Ну, теперь совсѣмъ на свободѣ остался,— замѣтилъ Николай Аносовъ, обращаясь къ Сухареву.

— Я, кажется, и прежде не былъ на привязи,— отвѣтилъ Сухаревъ.

Аносовъ презрительно улыбнулся и посмотрѣлъ на Сухарева какъ-то свысока, какъ на глупаго мальчишку и пошляка.

— Все же при матери и сестрѣ нельзя было обратить свой домъ въ кабакъ для друзей-пріятелей,—замѣтилъ онъ своимъ обычнымъ грубымъ тономъ.—Да, кстати о друзьяхъ-пріятеляхъ! Ты слышалъ, что одинъ изъ твоихъ прихлебателей уже попался въ мошенничествѣ?.. Какъ его зовутъ?

Винтеръ, кажется... Ты будь осторожнѣе, можно и самому попасть въ скверную исторію съ этими господами.

Сухаревъ пожалъ плечами.

— Эти господа не довольствуются тѣмъ, что обираютъ васъ, расточителей, но еще постараются забрызгать васъ своею грязью,—продолжалъ Аносовъ. — Имъ вѣдь терять нечего, это вѣдь, какъ выражается твоя мать, настоящіе «санкюлоты», они и ставятъ все на карту, только бы какъ нажиться на чужой счетъ.

Общество вышло на подъѣздъ. Аносовымъ былъ поданъ экипажъ, за нимъ поѣхали сани Сухарева. Аносовы холодно простились съ Сухаревымъ и Муратовымъ, не протянувъ послѣднему даже руки. Николай Аносовъ третировалъ Якова Сухарева съ нескрываемымъ презрѣніемъ, къ Муратову же онъ не чувствовалъ теперь ничего, кромѣ ненависти.

— Козелъ-проповѣдникъ, — сердито проворчалъ Яковъ Сухаревъ, садясь съ Муратовымъ въ сани.—Туда же проповѣди мнѣ читаетъ, чтобы остерегался воровъ, а самъ первый воръ, обкрадывающій насъ...

— Ты бы ему это и замѣтилъ,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Э, связываться не хочется!—махнулъ рукой Сухаревъ.

— Да, но кто послушаетъ его проповѣдей, тому не особенно пріятно будетъ сближаться съ тобою,—замѣтилъ Муратовъ.—Аносовъ будетъ указывать на того пальцами, какъ на грабителя, обирающаго тебя...

— Такъ ему и повѣрятъ! Да и какое ему дѣло?

— Дѣла-то ему тутъ нѣтъ никакого, а трезвонить на всѣхъ перекресткахъ о томъ, что тебя грабятъ, онъ все-таки будетъ... Впрочемъ, пусть его дѣлаетъ, что хочетъ,—меня это не касается... Я теперь порвалъ старыя связи, засяду за книги и успокоюсь и отъ нежеланныхъ встрѣчъ, и отъ пошлыхъ сплетенъ...

— Да ты серьезно думаешь объ академіи? — удивился Сухаревъ.

— Серьезно... Немного трудно будетъ, запустилъ я время, ну, да авось припомню забытое...

— Ты сильно измѣнился за послѣднее время...

— Да? Даже и ты замѣтилъ, — усмѣхнулся съ горечью Муратовъ.—Надо же было когда-нибудь измѣниться... Ты вотъ, пожалуй, никогда не измѣнишься, пока не хватитъ параличъ...

Они подъѣхали къ Сухаревскому дому.

— Ты ко мнѣ? У меня сегодня всѣ наши, поминки по

отшедшимъ въ лучшій міръ совершать будемъ,—разсмѣялся Сухаревъ.

— Нѣтъ, я домой,—отвѣтилъ Муратовъ.

Онъ пожалъ руку Сухарева и тихо, въ раздумьи, побрелъ домой.

Онъ вспомнилъ и послѣднія слова Юліи Николаевны, и грубыя фразы Аносова, направленныя, очевидно, противъ него, Муратова. Эти фразы задѣли его за живое, онѣ дышали презрѣньемъ къ нему. На минуту онъ взволновался новымъ чувствомъ—ненавистью къ Николаю Аносову. Но черезъ минуту онъ поднялъ голову и почти вслухъ проговорилъ:

— А, что мнѣ теперь до нихъ за дѣло!

И точно ему теперь не было никакого дѣла до разныхъ Аносовыхъ; онъ готовъ былъ запереться въ своей квартирѣ, зарыться въ книгахъ, наверстать все то, что было потеряно, забыто, упущено изъ виду. Его самолюбіе, толкавшее его еще такъ недавно на дорогу блестящихъ кутежей и волокитства, толкало его теперь на новый путь,—на путь упорнаго труда и исправленія. Онъ хотѣлъ работать, хотѣлъ исправиться, потому что только этимъ способомъ, какъ ему казалось, онъ могъ опять подняться, высоко стать въ глазахъ общества. Стоять высоко въ глазахъ общества—вотъ что было главною задачею, единственною цѣлью въ его жизни до сихъ поръ, вотъ что должно было остаться главною задачею, единственною цѣлью въ его жизни въ будущемъ. Мѣнялись только средства для рѣшенія этой задачи, мѣнялся только путь для достиженія этой цѣли. Муратовъ привыкъ въ нѣсколько лѣтъ своей безпечальной жизни слышать вокругъ себя шопотъ: «Кто этотъ красавчикъ-мальчикъ?»—«Петя Муратовъ».—«Кто этотъ безпощадный Донъ-Жуанъ?»—«Пьеръ Муратовъ».—«Кто этотъ блестящій офицеръ?»—«Петръ Павловичъ Муратовъ». Всѣ въ его обществѣ интересовались имъ, всѣ близкіе къ нему люди завидовали его успѣхамъ, всѣ въ его муравейникѣ искали его знакомства. Отвыкнуть отъ этого, отказаться отъ этого было свыше его силъ. Если его и мучило что, такъ это сознаніе, что его успѣхи начинаютъ дѣлаться сомнительными, что его кредитъ начинаетъ колебаться, что ему грозитъ будущность никому ненужнаго и всѣми забытаго промотавшагося кутилы, состарѣвшагося Донъ-Жуана; этой будущности хотѣлъ онъ избѣжать, сдѣлавъ впервые предложеніе Сухаревой. Мы знаемъ, чѣмъ кончилась исторія этого сватовства, но Му-

ратовъ не имѣлъ еще основаній отчаиваться въ будущемъ своемъ успѣхѣ; онъ еще могъ надѣяться, что онъ успѣетъ завоевать снова любовь Юліи Николаевны и снова занять видное мѣсто въ обществѣ. Съ этой надеждой въ душѣ онъ, какъ человѣкъ, оправившійся отъ тяжелой болѣзни, чувствовалъ себя хорошо, ему дышалось легко въ его уединеніи, онъ даже былъ радъ, что Юлія Николаевна уѣхала навремя, что кругомъ его не было никого, кто могъ бы напомнить ему о его недавнемъ прошломъ. А Зимина? Она была въ Петербургѣ, ея вещи еще лежали въ его письменномъ столѣ, онѣ попадались ему подъ руки и снова напоминали, что связь съ недавнимъ прошлымъ еще не порвана, что оно еще не умерло. Это было послѣднее облако разсѣянной бури, но покуда было оно, — нельзя было поручиться, что буря не возобновится снова. Разъ вечеромъ онъ зашелъ въ квартиру Зиминыхъ справиться о здоровьи Софьи Дмитріевны и сказать Дарьѣ, чтобы она дала ему знать, когда пріѣдетъ домой барыня. Дарья сообщила ему, что бариня поправилась почти совсѣмъ, что у нея часто бываетъ тотъ священникъ, который служилъ «панафиды» по баринѣ, что онъ приставилъ къ барынѣ въ сидѣлки изъ «Общины» какую-то «монашку», свою «родственницу», которая ее утѣшаетъ, что барыня ждетъ только шести недѣль, чтобы куда-то уѣхать на богомолье, что ли. Муратовъ рѣшительно не понималъ, что дѣлается съ Софьей Дмитріевной, какой внутренній переворотъ произошелъ въ ней, для чего ей понадобились и этотъ утѣшитель-попъ, и эта сидѣлка-монахиня, о чемъ она бесѣдуетъ съ ними, въ чемъ *они* ее утѣшаютъ? Но онъ былъ пораженъ еще сильнѣе, чѣмъ разсказами Дарьи о барынѣ, тѣмъ, что онъ увидѣлъ самъ при встрѣчѣ съ Софьей Дмитріевной.

Однажды, недѣль черезъ шесть послѣ смерти Зимина, Дарья забѣжала къ Муратову и объявила, что барыня пріѣхала домой и пробудетъ въ квартирѣ до вечера, чтобы отобрать свои платья. Муратовъ взволновался и хотя онъ чувствовалъ, что свиданіе съ Зиминой необходимо и неизбѣжно, ему трудно было сразу рѣшиться идти къ ней. Онъ уже началъ въ послѣднее время забывать о томъ, что ему еще предстоитъ это тяжелое свиданіе; онъ не зналъ, какъ ему придется себя держать и что станетъ онъ говорить, чтобы объяснить Зиминой необходимость навсегда порвать ихъ связь. Однако, идти было нужно. Онъ захватилъ ея вещи, пошелъ. Онъ поднялся по знакомой ему

черной лѣстницѣ, постучался въ двери кухни, его впустили.

— Пожалуйте въ комнату, барыня одна, сидѣлка ихняя у нихъ тутъ, да она не помѣшаетъ,—сказала Дарья.

Муратовъ вошелъ въ комнату. Здѣсь все было безпорядочно сдвинуто въ одинъ уголъ, точно передъ переѣздомъ съ квартиры. Шкапы съ печатями, пустыя вѣшалки, письменный столъ, конторка, все это стояло въ одномъ углу; только знакомый Муратову диванъ стоялъ одиноко на прежнемъ мѣстѣ. Стѣны, теперь открытыя для глазъ, ничѣмъ не заставленныя, выглядѣли неприглядно и говорили о небрежности жильцовъ сотнями пятенъ, порванныхъ клочьевъ и нелѣпо, безъ толку, всколоченныхъ гвоздей, на которыхъ еще недавно висѣлъ разный заложенный хламъ... Въ комнатѣ еще остался какой-то странный, затхлый запахъ не то отъ лѣкарствъ, не то отъ ладана. Въ этой атмосферѣ было что-то тяжелое, говорившее о недавней катастрофѣ, о заброшенности жилища. Черезъ минуту къ Муратову вышла Софья Дмитріевна. Она была худа, блѣдна, слаба; она вышла тихой походкой, съ опущенной головой, съ выраженіемъ смиренія и покорности на исхудаломъ лицѣ. Отъ прежней Софьи Дмитріевны не было и слѣда. Кругленькое личико удлинилось, пухленькія розовыя щеки поблѣднѣли и впали, ребяческое выраженіе бойкихъ глазъ смѣнилось выраженіемъ запуганной тупости. Муратовъ сразу понялъ, что ему уже не угрожаютъ ни объятія, ни поцѣлуи. Это лицо даже на мгновеніе не озарилось выраженіемъ радости при встрѣчѣ съ нимъ.

— А, это вы,—тихо сказала она, не поднимая глазъ.

— Я давно хотѣлъ видѣть васъ, чтобы сказать вамъ, что мы внѣ опасности, что вексель выкупленъ мною,—произнесъ Муратовъ.

— Что-жъ, мнѣ все равно... Я суда не боюсь,—покорно отвѣтила она.—Мнѣ было только страшно, что это помѣшаетъ мнѣ въ монастырь ѣхать...

— Вы поступаете въ монастырь?—удивился Муратовъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ, грѣшной!—тяжело вздохнула Зимина.—Просто помолиться хочу... Мнѣ надо молиться... Отецъ Іона говоритъ, что всякіе грѣхи Богъ прощаетъ за молитвы и добрыя дѣла... Только не вѣрится какъ-то...

Ея голосъ совершенно упалъ на послѣднихъ словахъ. Муратовъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, онъ всматривался въ лицо Зиминой, оно дышало кротостью, смиреніемъ и тупой покорностью.

— Я принесъ вамъ ваши вещи,—замѣтилъ онъ.

— На что мнѣ онѣ!.. Я и забыла о нихъ,—сказала она, не протягивая руки за вещами.

— Вы можете ихъ употребить на доброе дѣло, — сказалъ онъ.

— Да... это правда!

Она взяла вещи и машинально открыла одинъ футляръ.

— Брильянты!.. Все онъ дарилъ!—съ замѣтнымъ волненіемъ прошептала она и опять тяжело вздохнула.—Мученикъ несчастный! Мученикъ!.. Какъ любилъ!..

По ея лицу потекли слезы. Она ихъ не отирала и, кажется, не замѣчала.

— Отецъ Іона говоритъ, что Богъ дѣлаетъ все къ лучшему, успокаиваетъ страдальцевъ, обращаетъ на путь истины заблудшихъ, доводитъ до раскаянья грѣшниковъ,—шептала она, волнуясь.—Только не знаю я, замолю ли я-то свои грѣхи!.. Такіе грѣхи трудно замолить!.. Слушаешь отца Іону—будто легче станетъ, а потомъ... потомъ опять что-то посожметъ, сожметъ такъ сердце, что вздохнуть тяжело и, кажется, что вотъ-вотъ умрешь безъ покаянія... А грѣхи тутъ смотрятъ на тебя, пугаютъ тебя...

— Полноте, Софья Дмитріевна, зачѣмъ отчаиваться; вы, такъ же, какъ и я, увлеклись, сдѣлали ошибку,—началъ задушевнымъ голосомъ Муратовъ.

Она тихо махнула рукой.

— Моихъ грѣховъ никто не знаетъ,—сурово и тревожно прошептала она.—Никто!.. На исповѣди не рѣшусь ихъ сказать, умирать буду—не получу за нихъ отпущенія...

Выраженіе ея лица сдѣлалось совсѣмъ тревожно, ея грудь начала дышать тяжелѣе, прерывистѣе.

— Вы что? Вы поиграли любовью, потѣшились и конецъ,—сурово заговорила она.—А я—я великая грѣшница, проклятая, молиться не могу... Стану молиться, а онъ смотритъ, тутъ стоитъ, и руки у самой холодныя, холодныя, какъ его руки, въ горлѣ не слова молитвы, а хрипота, какъ онъ хрипѣлъ... Вѣдь тутъ все было, тутъ...

Она уже едва переводила духъ, ея зрачки расширились, на лицѣ выражался ужасъ. Она смотрѣла на пустой, просиженный диванъ, одиноко стоявшій у стѣны, противоположной окнамъ.

— Одна не смѣю остаться, ночью долженъ при мнѣ кто-нибудь быть, а то онъ приходитъ,—точно въ бреду говорила она.—Прежде темной комнаты боялась, тишины боя-

лась. Глупая! Не темныя комнаты,—грѣхи страшны! Не понимала этого тогда. Совсѣмъ дѣвчонкой была. А теперь... Вѣдь вотъ здѣсь, никого не было, я была одна, когда онъ умеръ... «Мучился онъ?» спрашиваютъ... А что я скажу?.. Мучился, да мучился!.. Еще бы не мучиться. Господи!.. Не могу я, не могу я...

Софья Дмитріевна истерически зарыдала и упала на полъ. Изъ сосѣдней комнаты выбѣжала какая-то молодая женщина въ черной одеждѣ и Дарья.

— Ахъ, опять, опять припадокъ! — взволновалась женщина въ черномъ.—Вотъ каждый день такъ, начнетъ говорить о покойномъ, говоритъ, говоритъ и забьется... Только отецъ Іона и умѣетъ успокоить ее здѣсь... Ужъ хоть бы скорѣе къ намъ въ святую обитель увезти... Тамъ ее сестра Серафима на умъ наставитъ, а то мученье одно... Точно порченая!..

Софью Дмитріевну подняли, посадили въ кресло, опять, какъ разсказывала и Дарья, повисли у нея руки, опустилась ея голова и вся она точно обезсилѣла, лишилась способности двигаться.

— Первый разъ въ жизни такія мýки вижу,—говорила женщина въ черномъ, хлопоча около Софьи Дмитріевны.—Знала бы, ни за что не пошла бы къ ней. Сама съ ней измучилась. Говорили, къ больной сидѣть зовутъ, а это не болѣзнь, это отъ злыхъ людей, отъ наговора, тутъ отчитывать нужно...

— Какая же она у насъ порченая!—вступилась за свою барыню Дарья.—Извѣстно, мужъ померъ, испугалась... Она и до прежде того покойниковъ боялась, а тутъ одна была... ну, и замучилась...

— Ну, да, есть чего бояться! Мало ли людей-то помираетъ!—недовольнымъ тономъ ворчала женщина въ черномъ.—Все отъ Бога.

Муратовъ постоялъ нѣсколько минутъ, пока больную приводили въ чувство заспорившія женщины, и, наконецъ, незамѣтно вышелъ.

Ему было тяжело, онъ терялся въ догадкахъ, вслѣдствіе какихъ причинъ потрясала Софью Дмитріевну смерть мужа, почему она вдругъ перестала думать о немъ, о Муратовѣ, о своей любви къ нему. Но какъ ни тяжело было ему это свиданіе, онъ все-таки не могъ не сознавать, что теперь онъ навсегда порвалъ эту послѣднюю связь съ прошлымъ, что теперь уже никто и ничто не напомнитъ ему объ этомъ

прошломъ. Онъ былъ свободенъ вполнѣ и могъ начать новую жизнь, не боясь ничего. Эгоистическое чувство радости охватило его и заглушило въ немъ воспоминанія о страданіяхъ женщины, которую онъ никогда не любилъ, но которой онъ невольно, случайно испортилъ всю жизнь. Онъ отдыхалъ теперь и успокаивался постепенно, какъ пловецъ, послѣ страшной бури попавшій на твердый берегъ и видящій, какъ, мало-по-малу, проясняется надъ нимъ небо и утихаютъ въ немъ самомъ и пугливыя опасенія, и злыя предчувствія, и горькія воспоминанія о прошлыхъ ошибкахъ и грѣхахъ. Онъ принялся усерднѣе за службу, онъ сталъ много читать, онъ началъ упорно подготовляться къ экзамену, хотя все это давалось ему съ трудомъ, хотя нужно было каждый разъ дѣлать усиліе, чтобы углубиться въ занятія, сосредоточить на нихъ свою мысль. Иногда онъ встрѣчался съ прежними товарищами, иногда онъ бесѣдовалъ съ сослуживцами, но онъ былъ неузнаваемъ въ ихъ кругу. Самые недальновидные люди, въ родѣ Сухарева, видѣли, что въ немъ совершается какой-то переворотъ, что изъ него формируется какой-то другой человѣкъ, не похожій на прежняго Муратова. Яснѣе всего сказался этотъ внутренній переворотъ въ его письмахъ къ Юліи Николаевнѣ. Онъ писалъ къ ней много и часто, писалъ откровенно и подробно обо всемъ, что онъ передумывалъ, что онъ переживалъ, и она, по этимъ письмамъ, могла себѣ составить ясное понятіе о томъ, чѣмъ сталъ, къ чему стремился теперь онъ. Я рѣшаюсь сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ этихъ, лежащихъ въ настоящую минуту передо мною, писемъ, такъ какъ они довольно полно обрисовываютъ всего этого человѣка, который еще недавно слылъ однимъ изъ первыхъ кутилъ, однимъ изъ первыхъ сердцеѣдовъ и надъ которымъ только-что успѣла пронестись страшная гроза.

Онъ писалъ Юліи Николаевнѣ:

30-го января 18... года.

...«Вы уѣхали и я остался одинъ со своими тяжелыми воспоминаніями, со своими горькими сомнѣніями, со своими робкими надеждами. Среди моихъ долгихъ размышленій мнѣ чаще всего вспоминалось то утро, когда Вы дали мнѣ деньги и сказали, что я свободенъ, что мы не женихъ и невѣста, а снова просто дальніе родственники и только. Это была тяжелая, мучительная минута. Если бы деньги,

взятыя мною отъ Васъ, были нужны только для спасенія моей жизни,—я возвратилъ бы ихъ Вамъ и разбилъ бы эту жизнь, которая была мнѣ не нужна безъ Вашей любви, безъ Вашего уваженія. Но эти деньги были нужны мнѣ для спасенія чести людей, которые были ни въ чемъ не виноваты и должны были вынести позоръ изъ-за меня. Колебаться было нельзя, и я долженъ былъ взять деньги, хотя мнѣ казалось, что Вы презирали меня въ эту минуту. Да, Вы спасли мнѣ жизнь и честь, Вы сказали, что я свободенъ, и въ этомъ было страшное наказаніе за все мое прошлое. Я понялъ, что Вы не вѣрите мнѣ, что Вы смотрите на меня съ состраданіемъ, какъ на падшую личность, что Вы, быть-можетъ, презираете меня, и хуже всего было то, что я сознавалъ, что Вы имѣете на это полное право. Въ первую минуту я сказалъ себѣ: «нѣтъ, она меня болѣе не любитъ, любящая женщина пощадила бы»... Потомъ настали другіе дни,—дни затишья, дни одинокихъ размышленій, дни болѣе трезваго отношенія ко всему происшедшему, и я оправдалъ Васъ, я благодарилъ Васъ въ душѣ за то, что Вы сразу разсѣкли гордіевъ узелъ, давъ мнѣ свободу. Это могла сдѣлать только такая чистая, чуткая и любящая душа, какъ Ваша, прежде всего желающая счастья любимому человѣку. Да, тотъ Муратовъ, который чуть не погубилъ Васъ, который со слезами вымаливалъ у Васъ деньги до свадьбы для спасенія себя, не могъ сдѣлаться счастливымъ мужемъ и не могъ сдѣлать Васъ счастливою женою. Если бы Вы, давъ мнѣ деньги, сказали мнѣ: «ну, значитъ, теперь нѣтъ препятствій къ нашей свадьбѣ»,—я долженъ бы былъ низко склонить передъ Вами свою голову, сознавая, что Вы только исполняете данное Вами прежде слово, но что вѣрить мнѣ попрежнему, любить меня попрежнему Вы не можете. У васъ, у жены, стали бы на каждомъ шагу возникать все новыя и новыя подозрѣнія насчетъ меня; у меня, у мужа, явилась бы необходимость принижаться передъ Вами, заглаживать свое прошлое, вымаливать въ слезахъ забвеніе этому прошлому. Нѣтъ, при такихъ условіяхъ не можетъ сложиться хорошая семья: любовь возможна только тогда, когда люди могутъ смѣло смотрѣть другъ другу въ глаза, не отыскивая въ другой душѣ какихъ-то темныхъ уголковъ, не скрывая въ своей душѣ какихъ-то роковыхъ тайнъ. Вы избавили меня отъ этой пытки быть мужемъ, который долженъ искупать долгими годами смиренія и покорности свое прошлое въ глазахъ

жены, и въ то же время спасли себя отъ роли жены, слѣдящей за медленнымъ исправленіемъ испорченнаго мужа. Нечего ждать любви, счастья и равноправности отъ той семьи, которая является исправительною тюрьмою для мужа и въ которой жена должна играть роль наблюдательницы за исправленіемъ арестанта-мужа. Теперь я свободенъ и могу пасть или подняться не потому только, что меня умѣло или неумѣло поддерживаютъ, наставляютъ или спасаютъ,—нѣтъ, мое паденіе или спасеніе будетъ зависѣть лично отъ меня и служить доказательствомъ того, насколько у меня еще сохранилось нравственности—да проститъ мнѣ Богъ, если я еще смѣю произносить это слово!—и физическихъ силъ стряхнуть съ себя вехтаго человѣка и стать новымъ человѣкомъ. Я пишу и буду писать къ Вамъ—Вы этого хотѣли—откровенно обо всемъ, что случится со мною, что я передумаю; Вы будете, вѣроятно, слышать обо мнѣ отъ другихъ, отъ сестры, отъ Николая Аносова; Вы, въ концѣ концовъ, составите обо мнѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе и тогда... Я не знаю, какъ Вы рѣшите тогда, но, во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ бы услышать Ваше «да» только тогда, когда Вы вполнѣ убѣдитесь, что Вы можете любить и уважать меня безъ подозрѣній, безъ сомнѣній, безъ боязни за будущее, безъ воспоминаній о прошломъ. Мы можемъ сойтись только тогда, когда оно, это прошлое, умретъ для насъ обоихъ. Согласія на бракъ изъ состраданія ко мнѣ, согласія на бракъ во имя того, что я «кажется» исправился, согласія на бракъ ради какихъ бы то ни было постороннихъ мотивовъ и соображеній я не прошу и не желаю: я имѣю право губить свою жизнь, но губить и разбивать Вашу жизнь—нѣтъ, довольно и того, что я прежде игралъ слишкомъ опрометчиво любовью. Вотъ почему въ моихъ письмахъ я Вамъ ни слова не скажу, какъ я продолжаю любить Васъ, какъ страстно я желаю назвать Васъ своею, какъ тяжело мнѣ будетъ обмануться въ своихъ надеждахъ. Встрѣтите вы другого, лучшаго, полюбите его, отдадитесь ему—да благословитъ Васъ Богъ, и вѣрьте, что я въ этомъ случаѣ сумѣю не попасться Вамъ на глаза на Вашемъ пути, сумѣю не напомнить ни Вамъ, ни Вашему мужу, ни о себѣ, ни о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Вамъ, ни о тѣхъ сплетняхъ, которыми почтилъ и насъ нашъ муравейникъ... «Легко такъ говорить, когда заплатили долги»... Не думайте, что я приписываю эту фразу Вамъ, но Вамъ ее можетъ сказать ваша сестра, если ей

когда-нибудь станутъ извѣстны наши отношенія. Вы, конечно, не повѣрите ей и поймете, что мнѣ тяжелѣе всего въ настоящемъ случаѣ именно то, что я пишу все это Вамъ послѣ того, какъ вы заплатили мои долги. Я долженъ былъ относиться къ Вамъ такъ, какъ я отношусь теперь, гораздо раньше, но Вы знаете, что переломъ въ моей жизни и въ моихъ взглядахъ произошелъ именно въ тѣ дни, когда надо мной грянулъ громъ. Безъ этого грома я, можетъ-быть, и теперь былъ бы попрежнему тѣмъ милымъ кузеномъ Пьеромъ, которымъ восхищались на балахъ, какъ ловкимъ танцоромъ, бойкимъ говоруномъ и смѣлымъ сердцеѣдомъ»...

12-го февраля 18... года.

...«Сегодня я провелъ день въ судѣ. Не бойтесь: судили не меня; я былъ въ числѣ «зрителей», но я перечувствовалъ все, что перечувствовалъ подсудимый. Мнѣ нужно было это испытаніе, и я пошелъ въ судъ, чтобы пережить то, отъ чего спасся, чего боялся я. Я былъ даже радъ этому процессу,—не тому, что попался мой ближній, но тому, что я могъ увидать, какую роль долженъ бы былъ разыграть я, если бы меня не спасла случайность или, лучше сказать, если бы меня не спасли Вы. Я пошелъ въ судъ, чтобы еще полнѣе возненавидѣть свое прошлое, чтобы почувствовать еще большій ужасъ передъ нимъ.

«Вы, можетъ-быть, забыли хорошенькаго, бѣлокуренькаго семнадцатилѣтняго Мишеля Арнольда, танцовавшаго съ Вами, когда Вамъ было лѣтъ восемь, на дѣтскихъ балахъ, но Вы, вѣроятно, еще помните сѣдого, высохшаго и пожелтѣвшаго генерала съ деревянной ногой, засѣдавшаго по вечерамъ за игорнымъ столомъ въ кабинетѣ Вашего отца, куда мы, дѣти и юноши, тайкомъ заглядывали изъ-за зеленой бархатной портьеры, чтобы увидать, какъ сердито стучитъ своей деревяжкой старый пергаментный генералъ, проигрывая послѣднія тысячи, полученныя имъ передъ освобожденіемъ крестьянъ изъ опекунскаго совѣта за заложенныя туда крѣпостныя души. Старый игрокъ отгонялъ отъ себя своего Мишку, отвлекавшаго его отъ игры и заставлявшаго его дѣлать ремизы въ то время, когда его молодая красавица-жена тоже старалась удалить отъ себя своего Мишеля, предпочитая шептаться съ молодымъ секретаремъ французскаго посольства наединѣ, а не въ присутствіи своего сына. Старый игрокъ и молодая великосвѣтская

развратница умерли какъ разъ въ то время, когда у нихъ не осталось, въ сущности, ничего, кромѣ долговъ, и когда Мишель сознался, что и онъ хочетъ жить подобно имъ. Они оставили сыну въ наслѣдство великосвѣтскія связи, стремленіе къ широкой жизни и нищету, прикрытую блестящимъ мундиромъ гвардейца. Мишель запутался въ долгахъ быстро, неумѣло, нелѣпо, и сегодня я видѣлъ его на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняемаго за поддѣлку векселей. Годъ тому назадъ мы еще знали Мишеля гордымъ и высокомѣрнымъ фатомъ, нѣсколько бретеромъ, нѣсколько наглецомъ. Годъ тому назадъ онъ смѣло поколотилъ на гуляньѣ какого-то «рябчика», то-есть статскаго, за то, что тотъ толкнулъ его и не извинился. Годъ тому назадъ Мишель задавалъ еще пиры такимъ лицамъ, которыя не удостоивали своимъ посѣщеніемъ ни Вашего салона, ни салоновъ Аносовыхъ, Баскаковыхъ и тому подобныхъ лицъ, занимающихъ видныя мѣста. Годъ тому назадъ Мишель вступилъ въ борьбу съ Вашимъ братомъ изъ-за одной кокотки и бросилъ сумасшедшія деньги, чтобы отбить ее у Жака. Теперь его третируютъ en canaille всѣ большія и мелкія газеты, забрызгивая его грязью, лягая въ него съ злорадствомъ плебеевъ, видящихъ позоръ патриція, а онъ самъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ за поддѣльные векселя, выданные имъ ради этого желанія отбить кокотку у другого мота,—сидитъ, потупившись, едва слышно давая отвѣты, стараясь подавить слезы, подступающія ему къ горлу, навертывающіяся ему на глаза. Все напускное бретерство, все условное фатовство, вся заученная надменность, все искусственное равнодушіе,—все это спало съ него, и я видѣлъ передъ собою жалкаго, глуповатаго, безхарактернаго, неразвитого молодого человѣка, которому стыдно сознаваться въ своихъ проступкахъ и который очень, очень боится, что его «накажутъ». Спросъ свидѣтелей и спросъ самого подсудимаго открыли передо мною старую, давно знакомую мнѣ исторію жизни золотой молодежи, но прежде я не вдумывался, не могъ вдумываться въ эту жизнь, потому что я самъ жилъ ею, а теперь она меня ужаснула. «Что заставило поддѣлывать векселя подсудимаго?»—«Ему было неловко отстать отъ богатыхъ товарищей и выйти сразу изъ ихъ кружка, гдѣ, разумѣется, онъ не могъ бы оставаться, если бы товарищи узнали, что онъ нищій». (Хороша товарищеская связь! Хороши товарищи!)—«Знали его кредиторы, что его дѣла непоправимо разстроены?»—«Вѣроятно, нѣтъ, потому что онъ былъ

роднымъ племянникомъ и единственнымъ наслѣдникомъ одного изъ крупныхъ богачей, потому что онъ старался не доводить до продажи свои заложенныя и перезаложенныя имѣнія, потому что онъ жилъ широко и слылъ богачомъ, потому что дядя разъ уплатилъ за него до двадцати тысячъ и тѣмъ поднялъ еще болѣе его кредитъ».—«Въ чемъ заключалась его широкая жизнь, куда онъ тратилъ деньги?»—«Онъ держалъ своихъ лошадей, онъ появлялся въ театрахъ и на пикникахъ съ золотою молодежью, онъ бросалъ деньги на женщинъ. Въ одинъ вечеръ онъ поднесъ одной актрисѣ на пять тысячъ брильянтовъ; одной изъ француженокъ легкаго поведенія онъ купилъ коляску и лошадей; онъ бросалъ прислугѣ на водку по пятидесяти и по сто рублей; разъ онъ побилъ полицейскаго и потушилъ это дѣло, бросивъ до пятисотъ рублей; всѣ видѣли его постоянно въ новыхъ кольцахъ съ брильянтами; всѣ знали, что онъ часто мѣняетъ лошадей».—«Но долженъ же онъ былъ задумываться надъ вопросомъ, чѣмъ это должно кончиться?»—«Онъ не думалъ объ этомъ, потому что ему некогда было задумываться: съ одной стороны, кутежи и пиры продолжались изо дня въ день, съ другой, онъ только старался выпутаться изъ однихъ долговъ, дѣлая для этого другіе, болѣе крупные долги; онъ, въ сущности, не зналъ, сколько онъ былъ долженъ и когда и какъ онъ остановится отъ дѣланія долговъ». Когда кончились допросы свидѣтелей и самого обвиняемаго, началось обвиненіе, началась потомъ защита. Я прислушивался къ рѣчамъ товарища прокурора и защитника. Я не знаю, что было легче выслушать Мишелю,—обвиненіе ли, полное презрѣнія къ нему, или защиту, полную унижающаго состраданія къ нему. Въ рѣчи прокурора онъ являлся человѣкомъ, у котораго нѣтъ ni foi, ni loi, который сотканъ изъ однихъ пороковъ, который является какою-то язвой и заразой въ современномъ обществѣ; въ рѣчи защитника онъ являлся жалкимъ идіотикомъ, безхарактернымъ флюгеромъ, полуграмотнымъ дикаремъ, чуть-чуть не маніакомъ. Они раскопали всю его подноготную, они рылись своими руками въ его душѣ, они острили и шутили, замѣчая, что, въ сущности, онъ и не могъ подѣлывать векселей, потому что онъ безграмотенъ. «Вѣдь нельзя же назвать грамотнымъ человѣка, который пишетъ «день» черезъ ѣ и въ слово «лучше» ухитряется вставить букву т», острилъ адвокатъ и вызвалъ въ публикѣ смѣхъ. Подсудимый, очевидно, служилъ только оселкомъ для ихъ

краснорѣчія и остроумія, потому что, въ сущности, имъ нечего было обвинять или защищать его: фактъ былъ налицо, отрицать этотъ фактъ было невозможно, просить снисхожденія было излишне, такъ какъ поддѣлка была сдѣлана совершеннолѣтнимъ, съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ, безъ всякой насущной необходимости спастись преступленіемъ отъ голода, отъ гибели, отъ смерти. Преступленіе было сдѣлано потому, что человѣкъ привыкъ развратничать и хотѣлъ развратничать. Кромѣ того, какъ защищать человѣка, противъ котораго возбуждено общественное мнѣніе? Мишель Арнольдъ пользовался въ Петербургѣ своего рода популярностью: его знали всѣ, его бретерскихъ выходокъ могъ опасаться каждый, его бросающаяся въ глаза расточительность возбуждала зависть, его надменное отношеніе къ людямъ заставляло уступать ему дорогу, ненавидя его. Чѣмъ болѣе наглымъ и нахальнымъ былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе было теперь желаніе раздавить его въ грязи. Да, адвокатъ долженъ былъ понимать и понималъ, что защитою подобныхъ личностей не пріобрѣтется популярность, и что тутъ нужно не столько заботиться о защитѣ кліента, сколько о томъ, чтобъ воспользоваться удобнымъ случаемъ поговорить о «язвахъ общества», «о нравственной порчѣ нашего обезпеченнаго юношества», «объ отсутствіи порядочной семьи», однимъ словомъ, поднять «современный вопросъ» и бросить камнемъ въ чужой огородъ.

«Когда послѣднее слово было предоставлено подсудимому, онъ поднялся, блѣдный, понуривъ голову, потупивъ глаза, и что-то пробормоталъ. Его попросили говорить громче. Онъ вмѣсто отвѣта заплакалъ, и я явственно разслышалъ, какъ онъ какимъ-то дѣтски-наивнымъ тономъ прошепталъ: «Извините меня, господа судьи!» Я покраснѣлъ за него... Нѣтъ, я краснѣлъ не за него, а за себя, потому что и я былъ еще недавно такимъ же человѣкомъ,—можетъ-быть, нѣсколько болѣе умнымъ, нѣсколько болѣе образованнымъ, но все-таки такимъ же ничтожнымъ человѣкомъ, который можетъ высоко поднимать свою голову только до той поры, пока у него есть деньги и мундиръ,—человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ личныхъ достоинствъ, никакой личной силы, никакого личнаго значенія. Такіе люди сегодня могутъ давить ближнихъ, глумиться надо всѣми, бросать грязью въ каждаго, но отнимите отъ нихъ богатство, снимите съ нихъ мундиръ, лишите ихъ важныхъ связей, произведите какую-нибудь перемѣну въ общественномъ

строѣ жизни, и они будутъ лежать въ грязи, у ногъ ближнихъ, безпомощные, неумѣлые, никому не нужные, ни на что не годные. Но какой же характеръ, какъ не это нравственное ничтожество, могъ выработаться въ мальчикѣ, котораго отгоняли отъ себя промотавшій имѣніе старый игрокъ-отецъ и кутящая молодая развратница-мать и который бѣжалъ отъ нихъ на оргіи къ искусившимся уже въ разгулѣ и развратѣ пріятелямъ? Только честная семья можетъ спасти отъ этого пути къ гибели юношу и указать ему другую дорогу. Въ этомъ отношеніи я согласенъ съ защитникомъ Мишеля Арнольда. Если когда-нибудь я сдѣлаюсь отцомъ, то первою моей задачей будетъ стремленіе стать другомъ своего сына и избавить его отъ горькой необходимости искать на сторонѣ участія и ласкъ, радушія и веселья, друзей и руководителей, однимъ словомъ, всего того, чего такъ часто недостаетъ нашей свѣтской молодежи въ родномъ гнѣздѣ, у родителей-дѣльцовъ, занятыхъ канцеляріями, банками или биржею, а не семьею, у матерей-модницъ и благотворительницъ, рыскающихъ по магазинамъ, комитетамъ и базарамъ филантропическихъ обществъ и почти не видящихъ своихъ дѣтей, или у отцовъ и матерей, отдавшихся разгулу, разврату, картежной игрѣ и забывшихъ, что у нихъ есть святыя обязанности воспитывать дѣтей. Могутъ ли подобные отцы и матери привязать своихъ дѣтей къ родному гнѣзду? Это недовольство роднымъ гнѣздомъ является, по моему мнѣнію, первою причиною нравственнаго ничтожества нашей богатой молодежи. а я лучше бы хотѣлъ видѣть своего сына мертвымъ, чѣмъ идущимъ по той дорогѣ, которую прошелъ я самъ...»

15-го марта 18... года.

...«Я рѣшился перемѣнить свою квартиру, гдѣ все напоминаетъ мнѣ о моей прошлой жизни, и сталъ разбирать свои вещи, чтобы упаковать то, что мнѣ необходимо нужно. и продать то, что излишне и не нужно... Перебирая эти вещи, я увидѣлъ, что нужнаго, необходимаго у меня ничего нѣтъ и что все, что у меня есть, состоитъ изъ ненужностей, изъ ни на что не пригодныхъ бездѣлушекъ. Эти вещи— яркое свидѣтельство моего прежняго образа жизни, моего прежняго характера. Для чего онѣ куплены, что побуждало меня пріобрѣтать ихъ—это трудно бы было понять свѣжему человѣку, это трудно понять теперь даже мнѣ самому. Въ

сущности, эти вещи покупались потому, что я стремился только «убивать деньги». Мы, моты, сильнѣе всего отличаемся отъ пріобрѣтателей именно тѣмъ, какъ мы пріобрѣтаемъ вещи. Пріобрѣтатель покупаетъ вещь потому, что у него уже есть лишнія деньги; мы покупаемъ вещи потому, что у насъ еще замотались въ карманѣ не до конца прокученныя деньги. Онъ, пріобрѣтатель, идетъ покупать вещь, которая ему кажется въ данную минуту необходимой для хозяйства, для комфорта, для украшенія своего гнѣзда; онъ идетъ покупать ее, вполнѣ намѣтивъ себѣ, что ему нужно и въ какую цѣну онъ хочетъ пріобрѣсти вещь; мы, моты, выходя изъ дома, вовсе не думаемъ о томъ, что мы что-нибудь купимъ, но намъ попадается случайно на глаза какая-нибудь бездѣлушка, и мы, словно тяготясь тѣмъ, что у насъ прокучены еще не всѣ деньги, входимъ въ магазинъ за этой, бросившейся намъ въ глаза, бездѣлушкой, велимъ подать ее себѣ, просматриваемъ и другія вещи и покупаемъ—что?—о, это совершенно все равно: портсигаръ съ модной карикатурной картинкой, сотую, ни на что не нужную, пепельницу затѣйливой формы, десятый, совершенно лишній для насъ, альбомъ съ скабрезной картинкой на крышкѣ, новую французскую гравюру непозволительнаго содержанія или что-нибудь подобное, хотя мы точно не можемъ опредѣлить, достаточно ли у насъ бѣлья, есть ли у насъ порядочные носовые платки, не нужно ли намъ обновить свое платье,—мы убиваемъ послѣднія деньги на эти ненужныя вещи и, можетъ-быть, въ этотъ же вечеръ намъ придется убѣдиться въ необходимости подновить свой гардеробъ, что мы и дѣлаемъ, заказывая необходимыя вещи портному въ долгъ. Вотъ Вамъ опредѣленіе того, какъ украшаютъ свое гнѣздо люди наживы и какъ наполняютъ свое гнѣздо ненужнымъ хламомъ расточители. У однихъ на первомъ планѣ—скопить деньги для извѣстной цѣли, у другихъ на первомъ планѣ—убить деньги безъ всякой цѣли. Передо мной лежитъ теперь цѣлая груда кабинетныхъ портретовъ—чьи это портреты?—о, если бы я помнилъ хоть имена тѣхъ, съ кого сняты эти портреты! Вотъ портретъ некрасивой, изношенной, немолодой женщины въ одеждѣ французскаго collègien—я съ трудомъ припомнилъ фамилію этой женщины: ее звали Дюранъ, она была плохая актриса, она была безголосая, осипнувшая пѣвица, она была крайне циничная женщина; я никогда не любовался ею, я никогда не былъ близко знакомъ съ нею. Зачѣмъ же попалъ ко мнѣ

ея кабинетный портретъ? Ужъ не потому ли, что она была очень стройна въ мужскомъ платьѣ? Нѣтъ, нѣтъ, вовсе не потому, что я хоть на минуту залюбовался ею, а потому, что я попалъ какъ-то въ эстампный магазинъ и въ числѣ другихъ портретовъ увидалъ портретъ этой Дюранъ, игравшей у Берга, гдѣ я бывалъ тогда чуть не каждый день.—«Это портретъ mademoiselle Durand отъ Берга»,—сказалъ мнѣ приказчикъ.—«Да! Положите въ мои картины и его»,—небрежно отвѣтилъ я.—Такимъ образомъ былъ купленъ этотъ портретъ, такимъ образомъ купились сотни другихъ портретовъ... Въ то же время я шилъ себѣ платье въ кредитъ и иногда не зналъ, какъ раздѣлаться съ портнымъ... Такъ накопились у меня сотни и тысячи рублей долга, изъ котораго мнѣ пришлось выпутываться—какъ?—не спрашивайте объ этомъ. Довольно и того, что Вы знаете, какимъ способомъ я раздѣлался съ моими послѣдними долгами...»

9-го апрѣля 18... года.

...«Въ своемъ послѣднемъ письмѣ Вы пишете, что Васъ поражаетъ за границею отношеніе русскихъ къ Россіи: одни тайно будируютъ противъ нея, другіе открыто бранятъ ее. Это явленіе поразило не Васъ однѣхъ, оно бросалось въ глаза многимъ наблюдателямъ. Дѣйствительно, мы, русскіе, странные люди. Мы бранимъ и не уважаемъ все свое и за границею, и у себя дома. Я въ послѣднее время много читаю, во многое вдумываюсь и меня, какъ и Васъ, поражаетъ болѣе всего то, что мы не находимъ у себя ничего хорошаго, что мы относимся съ бранью и неуваженіемъ ко всему своему. Прочтите всѣ наши обзоры театровъ и Вы увидите, что къ французскимъ и нѣмецкимъ артистамъ рецензенты относятся съ нѣкоторымъ уваженіемъ и сдержанностью, тогда какъ къ русскимъ актерамъ относятся просто съ бранью. Русскія литературныя произведенія забрасываются грязью, а объ иностранныхъ говорится вѣжливо и мягко. Во всѣхъ явленіяхъ русской жизни отыскиваются только темныя стороны, а въ иностранной жизни указываются все больше свѣтлыя явленія. Прислушиваясь къ толкамъ о русской жизни и перечитывая, что о ней пишется, невольно приходишь къ убѣжденію, что у насъ все гадко, что мы всѣ полныя бездарности, что у насъ нѣтъ талантливаго человѣка, который не былъ бы подлецомъ, и нѣтъ честнаго человѣка, который не былъ бы бездарностью.

Въ этомъ отношеніи просто завидно смотрѣть на французовъ, которые иначе не называютъ свою націю, какъ la grande nation, или на нѣмцевъ, которые только и кричатъ: wir Deutschen! или на поляковъ, у которыхъ и Крашевскій, и Андріолли, и Мальчевскій, и Матейко все геніи первой величины уже потому, что они поляки. Недовольство окружающимъ, говорятъ, есть признакъ стремленія къ лучшему. Полно, такъ ли это? Вѣдь бранятъ у насъ всѣхъ и все не однѣ мыслящія личности, бранятъ и Николай Аносовъ, и графъ Риво, который только и затвердилъ въ жизни два слова: «скука и мерзость». Не приписать ли скорѣе это равнодушіе къ отчизнѣ тому, что мы ея вовсе не знаемъ, что никто не научилъ насъ любить ее, какъ не научили насъ любить свою семью? Нашихъ отцовъ занимали ихъ департаменты, ихъ полки, ихъ дѣлишки, но вовсе не отчизна. Наши матери хлопотали по хозяйству, заботились о модахъ Парижа, мечтали о балахъ и театрахъ, но ужь, конечно, отчизна была тутъ ни при чемъ. Наши няньки знали не отчизну, а свою родную деревню Самодуровку, а наши бонны говорили объ отчизнѣ, но о своей, а не о нашей отчизнѣ. Наши учителя были призваны начальствомъ преподавать намъ математику, грамматику, географію, но вовсе не для внушенія любви къ отчизнѣ. Къ несчастью, и сама наша отчизна была извѣстна намъ въ видѣ того вороньяго гнѣзда, гдѣ мы родились, и это воронье гнѣздо ничего не говорило намъ о прошломъ, объ исторіи нашей отчизны. Передъ нѣмцемъ, передъ французомъ, передъ итальянцемъ прошлое его отчизны живетъ и дышитъ въ тысячахъ архитектурныхъ и литературныхъ памятниковъ, у насъ же—гдѣ наши Кельнскіе соборы, храмы св. Петра, соборы парижской Богоматери, Колизеи, замки Штольценфельсы, Шильонскіе замки, дворцы Дожей, Венеры Медицейскія, картины Рафаэлей, статуи Микель-Анджело, памятники эпохи Возрожденія, стили рококо и имперіи, пѣсни Нибелунговъ, творенія Шекспировъ, Рабле, Дантовъ, Боккаччіо? Я, напримѣръ, родился въ городѣ, который долго боролся со старою Москвою, но что уцѣлѣло въ этомъ городѣ на память о прошломъ—ничего, потому что этотъ деревянный и соломенный городъ съ той поры успѣлъ пять разъ выгорѣть до тла да десять разъ наполовину. У насъ есть, правда, народныя пѣсни, сказки и былины, но въ то время, когда я росъ, ихъ еще даже не собрали въ печатный сборникъ, а нянька моя знала только какія-то двѣ жалкія колыбельныя

пѣсни, да пару сказокъ «о жаръ-птицѣ», да «о бабѣ-ягѣ»— вотъ и все, что я зналъ изъ того, что «Русью пахнетъ», и уже съ восьмилѣтняго возраста, вмѣсто русскихъ пѣсенъ, былинъ и сказокъ, я занимался чтеніемъ разсказа для благовоспитанныхъ дѣтей о какомъ-то непослушномъ Жакѣ и добродѣтельной Жюльетѣ,—разсказа, бездарно написаннаго по-французски и еще болѣе бездарно переведеннаго по-русски. Потомъ меня заперли въ корпусъ и начали учить наукамъ и маршировкѣ. Гдѣ же мнѣ было узнать отчизну, какъ могъ я полюбить ее за ея прошлыя страданія, за ея настоящія стремленія, за ея широкія надежды на будущее? Когда же я столкнулся лицомъ къ лицу съ русскимъ обществомъ, какъ членъ этого общества, я натолкнулся на сотни разныхъ непріятностей, неудобствъ, дурныхъ сторонъ, присущихъ каждому человѣческому обществу, и сталъ вмѣстѣ съ другими ругать нашу жизнь за эти неудобства. Такъ случается почти со всѣми русскими, и если имъ удастся побывать за границей, гдѣ ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями, какъ «гостей», гдѣ имъ показываютъ казовые концы, какъ «любознательнымъ посѣтителямъ», гдѣ они сами являются не служащими, а «гуляющими людьми», то они начинаютъ еще больше ругать свою отчизну, говоря, что за границей и лучше, и удобнѣе, и веселѣе. Еще бы! Извините меня, что я распространяюсь объ этомъ предметѣ, но онъ мнѣ теперь становится близокъ самому. Когда я очнулся, когда я сталъ вглядываться въ свою жизнь, я увидалъ не одно то, что я былъ кутилой и мотомъ,—кутилы и моты есть во всѣхъ странахъ и, можетъ-быть, одинъ мотъ-англичанинъ заткнетъ за поясъ всѣхъ нашихъ мизерныхъ кутилъ, вмѣстѣ взятыхъ,—но я увидалъ, что я въ то же время былъ человѣкомъ безъ почвы, безъ родины, безъ сословія, если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, были ли у меня какіе-нибудь интересы внѣ кутежа и мотовства? Зналъ ли я свою родину и ея потребности? Принадлежалъ ли я по своимъ интересамъ и стремленіямъ къ какому-нибудь сословію? Нѣтъ, я служилъ для того, чтобы носить мундиръ, вовсе не думая ни объ интересахъ службы, ни о своихъ обязанностяхъ, ни о своихъ цѣляхъ. Что дѣлалось на родинѣ и почему такъ дѣлалось, я узнавалъ это иногда изъ газетъ, которыя читалъ разъ или два въ недѣлю, въ часы скуки, или изъ великосвѣтскихъ сплетенъ и анекдотовъ о томъ или другомъ высокопоставленномъ лицѣ. Сословныхъ интересовъ у меня не могло быть, потому что я

по рожденію былъ безземельный дворянинъ дальней, вовсе неизвѣстной мнѣ губерніи, а по мѣсту жительства я былъ петербуржецъ, принадлежавшій къ той средѣ, которую трудно и опредѣлить: она состояла изъ членовъ высшей петербургской аристократіи, изъ милліонеровъ-сынковъ вчерашняго кабатчика-еврея, изъ великосвѣтскихъ женщинъ легкаго поведенія, изъ французскихъ кокотокъ, которыя на вопросъ о происхожденіи могли бы отвѣтить только словами Периколы: «obscure, obscure, obscure!» Что общаго могло быть у этихъ людей? Ихъ связывалъ развратъ, но не какіе-нибудь серьезные интересы, и потому о серьезныхъ интересахъ здѣсь никто и не говорилъ, и не думалъ. Да, какой-нибудь кутящій сынъ лорда такъ и остается въ самый разгаръ разврата и кутежей сыномъ лорда, британцемъ, будущимъ членомъ палаты, а мы—мы были кутилами и только. Въ будущемъ, подобные люди дѣлаются или жалкими бѣдняками, или безцвѣтными лежебоками, или вредными общественными дѣятелями, добившимися видныхъ мѣстъ безъ всякаго пониманія интересовъ страны, только ради своихъ родственныхъ связей и своего случайно уцѣлѣвшаго богатства»...

1-го мая 18... года.

...«Теперь я сижу по цѣлымъ днямъ дома, приготовляюсь къ академіи. Боже мой, какъ мало я знаю, какъ много я забылъ! Иногда на меня нападаетъ отчаянье и мнѣ кажется, что я оборвусь на экзаменахъ. Мнѣ становится совѣстно при этой мысли, становится досадно, что я рѣшился приготовляться къ экзаменамъ, потому что я знаю, какъ обрадуются нѣкоторыя личности моей неудачѣ и какъ посмотрятъ на меня экзаменаторы. Вѣдь я долго былъ сказкой города и самое мое появленіе на экзаменъ вызоветъ не одну двусмысленную улыбку. Я знаю, что ко мнѣ будутъ даже относиться придирчивѣе, строже, безпощаднѣе. Я, впрочемъ, рѣшилъ заранѣе: если я буду сомнѣваться въ успѣхѣ—я перейду въ армію и навсегда скроюсь изъ Петербурга. Я не хочу, чтобы къ моей скандалезной хроникѣ прибавились еще ядовитыя замѣчанія о томъ, что я вообще былъ человѣкъ малограмотный, недалекій и неспособный. Я могу довольно спокойно выслушивать разсказы о томъ, что Николай Аносовъ трубитъ вездѣ о моихъ прошлыхъ похожденіяхъ, о моихъ мнимыхъ долгахъ, о моей близкой гибели,

и утѣшаю себя тѣмъ, что я никогда не былъ воромъ и не расхищалъ изъ года въ годъ чужого имущества, но я не вынесу спокойно, когда тотъ же Николай Аносовъ будетъ имѣть право сказать: «Я всегда считалъ его очень малосвѣдущимъ офицеромъ и крайне неспособною личностью!» О, если бы Вы знали, какъ упорно и настойчиво, даже теперь, когда я замкнулся отъ всѣхъ, чернитъ меня этотъ человѣкъ, видящій во мнѣ своего врага, боящійся, что я когда-нибудь буду держать въ своихъ рукахъ его счеты по Вашей опекѣ. И признаюсь Вамъ, именно ради этого человѣка я боюсь сорваться на экзаменахъ. Это, быть-можетъ, мелочность характера, но что же Вы подѣлаете съ собою, если моя ненависть къ этому человѣку не имѣетъ границъ, если я хотѣлъ бы пережить въ жизни только одну минуту— минуту, когда я по праву могъ бы сказать ему въ глаза: «воръ!» Да, онъ не былъ кутилой, какъ его братъ, какъ Вашъ братъ, какъ я; онъ не выдавалъ поддѣльныхъ векселей, онъ не проматывалъ родовыхъ имѣній; онъ имѣлъ всегда право смотрѣть на насъ съ презрѣніемъ, бросать въ насъ грязью, чернить насъ. Но, вѣрьте мнѣ, онъ хуже насъ, его дѣятельность позорнѣе нашей жизни... Впрочемъ, да не будетъ онъ помянутъ въ моихъ письмахъ къ Вамъ, чтобы Вы не сочли меня клеветникомъ, который чернитъ человѣка, не представляя фактическихъ уликъ противъ врага»...

22-го мая 18... года.

«Въ своемъ отвѣтѣ на мое послѣднее письмо Вы упрекаете меня за малодушіе, по поводу мысли, высказанной мною насчетъ того, что я сдѣлаю въ случаѣ неудачи на академическомъ экзаменѣ. Вы говорите: «Развѣ вы приготовляетесь къ поступленію въ академію для Николая Аносова? Развѣ вы уважаете его настолько, что признаете его судъ надъ собою?» Да, Вы правы, тысячу разъ правы. Я чувствую себя малодушнымъ, какъ только вопросъ касается Николая Аносова. Ничто не смущаетъ меня такъ, какъ слухи о томъ, что говоритъ этотъ человѣкъ обо мнѣ, и у меня нѣтъ силъ стать выше этихъ толковъ. Еще недавно я сдѣлалъ одну изъ глупостей подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго этими толками. Николай Аносовъ, какъ я говорилъ, вездѣ и всюду распространяетъ про меня слухи, что я окончательно промотался, что мнѣ грозитъ долговое отдѣленіе, что я прячусь отъ общества, боясь встрѣчи съ

своими кредиторами. Я знаю, что эти слухи теперь нелѣпы, что я не прячусь отъ кредиторовъ, что Николай Аносовъ сталъ бы еще болѣе чернить меня, если бы я продолжалъ прежнюю жизнь, и все-таки я не могу спокойно относиться къ его выдумкамъ, не могу спокойно выносить подозрительные и испытующіе взгляды нашихъ общихъ знакомыхъ. На-дняхъ ко мнѣ заѣхалъ Жоржъ Аносовъ и пригласилъ меня въ Павловскъ, гдѣ въ тотъ вечеръ былъ назначенъ концертъ съ лотереею въ пользу населенія одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній, страдающаго, какъ выражается старикъ Аносовъ, отъ «временныхъ продовольственныхъ нуждъ» или просто отъ голода. Я зналъ, что въ числѣ распорядителей этимъ вечеромъ были Ваша сестра и ея мужъ, предупредительно принявшіе на себя эти хлопоты вслѣдствіе того, что «продовольственными нуждами» пострадавшей отъ неурожая губерніи сильно заинтересована одна изъ очень и очень высокопоставленныхъ личностей, устроившая этотъ вечеръ. Я обрадовался случаю, чтобы показать, что я ни отъ кого не прячусь, и поѣхалъ въ Павловскъ. Я захватилъ съ собою до пятисотъ рублей денегъ—для чего?—я самъ не знаю, но мнѣ не хотѣлось ѣхать туда безъ денегъ, точно я предполагалъ, что Николай Аносовъ будетъ осматривать не только меня, но и мой бумажникъ. Мое появленіе произвело извѣстный эффектъ.

— Какъ, и вы рѣшились выйти изъ своего затворничества?—спросила меня своимъ холоднымъ тономъ Ваша сестра, увидавъ меня въ залѣ, гдѣ она продавала въ одномъ изъ кіосковъ билеты аллегри.

— Ужъ если даже вы рѣшились встать во главѣ благотворительнаго дѣла, то, значитъ, оно стоитъ сочувствія,—отвѣтилъ я.

Въ эту минуту подошелъ къ кіоску Николай Аносовъ. Онъ не безъ удивленія взглянулъ на меня и сухо поздоровался со мною.

— Что же вамъ нужны билеты?—спросила Марья Николаевна.

— Пожалуй, позвольте нѣсколько,—отвѣтилъ я, разсѣянно глядя на двигающуюся по залѣ толпу великосвѣтскихъ барынь и мужчинъ.

— Сколько?—спросила она.

Я положилъ двадцать пять рублей.

— На всѣ?—послышался вопросъ.

— О, все равно!—отвѣтилъ я.

Николай Аносовъ въ эту минуту разговаривалъ со старикомъ сенаторомъ Тюменьковымъ. Вы, конечно, помните Тюменькова, этого старичка съ сѣденькими и рѣденькими волосами, съ слезящимися красными глазами, съ шамкающими губами, въ затрапезномъ сюртукѣ и вѣчно закапанномъ чѣмъ-то галстукѣ, прикрывающемъ неопрятную грудь сорочки? Тюменьковъ—этотъ Плюшкинъ большого свѣта—серьезнѣйшимъ тономъ доказывалъ, что онъ никогда не выигрываетъ и потому никогда, никогда не беретъ билетовъ на лотереи.

— Это вѣдь одно увлеченіе,—пояснилъ, немного шамкая, старикъ:—азартная игра! Вотъ я увѣренъ, что они,—онъ указалъ на меня:—не выиграютъ ничего, а вѣдь взяли пятьдесятъ билетовъ... Извините, не имѣю удовольствія васъ знать лично,—обратился онъ ко мнѣ.

Я назвалъ свою фамилію.

— Я вотъ хотѣлъ бы полюбопытствовать, выиграли ли вы что-нибудь?—спросилъ онъ, моргая выцвѣтшими и слезящимися глазками.

— Право, не знаю,—отвѣтилъ я.—Мнѣ было бы скучно развертывать всѣ эти билеты.

— Да, но вѣдь вы на двадцать пять рублей взяли!—воскликнулъ старичокъ.—Это не шутка! Какъ же такъ не развертывать? Все же надо полюбопытствовать. Можетъ-быть, на счастье...

— Вѣдь это на голодающихъ,—замѣтилъ я съ улыбкой.

— Такъ вы жертвуете просто деньги?—спросила Марья Николаевна.—Я васъ ловлю на словѣ и возьму билеты обратно.

— О, можете вполнѣ распоряжаться ими,—улыбнулся я.

Николай Аносовъ сдѣлалъ презрительную мину. Старичокъ покачалъ съ соболѣзнованіемъ головой и тяжело вздохнулъ. Въ это время къ намъ подошла устроительница вечера, и мы всѣ почтительно раскланялись съ ней. Она передала Марьѣ Николаевнѣ листъ бумаги, на которомъ значились имена жертвователей и цифры пожертвованныхъ денегъ.

— Нашъ вечеръ не особенно удаченъ,—замѣтила устроительница.

— Погода помѣшала,—почтительно замѣтилъ Николай Аносовъ.

— Предложите кому-нибудь еще этотъ подписной листъ,—замѣтила она Марьѣ Николаевнѣ.

— Вы, monsieur Mouratoff, еще не подписывали?—спросила меня Марья Николаевна.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

Она молча подвинула мнѣ листъ бумаги и подала карандашъ. Я записалъ свою фамилію и выставилъ цифру въ 400 рублей. Николай Аносовъ и Марья Николаевна многозначительно переглянулись между собою.

— Мегсі!—благосклонно кивнула мнѣ головой устроительница вечера.—Это первый крупный взносъ въ сегодняшній вечеръ и онъ, конечно, заставитъ и другихъ жертвовать больше. Начало всего важнѣе.

Она удостоила меня нѣсколькими любезными фразами, пригласила къ себѣ на чай послѣ окончанія вечера и, милостиво отвѣтивъ на наши поклоны, пошла къ другому кіоску. Мнѣ было неизъяснимо весело смотрѣть на злобное выраженіе лица Николая Аносова, на растерянное выраженіе лица Марьи Николаевны, которые никакъ не ожидали, что имъ придется просидѣть нѣсколько минутъ за чаемъ въ томъ салонѣ, куда я и самъ никакъ не думалъ попасть въ этотъ вечеръ.

Только по возвращеніи домой я понялъ, что я опять поступилъ безразсудно, что я увлекся желаніемъ показать Николаю Аносову, что я еще не дошелъ до нищеты, что ради этого желанія я бросилъ на вѣтеръ чужія деньги, такъ-какъ эти деньги были Ваши деньги,—деньги, оставшіяся у меня за уплатою долговъ. Да, это былъ малодушный поступокъ, но, признаюсь Вамъ откровенно, я, кажется, долго еще не буду застрахованъ отъ такихъ поступковъ, покуда я буду видѣть презрительные взгляды Николая Аносова, покуда до меня будутъ долетать слухи о его толкахъ обо мнѣ, покуда я не завоюю себѣ такого положенія, когда невольно смолкнетъ этотъ ненавистный для меня человѣкъ. Теперь же мнѣ хочется только бѣжать куда-нибудь подальше отъ него, отъ его знакомыхъ, и я радостно мечтаю объ отпускѣ, который получу на-дняхъ для приготовленія къ академическимъ экзаменамъ»...

1-го іюня 18... года.

...«Хаболази»... Странно звучитъ для Васъ, конечно, эта помѣтка на моемъ письмѣ, замѣнившая обычную помѣтку «С.-Петербургъ». Хаболази—это деревушка, гдѣ живу теперь я, окруженный полу-русскимъ, полу-чухонскимъ крестьян-

скимъ населеніемъ. Почему я выбралъ именно эту деревню? Случайно я попалъ однажды въ это захолустье, посѣтивъ своего товарища, жившаго здѣсь во время съемки, и меня поразила тишина этой деревушки, поразила живописность мѣстности. Обдумывая, куда бы удалиться, я вспомнилъ про эту глушь и уѣхалъ сюда. Занимаемый мною домикъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, отъ него идетъ заросшій сочною травою скатъ въ длинный и широкій оврагъ; въ оврагѣ гнется густой, темный лѣсъ; за лѣсомъ снова поднимается отлогая возвышенность, поросшая травой; далѣе идутъ холмы и шунгоровскія высоты съ едва виднѣющимися селами, деревнями, мельницами, разбросанными на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ и вправо, и влѣво; на самомъ краю горизонта, влѣво отъ моего жилища, виднѣются вершины Дудергофа, вправо Ропша. Сюда едва можно добраться по песчанымъ и узкимъ извилистымъ дорогамъ; здѣсь можно заблудиться въ густыхъ лѣсахъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ; здѣсь можно утонуть въ свѣжей зелени сочной травы; здѣсь населеніе окрестныхъ деревень, разныхъ Химози, Ямалази, Иннолова, Кавигонтовъ, Разбѣгаевъ, непривычное къ постороннимъ людямъ, неразговорчиво, несообщительно, и среди него можно быть одинокимъ въ теченіе цѣлаго лѣта, если не встрѣтится случайно кто-нибудь изъ офицеровъ, пребывающихъ на съемкѣ въ этихъ мѣстностяхъ. Мнѣ была нужна такая глушь, и я радъ, что мнѣ не пришлось искать гдѣ-нибудь далеко, что она нашлась чуть-чуть что не подъ самымъ Петербургомъ. Нужно побывать здѣсь, чтобы понять и всю прелесть развертывающейся передъ моими глазами широкой картины, и всю дикость здѣшняго населенія. Когда я пріѣхалъ сюда въ коляскѣ, женщины, старухи и молодыя, бросились къ ней, какъ дикарки, начали ее осматривать, повзлѣзли въ нее и стали раскачивать ее, наслаждаясь, подобно дѣтямъ; въ субботніе дни Вы могли бы подумать, что Вы попали въ страну дикихъ, потому что около крошечныхъ закопченыхъ бань Вы встрѣтили бы обнаженныхъ людей, моющихся не въ баняхъ, а на открытомъ воздухѣ безъ всякаго стѣсненія, на виду у всей деревни, при чемъ женщины не снимаютъ только своихъ головныхъ уборовъ, своихъ «кичекъ»; о городѣ, о столицѣ напоминаютъ только изрѣдка появляющіеся сюда въ теченіе всего лѣта скупщики ягодъ, масла, яицъ, грибовъ; тутъ есть люди, которые никогда не бывали въ городѣ. Въ этой глуши я забуду все, кромѣ того, что мнѣ нужно во что бы то ни

стало приготовиться къ экзамену и начать иную жизнь. Если Вы еще хоть сколько-нибудь сохранили ко мнѣ чувство привязанности, если Вамъ еще хоть сколько-нибудь дорогъ тотъ, кто былъ такъ много виноватъ передъ Вами и кто такъ горячо любитъ Васъ, то помолитесь за меня, пожелайте мнѣ успѣха. О, если бы Вы знали, какъ тяжело бываетъ мнѣ иногда. Порою, сидя здѣсь, одинокій, забытый, ненужный никому, я плачу, какъ ребенокъ, плачу не потому только, что мнѣ скучно, что я завидую другимъ, болѣе счастливымъ людямъ, но и потому, что я все яснѣе и яснѣе сознаю, что я загубилъ много силъ, много лѣтъ, много нравственной чистоты на безпутную, безпечальную жизнь, которой я посылаю теперь одни проклятія»...

15-го іюля 18... года.

...«Я свелъ случайно знакомство съ личностью, поразившею меня своею нравственною силой. Бродя въ часы отдыха отъ занятій по полямъ и лѣсамъ, я столкнулся съ незнакомымъ мнѣ офицеромъ, живущимъ верстахъ въ трехъ отъ меня на съемкѣ. Онъ удивился, увидавъ незнакомую ему личность, раскланялся со мною, мы разговорились. Такъ какъ я находился около его жилища, то онъ любезно пригласилъ меня зайти къ себѣ. Я зашелъ къ нему, мы познакомились поближе, и въ нѣсколько недѣль среди разговоровъ я узналъ и его исторію, и его планы на будущее. Мутавкинъ—такъ зовутъ моего новаго знакомаго—сынъ бѣднаго армейскаго офицера, онъ рано остался сиротою, поступилъ въ корпусъ, кончилъ курсъ первымъ, прожилъ нѣкоторое время въ Ташкентѣ, поступилъ потомъ въ академію, гдѣ надѣется кончить въ нынѣшнемъ году курсъ тоже первымъ. Вотъ голый формулярный списокъ Мутавкина, но рядомъ съ этимъ идутъ факты, которые не заносятся обыкновенно въ формулярные списки. Вся жизнь этого человѣка была тяжелою борьбою: въ дѣтствѣ ему приходилось и дрова таскать, и босикомъ ходить, и самоучкой выучиться грамотѣ; въ корпусъ онъ опредѣлилъ себя самъ, пропутешествовавъ то пѣшкомъ, то съ обозами до столицы, потому что за него некому было хлопотать; учась въ корпусѣ, онъ заинтересовался статистикой, политической экономіей и этнографіей Россіи и успѣлъ настолько ознакомиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ этими предметами, что могъ бы теперь сдать изъ нихъ самый обширный экза-

менъ; понимая необходимость сравнительной статистики, онъ изучилъ самоучкой три иностранные языка, которыми почти вовсе не занимались въ корпусѣ; все это стоило безсонныхъ ночей, громадныхъ усилій, но онъ поборолъ всѣ препятствія и остался добрымъ и веселымъ, иногда дѣтски-наивнымъ человѣкомъ.

— Это глупости-съ, когда люди говорятъ: «я не могу этого сдѣлать»,—пояснилъ онъ мнѣ съ добродушною улыбкою, постоянно смягчающею строгое выраженіе его загорѣлаго и нѣсколько сухого и грубаго лица.—«Я не хочу попробовать сдѣлать это», а это другое дѣло, это я понимаю-съ!

— Ну, вы немного преувеличиваете,—шутливо замѣтилъ я.—Есть вещи, про которыя человѣкъ впередъ можетъ сказать, что онъ ихъ не достигнетъ...

— То-есть вы хотите сказать, что онъ птичьяго молока достать не можетъ, потому что у птицъ молока нѣтъ, или башни вавилонской до тверди небесной построить не сумѣетъ, потому что этой тверди не существуетъ?—отвѣтилъ въ томъ же тонѣ Мутавкинъ и серьезнымъ тономъ убѣжденія прибавилъ:—Нѣтъ-съ, въ томъ-то и бѣда человѣка, если онъ сразу, встрѣтивъ препятствіе или грандіозность плана, скажетъ себѣ впередъ: «Я этого не могу сдѣлать!» А ты попробуй, ты добивайся, ну, не добьешься, что-жъ изъ этого? Помрешь только, какъ и безъ того бы умеръ, такъ какъ всѣ мы смертны и всѣ мы помремъ. Хуже вѣдь ничего не можетъ быть. Разница вся въ томъ, что у того, кто ничего не добивается, жизнь полна отчаянья, а у того, кто чего-нибудь добивается, жизнь полна надеждъ. Послѣднее все же лучше.

— Хоть призраками да утѣшаться,—вскользь замѣтилъ я.

— Да какъ вамъ сказать-съ,—задумчиво отвѣтилъ онъ.—Если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, съ точки призрачности надеждъ, такъ ужъ лучше на первой осинѣ повѣситься, чтобы не обманывать ни себя, ни другихъ. Вѣдь съ этой точки зрѣнія все призрачно: вонъ муравьиная куча; строятъ, собираютъ, хлопочутъ муравьи,—разройте ихъ кучу, растопчите ихъ, и всѣ ихъ долгія усилія пропадутъ вмигъ. Смотря съ вашей точки зрѣнія, муравьямъ не для чего бы и строить свою кучу. Ну, а я думаю, что будетъ лучше, если они ее будутъ строить: одну, двѣ, десять, тысячу кучъ вы разорите, а сотни все-таки уцѣлѣютъ и дойдутъ до извѣстнаго совершенства въ устройствѣ, котораго, можетъ-быть, не знали муравьи давно прошедшихъ столѣтій. Муравьи же,

которые смотрѣли бы съ вашей точки зрѣнія, не дошли бы вовсе ни до чего.

Я коснулся его будущихъ плановъ и замѣтилъ, что онъ, въ качествѣ перваго по академіи, вѣроятно, поѣдетъ на казенный счетъ за границу.

— Да, до Берлина поѣду, а тамъ пущусь въ путь по образу пѣшаго хожденія,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ хочется не изъ вагона желѣзной дороги посмотрѣть на жизнь, а стать съ ней лицомъ къ лицу, пожить этой жизнью, пожить съ рабочимъ людомъ, съ фабричнымъ населеніемъ, поработать самому...

Я удивился и спросилъ, для какой цѣли хочетъ онъ это сдѣлать.

— Для какой цѣли?—задумчиво повторилъ Мутавкинъ.—Какъ вамъ это объяснить? Цѣль у меня покуда одна: изучить и по книгамъ, и на практикѣ жизнь народа, не одного нашего народа, а народа вообще и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи. Покуда меня занимаетъ научная сторона этого вопроса, и я сдѣлаю все для того, чтобы разсмотрѣть этотъ вопросъ всесторонне, а потомъ...

По его лицу проскользнула его добродушная, простая улыбка.

— Потомъ какую-нибудь систему для постройки муравьиной кучи изобрѣтать буду или что-нибудь въ этомъ родѣ—почему я знаю!—проговорилъ онъ.—Нельзя же сказать впередъ, что будетъ дальше, въ то время, когда дойдешь до своей намѣченной цѣли; моя же цѣль покуда состоитъ въ изученіи народнаго быта и его условій. Можетъ-быть, я такъ и останусь вѣчно кропотливымъ изслѣдователемъ, вѣчно воображая, что я все еще недостаточно изучилъ свое дѣло, недостаточно подготовился, а, можетъ-быть, черезъ годъ, черезъ два воображу себѣ, что достигъ цѣли вполнѣ и что надо идти куда-нибудь дальше, къ другой цѣли...

Чѣмъ ближе я схожусь съ этимъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе начинаю уважать его и удивляться его энергіи, его готовности пожертвовать всѣмъ для достиженія тѣхъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ онъ стремится. Смотря на него, я самъ дѣлаюсь бодрѣе, работаю лучше, стыжусь сказать себѣ, что мнѣ трудно учиться, что я не могу учиться. Но, конечно, мнѣ далеко до него: онъ привыкъ къ работѣ, онъ втянулся въ нее и, что важнѣе всего, онъ увѣренъ постоянно въ самомъ себѣ. Въ этомъ отношеніи онъ является полнѣйшею противоположностью Гамлета. Сомнѣній у него нѣтъ.

Онъ, напримѣръ, говоритъ, что онъ кончитъ академію первымъ, и говоритъ это такимъ тономъ, какъ будто это обстоятельство уже рѣшенное и другого исхода быть не можетъ.

— Ну, а что если вы не кончите курса первымъ?—спросилъ я его на-дняхъ.

— Тогда,—отвѣтилъ онъ, дѣлая мрачное лицо:—тогда я кончу курсъ вторымъ, третьимъ, четвертымъ...

Онъ засмѣялся добродушнымъ смѣхомъ надъ своею шуткою и прибавилъ:

— Вѣдь другого ничего не можетъ случиться!

— Такъ, значитъ, вы признаете возможность того, что вы выйдете не первымъ?—замѣтилъ я.

— Какъ вамъ сказать? Я признаю даже возможность того, что вотъ сейчасъ отъ нашихъ папиросъ загорится эта изба, я побѣгу тушить пожаръ и меня прихлопнетъ свалившейся головней. Я только не разсчитываю на эти возможности. Я задался цѣлью кончить курсъ первымъ, чтобы получить деньги и отпускъ на заграничное путешествіе, и стремлюсь къ этой цѣли. Расчеты на разныя случайности только усложнили бы мои планы и отняли бы у меня даромъ много времени, поколебали бы мою твердую увѣренность. Явятся эти случайности бревнами на моемъ пути, тогда явится и планъ устраненія этихъ бревенъ, а покуда ихъ нѣтъ,—что же я могу придумать для ихъ устраненія? Вотъ я прошлый разъ говорилъ вамъ о муравьяхъ: повѣрьте, что и при ихъ работѣ не входитъ никогда въ расчетъ мысль о томъ, что будетъ съ ними, если господинъ Муратовъ придетъ къ ихъ кучѣ и разворотитъ ее своею палкою. Представляя себѣ возможность этой случайности, они весь вѣкъ все думали бы о средствахъ оградить себя отъ палки господина Муратова, а не занимались бы своею постройкою. А господину Муратову, можетъ-быть, во всю жизнь и въ голову не пришло бы разворачивать муравьиныя гнѣзда...

Мнѣ просто становится завидно смотрѣть на трезвость этого человѣка, на его желѣзную волю, на его безмятежное настроеніе духа, и я увѣренъ, что онъ никогда не остановится на половинѣ дороги.

На-дняхъ я встрѣтилъ у него нѣсколько офицеровъ—его товарищей по академіи—и понялъ, какую роль играетъ въ ихъ кружкѣ этотъ невзрачный на видъ, некрасивый лицомъ, немного простоватый по обращенію человѣкъ, напоминающій своею внѣшностью грубоватаго армейскаго служаку,

съ потемнѣвшимъ лицомъ, съ загрубѣвшею сухою кожею, съ мозолистыми руками и съ небрежнымъ костюмомъ. Офицеры явились къ нему съ разными вопросами, за разными совѣтами, они уже видятъ въ немъ будущаго профессора, наставника и вожака, и онъ просто и ясно высказывалъ имъ свои соображенія, приправляя, по своему обыкновенію, эти соображенія мѣткими примѣрами и юмористическими замѣчаніями.

— Славный народъ,—замѣтилъ онъ мнѣ про товарищей, когда мы остались одни.—Хорошо, если бы было побольше дѣльныхъ и хорошихъ офицеровъ. Легіоны, батенька, что бы ни толковали люди,—великая и страшная сила и не дурно знать, какія головы будутъ управлять ими.

Я крайне радъ, что столкнулся съ этимъ человѣкомъ. Онъ дѣйствуетъ на меня благотворно, при немъ стыдно не работать, стыдно хандрить. Послѣ бесѣдъ съ нимъ, я все рѣже и рѣже боюсь своей собственной неудачи. Неужели же и я не сумѣю сдѣлать усиліе, которое дастъ мнѣ побѣду?..»

10-го сентября 18... года.

...«Я у берега, у берега. О, какъ я счастливъ, какъ веселъ, какъ спокоенъ! Я не могу отъ волненія связно писать. Экзамены кончены, кончены отлично, несмотря на то, что ко мнѣ относились строго, придирчиво. Всѣ экзаменаторы знали, кто я и что я. Всерьёзъ моего желанія поступить въ академію никто не принималъ; всѣ думали, кажется, что я просто хотѣлъ погулять въ лагерное время и выбралъ для этого предлогомъ поступленіе въ академію, чтобы получить отпускъ. Но скоро пришлось убѣдиться въ противномъ. Своимъ успѣхомъ я много обязанъ Мутавкину: онъ помогъ мнѣ въ занятіяхъ, подбодрилъ меня, разогналъ мою хандру, отучилъ меня отъ нытья. Я могъ бы теперь сказать, что я счастливъ вполнѣ, если бы я зналъ, что мое прошлое, умершее для меня, умерло и для Васъ, и что въ Вашемъ сердцѣ сохранилось хоть немного любви ко мнѣ. Одно Ваше слово, одинъ Вашъ намекъ на то, что я могу еще надѣяться на Вашу любовь, и я воскресну, оживу вполнѣ. Простите мнѣ, что я говорю Вамъ объ этомъ, но молчать долѣе о моей любви къ Вамъ я не въ силахъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы стать другимъ человѣкомъ, я сдѣлалъ это ради Васъ, ради того, чтобы доказать Вамъ, что во мнѣ еще остались силы для лучшей жизни, что Вы не совсѣмъ оши-

бались во мнѣ, когда заступались въ былыя времена за меня и, вѣрьте мнѣ, Вы никогда не будете краснѣть за меня. Велите мнѣ ждать сколько угодно того счастливаго дня, когда я буду имѣть право назвать Васъ своею, и ради всего святого дайте мнѣ хоть слово надежды, хоть слово ободренія. Мнѣ нужно знать, что ждетъ меня впереди: одинокая ли трудовая жизнь съ горькимъ сознаніемъ, что я самъ когда-то убилъ свое счастіе, или свѣтлыя радости семейной жизни съ той, которая съ каждымъ днемъ становится для меня все дороже и дороже...»

Это было послѣднее письмо Муратова къ Юліи Николаевнѣ. Въ концѣ сентября онъ получилъ коротенькую записку отъ молодой Сухаревой. Въ ней было написано: «Отвѣтъ на ваше послѣднее письмо, кузенъ, Вы услышите отъ меня лично въ Петербургѣ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія этой записки Муратову далъ знать Яковъ Сухаревъ, что его мать, тетка и сестра возвратились въ Петербургъ и ждутъ Муратова на слѣдующій день къ завтраку. Муратовъ смутился; въ немъ точно что-то оборвалось; онъ боялся думать о слѣдующемъ днѣ, о встрѣчѣ съ Юліей Николаевной, которую въ то же время ему страстно хотѣлось видѣть. Онъ не зналъ, что скажетъ она ему. До поздняго вечера въ его спальнѣ горѣла свѣчка, и онъ долго и усердно молился, стоя на колѣняхъ. Въ послѣднее время онъ нерѣдко прибѣгалъ къ помощи молитвы, чтобы успокоить свои душевныя тревоги. Послѣ молитвы ему обыкновенно становилось легче, его волненіе утихало, въ немъ воскресали надежды. И теперь онъ немного успокоился, хотя и не былъ веселъ. Ложась въ постель, онъ долго не гасилъ свѣчи и не могъ уснуть. Порой ему представлялось, что Юлія Николаевна подастъ ему надежду, порой онъ сомнѣвался въ этомъ и мысленно говорилъ себѣ, что тогда онъ кончитъ курсъ въ академіи, уѣдетъ въ Ташкентъ и отдастся весь службѣ, постарается забыться въ трудѣ. Онъ проснулся рано утромъ и уже въ часъ пополудни поднимался по знакомой лѣстницѣ въ домъ Сухаревыхъ, гдѣ все попрежнему было роскошно, сіяло мраморомъ и позолотой, утопало въ зелени тропическихъ растеній.

— Есть кто-нибудь у господъ?—спросилъ онъ швейцара.

— Марья Николаевна съ супругомъ,—отвѣтилъ швейцаръ.

Это немного смутило Муратова. Ему было непріятно встрѣтиться съ Юліей Николаевной при ея сестрѣ и Аносовѣ.

Онъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ залъ, прошелъ въ синюю гостиную. Вся семья была здѣсь въ сборѣ за исключеніемъ самой Юліи Николаевны. Старуха Сухарева обрадовалась Муратову и даже поднялась съ мѣста навстрѣчу ему. Онъ поцѣловалъ ея руку, и она поцѣловала его въ лобъ.

— Похудѣлъ, похудѣлъ! — проговорила она, разглядывая его.

— Это вамъ идетъ,—замѣтила tante Catiche, здороваясь съ нимъ.

Марья Николаевна и ея мужъ обмѣнялись сухими поклонами съ Петромъ Павловичемъ. Онъ не сказалъ еще ни слова, у него словно сжималось горло. Въ эту минуту послышалось, какъ гдѣ-то отворилась дверь и Муратовъ, быстро обернувшись, увидѣлъ за двѣ комнаты шедшую по направленію къ синей гостиной Юлію Николаевну. Онъ впился въ нее глазами. Она какъ будто выросла немного; формы ея стана, груди и плечъ нѣсколько округлились и окончательно потеряли угловатость, всегда напоминающую о вчерашнемъ дѣтствѣ, о недавно снятомъ короткомъ платьицѣ; ея лицо потеряло полу-дѣтское выраженіе молоденькой дѣвушки, едва вышедшей изъ ребяческаго возраста, и было полно сосредоточенной серьезности и строгой, вполнѣ опредѣлившейся красоты; ея просто причесанные съ проборомъ по серединѣ волосы, ея совершенно гладкое шелковое платье, ея простые батистовые воротникъ и нарукавники, охватывавшіе плотно ея шею и руки,—все это какъ бы говорило, что она не нуждается ни въ какихъ украшеніяхъ, чтобы властвовать надъ сердцами людей. Муратовъ сразу и вполнѣ замѣтилъ все: и ея нарядъ, и выраженіе ея лица, и ея неторопливую и твердую походку.

— Здравствуйте, кузенъ,—мягко и задушевно произнесла она, протянувъ ему обѣ руки.

Онъ невольно нагнулся и поцѣловалъ ея руку. У него помутилось въ глазахъ. Онъ готовъ былъ сжать ее въ своихъ объятіяхъ.

— Maman, завтракъ уже поданъ,—обратилась Юлія Николаевна къ матери.—Кстати,—продолжала она, ровнымъ и спокойнымъ тономъ, обращаясь къ Николаю Аносову:—вы нѣсколько минутъ тому назадъ говорили мнѣ и maman о разныхъ счетахъ по опекѣ. Ваши счеты относительно опеки надо мною намъ нечего торопиться просматривать. Ихъ просмотритъ когда-нибудь мой мужъ...

— Вашъ мужъ?—спросилъ въ недоумѣніи Аносовъ.

Муратовъ весь похолодѣлъ. Ея мужъ! Какой мужъ? Развѣ она вышла замужъ?

— Да, вѣдь мы же потому и поторопились пріѣхать, что Пьеру хотѣлось поскорѣе сдѣлать нашу свадьбу,—пояснила тѣмъ же спокойнымъ тономъ Юлія Николаевна, указывая глазами на Муратова.

Аносовъ поднялся съ мѣста съ выраженіемъ ярости на лицѣ и сдѣлалъ шагъ впередъ, точно желая броситься на Муратова.

— А!.. Такъ вы... такъ вы хотите,—началъ и не кончилъ онъ, задыхаясь отъ волненія и не помня себя, какъ помѣшанный.

Муратовъ, и обрадованный, и взволнованный, съ глубокой благодарностью сжалъ руку Юліи Николаевны и, мелькомъ холодно взглянувъ на Аносова, проговорилъ насколько могъ спокойно:

— Повѣрьте, что эти счеты меня интересуютъ гораздо менѣе, чѣмъ васъ интересовала моя прошлая жизнь...

И трудно сказать, что болѣе обрадовало въ эту минуту Муратова: вѣсть ли о возможности назвать своею горячо любимую женщину, или это торжество надъ врагомъ, долго топтавшимъ его въ грязь. Все затмевающее, все подавляющее самолюбіе такихъ людей, какъ Муратовъ, не имѣетъ границъ и не умолкаетъ въ нихъ даже въ минуты самыхъ страстныхъ порывовъ, самыхъ свѣтлыхъ наслажденій, самыхъ чистыхъ радостей. Эти люди способны на замѣчательныя усилія, на геройскіе подвиги, на упорную борьбу, но рѣшаются на все это только для удовлетворенія своего самолюбія, для того, чтобы получить призъ—первую красавицу и богачиху въ жены, первый крестъ за безумную отвагу въ битвѣ, видное мѣсто за усердную службу. Ихъ девизъ: «со щитомъ или на щитѣ», а что выйдетъ изъ этого для общества, кому это окажетъ пользу въ обществѣ—это нисколько не интересуетъ ихъ ни въ эпоху ихъ безпечальнаго житья, ни въ эпоху ихъ отрезвленія и серьезной дѣятельности...

Тѣмъ не менѣе и Муратовъ, и всѣ окружающіе его были убѣждены, что, вступивъ на новый путь, начавъ новый періодъ своей жизни, отрекшись отъ безпутнаго прожиганья жизни, онъ сталъ другимъ человѣкомъ...

И МОЛОТОМЪ, И ЗОЛОТОМЪ.

РОМАНЪ.

I.

Дома, сады и улицы Чистополья были залиты полуденными лучами знойнаго, лѣтняго солнца. Почти на краю города, въ Старой Господской улицѣ, среди ряда заборовъ и полузаброшенныхъ строеній, особенно рѣзко выдѣлялся небольшой, заново отдѣланный въ русскомъ вкусѣ домикъ, изящный, какъ парижская игрушка. Это былъ домъ Данилы Павловича Муратова. На его заставленномъ цвѣтами, украшенномъ маркизами изъ небѣленаго полотна съ красными кумачными фестонами, рѣзномъ балконѣ покоилась хозяйка дома, Олимпіада Пахомовна Муратова. Ея лоснящіеся волосы были зачесаны просто и гладко, тяжелая коса два раза обвивала ея голову, какъ немного сдвинутый назадъ вѣнецъ. Полубатистовое платье цвѣта небѣленаго полотна гладко охватывало ея фигуру вплоть до шеи, заканчиваясь гладкимъ бѣлымъ воротничкомъ. Широкіе съ разрѣзомъ рукава оставляли открытыми круглыя, здоровыя, ослѣпительно бѣлыя руки почти до локтей. Здоровое, бѣлое, упругое тѣло, полныя, румяныя щеки съ маленькими ямочками, невозмутимо спокойное выраженіе лица, напоминавшаго здоровыя лица русскихъ деревенскихъ красавицъ, все въ этой женщинѣ говорило, что она счастлива,—счастлива вполнѣ, то-есть здорова, богата, любима мужемъ. Она сидѣла въ покойномъ креслѣ передъ рабочимъ столикомъ у рѣзныхъ перилъ балкона, среди зелени и цвѣтовъ, защищенная отъ горячихъ лучей солнца полуспущенными маркизами, и неторопливо шила. Кончивъ шитье, она слегка улыбнулась и на минуту залюбовалась своею работою. Это былъ крошечный чепчикъ изъ тончайшаго полотна съ прошивками и кружевами. Повертывая его передъ собою на рукѣ и осматривая со всѣхъ сторонъ, она, казалось, заранѣе восхищалась крошечной, прелестной головкой того, для кого предназначался въ близ-

комъ будущемъ этотъ чепчикъ. Кончивъ осмотръ, она положила работу на столъ и встала, обративъ лицо по направленію къ дорогѣ за городъ. Солнце блеснуло ей прямо въ глаза, и она немного сощурила ихъ. Въ ту же минуту она услышала воркованіе и съ улыбкой взглянула черезъ перила внизъ. Подъ балкономъ на улицѣ расхаживали голуби, подбирая сѣмечки, выбрасываемыя имъ обыкновенно съ балкона послѣ чищенья клѣтки попугая.

— А, уже собрались!—проговорила она веселымъ и ласковымъ тономъ.—Погодите, погодите, сейчасъ накормлю васъ, голодные!

Она на минуту скрылась съ балкона и потомъ вернулась снова къ его периламъ съ бумажнымъ картузомъ, въ какіе насыпаются мука, крупа и тому подобные припасы.

— Ну, ѣшьте!—произнесла она, бросая на улицу горсть конопляпаго сѣмени.

Голуби на мгновеніе вспорхнули въ испугѣ, но даже не отлетѣли и на пять шаговъ и тотчасъ же зашумѣли еще сильнѣе подъ балкономъ, воюя другъ съ другомъ изъ-за корма. Видно было, что ихъ испугала только неожиданность и что они давно привыкли получать здѣсь подачки.

— Пошелъ, пошелъ ты, хохлунъ! Зачѣмъ обижаешь хромоножку? Кшъ!

Олимпіада Пахомовна махнула рукой на одного изъ самыхъ задорныхъ голубей, точно голуби вполнѣ понимали ея рѣчи.

— Ну, вотъ вамъ еще! На всѣхъ хватитъ. Чего деретесь? Ахъ, гадкіе, гадкіе, все хромоножку обижаютъ! Дурачокъ, уйди отъ нихъ вотъ сюда, сюда, смотри!..

Она бросила хромоногому голубю горсть сѣмянъ отдѣльно, но другіе голуби тотчасъ же обступили его и начался снова бой изъ-за корма. Олимпіада Пахомовна была, повидимому, готова сама сойти внизъ, чтобы только защитить хромоногаго голубя, и такъ увлеклась своимъ занятіемъ, что, кажется, забыла все на свѣтѣ. А солнце такъ и сверкало, такъ и играло и на муратовскомъ домѣ, и на сочной зелени балкона, и на самой Олимпіадѣ Пахомовнѣ, лаская и пригрѣвая ее, безмятежную, счастливую, сіяющую.

— Мамася, мамася, мы песку плинесли попкѣ!—раздался около нея дѣтскій лепетъ, и раскраснѣвшійся, пухленькій и курчавый, какъ амуръ, трехлѣтній мальчуганъ въ бѣлой рубашонкѣ бросился къ молодой женщинѣ.

— А няня гдѣ?—спросила мать, нагибаясь къ нему и цѣлуя его.

— Няня съ Шулой идетъ... Шула у нея на лукахъ... ходить совсѣмъ не умѣетъ,—болталъ мальчуганъ.—Я умѣю ходить, а онъ не умѣетъ. Совсѣмъ глупый! Мы песочекъ попкѣ собирали... далеко, далеко ходили къ зелѣзной дологѣ...

Мать опустилась на колѣни и, любуясь сыномъ, оправляла на немъ рубашонку и приглаживала его растрепавшіеся кудри.

— Ты поди и вели Дарьѣ вымыть тебѣ руки и перемѣнить рубашечку. Ты весь въ пескѣ,—говорила она.

Въ эту минуту на балконъ вошла чисто одѣтая, красивая и молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Второй мальчикъ былъ портретомъ перваго.

— Няня, скажи Дарьѣ, чтобы она вымыла руки Данѣ и переодѣла его,—сказала Олимпіада Пахомовна, не безъ труда поднимаясь съ пола.

Она наклонилась къ малюткѣ, сидѣвшему на рукахъ у няньки, и поцѣловала его.

— Усталъ?—спросила она сынишку.

— Уталъ,—прокартавилъ мальчуганъ и началъ что-то быстро и бойко разсказывать на своемъ дѣтскомъ, еще совсѣмъ неразборчивомъ языкѣ.

— Говорунъ у насъ такой Шуринька, что страсть!—улыбаясь, сказала нянька.

— Ты, няня, вели и на столъ накрывать. Ужъ пора обѣдать,—замѣтила Олимпіада Пахомовна.

— Баринъ съ рабочими возится въ конторѣ Пахома Семеновича,—отвѣтила нянька.—Сердиться изволятъ. Народъ такой несуразный. Опять на пищу пришли жаловаться Пахому Семеновичу, а гдѣ же наготовишься на этакую ораву. Поди, ихъ тамъ тысячи на чугункѣ у Пахома Семеновича работаютъ.

— Ахъ, скорѣй бы эти работы кончались!—со вздохомъ сказала Олимпіада Пахомовна.—Только возмущаютъ Даню... Такъ ты, няня, распорядись насчетъ обѣда.

Нянька вышла съ дѣтьми. Олимпіада Пахомовна встала опять у перилъ балкона и задумчиво устремила глаза вдаль, гдѣ тянулось полотно желѣзной дороги. Прошло минутъ съ пять. Жадные голуби уже съѣли весь кормъ и снова шумѣли внизу, словно выпрашивая еще подачки. Болѣе смѣлые изъ нихъ пробовали даже взлетѣть на перила балкона, ни-

сколько не обращая вниманія на попугая, отрывисто кричавшаго имъ:

— Пшли вонъ! Кшъ!

Но молодая женщина уже не обращала вниманія ни на нихъ, ни на крики попугая, погрузившись въ тревожныя думы о томъ, когда тамъ, на этой змѣившейся въ отдаленіи насыпи будутъ кончены *всѣ* работы. Она иногда просто начинала ненавидѣть эту страшную змѣю, называемую полотномъ желѣзной дороги, потому что только эта, кормившая ихъ и упрочившая ихъ благосостояніе, змѣя и отрывала отъ дома ея мужа, только она и вносила непріятности и тревоги въ ихъ безмятежную семейную жизнь.

Муратову вывели изъ раздумья грубые голоса громко разговаривавшихъ на улицѣ людей. Она взглянула внизъ: изъ воротъ дома выходили кучками и поодиночкѣ рабочіе, молодые и старики, съ большими бородами и съ давно небритыми подбородками, въ грязныхъ пестрыхъ рубахахъ, въ рваныхъ шерстяныхъ фуфайкахъ, въ ветхихъ кафтанахъ, въ дырявыхъ сюртукахъ и курткахъ отставныхъ солдатъ, въ грязныхъ сапогахъ, въ стоптанныхъ башмакахъ и въ неприглядныхъ опоркахъ. Нѣкоторые были чуть не нагіе, многіе были босы. Ихъ вышло изъ воротъ уже много, а между тѣмъ ихъ вереницѣ все еще не было конца, и изъ калитки появлялись все новыя и новыя фигуры, хмуро почесывавшія въ затылкахъ или озабоченно догонявшія товарищей. Всѣ эти люди шли по направленію къ полотну желѣзной дороги, какъ какое-то образцовое полчище самой разнохарактерной голи. Разнообразіе ихъ фигуръ, одѣяній, возрастовъ и типовъ было полное. Казалось, сюда сошлась горемычная бѣднота со всѣхъ концовъ пространной Россіи, чтобы добыть кусокъ хлѣба. Нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли пришибленными, заморенными и понурыми; у другихъ физіономіи были угрюмы, грубы и свирѣпы; лица третьихъ напоминали о близкомъ знакомствѣ съ портерными лавками, съ трактирами, съ кабаками. Весь этотъ людъ тащилъ свои собственные незатѣйливые инструменты, заступы, топоры, долотья, можетъ-быть, изъ боязни оставить эту собственность въ своихъ конурахъ, лачугахъ, землянкахъ. Одинъ молодой парень съ лихой физіономіей несъ даже, вмѣсто всякаго орудія труда, гармонику и беззаботно насвистывалъ какой-то плясовой городской мотивъ. Всѣ эти группы рабочаго люда наперебой говорили между собою какими-то отрывочными, недосказанными, но тѣмъ не менѣе понятными

для нихъ фразами, волнуясь, споря, перебраниваясь. Проходя мимо балкона муратовскаго дома, они не замѣчали Олимпіады Пахомовны, и только двое, трое изъ нихъ сняли передъ нею шапки.

— Семенъ, Семенъ, баринъ кончилъ расчеты?—окликнула она одного изъ нихъ.

Это былъ изможденный, исхудалый старикъ, почтительно и подобострастно поклонившійся ей, какъ кланяются господамъ старые слуги. Онъ вышелъ изъ воротъ почти послѣднимъ.

— Сейчасъ кончитъ,—отвѣтилъ старикъ, приблизившись къ балкону, и совсѣмъ пониженнымъ голосомъ прибавилъ:— Съ Тимоѳеемъ Шестипаловымъ споръ опять вышелъ у Пахома Семеновича... все насчетъ ѣды... Извѣстно, такой ужъ баламутъ—человѣкъ...

— Удивляюсь я, какъ его держатъ, разсчитали бы и конецъ,—сказала Олимпіада Пахомовна.

— Чего, матушка разсчитывать-то!.. Все, почитай, забралъ по самый конецъ... Люди вторые задатки только получили, а онъ все забралъ...

Старикъ тревожно и боязливо обернулся назадъ и потомъ еще болѣе тихо прибавилъ:

— Кажись, только для того этотъ самый Тимоѳейка промежду народомъ и трется, чтобы баламутить... Того и гляди, на линіи опять бунтовать станутъ... и такъ три дня не работали... взбунтоваться не долго, а извѣстно, чѣмъ кончится... Тоже по головкѣ не погладятъ... И вотъ вѣдь нищъ человѣкъ, дома семья голодаетъ, тутъ бы тише воды, ниже травы быть, такъ нѣтъ, лѣзетъ самъ въ петлю... Свобода все, воля...

Старикъ вздохнулъ, махнувъ рукою, и, низко поклонившись Олимпіадѣ Пахомовнѣ, осторожной походкой комнатнаго лакея пошелъ дальше, качая головой и ворча что-то себѣ подъ носъ. Двое молодыхъ рабочихъ, проходя въ это время мимо Семена, сурово поглядѣли на него исподлобья, какъ смотрятъ на своего врага.

Въ это время къ дому подъѣхала старомодная барская коляска рыжаго цвѣта, запряженная тройкой сытыхъ, деревенскихъ лошадей. Въ коляскѣ, среди разныхъ коробинъ, узелковъ, завернутыхъ въ бумагу вещей, сидѣла довольно пожилая, но здоровая и плотная дама. На ней были пестрое шерстяное платье, полосатая бархатная мантилья, старомодная шляпка съ яркими клѣтчатыми лентами. Это была Матрена Кузьминична Баскакова, когда-то крѣпостная

дѣвка, а теперь жена дяди Муратова, Александра Николаевича Баскакова. Коляска пріостановилась подъ самымъ балкономъ.

— Липа, Липа, ты тутъ?—крикнула Матрена Кузьминична громкимъ голосомъ.

— Здѣсь, тетушка,—отозвалась Олимпіада Пахомовна.

— Я ужъ не зайду къ вамъ. Тороплюсь въ Ольховатое. Мои цыплята и такъ, я думаю, что-нибудь набѣдокурили безъ меня. Скажи Данилѣ-то Павловичу, не забудь, чтобы завернулъ завтра ко мнѣ безпремѣнно. Смаялась я у васъ въ городѣ. Со всѣми купцами-мошенниками переругалась. Ни къ чему приступу нѣтъ. Денегъ страсть что обобрали.

— Да вы, тетушка, отдохнули бы съ часокъ. Мы сейчасъ обѣдать будемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!—махая рукой, отказалась Баскакова.— Я ужъ поѣла. Зашла къ Сидорову въ магазинъ, часъ битый пришлось торговаться, ну, тамъ и позакусила. Къ Крестоносцеву завернула тоже, къ отцу Петру тоже. Матушка-попадья выдаетъ дочку замужъ. Такъ себѣ женихъ-то, невидный, попъ города захудалаго, прихода голодалаго,—позавидовать нечему. Конечно, лишній ротъ имъ какъ-никакъ, а сбыть съ рукъ надо... Ну, прощай, голубка, мужу-то не забудь напомнить обо мнѣ. Поѣдетъ въ Питеръ послѣзавтра, такъ и деньги отъ меня нашему безпутному-то, Александру-то Николаевичу, свезетъ, и наставленье мое передастъ. Пусть отпоетъ, пусть отпоетъ дяденькѣ-то своему отъ моего имени, что семью-то не слѣдъ бросать да въ разоръ разорять. Охъ, ужъ жаль, что мнѣ-то не рука самой туда ѣхать, а то я привела бы домой нашего бычка да на веревочкѣ... Ты-то безъ мужа соберись ко мнѣ, у насъ воздухъ вольнѣе... Ну, Христосъ съ тобой!.. Трогай, Иванъ, трогай!

Все это говорилось скоро, безъ передышки, тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ простыя мѣщанки, торговки. При послѣднихъ словахъ Баскаковой, коляска снова загромыхала и покатилась по пыльной дорогѣ за городъ. Олимпіада Пахомовна смотрѣла ей вслѣдъ. Въ ея головѣ бродили мысли о томъ, что бы стала дѣлать она, если бы ее такъ же бросилъ ея Данила Павловичъ, какъ бросилъ жену и дѣтей Александръ Николаевичъ Баскаковъ. Она бы не пережила этого, она отыскала бы мужа на днѣ морскомъ, а вотъ Матрена Кузьминична не то, — она преспокойно живетъ съ дѣтьми въ своемъ имѣніи «Ольховатомъ», хозяйничаетъ и

посылаетъ въ Петербургъ деньги мужу, уже три года занимающемуся тамъ какими-то домостроительными аферами. Или съ годами остываетъ всякая любовь, всякая страсть? Нѣтъ, у нея, у Олимпіады Пахомовны, никогда не остынетъ ея страстная любовь къ мужу!

Эти думы были прерваны звономъ ножей и вилокъ. Въ столовой уже накрывали на столъ. Олимпіада Пахомовна вошла туда и осмотрѣла, хорошо ли накрыто на столъ.

— Ты не знаешь, Дарья, всю ли землянику обобрали вчера?—спросила она, поправляя приборъ мужа.

— Не знаю-съ, Олимпіада Пахомовна,—отвѣтила краснощекая дѣвушка, накрывавшая на столъ.—Должно-быть, что всю обобрали... Кухарка говорила, что надо будетъ сегодня чистить. Завтра, говоритъ, съ утра варенье заваримъ...

— Я чистить немного помогу,—замѣтила Муратова.—Варить-то только мнѣ нельзя... а ужъ такъ я люблю варенье варить...

— Гдѣ ужъ вамъ, барыня, въ такомъ положеніи,—сказала Дарья, бросивъ взглядъ на довольно пополнѣвшую талью Олимпіады Пахомовны.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались твердые и скорые шаги.

— Баринъ!—шопотомъ сказала Дарья, точно испугавшись.

— Ну, скорѣй обѣдать!—такъ же тихо отвѣтила Олимпіада Пахомовна.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Данила Павловичъ Муратовъ. Коренастый, приземистый, загорѣлый, онъ, казалось, былъ вылитъ изъ бронзы. Его движенія, сохранившія нѣкоторые слѣды выправки армейскаго пѣхотинца, были порывисты и угловаты, его парусинный костюмъ былъ небреженъ и смятъ, а вьющіеся черные волосы упадали въ безпорядкѣ на узкій лобъ. Что-то нервное, страстное, нетерпѣливое было въ каждомъ его взглядѣ, въ каждомъ жестѣ. По складкѣ его сжатаго рта съ стиснутыми зубами, по выраженію его проницательныхъ глазъ, по его сдвинутымъ бровямъ можно было сразу угадать, что это настойчивая, безпощадная и закаленная натура.

— Усталъ?—спросила его Олимпіада Пахомовна, и ея глаза точно покрылись масломъ: въ нихъ выражалась любовь, близкая къ обожанію.

— Ничего! Тамъ устану, здѣсь отдохну!—бодро отвѣтилъ Муратовъ и обнялъ прижавшуюся къ нему всѣмъ тѣломъ жену.

Послѣ пятилѣтняго супружества они еще нѣжничали, какъ въ медовый мѣсяцъ.

— Ну, а теперь обѣдать и потомъ на боковую!—проговорилъ мужъ, садясь за столъ

Жена сѣла напротивъ него.

— Да, ты совсѣмъ мало спишь. Сегодня опять въ пять часовъ поднялся,—сказала она со вздохомъ.

— Время горячее у Пахома Семеновича,—отвѣтилъ онъ, выпивъ рюмку водки и принимаясь за супъ.—Приходится помогать ему. Не быть на работѣ—потерять нѣсколько рабочихъ часовъ. Народъ—подлецъ: не присмотришь за нимъ самъ—ничего не сдѣлаетъ, а за день все равно деньги возьметъ. Тутъ нуженъ глазъ да глазъ, если хочешь что-нибудь нажить. Лишній часъ проработаетъ вся ватага—глядишь, сотня рублей сбережена, а изъ этихъ-то сотенъ все и составляется. Не слѣдить бы за всѣмъ самимъ, ничего бы и не было.

— Да трудъ-то ничего самъ по себѣ, если бы непріятностей не было, а то...—со вздохомъ сказала Олимпіада Пахомовна и спросила:—У отца опять тамъ что-то вышло, тебѣ пришлось разбирать...

— Пустяки! — отвѣтилъ Данила Павловичъ. — Сволочь народъ!

Онъ говорилъ быстро, отрывисто и громко.

— Тебѣ съ кровью дать бифштексъ?—спросила она.

— Да, съ кровью,—отвѣтилъ мужъ.—Сперва, видишь, поднялся на линіи шумъ изъ-за прогульныхъ дней и изъ-за лишнихъ часовъ работы. Имъ деньги-то хоть даромъ давай, такъ они не разсердятся, ну, а Пахомъ Семеновичъ не разсердится, если они часикъ-другой лишній проработаютъ. Каждому изъ нихъ часъ-то ничего не значитъ, а для насъ это составляетъ въ лѣто десятки тысячъ часовъ, цѣлое состояніе. Потомъ Тимоѳей Шестипалый заявилъ опять претензію на плохую пищу. Его такъ баламутомъ и зовутъ, подлеца. У него все неудовольствія, и то дурно, и другое плохо...

— Какое яйцо, въ-крутую или всмятку положить тебѣ къ бобамъ?—спросила жена.

— А ты и то, и другое положи, я сегодня проголодался,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— Да ты завтракалъ гдѣ-нибудь?

— Да, немного перекусилъ съ Семеновымъ въ трактирѣ.

— Это съ новымъ инженеромъ?

— Да... Ну, я и заявилъ Тимоѳею Шестипалову отъ имени Пахома Семеновича, что если его милости не угодно

будетъ угомониться, такъ чтобы онъ убирался по добру, по здорову. Насильно мы никого не держимъ, а удовлетворять требованія каждаго мы не можемъ: одинъ телятины захочетъ, а другой черкасской говядины потребуетъ,—ну, такъ вѣдь у насъ работа, а не званый обѣдъ на полотнѣ-то желѣзной дороги.

— А они опять, пожалуй, бунтовать станутъ,—замѣтила жена.

Данила Павловичъ шумно разсмѣялся.

— Да, да, сперва сѣкуція будетъ, а тамъ, пожалуй, опять ревизія медицинская изъ Петербурга нагрянетъ для освидѣтельствованія пищи,—проговорилъ онъ безпечно.—Помнишь, какъ докторъ Фризенъ сказалъ у Пахома Семеновича на обѣдѣ: «И кто это выдумалъ, что вы дурно кормите? Вы на убой кормите!» А молодецъ онъ пить, даромъ что нѣмецъ!

Онъ захохоталъ отъ души, вспоминая, какъ напился у его тестя на обѣдѣ докторъ Фризенъ.

— Ну, тоже не дешево обошлось это угощеніе,—замѣтила жена.

— Да какъ тебѣ сказать, не дешево и не дорого!—замѣтилъ мужъ.—Если бы угощать такими обѣдами ежедневно всѣхъ Тимоѳеевъ Шестипаловыхъ, то обошлось бы дороже. Тутъ первое правило, Липа, такое: съ міру по ниткѣ—голому рубашка, и если отъ этой рубашки приходится уступить какому-нибудь Фризену одинъ или два рукава, то особенно тужить нечего; пусть только оставятъ эти Фризены въ моихъ рукахъ міръ, тѣхъ, съ кого можно получать и въ будущемъ по ниткѣ, а ужъ сшить себѣ вторую рубашку—мое дѣло...

Данила Павловичъ кончилъ послѣднее блюдо и, отодвинувъ отъ себя приборъ, сказалъ:

— Довольно!

Онъ допилъ широкими глотками изъ стакана остатки лафита и, поднявшись изъ-за стола, обнялъ жену.

— А теперь надѣюсь, что вы, моя королева, проводите своего короля въ опочивальню?—шутливо сказалъ онъ, цѣлуя ее и просовывая лѣвую руку подъ ея широкій рукавъ повыше локтя.

— Да, я тебя уложу и укрою,—проговорила она, томно склоняясь головой къ его плечу.

— Липа, когда же мы перестанемъ любить другъ друга?—спросилъ онъ ее, глядя на нее заблестѣвшими глазами.

— Никогда, никогда, никогда! — проговорила она. — Да развѣ это можно! Если бы ты не работалъ, если бы ты могъ не работать, мы были бы такъ вмѣстѣ, какъ теперь, вѣчно, вѣчно!

— Ну, тебѣ-то это хорошо говорить, а я...

Онъ наклонился къ ней и сказалъ ей что-то на ухо. Она зажала ему ротъ и засмѣялась.

— Глупый!—пробормотала она, вспыхнувъ.

Они вошли въ спальню. Олимпіада Пахомовна спустила шторы, отвернула легкое одѣяло и простыню, спустила кисейный пологъ надъ постелью. Данила Павловичъ сбросилъ съ себя верхнюю одежду, снялъ сапоги, затянулся послѣдній разъ папиросой и легъ.

— Ну, спи теперь,—проговорила она, наклоняясь къ нему и цѣлуя его въ лицо и въ раскрытую волосатую грудь.

— Славная ты у меня бабенка!—сказалъ онъ, потрепавъ ее по пухленькой щекѣ рукою.

— Ну, спи, спи! Черезъ два часа я разбужу тебя,—проговорила она, поцѣловавъ на лету его руку въ ладонь и, вся сіяющая, вся розовая, неслышной поступью по мягкому ковру вышла изъ спальни.

«Да, славная она у меня бабенка,—уже мысленно повторилъ Муратовъ, лежа на спинѣ и закинувъ руки подъ голову.—Всѣхъ женщинъ мнѣ замѣнила, къ себѣ никого кромѣ меня не подпуститъ, да ужъ и любить умѣетъ!»

По его скуластому лицу скользнула самодовольная, сладострастная улыбка, и она еще не успѣла исчезнуть съ его лица, какъ въ комнатѣ послышалось сильное, здоровое и ровное дыханіе съ легкимъ всхрапываніемъ. Данила Павловичъ спалъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ здороваго, наработавшагося до усталости и плотно поѣвшаго человѣка.

Когда черезъ два часа Олимпіада Пахомовна, накормивъ дѣтей, возвратилась къ мужу, она нашла его спящимъ въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ уснулъ. Ей было жаль будить его, и она простояла около него нѣсколько минутъ, любуясь его мускулистой, мужественной фигурой, его широкой грудью съ пучкомъ вьющихся черныхъ волосъ на серединѣ.

Наконецъ, она дотронулась до него и нагнулась, чтобы поцѣловать его.

— А, что? Ты еще здѣсь?—спросилъ онъ, очнувшись отъ сна.

— Пора вставать, Даня,—сказала она.

— Неужели? Вотъ-то сладко выспался!

Онъ потянулся, расправилъ затекшія руки, притянулъ къ себѣ жену, опять поцѣловалъ ее и проговорилъ:

— Ну, однако, валяться нечего! Пойдемъ пить чай!

Онъ быстро одѣлся, и они вышли на балконъ, гдѣ ихъ уже ожидалъ самоваръ. Мужъ усѣлся около перилъ, жена, стоя, разливала чай.

— А я тебѣ и забыла сказать,—начала Олимпіада Пахомовна.—Тетушка Матрена Кузьминична очень просила тебя не забыть заѣхать завтра къ ней. Она все-таки, кажется, рѣшилась послать деньги дядѣ Александру Николаевичу...

— Дура! Надо ее отговорить,—проговорилъ Муратовъ.— Ему сколько ни посылай, все просадитъ. Вотъ ужъ связалъ Богъ парочку: ей бы огородницей, либо скотницей быть, а ему... чортъ знаетъ, чѣмъ бы ему слѣдовало быть... развѣ сказки «не любо не слушай, а лгать не мѣшай» сочинять. До старости дожилъ, а ума не нажилъ. Тоже поѣхалъ въ Петербургъ на мѣсяцъ, а вотъ ужъ три года хороводится тамъ съ постройкой какихъ-то домовъ. Въ Парижъ ѣздилъ какія-то нововведенія изучать. У него всегда бывало такъ. Вдругъ вообразитъ, что онъ призванъ табакъ разводить,— трахъ, глядишь, у него уже цѣлыя плантаціи табаку. Пріѣдетъ въ это время къ нему кто-нибудь и скажетъ, что самое современное дѣло—это заведеніе театра въ Чухломѣ для распространенія цивилизаціи,—и дядюшка уже летитъ въ Чухлому театръ строить. Пока крестьяне были — безобразничать было легко. А вотъ теперь обуяла его горячка домостроительства, и строитъ онъ дома въ Питерѣ безъ толку, безъ знанія дѣла, а глядишь, еще черезъ годъ, черезъ два и семью по-міру пуститъ.

— Что ты, Даня!—воскликнула Олимпіада Пахомовна.— Ты говорилъ это Матренѣ Кузьминичнѣ?

— Говорилъ! Да что же она подѣлаетъ? Имѣнье его, деньги его. Конечно, она баба себѣ на умѣ, кое-что припрячетъ, а все же многаго не спасетъ.

— Ты бы при свиданіи съ нимъ въ Петербургѣ поговорилъ съ нимъ... урезонилъ бы его...

— Говорилъ я ему и еще буду говорить. Да развѣ онъ что понимаетъ, когда у него великія мысли въ головѣ.

Олимпіада Пахомовна грустно задумалась. Она была очень близка съ Матреной Кузьминичной. Обѣихъ женщинъ, несмотря на сильную разницу лѣтъ, связывали почти

одинаковое происхожденіе, близкій уровень понятій, долголѣтнее знакомство и родственныя отношенія. Матрена Кузьминична происходила такъ же изъ крѣпостныхъ людей Баскаковыхъ, какъ и отецъ Олимпіады Пахомовны. Матрена Кузьминична и семья Пахома Семеновича Гущина постоянно «водили хлѣбъ соль» между собою, и добрыя отношенія между ними стали еще прочнѣе, когда Матрена Кузьминична изъ любовницъ Александра Николаевича Баскакова сдѣлалась его женою, то-есть теткою Олимпіады Пахомовны.

— Нѣтъ, надо не его урезонивать, а Матренѣ Кузьминичнѣ сказать, чтобы она денегъ-то ему не давала, а лучше припрятала бы ихъ. Тоже у нея дѣти, да къ тому же и незаконнорожденныя. Прогоритъ онъ, все съ молотка продадутъ, по-міру придется идти.

— Но у нихъ же имѣніе...

— Да, имѣніе! А ты думаешь, Ольховатое-то за долги не продадутъ? Все продадутъ! только то и останется, что она прикопитъ...

— Ты, Даня, объясни ей все это. Мы вѣдь, бабы, никакихъ дѣлъ не знаемъ...

— Ну, тебѣ-то и знать не надо...

— Да, вѣдь не у всѣхъ такіе мужья, какъ ты...

Она подошла къ нему, и снова раздались звуки поцѣлуевъ.

Въ это время изъ противоположнаго дома вынесли продолговатый узкій ящикъ, похожій на длинное корыто, и положили его на ручную телѣжку, затѣмъ вынесли другой, точно такой же ящикъ и положили въ первый, потомъ уложили такъ же третій, четвертый, пятый... Ихъ было десять. Затѣмъ всѣ эти плохо выстроганные, кое-какъ сколоченные, некрашенные ящики перевязали веревками, прикрѣпивъ ихъ къ телѣжкѣ. Это были простые, больничные гробы. Ихъ было пять съ пятью крышками.

— Опять гробы въ больницу повезли!—со вздохомъ сказала Олимпіада Пахомовна.—Только за это я и не люблю нашъ домъ, что противъ насъ живетъ гробовщикъ.

— «Гробовыхъ дѣлъ вѣчнаго цеха мастеръ Петръ Сизоперовъ»,—съ особеннымъ удареніемъ поправилъ ее въ шутливомъ тонѣ Данила Павловичъ. — Я къ нему такъ привыкъ съ дѣтства, что мнѣ было бы странно, если бы вдругъ его не стало тутъ. И какъ же это вообще можно представить городъ, гдѣ отсутствовалъ бы гробовыхъ дѣлъ вѣчнаго цеха мастеръ? Это ужъ совсѣмъ невозможно...

— Непріятно, что это вѣчно напоминаетъ о смерти...

— Э, Липа, вѣдь смерть такое дѣло, что безъ нея не обойдешься... Пусть ихъ умираютъ, кому пришелъ чередъ, а мы будемъ думать о жизни, пока живы... Вонъ ты посмотри на Сизоперовыхъ, какъ они весело и бодро работаютъ эти ящики для людей.

Данила Павловичъ указалъ на дворъ противоположнаго дома. Въ отворенныя ворота было видно все, что дѣлалось на томъ дворѣ; тамъ шла мирная рабочая жизнь; самъ Сизоперовъ и его старшій сынъ, засучивъ до локтей рукава пестрыхъ ситцевыхъ рубахъ, съ ремешками на головахъ, поддерживавшими ихъ волоса, усердно строгали доски; младшіе члены семьи безпечно рылись въ пескѣ, около самыхъ ногъ работавшихъ людей; жена Петра Сизоперова въ яркомъ ситцевомъ платьѣ сидѣла на крыльцѣ и шила мужскую кумачную рубашку. Среди бѣлыхъ досокъ и стружекъ ходили куры и бродила, съ хрюканьемъ обнюхивая и взрывая землю, откормленная свинья. Облитые лучами заходящаго солнца, члены семьи Сизоперова представляли прекрасную картину мирнаго, семейнаго счастія и извѣстнаго довольства, происходящаго вслѣдствіе достаточнаго количества работы.

— Спроси его, Петра Сизоперова: «ну, какъ идутъ ваши дѣла?»—продолжалъ Данила Павловичъ.—«Ничего, скажетъ, Бога нечего гнѣвить, работа нынче хорошая». А какая работа,—ему-то что за дѣло! Начни ему зыбки заказывать, и онъ будетъ радоваться, что ему приходится много зыбокъ дѣлать; начни ему эшафоты заказывать, и онъ будетъ тужить, что ихъ мало требуется... Живешь работой, такъ тутъ нечего разсуждать, что, да для чего дѣлать... онъ такъ и живетъ. Что же намъ-то, Липа, смущаться, что у него есть работа?..

— Да ужъ очень много, Даня, теперь гробовъ носить стали отъ него,—со вздохомъ сказала она.

— Еще бы, народу на работы прибыло много, сбродъ всякій набрался, тотъ винищемъ, да квасомъ обопьется, другой обожрется капустой, лукомъ, да огурцами, ну, и мрутъ, какъ мухи. Еще слава Богу, что у насъ теперь только тифъ, а холеры нѣтъ, а то просто смаялись бы: ищи новыхъ рабочихъ въ горячее время, когда къ осени, во что бы то ни стало, Пахому Семеновичу нужно покончить всю линію...

— А если не кончитъ?—спросила молодая женщина.

— Ну, ужъ нѣтъ! Хоть бы всѣмъ поколѣньемъ пришлось на линіи, а кончена она осенью будетъ!—рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ Данила Павловичъ, сдвинувъ брови.—Это нужно по условію, этого требуютъ мои интересы, да, наконецъ, и довольно по грошамъ собирать капиталъ! Побился я надъ этимъ дѣломъ, пора и за другое взяться...

Онъ прошелся по балкону, о чемъ-то задумавшись, и потомъ поднялъ голову и весело проговорилъ:

— Да, какъ оглянешься назадъ,—видишь, что много прошелъ. Недаромъ и натеръ мозоли, какъ мужикъ, и загорѣлъ, какъ негръ. Никто не попрекнетъ, что, лежа на боку, сколотилъ копейку. Нѣтъ, все потомъ да кровью досталось. Тамъ нужно было поработать, тутъ мозгами пошевелить, въ третьемъ мѣстѣ извернуться, да выкрутиться,—всего было, всего! И молотомъ, и золотомъ своего добивался. Да, почти ни съ чего началъ! Изъ наслѣдственнаго вѣдь едва три тысчонки осталось, да съ твоего отца сорвалъ десять тысячъ за то, что тогда устроилъ ему покупку дяднаго лѣса, а ничего—выбился. И трудно же было. Отецъ твой тоже за эти десять тысячъ посамодурствовалъ надо мною. «Ты, говоритъ, Липу въ одной рубашкѣ хотѣлъ взять, баринъ, ну, и бери ее, какъ она есть». Ну, и взялъ тебя, королева, съ бою, безъ придачи. А потомъ говоритъ: «Я тебя, зятекъ, въ черномъ тѣлѣ продержу, ты норовистый у меня». И продержалъ...

Данила Павловичъ видимо наслаждался этими воспоминаніями. Онъ возвращался къ нимъ часто, какъ заслуженный воинъ возвращается къ воспоминаніямъ о выигранныхъ имъ сраженіяхъ. Онъ припоминалъ всѣ мелочныя непріятности и преграды прошлаго. При этихъ воспоминаніяхъ онъ росъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ въ этихъ случаяхъ еще тверже вѣрилъ въ свой геній. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, передъ нимъ въ яркихъ краскахъ воскресало его недавнее прошлое. Онъ вспомнилъ, какъ онъ женился на дочери подрядчика Пахома Семеновича Гущина, какъ онъ нажился при помощи тестя. Пахомъ Семеновичъ Гущинъ былъ когда-то крѣпостнымъ человѣкомъ Платона Николаевича Баскакова, родного дяди братьевъ Муратовыхъ. Гущинъ былъ уже ворочавшимъ десятками тысячъ подрядчикомъ, когда съ нимъ встрѣтился Данила Павловичъ Муратовъ, пріѣхавшій дѣлить оставшееся послѣ матери имущество. Сначала Данила Павловичъ уладилъ для Гущина продажу своего родного, «стараго гнѣзда», потомъ

онъ сорвалъ съ Гущина десятокъ тысячъ за то, что далъ старику возможность купить за безцѣнокъ у Аркадія Павловича Муратова, старшаго брата самого Данилы Павловича, родовой баскаковскій лѣсъ, далѣе онъ посватался за дочь Гущина. Гущинъ какъ-то мелькомъ замѣтилъ Данилѣ Павловичу: «ну, братъ, меня мошенникомъ звали, а ты почище будешь», и былъ не прочь назвать зятемъ молодого человѣка, понимая, что этотъ человѣкъ, хотя онъ и баринъ, хоть онъ и отставной армейскій офицеръ, слывшій въ юности чуть ли не «забулдыгой», сумѣлъ нажить деньгу. Но Гущинъ былъ не изъ числа людей, охотно разстающихся съ нажитыми капиталами, и потому онъ, услыхавъ отъ Данилы Павловича, что тотъ готовъ взять его дочь хоть въ одной рубашкѣ, сказалъ жениху: «ну, такъ и бери ее, какъ она есть, или жди, когда у самого будутъ сотни тысячъ, а для тебя мнѣ не рука вынимать деньги изъ дѣла». Данила Павловичъ обрадовался: во-первыхъ, онъ зналъ, что гущинскіе капиталы все равно перейдутъ когда-нибудь по наслѣдству къ дочери Гущина, а во-вторыхъ, онъ былъ безъ ума влюбленъ въ дочь Гущина и откладывать женитьбу въ дальній ящикъ не могъ. «Мнѣ нужна баба,—говорилъ онъ:—безъ бабы мнѣ и недѣли не прожить», а тутъ подвертывалась такая «баба», что у него при видѣ ея въ глазахъ мутилось. Здоровая, крѣпкая, плотная, Липочка была чисто русской красавицей, не заморенной науками, не думавшей о какихъ-нибудь матеріяхъ важныхъ, выкормленной хорошо и словно умышленно приготовленной къ тому, чтобы быть настоящею женою, матерью и хозяйкой. Данилѣ Павловичу удалось раза два побыть съ Липочкой наединѣ, и послѣ этого онъ уже говорилъ мысленно, что если бы Гущинъ даже лишилъ свою дочь наслѣдства, то и тогда онъ, Данила Павловичъ, былъ бы не въ силахъ отказаться отъ нея, такою силою, здоровьемъ и сладострастіемъ вѣяло отъ этой дѣвушки, выкормленной къ замужеству на хорошихъ кормахъ и въ безмятежномъ покоѣ. Съ первыхъ же дней свадьбы онъ увидалъ, что Липа замѣнила ему всѣхъ женщинъ, заставила его забыть всѣ любовныя похожденія, хорошо знакомыя ему, отставному армейскому офицеру, не мало поколесившему по провинціальнымъ городишкамъ. Онъ не видалъ, чтобы его жена когда-нибудь хмурилась; онъ не помнилъ минуты, когда она не отвѣтила бы на его ласки; онъ не могъ представить себѣ, какой его прихоти не исполнила бы она. Она была крайне строга и

сдержана съ посторонними мужчинами; она не допускала съ ихъ стороны ни малѣйшей легкой шутки; она старалась одѣваться скромно, выѣзжая въ гости или принимая гостей, и чуть не плакала, когда ей пришлось идти къ вѣнцу въ открытомъ лифѣ, съ голыми плечами и руками; но съ мужемъ, какъ бы онъ ни былъ циниченъ, какихъ бы скабрезныхъ исторій ни разсказывалъ онъ, какъ бы онъ ни былъ подкутивши, она была сладострастна, необуздана и бойка, какъ вакханка, и только опьяняла его своею страстностью. Малѣйшую свободу въ отношеніяхъ къ ней постороннихъ людей она считала стремленіемъ къ разврату; самая крайняя разнузданность въ супружескихъ отношеніяхъ казалась ей только самымъ сильнымъ выраженіемъ любви, и ей все казалось, что эта любовь выражается еще недостаточно сильно. Вотъ почему послѣ нѣсколькихъ недѣль супружеской жизни Данила Павловичъ только разсмѣялся, когда тесть сказалъ ему, что онъ будетъ держать его, Муратова, въ черномъ тѣлѣ: Данилѣ Павловичу было легко перенести всякіе труды, всякія непріятности, такъ какъ онъ постоянно зналъ, что дома его ждутъ всѣ радости и наслажденія, какими можетъ пользоваться и степенный мужъ, и завзятый развратникъ, и страстный любовникъ. Олимпіада Пахомовна, какъ часто повторялъ онъ, «замѣнила ему всѣхъ женщинъ». Въ то же время она была хорошей хозяйкой, хорошей матерью: она была вся поглощена въ отсутствіи мужа заботами о порядкѣ, о сытномъ обѣдѣ, о хорошихъ булкахъ, о чистотѣ и здоровьи дѣтей. Когда Данилы Павловича не было дома, Олимпіада Пахомовна неустанно работала: она двадцать разъ заглядывала въ кухню, чтобы услѣдить за стряпней и чѣмъ-нибудь распорядиться; она осматривала каждый уголокъ, чтобы въ немъ не было пыли; она перебирала бѣлье, шила дѣтскія рубашечки и панталончики; она сама мыла дѣтей. Иногда Данила Павловичъ любилъ приходить въ дѣтскую, когда его Лина мыла ребенка. Засучивъ до плечъ рукава, она стояла около ванны и пробовала приносимую нянькой воду. Когда вода казалась ей достаточно теплою, она раздѣвала ребенка и, полюбовавшись имъ, расцѣловавъ нѣсколько разъ все его голенькое тѣльце, показавъ отцу его пухленькіе члены, отвѣчая смѣхомъ на двусмысленныя и сальныя замѣчанія мужа, сажала мальчика въ воду, гдѣ уже плавалъ какой-нибудь корабликъ или купалась гуттаперчевая кукла, чтобы ребенокъ занялся игрушкою и не плакалъ. Потомъ она сама начинала обмы-

вать ребенка, играя съ нимъ и не давая ему ни на минуту нахмурить личико. Въ эти минуты она совершенно забывалась и вся поглощалась своимъ дѣломъ. Она мыла ребенка, какъ моютъ бѣлье, усердно, со всѣхъ сторонъ, до-бѣла. Когда купанье ребенка кончалось, когда онъ уже былъ одѣтъ въ чистое бѣлье, она обтирала доверху свои бѣлыя и здоровыя руки чистымъ полотенцемъ, и Данила Павловичъ съ умиленіемъ цѣловалъ эти руки и съ глубокимъ чувствомъ говорилъ ей: «Ты всѣмъ намъ мама!» Только это сытое, животное счастье въ своей семьѣ дало силы ему не озлобиться, не сдѣлаться сварливымъ среди заботъ и работъ внѣ дома. Въ самыя тяжелыя минуты онъ былъ бодръ и веселъ и даже находилъ въ себѣ силы къ шуткамъ и балагурству. Тяжелыхъ же минутъ было не мало. Гущинъ сдержалъ слово и проморилъ зятя довольно долго въ черномъ тѣлѣ. Сначала Данила Павловичъ былъ чѣмъ-то въ родѣ приказчика Гущина на строящейся линіи желѣзной дороги, гдѣ Гущинъ былъ однимъ изъ крупныхъ подрядчиковъ. Рано приходилось вставать, поздно приходилось ложиться Данилѣ Павловичу. Не мало грубостей выслушалъ онъ отъ суроваго и безпощаднаго старика-тестя. Не разъ сталкивался онъ съ сотнями рабочихъ такъ рѣзко, что на него подавали жалобы за дурную пищу, при чемъ дѣло тушили только взятки. Какъ-то разъ его сговорились даже убить за его бѣшеныя выходки съ рабочими, при чемъ его спасла только его неустрашимая находчивость. Онъ богатѣлъ въ это время очень быстро, собирая съ міру по ниткѣ и добиваясь до своей цѣли, то-есть до богатства, и молотомъ, и золотомъ. Иногда онъ долженъ былъ работать до поту въ лицѣ, чтобы добыть лишній грошъ; порой онъ долженъ былъ давать взятки, чтобы скрыть въ дѣлѣ прорѣхи, выгодныя для Гущина и для него; подчасъ онъ сколачивалъ грошъ по грошу, покупая подешевле ѣду для рабочихъ, не додавая рабочимъ гривенниковъ и полтинниковъ, накидывая на нихъ лишніе часы на работы и составляя изъ этихъ часовъ цѣлые рабочіе дни въ свою пользу. Бывали времена, когда самъ Гущинъ шутливо замѣчалъ ему: «ужъ не очень ли ты натягиваешь вожжи, какъ бы не лопнули». Случалось, что самъ Гущинъ робѣлъ, когда Данилѣ Павловичу приходилось выходить изъ себя отъ гнѣва, и шепталъ: «ишь ты, бѣшеный, въ родню уродился». Уже послѣ двухлѣтней службы у Гущина Данила Павловичъ заслужилъ полное довѣріе и уваженіе тестя. Старикъ понялъ и оцѣ-

нилъ зятя вполнѣ. «Я опытнѣе тебя, а ты хитрѣе меня,— говорилъ старикъ. — Шустрости ужъ у меня этой нѣтъ». Данила Павловичъ уже пересталъ быть приказчикомъ и сдѣлался въ сущности компаньономъ старика, хотя онъ и предпочиталъ продолжать скрываться за его спиной; старикъ не предпринималъ ничего безъ совѣта зятя, и все рабочее, торговое и чиновное населеніе Чистополья привыкло видѣть неразлучными эти двѣ фигуры: коренастаго старика съ сѣдыми волосами и бородой въ долгополомъ сюртукѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ шляпѣ съ широкими полями, напоминавшей не то цилиндръ, не то поповскую шляпу, съ такою же коренастою фигурою молодого человѣка съ черными вьющимися волосами, съ загорѣлымъ лицомъ, въ смятой фуражкѣ, въ длинномъ и широкомъ пальто стариннаго фасона съ какими-то крыльями вмѣсто рукавовъ. Эти двѣ фигуры представляли строгій контрастъ по внѣшности: старикъ ходилъ плавно, ровно, степенно, опираясь на толстую палку; молодой человѣкъ двигался, размахивая руками, дѣлая угловатыя движенія, волнуясь, горячась и постоянно махая въ воздухѣ тонкою тросточкой; но неизвѣстно, что было крѣпче и страшнѣе, толстая ли деревянная дубинка старика, или тонкая тросточка молодого человѣка съ пропущеннымъ въ ея сердцевину желѣзнымъ прутомъ и съ тяжелой желѣзной головкой на концѣ. Старикъ сознавалъ, что онъ уже дошелъ до своей цѣли и работалъ изъ-за того, чтобы «не гноить даромъ капиталовъ»; молодой человѣкъ еще несся скачками и порывисто къ своей цѣли, чтобы нажить капиталы, и покуда не могъ еще сказать, гдѣ лежитъ предѣлъ его желаній и стремленій. Старикъ, несмотря на свое богатство оставшійся мужикомъ, стремился къ наживѣ ради наживы; молодой человѣкъ, выросшій среди барской роскоши и покутившій на своемъ вѣку, видѣлъ въ деньгахъ средство взять у жизни все, что можетъ дать жизнь. Что-то лихорадочное, что-то алчное, что-то опьяняющее было въ его планахъ, и они съ каждымъ днемъ становились все шире и шире и все полнѣе охватывали его страстную душу.

— Да, Липа, намозолилъ я руки, и теперь пора развернуть пошире свои крылья,—проговорилъ Данила Павловичъ, останавливаясь у перилъ балкона и смотря на желѣзную дорогу.—Довольно чернаго труда, довольно возни съ живымъ мясомъ, теперь надо на денежную биржу нести свой капиталъ. обращать каждый рубль въ сотню рублей. Когда я

гляжу на эту змѣю, извивающуюся на сотни верстъ, у меня духъ замираетъ, и кажется мнѣ, что проложили мы ее для того только, чтобы она манила насъ туда, въ эту безконечную даль; кажется мнѣ, что извивается она и сверкаетъ на солнцѣ своими желѣзными боками, говоря мнѣ: иди, иди скорѣе туда, куда тянусь я, куда скоро понесутся свистящіе локомотивы, увлекая и золото, и хлѣбъ, и людей, изъ этой глуши на просторный рынокъ, гдѣ можно все купить и все продать, гдѣ однимъ почеркомъ пера составляются милліонныя состоянія въ два, въ три дня, гдѣ за нѣсколько засѣданій въ какомъ-нибудь правленіи люди получаютъ тысячи рублей жалованья, гдѣ одна ловкая спекуляція на биржѣ превращаетъ десятки тысячъ рублей въ сотни тысячъ, гдѣ можно испытать все, что испытываетъ азартный игрокъ, ставя послѣдніе гроши на карту.

— Даня, такъ ты непремѣнно рѣшился ѣхать въ Петербургъ?—спросила жена.

— Еще бы! У меня все подготовлено! Кончу постройку, сдамъ счеты и отчеты и туда! Здѣсь, Лина, безъ ничего можно достигнуть до извѣстнаго довольства, а тамъ съ деньгами можно сдѣлаться Крезомъ. Здѣсь нужно молотомъ заложить фундаментъ для своего благосостоянія, а тамъ золотомъ открываются двери къ наживѣ милліоновъ.

— А ты вотъ осуждаешь дядю Александра Николаевича, что онъ тамъ принялся дома строить...

— Дядя дуракъ!—коротко отвѣтилъ Муратовъ.—У дяди вѣчно въ головѣ безумныя фантазіи, неосуществимые планы. Съ этимъ многаго не наживешь. Я же поѣду туда не голыми руками жаръ загребать и явлюсь не въ лѣсъ съ завязанными глазами. Мнѣ тамъ нужно будетъ сначала какое-нибудь мѣсто въ банкѣ, въ желѣзнодорожномъ правленіи, гдѣ-нибудь, гдѣ можно пройти школу финансовыхъ оборотовъ. Мнѣ мѣсто достать не трудно, у меня тамъ есть знакомые, есть протекціи. Одна Адель много можетъ сдѣлать. На нее я, какъ на каменную стѣну, опереться могу, благо и я ей могу пригодиться... Дядя очень глупо сдѣлалъ, что порвалъ всякія сношенія съ нею. Она могла бы и ему пригодиться...

— Да неужели у Аделаиды Александровны точно есть такія важныя связи?—спросила Олимпіада Пахомовна.

— Еще бы! Одинъ Гельфрейхъ чего стоитъ. Этотъ жидъ для нея все сдѣлаетъ, а онъ сила!

— Неужели она въ самомъ дѣломъ живетъ съ нимъ?

— Да, гулящая бабенка вышла...

— И братъ твой, Аркадій Павловичъ, знаетъ это?

— Знаетъ, да что ему-то! Они никогда не любили другъ друга, и имъ все равно, кто изъ нихъ съ кѣмъ живетъ, были бы только деньги, ну, а Гельфрейхъ можетъ и денегъ дать, и мѣсто доставить. Черезъ него и я оборудую дѣла. Мнѣ только бы твердо встать тамъ на первое время, а ужъ дальше я пробьюсь, только бы осмотрѣться, ознакомиться съ дѣломъ. Тогда...

Въ эту минуту на балконъ тяжелой поступью, неторопливо вошелъ Пахомъ Семеновичъ. Поздоровавшись съ дочерью, онъ дотронулся до плеча зятя и шутливо спросилъ:

— Что же тогда будетъ?

Онъ слышалъ частицу разговора, проходя по столовой, и теперь съ добродушной улыбкой старика, любующагося пылкой молодостью, глядѣлъ на зятя.

— Тогда, Пахомъ Семеновичъ,—отвѣтилъ ему страстнымъ тономъ Данила Павловичъ:—тогда исполнится то, что пророчилъ я вамъ когда-то. Помните, какъ я говорилъ вамъ: «Теперь вы нашъ домъ при моей помощи купили, да лѣсъ, «Вавиловскую рощу» Баскаковыхъ, у моего брата за безцѣнокъ при моемъ посредствѣ пріобрѣли, а будетъ время, если дружно пойдемъ вмѣстѣ, что не только вонъ та полоска,—и Данила Павловичъ, снова, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, указалъ тестю съ балкона на змѣившуюся насыпь желѣзной дороги:—будетъ ваша, но и то все, что за нею тянется, не ускользнетъ отъ вашихъ рукъ. Будетъ время, что вы не почетнымъ гражданиномъ, а чиновнымъ лицомъ будете, въ орденахъ ходить станете, а вотъ тутъ, въ этомъ домѣ, можетъ-быть, школа вашего имени будетъ и портретъ вашъ вотъ тамъ въ золотой рамѣ противъ царскаго портрета висѣть будетъ». Вотъ что я говорилъ вамъ тогда, вотъ что я повторяю вамъ и теперь, и я или сдохну, какъ собака, или добьюсь своего, по какой бы дорогѣ мнѣ ни пришлось дойти до цѣли!

Пахомъ Семеновичъ задумчиво смотрѣлъ въ даль, залитую, точно кровью, багровыми лучами заходящаго солнца, и его зоркіе, ястребиные глаза, смотря изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей, казалось, съ внезапно пробудившейся жадностью хотѣли охватить какъ можно больше пространства, проникнуть куда-то въ безконечную ширь и глубь, точно старику было мало владѣть тѣмъ только, что можно было окинуть простымъ взглядомъ, а хотѣлось захватить и

все то, что находилось гдѣ-то тамъ, за этою видимою далью. Наконецъ, онъ очнулся, потеръ рукою лобъ и, усмѣхаясь, проговорилъ:

— Ну, ну, орудуй, не для меня, такъ для своихъ ребятишекъ!

II.

Свѣтлое настроеніе, полное великихъ надеждъ на будущность, охватившее семейный кружокъ, было нарушено приходомъ горничной.

— Баринъ, васъ тамъ рабочій спрашиваетъ,—доложила она Даніилѣ Павловичу.

— Какой такой рабочій?—раздражительно спросилъ Муратовъ, поворачиваясь къ ней съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ.

Онъ точно очнулся отъ какого-то волшебнаго сна и упалъ сразу съ неба на землю.

— Не знаю-съ! «Доложи, говоритъ, только, что Семенъ... Семенъ Нефедовъ пришелъ... а ужъ баринъ выйдетъ». Я не хотѣла докладывать, такъ настаиваетъ, говоритъ...

Но уже Муратовъ не слушалъ ее. Его лицо сдѣлалось хмурымъ, брови сдвинулись.

— Я сейчасъ выйду... Впрочемъ, позови его сюда, все равно,—отрывисто проговорилъ онъ и мелькомъ горячо замѣтилъ тестю:—Что-нибудь недоброе! Семенъ такъ не придетъ...

Тесть усмѣхнулся добродушной улыбкой.

— Ну, ну, опять запѣтушился,—сказалъ онъ.—Не бойся, ничего не случилось. Я велѣлъ Семену зайти, писалъ я давеча на линію, ему отвѣтъ приказалъ принести..

Въ дверяхъ балкона показался въ это время старикъ, разговаривавшій утромъ съ Олимпіадой Пахомовной. Онъ подошелъ къ двери на цыпочкахъ, трусливой поступью и съ пугливымъ видомъ остановился въ дверяхъ. Приземистый, исхудалый, въ рваной одежонкѣ, онъ походилъ скорѣе на нищаго, чѣмъ на рабочаго. Трудно было даже повѣрить, что онъ можетъ еще работать. Онъ, въ сущности, почти и не работалъ. Про него и не говорили, что онъ нанялся на работы, а говорили, что онъ такъ тутъ «примазался». Но зарабатывалъ онъ едва ли не болѣе всѣхъ остальныхъ рабочихъ. Ему всѣ и каждый говорили: «и за что тебя только кормятъ, старую клячу». А между тѣмъ его кормили. Всѣ окружающіе относились къ нему съ не-

нависть. Самъ Данила Павловичъ если и не чувствовалъ къ нему ненависти, то презиралъ его. Онъ не могъ самъ сказать, зачѣмъ держалъ Семена Нефедова, но въ то же время онъ чувствовалъ, что Семенъ Нефедовъ можетъ пригодиться ему и его тестю. Это былъ глазъ, все видящій, это было ухо, все слышащее, если только дѣло шло о чемъ-нибудь дурномъ. Хорошихъ вѣстей Семенъ Нефедовъ не приносилъ, но дурныхъ у него всегда было въ запасѣ многое множество. Остановившись въ дверяхъ, онъ раскланялся съ присутствующими съ лакейскимъ подобострастіемъ, передалъ Пахому Семеновичу письмо и стоялъ молча, ожидая вопросовъ.

— Что скажешь, Семенъ?—спросилъ Данила Павловичъ.

— Не ладно у насъ, батюшка-баринъ, не ладно,—проговорилъ Семенъ:—Тимоѳей Шестипалый мутитъ народъ. Зашли отсюда сперва это въ кабакъ, потомъ на линію прошли, слышу я недоброе что-то толкуютъ. Завтра, кажись, на работу не выйдутъ. Извѣстно, какой у насъ народъ,—совсѣмъ оглашенный, право, какъ есть оглашенный, страху никакого и подобострастія передъ господами нѣтъ. Нынче, извѣстно, воля пошла, такъ господъ въ грошъ не ставятъ...

— А вотъ я имъ покажу, какъ нѣтъ страху!—воскликнулъ Данила Павловичъ, уже шагая въ волненіи по балкону. — Они думаютъ, что они вольнонаемные, такъ и розогъ на нихъ не растетъ.

— Какъ не расти, какъ не расти! Статочное ли это дѣло, чтобъ не росло. Не господа тоже, чай, а мужичье сиволапое,—разсуждалъ тѣмъ же минорнымъ и подобострастнымъ тономъ крѣпостного дворового Семенъ. — Не учены только, такъ и горланятъ. Теперь почитай что всѣ взбаламутились. Я ужъ сторонкою, сторонкою сюда прибрелъ, тоже вашу-то милость, батюшка-баринъ, хотѣлъ оповѣстить. Впотьмахъ-то, въ сумеречкахъ-то не замѣтили, а то тоже и мнѣ боязно. И съ ними боязно, и сюда-то идти боязно... Не извѣстишь вашу милость — съ ними заодно бѣды натерпишься, а провѣдаютъ они—тоже головы не сносишь. Народъ-то нынѣ отпѣтый...

Семенъ понурилъ голову и молча перебиралъ въ рукахъ засаленный картузъ.

— Вѣдь этакіе подлецы, этакіе подлецы! — въ волненіи говорилъ Данила Павловичъ.— Ни одинъ гроша не стоитъ въ работѣ, а бунтовать всѣ готовы. Пользуются тѣмъ, что

горячее время, что новыхъ рабочихъ не добудешь, когда на носу гдѣ сѣнокосъ, гдѣ уборка хлѣба... Ну, да я ихъ усмирю!

— Какъ не усмирить, батюшка-баринъ, какъ не усмирить!—проговорилъ Семенъ. — На что же и законъ, если ужъ и мужика усмирить нельзя. Только я такъ разсуждаю, что все это усмиреніе не надолго будетъ, пока въ стадѣ паршивая овца будетъ. Сегодня смирятся, завтра опять ихъ взбаламутитъ онъ, Тимоѳей-то Шестипалый, баламутъ-то нашъ.

— Даня, что ты его въ самомъ дѣлѣ не прогонишь? — проговорила Олимпіада Пахомовна, вмѣшиваясь въ разговоръ.

Семенъ обратился къ ней и, прежде чѣмъ Муратовъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить,—замѣтилъ почтительнымъ тономъ:

— Прогнать-то, матушка-барыня, не трудно, совсѣмъ не трудно. Плевое это, не здѣсь будь сказано, не при вашей милости, дѣло. Да толку-то что? Вѣдь это такой человѣкъ, что онъ, если его и прогонятъ, тутъ же будетъ тереться, пристроится гдѣ-нибудь поблизости и будетъ мутить. Ему вѣдь не до себя дѣло, а только бы другихъ на грѣхъ поднять. Охъ, грѣхи, грѣхи! Я такого-то человѣка въ жизнь первый разъ вижу. Онъ вѣдь вотъ какой: не потому баламутитъ, что ему худо, а потому, что не баламутить онъ не можетъ. Ты его озолоти самого, ты его ублаготвори самого, а онъ все другихъ поджигать будетъ; вездѣ носъ свой совать будетъ. Онъ развѣ у насъ только мутитъ? Вонъ намеднись въ кабакѣ съ фабричными, съ носовскими фабричными сошелся, ну, извѣстно, тары, да бары, красные товары, почемъ табачокъ, стали разводы разводить и говорятъ это ему фабричные-то, какъ ихъ обиждаютъ насчетъ вычетовъ за прогулы, а онъ сичасъ и ну поджигать, и ну поджигать, чего вы, молъ, хозяину-то въ зубы смотрите, васъ-то сколько тамъ, а онъ одинъ, нешто не справитесь. А вѣдь онъ носовскимъ-то фабричнымъ не сватъ, не братъ. Хорошо ли имъ, худо ли—ему ни тепло, ни холодно. А ужъ такъ поджигаетъ, лишь бы баламутить. А у самого въ деревнѣ семья голодаетъ: мать-старуха, да дѣточки махонькія; жена-то у него померши, и отецъ также. Такъ это ему и ничего, что онъ и себя погубить можетъ, и ихъ по-міру пуститъ ради своего озорства. Вотъ каковъ онъ человѣкъ.

— Ну, да на такихъ и остроги есть у насъ,—замѣтилъ Пахомъ Семеновичъ, окончивъ чтеніе письма.

Семенъ почтительно повернулся лицомъ къ нему.

— Это точно, ваше степенство, остроги есть, только Тимоѳея изловить трудно,—смиренно возразилъ онъ.—Его міръ

не выдастъ. Ни, ни! Коноводъ, коноводъ, а начни разспрашивать всѣхъ, кто зачалъ, кто подстрекалъ—его не выдадутъ ни въ жизть, да и самъ онъ увернется. А я вотъ что смекаю, батюшка-баринъ,—продолжалъ Семенъ еще смиреннѣе, принимая видъ паршивой овцы, сознающей свою паршивость, и снова обращаясь къ Данилѣ Павловичу.—Вамъ, можетъ-быть, невдомекъ, что у самого этого Тимоѳея Шестипалова пачпортъ просроченный...

— Ну?—проговорилъ Данила Павловичъ.

— Такъ вѣдь думаю я своимъ глупымъ умомъ, что его на родину отправить можно по этапу... ради опаски, чтобъ человѣкъ съ просроченнымъ пачпортомъ не бродяжничалъ... Тоже въ нонѣшнія времена съ просроченнымъ пачпортомъ держать человѣка опасливо и отпустить его такъ зря никакъ невозможно... никакъ...

Данила Павловичъ усмѣхнулся.

— Не дурно придумалъ, старина, — проговорилъ онъ. — Простъ, а дѣла знаешь...

Семенъ продолжалъ стоять въ той же смиренной позѣ, съ тѣмъ же смиреннымъ видомъ, понуривъ облѣзлую голову.

— Очень ужъ этотъ человѣкъ измаялъ меня, — продолжалъ старикъ, и въ его голосѣ, всегда искусственно мягкомъ и подобострастномъ, прозвучала нотка искренней тоски.—Покою нѣтъ при немъ. Кажиный день того и жди, что съ нимъ народъ забунтуетъ. Въ сторону отъ нихъ отойдешь—проходу не даютъ, житья нѣтъ; съ ними заодно стоять—старъ я, косточки болятъ, довольно и прежняго...

Онъ обернулся къ Олимпіадѣ Пахомовнѣ, и его лицо приняло какое-то плачевное выраженіе.

— Вотъ и нашъ батюшка-баринъ, супругъ вашъ, слышалъ, что мнѣ старику-то за жизть была... Тоже сначала въ тіатральные музыканты, потомъ въ лакеи комнатные готовили, а затѣмъ ужъ всѣ новыя розги на мнѣ, кажись, перепробовали... Способностями, значитъ, Богъ обошелъ, а люди на мнѣ вымещали... И кто не билъ-то!

Старикъ слегка махнулъ рукою.

— Лѣнивый только не билъ... Своя законная жена изъ дому выгнала... сынъ чуть не убилъ... А вотъ теперь его же дѣточки малыя на моихъ рукахъ... Самъ кормлюсь, имъ помогаю... Тоже подаяніе собираютъ, да что нонче соберешь и по этимъ нашимъ мѣстамъ... Нищихъ и безъ нихъ много, а они махонькіе, ихъ заклюютъ... Гдѣ же мнѣ бунтовать-то?

Олимпіада Пахомовна была тронута разсказомъ старика и проговорила ему:

— Ты, Семенъ, ступай на кухню, тамъ тебя напоятъ чаемъ...

— Благодаримъ покорно, матушка-барыня, только мнѣ спѣшить надо,—тревожно отозвался Семенъ.—А то, храни Господи, еще замѣтятъ, головы не сносишь... Я и безъ чаю... Гдѣ ужъ!..

— Да, да, ступай!.. Вотъ тебѣ...

Данила Павловичъ сунулъ въ руки старику какую-то мелочь, какъ даютъ на чай лакеямъ. Тотъ низко поклонился, благодаря Муратова и попробовавъ на лету поцѣловать ему руку.

— А Тимоѳея Шестипалова мы такъ и спровадимъ со свитою, съ почетнымъ конвоемъ,—сказалъ Муратовъ, смѣясь.

Семенъ захихикалъ искусственнымъ смѣхомъ.

— Хе-хе-хе! истинно съ почетнымъ конвоемъ! — произнесъ онъ и съ простодушнымъ видомъ обратился къ Пахому Семеновичу. — Вотъ это тоже въ нашихъ краяхъ такъ-то одного мужичонку, паршиваго такого мужичонку спровадили съ почетнымъ конвоемъ, изъ витебскихъ онъ былъ, а пачпортъ-то просроченный по ошибкѣ и вложили въ пакетъ съ надписью въ Астрахань...

Данила Павловичъ остановился передъ старикомъ и, зорко взглянувъ ему въ лицо, рѣзко спросилъ:

— Ну?

— Такъ его, батюшка-баринъ, въ Астрахань и препроводили,—отвѣтилъ смиренно Семенъ.—Въ Астрахань! Ну, тамъ вскрыли пакетъ, посмотрѣли, видятъ, что онъ витебскій, а не изъ Астрахани, въ Витебскую губернію тогда и послали его... Безъ малаго годокъ такъ-то онъ проходилъ, съ почетнымъ конвоемъ-то...

Данила Павловичъ громко расхохотался.

— Старики-то видно недаромъ на свѣтѣ живутъ,—съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ Пахомъ Семеновичъ.—Нѣтъ-нѣтъ, а глядишь, что-нибудь умное и разскажутъ...

— Всего на свѣтѣ насмотришься, всего, какъ поживешь,—сказалъ Семенъ и сталъ низко откланиваться.

Той же осторожной, боязливой походкой прошелъ онъ по залѣ, по гостиной, выбрался черезъ кухню на дворъ, выпросивъ у прислуги «ломотокъ хлѣба», потомъ вышелъ на улицу, не надѣвая шапки, прошелъ мимо балкона и исчезъ во мглѣ теплой лѣтней ночи.

— Ну, ужъ и бестія же мужикъ, — сказалъ Пахомъ Семеновичъ.

— Какая бестія! Просто трусъ! Изъ трусости, какъ бы ему не досталось, отца родного продастъ, — мелькомъ сказалъ Данила Павловичъ и продолжалъ болѣе горячимъ тономъ:—Нѣтъ, а приказчики, а десятники хороши. У нихъ подъ носомъ стачку затѣваютъ, а они ничего не знаютъ. Вѣдь хорошо еще, что этотъ кротъ вò-время извѣстилъ. Теперь вò-время успѣете дать знать, казаковъ потребуете. А то лишній день бы только потеряли...

Олимпіада Пахомовна вся превратилась въ слухъ. Ея глаза были тревожно устремлены на мужа. Ей уже грезились страшныя картины.

— Ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, Даня, что бунтовать станутъ?—спросила она.

— Ну, какой это бунтъ! Такъ себѣ погорланятъ-погорланятъ, да и примутся за работу, — спокойно сказалъ Пахомъ Семеновичъ. — Тутъ и рабочихъ-то у насъ теперь одинъ-другой и обчелся. Работы къ концу идутъ. Нѣтъ, вотъ какъ у насъ на касьяновской линіи на людей моръ пошелъ. Помнишь? — обратился онъ къ зятю. — Вотъ бѣда была! Семьсотъ человѣкъ примерло изъ двухъ тысячъ, остальные, кто еле ноги волочилъ, кто такъ себѣ забастовалъ, да и конецъ; тогда пришлось повозиться. А что станешь дѣлать: осень суровая, дожди недѣль пять не переставали, грязь по колѣно. Какъ тутъ мору не быть. Тоже мы не боги, погоды не перемѣнишь, землянокъ не высушишь. Конечно, народъ глупъ, понять этого не хочетъ; видитъ, что мрутъ, ну, и бунтуетъ. Сколько тогда разбѣжалось, что и съ задатками пришлось проститься.

Тесть и зять говорили, повидимому, довольно спокойно, но, въ сущности, обоихъ тревожилъ вопросъ о томъ, какіе размѣры приметъ забастовка. Они отлично знали, какъ быстро иногда разрастаются эти стачки и сколько приходится терять въ этихъ случаяхъ времени и денегъ. Данила Павловичъ рѣшилъ, что ему нужно чѣмъ-свѣтъ дать знать куда слѣдуетъ о присылкѣ къ нему на подкрѣпленіе казаковъ, потомъ самому проѣхать по линіи и убѣдиться, насколько серьезно волненіе. Ѣхать на линію онъ и безъ того собирался передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Съ линіи онъ намѣревался завернуть и къ Матренѣ Кузьминичнѣ.

Вспомнивъ о ней, онъ заговорилъ съ тестемъ о Баскаковѣ. Александръ Николаевичъ Баскаковъ «зарвался» въ

своихъ постройкахъ домовъ въ Петербургѣ и требуетъ изъ дома денегъ. Надо посовѣтовать Матренѣ Кузьминичнѣ не посылать денегъ. Онъ ихъ все равно «просадитъ», а она можетъ нищею остаться. Положимъ, она баба не такая, чтобы бояться бѣдности. Но у нея на рукахъ дѣти. Да и зачѣмъ же добровольно идти навстрѣчу нищетѣ, если можно этого избѣжать? Самъ же дядя Александръ Николаевичъ, когда все продадутъ съ молотка, будетъ благодаренъ женѣ, что она кое-что спасла на черный день. Къ ней же онъ придетъ.

— И зачѣмъ этакіе шалаганы еще дѣтей плодятъ! — замѣтилъ Данила Павловичъ.—Вѣдь вотъ прогоритъ—новыхъ нищихъ прибавится...

Разговоръ перешелъ на дѣтей Баскакова. Странныя они вышли. Не господа, не мужики. Жили они съ матерью, когда она была еще не замужемъ, въ бѣдности, росли почти на улицѣ, учились урывками подъ руководствомъ случайныхъ учителей, «заржавленнаго» преподавателя математики Крестоносцева, отъявленнаго бурсака Воздвиженскаго, простоватаго попа Петра Архангельскаго; потомъ попали въ барскія палаты, когда ихъ отецъ и мать повѣнчались, и вдругъ увидали около себя гувернантокъ и даже гувернера. Перемѣна такъ повліяла на нихъ, что они взбунтовались и вырвались изъ-подъ ферулы новыхъ наставниковъ и теперь живутъ «безъ узды, безъ палки», какъ замѣтилъ Пахомъ Семеновичъ.

— Да, да, что-то выйдетъ изъ этихъ дворянскихъ прегрѣшеній!—проговорилъ Данила Павловичъ.—Хорошаго ждать трудно.

— Можетъ, мужицкая-то порода верхъ возьметъ,—замѣтилъ Гущинъ.

Въ это время нянька привела дѣтей прощаться передъ сномъ. Дѣдъ, отецъ и мать крѣпко расцѣловали малютокъ. Гущинъ сталъ собираться домой.

Когда Пахомъ Семеновичъ ушелъ, Данила Павловичъ обратился къ женѣ.

— Ну, сегодня надо залечь пораньше, чтобы пораньше подняться,—замѣтилъ онъ.

— Даня, ты не горячись завтра, — пугливо молящимъ тономъ сказала она.

— Ахъ, ты, трусиха! — шутливо проговорилъ онъ, взявъ ее за подбородокъ и цѣлуя въ губы.—Что мнѣ могутъ сдѣ-

лать? Я съ кѣмъ хочешь справлюсь, а не то что съ этой сволочью...

Онъ обнялъ жену и отправился съ нею въ спальню. Постель была уже приготовлена, и не прошло пяти минутъ, какъ Данила Павловичъ уже лежалъ на ней, широко и сладко зѣвая. Олимпіада Пахомовна поправила теплившуюся въ углу передъ дорогими образами лампаду и опустилась на колѣни. Она усердно молилась, широко крестясь, дѣлая земные поклоны. Данила Павловичъ уже давно храпѣлъ, когда она тяжело поднялась съ пола и стала раздѣваться. Раздѣвшись, она легла рядомъ съ мужемъ и съ любовью взглянула на его лицо. Ни на одну минуту она не переставала думать о немъ. Всѣ ея молитвы были о немъ, всѣ ея желанія сводились къ желанію всѣхъ благъ ему. Ей страстно хотѣлось поцѣловать его, но мысль, что ему нуженъ отдыхъ, что его не слѣдуетъ тревожить, заставила ее удержаться отъ поцѣлуя. «И когда это кончится постройка этой проклятой дороги»,—думала молодая женщина, засыпая.

Проклятая дорога... Можетъ-быть, не одна Олимпіада Пахомовна въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ называла такъ эту дорогу, претерпѣвшую не мало злоключеній со дня своего зарожденія, совершившагося какъ будто въ недобрый часъ. Ея постройка затянулась сильно; не мало акціонеровъ разорилось прежде ея окончанія. Думали даже, что она никогда не будетъ окончена. Но, несмотря на всѣ толки и слухи, она продолжала строиться. На многіе десятки верстъ растянулась эта страшная линія, какъ сплошная могильная насыпь. Сотни землянокъ и шалашей группировались то тутъ, то тамъ по обѣимъ сторонамъ этой насыпи среди болотъ, лѣсовъ и полей. Эти землянки были не что иное, какъ мрачныя ямы, вырытыя въ землѣ, подобно обширнымъ могиламъ; въ ямахъ по обѣимъ сторонамъ тянулись нары; на нарахъ по большей части не было ни рогожъ, ни сѣна, ни соломы; люди спали здѣсь на голыхъ доскахъ, и благо было тѣмъ, кто могъ подложить подъ головы хоть полушубокъ, хоть какую-нибудь одежонку. Промозглый воздухъ, тѣснота, грязь и пыль были здѣсь невообразимые. Это были какіе-то клоповники, гдѣ люди, выносливые, грубые, простые люди, быстро хирѣли, быстро заболѣвали. Больныхъ переводили въ деревянные бараки. Но едва ли лучше были и эти дощатые шалаши, низкіе и тѣсные, безъ отдушинъ, безъ постелей, безъ подстилокъ, набитые десятками людей. Но хорошо еще, если тутъ находилось мѣсто для этихъ людей.

Иногда же больнымъ приходилось лежать на землѣ и ждать, когда для нихъ построятъ новые шалаши. Ѣли рабочіе на открытомъ воздухѣ, гдѣ просто сидя на землѣ, гдѣ на дощатыхъ, наскоро сдѣланныхъ скамьяхъ за такими же столами. Ѣда была убійственно плоха, особенно въ первое время постройки. Кажется, все негодное въ пищу, все подгнившее, подмоченное, испортившееся свозили сюда. Плохой хлѣбъ, прогорклое конопляное масло, почернѣвшій горохъ, наполненная грязью и соромъ гречневая крупа, попортившаяся солонина, говядина съ невыносимымъ запахомъ, все сходило здѣсь съ рукъ. И чѣмъ жарче бывали дни, тѣмъ скорѣе портилась вся эта провизія, привозимая издалека, за десятки верстъ. Одинъ полководецъ замѣтилъ, что, формируя дѣйствующую армію, «надо начинать съ брюха», то-есть съ запаса провіанта. Именно объ этомъ правилѣ, казалось, не вспомнили здѣсь, формируя рабочее войско. Нерѣдко бывали случаи, что здѣсь царствовалъ настоящій голодъ. Но едва ли было лучше рабочимъ, когда они не голодали, а должны были ѣсть гнилую пищу. Даже нетребовательный людъ, много работавшій и проголодавшійся, не всегда принимался за эту ѣду, но голодъ не свой братъ, и волей-неволей приходилось ѣсть и этотъ заплѣснѣвшій хлѣбъ, и это мясо съ червями. Результатомъ являлись болѣзни, холерные припадки, развитіе тифа. Здоровые не успѣвали иногда подбирать и относить больныхъ въ шалаши, больные теряли счетъ выбывающимъ изъ ихъ среды на вѣчный покой. Ропотъ кругомъ все росъ и росъ, и порой казалось, что довольно искры, чтобы вспыхнуло волненіе. Но это только такъ казалось: утомленные работой, полуголодные бѣдняки, больные, страдальцы — плохіе бунтовщики. Изъ нихъ является много бѣглыхъ, много томящихся тоской по родинѣ, но бунтовщиковъ находится мало, и тѣ поддаются только подстрекательству нѣсколькихъ смѣльчаковъ. Тяжелая работа притупляетъ человѣка, дѣлаетъ его апатичнымъ, превращаетъ въ машину. Съ другой стороны и вѣчная нищета дѣлаетъ человѣка робкимъ, боящимся потерять мѣсто, заработокъ, послѣдній кусокъ хлѣба. Наконецъ, большинство простыхъ людей знаетъ по опыту, что всѣ стачки не ведутъ ни къ чему доброму, кончаются не въ пользу стакнувшихся и хорошо еще, если не вызываютъ «сѣкуціи». Вслѣдствіе всего этого, несмотря на вѣчный ропотъ, въ рѣшительныя минуты масса всегда отдѣляется въ сторону отъ горсти смѣльчаковъ и ждетъ, что будетъ. Выгорить дѣло смѣльча-

ковъ — выиграетъ и она; покорятъ ихъ силою — она, эта робкая и молчаливая масса, не потеряетъ ничего. Муратовъ зналъ все это и не особенно волновался въ ожиданіи разныхъ стачекъ. Его каждый разъ бѣсило только одно, что стачка можетъ похитить у его тестя нѣсколько рабочихъ часовъ и вытянуть изъ кармана нѣсколько десятковъ и сотенъ рублей на разные побочные расходы. Вотъ почему онъ и теперь собирался ѣхать на работы утромъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа. На всякій случай онъ думалъ предупредить кого слѣдуетъ о томъ, что на работахъ готовится опять стачка, и могутъ понадобиться на помощь казаки. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ допить чай, къ нему явились два приказчика съ тревожными извѣстіями, что рабочіе не хотятъ работать.

— А! Началось!—воскликнулъ Данила Павловичъ, услыхавъ донесенія приказчиковъ.—Чего же вы зѣвали, чего же раньше не предупредили меня?

— Мы-съ не знали ничего, Данила Павловичъ, съ зари это началось,—отвѣтили въ одинъ голосъ приказчики.

— Съ зари! А я еще вчера зналъ! Вы тамъ сидите и ничего не знаете, а я здѣсь знаю! Семенъ Нефедовъ еще вчера предупреждалъ меня! Теперь вотъ покуда удастся образумить ихъ, сколько времени пропадетъ! Ваше дѣло только зѣвать!

Онъ быстро одѣвался, собираясь ѣхать.

— Будьте на мѣстахъ, я самъ пріѣду!—продолжалъ онъ, обращаясь къ приказчикамъ.—По всей линіи не работаютъ, или только здѣсь?

— Здѣсь только... Можетъ, такъ только, поартачатся, поартачатся, да и возьмутся за дѣло... На седьмой верстѣ у моста работаютъ, только тамъ не ладно: двадцать человѣкъ сбѣжало...

— Сбѣжали? Это почему?

— Хворость опять напала тамъ на народъ... Одни лежатъ, а изъ здоровыхъ двадцать сбѣжало... Извѣстно, теперь скоро сѣнокосы начнутся, въ деревнѣ работы, ну, народъ и тянетъ домой... Это ужъ завсегда одна пѣсня... Опять же и страхъ, что люди мрутъ...

— А въ лазаретѣ есть мѣста?

— Лазаретъ полонъ... Пристраиваютъ еще шалаши...

— Хорошо, я туда заверну тоже...

Приказчики ушли, а Данила Павловичъ, наскоро простившись съ Олимпіадой Пахомовной, поѣхалъ къ мѣстному на-

чальству. Ему нужно было попросить казаковъ. Не прошло и часу, какъ онъ уже былъ на линіи. Рабочіе не работали и сгруппировались въ кучки, громко разговаривая и шумя. Данила Павловичъ подъѣхалъ къ одной кучкѣ и остановился, зорко окинувъ ее глазами.

— Что же это никто не работаетъ? — спросилъ онъ у приказчика, точно онъ ничего не зналъ.

— Отказывается народъ работать,—отвѣтилъ почтительно приказчикъ.

— Какъ, отказывается? Деньги брать не отказывается, ѣсть не отказывается, а работать отказывается?

Онъ говорилъ громко, обращаясь къ приказчику, а не къ рабочимъ. Его голосъ былъ ровенъ и спокоенъ, точно рѣчь шла о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, не вызывающемъ ни тревогъ, ни волненій. Въ кучкѣ рабочихъ послышался смутный ропотъ:

— Гдѣ тутъ работать, какъ животы подвело... Тоже у Калистинскаго-то моста ужъ и мереть сталъ народъ... Помирать-то никому не охота... Тоже сласть!..

Всѣ говорили вдругъ, наперебой, но безъ раздраженія и безъ злобы.

— У Калистинскаго моста, у Калистинскаго моста!—передразнилъ рабочихъ Данила Павловичъ. — Такъ вѣдь это не здѣсь! Тамъ болото, тамъ ничего не подѣлаешь, если люди хвораютъ! Это не отъ пищи, а отъ болота. Съ Богомъ-то тоже спорить не станешь... Вы бы вонъ помолились, чтобъ оно высохло, тогда и хворь всякая тамъ прошла бы... А я бы вамъ вотъ какое спасибо за это сказалъ... Свѣчку бы пудовую за васъ поставилъ...

— Ишь, какой добрый,—шутливо вставилъ кто-то.

Гдѣ-то послышался легкій смѣхъ.

— Да тоже, какъ тухлой говядиной кормятъ, такъ животы-то подведетъ и безъ болота... Вонъ, намеднись, опять съ червями говядину привезли,—раздались голоса.

— А вы Бога бы умолили, чтобы жарища-то спала, такъ тогда бы говядина и не портилась,—отвѣтилъ Данила Павловичъ. — Или думаете, что легко на васъ все запасти. Дома лучше ѣли, что ли?.. Хотите, вѣрно, чтобы и того не давали?.. Ну, что-жъ, не работайте, получайте половину пайка, пока не разберутъ дѣла...

— Такъ что-жъ это, значитъ, совсѣмъ уморить съ голоду хочешь?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— А вы думаете, что вы работать не будете, а я весь

паекъ давать буду?.. По закону-то вамъ больше не полагается, если не работаете...

— Законъ!.. Какой такой нонче законъ!—послышался голосъ одного рабочаго. — Вонъ меня по закону вѣнчали, а жена теперь третій годъ въ бѣгахъ, и закона никакого на нее нѣтъ... А ты говоришь, законъ...

Въ толпѣ послышался снова легкій смѣхъ.

— Ай да, молодецъ, рѣшилъ!—шутливо замѣтилъ кто-то.

Вдругъ посыпались остроты и шутки. Толпа развеселилась.

— А ты, Данила Павловичъ, покажи намъ, есть ли у тебя такая бумага отъ царя, чтобы народъ голодомъ морить? — серьезно обратился къ Муратову молодой, красивый парень, выступивъ впередъ и какъ бы стараясь подавить взрывъ веселости въ толпѣ. — Если велѣно народъ православный морить голодомъ — мори, а нѣтъ, такъ выдавай все, что слѣдуетъ...

Это былъ Тимоѳей Шестипалый.

— Ты вотъ ступай работать, тогда тебѣ и выдадутъ, что тебѣ слѣдуетъ,—сказалъ Данила Павловичъ, взглянувъ на него не безъ злобы.

— Червей-то вмѣсто говядины! Спасибо! Помирать-то еще не охота. Мы сюда на работу, а не на изморъ пришли..

— Тоже горохъ хорошъ вчерась выдали, ровно дерево гнилое жуешь...

— Объ хлѣбъ-то зубы обломаешь, да и тотъ плѣсенью поросъ...—заговорили опять всѣ вдругъ серьезнымъ тономъ.

— Да русскимъ вамъ языкомъ еще вчера говорили, что вотъ завтра подвезутъ все свѣжее,—сказалъ приказчикъ.— Тоже на васъ не мало нужно...

— Что тамъ толковать,—сказалъ Муратовъ:—или всѣ сейчасъ будутъ работать, или половину пайка выдавать тому, кто не работаетъ, а тамъ начальство заставитъ уже работать... Тоже управа на васъ есть...

— Управа на всѣхъ есть, не на насъ однихъ,—послышался угрожающій голосъ Шестипалова.—Судъ-то не на одного мужика царемъ данъ...

Но Муратовъ не обратилъ никакого вниманія на эти замѣчанія и отошелъ отъ кучки рабочихъ съ приказчикомъ. Онъ смотрѣлъ бодро и весело, какъ опытный главнокомандующій, сразу окинувшій глазомъ поле сраженія и понявшій, въ чемъ дѣло. Стачка была пустая, ничтожная, вызванная нѣсколькими горячими зачинщиками. Большинство не работало просто потому, что отчего же и не отдохнуть

немного; раздраженія не замѣчалось нигдѣ; съ первыхъ же словъ было видно, что и безъ всякой военной силы рабочіе примутся снова за работу, даже несмотря на такихъ горлановъ, какъ Шестипалый. Все это опытный въ дѣлѣ человѣкъ могъ сразу опредѣлить по отдѣльнымъ шутливымъ фразамъ, по спокойному тону говорящихъ, по выраженію ихъ скорѣе насмѣшливыхъ, чѣмъ злобныхъ физіономій. Данила Павловичъ сказалъ приказчикамъ, что нужно пообѣщать и раздать рабочимъ водки, когда они примутся за работу, а что онъ на обратномъ пути все-таки заѣдетъ на мѣсто съ нѣсколькими казаками на всякій случай.

Минутъ черезъ десять онъ уже ѣхалъ дальше вдоль линіи. На пятой верстѣ онъ обогналъ двѣ открытыя телѣги. Въ телѣгахъ лежало по четверо мужиковъ, облѣпленныхъ оводами, большими мухами и мошками, какъ мертвецы. Муратовъ окликнулъ возницъ. Оказалось, что это везутъ больныхъ въ лазаретъ. Исхудалые, ничѣмъ не покрытые, блѣднолицые бѣдняки лежали въ грязныхъ рубищахъ неподвижно въ телѣгахъ подъ палящими лучами солнца. День стоялъ невыносимо знойный, въ небѣ не было ни облачка. Больныхъ потряхивало на кочковатой дорогѣ, но по ихъ лицамъ не проскальзывало ничего, что говорило бы объ испытываемыхъ ими мученіяхъ, съ ихъ губъ не срывалось ни жалобы, ни стона. Казалось, они застыли, ожидая смерти. Они смотрѣли страшно. Обогнавъ ихъ, Муратовъ направился прямо къ лазарету, находившемуся близъ Калистинскаго моста. Здѣсь, у дощатыхъ шалашей, лежали и сидѣли на землѣ больные мужики, припекаемые солнцемъ.

— Что, братцы, плохо?—спросилъ ихъ Муратовъ, добродушнымъ тономъ добраго пріятеля.—Ишь Богъ дождя не даетъ, смаялъ совсѣмъ жарою... И болотина тутъ еще эта проклятая... На грѣхъ только въ этомъ направленіи путь повели... Что же бараки-то строятъ для нихъ?—обратился онъ къ приказчику.—Торопитесь, не лежать же народу такъ на открытомъ воздухѣ... Говорилъ я, чтобъ, молъ, построили лазаретъ... Тоже не сладко сердечнымъ... А докторъ гдѣ?..

Докторъ оказался въ лазаретѣ.

— Ну, какъ, докторъ? Что больные? Не надо ли имъ чего?—спрашивалъ Данила Павловичъ у доктора, нѣмца, осматривая больныхъ.—Есть ли чай? Водки не надо ли? Пожалуйста, поберегите народъ!

Онъ, громко говоря съ докторомъ, подошелъ къ нѣкоторымъ изъ больныхъ и заботливо говорилъ съ ними. Одинъ

изъ больныхъ, уже говорившій съ трудомъ, скорѣе напоминавшій исхудалый трупъ, чѣмъ живого человѣка, сталъ просить Данилу Павловича отписать въ деревню его семьѣ, ссли онъ умретъ.

— Хорошо, братъ, хорошо! Не забуду! Пошлю письмо, деньжонокъ пошлю. Слава Богу, вмѣстѣ маялись на работахъ!—проговорилъ Муратовъ.—Самъ тоже помучился. Да еще, можетъ, Богъ дастъ, и поправишься!

— Гдѣ ужъ... смерть моя...—прошепталъ больной.

— Не всѣ болѣзни къ смерти... Вотъ докторъ поможетъ... А я твоей семьи не забуду, ты не безпокойся!..

— Спасибо,—тихо и покорно отвѣтилъ больной.—Жена... дѣтки малыя...

Онъ не договорилъ и смолкъ, смотря неподвижными глазами впередъ.

Въ шалашѣ было душно и жарко, промозглый воздухъ стѣснялъ дыханіе.

— Соломы, докторъ, надо добыть или сѣна... Тоже невозможно больнымъ такъ лежать на доскахъ,—озабоченно говорилъ Муратовъ.—Право, тутъ голову потеряешь, все выписано и ничего не подвозятъ... И то сказать, пора горячая, всѣ руки заняты... Мы вѣдь первые піонеры, прокладающіе пути въ этихъ дебряхъ...

Онъ простился съ больными и вышелъ изъ шалаша. У него слегка кружилась голова.

— Великій народъ, поистинѣ великій!—проговорилъ онъ доктору.—Ни жалобы, ни стона! Вонъ она, наша Русь-матушка.

Онъ вздохнулъ.

— А что подѣлаете? Если бы желѣзныя дороги не по степямъ и пустынямъ проводились—все бы было, а тутъ и не предусмотришь всего... Вотъ-съ вѣдь съ мясомъ не можемъ справиться. Солонины навезли—попортилась, бойню устроили—гніетъ чуть не на другой же день мясо, навезли масла—прогоркло... Тутъ Богомъ, а не человѣкомъ нужно быть, чтобы все шло хорошо... Да теперь еще что! Прежде-то каково было... Теперь всякія бѣды только въ этомъ участкѣ и происходятъ, а прежде-то вездѣ не лучше было...

Онъ распростился съ докторомъ, проѣхалъ на бойню, разспросилъ, сколько пригнали скота, приказалъ распорядиться насчетъ того, чтобы мясо покрывали чѣмъ-нибудь при развозкѣ, и снова вернулся назадъ. Кое-гдѣ по линіи уже начинали работать, но большинство народа сидѣло и лежало

безъ дѣла. День былъ до крайности знойный, и все голое пространство желѣзно-дорожной линіи было залито палящими лучами солнца. Данила Павловичъ, проѣзжая мимо сидѣвшихъ въ праздности рабочихъ, сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не замѣчаетъ, и проѣхалъ въ городъ. Онъ все-таки не оставилъ намѣренія попросить себѣ на помощь нѣсколькихъ казаковъ, хотя уже и былъ вполнѣ убѣжденъ въ благополучномъ исходѣ стачки. Ему просто хотѣлось доказать рабочимъ, что онъ всегда можетъ найти поддержку.

— Мы можемъ вамъ дать нѣсколькихъ казаковъ, но вѣдь это не поможетъ,—говорило ему любезно одно изъ начальствующихъ лицъ.—Вы знаете, что значитъ привести къ работѣ...

— Да, да, дать тачку, лопату, ломъ рабочему и поставить его на мѣсто работы,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Но это и все! Рабочій все-таки не будетъ работать, если не захочетъ... Болѣе же крутыя мѣры...

— Не надо мнѣ никакихъ болѣе крутыхъ мѣръ,—перебилъ его Муратовъ.—Вы только приведите ихъ къ работѣ и оставьте мнѣ на часъ нѣсколько казаковъ.

— Хорошо, это можно...

— Только, пожалуйста, не говорите казакамъ, что ихъ оставляютъ не надолго... Предоставьте все мнѣ...

Не прошло и часу, какъ Данила Павловичъ съ властями и казаками привели нѣкоторыхъ рабочихъ къ работѣ. Сцена была нѣсколько комичная: рабочимъ положили лопаты и ломы въ тачки, ихъ заставили взять эти тачки и идти къ мѣсту работы; эти рабочіе оказались вдругъ разслабленными, хилыми и больными и едва плелись со своими тачками, говоря, что они не въ силахъ работать. Другіе рабочіе стояли въ сторонѣ и пересмѣивались, старики сомнительно покачивали головами, не видя никакого толка въ неудавшейся стачкѣ, принявшей съ самаго начала шутливый характеръ. Приводъ къ работѣ совершился, и власти уѣхали, оставивъ на мѣстѣ трехъ-четырехъ казаковъ.

— Вы должны здѣсь дежурить, пока они не начнутъ работать,—сказалъ Данила Павловичъ казакамъ и тоже ушелъ въ контору, находившуюся шагахъ въ двухстахъ отъ мѣста работы.

Въ конторѣ онъ принялся пересматривать счеты и бумаги, разговаривая съ приказчиками и попивая чай. Онъ былъ въ веселомъ настроеніи. Наконецъ, въ комнату вошли двое рабочихъ.

— Вели казакамъ-то уходить, Данила Павловичъ,—проговорили они, хмуро исподлобья смотря на него.

— Какъ уходить? Ихъ начальство приставило дежурить, пока народъ работать не будетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Да ужъ будемъ работать,—отвѣтили мужики, почесываясь.—Нѣшто мы это не хотѣли... Извѣстно, смутьяны разные...

— Ну, да вотъ изъ-за нихъ казаки и будутъ стоять...

— Да всѣ будутъ работать, говорятъ тебѣ...

— Ой ли?

— Самъ поди, спроси...

— Ну, посмотримъ!

Данила Павловичъ поднялся съ мѣста и пошелъ на линію. Толпа народа была теперь неузнаваема. Угрюмая и молчаливая, сдержанная и недовѣрчивая утромъ, она теперь оживилась. Вездѣ шелъ говоръ, въ нѣкоторыхъ группахъ слышались смѣхъ и шутки.

— Что же, братцы, надумались работать?—спросилъ Данила Павловичъ.

— Чего бы не работать, только вотъ корма-то плохи,—послышались голоса.

— Все, братцы, будетъ! День на день и у Бога не приходится, сегодня солнце жаритъ, а завтра, глядишь, дождикъ вымочитъ. Такъ это у Бога, а мы люди, тоже всего не запасешь сразу, всего глазомъ не окинешь.

— Казаковъ-то убрать прикажи!—послышались другіе голоса.

— Да что они вамъ мѣшаютъ?

— Да вонъ поспроси Тимошку Шестипалова, да Васютку Головастаго, что мѣшаютъ... Что-жъ не говорите? Ишь, еще и теперь почесываются... Отчехвостили тоже...

Данила Павловичъ усмѣхнулся, но тотчасъ же обратился къ казакамъ:

— Можете идти! Вы больше не нужны!

Онъ подмигнулъ приказчику, чтобы тотъ далъ казакамъ денегъ. Когда они удалились, говоръ сдѣлался еще громче, шутки посыпались градомъ. Всѣ точно вздохнули свободно. Данила Павловичъ объявилъ, что рабочимъ на ночь выдадутъ водки. Онъ шутливо разспрашивалъ съ невиннымъ выраженіемъ лица, почему произошла такая перемѣна. Оказалось, что, оставшись стоять при рабочихъ, казаки обозлились и начали ругать «лежебоковъ», такъ какъ изъ-за нихъ имъ, казакамъ, приходилось стоять на воздухѣ, подъ

знойнымъ солнцемъ. А развѣ они, казаки, для того царю служатъ, чтобы стоять на часахъ около какого-нибудь сиволапаго мужика, если онъ работать не хочетъ? Онъ на боку будетъ лежать, а они дежурь ради него въ полѣ. Брань скоро дошла до того, что казаки пустили въ ходъ нагайки и порядкомъ поколотили лежавшихъ около тачекъ рабочихъ. Толпа, уже соскучившаяся среди бездѣйствія, и не подумала вступиться за своихъ собратьевъ, а увидала во всей этой сценѣ только ея комическую сторону. Дѣйствительно, эти лежащіе у тачекъ рабочіе, эти казаки, дежурящіе около лежащихъ праздно мужиковъ, этотъ взрывъ самолюбія въ оскорбленныхъ своею вовсе не солдатскою обязанностью воинахъ, это полосованіе нагайками удальцовъ-коноводовъ имѣли для толпы своеобразную смѣшную подкладку, какъ легкая драка гдѣ-нибудь у кабака; особенно смѣшно стало толпѣ, когда лежавшіе у тачекъ мужики начинали кричать, что они станутъ работать. Данила Павловичъ, какъ человѣкъ опытный въ своемъ дѣлѣ, зналъ впередъ, что все должно кончиться именно этимъ, такъ какъ онъ уже не разъ прибѣгалъ къ подобнымъ затѣямъ и только улыбался, слушая разсказы уже принявшихся за работу мужиковъ. Но онъ помнилъ и то, что у него пропала половина рабочаго дня по милости такихъ людей, какъ Тимоѳей Шестипалый, и не безъ ненависти взглянулъ на этого «баламута»...

«Въ самомъ дѣлѣ надо съ нимъ покончить», — мысленно рѣшилъ онъ.

Часа два-три спустя, Тимоѳея Шестипалова потребовали въ контору, а оттуда проводили въ городъ. Данила Павловичъ уже заявилъ кому слѣдуетъ, что у Тимоѳея Шестипалова просроченный билетъ. Муратову приходилось заплатить за это штрафъ, а Тимоѳея Шестипалова рѣшено было отправить по этапу на родину, чтобы онъ не бродяжничалъ съ просроченнымъ видомъ. Муратовъ о чемъ-то долго шептался съ какимъ писцомъ и возвратился потомъ домой, потирая руки...

III.

На слѣдующій день Муратовъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, но онъ не забылъ своего обѣщанія побывать у Матрены Кузьминичны.

Довольно рано онъ поѣхалъ въ Ольховатое, куда въ годы дѣтства его такъ часто возили въ торжественные праздники на поклонъ къ его покойному дядѣ Платону Николаевичу

Баскакову. Самодуръ-старикъ, озлобившійся на весь свѣтъ, жилъ въ своемъ помѣстьѣ царькомъ, пріютивъ у себя дочерей своего вдоваго брата Александра Николаевича Баскакова, вѣчно носившагося съ какими-то неисполнимыми проектами. Торжественно, чинно и скучно, какъ какой-то всѣмъ надоѣвшій обрядъ, шла здѣсь однообразная жизнь. Казалось, этой жизни не будетъ и конца, какъ вдругъ все измѣнилось разомъ. Старикъ умеръ скоропостижно, и во владѣніе Ольховатымъ вступилъ Александръ Николаевичъ Баскаковъ. Его дочерей, жившихъ здѣсь прежде, уже не было: одна умерла, другая вышла замужъ за Аркадія Павловича Муратова. Александру Николаевичу приходилось поселиться въ Ольховатомъ одиноко. Но у него была на сторонѣ другая семья, любовница, побочныя дѣти! Эта любовница, Матрена Кузьминична Васильева, была изъ числа его крѣпостныхъ слугъ; не мало горя и радостей пережилъ онъ съ нею, не мало дѣтей прижили они вмѣстѣ. Не долго думая, Александръ Николаевичъ сочетался законнымъ бракомъ съ этой простой, искренно-преданной ему женщиной, и въ Ольховатое перебралась уже цѣлая семья: мужъ, жена, трое дѣтей. Въ барскомъ домѣ началась новая жизнь. Александръ Николаевичъ тотчасъ же рѣшилъ, что наши старые «примитивные» способы сельскаго хозяйства «немыслимы» и «абсурдны» въ нашъ вѣкъ, и сталъ «изучать» и вводить «англійскіе способы» обработки земли. Матрена Кузьминична тоже довольно быстро рѣшила, что комнаты въ Ольховатовомъ точно сараи, что дворъ точно пустырь, а садъ точно кладбище, и стала передѣлывать все на свой ладъ, не дѣлая, впрочемъ, никакихъ затратъ на свои нововведенія; такъ на окнахъ парадныхъ комнатъ появились бутылки съ настойками и маринованными грибками, на дворѣ появились курятники, въ саду на островкѣ, гдѣ былъ «храмъ любви», свидѣтель самыхъ циничныхъ сценъ во времена крѣпостничества, развелись утки; разныя клумбы, украшавшіяся когда-то цвѣтами, были превращены въ гряды моркови, петрушки, картофеля. Дѣти Александра Николаевича, дѣвочка и два мальчугана, выросшіе на волѣ, здоровые, крѣпкіе, какъ крестьянскіе ребятишки, тоже посвоему передѣлали доставшіяся имъ помѣщенія, внесли въ эти помѣщенія слѣды своихъ вкусовъ и наклонностей, навели въ нихъ своихъ пріятелей изъ деревни, наслѣдили и насорили тамъ, гдѣ прежде царствовали аккуратность и чистота нежилыхъ покоевъ. Вмѣстѣ съ семьею Баскакова пе-

ребрался въ Ольховатое и гувернеръ дѣтей Александра Николаевича, бывшій семинаристъ Воздвиженскій, добрый и честный малый, безъ особенныхъ стѣсненій плевавшій прямо на паркетъ и въ горячихъ спорахъ сыпавшій довольно точными опредѣленіями людей и характеровъ въ родѣ «прохвостъ», «мерзавецъ», «подхалима»; перебралась и гувернантка Анна Ивановна Цвѣткова, прозванная Александромъ Николаевичемъ «дѣвицей въ сапогахъ», особа не особенно юныхъ лѣтъ, не особенно высокаго образованія, но чрезвычайно понравившаяся съ перваго взгляда Матренѣ Кузьминичнѣ своими демократическими вкусами, привычками и рѣчами, всѣмъ тѣмъ, что привилось къ ней въ теченіе долгихъ лѣтъ горемычныхъ странствованій по чужимъ домамъ разныхъ россійскихъ губерній и уѣздовъ и въ чемъ уже не прорывалось ровно ничего институтскаго, наивнаго, слащаваго. Эти люди тоже устроили себѣ въ Ольховатомъ свои уголки по-своему и если у Воздвиженскаго появились во всѣхъ углахъ окурки папиросъ, на всѣхъ столахъ Дарвины и Молешоты, а на всѣхъ стульяхъ подтяжки, панталоны и бѣлье, то у Цвѣтковой комната была полна обрѣзковъ разныхъ ситцевъ и шерстяныхъ матерій, такъ какъ она не только учила дѣтей, но и шила, и перешивала все, что ей подвертывалось подъ руку—платье для Матрены Кузьминичны, сорочку для Воздвиженскаго, шаровары для мальчугановъ семьи Баскакова. Заглянувъ однажды въ барскіе хоромы, одинъ изъ старыхъ слугъ Платона Николаевича только вздохнулъ и проговорилъ: «ишь, какъ загадили да запакостили все!» Но — странное дѣло—только теперь въ эти хоромы стало тянуть людей. Прежде сюда ѣздили только по обязанности, по необходимости, теперь сюда стремились отдохнуть простые люди въ родѣ чистопольскаго священника отца Петра Архангельскаго и его семьи, наѣзжавшихъ сюда на недѣли изъ Чистополья,—въ родѣ учителя математики Крестоносцева, «заржавѣвшаго, по его собственнымъ словамъ, въ городѣ за своею цифирью»,—въ родѣ Олимпіады Пахомовны, наѣзжавшей отъ времени до времени съ мужемъ и ребятишками къ тетушкѣ Матренѣ Кузьминичнѣ отдохнуть на вольномъ воздухѣ отъ хозяйства. Самъ Данила Павловичъ, чувствовавшій себя не въ духѣ въ былые дни въ Ольховатомъ, охотно пріѣзжалъ сюда теперь. Не ужился здѣсь только самъ хозяинъ, Александръ Николаевичъ Баскаковъ: англійское сельское хозяйство не удовлетворяло его; ему нужно было болѣе дѣятельное бездѣлье; ему нужно было составлять

какіе-то планы, приводить ихъ въ исполненіе, вѣчно двигаться и вѣчно, въ сущности, ничего не дѣлать. Разъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ покупать какія-то машины, и вмѣсто машинъ купилъ совершенно случайно и неожиданно для себя съ торговъ домъ. Онъ тотчасъ же написалъ женѣ, что онъ сбился съ ногъ, подыскивая себѣ домъ въ Петербургѣ, что, наконецъ, ему удалось найти подходящій, что онъ его купилъ, что онъ его передѣлаетъ, что семьѣ нужно жить по зимамъ въ Петербургѣ, такъ какъ этого требуетъ образованіе дѣтей. «Положимъ, они у насъ растутъ американцами, на свободѣ, въ черномъ трудѣ, но все же нужны и умственное развитіе, и дипломы»,—заканчивалъ онъ свое письмо. Онъ былъ уже самъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ не за машинами, а для покупки подходящаго дома. Онъ тутъ, по обыкновенію, не лгалъ передъ другими; онъ даже не обманывалъ себя; онъ въ подобныхъ случаяхъ при своемъ пылкомъ воображеніи всегда бывалъ твердо убѣжденъ, что случайно подвернувшееся ему подъ руку дѣло было не случайностью, а завѣтною цѣлью, манившею его къ себѣ издавна. Такихъ завѣтныхъ цѣлей у него въ жизни было не мало: онъ по призванію и табакъ разводилъ, и антрепренеромъ провинціальнаго театра былъ, и гдѣ-то слушалъ лекціи химіи, надѣясь сдѣлаться и мыловаромъ, и производителемъ какихъ-то «химическихъ матеріаловъ», и «изобрѣтателемъ новыхъ способовъ окрашиванія матерій». Къ однѣмъ завѣтнымъ цѣлямъ онъ стремился годъ или два, къ другимъ—его стремленіе охладѣвало въ нѣсколько мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ горячности и рвенія на первыхъ порахъ онъ выказывалъ въ каждомъ дѣлѣ не мало. То же случилось и теперь. Онъ принялся усердно за перестройку дома и уже не думалъ о возвращеніи къ сельскому хозяйству. Возня съ каменщиками, съ плотниками, съ подрядчиками и архитекторами такъ заняла его, что онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Это все были новые для него люди и каждому изъ нихъ онъ могъ разсказывать безконечное число анекдотовъ изъ своей жизни, каждаго изъ нихъ могъ удивлять своими разнообразными талантами, знаніями, занятіями. Но по мѣрѣ окончанія работъ онъ все чаще и чаще сталъ разсуждать съ архитекторомъ о томъ, что этотъ домъ все-таки старый домъ и потому его нельзя сдѣлать такимъ, чтобы примѣнить къ его постройкѣ всѣ новѣйшія усовершенствованія. Архитекторъ говорилъ, что этотъ домъ можно бы съ выгодой продать, а на вырученныя отъ продажи деньги по-

строить новый, съ разными новѣйшими удобствами. Эта мысль улыбнулась Александру Николаевичу, тѣмъ болѣе, что кругомъ него шла начавшаяся въ то время въ Петербургѣ горячка домостроительства, вездѣ возникали зданія, поражавшія блескомъ внѣшнихъ украшеній, затѣйливостью архитектуры. На счастье Баскакова, навернулся выгодный покупщикъ на купленный имъ домъ, и онъ, не долго думая, продалъ домъ и уговорился съ архитекторомъ съѣздить за границу, чтобы посмотрѣть тамъ на лучшія постройки. Сказано — сдѣлано. Александръ Николаевичъ уже проникся мыслью о постройкѣ не одного дома, а нѣсколькихъ домовъ со всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Онъ уже говорилъ о томъ, что Петербургъ нуждается именно въ такихъ постройкахъ, что Петербургу совѣстно отставать отъ другихъ столицъ въ этомъ отношеніи. А переселеніе семьи для окончанія образованія дѣтей въ Петербургѣ? Онъ теперь уже не думалъ объ этомъ и говорилъ, что даже лучше оставить дѣтей расти въ деревнѣ на свободѣ «американцами». Почему-то онъ былъ убѣжденъ, что его дѣти воспитываются по-американски, такъ какъ они растутъ на вольной волѣ, работаютъ по-мужицки, столярничаютъ, занимаются кузнечнымъ дѣломъ, пашутъ, однимъ словомъ, «непринужденно развиваютъ свои естественныя наклонности».

— Это величайшій принципъ педагогики,—съ пафосомъ утверждалъ онъ и клялся торжественно, что онъ никогда не станетъ насиловать вкусовъ дѣтей.—Я изучалъ серьезно этотъ предметъ и никогда не измѣню своихъ взглядовъ на это дѣло!

При такихъ твердыхъ убѣжденіяхъ онъ съ легкимъ сердцемъ укатилъ въ Парижъ для изученія архитектурныхъ стилей и провелъ недурно зиму въ столицѣ Франціи. Къ веснѣ начались и его постройки въ Петербургѣ, при чемъ заложено было въ банкѣ Ольховатое. Теперь Александръ Николаевичъ былъ уже весь погруженъ въ финансовые расчеты съ одной стороны, а съ другой—въ разъѣзды по завадомъ и фабрикамъ, въ разсматриванье разныхъ образцовъ паркетовъ, мраморовъ, кирпичей, изразцовъ. Какое отопленіе устроить въ домахъ? Какія печи практичнѣе? Нужны ли камины по нашему климату и какіе камины? Всѣ эти вопросы были для него вопросами государственной важности. Ихъ обсуждалъ онъ съ компаніей архитекторовъ и заводчиковъ и у Бореля, и у Дюссо, и у Доротта. Онъ былъ вѣчно озабоченъ, вѣчно въ движеніи, и когда онъ появлялся съ

пріятелями въ модныхъ ресторанахъ, то казалось, что онъ и пьетъ, и ѣстъ на ходу. Среди самыхъ оживленныхъ бесѣдъ о театрѣ, о кокоткахъ, о политикѣ, онъ вдругъ дѣлалъ серьезное лицо, отходилъ въ уголъ, съ глубокомысленнымъ видомъ ощупывалъ печь, щелкая по ней пальцами, и замѣчалъ:

— А что вы ни говорите, а наши старыя изразцовыя печи лучшій способъ отопленія!

Или обращался озабоченно къ архитектору и говорилъ:

— Батенька, къ Бѣляеву-то мы и не съѣздили посмотрѣть паркеты; надо вѣдь все десять разъ переговорить, прежде чѣмъ что-нибудь выбрать.

Иногда, проѣзжая по какимъ-нибудь захолустнымъ улицамъ Петербурга, онъ глубокомысленно и сосредоточенно обозрѣвалъ разные пустыри, лачуги и заборы, и замѣчалъ:

— Все это надо уничтожить! Этотъ домъ срыть! Здѣсь улицу провести, тамъ разбить скверъ!

По его лицу пробѣгала улыбка полнаго счастія и душевнаго благодушія при мысли о томъ, какъ удивятся его «Матрона» и его «американцы», пріѣхавъ въ Петербургъ и узнавъ, что тутъ цѣлыя улицы, что тутъ скверы носятъ названіе «баскаковскихъ».

— Простота деревенская! Имъ все въ диво!..

Казалось, онъ рѣшился перестроить и пересоздать весь Петербургъ. Проходя гдѣ-нибудь по набережной Фонтанки и видя выгружаемый съ барокъ кирпичъ, онъ останавливался съ видомъ знатока, бралъ въ руки одинъ изъ кирпичей, щелкалъ по немъ пальцами, поднося его поближе къ уху, и тотчасъ же сообщалъ:

— Стоитъ столько-то, съ завода такого-то. Я не беру подобнаго кирпича, у меня съ такимъ кирпичомъ заводчикъ обратно бы домой прогулялся.

Этотъ апломбъ поражалъ даже спеціалистовъ. Всѣ говорили про Баскакова:

— Знаетъ человѣкъ дѣло! Его не проведешь!

Его уважали за его практичность еще болѣе, потому что онъ могъ также съ видомъ спеціалиста говорить о театрѣ, о разведеніи табака, о мореплаваніи, объ Америкѣ.

— Гдѣ-гдѣ не бывалъ этотъ человѣкъ и все-то онъ знаетъ,— говорили про него.

Особенно любилъ онъ огорошивать молодежь и новичковъ разсужденіями о томъ, что вся наша бѣда въ недостаткахъ спеціальныхъ знаній и практической подготовки.

— Мы все латынь какую-то учимъ и витаемъ въ облакахъ, когда нужно умѣть квасъ дѣлать, да хлѣбъ печь, да черную работу справлять.

А Матрена Кузьминична то-и дѣло получала письма съ требованіями денегъ и денегъ. Она безропотно высылала все, что получалось съ имѣнія, а имѣніе давало не мало, хотя хозяйство и велось теперь не на англійскій ладъ, а на русское «какъ Богъ на душу положитъ».

Матрена Кузьминична была своеобразнымъ человѣкомъ. Ея любовь къ Александру Николаевичу была безпредѣльна, хотя, повидимому, эта любовь и прошла цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ измѣненій. Сначала Матрена Кузьминична была просто любовницей изъ крѣпостныхъ, рядилась и «фыркала» на дворню; потомъ, когда Баскаковъ пересталъ быть для нея бариномъ, и когда онъ все-таки продолжалъ поддерживать съ нею связь, она превратилась въ мать семейства, и среди этой семьи любимымъ баловнемъ-ребенкомъ сдѣлался онъ; въ немъ для нея все было хорошо, и его не по лѣтамъ молодыя увлеченія, и его краснорѣчіе, и его ласки. Она его и журила, какъ мать, и баловала, какъ мать. Когда онъ на ней женился, она вовсе не возгордилась; она даже какъ будто не сознавала, насколько она стала богата. Она вступила въ Ольховатое скорѣе какъ ключница, какъ управительница, какъ опекунша, чѣмъ какъ барыня. Ни разу она не возразила Александру Николаевичу на его желанія купить тѣ или другія машины, возвести ту или другую постройку. И то сказать, она всѣмъ и каждому только о томъ и твердила:

— И всего у насъ теперь вволю, только птичьяго молока недостаетъ, такъ что и желать нечего.

Чего же ей было задумываться о томъ, что мужъ бросаетъ деньги на вѣтеръ? Ихъ «такая прорва», что только успѣвай обирать.

— Тамъ хлѣбъ продашь, тутъ овесъ купятъ, здѣсь масло, творогъ и сметана требуются въ городъ,—говорила она.— Да однихъ яицъ ѣдимъ, ѣдимъ, а все продавать еще приходится. Что-жъ не дурить Александру Николаевичу! Пусть его тѣшится.

Но залогъ имѣнія немного смутилъ ее. Она помчалась къ Даніилѣ Павловичу разспрашивать, какъ и что будетъ: явятся ли въ имѣніе люди, взявшіе въ залогъ имѣніе? не помѣшаютъ ли они ей хозяйничать? можетъ ли она распоряжаться доходами? Данила Павловичъ успокоилъ ее, сказавъ,

что она попрежнему остается полной хозяйкой и что никто въ ея дѣла вмѣшиваться не можетъ. Она успокоилась снова. Только когда Александръ Николаевичъ потребовалъ, чтобы хлѣбъ былъ проданъ на корню—она уже совсѣмъ растерялась. Начались переговоры съ Данилой Павловичемъ, и онъ отчасти открылъ глаза Матренѣ Кузьминичнѣ на положеніе дѣла...

Онъ теперь ѣхалъ съ цѣлью еще болѣе просвѣтить ее. «Жаль, если баба по-міру пойдетъ изъ-за затѣй своего дурака-мужа»,—думалъ онъ, и гдѣ-то въ далекомъ уголкѣ мозга у него промелькнула мысль: «да еще и на шею намъ потомъ съ дѣтьми сядетъ». Эта мысль все серьезнѣе и серьезнѣе начала озабочивать Данилу Павловича, и онъ рѣшился твердо «настроить бабу, какъ слѣдуетъ, и спасти ей хоть что-нибудь, если дѣло дойдетъ до разоренія». Онъ вдругъ даже проникся совсѣмъ родственными чувствами къ Матренѣ Кузьминичнѣ и ея дѣтямъ, и мысленно называлъ ихъ «простыми малыми», «хорошими людьми». Никогда еще въ жизни не проявлялъ онъ такой готовности помочь ближнимъ, какъ теперь. Правда, это ему ничего не стоило, и даже могло въ будущемъ избавить его отъ непріятныхъ попрошайствъ со стороны обнищавшей семьи. Но сознанія этого у Данилы Павловича не было: онъ теперь просто благодушествовалъ, какъ человѣкъ, сознающій, что онъ поспѣетъ какъ разъ во-время на помощь ближнему, и что всѣ его усилія на эту очень существенную помощь могутъ ограничиться простыми разговорами, разъясненіями, совѣтами. Это сознаніе совсѣмъ развеселило Муратова, и онъ пріѣхалъ въ Ольховатое въ отличномъ настроеніи духа. Всю семью онъ засталъ за обѣдомъ.

— Данила Павловичъ, милости просимъ! ужъ я думала, что не пріѣдешь!—воскликнула радушно Матрена Кузьминична, увидавъ его и идя ему навстрѣчу.—Мы вотъ обѣдать собрались.

Данила Павловичъ поздоровался съ нею, съ ея дѣтьми, съ Воздвиженскимъ и съ Анной Ивановной Цвѣтковой.

— Обѣщалъ, такъ не обману,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, да вѣдь ты, батюшка, тоже крѣпостной человѣкъ своего дѣла,—сказала Матрена Кузьминична.—Иной разъ и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ... Ну, садись съ нами за столъ...

Данила Павловичъ сѣлъ къ столу между двумя плотными, загорѣлыми, одѣтыми по-русски юношами лѣтъ пятнадцати и шестнадцати, сыновьями Матрены Кузьминичны.

— Да, дѣла много, вчера особенно уморился. Съ работниками возился. Бѣда, что за народъ, — сказалъ Данила Павловичъ.—Упарился совсѣмъ.

— Ну, а у насъ ботвинья, вотъ и выйдетъ, что вчера упарился, а сегодня отойдешь немного,—пошутила Матрена Кузьминична.—Знаю я, каково тоже на жарѣ съ рабочимъ народомъ возиться. Спасибо, у меня еще мои молодцы, да Андрей Степановичъ меня въ полѣ замѣняютъ...

Данила Павловичъ обратился къ своимъ двоюроднымъ братьямъ:

— Сами присматриваете?

— Да мы, почитай, все время въ полѣ. Работы много,— отвѣтили разомъ юноши.

— Они, знаешь, на что другое лѣнивы, а въ полѣ ни одинъ батракъ не угоняется за ними въ косьбѣ, либо въ какой другой работѣ,—сказала мать.

— Такъ и надо, черный-то трудъ нужнѣе всего,—сказалъ Данила Павловичъ.

Онъ выпилъ водки и принялся съ аппетитомъ за сытный обѣдъ.

Взглянувъ на собравшихся здѣсь людей, трудно было повѣрить, что это семья одного изъ Баскаковыхъ. Семья напоминала скорѣе семью какого-нибудь подрядчика изъ крестьянъ, чѣмъ семью родовитаго барина. Здѣсь все было просто, начиная съ сытныхъ блюдъ и кончая одеждами, красными рубахами молодыхъ людей, русскимъ платьемъ семнадцатилѣтней дочери хозяйки, ситцевыми платьями гувернантки и Матрены Кузьминичны, не снявшей съ себя даже передника.

— Имъ, батюшка, безъ чернаго труда не обойтись, самъ знаешь,—сказала Матрена Кузьминична и съ горечью добавила: — особливо, какъ начнемъ хлѣбъ на корню продавать...

— Ну, это-то пустяки!—проговорилъ рѣзко и грубовато старшій сынъ Николай.—Кулаковъ-то, да міроѣдовъ нечего обогащать.

— А вы имъ сообщали объ этомъ? — спросилъ Данила Павловичъ.

— Да вѣдь они и письмо-то мнѣ читали,—отвѣтила Матрена Кузьминична.—Тоже онъ тамъ нацарапаетъ, такъ не скоро я разберу его маранье. На мѣдныя деньги обучена-то. Да потомъ, съ кѣмъ же мнѣ и посовѣтоваться, какъ не съ своими ребятами? Вотъ къ тебѣ они послали, да не удалось

толкомъ переговорить. А дѣло-то это такое, что просто подъ ребро меня поддѣло.

Матрена Кузьминична опустила вилку и ножъ, и съ выразительными жестами простой женщины, стуча пальцами въ грудь и разводя руками, заговорила:

— Ты самъ посуди, я баба простая, у меня на рукахъ и хозяйство, и куры, и свиньи, и тоже семья; я одна, я и туда, я и сюда, я и въ третье мѣсто, а онъ только знай что денегъ, денегъ, да денегъ требуетъ. Конечно, все его. Мнѣ не жаль. Мнѣ его денегъ не нужно...

— Какъ не нужно? — отрывисто замѣтилъ Данила Павловичъ.

— Да Богъ съ ними, кабы онѣ были. А только гдѣ я ему возьму денегъ лѣтомъ? Свиныхъ сынковъ мнѣ, что ли, не поенными на базаръ, за грошъ везти? Или хлѣбъ, какъ онъ отписываетъ, на корню продать за полцѣны, курамъ на смѣхъ, подлецамъ на разживу?

Матрена Кузьминична перемѣнила тонъ и пѣвучимъ голосомъ проговорила:

— А хлѣба-то какіе здѣсь, Данила Павловичъ! Самъ лучше меня знаешь! Въ ростъ человѣка солома-то, а колосъ—говорить нечего—смотрѣлъ бы, не насмотрѣлся бы! Одно слово благодать, благодать Божія! И экій-то хлѣбъ на корню какому-нибудь кровопійцѣ продать. Да отсохни мои руки, если я возьму за такой хлѣбъ на корню деньги.

— Тоже бились, бились и по осени, и по веснѣ съ землею-то, а тутъ, на, поди, продавай, все за гропгъ,—сказалъ старшій сынъ.

— Я очень радъ, что и вы такъ на это дѣло смотрите,— замѣтилъ Данила Павловичъ.—А я ужъ думалъ, что опять поблажка дядѣ будетъ. Дѣло-то теперь идетъ серьезное, Матрена Кузьминична. Вы, можетъ-быть, даже и не подозрѣваете, что вамъ грозитъ. Дядя, кажется, зарвался со своими постройками, и никакія продажи хлѣба на корню не выручатъ его изъ бѣды.

— Какъ изъ бѣды? Изъ какой бѣды?—всполошилась Матрена Кузьминична и испуганными глазами взглянула на Муратова.

— Да я думаю, что онъ надѣлалъ неоплатныхъ долговъ.

Матрена Кузьминична еще шире открыла глаза.

— Да какъ же такъ? Вѣдь я же ему посылала?

— Да и имѣніе онъ заложилъ.

— Ну!

— Ну, и всего этого мало.

— Да куда же онъ могъ этакую прорву денегъ истратить?

— А постройка домовъ?

— Ну да, такъ, значитъ, теперь дома есть...

— Да, есть они, а доходу покуда съ нихъ нѣтъ...

— Да вѣдь денегъ-то они стоятъ. Продать-то ихъ можно.

— Можно. Ихъ и продадутъ, можетъ-быть, съ молотка за полцѣны. И имѣніе продадутъ.

— Господи, такъ что же это будетъ! — воскликнула, всплеснувъ руками, Матрена Кузьминична.

Она совсѣмъ растерялась и смотрѣла съ недоумѣніемъ то на того, то на другого изъ присутствующихъ.

— А то, что безъ угла останемся,—замѣтилъ старшій сынъ.

Данила Павловичъ серьезно проговорилъ:

— Очень можетъ быть. Но потому-то и надо теперь что можно приберечь да припрятать на черный день.

— А Александра Николаевича въ тюрьму-то, въ яму-то за долги не могутъ посадить? — спросила Марья Кузьминична испуганнымъ тономъ.

— Ну, до этого еще далеко,—отвѣтилъ Муратовъ.—Да я и не знаю его дѣлъ, я только высказываю свои предположенія. Можетъ-быть, дѣла вовсе не такъ дурны, какъ я думаю...

— Ну да! Дѣла—какъ сажа бѣла!—проворчалъ старшій сынъ.

— Да молчи ты, Николка!—прикрикнула Матрена Кузьминична.—Пусть Данила Павловичъ все намъ объяснитъ. Тоже темные мы люди. Ничего-то мы не знаемъ. Что же дѣлать-то намъ?

— Беречь деньги—вотъ все, что могу я посовѣтовать покуда,—сказалъ Муратовъ.—Не посылайте болѣе ни гроша Александру Николаевичу.

— Батюшка, да если онъ въ такой бѣдѣ...

— Грошами вы дѣла теперь не поправите, а каждая копейка нужна на черный день для него же. Вы вотъ это-то помните, а то я вѣдь васъ знаю, вы все готовы ему отдать.

— Да вѣдь все его и есть. У насъ нашего-то что? Ничего своего ни за нами, ни передъ нами.

Она обернулась къ гувернанткѣ:

— Вотъ карты-то и правду сказали. Вчера прикинула на него: большія хлопоты и душевная тревога вышли, такъ оно и есть дѣло-то.

— У васъ ужъ всегда такъ выходитъ, какъ только на Александра Николаевича загадаете, — отрывисто сказала гувернантка.

— Да, всегда такъ, потому что у него большія хлопоты и душевная тревога. Человѣкъ ужъ такой.

Обѣдъ, между тѣмъ, пришелъ къ концу. Матрена Кузьминична перецѣловалась со всѣми и проговорила Данилѣ Павловичу:

— Ну, ужъ теперь я вплоть до твоего пріѣзда изъ Петербурга въ одурѣніи, ровно потерянная, ходить буду... Такъ вотъ мнѣ все и будетъ мерещиться, что его въ яму сажаютъ...

— Ну, объ этомъ и не думайте!—отвѣтилъ Муратовъ.— Думайте объ одномъ, какъ бы денегъ прикопить, да припрятать побольше. И вамъ, и ему онѣ пригодятся.

— У меня ужъ кое-что и есть. Больше полтыщи, должно-быть, есть,—сказала Матрена Кузьминична таинственно.— Откладывала тоже...

— Какъ? Только?—удивился Данила Павловичъ.

— Да на что же намъ было? Слава Тебѣ, Господи, жили на всемъ на готовомъ, что выручала, то ему и отсылала.

— Ну, не думалъ я, что вы такая,—сердито проговорилъ Данила Павловичъ и запнулся, чуть не сказавъ: «дура».—Нужно было и о черномъ днѣ подумать.

— Да какъ же о немъ было думать, когда въ экій рай попали,—сказала Матрена Кузьминична.—Вѣдь ты взгляни, чего у насъ нѣтъ: и птица, и скотина, и лѣса, и поля, и огороды...

Она вдругъ что-то вспомнила и дотронулась до руки Данилы Павловича съ сладкою и таинственною улыбкой на лицѣ.

— А помнишь бычка-то холмогорскаго, что запрошлымъ лѣтомъ выписали! Племя вѣдь пошло. Телочки, ну, вотъ точка въ точку въ него вышли! А-ахъ, и что это за красота, такъ я тебѣ и описать словами не умѣю... Вотъ пойдемъ ужо на скотный дворъ; кстати на птичникѣ покажу, какихъ я индюшекъ завела. По осени вотъ Липѣ пришлю на жаркое своихъ вскормленныхъ...

Матрена Кузьминична задумалась.

— Всего-то этого лишиться, всего!—задумчиво проговорила она, качая головой.

По ея мясистымъ щекамъ медленно потекли слезы.

— Полноте, Матрена Кузьминична, — сказалъ Данила Павловичъ.—Все будетъ, только поступайте осмотрительно

и разсчетливо. Безъ моего вѣдома копейки не посылайте дядѣ. Я завтра же ѣду въ Петербургъ и все разузнаю. Тогда и сообразимъ, какъ поступать и что спасти можно. Всего, конечно, не спасете, а все же нищими не останетесь.

— Да я, голубчикъ, бѣдности да труда не боюсь, они тоже,—проговорила Матрена Кузьминична, указывая на дѣтей:—а такъ взгрустнулось, что вотъ все это теперь есть, и телки, и индюшки...

Она вдругъ оборвала рѣчь и совсѣмъ бодро проговорила:

— Ну, да съ Богомъ спорить не станешь! Сегодня далъ, завтра взялъ, можетъ, это даже и во спасеніе наше! Тоже зазнается человѣкъ въ изобиліи-то.

Она усмѣхнулась.

— Глядишь, тогда и соколъ нашъ вернется во-свояси, какъ крылья-то пообшибутъ въ столицѣ-то, въ Питерѣ-то... Ужъ вѣдь онъ этакъ-то не разъ леталъ-леталъ, а потомъ хроменькимъ да тощенькимъ къ той же Матренѣ Кузьминичнѣ подъ крылышко возвращался...

Она покачала головой.

— И когда это онъ у насъ на свою жердочку навсегда усядется? Вѣдь ужъ пора бы угомониться! Такъ нѣтъ, прыти этой самой ему одному на трехъ человѣкъ отпущено. За то только и полюбила съ самаго первоначалу...

Затѣмъ Матрена Кузьминична повела Данилу Павловича на скотный дворъ и въ птичникъ. Она не могла удержаться, чтобы не показать своихъ сокровищъ. Осматривая все это, Муратовъ понялъ, что дѣйствительно можно всплакнуть, теряя такое хозяйство. Это была въ полномъ смыслѣ слова полная чаша и, нужно прибавить, чаша замѣчательно чистая. На всемъ лежали слѣды того, что за всѣмъ этимъ смотритъ хозяйскій опытный глазъ, что всего этого касается простая, рабочая и притомъ замѣчательно чистоплотная хозяйская рука. Данила Павловичъ впервые съ интересомъ всмотрѣлся въ это хозяйство. Прежде онъ не обращалъ на это вниманія, бывая у тетки. Его поразилъ не только здоровый и веселый видъ животныхъ, но и видъ работницъ и работниковъ. Всѣ эти люди были плотные, здоровые, бодрые, и сама Матрена Кузьминична среди этихъ бабъ съ подоткнутыми подъ пояса юбками, съ здоровыми и бѣлыми обнаженными руками, среди этихъ молодыхъ работниковъ въ чистыхъ ситцевыхъ рубахахъ, и съ бойкимъ видомъ, казалась старшей между равными, а не хозяйкой. Ея сыновья, ея дочь среди этихъ людей были тоже своими людьми, ни-

чѣмъ не отличались отъ нихъ. Данилу Павловича поразилъ даже тотъ тонъ, какимъ говорили всѣ эти люди о животныхъ. Матрена Кузьминична, поглаживая какую-нибудь корову, заявляла: «это вѣдь моя вскормленница, при мнѣ и родилась отъ Рыжухи». Сыновья Матрены Кузьминичны съ блестящими отъ восторга глазами и ласковыми улыбками похлопывали какого-нибудь жеребчика и заявляли, что это «такой конь, что и цѣны ему нѣтъ». Они всѣ говорили объ этихъ животныхъ, точно о своей роднѣ, о своихъ питомцахъ. Оказалось, что у Маши, дочери Матрены Кузьминичны, на-дняхъ горе случилось—ея телочка захворала.

— Ужъ Маша плакала, плакала, спасибо, Николашка запрягъ въ бѣгунцы своего «Стрѣльца» да привезъ ветеринара, тотъ и помогъ телкѣ...

Данилѣ Павловичу даже смѣшно стало: никогда въ жизни не испытывалъ онъ этихъ чувствъ. Онъ былъ бы страшно пораженъ потерею благосостоянія, но, теряя благосостояніе, онъ даже и не задумался бы о томъ, продадутъ или не продадутъ его лошадей и коровъ. Тутъ же люди очень равнодушно смотрѣли на то, что отецъ семьи бросилъ на вѣтеръ всѣ доставшіеся по наслѣдству капиталы и вырученныя отъ хозяйства деньги, и готовы были плакать о томъ, что у нихъ отнимутъ ихъ «Рыжухъ» и «Стрѣльцовъ». Сыновья Матрены Кузьминичны такъ же относились и къ хлѣбу: имъ было жаль продать его на корню, потому что они какъ бы сами вырастили его; ихъ мучило бы сознаніе, что этотъ дозрѣвающій хлѣбъ уже не ихъ, что онъ уже чужой. «Глупый народъ,—мысленно рѣшилъ Данила Павловичъ.—И то сказать, они деньгамъ и цѣны не знаютъ». Отчасти онъ былъ правъ, по крайней мѣрѣ, относительно Матрены Кузьминичны; въ ея головѣ большія цифры укладывались плохо, и она, какъ это ни было странно, готова была скорѣе торговаться изъ-за пяти или десяти рублей при той или другой покупкѣ и продажѣ, чѣмъ размышлять о томъ, сто или двѣсти тысячъ ухлопалъ на домъ ея мужъ.

Находившись до усталости по конюшнямъ и хлѣвамъ, по птичникамъ и огородамъ, Данила Павловичъ сталъ собираться ѣхать. Но Матрена Кузьминична ни за что не отпускала его безъ чаю, говоря, что чай мигомъ приготовятъ, что это ужъ расчета ему во времени не составитъ. Онъ остался. Пока хозяйка хлопотала о чаѣ, Муратовъ заговорилъ съ двоюродными братьями и Воздвиженскимъ.

— Вы ужъ, господа, не давайте Матренѣ Кузьминичнѣ размягчаться. Она, пожалуй, получитъ отъ дяди еще слезное письмо и растаетъ,—говорилъ онъ:—а тутъ нужна твердость.

— Ужь чего тутъ потакать, коли дѣло-то такъ пошло,—сказалъ старшій сынъ Баскакова.—Точно малолѣтокъ нашъ Александръ Николаевичъ, самъ въ петлю лѣзетъ. Набаловала его мать тоже!

— Онъ, Данила Павловичъ, письма-то уже такія пронзительныя пишетъ, что мать, какъ станутъ ей читать ихъ, такъ сейчасъ подопретъ щеку рукой и сама въ слезы,—замѣтилъ младшій братъ, Александръ.

— Да, соловьемъ заливается нашъ Александръ Николаевичъ, вотъ какъ ты, когда «Вороного» купить хотѣлъ,—замѣтилъ ему Воздвиженскій.

— Такъ я «Вороного» на племя просилъ купить, я не въ трубу деньги пустить хотѣлъ,—запальчиво загорячился Александръ и тотчасъ же обратился къ Муратову:—За такого коня, Данила Павловичъ, отдай все и то мало. Видѣли? Вѣдь правду я говорилъ, что упустить изъ рукъ такого коня, такъ лучше и не жить.

— Ну, и настоялъ-таки на своемъ, значитъ?—спросилъ Данила Павловичъ.

— Еще бы?—шутливо сказалъ Воздвиженскій.—У него отъ этихъ просьбъ-то даже животъ къ ночи подвело! Ну, Матрена Кузьминична сейчасъ липоваго цвѣту ему и утѣшенія: «куплю, куплю, только не стони».

Александръ покраснѣлъ, насупился, но тотчасъ же засмѣялся:

— Это я не съ горя, а квасу много въ тотъ день на работѣ выцѣдилъ; на споръ дѣло шло, кто больше наработаетъ, я или Никитка Ивановъ; ну, наработалъ я больше да упарился знатно, напился квасу, животъ и схватило...

— А Ольховатое-то продавать не сейчасъ будутъ?—спросилъ братъ Николай.

— Можетъ-быть, и совсѣмъ не будутъ продавать,—сказалъ Данила Павловичъ.—Во всякомъ случаѣ дѣло протянется долго.

— Мы лошадей и коровъ не дадимъ,—рѣшилъ братъ Александръ.—Это наша скотина.

— Какая же ваша, тутъ все Александру Николаевичу принадлежитъ,—замѣтилъ Данила Павловичъ.—Если что и можно будетъ спасти, то надо будетъ тайкомъ сдѣлать. Ну, да это еще можно будетъ обсудить. Теперь же только хло-

почите, чтобы мать ничего не давала отцу да приберегала деньги. А то съ ея пятьюстами рублями далеко не уѣдете.

— Ну, это-то пустяки! — коротко сказалъ Николай. — Вонъ другіе мужики-то на полтысячи какое хозяйство заводятъ, коли работники въ домѣ есть. А, конечно, больше будетъ, лучше будетъ...

— Да къ тому же намъ только землю нужно, а скотину мы не дадимъ,—опять замѣтилъ братъ Александръ.—Да я лучше застрѣлю «Вороного», а не отдамъ...

Въ его глазахъ сверкнулъ огонекъ, напоминавшій выраженіе, появлявшееся въ глазахъ самого Данилы Павловича и въ глазахъ покойнаго Платона Николаевича Баскакова.

Въ это время подали чай.

Снова начались разговоры, и Данилу Павловича опять удивило, что семья, повидимому, все-таки не понимала размѣровъ грозящей ей бѣды. Всѣ были снова бодры и веселы. Всѣ начали даже подшучивать надъ тѣмъ, какъ это къ нимъ вернется ихъ «строитель» на палочкѣ верхомъ, какъ онъ будетъ «бобы разводить». Вообще отношенія здѣсь всѣхъ къ отсутствующему Баскакову походили на отношенія къ избалованному, любимому ребенку: его и пугнутъ, и головомойку ему зададутъ за шалости, но это такъ только, ради приличія, а не изъ потребности быть строгими. Муратову даже досадно стало, что они всѣ такіе «глупые». Ему хотѣлось сказать, что это потому, что они «горя еще не видали». Но тотчасъ же ему вспомнилась былая жизнь этой семьи, и онъ пожалъ плечами:

— Нѣтъ, горя-то они видѣли много... Обтерпѣлись, что ли?.. Или это просто тупость?—задавалъ онъ себѣ вопросы.

IV.

Пріѣхавъ въ Петербургъ и нанявъ у дебаркадера перваго попавшагося извозчика, Данила Павловичъ не безъ удивленія сталъ вглядываться въ физіономію столицы. Залитый яркими лучами лѣтняго утренняго солнца, городъ имѣлъ странный видъ: казалось, онъ весь перестраивался, передѣлывался, обновлялся. Признаки домостроительной горячки бросались въ глаза повсюду. Лѣса около домовъ встрѣчались въ каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ. Въ то же время шла дѣятельная перестилка мостовыхъ. Рабочіе попадались на каждомъ шагу. Вездѣ пахло известью, асфальтомъ. Добравшись до дома Александра Николаевича

Баскакова, Муратовъ соскочилъ съ дрожекъ, взялъ свой ручной чемоданчикъ и направился къ подъѣзду.

Домъ Баскакова былъ, что называется, съ иголочки, новенькій, изящный и красивый, какъ роскошный кондитерскій пирогъ. Масса лѣпныхъ украшеній, свѣжая масляная краска стѣнъ, подъѣзды съ зеркальными стеклами въ дверяхъ, съ бронзовыми украшеніями, все блестѣло и сверкало на солнцѣ. На подъѣздѣ пріѣзжаго встрѣтилъ швейцаръ въ длинномъ сюртукѣ съ металлическими пуговицами, съ позументомъ на фуражкѣ. Широкая лѣстница поразила Данилу Павловича своимъ изяществомъ и просторомъ. Тутъ было свѣтло, какъ въ фонарѣ: свѣтъ лился сверху изъ стеклянной крыши, съ боковъ сквозь зеркальныя окна и изъ зеркальныхъ дверей подъѣзда. Каминъ съ каріатидами, бѣлыя съ сѣрымъ мраморныя ступени, лѣпныя бѣлыя стѣны, легкія бѣлыя перила съ затѣйливыми узорами, цвѣты на площадкахъ у оконъ, все это было замѣчательно роскошно. На лѣстницѣ не было въ настоящую минуту ковра, но подъ каждой ступенькой были мѣдныя кольца съ продѣтыми въ нихъ мѣдными же прутьями, предназначавшимися для укрѣпленія ковра. Данила Павловичъ спросилъ, у себя ли хозяинъ дома. Швейцаръ отвѣтилъ утвердительно. Муратовъ пошелъ наверхъ, оставивъ чемоданъ у швейцара. Онъ поднялся до бель-этажа и не успѣлъ дотронуться до пуговки электрическаго звонка, какъ тяжелая краснаго дерева дверь отворилась. Швейцаръ снизу далъ знать о посѣтителѣ. Муратовъ сказалъ лакею, въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ, свою фамилію. Черезъ минуту его пригласили въ кабинетъ. Гостиная, залъ и кабинетъ, всѣ комнаты были просторны, высоки, обременены лѣпною работою. Паркетъ половъ вездѣ состоялъ изъ затѣйливыхъ узоровъ. Надъ мраморными каминами были гирлянды лѣпныхъ цвѣтовъ, амуры, каріатиды. Обои на стѣнахъ были охвачены узорчатыми рамками изъ золоченыхъ багетовъ. Несмотря на всю эту роскошь, въ комнатахъ былъ безпорядокъ: образцы обоевъ, багетовъ, лѣпныхъ украшеній, изразцовъ лежали повсюду, и вездѣ, и на лѣстницѣ, и въ комнатахъ, пахло известью, штукатуркой, не было еще жилого запаха. Данила Павловичъ на ходу окидывалъ глазами всѣ мелочи этой обстановки и въ его глазахъ ясно читалось выраженіе иронiи и презрѣнія. Пройдя торопливо нѣсколько комнатъ, онъ вошелъ въ кабинетъ хозяина и засталъ Александра Николаевича среди хаоса всякихъ образцовъ строи-

тельныхъ принадлежностей, окруженнаго нѣсколькими посторонними лицами. Баскаковъ, сильно потолстѣвшій, значительно облысѣвшій, съ серебристой просѣдью, но все еще подвижной и оживленный, бросился къ племяннику съ распростертыми объятіями.

— Данила, какими судьбами? Надолго ли?—воскликнулъ онъ, широко обнимая и крѣпко цѣлуя племянника.

— По дѣламъ, дней на пять, на шесть, прямо съ желѣзной дороги,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— А вещи гдѣ?

— Я на лѣстницѣ чемоданчикъ оставилъ, внизу; къ вамъ завернулъ только для того, чтобы обнять васъ, а потомъ въ гостиницу куда-нибудь...

— Сумасшедшій! сумасшедшій! Да развѣ я пущу? У меня тутъ полкъ помѣстить можно, а онъ въ гостиницу! Иванъ! Возьми у швейцара чемоданъ барина и принеси сюда!

Лакей вышелъ.

— Но я васъ стѣсню,—началъ Данила Павловичъ.

— Молчи, молчи! Вотъ чудачина-то! Онъ меня стѣснитъ! Ха-ха-ха! Что выдумалъ!

Баскаковъ еще разъ обнялъ племянника и шепнулъ ему:

— А ужъ какъ же мы кутнемъ, mon bon!

И онъ чмокнулъ кончики пальцевъ.

— Здѣсь, братъ, все это тонко можно устроить! Если бы не дѣла, право, замотался бы совсѣмъ тутъ! Но ахъ, дѣла, дѣла! Ты взгляни, чего тутъ нѣтъ. Все это надо пересмотрѣть, попробовать! Вѣдь у меня цѣлое домостроительное министерство!.. Нѣтъ, каковъ домъ-то я воздвигъ? А? видѣлъ? Да это что! Другіе дома во сто разъ лучше будутъ. Ты знаешь, я планъ одного дома три раза передѣлывалъ и каждый разъ мнѣ возвращали его назадъ. Почему! Какъ думаешь?

— Право, не знаю.

— Роскошенъ слишкомъ показался! Лучше дворцовъ бы вышелъ. Такъ и помѣтка была сдѣлана: «упростить». А? Упростить! Золотые купола хотѣлъ я пустить. Въѣздъ къ дому подъ колоннадой хотѣлъ сдѣлать. Лучше, чѣмъ у Эрмитажа. Право! Архитекторъ нарочно для моего дома въ Италію ѣздилъ. Изучалъ стиль лучшихъ палаццо въ Венеціи. Талантливъ, бестія. Посмотрѣть —обезьяна, а увидишь работы его—геній, геній!

Послышалось легкое покашливанье, точно кто-то хотѣлъ заявить о своемъ существованіи.

— Такъ какъ же Лександра Николаевичъ, камины-то сѣрые пустимъ аль бѣлаго мрамора? — вдругъ раздался голосъ одного изъ присутствующихъ не то купцовъ, не то мѣщанъ.

— Ахъ, да, камины... Забылъ совсѣмъ, братецъ, что не кончилъ... Ты меня извини, mon cher, я сейчасъ... Вотъ сигары...

Александръ Николаевичъ засуетился, порылся на столѣ и подалъ племяннику ящикъ съ дорогими сигарами съ золочеными кончиками.

— Мы сейчасъ будемъ завтракать, я въ минуту раздѣлаюсь... Да, такъ насчетъ каминовъ... Я думаю, братецъ, что для гостиныхъ сѣрые лучше, а для залъ непремѣнно бѣлые. Мы такъ и уговаривались съ Карломъ Карловичемъ. Ты къ нему заверни и рѣшайте безъ меня...

— Тоже подоконники, значитъ, изъ одного матерьяла пущать съ каминами?

— Да, да, непремѣнно! Ахъ, ты, чудакъ! Какъ же иначе? Все должно гармонировать одно съ другимъ. Я уже говорилъ объ этомъ съ Карломъ Карловичемъ. Онъ тебѣ объяснитъ.

Мѣщанинъ усмѣхнулся.

— Пальцами все больше; на языкъ-то тоже не боекъ... Только ругаться по-русски насобачился, а то ничего не поймешь...

Александръ Николаевичъ расхохотался.

— Ахъ, шерочка,—обратился онъ къ Муратову.—Ты не повѣришь, что за умора, когда они объясняются съ Карломъ Карловичемъ. Это ума помраченіе. Онъ, Карлъ Карловичъ, только и твердитъ «понимай, понимай!» на всѣ объясненія, а они, — Баскаковъ указалъ на бородатыхъ мѣщанъ и купцовъ:—на всѣ его рѣчи отвѣчаютъ ему: «ферште, ферште!» Это, изволишь ли видѣть, онъ по-русски, а они по-нѣмецки объясняются. Потѣха!

Онъ быстро обернулся къ подрядчикамъ и проговорилъ:

— Однако, вы ужъ идите къ нему сегодня, а меня освободите, братцы! Я сегодня отпускъ беру у васъ! Да-съ, нужно же и Александру Николаевичу отдохнуть!..

— А счетъ-то, Лександръ Николаевичъ,—замѣтилъ одинъ изъ мѣщанъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Да, да, счетъ! Ну да, счетъ я просмотрю...

— Нужно бы деньжонокъ-то... Времена-то тугія...

— Лазарь! Лазарь!..

— Будешь Лазаремъ, если до зарѣзу нужно!..

— Знаю, знаю, что нужно... Ужъ просижу ночь. Тоже, братецъ, такъ я зря платить не стану, не просмотрѣвъ счетовъ... Денежка, братъ, счетъ любитъ, а Александръ Николаевичъ на вѣтеръ денегъ не бросаетъ!..

— Это извѣстно, только ужъ нужно больно...

— Знаю, знаю и потороплюсь. Дѣла-то тоже у меня выше головы. Я вѣдь одинъ, а васъ много. Вы-то вотъ каждый по одному счетцу принесете, а я одинъ сотни ихъ долженъ провѣрить... Мнѣ не легко!.. Ну, такъ прощайте!

Бородачи, вздыхая, откланялись и кто стуча ногами, кто осторожно на цыпочкахъ неловкой походкой выбрались вонъ.

— Уфъ!—вздохнулъ, отдуваясь, Баскаковъ.—Умаютъ за утро-то! Вѣдь это съ девяти часовъ каждый Божій день я такъ-то съ ними вожусь. То тотъ, то другой, тутъ образцы, тамъ планы, тутъ на строенье надо идти, тамъ на фабрику ѣхать... Голова кругомъ идетъ!

— Извините, дорогой мой Александръ Николаевичъ, что я васъ обезпокою еще одной справочкой,—осторожно, вкрадчивымъ голоскомъ перебилъ его какой-то невзрачно одѣтый пожилой и толстенькій господинъ съ скромно зачесанными впередъ жиденькими волосами, съ гладко выбритыми щеками вербнаго херувима, съ смиреннымъ видомъ скромника, въ довольно потертомъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ.

Баскаковъ точно испугался: онъ забылъ, что въ комнатѣ есть еще постороннее лицо.

— Чѣмъ могу служить, почтеннѣйшій Иванъ Дмитріевичъ?—спросилъ онъ его.

— Это залъ, должно-быть, обозначаетъ?

— Да, залъ.

— Такъ-съ! Очень большой залъ. А нельзя ли его раздѣлить на двѣ комнаты?

— Да, но тогда придется потолокъ передѣлывать. Тамъ лѣпныя украшенія. Ихъ надо тогда уничтожить и сдѣлать новыя.

— Скажите, жалость какая!

— Да что же вамъ залъ мѣшаетъ?

— Помилуйте; много ли найдется жильцовъ, которымъ нуженъ такой залъ? Неразсчетливо вы это сдѣлали...

— Ну, вы не скажите этого. Богатые люди переѣдутъ.

— Гдѣ нынче богатые люди?—со вздохомъ сказалъ посѣтитель. — Нѣтъ нынче богатыхъ людей, а если и есть, такъ тѣ поприжались. На что имъ такіе залы?

— Но вѣдь это можно и передѣлать.

— Да, да, и надо будетъ передѣлать, а то какъ можно квартиру съ такимъ заломъ оставить... Вотъ осмотрѣть еще бы все это...

— Да, только ужъ не сегодня... Вы меня и такъ дѣлами завалили...

— Нѣтъ, зачѣмъ же,—подобострастно произнесъ старикъ.—Я завтра зайду... Часовъ такъ въ девять заверну... Завтра... Извините за безпокойство... Честь имѣю кланяться.

Посѣтитель неторопливо поднялъ со стула шляпу, бережно отряхнулъ ее рукавомъ, раскланялся и неспѣшной, осторожной походкой вышелъ.

— Уморитъ онъ меня, уморитъ, бестія! — воскликнулъ Баскаковъ, бросаясь въ кресло.

— Кто же это?

— Хвостовъ... кое-какія дѣлишки мнѣ обдѣлывалъ... въ конторѣ у меня занимается...

— Да кто онъ такой?

— А чортъ его знаетъ! Знаю, что онъ обожаетъ меня, какъ институтка, а кто онъ, право же, чортъ знаетъ!

— Какъ чортъ знаетъ! Зачѣмъ же онъ ходитъ?

— Говорю тебѣ, служитъ у меня. Но это не бѣда бы, а вотъ бѣда, что домъ у меня онъ теперь торгуетъ, помочь мнѣ хочетъ...

Данила Павловичъ расхохотался.

— Да это нищій какой-то!

— Ну да, нищій!.. Плюшкинъ и хуже его одѣвался... Да, можетъ-быть, онъ и не отъ себя... Кто-нибудь подсылаетъ... Вѣдь каждый день говоритъ, всѣ планы осмотрѣлъ, всѣ дома обходилъ, даже по недостроеннымъ, по лѣсамъ лазаетъ... Даромъ тоже мучить себя не сталъ бы человѣкъ... старикъ вѣдь...

— Да, можетъ-быть, онъ просто сумасшедшій...

— Ну-у!—недовѣрчиво проговорилъ Баскаковъ и нахмурился.—Ну, да чортъ съ нимъ. Я, впрочемъ, къ нему привыкъ. День, два не вижу, такъ чего-то недостаетъ...

Потомъ онъ опять нахмурился, мрачно почесалъ у себя въ затылкѣ, крякнулъ и махнулъ рукою.

— Штука-то скверная, зарвался я немного, такъ поневолѣ за все хватаешься, чтобы извернуться... Тоже вѣдь стоитъ прекратить платежи—и все рухнетъ, а вѣдь я уже почти у берега...

Онъ прошелся по комнатѣ.

— Да развѣ у васъ запутаны дѣла? — спросилъ простодушнымъ тономъ Муратовъ, точно ничего не зная и не понимая.

— А? — откликнулся Баскаковъ. — Дѣла? Три милліона долгу и одинъ построенный домъ, гдѣ покуда единственный жилецъ я.

Данила Павловичъ широко открылъ глаза. На его лицѣ изобразилось просто выраженіе ужаса. Онъ ожидалъ, что услышитъ нѣчто неутѣшительное, но такихъ цифръ не ждалъ. Баскаковъ взглянулъ на него и громко расхохотался.

— О, провинція, провинція, я узнаю тебя! Три милліона,—тебѣ уже такъ и кажется, что меня волокутъ въ долговое, назначаютъ конкурсъ, признаютъ злостнымъ банкротомъ, ссылаютъ... Нѣтъ, простота, нѣтъ. Шесть милліоновъ, девять милліоновъ задолжаю и выйду изъ дѣла богачомъ. Съ предпріимчивостью все возможно. Это только вы тамъ въ провинціи на одномъ дѣлѣ, какъ курица на яйцахъ, сидите, и боитесь расширить свое дѣло. Такъ нельзя. Non, non, mon bon! Чтобы нажиться, нужно быть американцемъ. Да!

Лакей вошелъ доложить, что поданъ завтракъ.

— Вотъ и отлично!—сказалъ Баскаковъ.—Соловья баснями не кормятъ, да и за бутылкой добраго вина говорится веселѣе.

Дядя и племянникъ прошли въ столовую, отдѣланную подъ дубъ, съ массивной дубовой мебелью, съ дубовымъ буфетомъ, похожимъ на готическую церковь, съ рельефными медальонами на стѣнахъ, изображавшими дичь. На полу лежали цѣлыя груды изразцовъ, очевидно представлявшихъ образцы. Родственники усѣлись за столъ и принялись завтракать. Баскаковъ ѣлъ и пилъ съ аппетитомъ наработавшагося за двоихъ человѣка. Это не мѣшало ему ораторствовать съ сильнымъ одушевленіемъ убѣжденнаго человѣка, обращающаго въ свою вѣру новичка.

— У насъ, въ Россіи, все въ застоѣ. А знаешь ли почему?—заговорилъ онъ. — Потому что мы старовѣры-рутинеры, потому что въ насъ нѣтъ духа предпріимчивости, потому что мы на печи лежимъ! «Россія страна земледѣльческая», натвердили намъ съ дѣтства. Вотъ мы и воздѣлываемъ землю по системѣ, господствовавшей при царѣ Горохѣ. Изъ Россіи идетъ за границу сырье. Вотъ мы и готовимъ только сырье... Наши дѣды пускали капиталы въ торговлю. Вотъ и мы торгуемъ, сидя на своемъ базарѣ.

Что-нибудь новое изобрѣсти,—какъ это можно! Отцы наши такъ жили, такъ и мы живемъ. А ты взгляни на американцевъ. Что такое американцы? Люди, родившіеся въ Америкѣ, скажешь ты. Нѣтъ, нѣтъ, шерочка, не то! Я вотъ тебѣ объясню. Вчера сапожникъ, сегодня домостроитель, завтра газетчикъ, послѣзавтра президентъ республики! Ты видишь милліонера, ты думаешь: онъ и вчера былъ милліонеромъ и завтра будетъ милліонеромъ? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Онъ двадцать разъ прогоралъ, можетъ быть, и еще прогоритъ, и еще, но за одно ты можешь поручиться, за то, что онъ не сложитъ рукъ и вынырнетъ изъ всякой пучины. Вотъ что такое американецъ!

Потомъ, сильно жестикулируя, онъ заговорилъ о себѣ. Онъ всегда былъ по натурѣ предпринимателемъ. У него кровь южанина. Онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Онъ много ѣздилъ, много видѣлъ. Онъ былъ актеромъ и содержателемъ театра, и думалъ издавать газету. При покойномъ братѣ Платонѣ онъ не имѣлъ средствъ, но послѣ смерти Платона у него въ рукахъ очутилось имѣніе. Онъ думалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, но это не то, что теперь нужно. О, нѣтъ, совсѣмъ не то! Теперь время развитія промышленности. Попавъ въ Петербургъ, чтобы пріискать квартиру для семьи, такъ какъ дѣтей пора воспитывать въ столицѣ, онъ случайно натолкнулся на животрепещущій вопросъ — на вопросъ о квартирахъ. Петербургъ растетъ, а квартиръ мало. Петербургъ вопіетъ о квартирахъ! Постройка домовъ теперь самое насущное и прибыльное дѣло. Онъ не сталъ искать себѣ квартиры, рѣшившись года на два оставить семью въ деревнѣ, и самъ занялся изученіемъ приглянувшагося ему дѣла.

— Ты понимаешь: тутъ пустырь, тамъ среди города деревянныя лачуги, въ третьемъ мѣстѣ цѣлую улицу можно застроить—это вѣдь золотыя розсыпи для предпріимчиваго человѣка! Я сошелся съ архитекторами, началъ ощупывать почву, вникать въ дѣло. Зря я ничего не дѣлаю! Я увидалъ, что Петербургу не только недостаетъ домовъ, но что ему недостаетъ европейски устроенныхъ домовъ. Развѣ это столица? Это скверный курятникъ! Да! Я поѣхалъ съ однимъ архитекторомъ за границу изучать дѣло. Я, знаешь, немного педантъ въ этомъ случаѣ. Я люблю все изучить, за что берусь, чтобы стоять на высотѣ своего положенія. Такъ брать съ налету—нѣтъ, это не мой жанръ!

Затѣмъ полились изліянія восторговъ, вызванныхъ воспо-

минаніями о Парижѣ—о наполеоновскомъ Парижѣ, созданномъ Османомъ. Въ Парижѣ онъ увидалъ еще яснѣе, какъ мы отстали отъ Европы, какъ намъ надо подтянуться. У него зародились въ головѣ гигантскіе планы новыхъ палаццо. Чтобы ихъ построить, нужны были милліоны. Но стоило ли думать о деньгахъ? Деньги всегда найдутся, лишь бы была предпріимчивость. Тутъ, наконецъ, возможны обороты, закладывать можно землю, первый этажъ, второй этажъ, два раза, три раза можно закладывать домъ. Это, конечно, немного не по-старому, не по-русски, но у насъ, въ Америкѣ...

Данила Павловичъ не выдержалъ и осторожно чуть не со страхомъ прервалъ Баскакова.

— Вы, дядя, посѣтили и Америку?

— А?—откликнулся Баскаковъ, точно падая съ облаковъ на землю.—Америку?.. Америку?..

Онъ перевелъ духъ и совсѣмъ небрежно, безъ всякаго смущенія отвѣтилъ:

— Да я же, mon cher, бывалъ прежде въ Америкѣ... тебя тогда еще и на свѣтѣ не было!

Потомъ онъ быстро перешелъ къ другимъ предметамъ, какъ бы торопясь устранить всѣ дальнѣйшія разсужденія о посѣщеніи Америки. Ему самому было какъ-то странно, что онъ не былъ въ ней; ему даже не хотѣлось вѣрить, что онъ точно не былъ тамъ, потому что былъ убѣжденъ, что дѣйствуетъ именно такъ, какъ тамъ, у насъ въ Америкѣ. Въ эту минуту лакей доложилъ о приходѣ господина Цвѣнтеховскаго.

— Проси, проси!—торопливо проговорилъ Баскаковъ и обратился къ Муратову:

— Это комиссіонеръ, продаетъ мнѣ домъ. Торгуется только бестія изъ-за десяти тысячъ, говоритъ, что его довѣритель непремѣнно требуетъ этой уступки.

— А онъ отъ кого?—спросилъ Муратовъ.

— Такъ онъ тебѣ и скажетъ! Тогда бы я поѣхалъ прямо къ его довѣрителю, и онъ вмѣсто двухъ-трехъ тысячъ комиссіонныхъ получилъ бы шишъ.

Въ комнату вошелъ длинный, худой господинъ съ сильно выраженнымъ еврейскимъ типомъ.

— Прошу извинить, я помѣшалъ, быть-можетъ, но мнѣ съ вами еще надо поговорить,—проговорилъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ.—Третьяго дня перестудился и потому не могъ визитовать васъ...

— Ничего, ничего, милости просимъ. Это мой племянникъ Данила Павловичъ Муратовъ. Не угодно ли закусить?

— Благодарю!

Посѣтитель усѣлся къ столу и съ аппетитомъ принялся за завтракъ.

— И скажите, зачѣмъ опять былъ у васъ этотъ господинъ Хвостовъ? Я его встрѣтилъ на лѣстницѣ,—проговорилъ посѣтитель.

— Сами знаете, онъ у меня служитъ, ну, и тоже домъ мой торгуетъ,—сказалъ Баскаковъ.

— Это глупство одно! У него же ничего нѣтъ.

— Ну, не говорите, мы къ нему въ карманъ не заглядывали.

— Да я же знаю. Вамъ съ моимъ довѣрителемъ гораздо-таки выгоднѣе обдѣлать дѣло.

— Да вашъ довѣритель меня вотъ цѣлый мѣсяцъ за носъ водитъ.

— А, домъ пріобрѣсти — не булку купить! Мой довѣритель долженъ подумать съ этимъ дѣломъ. Конечно, это очень прекрасный домъ, но вѣдь и денегъ нужно много. Деньги это такая вещь, что съ нею не легко разстаться. Возьмите немножко терпѣнія. Мой довѣритель человѣкъ вѣрный. Я отъ кого-нибудь съ вѣтру не пришелъ бы съ вами говорить, потому тутъ моя выгода.

— Да я все это понимаю, только ждать-то мнѣ не приходится,—нетерпѣливо отвѣтилъ Баскаковъ.

— Что дѣлать, что дѣлать! Вотъ еще послѣднія справки мнѣ надо взять и тогда сейчасъ кончимъ. Могу я взять у васъ полчаса времени?

— Съ удовольствіемъ, хотя, кажется, мы все обговорили.

— Нѣтъ, еще кое-что нужно...

Данила Павловичъ поднялся съ мѣста.

— Я, дядя, переодѣнусь и поѣду по дѣламъ.

— Хорошо, mon cher. Но обѣдаемъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, сегодня придется много рыскать.

Данила Павловичъ откланялся и вышелъ. Его чемоданчикъ перенесли уже въ одну изъ свободныхъ комнатъ. Муратовъ прошелъ туда, наскоро переодѣлся и вышелъ изъ дома. Едва онъ успѣлъ спуститься по лѣстницѣ, какъ къ нему подошелъ господинъ Хвостовъ. Смотря на Муратова искоса своими растерянными голубыми глазами, онъ приподнялъ шляпу и мягко проговорилъ:

— Извините, не имѣю чести быть знакомымъ съ вами, но долженъ васъ обезпокоить.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Муратовъ, удивленный этой встрѣчей.

— Вы племянникъ господина Баскакова, нашего дорогого и уважаемаго Александра Николаевича, и потому, конечно, желаете ему добра. Его нужно предупредить, его могутъ надуть. Онъ вѣдь геній и притомъ ангелъ! Да-съ, я такъ на него смотрю! Дѣло, изволите ли видѣть, вотъ въ чемъ... Впрочемъ, извините, я, можетъ-быть, васъ задерживаю? Вы въ какую сторону отправляетесь?

— Мнѣ нужно на Невскій...

— И прекрасно, потому мнѣ все равно, въ какую сторону идти. Значитъ, я дорогой и объясню...

Хвостовъ тяжело вздохнулъ и пошелъ съ Муратовымъ. Онъ начиналъ интересовать Данилу Павловича.

— Изволите ли видѣть, къ вашему дядюшкѣ прошелъ Цвѣнтеховскій,—осторожно началъ Хвостовъ. — Это комиссіонеръ. У него на карточкахъ начертано: «ходатай по судебнымъ дѣламъ», но онъ просто комиссіонеръ. Онъ себя полякомъ называетъ, но вы не вѣрьте, онъ просто жидъ, польскій-съ жидъ, пархатый. Польскіе жиды всегда себя поляками называютъ, а они-съ не поляки, а жиды. Ахъ, что это за люди, что за люди, вы и вообразить не можете! Я былъ-съ въ западномъ краю, я на нихъ насмотрѣлся. Съ отца и съ матери шкуру готовы содрать, съ живыхъ-съ!

— Но я не понимаю, зачѣмъ...

Хвостовъ не далъ Муратову кончить фразы.

— Позвольте-съ,—горячо заговорилъ онъ.—Этотъ Цвѣнтеховскій ходитъ къ вашему дядюшкѣ торговать домъ, якобы отъ какого-то довѣрителя. Но фамиліи этого довѣрителя не говоритъ. Это, видите ли, потому, что иначе вашъ дядюшка самъ обратился бы къ его довѣрителю. Это все-съ одинъ пуфъ.

Муратовъ вопросительно взглянулъ на своего собесѣдника.

— Да-съ, одинъ пуфъ!—повторилъ тотъ серьезно.—Это у нихъ, у комиссіонеровъ, всегда такъ. Никакихъ такихъ довѣрителей у нихъ нѣтъ, а бѣгаютъ они сами и создаютъ себѣ дѣла. Къ одному бѣгутъ и говорятъ, что имъ поручено купить, къ другому бѣгутъ и говорятъ, что имъ поручено продать. Бываетъ, что иногда дѣло и выгоритъ, то-есть найдется или продавецъ, или покупатель, а большею частью ничего изъ этого не выходитъ, такъ-таки равно ничего.

— Но чѣмъ же дядя-то тутъ рискуетъ?

— Какъ чѣмъ-съ? Именемъ-съ, реноме своимъ! Вѣдь этотъ Цвѣнтеховскій весь Петербургъ обѣгаетъ и вездѣ сообщитъ, что господинъ Баскаковъ нуждается, что онъ радъ даже на уступки идти, только бы продать домъ. Это-съ кредитъ подрываетъ. Да, наконецъ, если бы даже и нашелъ комиссіонеръ покупщика, то для чего терять деньги за комиссію! Безъ посредства комиссіонеровъ куда выгоднѣе.

— Да, а если нѣтъ покупщиковъ?

— Но я же покупаю. Мнѣ только нужно время, чтобы сообразить всякіе обороты, и тогда дѣло въ шляпѣ. Вѣдь при соображеніи все можно... Я вѣдь не торговался, я не сбавлялъ цѣны, я не изъ-за комиссіонныхъ процентовъ хлопочу, я беру домъ за себя.

Онъ дотронулся до руки Данилы Павловича.

— Я-съ душу бы свою заложилъ, чтобы оказать услугу Александру Николаевичу, потому это геній и притомъ ангелъ. Мнѣ его жаль, его спасти хочется... Я и спасу-съ...

Муратовъ взглянулъ на своего собесѣдника. Онъ былъ въ поношенной шляпѣ, въ потертомъ пальто.

— Да у васъ есть деньги?—рѣзко спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, но онѣ будутъ. Теперь деньги легко добыть въ Петербургѣ коммерческимъ способомъ и банковскими оборотами. Это просто теперь дѣлается. Записываетесь вы въ члены общества взаимнаго кредита или другого какого-нибудь банка и вамъ открывается кредитъ въ десять разъ противъ вашего взноса. Въ двухъ, въ трехъ обществахъ можно быть разомъ членомъ и большія суммы получить.

— Вы членъ какого-нибудь банка?

— Ахъ, если бы я былъ членомъ, развѣ я сталъ бы медлить воспользоваться кредитомъ? Мнѣ вѣдь тоже домъ нуженъ, чтобы обезпечить семью. Я человѣкъ не богатый.

— Но позвольте, какъ же вы думаете купить домъ?

— Ахъ, мы живемъ въ такое время, когда каждому, даже бѣдному человѣку открыты дороги къ обезпеченію семьи. Я-съ это все обдумалъ и разсчиталъ. Я не на фу-фу дѣйствую. У меня, видите ли, двѣ дочери. Ихъ жизнь можно застраховать. Въ хорошія деньги можно застраховать. Потомъ-съ эти самые полисы принимаются въ банкъ въ залогъ. Такимъ образомъ сразу реализуется извѣстная сумма денегъ. Эту сумму вносишь въ банкъ и получаешь кредитъ ровно въ десять разъ больше этой суммы. Такъ-съ. Если не торопиться, не спѣшить, то можно полученныя деньги

внести въ другой банкъ и получить еще въ десять разъ больше.

Муратовъ смотрѣлъ недоумѣвающими и почти испуганными глазами на своего собесѣдника, не понимая, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, съ дуракомъ или съ маніакомъ. Но Хвостовъ продолжалъ съ одушевленіемъ.

— Одинъ мой знакомый-съ такимъ образомъ шестьсотъ тысячъ долговъ надѣлалъ. Шестьсотъ тысячъ! Это вѣдь больше полумилліона. А съ такими деньгами не одинъ домъ купить можно, а построить—да построить на такія деньги чуть не весь Невскій проспектъ можно. Вѣдь дома-съ теперь какъ строятся? Покупаешь землю—закладываешь, возведешь первый этажъ—закладываешь, второй достроишь—закладываешь. А выстроилъ весь домъ—подъ первую закладную берешь, подъ вторую закладную берешь. Конца, я вамъ скажу, этимъ оборотамъ нѣтъ. Да-съ, оборотливый человѣкъ теперь съ голоду не умретъ. Вотъ мой знакомый, о которомъ я вамъ говорилъ, что шестьсотъ тысячъ долгу надѣлалъ, такъ у того дѣтей не было, самъ ужъ былъ не молодъ, своей жизни не могъ застраховать, такъ онъ что сдѣлалъ—взялъ да всѣхъ своихъ знакомыхъ изъ молодежи и застраховалъ да полисы и заложилъ. Одного писателя даже заложилъ. Съ этого и началъ карьеру. Ей Богу-съ! И такимъ образомъ шестьсотъ тысячъ долговъ надѣлалъ.

Старичокъ говорилъ смиреннымъ и жалобнымъ тономъ. Муратовъ не выдержалъ и захохоталъ.

— Чудакъ вы этакій! Нашли чему завидовать: громадному долгу!

— А то какъ же?—съ удивленіемъ спросилъ собесѣдникъ.—Да при такомъ долгѣ вѣрныхъ пятьдесятъ-шестьдесятъ тысячъ можетъ остаться въ карманѣ, если даже и обанкротишься. Но вѣдь тутъ банкротство ужъ послѣднее дѣло, а прежде всего на шестьсотъ тысячъ какіе обороты можно дѣлать! Я все это высчиталъ. Я-съ математикъ хорошій, постоянно выкладки въ свободное время дѣлаю, на какія суммы что можно пріобрѣсти...

Онъ началъ пространно говорить о результатахъ своихъ выкладокъ. Муратову начинало надоѣдать говорить съ этимъ безумцемъ. Онъ рѣзко замѣтилъ ему:

— Ну, пока вы выкладки дѣлаете, у дяди, вѣроятно, найдется настоящій богатый покупщикъ на домъ.

— Нѣтъ-съ, богатый скоро не найдется,—съ увѣренностью отвѣтилъ старикъ.—Богатые не пойдутъ теперь покупать.

— Это отчего?

— Выжидать будутъ.

— Чего?

— Разоренія.

Муратовъ взглянулъ на старика.

— Да-съ. Какой же расчетъ богатымъ торопиться? Вашъ дядюшка непремѣнно разорится, и тогда дома его съ молотка пойдутъ. Тогда богатые и явятся. Я ихъ знаю-съ. Это коршуны, они сидятъ и выжидаютъ добычу. Кто богатъ, тотъ разсчетливъ и осмотрителенъ.

— Но дядя далеко не въ такомъ безвыходномъ положеніи, чтобы его имущество продалось съ молотка.

— Не говорите-съ этого! Александръ Николаевичъ увлекся. Онъ, что называется, зарвался. Онъ думалъ, что всѣ его дома такъ по щучьему велѣнью и вырастутъ, какъ грибы, и началъ ихъ строить разомъ, наполовину въ долгъ. Но это было бы еще ничего, а то онъ обязался долги-то въ срокъ заплатить и принялъ условія неустоекъ. Теперь случись, что онъ не отдастъ одного долга, глядишь, этотъ долгъ чуть не вдвое увеличится ради неустойки, а тамъ подойдетъ срокъ другого платежа и опять неустойка! Очень ужъ онъ отважный человѣкъ... одно слово, геній и притомъ ангелъ!

— Да вы его дѣла, кажется, лучше его самого знаете.

— Интересуюсь всѣми этими оборотами,—скромно замѣтилъ старикъ. — Потомъ-съ, въ чемъ могу, помогаю... Я у нихъ счетной частью занимаюсь... И тоже вникаю во все... Для моихъ соображеній всѣ эти дѣла нужно знать, чтобы умѣть дѣйствовать осмотрительно самому. Вотъ тоже этотъ способъ построекъ на широкую ногу. Я одобряю разныя нововведенія, но нужно быть практичнымъ и не бросать денегъ на ненужныя украшенія.

Онъ сталъ распространяться о новыхъ постройкахъ. Но Муратовъ былъ уже у цѣли своего путешествія и долженъ былъ распрощаться со старикомъ.

V.

Данилѣ Павловичу казалось, что онъ провелъ нѣсколько часовъ въ обществѣ сумасшедшихъ. Дядя, надѣлавшій безъ оглядки три милліона долговъ, Цвѣнтеховскій, толкующій о покупкѣ дома и торгующійся изъ-за десяти тысячъ, не имѣя еще покупщика, нищій Хвостовъ, желающій купить домъ безъ гроша денегъ, чтобы выручить Баскакова, всѣ

эти люди, очевидно, были не въ своемъ умѣ, это были жертвы обуявшаго всѣхъ духа аферъ. Муратовъ былъ слишкомъ практиченъ для того, чтобы задумываться объ этихъ людяхъ, объ ихъ умственныхъ способностяхъ, когда у него на рукахъ было сложное дѣло — спасеніе семьи дяди отъ нищеты. Онъ уже ясно сознавалъ, что дядя летитъ въ пропасть разоренія, что нужно ковать желѣзо скорѣе. Въ головѣ молодого человѣка быстро вырабатывались планы того, что и какъ нужно сдѣлать. Прежде всего онъ рѣшился отправиться на дачу къ Аделандѣ Александровнѣ, жившей на Каменномъ островѣ. Направляясь къ ней, онъ всю дорогу думалъ о своихъ планахъ, не обращая вниманія ни на что, и по его лицу скользнула самодовольная усмѣшка. Онъ былъ, видимо, доволенъ, состоявшимися въ его головѣ комбинаціями.

Данила Павловичъ давно не встрѣчался съ Аделаидой Александровной Муратовой,—не встрѣчался съ нею съ того самаго времени, когда она выскользнула изъ его рукъ и вышла замужъ за его старшаго брата Аркадія. Молодые мужъ и жена уѣхали въ Петербургъ, и всякія сношенія между ними и Данилой Павловичемъ были прерваны на долго. Возобновились отношенія между ними только по поводу женитьбы отца Аделанды Александровны, Александра Николаевича Баскакова, на Матренѣ Кузьминичнѣ, когда Аделаида Александровна обратилась къ Данилѣ Павловичу въ письмѣ съ вопросомъ, нельзя ли помѣшать этой свадьбѣ. Хотя свадьбѣ помѣшать было невозможно, но можно было оказать нѣкоторое вліяніе на Александра Николаевича въ томъ отношеніи, чтобы онъ не передалъ своего имѣнія въ руки своей второй жены и прижитыхъ съ нею дѣтей. Послѣ этой переписки между Данилой Павловичемъ и Аделаидой Александровной завязалась новая переписка по поводу просьбы Данилы Павловича похлопотать о немъ въ Петербургѣ по какому-то дѣлу, касавшемуся постройки желѣзной дороги. Эта переписка, мало-по-малу, уяснила Данилѣ Павловичу, и Аделаидѣ Александровнѣ то, что они могутъ при случаѣ быть полезными другъ другу, и Данила Павловичъ съ свойственнымъ ему страстнымъ увлеченіемъ и съ полною откровенностью написалъ: «работай ты для меня въ Питерѣ, а я для тебя здѣсь поработаю, и оба не будемъ въ накладѣ». Это письмо пришло къ Аделандѣ Александровнѣ какъ разъ въ то время, когда она уже изумляла и возмущала весь петербургскій «свѣтъ» своею роскошью,

купленною дорогою цѣною, сближеніемъ съ богатымъ евреемъ Гельфрейхомъ,—и она улыбнулась, прочитавъ предложеніе «наивнаго провинціала». Онъ говоритъ, что онъ будетъ полезенъ ей. Но развѣ теперь ей нужна чья-нибудь помощь? И чѣмъ можетъ помочь ей какой-то мелкій провинціальный «подрядчикъ»? Она пожала плечами, еще разъ просмотрѣла письмо, замѣтила даже съ улыбкой, что оно испещрено грамматическими ошибками, какъ счетъ какого-нибудь лавочника, и бросила его въ каминъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ ея головѣ промелькнула мысль о томъ, что «Данила все-таки добрый». Ей вспомнилось все прошлое, вспомнилось, какъ оригинально сватался за нее Данила Павловичъ, какъ онъ стиснулъ ее въ саду въ своихъ здоровыхъ объятіяхъ, какъ она тогда была готова и смѣяться, и плакать, и ей захотѣлось снова увидать этого «наивнаго дикаря», этого «смѣшного провинціала», этого «добродушнаго простяка». Она написала ему милое, ласковое письмо, говоря, что онъ всегда найдетъ въ ней друга, готоваго помочь ему во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько мелкихъ «трудныхъ случаевъ жизни» дѣйствительно явилось у Данилы Павловича, и онъ нашелъ въ Петербургѣ «руку». Эта «рука» была Аделаида Александровна или, лучше сказать, баронъ Гельфрейхъ, плясавшій подъ ея дудку. Но, находясь въ самыхъ тѣсныхъ, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, родственники все-таки давно не видали другъ друга: Данила Павловичъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Петербургъ по дѣламъ на два, на три дня, но Аделаида Александровна была въ это время за границей. Только теперь представлялся Данилѣ Павловичу случай встрѣтиться съ женой брата, съ своей бывшей невѣстой. Онъ уже былъ ей многимъ обязанъ, онъ зналъ, что она была теперь «человѣкомъ случайнымъ», онъ понималъ изъ ея писемъ, что она относится къ нему покровительственно, но онъ ѣхалъ теперь далеко не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ идутъ бѣдные родственники къ богатымъ родственникамъ-покровителямъ. Въ его горячей, вѣчно создававшей новые планы обогащенія головѣ были соображенія, которыя, какъ онъ былъ увѣренъ, покажутъ Аделаидѣ Александровнѣ, что и онъ, Данила Павловичъ, можетъ быть ей полезенъ. Доѣхавъ до ея дачи, онъ сильно позвонилъ у входныхъ дверей.

— Какъ прикажете о васъ доложить? — спросилъ его отворившій дверь лакей.

— Скажи, что братъ Данила Павловичъ пріѣхалъ,—отвѣтилъ Муратовъ, сбрасывая пальто и проходя въ залъ.

Лакей пошелъ докладывать и черезъ минуту крѣпкія и здоровыя объятія Данилы Павловича уже смяли роскошный туалетъ Аделаиды Александровны. Она и обрадовалась, и засмѣялась, и почувствовала легкую боль отъ этой родственной встрѣчи.

— О, да ты по-царски живешь!—воскликнулъ Данила Павловичъ, осматриваясь кругомъ живыми и подвижными глазами.—Молодецъ, молодецъ, Адель! Впрочемъ, мнѣ всегда казалось, что ты не пропадешь, не изъ кислыхъ была...

Онъ закидалъ ее вопросами и разсказами. Что дѣлаетъ ея мужъ, Аркадій? Пыхтитъ все и спитъ, когда надо ковать желѣзо, пока оно горячо? Много ли у нея петербургскихъ тузовъ бываетъ, которыхъ умная женщина всегда приручить можетъ? Знаетъ ли она, что дорога имъ почти уже достроена и что онъ черезъ какіе-нибудь полгода переселится въ Петербургъ? Довольно ему чернорабочимъ быть, пора и пошире развернуть свои крылья. Она еще можетъ быть ему полезна, и если они вмѣстѣ будутъ работать въ Петербургѣ, то имъ обоимъ будетъ выгодно. Теперь такое время, что только лѣнивый да глупый не сумѣетъ нажиться; перестройка Россіи идетъ, а при перестройкѣ всегда можетъ зашибить грошъ ловкій рабочій... Все это говорилось быстро, горячо, развивалось въ широкіе планы. Смотря на Данилу Павловича, Аделаида Александровна была изумлена происшедшей въ немъ перемѣной: это былъ уже не забулдыга армейскій офицеръ, а смѣлый дѣлецъ, самоувѣренно шедшій по пути къ обогащенію. На нее произвела какое-то странное впечатлѣніе чего-то новаго, чего-то незнакомаго его манера говорить: никто изъ ея петербургскихъ друзей не говорилъ такъ, какъ онъ. Онъ говорилъ быстро, горячо, громко, вскакивая съ мѣста, жестикулируя, дотрогиваясь до ея рукъ, до ея колѣней. Это ее и смѣшило, и увлекало, и возбуждало. Его нельзя было не слушать, подъ его рѣчь нельзя было думать о постороннихъ предметахъ, при слушаніи его рѣчей немного кружилась голова, ощущалось легкое опьянѣніе. Трудно было сказать, походилъ ли онъ на азартнаго игрока, лихорадочно мечтающаго о громадномъ выигрышѣ на послѣднюю поставленную имъ карту, или на алчнаго шуллера, страстно создающаго цѣлую ловкую систему обыгрыванія людей. Но болѣе всего поражала и смущала Аделаиду Александровну манера Данилы Павловича называть

вещи своими именами, говорить безъ обиняковъ и намековъ, ставить точки на і. Разговаривая съ Муратовой, онъ, съ свойственною ему откровенностью, совершенно неожиданно замѣтилъ ей, что ея положеніе не прочно, что «ея жидъ» можетъ ее бросить. Она немного покраснѣла отъ этого рѣзкаго замѣчанія и серьезно возразила своему собесѣднику:

— Ты, кажется, ошибаешься насчетъ моихъ отношеній къ этому человѣку. Это не мимолетная интрига, но серьезная привязанность, которой я нисколько не стыжусь. Я ошиблась въ выборѣ мужа, я была несчастна, и не я виновата, если я тоже хочу быть счастливой...

— Да кто же тебя обвиняетъ?—съ удивленіемъ отвѣтилъ Данила Павловичъ.—Ты говоришь, что ты любишь этого... кто онъ? ростовщикъ?—что ли?

— Банкиръ,—поправила его Аделаида Александровна.

— Ну, это все равно, ростовщикъ, закладчикъ, банкиръ или что-нибудь другое—это все равно,—махнулъ рукою Данила Павловичъ.—Ты говоришь, что онъ тебя любитъ. Онъ богатъ. Ну, и наслаждайся благами жизни. Я вонъ въ жизни кого-кого не любилъ и никогда не краснѣлъ. Это пустяки! А вотъ ты должна о томъ подумать, что этотъ Гельфрейхъ можетъ если не разлюбить тебя, то отправиться къ праотцамъ. Тогда что? Денегъ онъ тебѣ не оставитъ по духовному завѣщанію; что у тебя есть, то ты проживешь; привычка къ широкой жизни у тебя сдѣлана, а надѣяться безъ него не на что. Твой Аркадій—слякоть непроходимая вышелъ.

— Фи! что за выраженія!—засмѣялась Аделаида Александровна.

— Ну, мы одни, такъ можно не стѣсняться. Я вѣдь больше все попросту объясняюсь. Помнишь, какъ я тебѣ объяснялся въ любви въ саду у дяди Платона Николаевича? Смять въ своихъ лапахъ хотѣлъ.

Онъ шумно засмѣялся. Она тихо вздохнула.

— Я плохо знала тогда тебя,—проговорила она въ раздумьи.

— Да, мы съ тобой не ударили бы лицомъ въ грязь. Ты бабенка умная, да и я не промахъ. Ну, да что объ этомъ говорить. А вотъ возвратимся къ жиду-то.

— Не смѣй его жидомъ называть,—засмѣялась она, ударивъ его слегка по рукѣ.

— Ну, возвратимся къ этому сыну Авраама, Исаака и

Іакова,—весело произнесъ Данила Павловичъ, словивъ ея выхоленную руку и ласково поглаживая ее.—Ты должна добиться отъ него какого-нибудь прочнаго обезпеченія. Присмотри какой-нибудь домъ или имѣніе и заставь его купить на твое имя эту недвижимость. Вотъ Ольховатое купить бы у твоего отца; имѣнье хорошее да и этому Израилю ловко бы предложить его купить; мрачно сказать, что ты тоскуешь по родномъ гнѣздѣ, что ты умрешь, если твоя колыбель перейдетъ въ чужія руки. Ну, да вы, женщины, знаете, какъ эти сентименты надо разводить, когда нужно что-нибудь выпросить... истерики тамъ, обмороки въ ходъ пустите...

Аделаида Александровна смѣялась.

— Нѣтъ, право, я жалѣю, что я тебѣ тогда отказала,— шутила она.—Я хоть бы не скучала...

— Ну, да, толкуй!.. Ты вонъ лучше объ Ольховатомъ-то подумай,—сказалъ Данила Павловичъ.—Я вѣдь серьезно говорю. Я затѣмъ и ѣхалъ къ тебѣ...

— Да развѣ отецъ продаетъ Ольховатое? — мелькомъ спросила она, отыскивая что-то въ своемъ нессесерѣ.

— Не продаетъ и не вздумаетъ продавать,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

Аделаида Александровна какъ будто смутилась.

— Не продаетъ? Такъ съ чего же ты выдумалъ завести эту рѣчь объ Ольховатомъ? — сказала она въ недоумѣніи.

Въ ея головѣ промелькнула мысль, что онъ посмѣялся надъ нею. Она еще не могла понять вполнѣ, что это за человѣкъ, когда онъ шутитъ, когда говоритъ серьезно.

— Да потому, что другое имѣніе неловко просить купить твоего старика,—отвѣтилъ Муратовъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что онъ старикъ? Онъ...—начала Аделаида Александровна.

— Ну, положимъ, что онъ молокососъ,—согласился Данила Павловичъ.—Такъ вотъ я и думаю, что твоего молокососа неловко просить о покупкѣ какого-нибудь другого имѣнія, подумаетъ еще, что ты его эксплоатируешь, а просить о покупкѣ Ольховатаго — дѣло другое. Тутъ даже и всплакнуть можно...

— Даже и всплакнуть!—съ презрительной гримасой сказала Муратова и пожала плечами.

— Я бы всплакнулъ на твоемъ мѣстѣ,—серьезно подтвердилъ Данила Павловичъ.—Сказала бы, что отецъ разорился, что отецъ не чтитъ святыни, родной колыбели, что

онъ ее продаетъ жидамъ... Нѣтъ, жидамъ неловко сказать... Лучше сказать, что онъ продаетъ родное гнѣздо мужикамъ, сермяжникамъ, что это надрываетъ твое чувствительное сердце, что оно обливается кровью... Да, я всплакнулъ бы непремѣнно.

Аделаида Александровна зорко взглянула на Данилу Павловича. Онъ смотрѣлъ на нее серьезно.

— Ты мнѣ скажи, Адель, что тебѣ нужно? Быть богатой, блестѣть въ свѣтѣ, обезпечить себя на всю жизнь? Да? Я, по крайней мѣрѣ, только къ этому и стремлюсь, да и всѣ къ этому стремятся, хоть и поютъ: «намъ ничего не надо»... Я давно понялъ, что бѣдный человѣкъ—пѣшка. Я не хочу быть пѣшкой, а хочу быть королемъ.

Муратова вздохнула.

— Не будемъ говорить объ этомъ; отецъ не продаетъ, говоришь ты, Ольховатаго, значитъ, и думать объ этомъ нечего...

— Дядя Александръ Николаевичъ себя продастъ, если его навести на эту грандіозную мысль,—рѣзко и твердо сказалъ Данила Павловичъ и сдѣлался совершенно серьезнымъ.—Стоитъ только доказать ему, что для его славы и для блага отечества нужно ему продать себя, заложить его Матрену Кузьминичну и отправить къ турецкому султану его дѣтей, и при этомъ убѣдить его, что геніальныя мысли о подобной сдѣлкѣ пришли ему самому въ голову, и онъ исполнитъ все это съ жаромъ, свойственнымъ его юнымъ лѣтамъ.

Въ тонѣ его рѣчей слышалось презрѣніе къ Баскакову.

— Ахъ, не смѣйся надъ моимъ отцомъ!—погрозила пальчикомъ Аделаида Александровна.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ Муратовъ.—И что мнѣ надъ нимъ смѣяться, когда я самъ въ него уродился, только онъ все больше въ облакахъ летаетъ, а я все больше по землѣ хожу. Я могъ бы, если бы ты пожелала, поговорить съ дядей о необходимости продать Ольховатое,—закончилъ Данила Павловичъ.

— Да?—спросила Аделаида Александровна, прищуривъ глаза.—Ты не шутишь?

— Зачѣмъ же шутить? Я радъ услужить тебѣ... конечно, не даромъ... потребую отплаты за услугу...—шутливо закончилъ онъ.

— Дорогой?—спросила Аделаида Александровна, лукаво улыбаясь.

— А ты сколько бы дала?—спросилъ Данила Павловичъ, подмигнувъ ей и снова взявъ ея мягкія и бѣлыя руки.

— Боюсь сама назначить плату... передамъ, пожалуй, лишнее,—засмѣялась она, показавъ два ряда бѣлыхъ блестящихъ зубовъ.

Данила Павловичъ смотрѣлъ на нее не безъ игривыхъ мыслей.

— Ну, многаго не потребую... когда-нибудь послѣ сторгуемся...—замѣтилъ онъ.

— А не теперь?—спросила она.

— Рано еще,—отвѣтилъ онъ, дружески пожавъ ея руки.

Съ минуту они сидѣли молча. Аделаида Александровна задумалась; она теперь почти серьезно сожалѣла, что не вышла за него замужъ. Онъ не безъ сластолюбиваго волненья думалъ, что она—только заиграй съ ней—сейчасъ и отдастся ему. Какъ пришли имъ въ голову эти мысли среди дѣлового разговора—они и сами не понимали. Впрочемъ, онъ никогда еще не смотрѣлъ на женщинъ иначе, какъ на самокъ, съ которыми можно поиграть; она никогда еще не встрѣчала мужчины, который не попробовалъ бы поволочиться за нею; онъ, сходясь съ женщинами, не могъ не заигрывать съ ними; она не могла сойтись съ мужчиной, не кокетничая съ нимъ.

— Ну, а что твоя жена?—вдругъ спросила Аделаида Александровна.

— Ничего, здорова,—отвѣтилъ Данила Павловичъ, очнувшись отъ своихъ «холостыхъ» думъ при напоминаніи о женѣ.—Славная она у меня бабенка!

— Вотъ какъ! Ужъ ты не влюбленъ ли въ нее до сихъ поръ?—засмѣялась Аделаида Александровна.

— Влюбленъ, да еще какъ!—проговорилъ онъ серьезно.

— А до нея сколько разъ влюблялся?—спросила Муратова.

— Десятки разъ, но послѣ нея ни въ кого не влюблялся.

— Ну, такъ еще влюбишься...

— Ну, нѣтъ... Мнѣ никого послѣ нея не надо... Она мнѣ всѣхъ женщинъ замѣнила...

— До поры, до времени?

— Нѣтъ, навсегда!

— Ты отлично играешь роль вѣрнаго супруга!

— Да я въ самомъ дѣлѣ вѣрный мужъ.

Она посмотрѣла на него недоумѣвающимъ взглядомъ; онъ былъ теперь серьезенъ. Ей стало вдругъ не по себѣ.

— Счастливица,—проговорила со вздохомъ Муратова и

опять задумалась.—Должно-быть, хорошо сознавать, что мужчина любитъ тебя безъ памяти, любитъ тебя одну, сознавать это и не бояться, что это кончится.

Она съ минуту помолчала, потомъ вдругъ нетерпѣливо, почти раздражительно пожала плечами.

— Да нѣтъ, это невозможно!—проговорила она, словно продолжая думать вслухъ.—Это все призраки: сегодня клянется, увѣряетъ, а завтра... стоитъ только подвернуться новой красавицѣ или ловкой кокеткѣ, и вся эта вѣчная любовь разлетится прахомъ... Вѣчная любовь—вотъ глупости!.. Нѣтъ, ужъ лучше не вѣрить любви, не считать ее вѣчной и... не переживать разочарованій и стыда обманутой женщины.

Она нервно засмѣялась и какъ-то свысока взглянула на Данилу Павловича.

— Вотъ погоди, я тебя заставлю стоять передъ собою на колѣняхъ,—насмѣшливо сказала она:—и отобью у жены.

— Да я, Адель, хоть сейчасъ готовъ стать на колѣни,—засмѣялся Данила Павловичъ, дѣлая видъ, что онъ готовъ опуститься на колѣни.

— Рано еще! Когда-нибудь послѣ!—остановила она его шутливо и вдругъ перемѣнила тонъ.—Нѣтъ, Даня, оставимъ въ сторонѣ всѣ эти глупости,—сказала она родственнымъ и серьезнымъ тономъ.—Мы съ тобой братъ и сестра и друзья дѣтства, и ты, обдѣлавъ дѣло съ Ольховатымъ, окажешь мнѣ большую, большую услугу... Вотъ та-кую!..

Она, какъ шаловливый ребенокъ, развела руками въ обѣ стороны.

— А я тебя за это поцѣлую, помнишь, какъ мы цѣловали другъ друга прежде...

Она нагнулась къ нему и поцѣловала его въ лобъ. На него пахнуло нѣжнымъ запахомъ пармскихъ фіалокъ. На мгновеніе ему прихлынула въ голову кровь, но прежде чѣмъ онъ опомнился, она уже зазвонила. Явился лакей.

— Обѣдъ поданъ?—спросила она.

— Подаютъ,—отвѣтилъ лакей.

— Даня, пойдемъ!

Она взяла подъ руку Данилу Павловича и повела его въ столовую. За обѣдомъ разговоръ коснулся воспоминаній дѣтства, и на Данилу Павловича словно пахнуло весной, тепломъ, ароматомъ полей. У него были съ Аделаидой Александровной общія воспоминанія о былыхъ шалостяхъ, радостяхъ, играхъ и пирахъ. Онъ на минуту позабылъ о дѣ-

лахъ и перенесся въ эту свѣтлую даль давно прошедшихъ дней. Часы пробили шесть, когда онъ вспомнилъ, что ему нужно было еще ѣхать по дѣламъ. Онъ поднялся съ мѣста неохотно. Аделаида Александровна крѣпко сжала ему руку.

— Пріѣзжай, Даня,—сказала она.—Я хочу какъ можно больше видѣть тебя, покуда ты здѣсь... Я здѣсь въ Петербургѣ одна среди чужихъ... Съ ними не станешь говорить о томъ, что дорого и близко намъ...

Выходя изъ дома брата, Данила Павловичъ былъ въ странномъ настроеніи: онъ все думалъ не о дѣлахъ, но объ Аделаидѣ Александровнѣ, о ея красотѣ, о ея ловкости, о ея кошачьихъ, мягкихъ манерахъ.

«Да, да, не мудрено, что она свела съ ума этого жида,—думалъ онъ.—Если бы я попалъ въ Питеръ съ такою женою, я бы сдѣлался... Да, нѣтъ, я бы убилъ и ее, и того, кто сталъ бы отбивать ее у меня... Нѣтъ, мнѣ бы такая жена не годилась. Я не умѣю ревновать молча. У меня при первомъ подозрѣніи чортъ знаетъ что вышло бы... съ моей Липой, по крайней мѣрѣ, я спокоенъ за себя... Съ Аделью мнѣ не сдобровать бы. Хорошо, что Богъ избавилъ отъ бѣды... А помогать ей я буду, и она мнѣ поможетъ. Теперь, когда мы не мужъ и жена, не любовникъ и любовница, мы можемъ быть полезными другъ другу. Я ей устрою дѣло съ Ольховатымъ. Ну, а она мнѣ при пріемкѣ желѣзной дороги поможетъ, а потомъ мѣстечко, когда нужно будетъ, теплое черезъ жида своего доставитъ... А зналъ этотъ жидъ, кого выбрать!»

Аделаида Александровна въ свою очередь думала о предложеніи Данилы Павловича и внутренне посмѣялась надъ собою, надъ тѣмъ, что она вздумала пококетничать съ братомъ мужа.

«И съ чего это я?—думала она.—Ужъ не потому ли, что мнѣ завидно счастье его Липы? А, Богъ мой, что мнѣ до нея за дѣло! Ну, счастлива она и слава Богу! Я очень рада, что онъ еще расположенъ ко мнѣ по-братски. Онъ былъ всегда добрымъ малымъ... И какъ это ему пришла въ голову счастливая мысль о покупкѣ Ольховатаго. Добрый, онъ думалъ обо мнѣ, не то, что другіе»...

Она задумалась; ей было тяжело сознавать, что о ней никто не заботится, никто не думаетъ, и снова она называла добрымъ Данилу Павловича.

Дѣла Данилы Павловича сложились такъ, что онъ не могъ зайти къ Аделаидѣ Александровнѣ на другой день.

На третій день утромъ онъ заѣзжалъ къ ней на минуту, но видѣлъ только брата Аркадія. На слѣдующій день ему нужно было ѣхать обратно, и потому онъ заѣхалъ къ Аделандѣ Александровнѣ еще разъ въ этотъ день вечеромъ. Онъ засталъ ее во время приготовленій къ какому-то вечернему собранію. Она была вся въ черномъ бархатѣ, съ открытыми плечами, грудью и руками. Въ ея черныхъ волосахъ бѣлѣлась одна камелія, такая же камелія была на груди. Когда Данила Павловичъ вошелъ въ ея будуаръ, она вынимала изъ футляровъ брильянты.

— А, это ты, милый!—проговорила она и протянула ему обѣ руки.

— Ты ѣдешь куда-то?—спросилъ онъ, пожимая ея руки и любуясь ея красотой, не поблекшей еще, несмотря на годы.

— А ты пріѣхалъ посидѣть или на минуту?—спросила она.

— Посидѣть, но...

Она не дала ему кончить и обратилась къ горничной.

— Скажите барину, чтобы онъ ѣхалъ одинъ... Я больна и никого не принимаю.

— Адель!—началъ Данила Павловичъ.

— Ты вѣдь ѣдешь завтра? Ты пріѣхалъ ко мнѣ и думаешь, что я уѣду отъ тебя на вечеръ? Вотъ глупость! Вечеровъ много, а ты одинъ...

Она отложила въ сторону брильянты и опустилась на кушетку.

— Сядь вотъ тутъ, поближе ко мнѣ,—сказала она, подвигая кресло.—Мы здѣсь будемъ пить чай.

Она дотронулась до пуговки электрическаго звонка и сказала вошедшей горничной:

— Чай подать сюда... Да брось въ каминъ дровъ... Вотъ ужъ и сырые вечера начинаются здѣсь на островахъ. Быстро летитъ петербургское лѣто...

Данила Павловичъ не сводилъ съ нея глазъ. Онъ никогда не видалъ такихъ бѣломраморныхъ плечъ, такихъ роскошныхъ рукъ.

— Что же ты не куришь?—спросила она.

— А ты позволишь?—въ замѣшательствѣ проговорилъ онъ.

Она улыбнулась.

— Вѣдь ты же курилъ у меня третьяго дня...

— Да, не тутъ... теперь...

Онъ самъ не понималъ, чего онъ стѣсняется. Никогда и ни въ чемъ до этой поры онъ не стѣснялся при другихъ женщинахъ, у которыхъ онъ бывалъ. Еще менѣе онъ стѣс-

нялся передъ своею женою. Но здѣсь ему вдругъ стало какъ-то неловко, душно.

Воздухъ будуара былъ пропитанъ запахомъ цвѣтовъ и духовъ; мягкая шелковая мебель, мягкіе ковры, таинственныя драпировки, все это наводило его на какія-то странныя мысли; открытыя плечи, руки и шея Муратовой волновали его кровь и въ то же время какъ будто стѣсняли его.

Аделаида Александровна подвинула къ нему спички и пепельницу.

— Ты, пожалуйста, будь, какъ дома. Я хочу, чтобы ты видѣлъ во мнѣ свою сестру, подругу дѣтства, — говорила она.—Третьяго дня, когда ты ушелъ, я долго думала о тебѣ. Ты, добрый мой, одинъ вспомнилъ обо мнѣ. Братъ Петя почти не бываетъ у насъ, Максимъ... Ахъ, я даже не знаю, гдѣ Максимъ находится. Да что они! самъ Аркадій, мой мужъ, вспоминаетъ обо мнѣ только тогда, когда ему нужны деньги... Я не жалуюсь, я не плачу, Даня, но мнѣ тяжело это одиночество, мнѣ тяжела эта отчужденность. Я знаю, что я сдѣлала проступокъ, что я... ну, да, я пала. Но кто же виноватъ? Развѣ Аркадій любилъ меня? Развѣ онъ не прожилъ моего состоянія? Мнѣ пришлось спасти его, но какою цѣною. Этого никто не хочетъ знать.

Она быстро поднесла платокъ къ глазамъ и вздохнула.

— Полно, Адель! — ласково сказалъ Данила Павловичъ и, взявъ ея руку, погладилъ ее, какъ гладятъ иногда руку ребенка.

Это была прекрасная бѣлая рука. Данилѣ Павловичу хотѣлось поцѣловать ее, но онъ, противъ своего обыкновенія, стѣснялся теперь наклониться къ ней. Наконецъ, его губы прильнули къ этой свѣжей, душистой рукѣ, и онъ почувствовалъ, что у него кровь опять прилила къ головѣ.

— Не сердись, что я цѣлую твои руки,—сказалъ онъ въ замѣтномъ смущеніи.

— Полно, Даня, не смотри на меня, какъ на хорошенькую женщину, какъ на свою бывшую невѣсту, а смотри на меня, какъ на свою бѣдную сестренку, которой тяжело живется на свѣтѣ, несмотря на всѣ эти дорогія бездѣлушки.

Она сжала его руку, и онъ, самъ не зная какъ, опустился передъ нею на скамеечку, стоявшую у кушетки.

— Да, я думала вчера о тебѣ, — говорила она: — и увидала, что у меня только и есть на свѣтѣ родныхъ, что ты. Помоги мнѣ и вѣрь, что я никогда не откажусь помочь тебѣ. Ты мнѣ говорилъ о своихъ планахъ. У меня есть

много знакомыхъ, много поклонниковъ, которымъ стоитъ приказать и они сдѣлаютъ все. Я добуду тебѣ мѣсто здѣсь. Ты переѣдешь сюда съ женой, съ дѣтьми, и у меня будетъ домъ, гдѣ я буду отдыхать отъ пустой свѣтской жизни. Вѣдь твоя жена простая, добрая женщина? Да?

— Да, она добрая,—отвѣтилъ Данила Павловичъ, плохо сознавая, что онъ говоритъ.

— Ну, значитъ, мы сойдемся, мы полюбимъ другъ друга, — продолжала Муратова, и ея рука ласково гладила волосы Данилы Павловича.—А ты... ты не будешь ухаживать за мной? А? Я этого не хочу! Слышишь? Ты долженъ быть мнѣ братомъ и только! Меня оскорбляютъ, унижаютъ эти ухаживанья. Я хочу имѣть друзей, родныхъ, знакомыхъ, а не кандидатовъ въ любовники, не любовниковъ. Пусть любятъ мою душу, мое сердце, но не мое тѣло. И изъ-за чего бьются люди? Развѣ я хороша? Я совсѣмъ дурнушка, толстая, уже не первой молодости... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу ухаживаній... Да? такъ ты будешь моимъ братишкой, моимъ милымъ братишкой?

Она взяла его голову обѣими руками и повернула къ себѣ лицомъ: онъ видѣлъ ея ласковые, бархатные глаза, онъ видѣлъ ея привѣтливо улыбающійся ротикъ, онъ видѣлъ ея бѣлую, полную грудь, ровно дышавшую почти у самыхъ его губъ, и не понималъ, что дѣлается съ нимъ. Обѣдъ ли «съ дѣловыми людьми» у Бореля повліялъ на него такъ возбудительно, или опьянялъ его этотъ наркотическій воздухъ будуара свѣтской женщины, или просто не могъ онъ вообще видѣть спокойно женщину въ такомъ нарядѣ, на такомъ близкомъ разстояніи отъ себя.

— Добрый мой, — еще разъ прошептала она и, поцѣловавъ его въ лобъ, поднялась съ мѣста.

Данила Павловичъ тоже поднялся.

— Вотъ и чай намъ несутъ,—проговорила она.—Поставь столъ къ камину,—обратилась она къ лакею.

Лакей поставилъ около камина между двухъ креселъ складной, чернаго дерева, столикъ, принесъ чайный сервизъ, поставилъ небольшой серебряный самоваръ на высокихъ ножкахъ съ серебряной лампочкой внизу и удалился. Аделаида Александровна начала разливать чай.

— Ну, садись сюда въ кресло, — сказала она Данилѣ Павловичу: — и поговоримъ о дѣлѣ... Не правда ли, здѣсь хорошо? А я воображаю, какіе разспросы идутъ обо мнѣ на балу... какъ, отчего, почему? Досадно, что я велѣла ска-

зать Аркадію, что я нездорова... Пусть бы сказалъ, что у меня пріѣзжій братъ. Пусть бы знали всѣ, что я не одна, съ братомъ!.. О, какое это сладкое чувство, сознавать, что я не одна!.. Но какія гримасы строитъ, должно-быть, тамъ Аркадій... Онъ вѣдь не любитъ баловъ, онъ охотнѣе проводитъ время въ какихъ-то трущобахъ, гдѣ можно быть въ разстегнутомъ жилетѣ... со мной этого нельзя...

Она болтала весело и живо съ той граціозной непринужденностью, которая пріобрѣтается въ столичныхъ салонахъ. Данила Павловичъ, угловатый армейскій гуляка, превратившійся въ провинціальнаго работника-дѣльца, испытывалъ какое-то новое чувство въ этой ароматной атмосферѣ столичнаго будуара, передъ этой граціозной женщиной, легко переходившей въ разговорѣ отъ одного предмета къ другому. То ему думалось, что «съ такой бабенкой хорошо бы интрижку завести», то закрадывалось въ его душу какое-то незнакомое ему смущеніе, заставлявшее его быть сдержаннымъ съ этою женщиною изъ боязни чѣмъ-нибудь оскорбить или огорчить ее. До сихъ поръ онъ никогда не разговаривалъ съ женщинами: онъ или балясничалъ съ ними, или любезничалъ. Даже съ женою онъ, въ сущности, не разговаривалъ, а сообщалъ ей свои впечатлѣнія и планы, она же выслушивала ихъ и только иногда дѣлала ему вопросы. Тутъ же сама женщина вызывала его на разговоры, затрогивала въ немъ тѣ или другія струны. Она пробудила въ немъ воспоминанія о ихъ дѣтствѣ, проведенномъ вмѣстѣ; она подробно разспросила его о его планахъ на будущее и быстро нарисовала картину этого будущаго, сразу сообразивъ, къ чему онъ стремится, какъ онъ долженъ идти къ своей цѣли; въ ея замѣчаніяхъ былъ практическій смыслъ, было знаніе людей и обстоятельствъ; съ ней можно было говорить, какъ съ мужчиной. Была минута, когда онъ опять подумалъ, зачѣмъ онъ не женился на ней, но онъ тотчасъ же повторилъ: «нѣтъ, я ее убилъ бы при первомъ ея любовномъ проступкѣ». Онъ самъ не зналъ, сколько времени онъ просидѣлъ у нея, и ему еще не хотѣлось уходить отъ нея, когда онъ случайно увидалъ, что часы на каминѣ показывали два часа ночи.

— Я тебѣ надоѣлъ?—спросилъ онъ ее.

Она сидѣла, задумавшись, въ креслѣ, накинувъ себѣ на плечи черный кружевной платокъ и положивъ крошечныя ноги на остывшую рѣшетку камина. Она очнулась и ласково взглянула на него.

— Нѣтъ, я замечталась о прошломъ, — отвѣтила она со вздохомъ и протянула ему руку.—Если бы можно было воротить прошлое—моя жизнь сложилась бы иначе... Ну, да прошлаго не вернешь! Ты собираешься ѣхать?

— Да, пора.

— Когда-то увидимся опять!

— Я какъ-нибудь соберусь въ Петербургъ... Теперь дѣла нужно обдѣлывать здѣсь, чтобы сдать дорогу безъ сучка, безъ задоринки... Ты мнѣ вѣдь поможешь?

— О, ты еще спрашиваешь!

— Да кромѣ того и ты къ намъ завернешь... Вотъ купишь Ольховатое, пріѣдешь въ наши края.

— Да, можетъ быть...

— Отлично бы было, если бы пріѣхала, когда прибудутъ инженеры принимать дорогу... Они, вмѣсто осмотра линіи, у тебя бы на пирахъ плясали...

— Что-жъ, можно... Ну, прощай!

Она лѣниво встала и протянула ему обѣ руки, кружевной платокъ распустился и открылъ ея грудь. Данила Павловичъ нагнулся поцѣловать ея руку.

— А меня не хочешь развѣ поцѣловать?—сказала она.— Теперь, Богъ знаетъ, когда свидимся.

Онъ крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ и горячо поцѣловалъ въ губы...

«Чортъ знаетъ, что это со мной дѣлается», — бормоталъ онъ, выходя изъ ея дома и невольно взглянувъ на ея окна, свѣтившіяся сквозь сочную зелень сада, точно ему хотѣлось еще разъ увидать ее. Такихъ желаній въ былое время у него не являлось ни разу. «Нѣтъ, съ нею надо быть осторожнымъ, а то еще огорчишь ее своими любезностями. Она смотритъ на меня, какъ на брата, ну, а мнѣ не такъ-то легко смотрѣть на нее, какъ на сестру. И что въ ней такое, что опьяняетъ, мутитъ голову?» Онъ задумался и незамѣтно доѣхалъ до дома дяди, весь охваченный какими-то новыми для него ощущеніями. До сихъ поръ онъ всегда былъ убѣжденъ, что онъ можетъ только осчастливить женщину своими ласками, теперь онъ, напротивъ, былъ бы самъ осчастливленъ, если бы эта женщина позволила ему приласкать ее. Уже ложась на постель, онъ потянулся и подумалъ: «А ужъ Ольховатое будетъ у нея въ рукахъ!» Эта мысль твердо засѣла въ головѣ Данилы Павловича, и рядомъ съ нею все шире и шире развивались и его планы насчетъ своего собственнаго обогащенія. Онъ ясно понималъ, что, помогая

Аделаидѣ Александровнѣ пріобрѣсти Ольховатое, идя съ нею рука объ руку, онъ можетъ добиться многаго. Купить она Ольховатое, пріѣдетъ туда, когда у него будутъ принимать желѣзную дорогу. Инженеры будутъ изъ ея знакомыхъ, можетъ-быть, изъ горячихъ поклонниковъ. Начнутся пиры, за которыми забудется, просмотрится сквозь пальцы многое. Аделаида Александровна сумѣетъ заговорить всякаго! Данила Павловичъ опять задумался о характерѣ Аделаиды Александровны. Онъ видѣлъ, что Аделаида Александровна не то, что его жена: его жена можетъ восхищаться его мечтами и планами, Аделаида Александровна можетъ наткнуться на эти планы, развить ихъ; первая можетъ только не мѣшать исполненію, вторая можетъ помочь въ ихъ осуществленіи. Его теперь сильно озабочивала мысль о томъ, какъ довести дядю до мысли о продажѣ Ольховатаго и какъ бы устроить поскорѣе это дѣло; онъ чувствовалъ, что отъ этой сдѣлки будетъ въ значительной степени зависѣть его сближеніе съ Аделаидой Александровной и его право на ея услуги. Въ его головѣ страннымъ образомъ, помимо его воли, мысли о дѣлахъ перемѣшивались съ мыслями о достоинствахъ Аделаиды Александровны; желанія воспользоваться ея услугами мѣнялись желаніями сблизиться съ нею чисто по-родственному. Онъ долго не могъ уснуть. Наконецъ, онъ повернулся къ стѣнѣ лицомъ и тяжело вздохнулъ, проговоривъ вслухъ:

— Ахъ, Адель, Адель!..

Въ ту же минуту въ его головѣ мелькнула злобная мысль:

— Уже не влюбился ли? Вотъ глупости!..

VI.

— Дядя, вы сколько времени думаете еще продержаться? — спросилъ Данила Павловичъ Александра Николаевича, сидя съ нимъ за утреннимъ кофе.

Баскаковъ сидѣлъ въ удобномъ мягкомъ креслѣ и пересматривалъ счеты; Данила Павловичъ полулежалъ въ качалкѣ и слегка покачивался. Его вопросъ былъ сдѣланъ неожиданно, но спокойно, почти небрежно, какъ говорятъ о пустякахъ, вскользь, мимоходомъ. Александръ Николаевичъ поднялъ на племянника съ недоумѣніемъ глаза. Казалось, ему задали вопросъ, котораго онъ даже не можетъ сообразить.

— Я тебя не понимаю, шерочка? — сказалъ онъ. — Ты это о чемъ?

— То-есть доколева ваши старые кредиторы будутъ терпѣть, а новые дураки будутъ ссужать деньгами?

Баскаковъ отодвинулъ листы счетовъ, повернулся вмѣстѣ съ кресломъ лицомъ къ племяннику и разразился громкимъ искреннимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты неподражаемъ, ты неподражаемъ!—говорилъ онъ, захлебываясь сквозь смѣхъ. — «Долго ли думаете продержаться»! «Доколева будутъ вѣрить»!.. Да я, mon bon, въ блестящемъ положеніи! Вотъ продамъ одинъ домъ, другой еще можно заложить... третій...

Данила Павловичъ всталъ, потягиваясь всласть, и не далъ ему кончить.

— Вы, дядя, банкротъ, давно банкротъ, и только не знаете, какъ устроить это дѣло, чтобы сохранить хотя что-нибудь,—коротко сказалъ онъ твердымъ, не терпящимъ возраженій тономъ. — Намъ стѣсняться нечего, маскироваться не слѣдуетъ! Мы свои, и я готовъ вамъ помочь...

Баскаковъ хотѣлъ что-то возражать, поднялся съ мѣста и вдругъ, точно его пришибли, снова опустился и развелъ безнадежно руками. Его лицо точно осунулось, принявъ плачевное выраженіе. Но это было только на минуту, подъ вліяніемъ неожиданно нанесеннаго удара. Онъ тотчасъ же нашелся, оправился, молодцовато поднялся съ мѣста, всталъ передъ племянникомъ и уже своимъ обычнымъ дѣловымъ и докторальнымъ тономъ заговорилъ:

— Ты понимаешь, мои расчеты были вѣрны, но стеченіе враждебныхъ случайностей, проклятый курсъ нашего рубля, постройка разными спекуляторами сотенъ домовъ, пустыя квартиры, затянувшаяся постройка двухъ моихъ лучшихъ домовъ...

Муратовъ сдѣлалъ досадливый жестъ рукою, и его ротъ передернулся гримасой.

— Эхъ, да это все пустая философія!—нетерпѣливо прервалъ онъ дядю. — Остановимся на фактѣ. Ты разоренъ? Да? Сколько всего долгу?

— До трехъ милліоновъ.

Муратовъ изумился: еще наканунѣ онъ думалъ, что дядя шутитъ, что онъ по обыкновенію «преувеличиваетъ немного»! Это такъ естественно!

— Да не можетъ быть!

— Увѣряю тебя!

— Ну, а если все продать?..

— Копеекъ по тридцати кредиторы получатъ.

— То-есть, значитъ, дома заложены?

— И перезаложены...

— А денегъ?

— Ни гроша...

Отрывистый разговоръ вдругъ оборвался. Все было ясно, какъ день. Голая, грубая правда была налицо. Муратовъ прошелся скорыми шагами по комнатѣ. Баскаковъ началъ опять что-то объяснять о вѣрности своихъ расчетовъ, о несчастно сложившихся случайностяхъ, о возможности еще обернуться. Муратовъ уже не слушалъ и размышлялъ. Соображенія дяди его вовсе не интересовали, когда онъ зналъ факты. Спустя нѣсколько минутъ, онъ спросилъ:

— Какъ ты думаешь, протянешь ли ты до глубокой осени?

— Ну, конечно, конечно! Покуда все строится, протянуть можно. Это пустое дѣло, но къ зимѣ, пожалуй, не вывернуться. Если и теперь одинъ изъ домовъ не продастся, что, впрочемъ, нельзя и предположить.

Муратовъ зорко слѣдилъ за дядей.

— А если не продастся?

Баскаковъ уклонился отъ прямого отвѣта.

— Видишь ли, у меня есть еще планъ. Это очень сложное дѣло, его нужно обдумать строго.

Муратовъ снова перебилъ его уже рѣшительнымъ тономъ:

— Ты совсѣмъ въ петлѣ!..

Онъ точно къ стѣнѣ, въ уголъ старался прижать Баскакова, чтобы узнать правду. Баскаковъ не выдержалъ. Муратовъ мало того, что угадалъ и выяснилъ себѣ его положеніе, — онъ громко сказалъ Баскакову то, что вполнѣ замаскировалъ Баскаковъ самъ отъ себя. До этой минуты онъ ни разу не отчаивался, — даже больше, онъ ни разу не взглянулъ на свое положеніе съ мрачной точки зрѣнія и продолжалъ строить планы, одинъ грандіознѣе другого. Онъ нерѣдко засыпалъ въ такихъ мечтахъ. Онъ построитъ десять, двадцать, сто каменныхъ домовъ въ Петербургѣ. Его единогласно выберутъ городскимъ головою. Министръ попробуетъ не утвердить его и не посмѣетъ, боясь общественнаго мнѣнія. Тогда онъ начнетъ перестраивать весь Петербургъ. Вездѣ будутъ бульвары и скверы, скверы и бульвары, черезъ весь Петербургъ пройдетъ новый проспектъ—«Баскаковскій проспектъ». Правительство пойметъ, какой онъ финансовый геній. Что-жъ, если его не сдѣлаютъ министромъ финансовъ — для нихъ же хуже. Онъ твердо рѣшилъ, что если его не скоро призовутъ на такой

ность, то онъ приметъ предложеніе не вдругъ, не сразу, поставитъ свои условія, предъявитъ свою программу. «Государь, я понимаю, что я вамъ нуженъ, но у меня свои идеи, свои взгляды, свои убѣжденія! Я, Государь, не выскочка, я изъ Баскаковыхъ! Я признаю русскій народъ не менѣе способнымъ и предпріимчивымъ, чѣмъ американская нація. Но русскій геній нуждается въ широкой аренѣ, въ свободѣ для развитія своихъ силъ. Намъ нужна покровительственная система. Вотъ мои взгляды, вотъ моя программа». Конечно, это можетъ ихъ испугать, но вѣдь для него-то свѣтъ не клиномъ сошелся; онъ-то можетъ стать во главѣ цѣлой партіи, когда въ его рукахъ будетъ чуть не весь Петербургъ. Эти размышленія, планы, программы вошли уже въ плоть и кровь Баскакова, онъ ими жилъ, бросаясь въ самыя чудовищныя аферы. И вдругъ его прижимаютъ къ стѣнѣ и говорятъ: «ты несостоятельный должникъ, ты банкротъ, у тебя все продадутъ съ молотка». Муратовъ, между тѣмъ, продолжалъ говорить, тѣмъ же настойчивымъ, убивающимъ всякія иллюзіи тономъ:

— Вы не можете дотянуть до поздней осени. Но дотянуть до поздней осени надо. Покуда же слѣдуетъ продать Ольховатое. Это для дѣтей, для Матрены Кузьминичны. Потомъ вы дадите мнѣ тысячъ на двѣсти, на триста векселей, на мое имя и на имя Пахома Семеновича. При конкурсѣ все что-нибудь перепадетъ.

Баскаковъ ничего не понималъ. Ему было теперь ясно одно, что онъ разоренъ. Иллюзіи, мечты, планы, все это исчезло вдругъ, моментально, какъ это съ нимъ происходило всегда въ подобныхъ случаяхъ. У него немного шумѣло въ ушахъ, темнѣло въ глазахъ, кружилась голова. Онъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ:

— Нѣтъ, я этого не вынесу! Пулю въ лобъ, пулю въ лобъ, и конецъ!

Онъ схватился за голову, потомъ началъ стучать по лбу кулаками:

— Опозоренный старикъ!.. Банкротъ!.. Посмѣшище всего города! Старый дуракъ!.. ду-ракъ!..

Муратовъ былъ холоденъ и спокоенъ. Онъ зналъ, что въ минуты отчаянія дядя иногда катался по полу, билъ себя головою объ стѣну. Но это все проходило такъ же скоро, какъ приходило. Надо было только перемѣнить тактику.

— Насколько у васъ неустоекъ въ числѣ долга?—спросилъ онъ.

— На четыреста съ чѣмъ-то тысячъ!.. Понимаешь: на че-ты-ре-ста съ чѣмъ-то ты-сячъ!..

— И проценты, поди, брали съ васъ жидовскіе?

— Двадцать, тридцать, сорокъ давалъ... Двой-ны-е векселя давалъ!..

— Ну, такъ такихъ подлецовъ проучить надо. Надо не на двѣсти, не на триста, а на четыреста тысячъ выдать мнѣ векселей. Главное, тотчасъ же продать Ольховатое. Пусть тогда получаютъ по гривеннику за рубль. У вашей семьи все же что-нибудь да останется изъ клововъ этихъ коршуновъ...

Баскаковъ вдругъ расцвѣлъ.

— Истинно коршуновъ, истинно коршуновъ!—заговорилъ онъ. — О, если бы ты зналъ, шероика, какъ они налетали, какъ они рвали клочокъ по клочку все, что попадало имъ подъ руку! Вѣдь на мои деньги эти бестіи заводы завели, фабрики устроили, я имъ сотни и сотни тысячъ... да что я говорю... милліоны переплатилъ! Нѣкоторыхъ я изъ грязи вытащилъ, до благосостоянія довелъ, осчастливилъ на всю жизнь, а теперь эти же люди заклевать меня готовы!..

Баскаковъ дотронулся до руки Муратова и интимнымъ тономъ проговорилъ ему:

— Признаюсь тебѣ откровенно: нужно было имѣть мое терпѣніе, мою глубокую вѣру въ свою звѣзду, чтобы не пасть давно духомъ въ моемъ положеніи. Я вѣдь, ты понимаешь, чувствовалъ, чутьемъ угадывалъ, какъ подо мною, подъ моимъ помостомъ подламываютъ столбъ за столбомъ, сваю за сваей, доску за доской, а тамъ внизу зіяетъ темная бездна! И не за что ухватиться, не на кого надѣяться!.. Ужасно, ужасно!

Муратовъ молчалъ и обдумывалъ дѣло, предоставляя дядѣ полную свободу войти въ роль.

— Да вотъ тебѣ примѣръ, до чего довело это даже меня,—продолжалъ Александръ Николаевичъ.—Я съ Цвѣнтеховскимъ велъ переговоры, я ждалъ, что Хвостовъ — Иванъ Дмитріевичъ Хвостовъ! — мой домъ купитъ! Вѣдь это ты понимаешь что такое? Это чортъ знаетъ что такое! Это хуже, чѣмъ ѣздить на кофейной гущѣ гадать! А я до этого дошелъ! Вѣдь ты пойми, что нужно было изстрадаться, чтобы дойти до этого. Это вѣдь даже и не соломинка утопающаго, нѣтъ, это кофейная гуща, кофейная гуща и ничего болѣе! Я въ какіе-нибудь четыре года постарѣлъ на десять лѣтъ... Я дряхлымъ старикомъ становлюсь!

Муратовъ теперь сидѣлъ въ раздумьи и смотрѣлъ на какія-то бумаги, валявшіяся на письменномъ столѣ. О порядкѣ, въ какомъ находились эти бумаги, можно было сказать только одно, что тутъ «чортъ ногу переломитъ». Весь письменный столъ, всѣ стулья и кресла были завалены ими. Среди этихъ бумагъ попадались пустые ящики изъ-подъ сигаръ, сломанныя коробки отъ спичекъ, образцы обоевъ и бордюровъ, старые галстуки. Среди этого хаоса было трудно разобраться.

— Это, дядя, счеты?—спросилъ Муратовъ, дотрогиваясь до бумагъ на столѣ.

— Да, разныя бумаги: счеты, смѣты, письма,—отвѣтилъ Баскаковъ.

— Вы позволите взглянуть?

— О, сдѣлай одолженіе! Поучительная лѣтопись домостроительства!

— Потомъ надо будетъ все подробно провѣрить, чтобы комаръ носа не могъ подточить, — мелькомъ замѣтилъ Данила Павловичъ.

— О, у меня все, какъ на ладони,—отвѣтилъ Баскаковъ.

Муратовъ сталъ перебирать бумаги.

— Да, — заговорилъ Баскаковъ: — это любопытная хроника надувательства, безсовѣстнаго грабительства, жидовскаго ростовщичества. Я ни на минуту не задумаюсь провести этихъ людей. Я чувствую въ этомъ потребность, какъ...

Муратовъ остановился на какой-то бумагѣ и перебилъ краснорѣчіе дяди.

— Дядя, развѣ вы дѣлали въ Петербургѣ туалеты для Матрены Кузьминичны?

Баскаковъ въ недоумѣніи остановился передъ Муратовымъ.

— Никогда!

— Но вотъ тутъ счетъ модистки.

— А! Это для Берты,—небрежно отвѣтилъ Баскаковъ.

Муратовъ въ свою очередь взглянулъ съ недоумѣніемъ на дядю.

Тотъ пожалъ плечами.

— Или ты думалъ, что я могъ столько времени въ мои годы обойтись безъ женщинъ? — сказалъ онъ, и его верхняя губа приподнялась съ одной стороны съ выраженіемъ презрѣнія.

— Хорошо, должно-быть, бестія одѣвалась,—коротко за-

мѣтилъ Муратовъ, отбрасывая счетъ, и снова сталъ проглядывать бумаги.

Вотъ опять какой-то странный счетъ по домостроительству: закуска, обѣдъ, вина. Затѣмъ попалась еще менѣе касающаяся построекъ бумажка: просьба прислать двѣсти рублей, подписанная по-французски буквою В. Тутъ же среди безграмотныхъ счетовъ мелкихъ подрядчиковъ, подписывавшихъ «капецъ второй гильдіи», лежала раздушенная пригласительная записочка какой-то барыни-благотворительницы. Видно было, что тутъ все валилось въ одну кучу, безъ толку, безъ разбору, на ходу. Баскаковъ какъ бы угадалъ мысли Даніилы Павловича о безпорядкѣ, господствовавшемъ здѣсь, и заботливо замѣтилъ:

— Ты, пожалуйста, клади только все такъ, какъ оно лежало. Этотъ безпорядокъ для меня порядокъ: я тутъ съ зажмуренными глазами найду все, что мнѣ надо. При такомъ сложномъ дѣлѣ нечего думать о сортировкѣ бумагъ, а нужно только помнить, что куда кладется. Впрочемъ, у меня вѣдь контора есть, и тамъ все вносится въ шнуровыя книги. Хвостовъ тебѣ укажетъ. Дѣла всѣ ясны, какъ на ладони...

— Да, повозиться, какъ видно, придется не мало со всѣмъ этимъ дѣломъ; но положитесь во всемъ на меня, — проговорилъ Даніила Павловичъ, складывая бумаги.

Онъ взялъ со стола какую-то попавшуюся ему подъ руку вещь и, вертя ее въ рукахъ, откинулся въ креслѣ.

— На работахъ у меня теперь,—продолжалъ онъ:—меня можетъ замѣнить и Пахомъ Семеновичъ, и потому я могу удѣлить время на ваши дѣла. Они требуютъ серьезнаго вниманія. Но только прошу васъ объ одномъ: не предпринимайте ничего безъ моего совѣта. Я вѣдь васъ знаю...

Въ эту минуту взятая имъ со стола вещь, которою онъ продолжалъ играть, начала, шелестя, развертываться въ его рукахъ. Онъ не безъ удивленія взглянулъ на нее и увидалъ, что онъ держитъ огромный дамскій вѣеръ. Онъ съ презрительной усмѣшкой отбросилъ его и поднялся съ мѣста. Это выраженіе нескрываемаго презрѣнія какъ-то странно поразило Баскакова. Онъ сконфузился, точно школьникъ. Даніилѣ Павловичу нужно было ѣхать по дѣламъ, и дядя, и племянникъ разстались. Въ тотъ же день Даніила Павловичъ заѣхалъ къ Аделаидѣ Александровнѣ и сказалъ ей, что онъ остается въ Петербургѣ еще на нѣсколько дней, и что ей нужно торопиться съ покупкой Ольхова-

таго. Онъ говорилъ теперь дѣловымъ тономъ, по своему обыкновенію, коротко и ясно. Аделанда Александровна сразу попала въ этотъ же тонъ. Какъ-то инстинктивно они отложили на этотъ разъ въ сторону все, не идущее къ дѣлу.

— Я самъ бы купилъ имѣніе для себя: оно доходное,— сказалъ, между прочимъ, Муратовъ.—Но не хочу я покупать его; ничего я не понимаю въ сельскомъ хозяйствѣ. Меня теперь не къ этому дѣлу тянетъ.

Когда рѣчь зашла о цѣнѣ, онъ замѣтилъ:

— Его и за грошъ можно купить и за два, за три десятка тысячъ дукаты, потому что для дяди все равно, за что продать, только бы продать. Эти деньги пойдутъ на обезпеченіе его семьи.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Тебѣ тоже все равно, если твой іерусалимскій дворянинъ раскошелится немного больше или немного меньше. Лучше, конечно, если немного больше, а то, въ самомъ дѣлѣ, твоя мачеха и ея дѣти останутся нищими. Дядюшка ихъ чуть по-міру не пустилъ. Тебѣ же или мнѣ могутъ сѣсть на шею... Сюрпризъ будетъ не изъ пріятныхъ.

Они разстались друзьями, условившись списаться объ Ольховатомъ и рѣшивъ въ принципѣ, что имѣніе будетъ куплено Муратовой.

Два-три дня Данила Павловичъ оставался еще въ Петербургѣ и безвыходно сидѣлъ въ конторѣ дяди, просматривая книги и счеты. Въ конторѣ велась удивительная бухгалтерія, тайну которой едва ли могъ понять кто-нибудь, кромѣ самого Баскакова и Хвостова. Тутъ тоже чортъ могъ переломить ногу; но это обстоятельство не особенно опечалило и даже скорѣй обрадовало Данилу Павловича, такъ какъ въ этой мутной водѣ все равно никто ничего не разобралъ бы и никогда не дознался бы, куда растрачены лишніе десятки или сотни тысячъ. Пересмотрѣвъ всѣ дѣла, взявъ съ Александра Николаевича на нѣсколько сотъ тысячъ векселей, Данила Павловичъ уѣхалъ домой, давъ обѣщаніе дядѣ вернуться снова къ нему, когда этого потребуютъ обстоятельства.

А безъ него Матрена Кузьминична уже не разъ присылала сыновей и Воздвиженскаго къ Олимпіадѣ Павловнѣ узнать, не пріѣхалъ ли Данила Павловичъ. Не успѣлъ онъ отдохнуть съ дороги, какъ Матрена Кузьминична была уже у него. Начались разспросы: какъ и что?

— Дѣла, какъ сажа бѣла,—отвѣтилъ Данила Павловичъ.—

Ольховатое нужно продать, несостоятельность на носу. Но я поспѣлъ во-время. Вы получите всѣ деньги, которыя выручатся отъ продажи Ольховатаго. Это покуда будетъ все, что останется у васъ съ дѣтьми. Потомъ, когда дядю объявятъ несостоятельнымъ, мы спасемъ еще кое-что. Нищими не останетесь, но нужно будетъ дѣйствовать очень осторожно и умѣло.

Матрена Кузьминична только ахала, крестилась и разводила руками, совсѣмъ растерявшись. По ея лицу катились слезы. Олимпіада Пахомовна тоже смотрѣла на нее со слезами на глазахъ, но старалась ободрить ее.

— Не плачьте, тетушка, не плачьте! — говорила она. — Даня все устроитъ; онъ у насъ добрый и такой умный, все знаетъ...

— Только на него и надежда, только на него, — говорила Матрена Кузьминична.—Но Александру-то Николаевичу ничего за это не будетъ? Не посадятъ его?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ужъ о немъ-то не заботьтесь!—отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— О комъ же мнѣ и заботиться, какъ не о немъ?.. Я съ дѣтьми всегда перебьюсь, мы простые люди, не господа какіе-нибудь...

— Да кстати о дѣтяхъ... Дядя вѣдь узаконилъ дѣтей?

— Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ...

— Они, значитъ, такъ и числятся Васильевыми?

— Да, Васильевы...

— Ну, и отлично! Значитъ, мы потомъ изъ вырученныхъ за Ольховатое денегъ купимъ имъ землю, и пусть ихъ работаютъ. Они сумѣютъ выбиться изъ нужды...

— Что они! Они—работники! Только бы его спасти. Ты мнѣ побожись: не сидитъ онъ еще въ ямѣ-то?

— Да полноте вы о немъ сокрушаться!—досадливо сказалъ Данила Павловичъ.—Не сидитъ, и не будетъ сидѣть!

— Ну, и слава тебѣ, Господи! Только бы этого-то не было; а деньги что!

Данила Павловичъ разсердился даже.

Но Олимпіада Пахомовна поддержала тетку. Она понимала чувства этой женщины. Она сама не остановилась бы на выборѣ между мужемъ и дѣтьми: послѣднихъ она любила; къ первому она чувствовала безумную страсть. Долго длилось совѣщаніе родственниковъ. Но Матрена Кузьминична въ сущности ничего не поняла изъ того, что ей говорилъ Данила Павловичъ, и въ ея душѣ былъ только

страхъ за участь Александра Николаевича. Въ самомъ тяжеломъ настроеніи уѣхала она домой. Дома ее обступили дѣти, гувернантка, Воздвиженскій. Она, какъ умѣла, передала имъ все слышанное.

— Ну, бѣда еще не велика,—рѣшилъ Воздвиженскій:— по-міру значитъ не пойдете, а что этихъ хоромъ не будетъ, такъ на что вамъ онѣ?

— И вовсе онѣ даже не подъ стать вамъ,—рѣшила гувернантка.—Въ Чистополѣ по зимамъ въ маленькомъ домикѣ жмемся; а ничего, славу Богу, живется не худо.

— Да не хоромъ мнѣ этихъ жаль, а за него я трясусь,— сказала Матрена Кузьминична.

И вдругъ, услышавъ гдѣ-то мычаніе коровъ, совсѣмъ жалобнымъ тономъ прибавила:

— Вотъ и скотинки всей лишимся, все-то отнимутъ, все...

— Ну, это еще бабушка на-двое сказала!—воскликнулъ запальчиво Александръ. — Я своего Вороного, что они ни говори, скраду!

— Озорникъ, что ты это выдумалъ,—проговорила Матрена Кузьминична:—цыцъ, разбойникъ!

— Тоже, братъ, за это тебя по головкѣ не погладятъ,— серьезно замѣтилъ Николай.—Глупости болтаешь!

— Отчего же не скрасть Вороного, если тысячи красть будутъ,—ядовито ввернулъ Воздвиженскій.

Всѣ обернулись къ нему, точно онъ разомъ нанесъ ударъ всѣмъ.

— Какъ тысячи красть будутъ? Какія тысячи?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да не понимаете вы, что ли, что Данила Павловичъ теперь спасать Александра Николаевича будетъ тѣмъ, что надуетъ его кредиторовъ,—пояснилъ Воздвиженскій.—Вѣдь другого-то спасенья быть не можетъ. Продадутъ имѣніе и деньги припрячутъ, еще какой-нибудь фортель выкинутъ, чтобы утянуть десятокъ-другой тысяченокъ. Это ужъ извѣстное дѣло, какъ во время банкротства мошенничаютъ...

Матрена Кузьминична совсѣмъ оробѣла.

— Да вѣдь это по купечеству такъ дѣлается,—сказала она.

— А вы думаете по дворянству иначе дѣлается?—отвѣтилъ онъ.

— Да ты говори толкомъ,—сказала она испуганнымъ и раздражительнымъ тономъ.—Что же такое будетъ: въ петлю, что ли, лѣзть заставятъ Александра Николаевича?

— Да вѣдь припрятать-то кое-что нужно же.

— Ну, а узнаютъ?

— Тогда по головкѣ не погладятъ. Злостнымъ тоже признаютъ, тогда радость будетъ не велика. По Владиміркѣ можно прогуляться.

— Господи, да что же это такое!—воскликнула Матрена Кузьминична, обводя всѣхъ испуганными глазами.—Просто всѣ поджилки трясутся. Ахъ ты, бѣды какія! ахъ, бѣды! Да какъ же это Данила Павловичъ такое дѣло затѣялъ! Не грѣхъ ли ему!

— Да вѣдь другого выхода нѣтъ. Или вы нищими сдѣлаетесь, или надо мошенничать. Ну, да тутъ не грѣхъ кое-что припрятать, тоже не у честныхъ людей копейку утянете, а чортъ знаетъ у кого...

— Ахъ, ты, Господи, напасть-то какая, напасть-то какая!—повторяла Матрена Кузьминична, качая головой.—И вправо сверни—шею сломаешь, и влѣво пойди—головы не сносишь. Вотъ въ кашу-то попались!

На всѣхъ напало какое-то уныніе. Теплый вечеръ тихо догоралъ, пора было уходить съ террасы, гдѣ сидѣла вся семья, а никто и не думалъ объ этомъ. Только теперь всѣ поняли ясно бѣду, обрушившуюся на семью, — бѣду безвыходную, непоправимую. Служанка уже второй разъ заходила на террасу сказать, что чай поданъ, но ее не замѣчали.

— Да что ты тутъ топчешься на одномъ мѣстѣ?—наконецъ, произнесла Матрена Кузьминична съ раздраженіемъ.

— Чай-съ поданъ!—отвѣтила женщина.

— Чай, чай! До чаю теперь! Экая бѣда случилась, а тутъ чай!—проворчала Матрена Кузьминична и все-таки поднялась съ мѣста, чтобы идти въ столовую.

За нею поднялись съ мѣста и остальные присутствующіе. Чаепитіе прошло среди тоскливаго молчанія. Присутствующіе только изрѣдка перекидывались отрывочными фразами. Всѣмъ было не по себѣ. Но болѣе всѣхъ досадовалъ на себя Воздвиженскій, что онъ открылъ всѣмъ глаза на сущность дѣла. Онъ какъ-то исподлобья поглядывалъ на всѣхъ и случайно встрѣтился глазами съ гувернанткой. Она смотрѣла такъ сурово, что онъ сразу понялъ, что и она сердита на него. Онъ всталъ и опять вышелъ на террасу. Черезъ минуту вышла туда же и гувернантка.

— Ну, какой чортъ дернулъ васъ за языкъ!—проворчала она.—Вѣдь дѣла-то вы своими объясненіями не поправили, а теперь вся семья точно въ воду опущенная. Матрена Кузьминична вонъ всю ночь, поди, не будетъ спать. Воровство,

мошенничество, Владимірка! Ну, а какъ по-вашему надо поступить?

— А чортъ знаетъ какъ! Что вы пристали! — отвѣтилъ отрывисто Воздвиженскій.—А потакать ворамъ тоже ужъ я не буду. Воры, такъ ворами ихъ и зову.

— Кто воръ-то? Матрена Кузьминична? Коля да Саша? Маруся? Или хотите, чтобъ они отказались отъ тѣхъ крохъ, которыя имъ останутся, и пошли по-міру? Экій честный обличитель: самъ ничего отъ обличенія не теряетъ, такъ и обличаетъ!

— Да отвяжитесь вы отъ меня, Анна Ивановна! Всегда я говорилъ, что вы сварливая дѣвица, и теперь это въ сотый разъ повторяю.

— Скажите, пожалуйста, какъ это мнѣ важно знать ваше мнѣніе обо мнѣ! Вы лучше бы сказали, какого мнѣнія вы о своемъ поступкѣ? Удивляетесь, поди, своему гражданскому подвигу: глаза людямъ раскрылъ, правду имъ высказалъ! Ахъ, вы! Десять лѣтъ у семьи хлѣбъ-соль ѣдите, а поберечь, пощадить ее въ тяжелую минуту не умѣете...

Воздвиженскій съ комичной злобой обернулся къ ней лицомъ.

— И что же вы за ехидна такая!—воскликнулъ онъ.— Нашли больное мѣсто, подсмотрѣли, вынюхали его, и тычете, и тычете въ него пальцемъ! Вотъ, молъ, тебѣ; вотъ, молъ, тебѣ! Ну, дѣвица, вотъ такъ дѣвица, я вамъ скажу!

Онъ развелъ руками.

— Теперь вы ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ не подступайте, говорить съ вами не буду!—сказалъ онъ.

— Да молчите, пожалуй; это веселья въ домѣ прибавитъ! И безъ того будетъ теперь весело, а еще всѣмъ пріятнѣе станетъ, когда ваша надутая физіономія всѣмъ глаза мозолить будетъ. Какъ разъ во-время надумали дуться!

— Тьфу!—плюнулъ Воздвиженскій и отошелъ прочь.

Семья Баскакова уже поднялась изъ-за стола. Всѣ распрощались и ушли спать.

Братья Николай и Александръ прошли въ свою комнату. Это было просторное, высокое и свѣтлое помѣщеніе во второмъ этажѣ съ балкономъ, выходившимъ въ садъ. Въ комнатѣ было жарко. Николай отворилъ дверь и вышелъ на балконъ. Онъ подошелъ къ периламъ балкона. Въ воздухѣ было тепло и тихо; внизу дремалъ громадный старый паркъ: изъ него доходилъ смутный, едва замѣтный шелестъ жизни; въ темномъ безоблачномъ небѣ мигали звѣзды. Юноша какъ

бы замеръ, вдыхая широкою грудью свѣжій воздухъ, любуясь тихою ночью. Въ комнатѣ же, въ это время, его братъ всталъ на обычную молитву. Въ одномъ бѣльѣ, босой, онъ стоялъ передъ образомъ Спасителя на колѣняхъ и усердно клалъ земные поклоны, встряхивая курчавой головой и осѣняясь широко крестнымъ знаменіемъ. Въ тишинѣ было слышно, какъ шептали его губы молитву, какъ слегка стукалась его голова объ полъ. Когда братъ Николай вернулся въ комнату, Александръ уже кончалъ молиться. Николай раздѣлся и легъ. Александръ сдѣлалъ еще пару земныхъ поклоновъ, поднялся и тоже легъ на свою постель. Оба юноши лежали на спинахъ, подложивъ руки подъ головы.

— Что? Объ Ворономъ молился, чтобы не отняли?—спросилъ Николай.

— Ну, вотъ, есть о чемъ молиться!—отвѣтилъ Александръ.

Потомъ они снова замолчали, и опять ихъ глаза устремились по направленію къ окнамъ. Тамъ царила прозрачная тьма сухой и безоблачной лѣтней ночи, и попрежнему мерцали милліоны звѣздъ въ бездонномъ воздушномъ пространствѣ. Минуты шли за минутами, а молодымъ людямъ противъ обыкновенія не спалось. Что-то смутное, странное происходило въ душѣ. Они, казалось, не думали, не размышляли; въ ихъ головахъ былъ какой-то хаосъ, и въ этомъ хаосѣ мелькали какіе-то отрывки мыслей, фразъ, вопросовъ.

— Да, вонъ молишься, молишься, а на воровскія деньги все же жить будешь, — вдругъ проговорилъ Александръ съ тяжелымъ вздохомъ, не поворачивая головы.

— Что-жъ, помнишь, вотъ объ итальянскихъ бандитахъ читали: они всегда сначала помолятся, а ужъ потомъ идутъ на грабежъ,—отрывисто отвѣтилъ Николай.

Они опять замолчали, опять глаза ихъ устремились къ темному небу, къ мерцающимъ звѣздамъ.

— Да, вонъ Антонъ Михайловичъ мошенниками назвалъ, потомъ всѣ назовутъ, сами будемъ себя такъ звать. Хорошо тоже!—продолжалъ въ раздумьи братъ Александръ, и въ его тонѣ послышалась горечь.—И зачѣмъ онъ сказалъ! Не знали бы—лучше бы было.

— Ишь, страусъ какой! Подъ крыло голову спряталъ, такъ и думаетъ, что никто его не увидитъ, — съ ироніей отвѣтилъ Николай.

— Да вѣдь мы ничего подѣлать не можемъ! Попусту

только чортъ знаетъ что въ голову лѣзетъ!.. Тоже, поди, теперь и мать, и сестра молятся и плачутъ...

— Ну, у матери одно горе, какъ бы нашъ Александръ Николаевичъ по Владиміркѣ не пошелъ...

— Не пойдетъ! Данила Павловичъ взялся за дѣло, чисто обдѣлаетъ... Съ чего это онъ только такъ захлопоталъ?

— Боится, что на шею ему, какъ нищіе, сядемъ... Ну, да и руки тутъ около дѣла себѣ немного понагрѣетъ...

Опять наступила пауза. Задумчивые глаза снова всматриваются въ бездонное небо, снова слѣдятъ за мерцаніемъ звѣздъ.

— Хотѣлъ бы я знать,—задумчиво заговорилъ Александръ:—какъ тамъ, на небѣ... Если вотъ нагрѣшитъ здѣсь человѣкъ, умретъ нераскаяннымъ, Богъ-то проститъ ли его за чужія молитвы?.. Вѣрно, думаютъ, что проститъ, если молятся за умершихъ.

Николай молчалъ. Спустя минуту Александръ продолжалъ тѣмъ же тономъ раздумья:

— Значитъ, богатымъ все отпустится, все простится? За нихъ вонъ сколько людей молится, храмы иногда строятъ, чтобы вѣчно молились за нихъ, въ монастыри вклады дѣлаютъ тоже... А бѣдный умри въ грѣхахъ—некому за него молиться... Родные развѣ... А то чужіе — такъ, даромъ молиться не станутъ... А чѣмъ человѣкъ виноватъ, что былъ бѣденъ?

Потомъ онъ, спустя минуту, опять заговорилъ:

— Вонъ, Пахомъ Семенычъ не одну душу, я думаю, загубилъ. Рабочихъ-то давитъ, давитъ, послѣдніе соки выжметъ, покуда у него они маются на работѣ. А тоже, поди, въ рай попадетъ. Онъ вонъ и колоколъ на церковь пожертвовалъ, и на пріютъ далъ, и на богадѣльню. Въ церкви вѣчно поминать будутъ. Глядишь, послѣ смерти на монастырь что-нибудь дастъ. Тоже вонъ Данила Павлычъ теперь на народъ налегаетъ, по чужимъ костямъ въ гору лѣзетъ, а тамъ благодѣяніями душу спасать станетъ...

Николай мелькомъ спросилъ брата:

— Да тебѣ завидно, что ли, что они въ рай попадутъ?

— Выдумалъ!—проговорилъ Александръ.

И черезъ минуту продолжалъ:

— Такъ, нѣтъ, нѣтъ, да и придутъ эти мысли въ голову... Вотъ, помнишь того рабочаго, старичка, что въ третьемъ году удавился въ лѣсу... Ушелъ съ линіи и удавился... Посмотрѣлъ я тогда на него! однѣ кости, да кожа, самъ съ-

денькій, сморщенный, желтый, одежонки, почитай, что и не было на немъ, такъ, какія-то лохмотья на косточкахъ висѣли... Видно, ужъ что съ горя человѣкъ рукй наложилъ на себя... Вѣкъ мучился, да терпѣлъ, подъ старость только силъ не хватило... А какъ его хоронили?.. Ни панихидъ, ни отпѣванья; зарыли, какъ собаку, не на кладбищѣ, а на опушкѣ лѣса, и конецъ... Такъ какъ же это: и всю жизнь онъ здѣсь мучился, и тамъ?..

Николай потянулся и перевернулся на бокъ.

— Пустяки это все! Здѣсь бы только Гущины, да Данилы Павловичи людьми не помыкали; а тамъ—тамъ ужъ у нихъ совѣта не спросятъ, куда кого пристроить...

Онъ завернулся въ одѣяло, и не прошло пяти минутъ, какъ послышалось его ровное, здоровое дыханье. Онъ уже спалъ, а Александръ все еще лежалъ съ открытыми глазами и всматривался въ бездонное небо...

VII.

Иванъ Дмитріевичъ Хвостовъ сдѣлалъ великое для себя открытіе. Какъ-то, заговоривъ снова о покупкѣ дома съ Баскаковымъ, онъ услыхалъ отъ послѣдняго фразу о томъ, что, видно, какъ ни вертись, а банкротомъ придется сдѣлаться. Хвостовъ полюбопытствовалъ, сколько всего долгу у Баскакова, и получилъ отвѣтъ, что долгу три милліона.

— Три милліона!—съ благоговѣніемъ воскликнулъ Хвостовъ. — Господи, какъ это иному человѣку повезетъ! Три милліона! Вы геній, Александръ Николаевичъ, право, геній!

Онъ развелъ своими коротенькими руками и съ какимъ-то благоговѣніемъ всматривался въ Баскакова. Тотъ даже разсмѣялся.

— Ну, небольшое еще счастье столько задолжать!—сказалъ онъ.

— Да, помилуйте, это цѣлое состояніе: навѣки и вамъ, и потомкамъ вашимъ хватитъ.

— Долговъ-то?

Баскаковъ расхохотался.

— Да вѣдь не все же вы отдадите,—сказалъ Хвостовъ и точно чему-то удивился. — Если десять процентовъ останется, и то, шутка ли! Ахъ, какое состояніе! Вѣдь я знаю эти дѣла, не все же вы кровопійцамъ и грабителямъ этимъ кредиторамъ предоставите!

— Конечно, конечно,—разсѣянно отвѣтилъ Баскаковъ.

Мысль, какъ надуть кровопійцъ, ему самому не давала покоя. Онъ создавалъ на этотъ счетъ тысячи плановъ.

— Конечно, конечно,—повторилъ онъ, ходя по комнатѣ.— Вотъ можно бы было въ аренду дома сдать.

— Да-съ, это можно, можно. Вы это о фиктивной арендѣ говорите? Дома съ молотка продадутъ, а вы черезъ третье лицо аренду получать можете. Это можно-съ!

Иванъ Дмитріевичъ оживился и сталъ потирать руки. Баскаковъ утвердительно кивнулъ головой. Эта мысль не пришла въ голову ни ему, ни Данилѣ Павловичу во время пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ. Теперь же Баскаковъ увлекся ею. Она не давала ему покоя въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Онъ посмотрѣлъ на Хвостова и спросилъ его:

— Вы бы взяли въ аренду который-нибудь изъ моихъ домовъ?

У Хвостова даже духъ замеръ. Онъ вдругъ началъ усиленно потирать руки и забормоталъ безсвязно:

— Я-съ... я-съ... Ахъ, ты, Господи Боже мой!.. Вотъ-съ вамъ моя душа... я-съ...

Потомъ онъ схватилъ Баскакова за руки и проговорилъ задыхающимся, но торжественнымъ голосомъ:

— Александръ Николаевичъ, Александръ Николаевичъ, я-съ по гробъ вамъ, по гробъ... Я не изъ корысти... я-съ... Ахъ, три милліона долгу! Этакій вы геній человѣкъ!.. Я зналъ одного, тотъ шестьсотъ тысячъ долгу имѣлъ и то теперь въ каретахъ ѣздитъ, а вы... три милліона!

Онъ сложилъ руки, точно молясь на Баскакова, и, качая головой, пожимая плечами, прошепталъ:

— Ахъ, ахъ!.. Три мил-ліо-на!

Баскаковъ любилъ тѣхъ, кто преклонялся передъ его геніемъ, онъ потрепалъ Хвостова покровительственно по плечу и проговорилъ:

— Заходите какъ-нибудь денька черезъ два, мы объ этомъ поговоримъ за бутылкой вина...

Хвостовъ не помнилъ уже себя отъ радости. Онъ чуть не поцѣловалъ руки у Баскакова, едва не прижалъ его къ груди. Надѣвъ совсѣмъ на затылокъ шляпу, помахивая, какъ мальчуганъ-франтикъ, тросточкой, разговаривая съ самимъ собою вслухъ, онъ летѣлъ домой, то безъ всякой церемоніи толкая въ бока прохожихъ, то на ходу извиняясь передъ фонарнымъ столбомъ, за который задѣлъ плечомъ. На время онъ потерялъ способность видѣть и понимать окружающую

его дѣйствительность. Онъ впередъ предвидѣлъ эффектъ, который произведетъ на его семью извѣстіе о томъ, что онъ будетъ арендовать дома Баскакова.

— Три милліона долгу! Три милліона! — повторялъ онъ, приближаясь къ дому, гдѣ онъ жилъ.

Хвостовъ жилъ на бивуакахъ.

— Извините, батюшка, моя Ольга Даниловна не хозяйка... И то сказать, мы вѣдь на бивуакахъ все!

Этою фразою неизмѣнно встрѣчалъ Хвостовъ всѣхъ посѣщавшихъ его. Дѣйствительно, въ его квартирѣ царствовалъ невообразимый хаосъ. Но, взглянувъ на этотъ безпорядокъ, каждый посторонній человѣкъ тотчасъ же успокаивался, рѣшая мысленно: «да они, впрочемъ, тутъ на бивуакахъ, на-время поселились». Эта успокоительная мысль приходила въ голову даже тѣмъ, кому самъ Хвостовъ не успѣвалъ объяснить, что онъ живетъ на бивуакахъ, приходила потому, что каждый посѣтитель сразу соображалъ, что постоянно такъ жить нельзя. На этомъ же убѣжденіи успокоился и Хвостовъ, успокоилась и его жена, успокоились и его дочери, Вѣра и Оля, дѣвушки пятнадцати и шестнадцати лѣтъ. Они всѣ успокоились на этой мысли и прожили съ такимъ успокоительнымъ убѣжденіемъ всю жизнь. Правда, въ Петербургѣ на бивуакахъ они прожили только пять лѣтъ, но среди того же хаоса они жили и въ Казани, и въ Москвѣ, и въ Сызрани, и въ имѣніяхъ разныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, гдѣ господинъ Хвостовъ являлся и младшимъ управляющимъ, и конторщикомъ, и помощникомъ режиссера, и человѣкомъ «на хлѣбахъ изъ милости». Иванъ Дмитріевичъ Хвостовъ, этотъ кругленькій, сѣденькій, лысенькій и розовенькій старичокъ, былъ въ сущности неудачникомъ, но никто не вѣрилъ такъ сильно въ возможность удачи, какъ онъ, потому что, по его словамъ, были бы только руки и голова, а достигнуть всего возможно.

— Да, вотъ взгляните на Ивана Григорьевича Жукова, на Павла Степановича Ѳедорова, — говаривалъ онъ: — на моемъ вѣку наживаться стали, нищими были, а теперь какіе тузы. Да и не одни они.

Затѣмъ шелъ разсказъ о цѣломъ рядѣ людей, начавшихъ съ ничего и добившихся до видныхъ мѣстъ и большихъ капиталовъ. Онъ былъ сиротой съ колыбели, воспитаніе получилъ въ театральномъ училищѣ, не научился тамъ ничему и по окончаніи курса остался не у дѣлъ. Съ первыхъ же дней самостоятельной жизни онъ сталъ скитальцемъ, слу-

чайно получалъ мѣста, случайно лишался ихъ, случайно его женили на какой-то вдовѣ провинціальнаго актера, игравшей въ случаѣ нужды роли королевъ и царицъ, если эти роли не требовали рѣчей. Высокая, плотная, лѣнивая, Ольга Даниловна очень тяготилась заучиваньемъ ролей даже тогда, когда онѣ состояли изъ десятка фразъ, и потому она была рада, послѣ годового вдовства, выйти замужъ даже за Хвостова. Въ приданое ему она принесла только свое царственное величіе и безмятежное, лѣнивое спокойствіе. Въ день ихъ свадьбы на двухъ дорожныхъ сундукахъ примостили двѣ доски, на доски положили складной матрацъ, прикрытый измятыми простынями, и такимъ образомъ получилось брачное ложе молодыхъ. «Ну, что дѣлать, мы вѣдь на бивуакахъ», сказалъ Иванъ Дмитріевичъ, и съ той поры около двадцати лѣтъ онъ и его семья неизмѣнно утѣшались этою фразою. Положеніемъ на бивуакахъ объяснялись всѣ неудобства помѣщенія, отсутствіе то обѣда, то чаю, недостатокъ чистой сорочки на Хвостовѣ и сколько-нибудь приличнаго платья на Хвостовой. Это сознаніе, что всѣ претерпѣваемыя невзгоды только временныя невзгоды, не покидало семьи ни на минуту, и у Хвостова были всегда основанія поразить постороннихъ успѣшностью хода его дѣлъ.

— Да-съ, вѣдь съ ничего началъ,—разсказывалъ онъ.— Сироткой остался малюсенькимъ на мостовой. А не пропалъ. И образованіе получилъ, и, кончивъ курсъ, мѣсто нашелъ. Сколько путешествовалъ, такъ это иной богачъ сотой доли того не увидитъ, что мы съ Олей видѣли. Такъ вѣдь Оля?

— Да, ужъ гдѣ-гдѣ ни бывали. Вотъ въ Сызрани у самого князя Трусова въ имѣніи гостили...

— Да, видите, у князя Трусова. Онъ, знаете, метрессу имѣлъ. Вотъ Ольга Даниловна съ ней и сдружилась. Ну, и пригласили насъ гостить...

— Барышни Пашковы у нея бывали, всѣ мѣстные чиновники наѣзжали. Такіе пикники устраивали, что страсть. Только жаркое лѣто было. Распаритъ, бывало, всю такъ, что ну ихъ съ пикниками. Лежала бы въ своемъ холодѣ и не двигалась бы...

— Да-съ, такъ вотъ я о судьбѣ началъ,—продолжалъ Хвостовъ.—И не только я путешествовалъ по всей Россіи, а и женкой, семейкой обзавелся, и вонъ дочурокъ на ноги поднимаю. Все вѣдь своимъ трудомъ. Могу сказать, что не

мошенничалъ, не грабилъ, а только трудомъ жилъ. И не дурно-таки жилъ. Помнишь, Оля, какъ мы жили въ имѣніи князя Пушилова?

— Архіерей разъ завтракалъ у насъ!

— Да-съ, батенька, не шутите! Хе-хе-хе! Самого архіерея, его преосвященство угощали. Князь-то былъ вдовый, полюбилъ онъ насъ, ну, я хоть и просто конторщикомъ былъ, а сталъ онъ насъ къ себѣ приглашать, и совсѣмъ мы своими стали. Больше это все, конечно, черезъ его ключницу произошло. Она изъ дворовыхъ дѣвокъ была, а княземъ вертѣла. Ну, полюбила она Олю...

— Ахъ, вотъ-то мы дружны были!—говорила Ольга Даниловна.—Она тоже женщина сырая, на подъемъ тяжелая была. Ну, мы съ ней и сошлись. Бывало, лѣтомъ сидимъ въ своихъ холодаяхъ, а дѣвокъ заставимъ ягоды собирать, потомъ чистить ягоды велимъ, варенье приказываемъ варить. Плясать тоже и хороводы водить парней и дѣвокъ заставляли...

— Какъ сыръ въ маслѣ катались,—замѣчалъ Хвостовъ:— и не помри князь—хе! какъ бы мы теперь жили! Ну, да хоть и онъ умеръ, а все же Богъ не оставилъ насъ, не пошли по-міру, вотъ и до сихъ поръ живемъ. Конечно, разсчитывать нужно, нужно даромъ денегъ не бросать, потому денежка рубль бережетъ,—ну, мы такъ и живемъ; оно не легко отказывать-то себѣ въ прихотяхъ, разсчитывать, ну, да что дѣлать...

Потомъ онъ долго и пространно толковалъ, какъ онъ и Ольга Даниловна разсчетливы. Разсчетливость ихъ состояла въ томъ, что они вовсе не модники. Были бы одѣты, а какъ, это имъ все равно. Платье—пустяки! Душа да умъ—вотъ что нужно. Потомъ тоже обѣды да ужины—они, Хвостовы, за этимъ не гонятся. Иногда чаю съ булками или съ хлѣбомъ напьются и обѣдать не хочется. Такъ-то имъ и не много нужно. Тоже и обстановки они не заводятъ, покуда они на бивуакахъ, а то дорого за мебель заплатишь, а придется куда-нибудь въ другой городъ ѣхать—продашь все за безцѣнокъ. Это ужъ не расчетъ. Вотъ главныя правила, которыми они руководствуются теперь, покуда они живутъ на бивуакахъ. Тоже, когда лишнія деньжонки есть, они все гуртомъ стараются закупить, рыбы соленой на цѣлый постъ закупятъ, меду тоже, яблоки четвериками осенью закупаютъ. Такъ-то, оптомъ дешевле.

— Только вотъ въ прошломъ году рыбы пришлось по-

ловину выкинуть, сгнила,—пояснилъ Хвостовъ.—Не доглядѣли и сгнила.

— А помнишь, какъ медъ вытекъ?—замѣчала Хвостова.

— Ну, тогда и слава Богу, что вытекъ,—пояснялъ мужъ.—Мы, видите ли, купили медъ, ну, и ѣли его съ чаемъ, и такъ просто, и съ оладьями. Извѣстное дѣло, медъ сладокъ, какъ есть онъ въ домѣ, такъ и манитъ къ нему, только разъ какъ-то и опрокинули кадочку, и вытекъ онъ. Онъ-то вытекъ, а на днѣ, смотримъ, дохлая крыса. Вѣдь вотъ ужъ истинно Богъ спасъ, что опрокинули боченочекъ, а то такъ бы погань и ѣли, да еще заболѣли бы, чего добраго.

Иногда Хвостовъ лукаво подтрунивалъ надъ слѣдствіями своей разсчетливости.

— А вотъ иному смѣшно покажется, что мы всѣ канарейками ходимъ,—говорилъ онъ.—И у Ольги Даниловны, и у Вѣры, и у Оли, и у меня костюмы желтые. А это вѣдь я партію ситцу палеваго цвѣта по случаю пріобрѣлъ. Такъ вѣдь, повѣрите ли вы, три года теперь мызгаемъ-мызгаемъ его и сносить не можемъ. Все еще аршинъ двадцать осталось. Ужъ у меня, знаете, изъ него сшиты даже невыразимыя, нижнія-съ, понимаете? Что-жъ? Кто ихъ видитъ, какія онѣ цвѣтомъ? Въ партіи-то подмоченные куски были съ пятнами бѣлыми, такъ вотъ изъ нихъ мнѣ и сшила Ольга Даниловна невыразимыя. Оно смѣшно-съ со стороны, а это экономія, батенька. Мы вѣдь не Крезы! Пусть насъ зовутъ канарейками, а мы экономію соблюдаемъ и расчетъ держимъ.

Семья Хвостовыхъ жила такимъ образомъ, не жалуясь на судьбу и перебиваясь со дня на день, среди безпорядка и хаоса бивуачной жизни. Этотъ безпорядокъ казался порядкомъ Ольгѣ Даниловнѣ, привыкшей къ хаосу провинціальныхъ жилищъ актеровъ, къ хаосу театральныхъ уборныхъ и сцены во время репетицій и представленій. Ей даже казалось, что у нихъ все въ порядкѣ. Хвостовъ хотя и видѣлъ этотъ безпорядокъ, но твердо былъ убѣжденъ, что это явленіе временное, переходное. Двѣ его дѣвочки, учившіяся уже въ гимназіи, не видали съ дѣтства другой жизни и сжились, свыклись съ нею. Это были добрыя, ласковыя и нѣжныя созданія, обожавшія своего добраго «папу», любившія свою «маму», лѣнившуюся даже ворчать на нихъ, и росли милыми неряшками, какими-то веселыми Сандрильонами, съ вѣчными прорѣхами на рукавахъ, съ вѣчными чернильными пятнами на рукахъ и платьяхъ. Ихъ не за-

ботили ни ихъ наряды, ни отсутствіе обѣдовъ, замѣнявшихся чаепитіемъ съ сдобными булками и пирожками изъ кондитерской, ни неудобное спанье на сундукахъ и на полу, какъ попало. Иногда ощущалось даже особенное удовольствіе отъ возможности уснуть гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ, поѣсть не въ урочный часъ, не знать навѣрное, будетъ ли сегодня обѣдъ замѣненъ чаепитіемъ и сластями и не будетъ ли вмѣсто обѣда ужинъ. Онѣ даже и не думали о какой-нибудь лучшей долѣ, такъ какъ имъ жилось привольно, и ради этого приволья къ нимъ бѣжали школьныя подруги, однѣ спасаясь отъ чопорныхъ «tenez vous droit», другія убѣгая отъ откровенныхъ «ишь, кобылы какія выросли, тоже не скоро васъ пристроишь», третьи укрывались здѣсь, чтобы позабыть среди этой поющей и смѣющейся бѣдности свою собственную ноющую и хныкающую бѣдность. Здѣсь шелъ говоръ молодыхъ голосовъ, раздавались молодые поцѣлуи, слышался смѣхъ въ спорахъ. Иногда же обѣ дѣвушки, смотрѣвшія совсѣмъ дѣтьми, угнѣздившись гдѣ-нибудь на солнышкѣ, читали книги, читали подолгу, увлекаясь всѣмъ, что попадало подъ руку.

Именно въ такую минуту засталъ ихъ Иванъ Дмитріевичъ, возвращаясь домой отъ Баскакова съ поразительною новостью. Онъ былъ серьезенъ. Онъ готовился произвести театральный эффектъ. Дѣвочки бросились къ нему навстрѣчу. Онъ торжественно поцѣловалъ ихъ, положилъ шляпу и серьезно проговорилъ:

— Дѣти, чаша нашихъ испытаній приходитъ къ концу. Настала для насъ пора перестать вести бивуачную жизнь. Я зналъ, конечно, что всему бываетъ конецъ, что это рано или поздно должно совершиться. Но, не скрою, я не ожидалъ этого именно теперь, именно нынче! Но пути Господа неисповѣдимы. Оля, приготовь обѣдъ, а я покуда переодѣнусь. Ты видишь, я взволнованъ, я потрясенъ.

Дѣвочки смотрѣли съ недоумѣніемъ на отца. Ольга Даниловна лѣниво проговорила:

— Да мы сегодня ничего не готовили. Кофе развѣ сварить?

— Все равно, все равно,—отвѣтилъ Хвостовъ.—Накрывай на столъ, и мы подробно побесѣдуемъ за столомъ о томъ, къ чему мы должны приготовиться.

Онъ отеръ съ лица потъ и вышелъ въ другую комнату переодѣваться. Ольга Даниловна приказала кухаркѣ варить кофе. Дѣвочки шушукались между собою. Черезъ нѣсколько минутъ Хвостовъ явился снова къ нимъ въ халатѣ кана-

реечнаго цвѣта и, снова перецѣловавъ всѣхъ, усѣлся въ кресло съ подвязанною веревками расшатавшеюся ножкою. На столъ подали кофе и булки.

— Ну-съ, вы, конечно, знаете, что я все думалъ о покупкѣ дома у Александра Николаевича Баскакова. Дѣло это было не легкое, такъ какъ оно требовало многихъ коммерческихъ комбинацій. Оно естественно затянулось, хотя я и не отказывался окончательно отъ этой мысли. Теперь устраивается другая комбинація. Господинъ Баскаковъ, вполнѣ оцѣнивъ меня, понявъ мои способности въ эти два года моей службы у него, предложилъ мнѣ взять два изъ его домовъ въ аренду.

— Папка, ты досталъ денегъ? Милочка, хорошій, угости насъ сегодня мороженымъ! У насъ подруги будутъ, угости всѣхъ,—воскликнули дѣвочки.

— О, дѣти, дѣти! Что мороженое, когда дѣло идетъ объ арендѣ двухъ пятиэтажныхъ домовъ.

— Кто же это взаймы-то тебѣ далъ?—лѣниво спросила Ольга Даниловна.

— Никто не давалъ,—отвѣтилъ Хвостовъ.—Ни у кого я и не стану брать взаймы. Александръ Николаевичъ Баскаковъ понялъ мои способности, мои стремленія вести крупное дѣло и входитъ со мною въ компанію по дѣлу арендованія его домовъ. Онъ сдастъ мнѣ ихъ за извѣстную сумму въ аренду, а я буду ему выплачивать эти деньги по мѣрѣ полученія квартирной платы съ жильцовъ. Вы понимаете ли, я буду хозяиномъ въ домахъ, населенныхъ нѣсколькими тысячами жителей, городничимъ буду, такъ сказать, въ небольшомъ городкѣ.

— Такъ онъ, значитъ, управляющимъ тебя беретъ,—сказала Ольга Даниловна.

— Управляющимъ! Что такое управляющій? Наемный человѣкъ, обязанный отдавать отчетъ въ каждомъ грошѣ,—сказалъ Хвостовъ.—Я буду арендаторомъ. Я могу набавлять на жильцовъ, я могу дѣлать все, что вздумаю, платя арендную плату.

Онъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Явись я теперь къ какому угодно ростовщику и скажи: «дайте мнѣ столько-то и столько-то тысячъ, я арендаторъ двухъ баскаковскихъ домовъ». Ты думаешь, мнѣ откажутъ? Хе-хе! Какъ же! Нѣтъ, матушка, мало что не откажутъ, сами придутъ предлагать денегъ: «не надо ли вамъ взаймы?» Только мнѣ теперь не нужно. Для чего, когда мнѣ жильцы

и такъ каждое первое число станутъ вносить деньги. Знаешь, тамъ есть такіе, что по третямъ платятъ. Такъ сразу и приносятъ по сотнямъ рублей. Одинъ, такъ тотъ по тысячѣ сразу приноситъ...

Онъ остановился.

— Надо будетъ несгораемый шкапъ завести,—озабоченно проговорилъ онъ.

Потомъ онъ махнулъ рукою.

— Впрочемъ, все это пустяки!—сказалъ онъ.—Что тамъ понадобится, то и купимъ...

И, подойдя къ дѣвочкамъ, взялъ ихъ за подбородки, заглянулъ имъ въ глаза и замѣтилъ:

— Только бы купилы были, а то все купимъ. Такъ ли я говорю, козочки?

Онѣ засмѣялись.

— А купилы, папа, есть?

— Будутъ, будутъ, козочки!—сказалъ онъ и вздохнулъ.— Да, бывали дни, когда я страшно боялся за вашу участь, дочурки. Конечно, вы у меня красавицы, умницы, прилежныя. Но все же дѣвушкѣ безъ обезпеченія не легко найти жениха, не легко достать кусокъ хлѣба. Да и что такое бракъ, женскій трудъ? Бракъ—это лотерея, женскій трудъ— это скользкій путь. Нужно, чтобы дѣвушка была обезпечена, тогда только она можетъ не бросаться на шею первому встрѣчному, видя въ немъ кормильца и поильца, или исподволь найти работу. Вотъ какія мысли вѣчно смущали меня. Но теперь все кончено, все кончено!..

— Ты, что же, сегодня отдыхать не будешь?—спросила мужа Ольга Даниловна.

— Отдыхать? Да, да... мнѣ нужно отдохнуть!—отвѣтилъ Хвостовъ.

Онъ обыкновенно спалъ послѣ обѣда или, вѣрнѣе сказать, послѣ того часу, когда пришлось бы отобѣдать, если бы обѣдъ былъ. Онъ еще разъ поцѣловалъ дочерей и пошелъ въ спальню. Онъ легъ, но отъ сильнаго волненія не могъ уснуть: «Если бы хоть кто-нибудь теперь пришелъ,—разсказалъ бы все»,—невольно думалъ онъ. «А что, если бы теперь такъ вдругъ выйти на улицу и разсказать кому-нибудь? Вѣдь не повѣрили бы! Ей-Богу, не повѣрили бы»,— мелькало въ его головѣ. И вдругъ ему пришло на мысль: «отчего же не повѣрить?» Вотъ, когда онъ хотѣлъ купить эти дома, ну, тогда могли не повѣрить. А вѣдь и точно, это однѣ мечты были. Ну, какъ онъ могъ такъ вдругъ ку-

пить эти дома, не имѣя денегъ? Совсѣмъ невозможно! «Вотъ вѣдь сѣдой совсѣмъ, а все еще увлекаюсь»,—рѣшилъ онъ мысленно. Затѣмъ начался цѣлый рядъ доказательствъ того, что онъ точно увлекался, и что купить домовъ онъ никакъ не могъ. «Горе горькое, тревоги сердечныя, опасенія за дочурокъ, вотъ что заставляло воздушные замки строить, на пескѣ взводить зданіе»,—промелькнуло въ его головѣ, и онъ тяжело вздохнулъ. «Что-жъ, утопающій за соломинку хватается! За соломинку? А это даже и не соломинка, такъ бредъ какой-то, съ отчаянія». Эти мысли все дальше и дальше развивались въ его головѣ. Ему стало странно, какъ онъ не додумался до чего-нибудь болѣе практичнаго. Вотъ, напримѣръ, какъ ему не пришло на умъ, что надо не купить дома, а взять ихъ въ аренду. Для этого вовсе не нужно денегъ. Выплачивать аренду онъ будетъ изъ платы, взносимой за квартиры. У него будетъ оставаться изрядный кушъ, особенно если набавить на квартиры. На бѣдныхъ жильцовъ онъ не набавитъ, а на крупныхъ всегда можно. Конечно, могутъ найтись неаккуратные жильцы, но вѣдь по контракту можно за неплатежъ денегъ удержать мебель. На контракты только лишнія деньги идутъ. Книжки бы лучше. Но можно ли по книжкамъ за неплатежъ остановить мебель? Онъ удивился, какъ прежде онъ не обдумалъ этого пункта, когда думалъ о покупкѣ дома. «Тоже вотъ, все обдумаешь, а самое важное упустишь изъ виду». Правда, у него не съ кѣмъ посовѣтоваться. Ольга Даниловна—женщина, дочери—дѣвочки. У него явилось снова желаніе съ кѣмъ-нибудь поговорить, кому-нибудь разсказать о своемъ счастіи. Ему вдругъ вспомнилось, что его дѣвочки говорили, что къ нимъ вечеромъ придутъ подруги, и онъ совсѣмъ встревожился. «Что-жъ я валяюсь! Не сплю, а валяюсь! Вотъ въ фруктовый магазинъ надо бы зайти, какого-нибудь лакомства дѣвочкамъ купить. Тоже дома въ аренду беру, а у дѣвочекъ... бомбошки какой-нибудь грошовой нѣтъ». Онъ пересчиталъ оставшіяся у него мелкія деньги, быстро поднялся съ постели, пріодѣлся и вышелъ изъ дому.

Въ фруктовомъ магазинѣ онъ сталъ прицѣняться къ пастилѣ, къ мармеладу, къ орѣхамъ. Кое-что попробовалъ. Вдругъ онъ обернулся къ лавочнику лицомъ и небрежно проговорилъ:

— А я вотъ два дома на аренду беру... Знаете, господинъ Баскаковъ выстроилъ въ прошломъ году, такъ вотъ ихъ...

— Что-жъ, доброе дѣло,—равнодушно отвѣтилъ лавочникъ.

Хвостова какъ будто озадачило это выраженіе.

— Гмъ, гмъ... Да, оно, конечно, пожалуй, что и доброе дѣло,—началъ онъ:—это какъ кто смотритъ. Но я, знаете, насчетъ доходности. Это дѣло выгодное. За аренду, примѣрно, двадцать пять тысячъ платишь, а самъ собираешь съ квартирантовъ тридцать. Пять-то и въ барышѣ.

— Такъ-съ!—согласился лавочникъ.

— Конечно, не всѣ жильцы аккуратно платятъ. Бываютъ и такіе, которыхъ заставишь только судомъ платить. Но вѣдь въ контрактѣ можно выговорить, что вся движимость остается въ обезпеченіе долга. Конечно, заключеніе контрактовъ стоитъ денегъ. Можно бы просто по книжкамъ. Но я не знаю, имѣютъ ли книжки силу контракта въ глазахъ суда? Вы не знаете?

— Мы не по этой части,—отвѣтилъ лавочникъ.

— Да, я знаю, но какъ же вы сами живете?

— Мы въ собственномъ домѣ живемъ и торгуемъ.

— А жильцы же есть у васъ?

— Такъ, двѣ квартиренки сдаемъ, пока самимъ не требуется.

— Что же, по контракту или по книжкѣ?

— Нѣтъ, такъ... Тоже самимъ понадобится, такъ погонимъ... Для чего же тутъ себя-то обвязывать? Въ своемъ домѣ и себя обвязывать? И квартиренки-то пустяшныя, такъ сдаемъ, чтобы пустыя не стояли... Вамъ мармеладу-то фунтикъ?

Хвостовъ даже не слышалъ вопроса и продолжалъ:

— Нѣтъ, я арендую большіе дома! Да неужели вы ихъ не видѣли? Баскакова дома всѣ знаютъ... Это я беру тѣ, которые выстроены въ Безымянной улицѣ. Одинъ-то у него по правую руку отсюда, тотъ недостроенъ, а два, что по лѣвую руку стоятъ, тѣ достроены. Вотъ я ихъ-то и беру...

— Подавай Богъ!—сказалъ лавочникъ.—Больше ничего не требуется? Грецкіе орѣхи—двадцать, мармеладъ—сорокъ, всего на шесть гривенъ...

Хвостовъ былъ обиженъ сухимъ обращеніемъ съ нимъ со стороны лавочника.

«Вѣдь вотъ человѣкъ-то,—разсуждалъ онъ мысленно, выходя изъ магазина.—Говоритъ: «Что-жъ, это доброе дѣло», «подавай Богъ!» а по голосу слышно, что думаетъ въ душѣ: «Чортъ бы тебя побралъ!». Конечно, это все изъ зависти, потому у самого домишко на курьихъ ножкахъ, двѣ какія-то

конуры сдаетъ жильцамъ. Да вѣдь глупый онъ человѣкъ. Ему стоитъ захотѣть, и самъ могъ бы арендовать большіе дома. Чего же тутъ завидовать? Нѣтъ, это и не зависть, а русская апатія. Да приди я къ какому-нибудь французу въ магазинъ, къ перчаточнику или къ парикмахеру, онъ часъ бы битый со мной болталъ, все бы разспросилъ, какъ и что, и за сколько. Живой народъ эти французы».

Впрочемъ, неудовольствіе, пробужденное въ его душѣ лавочникомъ, скоро прошло. Дома онъ засталъ уже подругъ своихъ дочерей, и онѣ обступили его.

— А вы скоро въ большую квартиру переѣдете? Залъ большой будетъ? Танцовать можно? Фортепіано вы купите?

Эти восклицанія посыпались градомъ, и Хвостовъ ожилъ. Онъ обѣщалъ купить фортепіано, онъ увѣрялъ, что залъ будетъ въ пять оконъ. Онъ такъ оживился, что назвалъ дѣвушекъ «славною молодежью», «чуткими сердечками», «добрыми душами». Этотъ вечеръ прошелъ въ самыхъ свѣтлыхъ мечтахъ.

Не менѣе свѣтлыя мечты были и у Баскакова. Если Баскаковъ живостью своего воображенія не уступалъ Хвостову, то въ отношеніяхъ къ возникавшимъ въ головахъ этихъ людей планамъ была разница: Хвостовъ радовался, какъ ребенокъ, своимъ мечтамъ, Баскаковъ смотрѣлъ на свои собственные планы свысока, съ горделивымъ сознаніемъ генія, знающаго, что онъ можетъ создать и не такіе планы. Мысль о сдачѣ въ аренду двухъ домовъ осѣнила Баскакова внезапно, и онъ тотчасъ же сталъ приводить ее въ исполненіе, ухватившись, какъ за орудіе, за Хвостова. Это былъ совсѣмъ подходящій для него человѣкъ: во-первыхъ, Хвостовъ не скрывалъ, что онъ видитъ въ Баскаковѣ генія, во-вторыхъ, онъ былъ готовъ идти на все, что предложитъ Баскаковъ. Хвостовъ былъ способенъ только на восторгъ и восхищеніе; вслѣдствіе этого онъ только соглашался со всѣмъ, что проектировалъ Александръ Николаевичъ. Баскаковъ, впрочемъ, счелъ нужнымъ поговорить съ дѣловыми людьми о своемъ намѣреніи сдать дома въ аренду. «Я не люблю дѣлать дѣла на фу-фу!»—замѣтилъ онъ при этомъ. Онъ поймалъ гдѣ-то Цвѣнтеховскаго и спросилъ, что онъ думаетъ объ этой идеѣ.

— Очень прекрасное дѣло,—сказалъ Цвѣнтеховскій.—Все надо сдать въ аренду, на десять лѣтъ сдать, потому тогда даже и не продадутъ домовъ, и вы будете имѣть десять лѣтъ интересъ.

Баскаковъ былъ очень радъ. Потомъ онъ поймалъ какого-то другого дѣльца и задалъ ему тотъ же вопросъ.

— Не стоитъ! Все равно, аренду не признаютъ и ничего изъ этого не выйдетъ. А, впрочемъ, попробуйте, можетъ-быть, кривая и вывезетъ. Чортъ-то чѣмъ ни шутитъ.

О томъ же предметѣ Баскаковъ заговорилъ съ однимъ изъ знакомыхъ мировыхъ судей, какимъ-то опалѣлымъ господиномъ, разсыпавшимъ налѣво и направо безапелляціонные приговоры.

— Что, въ злостные захотѣлось, что ли?—коротко отвѣтилъ мировой судья.

Баскаковъ выслушалъ всѣ эти противорѣчивые отвѣты и сдѣлалъ по-своему. Дома были сданы въ аренду Хвостову. Семья Хвостова перебралась въ одинъ изъ арендованныхъ домовъ, и Баскаковъ понемногу передалъ на храненіе Хвостовымъ цѣлую массу своихъ вещей: какія-то картины, купленныя на выставкахъ, какіе-то сервизы саксонскаго фарфора, купленные у продавцовъ древностей, какія-то японскія вещи, купленныя на аукціонахъ. «Это все капиталъ, нужно, батенька, его приберечь»,—говорилъ Баскаковъ. Хвостову онъ назначилъ двѣ тысячи жалованья и квартиру. Деньги же съ домовъ Хвостовъ долженъ былъ сполна отдавать Баскакову. Не прошло и недѣли, какъ Баскаковъ сдѣлался своимъ человѣкомъ у Хвостовыхъ, и сталъ возить дѣвочкамъ конфеты, а Ольгѣ Даниловнѣ билеты въ театръ. Здѣсь его слушали и восхищались его безконечными разсказами о томъ, что онъ видѣлъ и что испытывалъ. Однажды, въ пламенномъ увлеченіи, онъ даже похлопалъ по плечу Хвостова и сказалъ ему:

— Погодите, батенька, устроимъ всѣ дѣла и породнимся: у васъ дочурки, а у меня молодцы-сыновья растутъ. Мы ихъ и поженимъ...

Хвостовъ даже покраснѣлъ.

— Я... я... Александръ Николаевичъ,—забормоталъ онъ и, захлебываясь слезами умиленія, схватилъ руку Баскакова и поцѣловалъ.

— Шерочка, зачѣмъ же? Зачѣмъ же! Дай я тебя такъ поцѣлую,—сказалъ Баскаковъ покровительственно ласковымъ тономъ и поцѣловалъ старика въ лысину.

VIII.

Данила Павловичъ Муратовъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ встрѣчалъ наступленіе осени, какъ человѣкъ, наработавшійся до усталости и видящій приближающіеся дни отдыха. За

лѣтніе мѣсяцы онъ сильно измучился, находился, наѣздился, накричался. Теперь на время работы должны были частію прекратиться совсѣмъ, частію должны были идти медленнѣе и сдѣлаться менѣе сложными. На желѣзной дорогѣ было сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ ожидалъ Муратовъ, и открытіе всей линіи могло бы состояться во всякомъ случаѣ гораздо раньше, чѣмъ предполагалось. Это его утѣшало. Радовало и то, что онъ успѣлъ продать «Ольховатое» Аделаидѣ Александровнѣ и заручиться ея обѣщаніемъ содѣйствовать ему во время открытія линіи, то-есть повліять на тѣхъ, кто будетъ принимать дорогу. Данила Павловичъ зналъ, что «прорѣхъ» по постройкѣ есть не мало, что, наконецъ, если бы даже этихъ «прорѣхъ» и не было, то придраться всегда къ чему-нибудь можно, и потому не дурно было имѣть руку среди разныхъ вліятельныхъ лицъ, долженствовавшихъ обревизовать и осмотрѣть всѣ работы. Аделаида Александровна шутливо написала ему, что она не только рекомендовала его благосклонному вниманію разныхъ желѣзнодорожныхъ заправилъ, но что она даже надѣется устроить вмѣсто пріемки дороги веселый пикникъ. «Я пріѣду въ Ольховатое,— писала она.—Мнѣ хочется воскресить въ своей памяти все прошлое. Ахъ, Даня, какая я старуха: у меня уже есть прошлое, есть воспоминанія! Это первый признакъ старости. Дѣти живутъ настоящимъ, юноши будущимъ, старость живетъ прошлымъ. И съ каждымъ днемъ я чувствую все сильнѣе и сильнѣе потребность пожить прошлымъ, увидать тѣ мѣста, гдѣ мы играли въ любовь. Но, конечно, не отшельницей же я буду жить тамъ. Твои инженеры и директора будутъ моими гостями, и, вѣрь мнѣ, имъ будетъ не до пріемки желѣзной дороги, не до скучныхъ ревизій работъ. Мы будемъ давать обѣды, балы, фейерверки, а когда они опомнятся, пора будетъ ѣхать въ Петербургъ». Данила Павловичъ, читая это письмо, все чаще и чаще называлъ Аделаиду Александровну бабой со смекалкой и довольно улыбался при мысли, что все «сойдетъ съ рукъ». Но, помимо всего этого, у него готовилась чисто семейная радость: онъ еще разъ готовился сдѣлаться отцомъ и ждалъ непремѣнно «дѣвчонку», говоря, что «мальчишекъ» покуда довольно. Въ домѣ шли дѣятельныя приготовленія къ принятію новаго желаннаго ребенка, и за Олимпіадой Пахомовной всѣ ухаживали съ особенной заботливостью. Именно въ это-то время крайне непріятною неожиданностью явилось письмо Баскакова. Александръ Николаевичъ извѣщалъ племянника, что дальше

онъ «протянуться не можетъ», что онъ объявляетъ себя несостоятельнымъ, что, наконецъ, ему и не для чего «тянуть еще эту канитель». Теперь Александра Николаевича точно такъ же увлекала мысль о несостоятельности, какъ увлекала еще недавно роль строителя десятка домовъ. Онъ съ легкимъ сердцемъ думалъ о томъ, какъ онъ поразитъ всѣхъ своимъ крахомъ. Все это сквозило въ каждой строкѣ его письма и вызвало только замѣчаніе Данилы Павловича, что «дядя такъ и умретъ пустоголовымъ вѣтрогономъ». Но среди разныхъ пустыхъ фразъ Данила Павловичъ натолкнулся на одну фразу, поразившую его. Дядя писалъ ему, между прочимъ: «я, наконецъ, нашелъ такую комбинацію, которая фактически оставитъ два дома въ моихъ рукахъ; это очень легко было сдѣлать при помощи аренды, конечно, фиктивной; подходящаго человѣка я нашелъ, и это дѣло въ шляпѣ». Данила Павловичъ вспылилъ и громко выругался.

— Это чортъ знаетъ что такое, еще влѣзетъ въ петлю, да и другихъ затянетъ въ нее,—проговорилъ онъ.

Онъ тотчасъ же послалъ дядѣ телеграмму съ лаконической фразой:

«Аренда—ерунда. Не дѣлайте».

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта. Отвѣтъ получился еще болѣе лаконическій:

«Дѣло уже покончено».

Данила Павловичъ скомкалъ телеграмму въ безсильномъ бѣшенствѣ.

— Недостаетъ еще, чтобы онъ посвятилъ этого Хвостова во всѣ тайны дѣла!—громко говорилъ онъ, шагая по комнатѣ.—Отъ него всего ждать можно! И чортъ дернулъ меня впутаться въ это дѣло! Надо хоть уговорить его какъ-нибудь оттянуть объявленіе себя несостоятельнымъ. Мнѣ только бы переждать рожденіе моей дѣвчурки.

Онъ далъ еще телеграмму въ Петербургъ.

«Продержитесь хоть немного. Дней черезъ десять я буду въ Питерѣ. Съ часу на часъ жду рожденія дочери».

Нетерпѣніе въ ожиданіи отвѣта теперь было еще сильнѣе. Отвѣтъ получился странный.

«Я уже объявилъ, что платежи прекращены. Гвалтъ ужасный».

Данила Павловичъ даже поблѣднѣлъ. Онъ позабылъ всѣхъ и все и, какъ обезумѣвшій, сталъ собираться въ путь.

— Липа, я не могу! Этотъ сумасшедшій чортъ знаетъ что натворитъ!—говорилъ онъ Олимпіадѣ Пахомовнѣ.—По-

береги себя, голубка. Я Матрену Кузьминичну попрошу, чтобы она не отходила отъ тебя. Ахъ, ты, Господи, вотъ-то связался не во-время съ дураками!

Олимпіада Пахомовна испуганно слушала его.

— Даня, развѣ ты можешь чѣмъ-нибудь пострадать тутъ?— спросила она.

— Да какъ же! Вѣдь векселя дутые, задними числами писаны! Онъ вѣдь звонить обо всемъ въ набатъ привыкъ,— отвѣтилъ Данила Павловичъ и вдругъ спохватился, видя, что жена совсѣмъ помертвѣла.—Конечно, это все пустяки. Ничего этого доказать нельзя, да никто и не станетъ доказывать, но все же нужно быть тамъ... Да ты не безпокойся...

Онъ наклонился къ женѣ.

— Смотри, береги себя, и чтобъ у меня дѣвчонка такая же, какъ ты, была—крѣпышъ!—шутливо сказалъ онъ.

— Даня, развѣ три-четыре дня нельзя подождать?—спросила она съ кроткой мольбой.—Я привыкла, чтобы это всегда при тебѣ было. Мнѣ легче...

Она обратила къ нему глаза, полные слезъ. Онъ только махнулъ рукою.

— Ты думаешь, что только три-четыре дня нужно подождать?—спросилъ онъ, спустя минуту.

— Я не знаю... кажется...—робко проговорила Олимпіада Пахомовна.

Она знала, что оставалось болѣе недѣли.

Данила Павловичъ ходилъ по комнатѣ и грызъ ногти. Въ немъ, можетъ-быть, впервые въ жизни происходила страшная внутренняя борьба. Чувства мужа и отца боролись съ чувствами дѣльца, чуящаго возможность навлечь бездѣятельностью бѣду. Въ его головѣ, мало-по-малу, начали мелькать мысли о томъ, что Баскаковъ, если онъ способенъ выболтать все, уже, конечно, все и выболталъ, что въ два, въ три дня ничего особеннаго и не произойдетъ, что, наконецъ, если что и произойдетъ, то поправить еще можно будетъ. Онъ подошелъ къ Олимпіадѣ Пахомовнѣ и обнялъ ее.

— Не плачь, голубка, я вѣдь не такъ же спѣшу! Долго не могу остаться, но дня три-четыре—это пустяки,—мягко сказалъ онъ.—И развѣ я могу не видѣть, какъ явится на свѣтъ Божій моя дѣвчурка? Мы ее Липой назовемъ? Да?

Онъ взялъ за подбородокъ жену и сладко поцѣловалъ ее. Онъ теперь говорилъ съ нею, какъ съ ребенкомъ. Его языкъ, точно помимо его воли, теперь картавилъ и сюсюкалъ въ

разговорѣ съ нею, какъ это бываетъ часто въ разговорахъ съ дѣтьми. Данилѣ Павловичу теперь хотѣлось поминутно цѣловать жену, ея губы, ея руки, ея грудь. Онъ гладилъ ее, похлопывалъ съ лаской рукой по ея тѣлу, бралъ ее за щеки и за подбородокъ. Она глядѣла на него съ благодарностью, влажными, утомленными глазами и тайно молилась:

— Господи, поскорѣй бы!.. Поскорѣй бы, Господи!

Окружающіе говорили ей, чтобы она не волновалась, чтобы она была спокойна, чтобы она берегла себя.

«А что если Александръ Николаевичъ и точно разскажетъ все?—думалось ей.—Онъ такой пустой и вѣтреный человѣкъ. Ему это ничего, что онъ другого подведетъ. А Данѣ-то каково? И что за это бываетъ, за дутые векселя и за... Какъ это онъ сказалъ?.. заднимъ числомъ написанные векселя?.. Ссылаютъ, поди!.. Самъ-то онъ былъ бы тамъ, ничего бы не было... Все изъ-за меня... изъ-за того, что вотъ не родила еще...»

Она вздыхала, и снова ея губы шептали:

— Господи, поскорѣй бы!.. Поскорѣй бы, Господи!..

Къ ночи ей сдѣлалось худо. Въ домѣ всѣ поднялись на ноги, забѣгали, привезли доктора, акушерку.

— Ну, что, что?—допрашивалъ Данила Павловичъ.

— О, успокойтесь, ничего, пустяки... Такъ нервы разстроились... лихорадка,—отвѣчали ему.

— Развѣ еще не сегодня?—спрашивалъ онъ.

— О, нѣтъ, еще недѣли черезъ полторы, — отвѣтилъ докторъ.

— Черезъ полторы недѣли?—воскликнулъ Данила Павловичъ.—Да не можетъ быть, не можетъ быть!..

Начались объясненія, увѣренія. Оказалось, докторъ былъ правъ. Данила Павловичъ совсѣмъ терялся. Шутка ли, ждать еще полторы недѣли, когда тамъ... Что тамъ? Ну, если Баскаковъ разсказалъ все, то теперь все равно, когда ѣхать. Если же онъ не разсказалъ, то и въ полторы недѣли и въ полтора мѣсяца не разскажетъ. Съ чего ему вдругъ начать болтать, если онъ не проболтался раньше? Данила Павловичъ даже усмѣхнулся надъ собою, пожавъ плечами. — Въ самомъ дѣлѣ, онъ «поретъ горячку» безъ всякаго основанія. Прошло дня три-четыре. Изъ Петербурга получилось письмо. Данила Павловичъ сорвалъ конвертъ, развернулъ письмо, сталъ его читать и ужаснулся.

«Пріѣзжай, ради Бога, скорѣе,—писалъ, между прочимъ, Александръ Николаевичъ.—Я совершенно потерялъ голову

и готовъ надѣлать всякихъ глупостей. Я никакъ не ожидалъ, что дѣла примутъ такой оборотъ. Бестіи, которыхъ я кормилъ и поилъ, теперь лѣзутъ ко мнѣ съ ножами къ горлу. Каждый прохвостъ считаетъ долгомъ чуть не плевать мнѣ въ лицо. О, если бы ты зналъ, что значатъ кредиторы несостоятельнаго должника! На меня, точно стая воронъ, налетѣли не только кредиторы, но и всякіе ходатаи по дѣламъ, аблакаты, законники всѣхъ націй. Я ежедневно, точно меня травятъ псами, мечусь изъ стороны въ сторону, бѣшусь и не знаю, что дѣлать. Стыдно сказать, одна проклятая повивальная бабка—денегъ я у ней перехватилъ немного—довела меня до того, что со мной чуть истерика не сдѣлалась. Ужъ она какъ-какъ не пронимала меня: и своими дѣтьми, и моими, и тѣмъ свѣтомъ, и этимъ, и плакала, и къ чертямъ посылала! Да этакъ три дня подъ рядъ, безъ передышки, такъ что я, въ концѣ-концовъ, пришелъ въ изступленіе, забылся и только кричу: «Уведите ее, увидите бестію». Это даму-то! Господи, до чего я дошелъ; и смѣшно, и стыдно! Только въ тебѣ и спасенье, а то я брошу все имъ на разграбленье и лучше пойду съ сумой, чѣмъ терпѣть все это. Я Баскаковъ, я не бородачъ изъ комедіи Островскаго, я не позволю плевать себѣ въ лицо».

— Болванъ, болванъ!—неистово кричалъ Данила Павловичъ, комкая письмо и шагая по комнатѣ.—Все погубитъ, всѣхъ запутаетъ!.. Ѣхать, ѣхать нужно.

Онъ вдругъ какъ-то грубо, какъ-то рѣзко—это было впервые послѣ его женитьбы—объявилъ Олимпіадѣ Пахомовнѣ, что онъ ѣдетъ.

— Не могу же я тутъ годъ дожидаться, покуда все это кончится, когда тамъ все можетъ погибнуть!

Олимпіада Пахомовна заплакала, но тотчасъ же отерла слезы и сказала:

— Поѣзжай, поѣзжай, Даня! Развѣ я держу тебя? Ты знаешь, голубчикъ, что я никогда...

Она, захлебываясь слезами, закусила губы и потомъ, пересиливъ себя, прибавила:

— Я сама раскаивалась, что удержала тебя, глупая!

Онъ какъ будто сконфузился. Она заторопилась приготовить ему все въ дорогу.

— Зачѣмъ же самой... Люди есть, — сказалъ онъ ласково.—Береги себя.

— Ахъ, что я! Только бы тебѣ было хорошо, — отвѣтила она.

Онъ обнялъ ее и сказалъ ей въ смущеніи:

— Ты не сердись, я бѣшеный... Погорячился!..

Она зажала ему ротъ рукою и поцѣловала его руку.

Данила Павловичъ передъ отъѣздомъ зашелъ къ Матренѣ Кузьминичнѣ. Она съ семьей уже перебралась въ городъ. Ихъ квартира помѣщалась въ томъ самомъ домѣ, въ Семинарскомъ переулкѣ, гдѣ жила съ дѣтьми Матрена Кузьминична до своего замужества, только этотъ домикъ принадлежалъ теперь ея дѣтямъ, и былъ отлично отдѣланъ заново. Это было единственное обезпеченіе, данное покуда дѣтямъ Баскаковымъ. И этотъ домъ онъ купилъ имъ не потому, что видѣлъ необходимость ихъ чѣмъ-нибудь обезпечить, а потому, что во время женитьбы, увидавъ слезы Матрены Кузьминичны и дѣтей, не желавшихъ разставаться съ этимъ гнѣздышкомъ и словно боявшихся ѣхать въ Ольховатое, онъ расчувствовался и рѣшилъ, что въ этомъ домѣ они всѣ будутъ жить по зимамъ, переѣзжая въ Ольховатое только на лѣто. Домъ былъ купленъ за двѣ тысячи, да на отдѣлку и обновленіе ушло тоже тысячи двѣ-три. Данила Павловичъ засталъ Матрену Кузьминичну дома почти одну и былъ этому очень радъ, такъ какъ ему хотѣлось объяснить причину своего визита поскорѣе. Когда онъ попросилъ ее присмотрѣть за Липой, такъ какъ у Липы никого нѣтъ изъ близкихъ пожилыхъ женщинъ—мать Олимпіады Пахомовны уже давно умерла,—Матрена Кузьминична удивилась:

— Да что это ты въ такое время въ Петербургъ собрался?—сказала она.—Ужъ будто подождать нельзя.

— По вашимъ же дѣламъ ѣду, — отвѣчалъ онъ. — Александръ Николаевичъ тамъ совсѣмъ голову потерялъ.

Матрена Кузьминична всполошилась.

— Что случилось-то, что?—пристала она къ Муратову.— Заболѣлъ онъ? Да говори же!

— Какое заболѣлъ! Просто объявилъ себя несостоятельнымъ, ну, кредиторы и нахлынули.

— Ахъ, ты, Господи! Да ты возьми эти пятнадцать-то тысячъ, что за Ольховатое получили. Не надо намъ ихъ.

— Ахъ, вы простота, простота! Тутъ милліоны долгу, а вы со своими грошами лѣзете! Благодарите Бога, что хоть это на черный день останется.

— А онъ-то какъ?.. Я, Данила Павловичъ, не стерплю! Я сама поѣду! Когда же мнѣ и быть при немъ, какъ не въ этакой бѣдѣ! Слава Богу, въ церкви вѣнчаны Не полюбовница какая.

— Ну, ужъ нѣтъ! Вы около Липы побудьте, а я тамъ буду орудовать. Вы-то пользы не принесете!

— Ну, хорошо, я покуда побуду здѣсь, пока все здѣсь кончится, а ужъ потомъ не взыщи, поѣду туда, потому здѣсь и въ эти-то дни мое сердце изнеетъ. Ахъ, бѣда-то, бѣда-то какая! Вотъ вѣдь жилъ, жилъ и до чего дожилъ.

Она совсѣмъ опечалилась и только мелькомъ слушала успокоительныя фразы Муратова. Когда онъ уѣхалъ, она сильно всплакнула. Дѣти, вернувшись домой, изумились, что мать плачетъ. Начались разспросы. Матрена Кузьминична разсказала, какъ умѣла, все, что знала. Всѣ снова пріуныли. Молодежь, встревоженная при первыхъ толкахъ о предстоящемъ разореніи и о продажѣ Ольховатаго, успѣла уже давно забыть эти толки и отнеслась даже равнодушно къ продажѣ имѣнія, гдѣ всѣ чувствовали себя какъ въ гостяхъ. Это равнодушіе усилилось еще больше, когда Александру позволили увести въ городъ «Вороного», когда семьѣ разрѣшили взять пару лучшихъ коровъ, нѣсколько птицъ, однимъ словомъ, все то, что ей хотѣлось оставить за собою. Всѣмъ этимъ распоряжался отъ имени Аделаиды Александровны самъ Данила Павловичъ, и такъ какъ имѣніе пошло за безцѣнокъ, то онъ и не нашелъ нужнымъ протестовать противъ увода нѣкоторой части скота, куръ, индюшекъ. Кстати эта продажа совпала съ тѣмъ временемъ, когда мальчикамъ нужно уже было переѣхать въ городъ, и потому продажа имѣнія прошла незамѣтно. Теперь же всѣ вдругъ вспомнили, сознали, что банкротство было вовсе не миѳомъ, что оно совершилось, что у отца нѣтъ ничего, что у нихъ если и есть тысячъ пятнадцать или немного болѣе, то эти деньги въ сущности не ихъ деньги, а деньги утаенныя ими, воровскія, нечестно пріобрѣтенныя. Объ этихъ деньгахъ напомнила сама Матрена Кузьминична, сказавъ сыновьямъ, что она предложила Данилѣ Павловичу отдать эти деньги.

— Ну, да гдѣ! Что, говоритъ, эти гроши значатъ, когда милліоны долженъ! Благодарите, говоритъ, Бога, что и вы-то по-міру не пошли...

Сыновья хмуро слушали разсказы матери. Ихъ молодыя, еще не искалѣченныя жизнью, цѣльныя натуры возмущались при мысли, что и они дѣлаются какъ бы соучастниками какого-то еще темнаго для нихъ дѣла. Слова о мошенничествѣ и воровствѣ, когда-то оброненныя неосторожно Воздвиженскимъ, пришли имъ снова на память. Они теперь даже не находили словъ для утѣшенія матери. Они чув-

ствовали, что у нея на сердцѣ страшное горе, но горе на сердцѣ было и у нихъ, это было другое горе, горе не объ отцѣ, не о томъ, что они лишатся всего, а горе о томъ, что если у нихъ что-нибудь и останется, то останется купленное подлостью, обманомъ, кражею. Вечеромъ, когда мать ушла къ Олимпіадѣ Пахомовнѣ, они остались одни съ Воздвиженскимъ въ своей комнатѣ, и Александръ не утерпѣлъ, поднялъ вопросъ о томъ, что волновало его.

— Вотъ теперь и будемъ жить на краденыя деньги, — сказалъ онъ.

Воздвиженскій нахмурился. Ему стало опять досадно на себя, что онъ открылъ глаза юношамъ на это дѣло.

— Ну, да, всѣ на краденыя деньги живутъ, не вы одни,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ всѣ?—спросилъ Александръ.

— Да такъ же, что всѣ. Одни только меньше воруютъ, другіе больше. Каждый норовитъ, какъ бы на чужой счетъ пожить, значитъ, всѣ и есть воры.

— Экъ куда вы хватили!—возразилъ Николай.—Я вотъ гдѣ-то читалъ слова Мирабо. Онъ сказалъ: «Кто хочетъ жить въ обществѣ, тотъ долженъ быть нищимъ, или воромъ, или работникомъ». Значитъ, можно и не быть воромъ.

— Вретъ вашъ Мирабо!—рѣзко сказалъ Воздвиженскій.— Выдумалъ тоже дѣленіе. Ну, что такое нищій? Тотъ же воръ, только не съ поддѣльнымъ ключомъ онъ ходитъ, а съ поддѣльнымъ убожествомъ. Тоже дармоѣдъ и воръ!

— А работникъ-то? Работникъ-то?

— Чего вы мнѣ въ глаза тычете работникомъ? Что такое работникъ: на грошъ умѣнья, на сотни рублей лѣни, а ты его корми, да еще плати ему! Знаемъ мы работниковъ!

Николай пожалъ плечами.

— Берете прохвоста, да и называете его работникомъ, ну, воръ и выходитъ. Такъ-то все можно объяснить.

Воздвиженскій загорячился, видя, что его парадоксъ не произвелъ желаннаго впечатлѣнія.

— Ну, и пусть работникъ не воръ! Ну, и будьте заправскими работниками. Да теперь-то еще вы ими не можете быть. Значитъ, и говорить нечего. И нашли печаль, что у мошенниковъ урвалъ вашъ отецъ грошъ для пропитанія семьи.

— Такъ у воровъ и воровать можно?—вставилъ насмѣшливо Николай.

— Да, можно! Это борьба за существованіе! Вотъ если бы

вы нищими остались, было бы о чемъ горевать, потому что и изъ гимназіи васъ выгнали бы, и пошли бы вы тунеядствовать, неотесами. А теперь хоть доучиться можете, да полезными людьми сдѣлаться можете.

— Это что же: цѣль оправдываетъ средства?—спросилъ Николай.

— Да, если ужъ на то пошло! Съ институтскимъ-то цѣломудріемъ тоже далеко не уѣдете. Съ волками жить, по-волчьи и выть. Житейская-то дорога грязна, — пойдете по ней, волей-неволей и наглотаетесь грязи, и выпачкаетесь ею. Скверно, когда самъ человѣкъ въ эту грязь по уши лѣзетъ, а не то, что онъ поневолѣ иногда касается ея. Безъ этого никто не проживетъ. Аскетомъ или схимникомъ нужно сдѣлаться, чтобы прожить безъ этого. Ну, такъ отъ такихъ людей проку мало. Въ рай, можетъ-быть, они попадутъ, а на землѣ пользы отъ нихъ не много. И вотъ, что я вамъ скажу, волнуетесь вы теперь, потому что барской спеси вамъ по наслѣдству, вѣрно, много досталось, или потому, что заѣлись вы и разрыхлѣли, такъ у васъ и разыгрываются разные чувствія и сентименты, какъ у брезгливой барыни: сыта она, такъ ей и кажется, что и хлѣбъ-то грязно пекутъ, и говядину-то безъ перчатокъ мясники ворочаютъ.

Воздвиженскій все дальше и дальше заходилъ въ дебри парадоксовъ и сбивчивыхъ доказательствъ по мѣрѣ того, какъ его раздражало молчаніе юношей. Онъ старался вызвать теперь ихъ на споръ, на возраженіе, но они точно заснули.

— А вы лучше объ урокахъ думайте,—закончилъ, наконецъ, онъ.—Залѣпятъ вамъ за ваши мечтанія двойки, тогда и узнаете, каково мечтать вмѣсто долбленія латыни.

Онъ всталъ и ушелъ въ свою комнату. Братья безмолвно раздѣлись и легли.

— Тоже прохвостъ въ немъ сидитъ,—сказалъ Александръ, вздыхая.

Николай усмѣхнулся.

— Просто въ семинаріи изощрился доказывать сперва pro, а потомъ contra...

Нѣсколько минутъ спустя онъ тяжело вздохнулъ.

— А и затянулся же нашъ добрѣйшій Александръ Николаевичъ въ кашу. Какъ-то онъ ее, бѣдняга, расхлебаетъ?

Въ его голосѣ послышалась неподдѣльная, глубокая грусть. Братъ ничего не отвѣтилъ ему. Онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Прошло съ четверть часа въ полнѣй-

шемъ молчаніи. Наконецъ, Николай насторожился и сталъ чутко прислушиваться, немного приподнявъ голову и всматриваясь въ темноту. У противоположной стѣны едва вырисовывалась фигура лежавшаго на постели Александра. Николаю казалось, что онъ видитъ въ полутьмѣ вздрагиваніе плеча брата. Онъ быстро сбросилъ одѣяло и боскомъ, въ одной сорочкѣ, перешелъ къ брату, сѣлъ къ нему на постель, дотронулся до его плеча и, наклоняясь надъ нимъ, тихо проговорилъ:

— Полно, Саша, полно! Ну, что-жъ дѣлать! Слезами не поможешь! Мать точно должна сберечь деньги, чтобы помочь отцу, когда онъ останется нищимъ. Вотъ это долженъ былъ намъ сказать, объяснить Воздвиженскій. Только у него вѣдь не было съ дѣтства ни отца, ни матери... Гдѣ-жъ ему понять!

Александръ приподнялся весь въ слезахъ, еще всхлипывая, и протянулъ руки брату.

— Что бы ни случилось, мы вѣдь его не оставимъ, Коля? Да? Онъ самъ никогда не оставлялъ насъ!

Николай крѣпко обнялъ брата.

— Клянусь тебѣ, клянусь!—отрывисто заговорилъ онъ.— Развѣ я не понимаю... Другіе въ нашемъ положеніи, незаконные-то, шляются... Нѣтъ, нашъ отецъ честно къ намъ относился...

У него перехватило духъ.

Потомъ, немного успокоившись, братья стали создавать юношескіе, наивные планы о томъ, какъ они поддержатъ отца, какъ они снова сдѣлаютъ его счастливымъ человѣкомъ. Прежде всего нужно отправить къ нему поскорѣе мать: въ тяжелые дни его жизни она всегда умѣла успокоить его, потомъ они кончатъ здѣсь курсъ и переѣдутъ въ Петербургъ. Съ оставшимися у нихъ средствами можно жить и въ Петербургѣ. Они же не будутъ сидѣть сложа руки и будутъ работать. У отца будетъ опять и семья, и возможность жить безбѣдно. Ни тому, ни другому не приходило и въ голову, что все можетъ кончиться тюрьмой, ссылкой, позоромъ...

IX.

Первое хоть сколько-нибудь знакомое Данилѣ Павловичу лицо, встрѣченное имъ въ Петербургѣ, былъ Цвѣнтеховскій. Данила Павловичъ совершенно забылъ его. Но Цвѣнтеховскій имѣлъ способность помнить лица людей, видѣн-

ныя имъ хоть разъ въ жизни. При этомъ онъ имѣлъ тоже способность забывать, что онъ ихъ видѣлъ только разъ въ жизни, и потому встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ друзей. При этихъ встрѣчахъ случалось, что эти люди вынимали свой портсигаръ, и Цвѣнтеховскій просилъ позволенія воспользоваться папироской. Цвѣнтеховскій, по обыкновенію съ портфелемъ подъ мышкой, шелъ мелкою торопливою походкою. Когда онъ остановилъ Муратова, Данилѣ Павловичу онъ показался похожимъ на шакала, вышедшаго на добычу. Съ первыхъ же словъ Цвѣнтеховскій заговорилъ о Баскаковѣ.

— Теперь дѣла пошли зъ своимъ теченіемъ,—сказалъ онъ.

— А вы ужъ успѣли къ нимъ приступиться?—спросилъ грубо Данила Павловичъ.

— Я зъ стороны господина Гиршберга, моего довѣрителя, — отвѣтилъ Цвѣнтеховскій. — Господинъ Баскаковъ повиненъ ему на двадцать тысячъ.

— Ну, и слава Богу, что не больше, — отвѣтилъ Муратовъ и, несмотря на желаніе Цвѣнтеховскаго продолжать бесѣду, проскользнулъ въ подъѣздъ того дома, гдѣ жилъ Баскаковъ.

На одной изъ площадокъ лѣстницы онъ увидалъ группу людей. Они столпились около какой-то плотной барыни въ старомодной шляпкѣ, въ суконной тальмѣ, съ сакъ-вояжемъ въ рукахъ. Она громко разсказывала что-то окружающимъ людямъ. Муратовъ уловилъ только отрывочныя фразы: «Кровопійца, семью по-міру пустилъ. Я женщина сырая, со мной ударъ могъ сдѣлаться. Трудомъ вѣдь нажила все. Думала, вотъ добрый человѣкъ, хорошіе проценты дастъ! А онъ душегубецъ...» Данила Павловичъ прошелъ поспѣшно мимо толпы. Его враждебно оглядѣли съ ногъ до головы, и онъ ясно разслышалъ фразы: «Не къ нашему ли соколу тоже? Простись, голубчикъ, съ денежками!» Онъ позвонилъ у дверей квартиры Баскакова. Ему не скоро отворили дверь. Первыми словами лакея была фраза, что барина нѣтъ дома. Данила Павловичъ сказалъ, что все равно—онъ подождетъ возвращенія «дяди».

— Да вы будете, значитъ, племянникъ Александра Николаевича? Данила Павловичъ?—спросилъ лакей.

Данила Павловичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Для васъ-съ дома,—сказалъ лакей.—А то эти вороны намъ передохнуть не даютъ...

Муратова ввели въ переднюю. Онъ сбросилъ пальто и

спросилъ, куда идти. Лакей повелъ его въ кабинетъ барина. Квартира Баскакова была довольно просторная, но казалась какимъ-то пустымъ сараемъ. Мебели почти не было, безпорядокъ былъ полный. Муратовъ засталъ дядю лежащимъ на диванѣ. Увидавъ племянника, Александръ Николаевичъ поднялся кряхтя и охая. Муратовъ изумился происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Баскаковъ состарился на десять лѣтъ.

— Ты боленъ, дядя?—спросилъ Данила Павловичъ.

— Захвораешь тутъ, захвораешь, когда ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ Николаевичъ, пожимая ему руку. — Травятъ, травятъ, какъ звѣря въ лѣсу, безъ жалости, безъ милосердія...

Онъ опустился на стулъ и сжалъ голову руками. Въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Баскаковъ вздрогнулъ и стиснулъ болѣзненно зубы, начавъ пугливо озираться по сторонамъ. Данила Павловичъ хотѣлъ что-то сказать, но дядя махнулъ ему рукою и шопотомъ сказалъ:

— Тсъ!

Въ передней послышалась брань.

— Сейчасъ же сюда прошелъ баринъ. Его приняли. Значитъ, дома! Когда деньги были нужны, такъ всегда былъ дома. А теперь все нѣтъ да нѣтъ!

Баскаковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ бы принизившись, прошепталъ Муратову:

— Я опять въ шкапъ спрячусь, въ шкапъ!..

Данила Павловичъ остановилъ его движеніемъ руки и сказалъ тихо:

— Я самъ выйду къ нимъ.

Онъ твердою поступью направился къ передней и очутился лицомъ къ лицу съ тремя посѣтителями. Это были не то мѣщане, не то купцы. Данила Павловичъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, чего имъ нужно. Они заговорили разомъ:

— Извѣстно чего! За своимъ пришли! Чего въ прятки-то онъ играетъ? Блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ! Въ долговое засадить! Все завтраками кормитъ!

— Чего вы орете въ чужой квартирѣ!—вдругъ крикнулъ на нихъ Муратовъ тѣмъ бѣшенымъ голосомъ, который пугалъ и не такихъ людей, который далеко разносился по желѣзнодорожной линіи.—За полиціей, что ли, послать, чтобъ васъ отсюда выгнала? Онъ вамъ долженъ? Вы предъявили векселя и счета? Ну, и ждите, что скажетъ конкурсъ. Мой тесть сотенъ тысячъ тутъ лишился, да я же не лѣзу съ ножомъ къ горлу къ Александру Николаевичу. У насъ судъ

есть, а не кулачная расправа. Или мало, что деньги потеряете, такъ за буйство въ тюрьмѣ еще насидѣться хотите? Аршинники!

— Да ты чего лаешься! Можетъ, мы получше тебя!—заговорили разомъ всѣ три посѣтителя.

— А вотъ я вамъ покажу, какъ за буйство расправляются,—сказалъ Муратовъ.

— Помилуйте-съ, сударь, съ кулаками къ носу лѣзутъ,—сказалъ расхрабрившійся слуга жалующимся тономъ.—И при чемъ же здѣсь я...

Данила Павловичъ, не обращая на него вниманія, продолжалъ кричать:

— Да я сейчасъ же съѣзжу къ самому...

Данила Павловичъ назвалъ по имени и отчеству высшую полицейскую власть.

— Да ты что же стращаешь? Въ твоей квартирѣ мы, что ли!—грубо спросилъ одинъ посѣтитель.

— Въ моей! въ квартирѣ моего дяди! А вотъ мы увидимъ, что вы послѣ запоете, когда ко мнѣ же бѣгать по дѣламъ конкурса станете. Я думаю, я-то побольше васъ голоса имѣть буду. Нашихъ денегъ тутъ триста тысячъ пропадаетъ, а не какіе-нибудь гроши.

— Всякому своя копейка дорога.

— Съ насъ самихъ тоже клочья рвутъ!

— Знаемъ мы васъ! Десятки тысячъ сорвали съ Александра Николаевича, а сотни рублей не отдалъ, такъ задушить его готовы. Прежде въ поясъ кланялись, а теперь...

Муратовъ всмотрѣлся въ лицо одного изъ бородачей и узналъ его:

— А, пріятель, видѣлъ я, видѣлъ, какъ ты безъ расписокъ-то у дядюшки десятки рублей выкляньчивалъ! Только вѣдь теперь-то твои счета тоже разсмотрятъ. Поди, по два раза одинъ и тотъ же счетъ оплачивали. Я тоже кое-что видѣлъ...

Бородачъ нахмурился и злобно проговорилъ:

— Не лайся, какъ бы въ отвѣтъ не попасть самому!

Но Данила Павловичъ зналъ этого сорта мелкихъ подрядчиковъ и смѣло тономъ угрозы отвѣтилъ:

— Ой, не зли меня, а то хуже будетъ!

Онъ неожиданно подошелъ прямо къ бородачу и, потрепавъ его по плечу, интимнымъ тономъ застращиванія проговорилъ:

— Когда ты еще въ деревнѣ гусей стерегъ, да безъ порт-

ковъ бѣгалъ, я уже такихъ-то, какъ ты, у себя на работахъ въ мошенничествѣ ловилъ. Слышалъ про Чистопольскую желѣзную дорогу? Ну, такъ я тамъ со своимъ тестемъ, Пахомомъ Семеновичемъ Гущинымъ, всѣмъ орудую. Значитъ, на вашего-то брата насмотрѣлся. Какъ полагаешь?

И, опять перемѣнивъ тонъ, онъ уже совсѣмъ дружески и интимно проговорилъ:

— Нѣтъ, братцы, это уже точно не дѣло галдѣть въ чужомъ домѣ! Ну, задолжалъ Александръ Николаевичъ, прогорѣлъ, такъ вѣдь это со всякимъ можетъ случиться. Надо лучше дѣло потише, да получше обдѣлать, заполучить что можно, вотъ и ладно будетъ. Ну, а крикомъ-то что возьмете? Штаны онъ, что ли, вамъ съ себя сниметъ? Вѣдь ужъ теперь утаить ему нечего — тутъ-то вонъ не разживешься ничѣмъ.

Онъ движеніемъ ноги распахнулъ дверь въ залъ.

— Мусоръ этотъ, что ли, вамъ отдать? Такъ и того онъ не можетъ теперь сдѣлать,—продолжалъ Данила Павловичъ.— Нѣтъ, а вотъ лучше намъ вмѣсто галдѣнья вмѣстѣ собраться, да обсудить все порядкомъ. Я въ Знаменской гостиницѣ остановился. Хотите, заходите потолковать...

Онъ повернулся, чтобы идти, но, сдѣлавъ два шага къ двери, остановился на минуту и ровнымъ, твердымъ и внятнымъ голосомъ проговорилъ:

— Только я, братцы, не Александръ Николаевичъ!

Потомъ, слегка посвистывая, онъ скрылся въ комнатахъ.

— Ну, что? Слышалъ? Видѣлъ? Это ужасно! ужасно!— воскликнулъ Александръ Николаевичъ, увидавъ Данилу Павловича.

— Этого надо было ожидать,—равнодушно сказалъ Муратовъ.—Не могутъ же эти люди вамъ комплименты дѣлать за то, что вы имъ по грошу за рубль дадите...

— Но зачѣмъ же оскорблять, оскорблять-то зачѣмъ? Вѣдь ты пойми, они мнѣ грубости говорятъ, они ругаютъ меня, они плюютъ чуть не въ лицо мнѣ! О, если бы я могъ это все предвидѣть! Бываютъ минуты, когда я готовъ пулю себѣ въ лобъ пустить! Легче умереть, чѣмъ вынести все это. Ты понялъ бы это, если бы хоть день побылъ на моемъ мѣстѣ...

— И вы еще ни одного изъ нихъ не избили?—спросилъ спокойно Муратовъ.

Александръ Николаевичъ вопросительно взглянулъ на племянника.

— Я бы избилъ. Тогда не стали бы ругаться!

Онъ сказалъ это такимъ тономъ, что ему нельзя было не вѣрить. Но Александръ Николаевичъ былъ не способенъ ни драться, ни ругаться. Это былъ баринъ до мозга костей, несмотря на всѣ его похожденія, на всѣ его аферы. Онъ впервые попался въ такую исторію, и она повліяла на него такъ, какъ будто ему публично дали оплеуху. Ему было стыдно, гадко, тошно смотрѣть на людей. Онъ не подготовился къ роли несостоятельнаго должника. Онъ еще недавно называлъ массу своихъ кредиторовъ мошенниками, но онъ никакъ не могъ свыкнуться съ тѣмъ, чтобы эти мошенники въ глаза ему называли его самого этимъ именемъ. Онъ еще недавно смѣялся надъ этой «бабкой-галандкой», ростовщицей, давшей ему въ долгъ деньги, но онъ теперь боялся поднять на нее глаза, когда она рыдала, говоря, что онъ пустилъ по-міру ее, беззащитную, и ея дѣтей малыхъ, когда она проклинала его и его «племя каиново», причитая, что «волку отольются овечьи слезы». Минутами онъ даже вѣрилъ, что эта «бабка», бравшая шестьдесятъ процентовъ въ годъ, была дѣйствительно овцою и притомъ овцою, растерзанной имъ, волкомъ. Его безпредѣльно разыгравшееся воображеніе сослужило ему теперь плохую службу. Съ каждымъ днемъ оно работало сильнѣе и сильнѣе, и Александръ Николаевичъ мысленно уже переживалъ такія сцены униженій, позора, наказаній, что ему становилось жутко. То онъ видѣлъ, какъ какой-то «хамъ» даетъ ему пощечину; то онъ ясно воображалъ, что эта «бабка-галандка» плюетъ ему прямо въ лицо; то онъ представлялъ себя передъ собраніемъ кредиторовъ, гдѣ всѣ и каждый наносятъ ему оскорбленія, и слова «воръ», «подлецъ», «мошенникъ», «грабитель» сыплются со всѣхъ сторонъ. Потомъ являлось самобичеваніе за то, что прежде-то, прежде «съ легкимъ сердцемъ» рылъ себѣ яму, обиралъ всѣхъ, не зная, чѣмъ расплатиться, грабилъ и чужія семьи, и свою семью.

«И до сѣдыхъ волосъ дожилъ, и ума не нажилъ», твердилъ онъ, стукая кулаками по своей сѣдоволосой львиной головѣ. Да, онъ и посѣдѣлъ, и постарѣлъ, и опустился въ это короткое время, какъ бы въ десятокъ лѣтъ. Онъ не былъ трусомъ по натурѣ, въ былые дни юности онъ пережилъ даже эпоху моднаго тогда бреттерства, но теперь онъ прятался отъ этихъ людей въ шкапъ, когда они вламывались въ его комнаты. И эта трусость въ свою очередь была для него источникомъ мученій, онъ краснѣлъ за нее. А тутъ еще Хвостовъ, какъ тѣнь, преслѣдующій Баскакова, ходящій

по его пятамъ, спрашивающій ежеминутно: «Мы вѣдь выкрутимся, Александръ Николаевичъ?» «Это вѣдь все скоро кончится, Александръ Николаевичъ?» «Я думаю, никто не узнаетъ, что мы все это фиктивно устроили, Александръ Николаевичъ?» Задаетъ онъ эти вопросы, а у самого зубъ назубъ не попадаетъ, слышно, какъ они щелкаютъ, точно въ страшной лихорадкѣ. Ходитъ онъ, Хвостовъ, а у самого колѣни дрожатъ и подгибаются, точно у пьянаго. Хихикаетъ онъ, потирая руки, а въ голосѣ слезы слышатся, на глаза онѣ навертываются. «И рожа-то у него какая подлая, точно его ошпарили,—мысленно повторялъ Александръ Николаевичъ.—И какъ это я прежде не разглядѣлъ. Вѣдь это трусъ, трусъ до мозга костей. Онъ способенъ при первой угрозѣ разревѣться и на колѣняхъ ползать. Онъ отца роднаго выдастъ, только бы свою шкуру сберечь!» Александру Николаевичу было даже гадко теперь благоговѣніе Хвостова предъ нимъ. Его бѣсили вѣчныя восклицанія Хвостова: «Да вы геній, геній! Вы выкрутитесь! За вами, какъ за каменной стѣной, я! Я маленькій человѣкъ, а вы! Шутка ли три милліона долгу!» Все это высказалъ теперь Баскаковъ Данилѣ Павловичу, то вскакивая съ мѣста, то сжимая въ рукахъ свою голову,—высказалъ сбивчиво, торопливо, нервно. Онъ походилъ на помѣшаннаго.

— Веди мои дѣла, какъ знаешь,—заключилъ онъ.—Я болѣе не могу, не могу! Я все лучше отдамъ, все разскажу, все погублю и конецъ, конецъ! Я потерялъ голову...

Онъ остановился передъ Муратовымъ и горячо проговорилъ:

— Я не алтынникъ, не хамъ, не барышникъ. Я былъ бариномъ и барином остался. Мнѣ это все омерзительно.

— Все это нужно было прежде взвѣсить и обдумать, а теперь...—началъ Данила Павловичъ, но Баскаковъ не далъ ему кончить.

— Я не знаю, какимъ мнѣ надо бы было родиться человѣкомъ, но я родился такимъ, каковъ я есть, и такимъ и умру,—рѣзко сказалъ онъ и съ горькой ироніей прибавилъ:— Я даже не умѣю глядѣть съ завистью или съ уваженіемъ на тѣхъ, кто научился съ волками жить—по-волчьи и выть. Я тебѣ говорю, что мнѣ все это омерзительно, и смерть лучше такой жизни.

Данила Павловичъ совсѣмъ равнодушно и сухо, почти жестоко замѣтилъ:

— Стоитъ ли о ней много говорить, когда это такое несложное дѣло.

Потомъ онъ улыбнулся и развязно проговорилъ:

— Вы, дядя, все еще театръ любите. Жизнь, право, такая прозаическая штука, что въ ней можно обойтись безъ всякихъ эффектовъ. Задолжалъ рубль, ну, и торгуйся, поскольку уплатишь: можешь по полтиннику — старайся отдать по четвертаку, можешь по четвертаку—старайся отдать по гривеннику. Ругаться станутъ, ты тоже ругайся, да посильнѣе; драться станутъ, а у тебя силы меньше—въ судъ жалуйся, чтобы обуздали драчуновъ, если же силы у тебя больше,—коверкай ихъ самъ, только такъ, чтобы это самозащитой вышло. Все это просто и не требуетъ ни пистолетовъ, ни дуэлей, ни самоубійствъ. Впрочемъ, въ ваше время ужъ такая мода была—кровь проливать...

Баскаковъ хотѣлъ что-то сказать, но Муратовъ коротко кончилъ свою рѣчь шуткою:

— Кровь, дядя, самимъ нужна для домашняго обихода. Теперь вонъ и такъ всѣ на малокровіе жалуются...

Потомъ онъ быстро, не желая тратить времени на пустяки, перешелъ къ вопросамъ дѣловымъ, серьезнымъ и, слушая дядю, раза два замѣтилъ ему:

— Да вы не распускайтесь! Не увлекайтесь и не отклоняйтесь въ сторону, дядя!

Онъ вдругъ сталъ обращаться съ Баскаковымъ, какъ съ капризнымъ, больнымъ ребенкомъ, читая ему нотаціи, останавливая его, поучая его, немного свысока, немного нетерпѣливо, немного презрительно. Чѣмъ больше онъ выяснялъ дѣло, тѣмъ очевиднѣе становилась для него необходимость остаться здѣсь и взяться за все самому. Дядя былъ способенъ выкинуть даже такую штуку, какъ признаніе въ выдачѣ дутыхъ векселей, въ скрытіи денегъ отъ продажи «Ольховатаго», въ фиктивности аренды двухъ домовъ. Это признаніе могло быть сдѣлано въ видѣ театральнаго эффекта внезапно, неожиданно, случайно. Этого нужно было опасаться и избѣжать. Данила Павловичъ не могъ бы дать теперь себѣ отчета, почему онъ горячо принимаетъ теперь къ сердцу это дѣло. О спасеніи отъ нищеты семьи Баскакова и самого Баскакова онъ въ данное время вовсе и не думалъ. Тутъ было просто инстинктивное, безсознательное, но въ то же время и непреклонное, и страстное желаніе дѣльца вырвать у другихъ часть денегъ. Не было ни одной минуты, когда Данила Павловичъ задалъ бы себѣ вопросъ: «но для кого же я вырву эти деньги? вѣдь не для себя же, а для человѣка, способнаго ихъ бросить тотчасъ же въ печь?» И тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что онъ

долженъ ихъ вырвать, что онъ вырветъ ихъ у другихъ. Это было, можетъ-быть, то чувство, которое заставляетъ сытаго звѣря грызться съ другими звѣрями изъ-за добычи, вовсе не нужной ему самому. Мало того, Данила Павловичъ давно уже не ощущалъ въ себѣ такой энергіи и такого подъема духа, какъ теперь, точно онъ готовился къ рѣшительной битвѣ съ сильнымъ врагомъ. Онъ потиралъ руки, онъ усмѣхался, обдумывая все дѣло, со всѣхъ сторонъ, начертывая въ умѣ планъ битвы. Онъ то садился просматривать бумаги, то ходилъ по комнатѣ, выслушивая дядю. Наконецъ, онъ подошелъ къ старику и одобрительно похлопалъ его по плечу, сказавъ развязнымъ тономъ:

— Не тужите, дядя, выкручу васъ!

Баскаковъ вздрогнулъ и не то съ испугомъ, не то съ недоумѣніемъ спросилъ:

— Что ты?

— Выкручу васъ, говорю я,—повторилъ Муратовъ.

Старикъ какъ-то растерялся и сконфузился.

— А! да, да...—пробормоталъ онъ и съ горькою, едва замѣтной ироніей прибавилъ: — Я, знаешь, иногда теперь многаго не понимаю. Все это такъ ново, и положеніе, и слова... Выкручу, выверну, вытащу.

И, уже усмѣхаясь, какъ-то презрительно взглянувъ на Данилу Павловича, онъ замѣтилъ:

— Что-жъ, выкручивай, вывертывай, тащи... я ужъ теперь не Баскаковъ, а вещь...

«Въ призваніи ошибся, актеромъ бы быть»,—мелькнуло въ головѣ Данилы Павловича. Впрочемъ, подобныя мысли теперь мало занимали его. Въ его умѣ роились разные комбинаціи, проекты переговоровъ съ кредиторами, обсужденіе съ ними дѣлъ дяди, продажа домовъ, способы набить на дома цѣну. Въ тотъ же день вечеромъ къ нему собралось нѣсколько мелкихъ кредиторовъ дяди, въ тотъ же день онъ успѣлъ повидаться съ нѣсколькими заинтересованными въ дѣлѣ адвокатами. Онъ весь теперь ушелъ въ это дѣло, забывъ и свою Липу, и своихъ дѣтей, и свою желѣзную дорогу. Во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ, какъ неожиданное крупное банкротство, толковъ и преній является безчисленное множество: тутъ, что называется, всѣ толкутъ воду въ ступѣ, суетятся, бѣгаютъ, совѣщаются, повторяютъ десять разъ одно и то же, подводятъ итоги цифръ, считаютъ снова, доискиваются новыхъ имуществъ, новыхъ источниковъ для оплаты долговъ, подозрѣваютъ мошенничество и стачку, и

это отнимаетъ массу времени, волнуетъ кровь, заставляетъ человѣка думать, что онъ и точно дѣлаетъ дѣло даже тогда, когда онъ просто только болтаетъ и болтаетъ. Въ этотъ водоворотъ попалъ и Данила Павловичъ, и водоворотъ затянулъ его тѣмъ сильнѣе, что съ первыхъ же столкновеній всѣ почуяли въ Муратовѣ силу. Кто-то даже далъ ему кличку, замѣтивъ какъ-то случайно:

— А вотъ и нашъ громовержецъ идетъ!

Точно, онъ являлся громовержцемъ: онъ кричалъ на мелкихъ кредиторовъ, онъ обуздывалъ крупныхъ, онъ ругалъ Александра Николаевича, онъ отыскивалъ ревностнѣе всѣхъ средства увеличить размѣры платежей, и всѣ сразу признали, что онъ долженъ быть главой и руководителемъ въ дѣлѣ. Ни въ комъ не явилось даже и тѣни подозрѣнія, что онъ «дутый» кредиторъ, и менѣе всего думалъ объ этомъ онъ самъ. Онъ вошелъ въ свою роль и злился, когда ему говорили, что получится чуть ли не по гривеннику за рубль. Хвостовъ передъ нимъ просто трепеталъ и отвѣчалъ ему точно въ ознобѣ, стуча зубами и вздрагивая. «Ахъ, Господи, какіе они вспыльчивые», каждый разъ повторялъ Хвостовъ послѣ встрѣчи съ Муратовымъ. Баскаковъ даже не могъ не замѣтить разъ съ улыбкой Данилѣ Павловичу:

— Хвостовъ тебя такъ уважаетъ, что во множественномъ числѣ про тебя говоритъ за глаза.

— А вотъ я этой старой крысѣ покажу себя, если аренда поведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ. Безъ вашего Хвостова, никогда бы вы этихъ глупостей не натворили, — отвѣтилъ Муратовъ.

Онъ теперь не стѣснялся съ дядею и третировалъ его не лучше любого изъ кредиторовъ. Онъ уже не совѣтовалъ, а приказывалъ... Александръ Николаевичъ началъ тоже, если не побаиваться его, то стѣсняться при его приходѣ, волнуясь и гримасничая, точно при приходѣ оператора, готовящагося снова разбередить ему излѣчиваемую рану. Нервная гримаса все чаще и чаще стала появляться на лицѣ Александра Николаевича, когда приходилъ Муратовъ, такъ что послѣдній не могъ не замѣтить этого.

— Да что это вы все гримасничаете!—какъ-то замѣтилъ племянникъ дядѣ.

— Это у меня нервы,—проговорилъ дядя.

— Ну, не барыня вы, кажется! Надо бы привыкнуть къ своему положенію.

— Поздно,—коротко отвѣтилъ дядя.

Муратовъ пожалъ плечами. Но его снова поразило, какъ осунулось лицо дяди. Оно походило скорѣе на лицо мертвеца, чѣмъ на лицо живого человѣка, и было какъ будто вылѣплено изъ желтаго воска. Звонокъ или шумъ въ передней заставляли каждый разъ старика вздрагивать. Потомъ онъ вдругъ съеживался и съ гримасой какъ-то глухо кряхтѣлъ, точно испытывая физическую боль. Всѣ эти движенія сдѣлались точно чѣмъ-то привычнымъ, безсознательнымъ, какъ конвульсіи. Можетъ-быть, наставала пора лѣчиться, но кто же могъ посовѣтовать старику обратиться къ доктору? Не Данила же Павловичъ, говорившій, что дядя сталъ капризничать и превратился въ бабу. Онъ только совѣтовалъ ему «встряхнуться». Старикъ даже разсердился.

— Да что это меня ужъ не за человѣка, а за собачонку какую-то начинаютъ считать. Собаки только встряхиваются послѣ трепки.

— Капризничаете вы нынче много, — отвѣтилъ Данила Павловичъ.—Ну, да дѣло не въ томъ, а лучше поговоримте толкомъ.

И онъ снова мучилъ дядю толками о дѣлѣ.

— Вамъ есть письмо!—сказалъ Данилѣ Павловичу слуга въ гостиницѣ.

Данила Павловичъ взялъ конвертъ, взглянулъ на почтамтскій штемпель, прочелъ «Чистополье», и точно его кто-то ударилъ: ему мгновенно прилила къ головѣ кровь. «Чѣмъ-то порадуютъ? что-то пишутъ? Странно, что такъ долго не извѣщали?—думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ и направляясь въ свой номеръ.—Ну, дочурка бы! Сыновей есть пара и довольно!» Онъ вошелъ въ свой номеръ, сорвалъ съ письма конвертъ и сталъ читать не особенно прямо, не особенно грамотно выведенныя рукою Матрены Кузьминичны строки. Онъ читалъ письмо, но онъ не понималъ его вполнѣ, а только видѣлъ отрывочныя его фразы, точно эти фразы были подчеркнуты, написаны другими чернилами, выведены крупнѣе. «Двѣ дѣвочки». «Не выжили». «Сама страшно мучилась, думали, и не спасемъ ее». «Потомъ поняли, съ чего она въ нынѣшній разъ такъ измаялась». «Все просила тебѣ не отписывать, боялась, что отъ дѣловъ оторветъ». «Теперь оправляется, хоть и слаба». «Докторъ говоритъ, что опасности нѣтъ, потому натура здоровая». Данила Павловичъ читалъ эти фразы, перечитывалъ ихъ и, казалось, не понималъ ихъ, хотѣлъ еще разъ прочитать, еще разъ вдуматься въ нихъ. А онѣ были такъ ясны. Наконецъ, онъ

бросилъ письмо, закрылъ руками лицо и громко зарыдалъ. «Двѣ дѣвочки», «не выжили», «сама страшно мучилась», «все просила тебѣ не отписывать, боялась, что отъ дѣловъ оторветъ»,—проносилось въ его головѣ, и въ душѣ поднимались и горечь, и злость. «Бросилъ жену въ такое время! Какъ же, дѣла требовали его въ Петербургъ. Какія дѣла? Чьи дѣла? Что погибло бы? И пріѣхалъ сюда, и позабылъ о женѣ, о семьѣ, увлекшись дѣлами! Двѣ недѣли, нѣтъ, три недѣли не получалъ изъ дому писемъ и даже не вспомнилъ, не подумалъ, что тамъ, дома, дѣлается. Тоже отецъ, любящій мужъ! Алтынникъ! Подлецъ!» Эти отрывочныя фразы, точно вихрь, проносились въ его горячей бѣшеной головѣ. Онъ стискивалъ зубы, онъ сжималъ кулаки и плакалъ какъ-то яростно, навзрыдъ, громко. Ему хотѣлось кричать, проклинать, ругаться вслухъ, непечатными словами, точно такъ было легче. Это былъ припадокъ какой-то безсильной ярости, и все точно помутилось въ его головѣ. Въ его мысляхъ, въ его фразахъ не было ни послѣдовательности, ни связи.

— Вотъ дѣвочку все желалъ, дѣвочку! Двухъ Богъ далъ и не умѣлъ сберечь ихъ, охранить, спасти!—повторялъ онъ и тутъ же съ бѣшенствомъ прибавлялъ:—Богъ далъ, Богъ далъ! Какъ это Богъ, если онъ далъ ихъ и взялъ? Развѣ я для себя поѣхалъ хлопотать? Я спасти другую семью хотѣлъ. Доброе дѣло хотѣлъ сдѣлать! Ну, вотъ и награда за доброе дѣло.

Онъ злобно взглянулъ куда-то вверхъ, къ потолку, къ небу.

— Нѣтъ, всегда нужно только о себѣ думать, самому спасать себя, къ чорту всѣ эти добрыя дѣла бросить,—проговорилъ онъ, скрипя зубами, и, сжавъ кулаки, прибавилъ: — И брошу, все брошу! Пропадайте вы всѣ, всѣ! Самъ себя не спасешь, никто тебя не спасетъ! Вотъ что далось за доброе дѣло въ награду...

Онъ кому-то угрожалъ. А черезъ минуту уже въ какомъ-то суевѣрномъ страхѣ онъ бормоталъ:

— А она, она! Господи, не попусти! не попусти! Лина, голубушка все обо мнѣ думала, меня просила не тревожить! А я-то и забылъ о ней, не думалъ о ней. Ѣхать, ѣхать надо! Сейчасъ же, сейчасъ!

Онъ заторопился, началъ что-то укладывать, забывъ, что въ эту пору дня и поѣзда въ Москву нѣтъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился, и опять въ его душѣ поднялась злоба. Его бѣсило и то, что поѣзда нужно ждать,

и то, что именно завтра назначено собраніе кредиторовъ Александра Николаевича, гдѣ Данила Павловичъ долженъ былъ играть первенствующую роль. Ни разу еще въ жизни не сказался такъ ясно этотъ характеръ деспота, не терпящаго ни возраженій, ни препятствій, ни остановокъ. Въ его дѣтствѣ былъ одинъ эпизодъ: онъ, сидя на рукахъ у няньки, увидалъ, что по небу черкнула звѣзда и упала на землю. Онъ потребовалъ, чтобы нянька отыскала ее и принесла ему. Нянька сказала, что этого нельзя сдѣлать. Онъ началъ кричать, плакать, кусаться и драться. Этотъ порывъ ярости продолжался до того, что, по выраженію няньки: «дитя закатилось и посинѣло». Чтобы успокоить его, нужно было разослать слугъ искать звѣзду, нужно было при его глазахъ избить крѣпостную няньку за неумѣнье словить для ребенка эту звѣзду, все-таки онъ долго-долго, при видѣ этой няньки, пиналъ ее кулакомъ или ногою, говоря ей шипящимъ тономъ: «по-дла-я!» Многое измѣнилось въ немъ въ теченіе многихъ лѣтъ жизни, но эта черта характера осталась.

X.

— Даня, такъ ты рѣшительно не ѣдешь сегодня въ театръ? — спрашивала Аделаида Александровна Муратова, стоя передъ Данилой Павловичемъ, сидѣвшимъ въ задумчивости въ креслѣ.

— Нѣтъ, Адель, все это раздражаетъ, а не успокаиваетъ, — отвѣтилъ онъ лѣниво. — Мнѣ тошно смотрѣть на чужое веселье, оно меня бѣситъ.

Съ нѣкотораго времени у него сказались нервы,—нервы больной и капризной женщины. Получивъ изъ Чистополья памятное для него письмо, онъ съѣздилъ «на денекъ», какъ онъ выразился самъ, домой и засталъ жену еще больною. Она обрадовалась и испугалась. Зачѣмъ ему написали объ ея болѣзни? Зачѣмъ вытребовали его изъ Петербурга? Онъ вѣдь самъ говорилъ, что тамъ у него дѣла, что дядя Александръ Николаевичъ потерялъ голову и что онъ въ состояніи всѣхъ подвести и запутать. Что могутъ сдѣлать Данѣ? Не выйдетъ ли крупныхъ непріятностей. Данила Павловичъ успокаивалъ ее, онъ говорилъ, что онъ пріѣхалъ только взглянуть на нее, что онъ пробудетъ въ Чистополѣ два-три дня, не болѣе. Онъ ужасно тосковалъ о дѣвочкахъ, которыхъ онъ даже не видалъ; онъ ужасно боялся за жену, которая, несмотря на все желаніе казаться здоровой, была крайне слаба. Докторъ, впрочемъ, утѣшалъ его, что все это

пустяки, что ся натура крѣпка, что нужно только остеречься въ будущемъ, что «молодой женщинѣ надо отдохнуть, а тамъ — они, Муратовы, еще такъ молоды! — годика черезъ два, черезъ три, чѣмъ позже, тѣмъ лучше, у нихъ, Богъ дастъ, еще будутъ дѣти». Докторъ замѣтилъ даже шутливо, что лучше будетъ, если Данила Павловичъ уѣдетъ, «а то— докторъ погрозилъ пальцемъ Муратову — эгоисты всѣ вы, господа мужья»,—сказалъ онъ.

Но мало было своихъ семейныхъ волненій,—нужно было еще явиться Матренѣ Кузьминичнѣ со слезами, съ разспросами объ Александрѣ Николаевичѣ.

— Съ ума сходитъ,—рѣзко замѣтилъ Данила Павловичъ, и самъ былъ не радъ, что сказалъ это.

Матрена Кузьминична всполошилась, даже дошла до рѣзкостей, сказавъ Данилѣ Павловичу, что онъ долженъ былъ написать, телеграфировать ей, если ея мужъ такъ плохъ, если онъ такъ страдаетъ. Данила Павловичъ попробовалъ уговорить ее остаться въ Чистополѣ около Липы, но она отказалась наотрѣзъ. Она не какая-нибудь полюбовница; она—жена! Она должна быть при мужѣ, если онъ нездоровъ, если у него бѣда. Въ церкви-то она не затѣмъ съ нимъ вѣнчалась, чтобъ въ счастьи, да въ радости въ глаза ему смотрѣть, а какъ у него горе—такъ и хвостомъ вильнуть. Она собралась въ Петербургъ въ одинъ день, не дожидаясь отъѣзда Муратова, твердя только одно: «онъ-то, голубчикъ, тамъ страдаетъ, а я въ чужомъ домѣ вожусь». Наконецъ, пришлось уѣхать и Данилѣ Павловичу, но онъ уѣхалъ не вдругъ, откладывая съ часу на часъ, со дня на день поѣздку. Онъ даже похудѣлъ за эти пять-шесть дней.

Онъ возвратился въ Петербургъ раздражительнымъ, озлобленнымъ, угрюмымъ. Его бѣсило теперь все: и кредиторы дяди, и самъ дядя, и Матрена Кузьминична, и необходимость вести дѣла въ столицѣ. Ему хотѣлось теперь быть тамъ, около жены, сидѣть у ея ногъ, цѣловать ея руки, ея глаза. И въ то же время ему вспоминались совѣты доктора, на душѣ дѣлалось вдругъ еще тяжелѣе, еще болѣе накипало желчи. Данила Павловичъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко подчиняются обстоятельствамъ, не протестуя мирятся съ неизбѣжностью...

Въ эти дни, когда Данила Павловичъ, этотъ желѣзный человѣкъ, узналъ что значатъ нервы, къ нему явилась утѣшительницей Аделаида Александровна. Никогда еще ея заботливость, ея нѣжность, ея мягкость не проявлялись такъ

кстати, какъ теперь. Она явилась заботливой сестрой больного брата, нѣжной матерью обиженнаго ребенка, потворщицей-няней заблажившаго дитяти. Данила Павловичъ началъ ощущать, что онъ въ свободныя минуты не можетъ обойтись безъ Аделаиды Александровны, и шелъ къ ней или поджидалъ ее къ себѣ,—и къ этому не примѣшивалось даже желанія узнать: обдѣлала ли она для него въ министерствѣ то или другое дѣло относительно всѣхъ формальмальностей открытія желѣзной дороги. Нѣтъ, онъ какъ будто и не думалъ теперь объ этомъ, когда оставался съ Аделаидой Александровной. Съ ней онъ могъ говорить тысячу разъ о томъ, какъ онъ желалъ имѣть дѣвочку, и какъ его огорчила потеря этой дѣвочки и даже не одной, а двухъ дѣвочекъ. Ей онъ могъ повѣрять безконечное число разъ свои опасенія насчетъ Липы и сомнѣнія насчетъ того, какъ дѣйствовать дальше, чтобы не повредить здоровью Липы. Иногда онъ говорилъ странныя вещи о томъ, что онъ всегда былъ вѣрующимъ, что онъ считаетъ страшнымъ современнымъ зломъ безбожіе, что, между тѣмъ, въ день извѣстія о смерти дѣвочекъ онъ на минуту усомнился въ справедливости Бога, усомнился въ Его существованіи, что это его мучитъ, что это даромъ не пройдетъ, что онъ будетъ еще какъ-нибудь наказанъ за это. Этими вещами шутить не слѣдуетъ. Это даромъ не проходитъ... Наконецъ, онъ долженъ поддерживать это, такъ какъ онъ отецъ, такъ какъ онъ долженъ подавать примѣръ дѣтямъ... Вся ограниченность его ума, вся ограниченность его развитія, вся ограниченность его воспитанія сказывались въ эти долгіе часы откровенныхъ бесѣдъ съ Аделаидой Александровной. Но она терпѣливо выслушивала все. Чѣмъ больше она его узнавала, тѣмъ больше увлекалъ ее этотъ человѣкъ своею желѣзною силою, своимъ страстнымъ темпераментомъ. Впервые она еще видѣла человѣка, способнаго задушить своими руками врага, не тайкомъ, не изъ-за угла, не воровски, а прямо, открыто, сошедшись грудь съ грудью, не соразмѣряя даже своихъ силъ съ силами этого врага, и также впервые видѣла она человѣка, способнаго на безумную страсть, на безумное увлеченіе, не похожія ни на сентиментальность золотушныхъ и женственныхъ поэтическихъ натуръ, ни на сластолюбивый цинизмъ свѣтскихъ истаскавшихся развратниковъ. Она чувствовала въ немъ дикаря и звѣря. Это влекло ее къ нему, и она не безъ ревности выслушивала исповѣдь объ его любви къ Липѣ, объ его отношеніяхъ

къ Липѣ. Но, ревнуя его къ ней, она вовсе не думала бороться съ ней, вовсе не хотѣла заступать ея мѣста. Она не была ни мелодраматической интриганкой, ни романической злодѣйкой. Она была просто скучающей свѣтской женщиной. Ей теперь нравилось ея новое положеніе «сидѣлки», какъ ей нравились то роль благотворительницы, то роль первой актрисы на великосвѣтскомъ любительскомъ театрѣ, то роль авантюристки, обдѣлывающей для кого-то дѣла, ужинающей съ кѣмъ-то въ загородномъ ресторанѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ, проскальзывающей въ буржуазный маскарадъ въ клубѣ, въ маскарадъ съ непредвидѣнными встрѣчами и развязками. Ее влекло все, что ново и что странно, потому что все старое было такъ скучно, такъ надоѣло, такъ пріѣлось. Но что же могло быть новѣе этого человѣка и этой роли утѣшительницы при такомъ человѣкѣ? Онъ для нея былъ живымъ героемъ романа, и чтобы узнать романъ этого героя, ей не нужно было разрѣзать страницъ, портить глаза за чтеніемъ, ей нужно было только слушать. Мало того, она могла слушать изъ этого романа именно то, что ей хотѣлось слушать въ ту или другую минуту.

Она и теперь, нарядная, благоухающая, все еще ослѣпительно прекрасная, несмотря на свои годы, несмотря на черточки около глазъ, подъ подбородкомъ, на шеѣ, стояла передъ Данилой Павловичемъ, и готова была для него пожертвовать блескомъ бенефиснаго спектакля.

— Значитъ, и я не ѣду,—сказала она.

— Отчего же? Зачѣмъ тебѣ изъ-за меня скучать весь вечеръ,—замѣтилъ онъ.

Она взяла его за голову, подняла его лицо и, глядя ему въ глаза, спросила:

— Ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, что я скучаю съ тобой?

Онъ точно смутился. Ему никогда въ голову не приходилъ вопросъ: скучно ли ей съ нимъ? Ему было хорошо съ нею, зачѣмъ же ему думать о ней! Онъ вообще никогда не думалъ о томъ, что ощущаютъ, что чувствуютъ другіе, когда они съ нимъ. Она сама какъ бы подсказала ему теперь этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, мой милый, я не скучаю съ тобой, — мягко проговорила она.—Я рада, что въ моемъ обществѣ ты находишь хоть тѣнь того семейнаго очага, котораго ты лишенъ на-время! Я знаю, что значитъ жить безъ этого тепла, приходить домой и не видѣть никого, идущаго навстрѣчу; садиться за чай и не имѣть никого, кто спро-

сидъ бы: хорошо ли ты спалъ ночь? здоровъ ли ты? что ты намѣренъ дѣлать?—засидѣться въ обществѣ, забыться въ прогулкѣ, запоздать въ дорогѣ и сознавать, что спѣшить домой не зачѣмъ, что дома не ждутъ! О, это страшная фраза: дома не ждутъ! Отъ нея становится холодно, жутко. Знаешь, что раздави тебя экипажъ, утони ты въ рѣкѣ, будь ты убитъ и ограбленъ, все равно — дома не ждутъ! Потомъ когда-нибудь найдутъ тѣло. Кому оно принадлежитъ? Гдѣ родные? Навести справки! — отвѣта не будетъ, потому дома не ждали этого человѣка, не ждутъ его теперь, не будутъ ждать никогда.

Она вздохнула и грустно улыбнулась.

— Я на-время обманываю себя, утѣшаясь, что хоть ты ждешь меня...

Потомъ она вдругъ оборвала рѣчь и перешла къ вопросамъ: писала ли ему жена? какъ ея здоровье? что дѣти?

— Но, Даня, не отрываю ли я тебя отъ дѣла? — спросила она.

— О, нѣтъ! — воскликнулъ онъ, точно боясь, что она уйдетъ.

— Впрочемъ, если есть дѣла, я помогу тебѣ. Ты знаешь, я дѣлецъ.

Она сбросила съ себя легкую, точно сотканную изъ паутины накидку и осталась въ черномъ платьѣ съ вырѣзаннымъ спереди лифомъ. Данила Павловичъ поднялъ на нее глаза и увидалъ, что она снимаетъ брошь и закалываетъ ею подъ самымъ горломъ кружева, прикрывая ими открытое мѣсто груди и шеи.

— Что же, опять въ пикетъ?—спросила она.

Они часто играли въ карты, ведя безконечные разговоры о семьѣ Муратова, о его домашней обстановкѣ, о его планахъ на будущее.

— Пожалуй! — отвѣтилъ онъ, невольно засмотрѣвшись на нее.

«Надо было силой тогда ее взять!» — мелькнуло въ его головѣ: онъ вспомнилъ, что онъ сватался когда-то за нее. Онъ сдалъ карты. Она сбросила, взяла прикупку, стала считать:

— Семь и семнадцать. Четырнадцать тузовъ...

— Ну, сразу опять повезло!—сказалъ онъ.

— Счастлива въ картахъ, несчастна въ любви!—отвѣтила она.—А у тебя что?

— Да ничего! Все не годится. Тебѣ ходить!

Она начала брать взятки.

— О, да у тебя ничего—ровно ничего!—весело болтала она, считая взятки.—Ну, я тебя, Даня, сегодня совсѣмъ обыграю...

Онъ смотрѣлъ на нее и что-то думалъ.

— И отчего это мы тогда не поженились?—проговорилъ онъ.—Ты не любила меня?... Но вѣдь и Аркадія...

— Ахъ, Даня, ты знаешь, я всегда любила тебя, какъ брата, горячо любила, — отвѣтила она. — Но мужемъ я не могла тогда тебя представить. Я ждала какой-то другой любви. За Аркадія я вышла, потому что я его вовсе не любила, ни какъ жениха, ни какъ брата. Мнѣ было бы тяжело, если-бъ ты былъ несчастливъ со мной, а онъ...

По ея лицу скользнула презрительная усмѣшка.

— Развѣ такіе люди могутъ быть несчастны, когда у нихъ есть деньги!—проговорила она.—Впрочемъ, и хорошо, что все такъ сдѣлалось, хорошо для тебя. Ты нашелъ хорошенькую и милую дѣвушку по душѣ, ты женился на ней по любви, вы вполнѣ счастливы. Вѣдь ко мнѣ ты никогда не питалъ той страстной любви, какую пробудила она въ тебѣ. О! это много значитъ. Не даромъ же ты говоришь, что она тебѣ всѣхъ женщинъ замѣнила...

Она разобрала карты и воскликнула:

— О, ты мнѣ ужасныя карты сдалъ!

Она надула губки:

— Вообрази, ничего... ровно ничего... Терцъ какой-то... конечно, не годится... Четыре карты... О, это невозможная игра...

Онъ разсѣянно выслушалъ ея торопливую рѣчь и небрежно началъ счетъ своихъ картъ.

— Но ты пропустилъ... У тебя еще четырнадцать десятокъ... Три валета... О, какой ты разсѣянный, — говорила она.

Онъ точно опомнился.

— Да, такъ ты говоришь, что она мнѣ всѣхъ женщинъ замѣнила,—сказалъ онъ въ раздумьи.

— Это ты всегда говоришь, а не я,—поправила Аделаида Александровна.

— Положимъ, я говорилъ... Но нѣтъ, не всѣхъ... Вотъ ты... Въ тебѣ есть много такого, чего нѣтъ въ ней...

Она звонко засмѣялась.

— О, милый! Я умѣю играть въ карты?.. Это признакъ приближающейся старости... Я умѣю помочь тебѣ разо-

браться въ бумагахъ?.. Это признакъ прозаической дѣловитости, слѣдствіе, можетъ-быть, непріятныхъ дѣловыхъ сношеній и заботъ.

Она со вздохомъ смѣшала карты и стала сдавать.

— Ну, не это только,—проговорилъ онъ.

— Ахъ, да, да!.. Музыкой и пѣніемъ я тебя услаждаю, когда расхандришься... Ну, это верхи нашего барскаго образованія... Казовые концы свѣтской женщины...

— Ну, что музыка и пѣніе! Мнѣ въ былыя времена барышни такіе поктюрны разыгрывали и романсы распѣвали, что страсть!.. Но это не то... не то...

Онъ никакъ не могъ доискаться того, что было въ ней и чего не было въ Олимпіадѣ Пахомовнѣ. Это нѣчто было дѣйствительно не игра въ карты, не помощь въ разборѣ бумагъ, не пѣніе и не музыка. Это было необыкновенно тонкое и чуткое умѣнье угадывать безъ словъ, что нужно въ извѣстную минуту другому человѣку. Это умѣнье развилось въ Аделаидѣ Александровнѣ съ дѣтства, когда она сумѣла завоевать любовь капризнаго деспота-дяди, своего воспитателя и благодѣтеля. Это умѣнье окрѣпло въ ней въ тѣ дни, когда ей нужно было пробить себѣ путь въ «свѣтѣ» и, несмотря ни на что, заставить всю окружающую среду преклониться передъ ней, примириться съ ней, терпѣть ее, любовницу банкира-еврея Гельфрейха. Это умѣнье купилось такой же дорогой цѣной, какъ покупается медвѣдями умѣнье плясать, львами умѣнье покоряться укротителю звѣрей. Этой черты не могъ понять Данила Павловичъ.

— А вотъ намъ и чай принесли,—сказала она, увидавъ лакея, внесшаго чайный сервизъ.

Она, мурлыча какую-то пѣсню, пошла все еще граціозной и легкой поступью къ столу распорядиться чаемъ.

— Я, право, здѣсь чувствую себя болѣе дома, чѣмъ въ своей квартирѣ,—мелькомъ сказала она, начавъ стоя разливать чай.—И грустно, какъ вспомнишь, что все это скоро кончится...

Онъ тоже поднялся съ мѣста, подошелъ къ ней, обнялъ ее за талію и, заглянувъ ей въ лицо, тяжело дыша, прошепталъ:

— А, ты думаешь, мнѣ весело?

— Даня, ты, право, начинаешь съ нѣкотораго времени огорчать меня. Я перестану къ тебѣ заѣзжать. Ты же не этого добиваешься?

Она взяла его рукой за подбородокъ.

— Ну, милый, милый, не говори такъ! Ты любящій мужъ, ты хорошій отецъ семейства и во мнѣ ты долженъ видѣть сестру и только сестру. Братскія отношенія могутъ длиться вѣчно, всякія другія... ахъ, Даня, я знаю, какъ коротки всѣ эти вспышки прихотей, капризовъ, увлеченій...

Потомъ она засмѣялась.

— А вотъ я твоей женѣ пожалуюсь, что ты ловеласничаешь...

— Ахъ, она и ревновать не умѣетъ! — досадливо отвѣтилъ Данила Павловичъ.

— Не говори, не говори этого!—она зажала ему ладонью ротъ. — Да развѣ можно не ревновать, когда любишь? О, Боже мой, да я возненавидѣла бы ту женщину, которая отняла бы у меня любимаго мною человѣка. Я измучила бы его, прежде чѣмъ онъ ушелъ бы отъ меня...

Она выпрямилась.

— Нѣтъ, или я, или она, но быть второй актрисой на сценѣ, питаться объѣдками стола, принимать милостыню любви—нѣтъ, этого я не могу!

— Липа говоритъ: «я вѣдь знаю, что ты все-таки ко мнѣ вернешься»,—сказалъ съ ироніей Данила Павловичъ.

Аделаида Александровна вдругъ вспылила.

— А! права законной жены! Гордая самоувѣренность честной матери семейства! О, на этомъ фундаментѣ опасно воздвигать зданіе прочнаго счастія. Законныхъ женъ бросаютъ, честныя матери семействъ остаются однѣ съ дѣтьми!

И она принужденно засмѣялась.

— Да, наконецъ, какая радость, какая честь, какое счастіе, что мужъ, насладившійся, пресытившійся, можетъ-быть, отвергнутый другою женщиною, придетъ, въ концѣ-концовъ, отыскивать свой заношенный халатъ, свой мятый ночной колпакъ, чтобы отдохнуть отъ фрака, придетъ къ женѣ-сидѣлкѣ, къ женѣ-кухаркѣ, къ женѣ-крѣпостной служанкѣ...

Онъ медленно пилъ чай, задумчиво слушая ее.

Отчего это онъ никогда не разговариваетъ съ своей Липой. Ей онъ только разсказываетъ, а она слушаетъ. Отчего съ Липой онъ только цѣлуется, обнимается, сальничаетъ, когда ему нечего ей разсказать, или ѣстъ, пьетъ, спитъ. Съ Аделью совсѣмъ не то. Онъ готовъ съ ней просиживать цѣлые дни, безъ конца слушать ее, безъ конца совѣтоваться съ ней. И какъ могъ братъ Аркадій не оцѣнить такую жену. Онъ спросилъ ее, почему она разошлась съ мужемъ.

— Ему нужна была не подруга жизни въ женѣ, а любовница, содержанка, падшая женщина, — отвѣтила Аделаида Александровна.—Быть этимъ я не могла...

Въ головѣ Данилы Павловича мелькнула мысль, что братъ Аркадій былъ бы вполнѣ счастливъ съ такой женой, какъ Липа.

— Это великое несчастіе, когда мужъ и жена не понимаютъ другъ друга,—сказала Аделаида Александровна.— Вѣчно цѣловаться нельзя, нужно и быть опорой другъ для друга, совѣтниками и товарищами другъ за друга. Тогда и самыя ласки не прискучатъ, потому что для нихъ будутъ являться новые и новые поводы въ минуту общихъ радостей и общихъ печалей, общихъ плановъ и общихъ удачъ. Только этимъ можетъ подогрѣваться, возбуждаться любовь, а иначе она сдѣлается простою привычкой.

Онъ уже давно все это ощущалъ, чувствовалъ, угадывалъ, какъ ему казалось теперь. Болѣе того: онъ уже давно чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ, несчастнымъ. Она только выразила словами то, что какъ-то смутно ощущалось имъ. Онъ опустилъ голову и задумался. Внутри его происходила какая-то новая для него борьба чувствъ, ощущеній, мыслей, что-то смутное и томительное, какъ предчувствіе чего-то, какъ болѣзненное настроеніе передъ бурей. Это ощущалъ онъ уже не въ первый разъ въ послѣднее время, но теперь это было сильнѣе, тяжелѣе, чѣмъ прежде. Она взглянула на часы. Было уже двѣнадцать. Пора ѣхать. Она поднялась съ мѣста, подошла къ нему и, дотронувшись до его плеча, проговорила:

— Ну, Даня, мнѣ пора!

Онъ страстно охватилъ ее за талью и прошепталъ въ волненіи:

— Не уходи!.. Дорогая, милая, ненаглядная!

Онъ покрывалъ поцѣлуями ея руки, платье.

— Даня, полно... Ради Бога!—съ искреннимъ испугомъ прошептала она.

Онъ уже просто рыдалъ и въ то же время злился.

— Ну, да я не могу жить безъ тебя!.. Слышишь, не могу жить... Ты мнѣ нужна, какъ воздухъ... Я задыхался все это время...

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ грубо, властно...

— О, прости меня, Адель! Прости! Я безумецъ! Но это выше моихъ силъ, моей воли!—говорилъ онъ ей потомъ.

Впервые въ жизни онъ просилъ прощенія у женщины за

то, что онъ ее полюбилъ. Это было такъ ново для него, что онъ какъ будто помолодѣлъ на десятокъ лѣтъ, сдѣлался вновь юношею, робѣющимъ, не смѣющимъ поднять глазъ послѣ перваго признанія въ любви. Впервые въ жизни онъ чувствовалъ, что не онъ можетъ осчастливить женщину, а она его. Въ этомъ была своего рода сладость чего-то новаго, неизвѣданнаго. Только теперь понялъ онъ, что его Липа замѣнила ему не всѣхъ женщинъ. Въ любви Олимпіады Пахомовны было все, — и страстность, и готовность отдаться вполнѣ, и постоянство, и повиновеніе рабыни передъ волей господина; въ ней было все, что когда-нибудь давали другія женщины Данилѣ Павловичу во дни его юныхъ любовныхъ похожденій въ провинціи, то шаловливыхъ, то грязныхъ, какъ похожденія настоящаго армейца. Въ ней не было только «школы». Эта «школа» была у Аделаиды Александровны. Данила Павловичъ не могъ понять и объяснить этого, но онъ чувствовалъ, что онъ впервые видитъ такую женщину. Какую? что въ ней особеннаго? этого онъ не могъ бы сказать. Да и гдѣ же ему было уловить все безчисленное множество тонкихъ деталей, отличавшихъ Аделаиду Александровну отъ другихъ, когда-то близкихъ къ нему женщинъ. Прежде, сходясь съ женщинами, онъ испытывалъ одно чувство, что онъ не только самъ удовлетворилъ свою прихоть, но и осчастливилъ женщину; сойдясь съ Аделаидой Александровной, онъ шепталъ ей: «прости меня, Адель». Онъ чувствовалъ, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ заставилъ ее принести ему жертву, хотя онъ и зналъ, что она уже далеко не наивная барышня. Но она умѣла поставить себя выше его. Сидя съ нею, онъ ощущалъ потребность не однихъ ласкъ и поцѣлуевъ, но потребность говорить съ нею, слушать ее, восхищаться блескомъ ея фразъ, согрѣвать себя теплотою и нѣжностью ея дружескихъ бесѣдъ. Это было вино, которое не только хотѣлось пить, но, главнымъ образомъ, пробовать, смаковать, тянуть черезъ соломинку. Это была красивая любовь, какъ бываетъ красивая игра актеровъ, производящая неотразимое обаяніе на зрителей. Эта пластичность дается инымъ людямъ природою, но чаще ее достигаютъ школою, искусствомъ, и чѣмъ выше искусство, тѣмъ естественнѣе кажется эта пластичность, такъ какъ высшая цѣль искусства достигнуть кажущейся безыскусственности...

Когда Данила Павловичъ послѣ этого памятнаго для него вечера впервые зашелъ къ дядѣ и увидалъ тамъ Матрену

Кузьминичну, хлопочущую около своего «голубчика», около своего «сокола яснаго», онъ невольно подумалъ: «Вотъ моя Липа». Да, это былъ тотъ же типъ жены-наложницы и рабыни. Вотъ она пришла къ своему мужу въ минуту бѣды и забыла всѣ его проступки, измѣны, похожденія; она ради него даже забыла дѣтей. Липа такая же.

— Ну, вотъ я и спокоенъ, и спокоенъ,—уже какимъ-то старческимъ голосомъ говорилъ, между тѣмъ, Александръ Николаевичъ племяннику. — Мотя со мной. Теперь я не боюсь никакихъ нашествій... На ея рукахъ и умирать легко...

Эти слова поразили Данилу Павловича. Но поразили его не потому, что онъ впервые замѣтилъ опасное положеніе дяди, а потому, что они точно были отвѣтомъ на его мысли, дополняли въ его умѣ образъ его Липы. Дядя же продолжалъ:

— Да вотъ, куролесилъ, куролесилъ, а чуть бѣда, чуть горе—подавай Мотю, къ ней подъ крылышко. Мотя успокоитъ, Мотя пригрѣетъ, Мотя вылѣчитъ...

Данила Павловичъ нахмурился, точно дядя говорилъ это нарочно, чтобъ намекнуть ему на то, что и онъ когда-нибудь пойдетъ къ своей Липѣ грѣться и лѣчиться. Какія глупости! Старикъ ничего не знаетъ. Онъ болтаетъ просто то, что взбредетъ на умъ. Къ тому же, онъ точно изъ ума сталъ выживать. И все-таки въ Данилѣ Павловичѣ шевелилось какое-то странное чувство: онъ не то смущался, не то боялся. Чего? Онъ на это не могъ бы отвѣтить.

Но его теперь сталъ тревожить видъ каждаго письма изъ Чистополья, точно онъ боялся тамъ прочесть что-нибудь о своихъ отношеніяхъ къ Аделаидѣ Александровнѣ. Его тревожило и долгое неполученіе писемъ оттуда, точно онъ думалъ, что тамъ могутъ уже сердиться на него. Съ Аделаидой Александровной онъ теперь обходилъ вопросъ объ Олимпіадѣ Пахомовнѣ: онъ не зналъ, какъ говорить о ней, съ любовью или съ ироніей, какъ о женѣ, которую онъ бросилъ, или какъ о женѣ, къ которой онъ думалъ вернуться. Его тревожила мысль о томъ, что будетъ дальше: броситъ ли онъ Аделаиду Александровну, которая теперь была ему нужна, какъ воздухъ, или броситъ жену, которая его боготворитъ, и съ которой онъ прижилъ дѣтей. Хуже всего было не то, что онъ страстно увлекался Аделаидой Александровной. Увлеченіе могло и пройти. Это зналъ онъ очень хорошо. Хуже всего было то, что, узнавъ близко Аделаиду Александровну, онъ впервые узналъ недостатки

своей жены. Это уже не пройдетъ, не остынетъ, не забудется. И какія мелочи понялъ онъ теперь!

— Самое ужасное въ супружествѣ это то, что наши женщины считаютъ возможнымъ появляться передъ мужьями нечесанными и неумытыми, внося въ свои отношенія къ мужьямъ столько прозы, пошлости и грязи,—какъ-то замѣтила Аделаида Александровна.

И Данила Павловичъ вдругъ вспомнилъ всѣ мелочи, никогда прежде не смущавшія его. Дѣйствительно, онъ видѣлъ Липу и неумытою, и нечесанною физически и нравственно. Онъ не обращалъ на это вниманія, онъ самъ появлялся передъ ней въ такомъ видѣ. Теперь это казалось ему гадкимъ.

XI.

Пріѣздъ Матрены Кузьминичны сразу далъ толчокъ дѣламъ Александра Николаевича. Эта «простая баба», какъ она сама себя называла, природнымъ чутьемъ поняла, что нужно дѣлать. Она сумѣла объяснить присяжному повѣренному Баскакова, что она готова «подмазать» гдѣ надо, «такъ какъ сухая ложка ротъ деретъ», она очень настойчиво объясняла всѣмъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ, что не для чего имъ душу-то выматывать у Александра Николаевича, такъ какъ человѣкъ и безъ того на ладанъ дышитъ, что дѣло чисто и ничего у нихъ не спрятано, ничего не утаено: она оббивала пороги у крупныхъ и мелкихъ кредиторовъ, сама толкалась въ судъ, совала, гдѣ нужно, рубли. «Я вѣдь не по закону: не знаю я этихъ законовъ, а я почеловѣчески сужу», говорила она, прося и кланяясь, плача и «подмасливая» людей. И дѣло дѣйствительно двинулось впередъ, хотя и грозило поглотить послѣднія крохи Матрены Кузьминичны и ея семьи. Но Матрена Кузьминична объ этомъ не заботилась: она вся жила теперь одной мыслью о спасеніи мужа отъ участи злостнаго или неосторожнаго банкрота. Для нея это было важнѣе всего: все остальное ее не заботило вовсе. На Данилу Павловича она смотрѣла почти враждебно. По ея мнѣнію, онъ ничего не дѣлалъ и не хотѣлъ дѣлать. «Разговорами-то тутъ не поможешь. Тутъ деньги платить нужно. Благодарить тутъ нужно»,— говорила она.

— Я не такъ богатъ, чтобы платить,—замѣтилъ Данила Павловичъ.

— Батюшка, да никто не проситъ, чтобы ты изъ своихъ платилъ,—отвѣтила Матрена Кузьминична. У тебя векселя.

Ты получишь по нимъ, ну, такъ изъ этого и можно. Да и ко мнѣ могъ бы отписать. Зналъ вѣдь, что у меня кое-какія крохи есть...

— Ну, да, теперь все раздадите, а потомъ по-міру идти?

— Не ходили по-міру и теперь не пойдемъ. Слава Богу, руки у меня и у дѣтей есть. Да если бы и пошли, такъ на это воля Божія. А ужъ изъ-за этого отца родного губить не приходится!

Данила Павловичъ нетерпѣливо пожималъ плечами.

— Да случись, не здѣсь будь сказано, такое несчастіе съ тобою, развѣ Липа не отдала бы послѣдней рубашки, чтобы тебя-то спасти? Эхъ, Данила Павловичъ: не знаете вы нашей сестры. Это вы-то только о женахъ мало думаете, на сторонѣ Богъ знаетъ что творите, а жены...

Матрена Кузьминична вдругъ перемѣнила тонъ и совсѣмъ неожиданно спросила Муратова:

— Ты вотъ теперь зачѣмъ здѣсь проживаешься? Дѣла-то Александра Николаевича и безъ тебя пошли своимъ чередомъ. Своихъ дѣловъ у тебя здѣсь разъ-два и обчелся. А живешь, потому весело жить-то здѣсь на ярмаркѣ. А Липа, можетъ-быть, глазъ не осушаючи...

Данила Павловичъ вспылилъ.

— Вы, Матрена Кузьминична, въ мои-то дѣла ужъ не мѣшайтесь!—сказалъ онъ рѣзко.

— Ну, батюшка, какъ ни поверни, а теткой прихожусь, и по женѣ хоть двоюродная, а все же тетка, да и по дядѣ тоже не чужая, въ церкви тоже съ дядей-то твоимъ вѣнчана.

— А все-таки не люблю я, чтобы въ мои дѣла мѣшались,—сказалъ онъ.

— Я, батюшка, тебя и не спрашиваю, что ты любишь и чего не любишь. Твои вкусы сами по себѣ, а мои мысли при мнѣ и останутся. А ты вотъ подумай что, по нраву ли тебѣ придется, если Пахомъ Семеновичъ невзначай этакъ завернетъ сюда взглянуть, какія, молъ, такія дѣла зятька отъ дома отбили...

Данила Павловичъ совсѣмъ вышелъ изъ себя и забылся.

— Да какъ вы смѣете пугать меня Пахомомъ Семеновичемъ?—крикнулъ онъ.—Кто вамъ...

— Тише, тише! Ты въ моемъ домѣ!—оборвалъ его Александръ Николаевичъ, дѣлая гримасу.—Привыкъ съ мужичьемъ орать!

Данила Павловичъ понизилъ тонъ, но все-таки рѣзко сказалъ:

— Я не позволю никому дѣлать мнѣ наставленія.

— А я не позволю тебѣ кричать у меня въ домѣ на мою жену!—сказалъ дядя.—Она совершенно права относительно того, что мы, мужчины, плохо исполняемъ свои обязанности. Я самъ теперь, mon cher, понялъ, къ несчастью, поздно понялъ, какъ много я виноватъ передъ семьею. Это вѣчное бродяжничество, стремленіе удрать отъ семьи, привычка прикрываться дѣлами, чтобы оправдать свои шалости, все это въ сущности недостойная игра. Теперь, если только я поднимусь, я прежде всего озабочусь, чтобы внушить своимъ сыновьямъ, какъ они должны будутъ въ будущемъ относиться къ семьѣ. Мы негодуемъ, что изъ дѣтей выходитъ чортъ знаетъ что такое, но кто же виноватъ, какъ не мы сами?

Данила Павловичъ пытался прервать дядю, но Александръ Николаевичъ теперь уже вступилъ въ періодъ покаянія передъ семьей и прервать его разсужденія на эту тему было не легко. «Вѣчно какого-нибудь конька осѣдлаетъ и ѣздитъ на немъ»,—мысленно разсуждалъ Данила Павловичъ, но, сердясь на дядю и тетку, онъ невольно задумался о своемъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже давно жилъ въ Петербургѣ безъ всякой необходимости. Дѣла дяди могли идти своимъ путемъ и безъ него, его собственныя дѣла были всѣ обдѣланы, то-есть, онъ свелъ необходимыя знакомства въ министерствѣ путей сообщенія, онъ подготовилъ дѣло пріемки отъ него работъ по желѣзной дорогѣ; онъ сдѣлалъ даже болѣе, чѣмъ ожидалъ, такъ какъ онъ заручился обѣщаніемъ Гельфрейха доставить ему видное мѣсто въ Петербургѣ, когда въ этомъ встрѣтится надобность. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оттягивать день своего отъѣзда домой. Сначала онъ настойчиво увѣрялъ себя, что онъ живетъ въ Петербургѣ по дѣламъ дяди. Но всему бываетъ предѣлъ, и Данилѣ Павловичу стало невозможно обманывать этою отговоркою даже себя. Тогда онъ сталъ жаловаться, что, ради хлопотъ по дѣламъ дяди, онъ запустилъ свои собственныя дѣла, не выхлопотавъ изъ правленія дороги слѣдовавшихъ ему денегъ, не договорился съ инженерами, долженствовавшими принимать отъ Гущина дорогу, не условился окончательно о тепломъ мѣстечкѣ въ Петербургѣ. Во имя этихъ дѣлъ, хлопотъ и переговоровъ, онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ и во имя той же причины сегодня онъ заѣхалъ завтракать къ Борелю, завтра присутствовалъ на вечерѣ у Аделаиды Александровны, послѣзавтра торопился

въ театръ. Вездѣ предстояли встрѣчи съ нужными людьми, вездѣ шелъ кутежъ. Данила Павловичъ съ самаго перваго дня своей женитьбы не закучивалъ. Даже въ обществѣ мѣстныхъ инженеровъ онъ часто былъ распорядителемъ и устроителемъ кутежей, но самъ онъ «держалъ ухо востро» и велъ себя сдержанно. Это были «дѣловыя» попойки, гдѣ другіе пили, а онъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ. Но прежній кутила въ немъ не умеръ, и теперь, вдали отъ семьи, въ немъ проснулись всѣ старыя стремленія и страсти. Онъ развернулся вполнѣ и съ жадностью наверстывалъ потерянное время. Онъ хватался за малѣйшіе предлоги, чтобы выпить, послушать цыганъ, сыграть на бильярдѣ, прокатиться за городъ. И сколько новыхъ сторонъ кутежа открывалось здѣсь. Передъ этими кутежами меркли всѣ его прежнія развратныя похожденія. Въ провинціи были мелкія попойки, мелкіе скандальчики въ веселыхъ домахъ, здѣсь были настоящія оргіи, шампанское, француженки съ шансонетками и канканомъ, разнузданные хоры цыганъ, безпредѣльный и циничный развратъ и разгулъ, доведенный до виртуозной изобрѣтательности. Самая связь съ Аделаидой Александровной представляла столько мелкихъ перипетій, неожиданныхъ похожденій, импровизированныхъ выходокъ. Данилѣ Павловичу была дорога эта связь именно тѣмъ, что она была тайною, воровскою. Онъ ѣхалъ на какой-нибудь благотворительный балъ съ Аделаидой Александровной, и неожиданно они оба, тайкомъ, смѣясь и дурачась, вдругъ видѣли себя вдвоемъ въ какомъ-нибудь ресторанчикѣ, а тамъ, черезъ часъ, черезъ два, они снова были среди блестящаго общества, даже и не подозрѣвавшаго ихъ временнаго отсутствія. Эти поцѣлуи въ каретѣ, эти школьническія исчезновенія изъ общества на нѣсколько минутъ, эти объятія за драпировкой, вотъ-вотъ готовой распахнуться, опьяняли Данилу Павловича, не испытывавшаго ничего подобнаго прежде, не испытывавшаго ничего подобнаго въ семейной жизни. Когда Матрена Кузьминична напомнила ему, что ему пора ѣхать домой, онъ просто взбѣсился. Впервые въ жизни ему пришла въ голову мысль: «что-жъ, я развѣ крѣпостной человѣкъ Липы?» И какое право имѣетъ какой-нибудь Пахомъ Семеновичъ требовать у него отчета, зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, а не въ Чистополѣ? И хорошо это Чистополье! Болото какое-то со стоячею водой. Тамъ люди ѣдятъ, пьютъ, спятъ и только. И что за люди! Пѣшки какія-то, муравьи какіе-то. Правда, тамъ можно нажиться, разжирѣть, но вѣдь

это только до той поры, пока изъ Петербурга не пригрозятъ имъ и не скажутъ: цыцъ! А здѣсь! Здѣсь, что ни человѣкъ, то государственная сила. Поговоришь съ нимъ—всѣ государственныя тайны знаешь, вельможъ, точно слугъ, судитъ и осуждаетъ; потолкуешь съ другимъ—кажется, новые законы у него ужъ написаны, знаетъ онъ, что и новый режимъ близокъ, предвидитъ даже, чѣмъ все кончится, раздѣляетъ Россію на новый ладъ; встрѣтишься съ третьимъ—тотъ прямо говоритъ, кому сколько нужно дать, чтобы получить самые крупные подряды, самыя небывалыя концессіи, самыя хлѣбныя мѣста. И всѣ эти воротилы—одни чуть не мальчишки, другіе чуть ли не вчера безъ сапогъ ходили. Правда, многіе только пыль въ глаза пускаютъ, но все же... Онъ только теперь почувствовалъ, что онъ живетъ, а не прозябаетъ, потому что только здѣсь у него были, какъ никогда, напряжены нервы. Здѣсь онъ испыталъ новое чувство—чувство зависти. Онъ завидовалъ апломбу петербургскихъ дѣльцовъ, онъ завидовалъ рысакамъ своихъ новыхъ знакомыхъ, онъ завидовалъ ихъ опытности въ дѣлѣ разврата, онъ завидовалъ, наконецъ, ихъ свободѣ. Да, они, холостые и женатые, не стѣснялись ничѣмъ: у того холостяка открытая любовница чужая жена, у этого отца семейства открытая содержанка изъ балета, третій дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ разгула и нисколько не скрываетъ этого. «Тоже вѣдь всегда говорила, что никогда не станетъ ревновать, а теперь какихъ-какихъ сценъ не надѣлаетъ, если узнаетъ»,—мелькало въ его головѣ про жену, и онъ злился на Липу. «И точно можетъ мужчина быть всегда вѣрнымъ, точно можетъ не надоѣсть вѣчно одно и то же. И еще батюшка милый явится, неотесъ старый!» Мысль о батюшкѣ все болѣе и болѣе начинала волновать Данилу Павловича съ нѣкотораго времени. «Я увѣренъ,—думалъ онъ въ волненіи:—что она не вытерпѣла и сообщила родителю о томъ, что я приказалъ выслать еще денегъ... Всполошились, я думаю. Какъ? Зачѣмъ? Куда тратитъ? Да имъ-то что за дѣло? Свое я трачу! Я нажилъ, я и трачу!» И среди этихъ думъ точно въ какомъ-то далекомъ уголкѣ шевелилось сознаніе, что истрачено дѣйствительно много. Онъ самъ не могъ дать отчета, жаль ли ему этихъ денегъ, или, напротивъ того, онъ готовъ просадить еще больше. Въ душѣ являлось желаніе бросить много-много денегъ, но бросить на что-нибудь такое, отъ чего бы голова закружилась, духъ занялся и все забылось бы. Что же это все? Жена,

дѣти, семейныя обязанности, тайное раскаянье за кутежъ, ненасытная жажда еще и теперь покутить, однимъ словомъ, все то, что теперь тревожило его.

— А я, братъ, къ тебѣ на подмогу!—раздался голосъ Пахома Семеновича въ одну изъ такихъ минутъ душевныхъ тревогъ и волненій Данила Павловича.

Данила Павловичъ такъ и присѣлъ. Впервые онъ словно испугался Гущина. Прежде чѣмъ онъ опомнился, старикъ раскрылъ объятія и облобызался съ нимъ.

— Видно, здѣшнія піявицы-то сосутъ,—продолжалъ старикъ.—Тамъ подмажь, тутъ подсласти! Знаю я эти дѣла. Привезъ денегъ. Безъ нихъ ничего не подѣлаешь.

У Данилы Павловича отлегло отъ сердца. Старикъ не знаетъ истины и думаетъ, что деньги поглотили конкурсъ и подмазываніе въ министерствѣ. Гущинъ началъ ругать конкурсныя дѣла.

— Омутъ, чистый омутъ, попади только въ него, съ головой затянетъ,—говорилъ онъ.

— Да, ужъ я это испыталъ,—сказалъ Данила Павловичъ.

— Еще бы, поваландался тоже! Ну, вотъ теперь я помогу. Мнѣ кстати нужно было въ Питерѣ побывать, ну, и взялся самъ деньги тебѣ доставить...

Старикъ былъ въ духѣ, онъ, видимо, ничего не зналъ. На слѣдующій же день онъ лично познакомился съ ходомъ дѣла Баскакова и потолковалъ съ главными кредиторами. Когда ему сказали, что предвидится платежъ двадцати двухъ копеекъ за рубль, онъ сильно раздражился и сталъ ругать на чемъ свѣтъ стоитъ Александра Николаевича Баскакова. Данила Павловичъ даже удивился озлобленію старика, не щадившаго рѣзкихъ эпитетовъ и крупной брани. Но мало того, что старикъ ругался передъ чужими, онъ продолжалъ волноваться и тогда, когда остался съ глазу на глазъ съ Данилой Павловичемъ.

— Да, славно велъ дѣла твой дяденька! Двадцать двѣ копейки за рубль! Нечего сказать, поднадулъ честной народъ,—говорилъ Пахомъ Семеновичъ зятю, выходя изъ собранія кредиторовъ Баскакова.—Зналъ бы, такъ не впутывался бы въ это дѣло!

Данила Павловичъ былъ очень радъ, что его тесть играетъ хорошо свою роль передъ кредиторами. Каждая грубая выходка старика противъ Баскакова была ему по сердцу, такъ какъ эти выходки не давали ни на минуту людямъ задуматься о томъ, что векселя Пахома Семеновича дутые

векселя. Возвращаясь теперь изъ собранія кредиторовъ, Данила Павловичъ не вытерпѣлъ и сказалъ свои мысли тестю.

— Вы это отлично сдѣлали, что пробрали дядю,—сказалъ онъ.

— Да какъ же и не пробрать его, коли онъ двадцать двѣ копейки за рубль платитъ?—сказалъ Пахомъ Семеновичъ.—Плевое дѣло вышло.

— Да, Матрена Кузьминична не очень-то разбогатѣетъ...

— Ну, ей и тысченка-другая перепадетъ, такъ все хлѣбъ! На полу найдетъ. А вотъ за рубль-то двадцать двѣ копейки получить—это не густо... Я, признаюсь, думалъ, что точно дѣло хорошее подвернулось, а въ сущности-то трястись въ Питеръ да мыкаться здѣсь не изъ-за чего было.

Данила Павловичъ мелькомъ, какъ-то недоумѣвающе посмотрѣлъ на тестя.

— Тоже рискъ-то какой былъ. Ты это одно возьми. Ну, а какъ накрыли бы?—продолжалъ старикъ.—Тоже за это по головѣ не гладятъ. Ужъ о томъ, что мы отъ своихъ дѣловъ оторвались да здѣсь проживаемся, я не говорю. Рискъ главное...

— Да, точно, рискъ былъ,—безсознательно согласился Данила Павловичъ.

— Какъ же не рискъ! Бумаги-то у него въ какомъ порядкѣ? Счета-то гдѣ? Ничего не подготовилъ порядкомъ, все спуталъ, точно нарочно въ злостные себя приготовилъ. Такъ съ этакимъ-то человѣкомъ, ой-ой, какъ рисковано было дѣла дѣлать. А платить-то двадцать двѣ копейки за рубль, семьдесятъ восемь въ убыткѣ. Шутка сказать! А тамъ, глядишь, Матрена придетъ кляньчить. Ей отдѣли. Сколько ни на есть, а отдѣли.

Данила Павловичъ уже совсѣмъ понялъ, о чемъ говоритъ Пахомъ Семеновичъ. Это не столько возмутило его, сколько удивило. Онъ не вдругъ нашелся, что возразить старику. Старикъ же продолжалъ:

— Связываться-то съ непутевымъ человѣкомъ не стоило. Съ нимъ не дѣла дѣлать, а балясы точить можно. Вотъ что. Самъ двадцать двѣ копейки платитъ, а дашь мало его семьѣ, орать станетъ, что его ограбили. На это горла хватитъ.

— Да вѣдь это же его деньги,—рѣшился сказать Данила Павловичъ.

— Какія такія его, если онъ несостоятельный?—горячо сказалъ старикъ.—Тоже, получивши при этакомъ-то рискѣ двадцать двѣ копейки за рубль, не очень-то расщедриться-то

можно. Онъ двадцать двѣ копейки платитъ, а его семьѣ полтинникъ надо съ рубля дать? Жирно будетъ, неравно облопаются. Онъ пусть то подумаетъ, что не ввяжись я въ это дѣло, такъ и ничего бы Матренѣ не досталось. Свои головы мы подставляли, чтобы имъ грошъ дать. А безъ насъ-то... Все прахомъ бы пошло. Да и у тебя денежки-то уцѣлѣли бы, а на это самое дѣло сколько своихъ просадилъ? А получай-то еще впереди! Не будь этого дѣла, сидѣлъ бы ты себѣ дома со своей Липой. Не отощалъ бы вонъ, какъ теперь. Да, можетъ, и дѣвочки-то живы бы были при тебѣ-то...

Старикъ махнулъ рукой.

— Съ непутевыми свяжешься, самъ съ панталыку собьешься...

Въ душѣ Данилы Павловича вдругъ поднялось какое-то злобное чувство противъ дяди, противъ его дѣла, противъ всего, что сбило «съ панталыку» самого его, Данилу Павловича.

— Тоже семейному человѣку не сладость приблуднымъ псомъ трепаться изъ-за чужого дѣла,—продолжалъ Пахомъ Семеновичъ.—Свое логово есть.

Данила Павловичъ молчалъ и смотрѣлъ какъ-то хмуро, точно онъ только теперь понялъ, что у него есть свое логово, что приблуднымъ псомъ трепаться ему некстати, что онъ семейный человѣкъ. И точно, не пора ли очнуться? Не пора ли домой? Тоже дурь на себя напустилъ! Все изъ-за дяди! По своему дѣлу онъ и недѣли бы тутъ не пробылъ. И сколько истратилъ! Точно, это нужно пополнить изъ денегъ, которыя получатся по векселямъ. Да, наконецъ, и не грѣхъ пополнить. Все равно у дяди прахомъ пойдутъ! И Матрена Кучьминична не лучше мужа. Швыряетъ деньги зря. Да, прорѣхи нужно починить, а главное, скорѣй домой, перестать хороводиться... Ему вдругъ вспомнилась Аделаида Александровна. А какъ же съ ней? Что-жъ, нельзя же всегда съ ней хороводиться. Не могла же она надѣяться, что онъ броситъ для нея жену и семью. Наконецъ, она-то вѣдь не броситъ для него своего жида? Такъ пошалили, можно и разстаться дружески. Только надо скорѣй, скорѣй. Какъ скверно разставаться, объясняться. Пожалуй, еще расплачется. Да нѣтъ, она баба не глупая, она должна понять, что онъ долженъ же ѣхать. И чортъ знаетъ, откуда, съ чего это волненье? Точно школьникъ робѣетъ сознаться въ шалости. Скорѣй бы кончить.

Всѣ эти мысли сбивчиво и смутно проносились въ его головѣ и точно припѣвъ повторялось въ ней одно слово: «скорѣй бы!» Никогда въ жизни не испытывалъ онъ такого смущенія, какъ теперь, когда пришлось сказать Аделаидѣ Александровнѣ, что онъ ѣдетъ.

— Мнѣ нужно на время уѣхать,—объяснилъ онъ ей, не рѣшаясь сказать, что онъ ѣдетъ совсѣмъ.

— На-время?—съ недоумѣніемъ спросила она.

Она знала, что ему, наконецъ, нужно же ѣхать домой. Какими-нибудь мечтами о томъ, что онъ броситъ для нея семью и дѣла, она вовсе не увлекалась. На свои отношенія къ нему она смотрѣла, какъ на развлеченіе отъ скуки, какъ на одно изъ разнообразій жизни. Эта связь, какъ нѣчто серьезное и постоянное, вѣроятно, скоро бы надоѣла ей. Ей уже была нужна смѣна впечатлѣній, смѣна личностей. Данила Павловичъ этого не понималъ и думалъ, что она настолько увлекалась имъ, что ей будетъ тяжело разстаться съ нимъ, что она станетъ дѣлать сцены. Тонъ ея вопроса смутилъ его. Теперь приходилось прибѣгнуть къ новой лжи, чтобъ объяснить свое выраженіе.

— То-есть я желалъ бы уѣхать только на-время, мнѣ тяжело разстаться съ тобою надолго, — сказалъ онъ. — Я постараюсь...

— О, мой милый, такъ тебя и отпуститъ твоя Липа. Она и такъ, думаю, истомилась ревнивыми подозрѣніями. Недаромъ же пріѣхалъ ея родитель.

Въ голосѣ Аделаиды Александровны послышалась иронія. Муратовъ вспылилъ:

— Ты думаешь, она меня на помочахъ водитъ?—горячо сказалъ онъ.—Я не изъ тѣхъ мужей...

Муратова засмѣялась:

— Ахъ, Даня, я это слышала отъ десятка мужей. «Я не изъ тѣхъ, кого водятъ на помочахъ! Я все въ домѣ! Моя жена пикнуть не смѣетъ». А глядишь, эти Геркулесы прядутъ ленъ у ногъ своихъ Омфалъ, этимъ Самсонамъ остригаютъ волосы ихъ Далилы. Женщины всегда сильнѣе мужчинъ, потому что у слабости развивается величайшая сила—хитрость.

Потомъ она перемѣнила тонъ.

— Что-жъ, Даня, я знала, что это все такъ должно кончиться, — сказала она грустно. — Я сама думаю уѣхать за границу...

— А въ Ольховатое?—быстро сказалъ онъ.—Ты же обѣщалась тамъ быть во время окончанія моихъ работъ.

— И пріемки отъ тебя желѣзной дороги? — закончила она.— Но нужно ли мое присутствіе? Все, кажется, улажено...

Онъ встревожился. Онъ надѣялся, что пиры и обѣды у нея отвлекутъ всѣхъ отъ пути, дѣла, заставятъ всѣхъ смотрѣть сквозь пальцы.

— Нѣтъ, пріѣзжай, пожалуйста!—заговорилъ онъ и взялъ ее за руки.

Она немного отстранилась.

— Хорошо, посмотримъ,—сказала она.

— Ты сердишься?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, за что же? Вѣрь мнѣ, что я постараюсь сдѣлать для тебя все, что могу. Ты можешь даже не бояться, что я навлеку подозрѣнія твоей жены. Въ эту недѣлю или двѣ я сумѣю побороть въ себѣ все то, что такъ непрошенно вырвалось теперь наружу. О, ты меня не узнаешь въ Ольховатомъ. Я вѣдь умѣю владѣть собою...

Она вздохнула.

— И зачѣмъ насъ такъ не въ пору сводитъ судьба! Дѣвочкой я отказала тебѣ, когда ты сватался. Теперь не сумѣла во-время отстранить тебя...

Она поднялась съ мѣста.

— Ну, прощай, мой милый!

Онъ хотѣлъ ее обнять. Она опять отстранилась.

— Нѣтъ, Даня, не надо!—проговорила она.—Намъ надо пріучать себя къ хладнокровнымъ встрѣчамъ, къ хладнокровнымъ прощаньямъ. Въ первый разъ, когда ты признался мнѣ въ любви, я забыла все, и твою жену, и твоихъ дѣтей. Теперь я все это помню, и мнѣ было бы тяжело отрывать тебя отъ тѣхъ, кто тебѣ дороже меня, съ кѣмъ ты связанъ навсегда.

Она крѣпко сжала его руку и проговорила быстро:

— Прощай, будь счастливъ...

Затѣмъ она вышла изъ комнаты, взволнованная, грустная. Онъ готовъ былъ броситься за нею. Никогда еще не разставалась съ нимъ такъ женщина. Прощаясь съ нимъ, другія женщины точно милостыню вымаливали у него послѣдніе поцѣлуи, послѣднія ласки. Эта женщина, напротивъ того, возбуждала еще въ немъ всѣ его животныя страсти и отстраняла его отъ себя. У него въ головѣ отошли на задній планъ даже расчеты о томъ, что она ему нужна въ качествѣ дѣльца, что она должна содѣйствовать ему въ сдачѣ дороги. Онъ помнилъ только одно, что еще страстно влюбленъ въ эту женщину и что она сама первая сказала ему: «все кончено!» «Ты мужъ, ты отецъ семей-

ства!»—звучало въ его ушахъ. И онъ злился при этой мысли, точно онъ теперь возненавидѣлъ свою семью, гдѣ всѣ глядѣли ему въ глаза, гдѣ никто ему не противорѣчилъ, гдѣ всѣ шли навстрѣчу его желаніямъ, предупреждали эти желанія, пресыщали его до того, что ему не оставалось ничего желать. А ѣхать домой было нужно...

XII.

Данила Павловичъ и Пахомъ Семеновичъ мчались по желѣзной дорогѣ обратно въ Чистополье. Чрезъ двѣ недѣли обѣщала выѣхать туда же и Аделаида Александровна, чтобы поселиться на время въ Ольховатомъ, гдѣ должны были произойти главные пиры для лицъ, назначавшихся осматривать и принимать дорогу. Всѣ эти лица давно уже готовились весело провести время на сытныхъ обѣдахъ, на роскошныхъ ужинахъ, на шумныхъ прогулкахъ. Всѣ знали, что подрядчики и строители не пожалѣютъ ничего, чтобы угостить на славу тѣхъ, отъ кого зависѣло все. Въ сущности приготовленія къ поѣздкѣ на осмотръ дороги были просто приготовленія къ веселому пикнику и только. Программа и результаты всѣхъ формальностей были заранѣе извѣстны всѣмъ и каждому, и строителямъ, и подрядчикамъ, и инженерамъ, а главное Данилѣ Павловичу. Онъ зналъ хорошо, что у него есть три главныхъ союзника: отложенные на празднество и подарки крупные куши денегъ, наступившіе морозы, сковавшіе лучше всякаго цемента и желѣза разныя трясины и болотины, въ родѣ проклятаго болота у Калистинскаго моста, и, наконецъ, Аделаида Александровна, этотъ дѣлецъ въ юбкѣ, за которымъ увивались, въ числѣ другихъ поклонниковъ, и инженеры, ѣхавшіе осматривать дорогу. Тѣмъ не менѣе Данила Павловичъ дѣлалъ озабоченное лицо и старался казаться погруженнымъ въ заботы и опасенія. Хмуря брови и повторяя съ тревогой: «какъ-то еще все сойдетъ съ рукъ?» — онъ въ сущности маскировалъ другія причины, волновавшія его. Онъ говорилъ о желѣзной дорогѣ, а думалъ объ окончаніи своего романа съ Аделаидой Александровной, о встрѣчѣ съ женою. Знаетъ ли она о его похожденіяхъ въ Петербургѣ? Какъ она отнесется къ нему? Не заговорила ли въ ней ревность? Тоже вѣдь, вѣроятно, считаетъ мужа своимъ рабомъ? Ну, да онъ сумѣетъ оборвать ее, если она вздумаетъ дѣлать ему сцены. Онъ не привыкъ быть подъ башмакомъ у женщины. Онъ ее осадитъ. Чувствуя себя виноватымъ передъ нею, онъ

сердился на нее. Его волненіе росло по мѣрѣ приближенія его къ дому. Оно бѣсило его, какъ нѣчто непривычное. Онъ самъ стыдился своего малодушія, но все-таки не могъ переломить себя, не могъ успокоиться...

Но вотъ и Чистополье, вотъ и родной домъ...

Заслышавъ у воротъ стукъ колесъ и лошадиныхъ копытъ по промерзлой землѣ, Олимпіада Пахомовна вышла на крыльцо навстрѣчу мужу. Она за это время значительно похудѣла, стала стройнѣе, какъ бы моложе. Трудно было сказать, что это замужняя женщина, мать нѣсколькихъ дѣтей, такъ она была теперь граціозна, моложава. Съ ея лица сбѣжалъ слишкомъ яркій румянецъ, горѣвшій на немъ прежде, но это не вредило ея красотѣ, а напротивъ того, дѣлало эту красоту нѣжнѣе, благороднѣе, изящнѣе. Данила Павловичъ былъ смущенъ и взволнованъ при видѣ жены, протянувшей ему обѣ руки и подставившей ему свое лицо для поцѣлуя. Онъ торопливо спросилъ ее о здоровьѣ, не выслушавъ ея отвѣта, сказалъ, что онъ очень усталъ; затѣмъ тотчасъ же упомянулъ, что настаетъ горячее время. Онъ точно боялся, что она заговоритъ, станетъ упрекать, заплачетъ. А она, спокойная, улыбающаяся, коротко проговорила:

— Но слава Богу, что это ужъ послѣднія хлопоты! Пора тебѣ и вздохнуть свободнѣе... Довольно побился!..

И тотчасъ же ровной, неспѣшной поступью направилась распоряжаться насчетъ обѣда.

— А гдѣ ребятишки?—спросилъ Данила Павловичъ вдогонку.

Она обернулась къ нему съ улыбкой.

— Дома... Вотъ оправишься, умоешься съ дороги, придутъ... Тамъ въ спальнѣ все для тебя готово...

Данилу Павловича какъ-то поразили ея спокойный тонъ, ея сдержанность. Что она, сердится, что ли? Ну, мы дуться не позволимъ! Это у насъ не въ ходу. Онъ прошелъ въ спальню, тамъ въ умывальникѣ была свѣжая вода, на постели лежало чистое бѣлье, приготовленное для него, на стулѣ была положена его домашняя пара платья. И эта спальня, свѣтлая, просторная, съ бѣлоснѣжными кисейными занавѣсами и пологами, смотрѣла точно покой, предназначенный для четы новобрачныхъ, такихъ же чистыхъ и непорочныхъ, какъ она сама. Данила Павловичъ сбросилъ верхнее платье, подошелъ къ умывальнику, засучилъ рукава рубашки, разстегнулъ воротъ и сталъ умываться. Окончивъ умыванье, онъ взялъ тонкое, вышитое русскими узорами

полотенце и сталъ вытирать лицо, руки, ходя взадъ и впередъ по мягкому ковру. Онъ дышалъ теперь ровнѣе, спокойнѣе. Какія-то воспоминанія о прошлой жизни, о радостяхъ супружества, о часахъ, проводимыхъ здѣсь съ Липой, мелькали въ его головѣ. Ослѣпительная чистота этой комнаты, яркое солнце, заглядывавшее въ окно, веселый огонекъ, съ трескомъ пробѣгавшій по дровамъ въ каминѣ, освѣжающее вліяніе воды, все это вмѣстѣ какъ-то вдругъ измѣнило настроеніе Данилы Павловича. Онъ, что-то весело насвистывая и улыбаясь, началъ раздѣваться, пріятно потягиваясь, думая и объ обѣдѣ, и о послѣобѣденномъ снѣ. А что ни говорите, хорошо имѣть свой уголокъ, чистенькій, уютный, спокойный. Здѣсь можно отдохнуть, понѣжиться, успокоиться отъ бурь и волненій. Надѣвъ чистое бѣлье и взявшись за домашній костюмъ, онъ неожиданно задалъ себѣ вопросъ: «Но, можетъ-быть, она не подозрѣваетъ? И откуда ей узнать? Только что же она такая сдержанная? И точно дѣвушкой опять стала».

— Даня, подавать обѣдать или подождать?—раздался вопросъ изъ сосѣдней комнаты.

— Я готовъ,—отвѣтилъ Муратовъ.

Онъ вышелъ въ столовую, освѣженный, въ чистой одеждѣ. Къ нему выбѣжали его мальчики, что-то весело болтая, цѣлуя его, здоровенькіе, свѣженькіе, какъ херувимы. Онъ поднималъ ихъ на руки и цѣловалъ въ свою очередь. Олимпіада Пахомовна, стоя у стула, съ улыбкой на лицѣ, разливала супъ. Данила Павловичъ, отпустивъ дѣтей съ нянькой въ дѣтскую, сѣлъ на свое обычное мѣсто за столомъ.

— А ты измѣнилась, — проговорилъ Данила Павловичъ, взглянувъ на жену.

Она удивительно была хороша теперь; она казалась теперь дѣвственнѣе, чѣмъ во дни дѣвичества. Она казалась воплощеніемъ чистоты и непорочности. Онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ и не могъ дать себѣ отчетъ, что съ ней сдѣлалось, что въ ней новаго.

— Еще бы!—отвѣтила она. — Я сама не знаю, какъ я выжила это время.

Онъ нахмурился, почему-то ему показалось, что сейчасъ начнутся слезы, упреки, сцены ревности.

— Наши бѣдныя дѣвочки мнѣ такъ дорого стоили...— закончила она. — И эти мученія, болѣзнь, упадокъ силъ у самой, а тутъ еще говорятъ, что онѣ мертвыя... Это можетъ понять только женщина, мать.

Онъ вдругъ вспомнилъ все недавно прошедшее, ея материнскія мученія, ея обманутыя надежды, ея одиночество во время болѣзни. А онъ—онъ въ это время утѣшался съ другой женщиной, кутилъ, пьянствовалъ, веселился. Какъ это было гнусно, подло! Ему вдругъ захотѣлось броситься къ женѣ, упасть передъ нею на колѣни, просить прощенія, вознаградить ее за все. И какъ-то случайно ему вспомнилось, что докторъ сказалъ ему, что ее нужно беречь, что ея здоровый организмъ разъ могъ вынести такія мýки, но за исходъ при повтореніи ихъ нельзя ручаться, а между тѣмъ несчастные роды, случившіеся разъ, очень часто повторяются потомъ. Что же это? Неужели они такъ и должны перестать быть мужемъ и женой? А такъ вотъ почему она такъ сдержанна! Ему казалось, что ему все вдругъ стало ясно. Онъ смутился, онъ упалъ духомъ. Въ его головѣ теперь стучала молотомъ одна мысль, что онъ долженъ потерять свою Липу, что она сама сторонится отъ него. Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть, чтобы это было не поправимо. Она поправится. У нея здоровая натура. Ее нужно только теперь поберечь, нужно лелѣять, а тамъ... О, неужели же онъ долженъ ея лишиться, когда она стала еще лучше, чѣмъ была когда-нибудь?

— Липа, ты береги себя, голубка, береги для меня,— сказалъ онъ ласковымъ, дрогнувшимъ голосомъ.

Она подняла лицо, чистое, ясное, улыбающееся.

— Для кого же мнѣ и беречь себя, какъ не для тебя, какъ не для дѣтей?—отвѣтила она просто.

Потомъ она стала разсказывать, что̀ ей стоили роды двухъ дѣвочекъ, какъ ее поразило извѣстіе, что дѣвочки мертвыя, какое впечатлѣніе произвели на нее слова доктора о томъ, что ей нужно быть долго-долго осторожной. Передъ нимъ нарисовалась цѣлая картина страданій, переживаемыхъ только женщинами, требующихъ изумительной выносливости и поразительнаго терпѣнія. Она не пережила бы всего этого, она, конечно, умерла бы отъ всего этого. Но, лежа въ постели, перенося страшныя мученія, она все думала, что же станетъ дѣлать съ дѣтьми онъ, Даня, безъ нея, безъ своей мамы? Она должна превозмочь себя, перенести все, чтобы жить для него. Это ее ободряло, и она все перенесла, все поборола, думая только о немъ, заставляя себя думать только о немъ, когда уже не хватало силъ выносить боли.

— Ты и не зналъ, что, трудясь и работая тамъ, въ Петербургѣ, ты все же былъ здѣсь моимъ ангеломъ-храните-

лемъ, моимъ спасителемъ отъ смерти, — закончила она съ кроткой улыбкой.

Онъ не выдержалъ, бросился къ ней, упалъ головой ей на колѣни и расплакался, какъ школьникъ, потрясенный разсказомъ, мучимый угрызеніями совѣсти.

— Даня, милый, что съ тобой?—говорила она, волнуясь.

— О, я не стою, не стою тебя, чистая, святая моя голубка!—говорилъ онъ, цѣлуя ея платье, ея руки.

Она, ничего не понимая, успокаивала его и ласкала, какъ ребенка...

Въ это же самое время въ Чистопольѣ, въ Семинарскомъ переулкѣ, въ домѣ Васильевыхъ получилась скорбная телеграмма: «Отецъ умираетъ. Пріѣзжайте». Встревоженные, пораженные, какъ громомъ, сыновья и дочь Александра Николаевича Баскакова, торопясь и боясь опоздать, собирались въ Петербургъ. Они метались по комнатамъ, укладывали необходимыя для дороги вещи, перекидывались отрывочными словами и повторяли только одну фразу:

— Хоть бы на кончикѣ застать!

Уже совсѣмъ собравшись, одѣвшись, они вспомнили, что, можетъ-быть, надо извѣстить о печальной новости и Муратова. Они наскоро сунули телеграмму служанкѣ, приказали ее отнести къ ихъ двоюродному брату и уѣхали...

Данила Павловичъ только-что проснулся послѣ послѣобѣденнаго сна, когда въ спальню вошла Олимпіада Пахомовна съ телеграммой въ рукахъ.

— Даня, дядя умираетъ!—сказала она.—Получилась телеграмма.

— А, добился!—проговорилъ Данила Павловичъ.—Этого нужно было ожидать. Онъ былъ плохъ, когда я уѣзжалъ.

Олимпіада Пахомовна вздохнула.

— Бѣдный старикъ!..

Потомъ озабоченно она спросила:

— А это не разстроитъ твоихъ дѣлъ?

Онъ удивился.

— Какимъ образомъ?

— Аделаида Александровна можетъ задержаться въ Петербургѣ...

— Да ей-то что? Она въ ссорѣ съ отцомъ! — небрежно отвѣтилъ онъ.

— Ну, пока былъ здоровъ. Нельзя же умирающаго бросить...

— Она, я думаю, даже и не узнаетъ о его смерти...

— Какъ? Дочь и не узнаетъ?

— А если и узнаетъ, то не пріѣдетъ!

Олимпіада Пахомовна съ упрекомъ взглянула на мужа. Ее поразилъ его пренебрежительный, почти враждебный тонъ.

— Зачѣмъ ты такъ дурно думаешь о ней! Она все же дочь, каковъ бы ни былъ отецъ! Передъ смертью все прощается, все забывается!

— Липа, ты судишь людей по себѣ! Она не такая женщина, она ..

Онъ остановился. Ему стало совѣстно, что онъ браниъ ту, у ногъ которой онъ былъ такъ недавно. Его начинало злить сознаніе, что онъ былъ у ея ногъ.

— Во всякомъ случаѣ, есть же въ ней что-нибудь хорошее, если ее любятъ,—продолжала Олимпіада Пахомовна въ раздумьѣ.—Она, можетъ-быть, легкомысленная женщина, но у нея все же должно быть доброе сердце. Въ ея письмахъ всегда такъ много ласки.

— Не говори о ней, — быстро прервалъ онъ ее. — Ты сама не знаешь, за кого вступаешься...

Она взглянула на него удивленными глазами. За что онъ сердится на Адель? Онъ же съ ней не въ ссорѣ. Онъ ждетъ ее въ Ольховатое.

— Я во всякомъ случаѣ буду стараться найти въ ней хоть что-нибудь хорошее, — сказала она. — Мнѣ было бы грустно встрѣтиться съ нею, считая ее совсѣмъ дурною женщиною. Мы же родныя, она теперь будетъ бывать у насъ, мы будемъ бывать у нея...

— О, лучше бы не пріѣзжала! — сорвалось у него съ языка.

И, поддаваясь какому-то невольному порыву злости противъ Аделаиды Александровны, онъ добавилъ:

— Эта женщина не остановилась бы, если бы ей захотѣлось отбить у кого бы то ни было, даже у тебя, мужа.

Олимпіада Пахомовна усмѣхнулась.

— Что-жъ, она была бы только жалка, если бы влюбилась въ тебя.

Онъ удивился, ничего не понялъ.

— Жалка?

— Ну, да! Я-то лучше, чѣмъ кто-нибудь, понимаю, что въ тебя можно влюбиться. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но развѣ это счастіе для женщины, когда ты уже женатъ, когда у тебя дѣти? Ты можешь, пожалуй, увлечься, подурачиться, но вѣдь ты все же придешь домой. Серьезно та-

кихъ женщинъ любить нельзя, зная, что до тебя у нихъ былъ другой мужчина, что послѣ тебя придетъ третій. Тутъ можно волочиться, заводить интриги, но любить...

Она пожала плечами.

Онъ пытливо посмотрѣлъ на нее. Опять въ его головѣ шевельнулся вопросъ, не знаетъ ли она чего-нибудь про его отношенія къ Аделаидѣ Александровнѣ. Можетъ-быть, хочетъ что-нибудь выпытать?

— Ну, а если бы я увлекся, ты не стала бы ревновать?— спросилъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Къ кому? Къ ней? Къ такой женщинѣ? Нѣтъ, Даня, я вѣдь не только люблю тебя, я тебя и уважаю. Наконецъ, я уважаю себя...

И вдругъ, разсмѣявшись, кокетливо взглянувъ на него, она спросила:

— Ей вѣдь сорокъ или за сорокъ? И все это подкрашено, поддѣлано?—она провела рукой по лицу.—И вдругъ бы ревновать! О, нѣтъ, я еще не такая дурнушка...

Она, продолжая смѣяться, хотѣла отойти отъ него. Онъ порывисто, весь охваченный обаяніемъ ея свѣжести, молодости, красоты, поднялся, схватилъ ее въ объятія и, покрывая поцѣлуями ея руки, ея лицо, повторялъ:

— Да, да, тебѣ нечего ревновать, красавица, божество мое! О, если бы ты знала, какъ ты хороша, какъ я люблю тебя!.. Вотъ, если бы кто посмѣлъ ухаживать за тобой...

Онъ сжалъ кулаки и закончилъ задыхающимся голосомъ:

— Я положилъ бы того на мѣстѣ!

— Я вѣрю,—отвѣтила она, улыбающаяся, сіяющая, счастливая.

XIII.

Александръ Николаевичъ Баскаковъ угасалъ быстро, хотя доктора говорили, что у него, въ сущности, только крайнее нервное разстройство и полный упадокъ силъ. Стоитъ только успокоить нервы и возстановить силы, и онъ будетъ здоровъ, но именно этого-то—успокоить нервы и возстановить силы—они и не могли сдѣлать, и онъ таялъ, какъ воскъ, «изводился», по выраженію Матрены Кузьминичны.

Несмотря на печальное положеніе своихъ матеріальныхъ дѣлъ, несмотря на быстро увеличивавшуюся слабость, онъ умиралъ, какъ герой, побѣжденный, но не сдающійся, и ораторствовалъ слабымъ, обрывающимся голосомъ безъ

умолка,—ораторствовалъ о своемъ счастіи, о своихъ удачахъ, о своихъ грандіозныхъ планахъ... Странное сочетаніе словъ: «счастливый банкротъ», «счастливый умирающій», но тутъ это сочетаніе словъ было у мѣста. Дѣйствительно, Александръ Николаевичъ чувствовалъ себя счастливымъ. Правда, онъ былъ разоренъ, всѣ его грандіозные замыслы о перестройкѣ Петербурга рушились, но развѣ онъ не разорялся десятки разъ въ жизни? Развѣ одни разрушившіеся планы не смѣнялись у него сейчасъ же другими планами? Эта способность на развалинахъ одного грандіознаго зданія быстро мечтать о созданіи другого, не менѣе грандіознаго зданія, не покинула старика и теперь ни на минуту. Онъ походилъ на полководца, чертящаго на полѣ проиграннаго боя плановъ новаго сраженія. Такимъ онъ былъ всегда, такимъ онъ остался и на краю могилы. Онъ говорилъ, что теперь нечего думать о постройкѣ домовъ, такъ какъ всюду чувствуется недостатокъ въ деньгахъ, крахи большихъ торговыхъ фирмъ, несостоятельность наша въ финансовомъ отношеніи, что теперь прежде всего нужно устроить, организовать «кредитъ», а потомъ уже приниматься за другія предпріятія.

— Я слишкомъ вѣрилъ въ состоятельность Россіи,—говорилъ онъ.—Я считалъ ее все еще богатою Россіею, страной золотыхъ пріисковъ, нетронутыхъ подземныхъ богатствъ, крѣпостнической Россіей, въ которой можно было хоть пирамиды строить трудомъ крѣпостныхъ рабовъ. Въ этомъ была моя ошибка. Это страна бумажныхъ денегъ, страна векселей, страна оборотовъ въ кредитъ. Безъ кредита, безъ самаго широкаго и правильно организованнаго кредита мы болѣе не можемъ ступить ни шага. Кредитъ — это рычагъ современныхъ обществъ. Безъ кредита не могъ бы создаться современный грандіозный Парижъ. Прежде всего нужно устроить у насъ правильно дѣятельность банковъ. Банки, банки и банки, вотъ что намъ теперь нужно!

У него тотчасъ же созрѣла въ головѣ цѣлая сѣть этихъ банковъ, и онъ уже провидѣлъ, какія блага ниспадутъ на Россію, когда всѣ эти учрежденія пойдутъ въ ходъ, точно двигаемыя вѣтромъ мельницы. Его неизмѣнные слушатели—Иванъ Дмитріевичъ Хвостовъ и Матрена Кузьминична—проникались благоговѣніемъ, слушая его пламенныя рѣчи. Ивана Дмитріевича даже прошибалъ потъ во время развитія больнымъ грандіозныхъ плановъ, и онъ, когда больной засыпалъ, шепталъ Матренѣ Кузьминичнѣ, отирая большимъ

пестрымъ шелковымъ платкомъ свою вспотѣвшую, точно отполированную, лысину:

— Господи, что за геній, что за человѣкъ!

Матрена Кузьминична только махала рукой.

— Фантазій у него — страсть, только вотъ удачи Богъ не далъ!

— Да, это точно... удачи нѣтъ, удачи нѣтъ... Впрочемъ, нѣтъ, не говорите этого,—задумчиво разсуждалъ Хвостовъ, разводя коротенькими руками. — Вотъ онъ говорилъ мнѣ, что онъ театръ въ Чернолѣсьѣ основалъ...

— Ну, и вылетѣлъ въ трубу, — кончила Матрена Кузьминична.

— Это такъ-съ, это такъ-съ, а театръ все-таки тамъ теперь существуетъ. До Александра Николаевича не было, а теперь существуетъ, гражданъ, такъ сказать, въ храмъ благороднаго искусства привлекаетъ... Это вѣдь цивилизація.

— Что?.. какъ ты это?.. насчетъ чего? — недоумѣвала Матрена Кузьминична.

— Цивилизація, говорю я, это, театръ-то? Вотъ и здѣсь. Самъ, положимъ, онъ ни при чемъ остался, а какую улицу провелъ? Вѣдь не дома, а дворцы, палаццы, такъ сказать, столицѣ подарилъ... Сотня лѣтъ пройдетъ, а они стоять будутъ. Спросятъ: «Кто строилъ?» «Баскаковъ, Александръ Николаевичъ Баскаковъ»...

Матрена Кузьминична вздыхала.

— Что говорить, для прохвостовъ много сдѣлалъ.

Хвостовъ, нѣсколько озадаченный, переспрашивалъ:

— То-есть въ какомъ это смыслѣ?

— Да въ такомъ, что съ него лѣнивый только не бралъ!

— Да-съ, это такъ! Ангелъ человѣкъ! Ангелъ и геній!

Собесѣдники умолкли, погруженные въ думы объ ангелѣ и геніи, о его проектахъ и ихъ результатахъ, о сдѣланномъ имъ для себя и для прохвостовъ, и при малѣйшемъ движеніи больного суетливо вскакивали, чтобы услужить ему чѣмъ-нибудь, чтобы предупредить малѣйшее его желаніе.

— Спасибо вамъ, я умираю счастливымъ, любимый всѣми, окруженный заботами ближнихъ,—торжественно говорилъ больной.—Я самъ любилъ ближнихъ, Россію, человѣчество. Я вѣчно работалъ для нихъ, жертвуя всѣмъ, личнымъ спокойствіемъ, своимъ благосостояніемъ, своимъ счастіемъ. Я никогда не былъ эгоистомъ и только тотъ, кто не былъ эгоистомъ, можетъ умереть съ спокойной совѣстью, окруженный любовью ближнихъ.

И опять шли длинныя рѣчи о томъ, какъ любилъ человѣчество онъ, Александръ Николаевичъ Баскаковъ, и какъ счастливъ онъ тѣмъ, что, умирая, онъ окруженъ любящими людьми. Дѣйствительно, около его постели сошлась цѣлая груша любящихъ людей. Не только Матрена Кузьминична, Иванъ Дмитріевичъ Хвостовъ, Вѣра и Оля Хвостовы, сыновья и дочь самого Баскакова ходили за нимъ, но даже вѣчно лѣнивая, вѣчно не снимавшая своего капота — «холодая», Ольга Даниловна просиживала цѣлые дни и ночи около больного: разъ попавъ сюда, чтобы не варить дома кофе и не возиться съ обѣдомъ, она просиживала здѣсь цѣлые часы, такъ какъ ей было лѣнь подняться съ мѣста и идти домой. Она даже нашла, что здѣсь ей гораздо покойнѣе, чѣмъ дома, сидѣть безъ дѣла, потягиваясь и позѣвывая въ мягкомъ креслѣ подъ немолчный говоръ больного.

Смотря на окружающихъ его людей, Александръ Николаевичъ говорилъ:

— Вотъ, вырастилъ сыновей, далъ имъ американское образованіе, вполнѣ свободныхъ гражданъ воспиталъ. Они еще покажутъ себя... Нашелъ имъ невѣстъ, простыхъ, кроткихъ, безъ претензій... Да благословитъ ихъ Богъ!

Дѣвушки потупили глаза, краснѣя и конфузясь; юноши смотрѣли на нихъ прямо и открыто. Александръ шепталъ Николаю:

— Что это говоритъ отецъ?

— Что-жъ, можетъ-быть, и поженимся когда-нибудь,— отвѣчалъ Николай.

Матрена Кузьминична вздыхала, качая головой.

— Бредитъ,—говорила она тоскливо.

— Это провидѣніе!—отзывался Хвостовъ многозначительно, поднимая вверхъ указательный палецъ.

Онъ въ своемъ благоговѣніи передъ Баскаковымъ дошелъ до того, что считалъ его уже прозорливцемъ, способнымъ читать въ будущемъ, какъ въ открытой книгѣ.

— Что-жъ, дай Богъ,—отзывалась Матрена Кузьминична, уже успѣвшая приголубить Олю и Вѣру Хвостовыхъ.

— Что кому на роду написано, то и будетъ,—замѣчала Ольга Даниловна, лѣниво позѣвывая.

Больной, забывшійся на минуту, открылъ глаза:

— А, молодые здѣсь, новобрачные! Поздравляю! Слава Богу, что все успѣлъ устроить! У меня всегда все было въ порядкѣ... Поженилъ дѣтей, теперь спокоенъ! Берегите мать, берегите ихъ!

Онъ указывалъ глазами на Ивана Дмитріевича и Ольгу Даниловну.

Для него окончательно уже перестали существовать дѣйствительные факты, на которые онъ, впрочемъ, и прежде обращалъ не особенно много вниманія и съ которыми во всякомъ случаѣ мало церемонился. Необузданно пылкія фантазіи перешли незамѣтно въ бредъ, въ галлюцинаціи, въ умопомѣшательство. Гра ньмежду правдой и ложью, здравымъ смысломъ и сумасшествіемъ исчезла окончательно.

Разъ онъ очнулся послѣ долгаго забытья и тусклыми глазами обвелъ присутствующихъ:

— Предложили: будь патріархомъ!.. Избраніе!.. Я принялъ... Большая паства?.. Что-жъ, я привыкъ... Не въ первый разъ!.. Вмѣсто синода...

Онъ на минуту тяжело перевелъ духъ, точно изнемогая отъ усталости, и забормоталъ скороговоркой:

— Всѣ ли ученики собрались! Всѣ! Хорошо! Много народа, много! Благословляю!..

Онъ поднялъ руку, сдѣлалъ какой-то знакъ въ воздухѣ, хотѣлъ подняться на постели, но не могъ, рука безсильно упала на постель...

— Любите... за правду...

Онъ хотѣлъ сказать что-то еще, открылъ ротъ, точно желая глотнуть, набрать воздуха, поднялъ конвульсивнымъ движеніемъ высоко-высоко грудь и вдругъ, разомъ, грузно, глубоко опустился весь въ постель, такъ что голова, лежавшая на подушкахъ, уперлась подбородкомъ въ грудь.

Онъ былъ мертвъ...

XIV.

Минуя Чистополье, Аделаида Александровна проѣхала прямо въ Ольховатое въ сопровожденіи горничной, лакея, повара. Въ старомъ помѣщичьемъ домѣ еще было нѣсколько слугъ, служившихъ у покойнаго Платона Николаевича Баскакова и потомъ у семьи Александра Николаевича. И эти слуги, постарѣвшіе и посѣдѣвшіе, и этотъ домъ, тоже значительно одряхлѣвшій, и густой паркъ, теперь уже давно спустившій листву, все напомнило ей былое. Она никакъ не думала, что эти мѣста, гдѣ протекло ея дѣтство, гдѣ прошла ея юность, пробудятъ въ ней столько воспоминаній. Сколько тутъ было пережито, перечувствовано, передумано во дни дѣвичества, когда она, свернувшись гдѣ-нибудь на кушеткѣ, какъ котенокъ, пригрѣвшись на солнцѣ, мечтала

о блестящемъ будущемъ, о счастливомъ будущемъ. Теперь это будущее стало дѣйствительностью; она, эта дѣйствительность, была блестяща, но былъ ли этотъ блескъ счастіемъ? Что-жъ, развѣ Муратова мало любила и мало была любима? Ей живо вспомнился образъ одного юноши-красавца, его клятвы, его ласки... и онъ оскорбилъ ее, бросилъ для какой-то дѣвчонки изъ подвала, облагодѣтельствованной ею! Онъ ли былъ виноватъ передъ нею, она ли была виновата передъ нимъ? По ея лицу скользнула горькая улыбка; ей вспомнилось, съ какимъ презрѣніемъ глядѣлъ на нее юноша, узнавъ, что она продаетъ себя за деньги старику-жиду... Потомъ передъ нею прошли другія лица, вспомнились другіе ласки, обѣты, увѣренія... и, въ концѣ концовъ, тѣ же измѣны даже безъ стремленія смягчить горечь разрыва. Стоитъ ли оправдываться передъ продажной женщиной, передъ кокоткой!.. Тутъ не было даже любви, тутъ не было даже разрывовъ—это были просто «шалости», «минуты увлеченія», «случайныя паденія», все это вызывало теперь или краску стыда, или чувство отвращенія... Но вотъ передъ нею стоитъ послѣдній ея поклонникъ—Данила Павловичъ. Когда-то ей стоило захотѣть и онъ былъ бы ея мужемъ, онъ былъ бы вѣчно у ея ногъ. Тогда она не захотѣла, тогда она оттолкнула его, вонъ тамъ, въ этомъ самомъ саду, смотрящемъ къ ней въ окна своими мрачными голыми вѣтвями, точно желающими узнать, насколько она измѣнилась за эти годы, что пережила.

Ее охватывалъ какой-то страхъ въ этомъ пустынномъ домѣ; ей казалось въ немъ слишкомъ холодно, слишкомъ темно, слишкомъ пусто. Она позвонила горничную, приказала затопить печь, зажечь еще свѣчи.

— Да задерните у оконъ занавѣси,—сказала она.

Тяжелыя штофныя занавѣси, не спускавшіяся давно, медленно распустились съ какимъ-то тихимъ шуршаньемъ, похожимъ на подавленный ропотъ, и запахнули окна.

Аделаида Александровна присѣла къ огню, приказавъ готовить чай и постель. Она отыскала какую-то книгу, развернула ее—это былъ романъ «Paul et Virginie», старинная сентиментальная книга, которую ее заставляли читать въ дѣтствѣ. Она усмѣхнулась. Развѣ это жизнь? развѣ это любовь? Неужели люди вѣрили когда-нибудь подобнымъ глупостямъ, какъ эти приключенія наивныхъ дурачковъ? И опять ей вспомнилось, какъ сжималъ ее когда-то въ своихъ объятіяхъ Данила Павловичъ въ этомъ домѣ, въ этомъ

саду. Это было такъ давно. А теперь? Ей вдругъ захотѣлось вѣрить, что онъ ее еще любитъ, что онъ не уйдетъ отъ нея, покуда она сама не оттолкнетъ его, что онъ броситъ для нея и жену, и дѣтей. Она не потребуетъ этой жертвы, она это сознавала; онъ, въ концѣ концовъ, станетъ ей не нуженъ, скоро даже станетъ не нуженъ, она сознавала и это; ей теперь вообще все скоро надоѣдаетъ, пріѣдается; но ей хотѣлось увѣрить себя, что онъ не уйдетъ отъ нея самъ, что онъ уйдетъ только тогда, когда она скажетъ ему: «все кончено!» Еще бы! не можетъ же онъ предпочесть ей свою жену, какую-то «мужичку». Какова она? Вѣроятно, расплывшееся, глуповатое, мало развитое созданье. Да, онъ самъ проговорился, что его Липа «толстовата»,—проговорился, въ ту минуту, когда мужчины готовы выболтать все, отречься отъ всего. Толстовата? Должно-быть, нѣчто краснощекое, жирное, неповоротливое. Впрочемъ, кто ее знаетъ! Знаетъ ли она, что онъ безумно влюбленъ въ нее, въ Аделаиду Александровну? Если знаетъ,—она плачетъ отъ ревности, страдаетъ, надоѣдаетъ мужу. Бѣдняжка, она можетъ успокоиться. Аделаида Александровна не станетъ отнимать у нея навсегда мужа. На что онъ ей навсегда? Вообще на что онъ ей? Она впала въ глубокое раздумье. На что онъ ей и на что ей всѣ другіе? Какъ это пріѣлось: однѣ и тѣ же клятвы, однѣ и тѣ же ласки, однѣ и тѣ же измѣны. Минутное возбужденіе нервъ, волненье увлеченія и почти тутъ же въ ту же минуту вопросъ: «Надолго ли?..»

Она заснула поздно, заснула тревожнымъ сномъ. По-утру ей доложили, что пріѣхалъ Данила Павловичъ. Она просила подождать и вышла къ нему, уже совсѣмъ одѣтая, вся въ черномъ. Она встрѣтила его дружески, пожала ему руку, проговоривъ:

— Ты видишь, я сдержала свое слово!

Онъ поцѣловалъ ея руку молча.

— А это мнѣ было не легко,—сказала она со вздохомъ.— Этотъ домъ, нѣсколько старыхъ слугъ, нашъ садъ, все воскресило прошлое...

Она опять вздохнула:

— Невозвратные годы! Помнишь, какъ мы бѣгали и рѣзвились здѣсь, какъ ты объяснялся мнѣ въ любви?

— Да, да, все прошло, — въ замѣшательствѣ отвѣтилъ онъ и поспѣшилъ прибавить: — А я заѣхалъ взглянуть на тебя и спросить твоихъ приказаній: хочешь ли ты заѣхать

къ намъ познакомиться съ моею семьею или прикажешь привезти жену къ тебѣ?

— Зачѣмъ же? Я поѣду къ тебѣ...

Ей казалось загадочнымъ его смущеніе, его неловкость. Не боится ли онъ своей Липы? Не это ли заставляетъ его быть сдержаннымъ? Или и онъ тоже... Она усмѣхнулась. О, ей стоитъ захотѣть, и онъ будетъ опять у ея ногъ. Вѣдь если бы она захотѣла, онъ и изъ Петербурга не уѣхалъ бы еще нѣсколько дней. Она сама заставила его ѣхать. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобы она уже успѣла ему «надоѣсть». Она опять усмѣхнулась съ горечью, точно это мысленно произнесенное слово кольнуло ее, задѣло за живое.

Они поѣхали въ Чистополье, молчаливые, разсѣянные.

— Вотъ и мой домъ,—сказалъ, наконецъ, Данила Павловичъ.

— О, его и не узнать! Прежде, при тетѣ, онъ былъ мрачнымъ. Теперь это игрушка.

— Я свилъ это гнѣздышко для...

Онъ оборвалъ рѣчь, точно стыдясь сказать, что онъ свилъ это гнѣздышко для своей Липы.

Они остановились у подъѣзда, поднялись по лѣстницѣ. Изъ столовой къ нимъ вышла молодая, стройная, граціозная женщина съ нѣсколько блѣднымъ, но прекраснымъ лицомъ, съ спокойной привѣтливой улыбкой.

— Адель! Липа!—проговорилъ Данила Павловичъ.

Онъ чувствовалъ, что его сердце сильно бьется. Малѣйшая неловкость могла выдать его тайну. Онъ боялся, что Липа узнаетъ о его связи съ Аделаидой Александровной. Онъ въ то же время боялся, самъ не зная почему, что Аделаида Александровна пойметъ, что онъ больше не принадлежитъ ей, что онъ теперь безъ ума отъ своей Липы, за которой онъ ухаживаетъ, какъ женихъ за невѣстой. Впервые онъ чувствовалъ себя въ подобномъ положеніи. Женщины дружески протянули другъ другу руки,—Олимпіада Пахомовна, почти не всматриваясь въ Аделаиду Александровну, — Аделаида Александровна, впившись глазами въ Олимпіаду Пахомовну.

— Я васъ совсѣмъ другой представляла себѣ! — не выдержала Аделаида Александровна и съ нескрываемой досадой прибавила:—Даня плохо умѣетъ описывать физіономіи... Вы совсѣмъ не похожи на женщину, вы скорѣе дѣвушку напоминаете.

Олимпіада Пахомовна улыбнулась.

— Дѣвушка, у которой было уже столько дѣтей! Я похудѣла, поблѣднѣла послѣ послѣдняго несчастія, потери двухъ дѣтей,—вотъ и все.

И тотчасъ же прибавила:

— Впрочемъ, живя здѣсь и состариться трудно, годы проходятъ незамѣтно, тихо... вотъ какъ про «Спящую царевну» разсказывается... Гдѣ же тутъ постарѣть!.. Вотъ у меня въ монастырѣ есть тетка, шестидесяти лѣтъ старушка, а до сихъ поръ розовыя щеки, какъ у молодой дѣвушки...

Она пригласила Аделаиду Александровну къ столу, не торопясь, не волнуясь. На лицо Аделаиды Александровны легла какая-то тѣнь.

— А ваши дѣти?—спросила она, входя въ столовую.

— Они въ дѣтской,—отвѣтила хозяйка.—Мы не сажаемъ ихъ съ собой, чтобы не соблазнять разными вредными для нихъ блюдами... И потомъ мы не всегда въ одинъ часъ обѣдаемъ... Даня такъ занятъ...

— Вы мнѣ ихъ покажете? — спросила Аделаида Александровна.

— О, да!

Хозяйка пошла за дѣтьми своей легкой, дѣвической поступью.

— Да пойдемъ сами въ дѣтскую,—предложилъ поспѣшно Данила Павловичъ Аделаидѣ Александровнѣ, точно боясь остаться съ нею съ глазу на глазъ. Казалось, онъ хотѣлъ быть подъ охраной жены, какъ иногда дѣти ради безопасности держатся при чужихъ за юбку матери.

Они прошли въ дѣтскую, просторную, свѣтлую, изящную. Гостья приласкала дѣтей, невольно залюбовавшись ихъ здоровыми, прелестными личиками. Отъ ихъ помѣщенія, отъ нихъ самихъ вѣяло свѣжестью, чѣмъ-то здоровымъ. Заботливая рука любящей и знающей цѣну здоровья матери была видна во всемъ.

— Право, вамъ можно позавидовать!—сказала Аделаида Александровна Олимпіадѣ Пахомовнѣ, возвращаясь въ столовую.—У васъ такое счастье, что я бы боялась за него.

Олимпіада Пахомовна, начавшая разливать супъ, обратила на нее удивленные глаза, не понимая смысла ея словъ.

— Бояться? Чего?

— Да говорятъ, что постояннаго счастья нѣтъ и что когда оно является, то человѣкъ начинаетъ бояться за него.

— Я не боюсь за него... я только, конечно, стараюсь беречь его, — отвѣтила Олимпіада Пахомовна, принимаясь

опять за разливанье супа. — А у васъ никогда не было дѣтей?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Это большое горе! Я не знаю, какъ бы я молилась, если бы у меня не было дѣтей!..

Аделаида Александровна разсмѣялась. Въ этомъ смѣхѣ слышались и насмѣшка, и горечь.

— Ну, отъ молитвъ дѣти не являются...

Олимпіада Пахомовна, не обижаясь, не смущаясь отъ этого ироническаго замѣчанія, просто отвѣтила:

— Я вообще вѣрю въ силу молитвы! Это большое утѣшеніе.

Аделаида Александровна начинала раздражаться. Ее сердило и то, что Олимпіада Пахомовна смотритъ «дѣвочкой», и то, что она «напускаетъ на себя безмятежное спокойствіе», и то, что она «играетъ роль какой-то чистой голубки». Въ ея головѣ мелькала мысль: «но знаешь ли ты, что мнѣ стоитъ сказать слово и все твое счастье разлетится въ прахъ?..» Она круто оборвала разговоръ съ хозяйкой дома и начала толковать съ Даніилой Павловичемъ о дѣлахъ.

Тотчасъ же послѣ обѣда она собралась ѣхать. Муратовъ хотѣлъ ее проводить, но она отказалась. Онъ не очень настаивалъ, радуясь въ душѣ возможности не быть съ нею съ глазу на глазъ. Онъ сознавалъ, что между нимъ и Аделаидой Александровной все порвалось; она уже не привлекала его ничѣмъ. И какъ онъ могъ увлечься ею? Она почти старуха въ сравненіи съ его женою!..

Но долго думать о своихъ отношеніяхъ къ Аделаидѣ Александровнѣ, о своей винѣ передъ женою было некогда. Дѣловыя заботы были теперь на первомъ планѣ. Въ городъ наѣхали уже инженеры, представители желѣзнодорожной компаніи, губернскія власти. Начались завтраки и обѣды, игра въ карты и среди всего этого дѣловыя сдѣлки. Чистополье приняло праздничный видъ, народъ началъ массами валить къ станціи желѣзной дороги, разукрасившейся флагами, принарядившейся, какъ невѣста къ вѣнцу. Пробные поѣзда, осмотръ пути, провѣрка всего сдѣланнаго, все это чередовалось съ обильными угощеніями, весельемъ и музыкой. Во время пробнаго поѣзда, не доѣзжая немного до проклятаго Калистинскаго моста, до этого больного мѣста дороги, была остановка, тутъ было рукой подать до Ольховатаго, тутъ стояли экипажи, присланные оттуда.

Было какъ разъ время для завтрака, а каковы завтраки въ Ольховатомъ — это уже всѣ знали по опыту. Поѣхали позавтракать, потомъ поѣхали дальше, благополучно, безъ сучка, безъ задоринки, любуясь всѣмъ, одобряя все. Но почему-то одному изъ главныхъ наблюдателей казалось все, что на дорогѣ было два Калистинскихъ моста, а другой спеціалистъ желѣзнодорожнаго дѣла, напротивъ того, допытывался, когда же будетъ мостъ, знаете, этотъ мостъ на болотѣ... Вообще многое и у многихъ двоилось въ глазахъ, тогда какъ у другихъ стоялъ передъ глазами только туманъ, застилавшій собою все. Нѣкоторые изъ спеціалистовъ оказались, впрочемъ, до мелочности придирчивыми, все раскапывающими, все пробующими чуть не на языкъ, чуть не зубами—и чугунъ, и насыпи, и шпалы. Эти разслѣдовали все до поту лица, вездѣ искали заплатъ и прорѣхъ, не нашли ничего и оказались самыми довольными всѣмъ и всѣми.

Въ тотъ же день, когда былъ назначенъ парадный обѣдъ для всѣхъ участвовавшихъ въ постройкѣ желѣзной дороги, для инженеровъ, для властей, для рабочихъ, желѣзнодорожная станція буквально захлебнулась народной массой. Теперь это мѣсто было неузнаваемо: ни грязи, ни лохмотьевъ, ни мусору не было и слѣдовъ. Почва была засыпана обильно желтымъ пескомъ, мусоръ исчезъ въ какихъ-то ямахъ, въ какихъ-то недосягаемыхъ темныхъ углахъ, рабочіе были уже не въ рваной одеждѣ, а въ яркихъ новыхъ рубашкахъ, въ новыхъ штанахъ, въ новыхъ сапогахъ, всклоченные волосы смазались масломъ и блестѣли, въ залахъ станціи тянулись столы съ ослѣпительными бѣлыми скатертями, съ блестящей сервировкой, съ группами цвѣтовъ. Обѣдъ былъ приготовленъ на славу и, начавшись стройнымъ молебствіемъ, стройнымъ пѣніемъ пѣвчихъ, возглашеніемъ многолѣтій, онъ послѣ многихъ цвѣтистыхъ рѣчей, послѣ многихъ тостовъ за всѣхъ, за кого можно было пить, кончался потрясающими криками: «ура!» Съ одной стороны такъ и сыпались обѣщанія тысячъ рублей на какія-то общеполезныя учрежденія, на школы, на пріюты; съ другой только и слышались обѣщанія и увѣренія, что правительство не оставитъ безъ вниманія великихъ заслугъ, можно сказать, жертвъ. И все, и обѣщанія пожертвовать, и обѣщанія наградить, опять покрывалось громогласными, раскатистыми «ура!» Въ воздухѣ уже начинало темнѣть, а въ залѣ и на улицѣ все еще стоялъ стонъ торже-

ственныхъ криковъ разгулявшейся толпы, все еще за кого-то пили, все еще кого-то качали, подбрасывая вверхъ. И Гущинъ, и Данила Павловичъ, и какой-то инженеръ, и кто-то, кому вовсе этого не слѣдовало по чину, побывали на рукахъ рабочихъ, взлетая на воздухъ при оглушительныхъ крикахъ тысячи голосовъ. Казалось, всѣ были довольны всѣми, забывъ всякія невзгоды и обиды недавняго прошлаго. Ликовали даже и тѣ, у кого для ликованія вовсе не было видимой причины. Какіе-то уличные мальчишки, какъ дикари, кувыркались на пескѣ и потрясали руками въ воздухѣ, подбрасывая вверхъ шапки. Наконецъ, усталые и измученные, сильно пошатывавшіеся, главные герои праздника собрались ѣхать въ домъ Данилы Павловича, гдѣ предполагалось закончить вечеръ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ. Не безъ труда удалось этимъ людямъ попасть въ свои экипажи и не только потому, что имъ отказывались служить ноги, а и потому что захмелѣвшая толпа все еще хотѣла кого-нибудь качать, кому-нибудь кричать «ура». Наконецъ, экипажи тронулись при крикахъ народа и, сопровождаемые уличными ребятишками, покатились по направленію къ дому Данилы Павловича.

Этотъ домъ былъ тоже неузнаваемъ въ этотъ день, какъ и станція. Всѣ комнаты были теперь приспособлены такъ, чтобы въ нихъ могли пировать гости: изъ спальни Муратовыхъ была удалена кровать, рабочій кабинетъ Данилы Павловича былъ расчищенъ, дѣтской не было и слѣдовъ, такъ какъ дѣти были переведены съ нянькой на пару дней въ домъ Гущина. Данила Павловичъ предвидѣлъ, что ему не отдѣлаться отъ пьяной компаніи, что ее придется принять у себя дома въ торжественный день общаго веселья. Пріѣхало кончать гульбу въ домъ Данилы Павловича только человѣкъ двѣнадцать мужчинъ; изъ женщинъ не было никого, кромѣ хозяйки дома и Аделаиды Александровны. Здѣсь тотчасъ же подали гостямъ чай, раскрыли пару столовъ для игры въ карты, предложили шампанскаго со льдомъ и фруктами. Ѣсть уже никто не могъ, пить еще могли.

Данила Павловичъ, носившійся точно на крыльяхъ, вполнѣ трезвый, несмотря на выпитое имъ значительное количество вина, являлся то тутъ, то тамъ, угощалъ, смѣялся, игралъ роль привѣтливаго и умѣлаго хозяина, желая въ душѣ только одного, чтобы все скорѣе кончилось, чтобы гости провалились въ «тартарары». Въ то же время

онъ улучилъ минуту, чтобы поймать жену гдѣ-то въ укромномъ уголкѣ и шепнуть ей:

— Ты, Липа, можешь улетучиться къ отцу и дѣтямъ... Эти скоты будутъ трескать теперь до зари.

— Но какъ же безъ меня, безъ хозяйки!

— Э, пустяки!.. На что ты имъ? У нихъ есть юбка одна и довольно!

— Развѣ Аделаида Александровна останется здѣсь?

— Еще бы, она къ попойкамъ привыкла! Да около нея къ тому же теперь такъ лебезятъ три инженера, что ее и не выпустятъ...

Онъ заслышалъ громкій крикъ и смѣхъ.

— Точно въ кабакѣ горланятъ! Эхъ, скорѣй бы раздѣлаться съ этой сволочью! Тебя-то, я думаю, измучили, ты у меня еще слабенькая! Тебѣ покой нуженъ...

— Мнѣ? — съ улыбкой проговорила Олимпіада Пахомовна.—Я, Даня, совсѣмъ, совсѣмъ здорова...

Она какъ-то особенно нѣжно заглянула ему въ лицо. У него кровь прилила къ головѣ. Онъ сжалъ ея руки.

— А ты, Даня, здѣсь до конца останешься? — спросила она шопотомъ. — Пусть ихъ кутятъ, пріѣзжай къ папѣ, отдохнешь!..

— А и въ самомъ дѣлѣ улизну... Подпою ихъ всѣхъ и улизну...

Онъ засмѣялся и страстно обнялъ жену.

— Мы точно молодые любовники свиданье назначаемъ,— шепнулъ онъ ей.

Она улыбнулась.

— А развѣ мы старые?.. Недаромъ же меня назвала дѣвочкою Аделаида Александровна.

— Да ты и есть дѣвочка, моя дѣвочка!

Изъ другихъ комнатъ опять донесся взрывъ смѣха и криковъ. Данила Павловичъ нахмурился.

— Уѣзжай, тебѣ не мѣсто въ этомъ кабакѣ!..

XV.

У желѣзнодорожной станціи шли тоже разгулъ, шумъ и пьяные крики; раздавались звуки гармоникъ и балалаекъ; слышались топотъ пляски и присвистыванья. Въ полутьмѣ, озаренной серебристымъ свѣтомъ луны, мелькали какія-то пляшущія тѣни, шатались изъ стороны въ сторону чьи-то обнявшіяся фигуры, чернѣлись какіе-то человѣческіе образы, плотно приткнувшіеся къ выбѣленнымъ стѣнамъ станціон-

наго зданія; вездѣ видѣлись группы бесѣдующихъ между собою рабочихъ.

Передъ одной изъ такихъ группъ чей-то старческій, дребезжащій, похожій на бабій голосъ выкрикивалъ:

Куманекъ, куманекъ,
Побывай у меня,
Ахъ, бывай, бывай у меня...

И, путая слова, сбиваясь съ такту, притоптывая ногами и топчась на одномъ мѣстѣ, пѣвецъ продолжалъ:

Я бы радъ побывать у тебя,
У тебя, кума, улица грязна...

— Да полно ты, лѣшій старый! — крикнулъ кто-то изъ группы.—Ни пѣть, ни плясать не умѣешь!

— Я старенькій, я старенькій, потому и не умѣю... Прежде все умѣлъ... А весело мнѣ, весело,—отвѣтилъ плясунъ и, тяжело отдуваясь впалой грудью, присѣлъ на ступени крыльца, гдѣ сидѣла группа рабочихъ.

— Это я отъ полноты душевной...

Сидѣвшіе рабочіе заговорили ему въ отвѣтъ:

— Старъ! Нѣтъ, уши-то, да языкъ у тебя моложе молодыхъ. Подслушать да перенести — это твое дѣло. Горазъ на это!

— Я старичокъ бѣдный, меня можетъ каждый обидѣть,— жалостнымъ тономъ отвѣтилъ старикъ. — У меня внучатки маленькіе на рукахъ, кормить ихъ, поить ихъ надо...

— Ну, запѣлъ Лазаря!

— Вы бы съ мое пожили, съ мое потерпѣли, такъ и не такъ бы запѣли-то, — отозвался старикъ съ укоризной. — Печкой меня только не били, а объ печку колачивали... Да!.. Жена изъ дому выгнала; сынъ обобралъ, а теперь внучатокъ кормлю... а я старенькій!

— Да корми ты, кого хочешь, а не наушничай! Теперь, чай, при станціи шпіономъ приставятъ? Это ужъ безпримѣнно. У насъ безъ этого нельзя. Языкъ да уши нужны.

— Что-жъ, не по-міру же мнѣ ходить! А насчетъ шпіонства, такъ никакого шпіонства отъ меня никто не видалъ.

Послышались запальчивые голоса:

— А Тимошку Шестипалаго кто выдалъ? Не ты, скажешь? Никого я не выдавалъ!

— Я?.. Я?.. Ни въ жисть!..

— Чего ты прикидываешься? Самъ въ кабакѣ хвасталъ! Нѣшто мы глухи были?

Старикъ, оправдываясь, опять заговорилъ жалостнымъ тономъ:

— Братцы, братцы, чѣмъ же я-то виноватъ? Тимошка баломутъ былъ, какихъ бы дѣловъ онъ надѣлалъ... Страсть! Головъ не сносили бы!.. Я старичокъ, мнѣ не подъ лѣта по острогамъ сидѣть... по этапу ходить... у меня внучоночки маленькіе... Страха во мнѣ много, потому всего я натерпѣлся... и холода, и голода, и битья... Охъ, косточки всѣ перебиты у меня... къ погодѣ-то всего крючитъ... Мнѣ на печи бы грѣться, а не по этапу ходить...

Потомъ, наведенный словомъ этапъ на какія-то воспоминанія, онъ вдругъ захихикалъ пьянымъ смѣхомъ:

— Онъ молодой, ноги здоровыя, можетъ прогуляться...

Во время этого разговора гдѣ-то въ сторонѣ начались болѣе усиленные крики и говоръ. Въ темнотѣ было видно, что тамъ собралась цѣлая группа рабочихъ, говорившихъ наперебой. Эта группа постепенно приближалась къ крыльцу станціи. Сидѣвшіе здѣсь рабочіе поднялись съ мѣста, любопытствуя узнать, что случилось. Подойдя къ горланившей группѣ, они увидали молодого парня въ оборванной одеждѣ. Они сразу узнали его.

— А, легокъ на поминѣ! Здорово, Тимоха! Какой вѣтеръ занесъ? Какъ живешь?—раздались голоса.

Тимоѳей Шестипаловъ здоровался съ пріятелями. Онъ исхудалъ, по одеждѣ походилъ на нищаго, но лицо его попрежнему было оживленно, глаза горѣли. Это былъ все тотъ же баломутъ, подстрекатель, народный вожакъ и ораторъ.

— На пиръ пришелъ! Проздравить Данилу Павловича хочу! Гостинцевъ ему принесъ! Запоздалъ маленько, а ужъ какъ торопился! Вѣдь яичко дорого ко Христову дню!—отвѣчалъ возбужденно Тимоѳей Шестипалый.

Въ эту минуту его разсмотрѣлъ и старикъ-плясунъ. Онъ смущенно, испуганно покачалъ головой и совершенно безсознательно проговорилъ:

— А архангелецъ!

Тимоѳей вдругъ рванулся къ нему, какъ ужаленный, съ горящими глазами, съ исказившимся лицомъ.

— Что ты сказалъ? Что? Архангелецъ? Почему архангелецъ?—крикнулъ онъ, задыхаясь и тряся за шиворотъ старика.—Говори, старая бестія!

— Братцы, что же это!—взмолился старикъ.

Въ толпѣ раздались голоса:

— А, блудливъ, какъ кошка, трусливъ, какъ заяцъ!

— Небось теперь душа въ пятки ушла.

— Это онъ подучилъ тебя въ Архангельскъ послать!

— Хвасталъ! Въ кабакѣ еще намедни бахвалился.

Всѣ эти возгласы покрылъ одинъ неистовый, грянувшій, подобно грому, крикъ:

— Такъ получай же!

Что-то сверкнуло при лунномъ свѣтѣ въ воздухѣ. Послышался протяжный вопль:

— О-ой... зарубилъ!..

Толпа разомъ инстиктивно отпрянула, и Семенъ Нефедовъ рухнулъ на землю. Тимоѳей Шестипалый, тяжело дыша, съ опущеннымъ топоромъ въ рукѣ, стоялъ, не двигаясь съ мѣста, угрюмо, мрачно, безмолвно. Онъ казался при лунномъ свѣтѣ блѣднымъ, какъ мертвецъ. Наконецъ, онъ опомнился, тряхнулъ головой и проговорилъ отрывисто, сквозь зубы:

— Подвернулся... Не тебѣ несъ гостинецъ... Данилѣ Павловичу...

И, обернувшись къ товарищамъ, бросивъ на землю топоръ, съ тяжелымъ вздохомъ, упавшимъ голосомъ добавилъ:

— Вяжите, православные!..

Толпа очнулась, заволновалась, послышался говоръ сбивчивый, отрывистый:

— Пойдемъ, братцы, отъ грѣха!.. Чаго вязать? не уйдешь!.. Ну, ихъ!..

И группа начала быстро и значительно рѣдѣть.

— Что-жъ, не хотите... самъ заявлюсь въ полицію,— сказалъ тоскливо Тимоѳей Шестипалый и, никѣмъ не задерживаемый, побрелъ впередъ...

Въ это время въ одной изъ комнатъ, въ домѣ Гущина, едва озаренной свѣтомъ лампады и свѣтомъ луны, заглядывавшей въ окна черезъ спущенныя тюлевыя занавѣси, слышался тихій шопотъ двухъ голосовъ. Это былъ шопотъ любви, ласкъ, страсти. Данила Павловичъ не могъ дождаться окончанія игры у себя въ домѣ и ускользнулъ на свиданіе съ женою, какъ нетерпѣливый любовникъ. Онъ зналъ, что гости его настолько пьяны, что не хватятся его скоро. Онъ вырвался изъ ихъ компаніи, чтобы побыть хоть часокъ со своей Липой. Возбужденный виномъ, волненіями дня, лаской жены, онъ теперь не могъ думать ни о чемъ, кромѣ своей Лины. Для него не существовало ничего въ мірѣ, кромѣ этой женщины, беззавѣтно, всецѣло принадлежавшей ему. Минуты бѣжали за минутами, а онъ и не думалъ отры-

ваться отъ нея, чтобы вернуться въ свой домъ. Наконецъ, его заставилъ очнуться стукъ въ двери. Служанка Гущина звала Данилу Павловича.

— Что тамъ?—очнулся онъ отъ сладкаго забытья.

— Васъ требуютъ,—послышался отвѣтъ.

— Кто?

Не дожидаясь отвѣта, онъ быстро оправился и пошелъ къ двери.

— На станціи что-то случилось. Убійство!—тихо сказала служанка.

— Перепились! — отрывисто проговорилъ онъ. — Что же мнѣ-то?..

— Тутъ изъ полиціи пришли...

Онъ торопливо вышелъ, переговорилъ съ полицейскимъ и вернулся опять къ своей Липѣ.

— Что случилось!

— Ничего, кого-то ранили или убили... Извѣстно, катрескаются и раздерутся... Завтра узнаю...

И вдругъ, что-то сообразивъ, онъ со смѣхомъ прибавилъ:

— Хоть предлогъ есть остаться, скажу завтра гостямъ, что потребовали по этому дѣлу и продержали почти всю ночь... Это сама судьба устроила, чтобы я не отрывался отъ тебя... никогда, никогда!

Онъ прижалъ къ своей груди головку жены и прильнулъ къ ней губами...

XVI.

Часовъ въ одиннадцать утра Данила Павловичъ уѣхалъ въ полицейское управленіе, а Олимпіада Пахомовна съ старшимъ мальчуганомъ отправилась пѣшкомъ въ свой домъ, приказавъ нянькѣ принести туда и младшаго сынишку...

Въ домѣ еще царила тишина, только въ нѣсколькихъ комнатахъ слуги прибирали и чистили все приведенное въ безпорядокъ наканунѣ, выметая ворохи окурковъ папиросъ и сигаръ, пробокъ и остатки фруктъ, объѣдковъ сахарныхъ печеній и конфетъ, обломковъ перебитаго стекла. Паркетные полы были сѣры отъ приставшаго къ нимъ пепла, отъ нанесенныхъ съ улицы земли и песку: мѣстами виднѣлись еще не просохшія черныя пятна отъ пролитаго вина. Въ комнатѣ еще носился запахъ табаку, вина. Олимпіада Пахомовна брезгливо взглянула на этотъ хаосъ и съ упрекомъ замѣтила прислугѣ, что нужно было прибрать все раньше. Ей отвѣчали, что гости поздно разъѣхались, что и теперь

двое какихъ-то господъ «започивали» въ кабинетѣ Данилы Павловича и что Аделаида Александровна тоже «изволятъ почивать» въ угловой диванной. Тамъ и не убирали еще. Олимпіада Пахомовна удивилась. Она думала, что Аделаида Александровна давно уѣхала домой. Она справилась, давно ли заглядывала къ Аделаидѣ Александровнѣ служанка. Та отвѣтила, что утромъ. Олимпіада Пахомовна разсердилась. Надо было еще навѣдаться! Барыня, вѣроятно, встала уже, ей надо подать мыться, завтракать. Ее встревожило, что она не предвидѣла того, что Аделаида Александровна можетъ остаться ночевать здѣсь, и вслѣдствіе этого не распорядилась ни насчетъ постели, ни насчетъ завтрака. Впрочемъ, вѣдь было условлено, что если Аделаида Александровна не захочетъ ночью возвращаться въ Ольховатое, то ее тотчасъ же довезутъ до дома Гущина, гдѣ и для нея была приготовлена спальня. Олимпіада Пахомовна пошла сама въ диванную, озабоченная, встревоженная, даже не замѣчая, что за ея юбку держится ея сынишка...

Аделаида Александровна, полулежавшая на длинномъ креслѣ, только что проснулась. Она не безъ труда подняла отяжелѣвшія вѣки и взглянула, гдѣ она. Кругомъ въ безпорядкѣ стояли стулья, кресла, столы. На столахъ и подъ столами были бутылки, рюмки, стаканы, кувшины изъ-подъ шампанскаго съ лежавшими на днѣ апельсинами. Окурки, пробки, битое стекло, апельсинныя корки, лужи вина были повсюду. Она взглянула на себя: ея измятое платье еще хранило слѣды пролитаго шампанскаго, брызговъ и потековъ, чернѣвшихся на свѣтлой шелковой ткани. Она провела рукой по глазамъ и вздохнула. Въ ея душѣ поднимались омерзѣніе, брезгливость, стыдъ при воспоминаніи объ этой ночи! Она сдвинула брови, стараясь припомнить, что же дѣлали, гдѣ были Данила Павловичъ и Олимпіада Пахомовна. Въ памяти вставали другіе образы, а не эти,— какой-то старичокъ съ вставными зубами, съ отвислой мокрой губой, и какой-то розовенькій, какъ парикмахерскій восковой болванчикъ, юноша, твердившій, не уставая, полупьянымъ голоскомъ: «Нѣтъ-съ, ужъ, ваше превосходительство, тутъ не по старшинству». Но гдѣ же были Данила Павловичъ и Олимпіада Пахомовна? Ихъ не было, все время не было. Опять ей вспомнились отвислыя мокрыя губы; опять послышался полупьяный молодой голосокъ, повторяющій одну и ту же фразу. Что же это, уговоръ, умыселъ? Нарочно оставили ее среди пьяныхъ негодяевъ? Негодяевъ? Вѣдь это все

знакомыя ея, Аделаиды Александровны. Не она ли заигрывала съ каждымъ изъ нихъ, хлопоча устроить дѣла Данилы Павловича? И устроила, устроила! Да, устроила, и потому онъ бросилъ ее среди этой пьяной компаніи, удалившись въ уютный уголокъ со своей...

Она вздрогнула, заслышавъ скрипъ двери. Ея глаза широко открылись. На порогѣ показалась Олимпіада Пахомовна, слегка усталая, томная, но въ то же время свѣжая, раскраснѣвшаяся отъ ходьбы, сіяющая молодостью и счастьемъ, тѣмъ счастьемъ, которое бьетъ каждому въ глаза, само кричитъ о себѣ—счастьемъ обжоры среди голодныхъ, счастіемъ наглаго богача среди смиренныхъ бѣдняковъ. За Олимпіадой Пахомовной виднѣлось розовенькое личико ребенка, державшагося за ея платье. Лицо Аделаиды Александровны исказилось отъ стыда, отъ негодованія. Она поднялась съ мѣста и, задыхаясь, не помня себя, вскрикнула:

— Что вамъ надо? Какъ вамъ не стыдно!

Олимпіада Пахомовна, не сразу понявъ, въ чемъ дѣло, проговорила:

— Я пришла извиниться, что васъ не догадались провести въ спальню...

Аделаида Александровна чувствовала, что у нея захватываетъ дыханіе, и съ усиліемъ, прерывающимся голосомъ произнесла:

— Ребенокъ... Уведите ребенка!..

Олимпіада Пахомовна смутилась, торопливо вытолкнула ребенка за дверь и еще поспѣшнѣе стала искать воды, услыхавъ прерывистый крикъ близкой къ обмороку Аделаиды Александровны:

— Воды! воды!

Воды не нашлось въ комнатѣ. Олимпіада Пахомовна сбѣгала за нею и принесла графинъ и стаканъ. Аделаида Александровна, глотая слезы, заглушая рыданія, пила съ жадностью холодную воду:

— Экипажъ!.. Лошадей!.. — бормотала она, торопливо отирая лицо, мокрое отъ слезъ.

— Останьтесь, отдохните, — растерянно говорила Олимпіада Пахомовна.

Аделаида Александровна, сдѣлавъ страшное усиліе надъ собой, взглянула на нее какъ-то сверху внизъ.

— Какая вы низкая, какая вы дурная женщина, — проговорила она.

Олимпіада Пахомовна вся вспыхнула. Она не ожидала этой незаслуженной обиды.

— Не вамъ бы упрекать кого бы то ни было... Я честная женщина, а не какая-нибудь падшая...

Аделаида Александровна съ презрѣніемъ взглянула на нее.

— Вы — честная женщина? Нѣтъ, честныя женщины не такія...

— Я не отбиваю чужихъ мужей, а вы...

Аделаида Александровна оборвала ее на полусловѣ гнѣвно, почти высокомѣрно:

— Я... я могу забросать грязью себя, я могу пасть сама, а вы... барышница, вы торгуете честью другихъ для своихъ выгодъ!

Она съ какимъ-то омерзѣніемъ оттолкнула ее съ дороги отъ двери и прошла мимо нея, возмущенная, негодующая, съ презрѣніемъ въ душѣ къ этой честной женщинѣ, стоявшей съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ лица на одномъ мѣстѣ, точно она хотѣла спросить:

— Что же я ей сдѣлала? Отчего она обозлилась!..

Когда она недоумѣвающимъ тономъ передала Данилѣ Павловичу происшедшую сцену, онъ проворчалъ сквозь зубы:

— Хмель, вѣрно, изъ головы еще не вышелъ! Точно впервые на оргіи была! А впрочемъ, ну ее! Дѣло теперь сдѣлано! Вотъ Тимошка былъ пострашнѣе...

И онъ сталъ разсказывать, какъ помиловалъ его Богъ отъ Тимошки Шестипалаго. Олимпіада Пахомовна слушала его съ замирающимъ сердцемъ, вся похолодѣвшая, забывъ про исторію съ Аделаидой Александровной. Когда онъ кончилъ, она перекрестилась и прошептала:

— Да, видно, Богъ-то слышитъ наши молитвы!

СОВѢСТЬ.

РОМАНЪ.

I.

Стояла поздняя, но теплая осень. День былъ сѣренькій, тѣмъ не менѣе въ воздухѣ сильно парило. «Гроза будетъ», говорили измаявшіеся люди. Полевыя и городскія лѣтнія работы были почти окончены, и рабочій людъ, ходившій на заработки, уже начиналъ возвращаться по своимъ деревнямъ,—кто «по чугункѣ», кто пѣшкомъ по тропинкамъ около желѣзнодорожныхъ насыпей. Чистопольская желѣзная дорога работала въ эту пору хорошо, то и дѣло прибавляя въ поѣздахъ число вагоновъ. Болѣе всего наполнялись вагоны третьяго класса. Въ поѣздѣ, долженствовавшемъ прибыть въ Чистополье въ седьмомъ часу вечера, особенно сильно былъ переполненъ одинъ вагонъ. Онъ казался еще полнѣе отъ множества заваливавшихъ полъ и скамьи мѣшковъ, узловъ, чемодановъ, разныхъ инструментовъ и всякой рухляди. На каждой станціи или выходили, или входили пассажиры. Движеніе и говоръ, а иногда споры и брань изъ-за мѣстъ, изъ-за закуренной трубки съ махоркою, изъ-за отвореннаго не по правиламъ окна не смолкали ни на минуту. Ѣхалъ все больше простой людъ, непривычный къ путешествіямъ по желѣзной дорогѣ, — крестьяне-рабочіе и бабы-странницы и богомолки, возвращавшіяся съ поклоненія «святымъ мѣстамъ». Одни вылѣзали со всѣмъ своимъ багажомъ гораздо раньше, чѣмъ слѣдовало, и возвращались снова обратно со своею поклажею, неосторожно задѣвая по головамъ пассажировъ своими мѣшками; другіе пропускали ту станцію, гдѣ имъ нужно было выйти, и ругались, что ихъ не разбудили во-время, поднимая переполохъ; третьи, просто отъ скуки и бездѣлья, сѣтовали и на неудобство, и на тѣсноту, и на духоту, и на медленный ходъ поѣзда: «пѣшкомъ бы лучше дойти». Поѣздъ дѣйствительно тащился

черепашьимъ шагомъ, точно выбиваясь изъ силъ отъ необходимости тащить такое множество людей.

Только одна женщина въ этомъ вагонѣ какъ помѣстилась при отъѣздѣ поѣзда, такъ и не двигалась со своего мѣста въ углу вагона. Худенькая, маленькая, блѣднолицая, она казалась не то подавленною тяжелымъ горемъ, не то изнуренною продолжительной болѣзнью. Ея еще молодое, маленькое, какъ кулачокъ, лицо было измято, изрѣзано преждевременными морщинами; бѣлокурые волосы были сухи и, должно-быть, сѣклись, такъ какъ то тутъ, то тамъ выбивались и висѣли ихъ концы изъ-подъ шляпки; она, видимо, мало заботилась и о нихъ, и о своемъ нарядѣ; вообще едва ли она заботилась о чемъ-нибудь, что окружало ее, о всей этой суетѣ мірской, о всей этой сутолокѣ жизни, заставляющей людей хлопотать, двигаться, ссориться, бороться: «и изъ-за чего все это? все равно конецъ одинъ для всѣхъ— смерть!» Ея взглядъ, немного тупой, немного напоминавшій взгляды безумныхъ, былъ устремленъ неопредѣленно въ пространство и, можетъ-быть,—не видя ничего происходившаго вокругъ,—старался всмотрѣться въ нѣчто такое, чего не видѣли, о чемъ даже не думали окружавшіе ее, хлопотавшіе до поту на лицѣ, люди: «Богу-то что отвѣтишь? Передъ Нимъ-то какъ предстанешь?» Зря и походя объ этомъ говорятъ тысячи людей; она же только этимъ и жила; другихъ мыслей у нея, съ нѣкотораго времени, почти не было.

Противъ нея сидѣла другая женщина, очевидно сопровождавшая ее въ дорогѣ, бѣгавшая на станціяхъ заваривать для нея чай, приносившая ей булокъ, пироговъ и кренделей, подсовывавшая ей предупредительно подъ бокъ подушку: «такъ-то ловчѣе будетъ». Это была молодая, здоровая, краснощекая, «ядрёная»,—какъ говорили про нее парни,—бабенка, съ бойкими карими глазами, должно-быть, изъ мѣщанокъ, одѣтая въ черный нарядъ, похожій на нарядъ богомолокъ или странницъ. Она говорила безъ умолку, поминутно отирая круглыми пальцами свои сочныя алыя губы и сильно жестикулируя крупными, но красивыми и бѣлыми руками.

— И ужъ насчетъ того, чтобы разговорить человѣка или свои резонты ему представить,—лучше матушки Серафимы и не найти,—разсказывала она пѣвучимъ голосомъ съ цѣлой массой оттѣнковъ въ интонаціи, придававшихъ особенную характерность ея говору.—По всей Рассеѣ извѣстна. У нея все какъ по писанному, будто въ книжку читаетъ,

какъ и что человѣкъ сдѣлать долженъ и что изо всего этого выдетъ для его антиреса. Свыше это! И кто-кто къ ней ни ходитъ—за совѣтомъ, за утѣшеньемъ или такъ просто для развлеченія своихъ мрачныхъ мыслей. Не токма весь нашъ городъ ее знаетъ—что наше Чистополье: пѣтухъ на одномъ концѣ заноетъ, на другомъ его ужъ и слышно!—а изъ самаго Петербурга господа съ ней кареспадецію ведутъ, какъ молъ и что вы насчетъ того-то и того-то въ своемъ размышленіи имѣете. Не женщиной бы ей быть, а мужчиной бы родиться—наипервѣйшимъ министромъ при царѣ была бы. Ну, а бабѣ, извѣстно, путей нѣтъ, только ради мужского сословія и на свѣтѣ-то болтаемся, прости Господи. Не даромъ сказано: курица не птица, женщина не человѣкъ...

Говорунья перевела духъ. Сидѣвшая противъ нея женщина вздохнула.

— Да, и отецъ Іона совѣтовалъ именно къ ней обратиться за утѣшеніемъ въ моихъ печаляхъ,—тихо проговорила она.

— Ужъ чего лучше, чего лучше!—воскликнула шустрая богомолка.—Сама я на себѣ испытала, какъ матушка Серафима поднять духъ человѣка можетъ.

— Вы ее, Варварушка, давно знаете? — послышался вопросъ.

— Годовъ пять,—отвѣтила бойкая бабенка:—съ той самой поры я и просвѣтъ увидала.

Она вопросительнымъ взглядомъ поглядѣла на свою собесѣдницу и съ видимымъ недоумѣніемъ спросила:

— Да нешто я вамъ, Софья Дмитріевна, не говорила?

— Нѣтъ,—отвѣтила слушательница.

— И то сказать, не въ себѣ вы все это время-то были,—сообразила богомолка, какъ бы объясняя то странное обстоятельство, что она еще не разсказала своей спутницѣ о своемъ знакомствѣ съ матушкой Серафимой.

Она быстро обтерла двумя пальцами губы своего чувственнаго, мясистаго рта и, немного наклонившись къ своей спутницѣ, заговорила пониженнымъ ради таинственности голосомъ:

— Грѣхъ тутъ одинъ со мной случился, молода была, глупа была,—пояснила она.—Извѣстно, наше дѣло женское, молодое, неопытное: подъѣдетъ какой-нибудь краснобай, турусовъ на колесахъ наскажетъ: такой, молъ, я и сякой, немазанный, въ золотѣ у меня будешь ходить, на пуховикахъ нѣжиться,—мы, дѣвки, и уши развѣсимъ. Наша се-

стра въ этихъ дѣлахъ, охъ, какъ довѣрчива! А тамъ, смотришь, люди на тебя пальцемъ указываютъ: «ишь до чего догулялась!» Особливо у насъ это въ мѣщанствѣ да въ провинціи, чуть что—всѣ бока тебѣ промоютъ. Наилучшимъ манеромъ дегтемъ вымажутъ. Такъ вотъ, какъ грѣхъ-то со мной приключился, я точно ума рѣшилась и ровно въ туманъ въ какой попала: одно знаю, что сама себя я потеряла, а какъ дальше быть—и ума не приложу. Въ эту-то пору матушку Серафиму мнѣ Господь Богъ и послалъ на спасеніе. Увидала это она меня, запримѣтила, что въ отчаянности я, сжалилась надо мною и призвала къ себѣ. Опросила все: какъ, съ кѣмъ, когда, что дальше дѣлать думаю. А что я тогда дѣлать думала: въ воду съ головой, вотъ и все! Стала усовѣщивать. «Что съ возу упало—пропало,—говоритъ.—Снявши голову, нечего по волосамъ тужить. Прошлое прошло, а надо о будущемъ думать. Отчаянностью грѣха не поправишь. Съ отчаянностью только бо̀льшихъ грѣховъ натворишь. Благодари Бога, что еще руки да здоровье есть, что работать можешь. Съ руками да здоровьемъ нигдѣ не пропадешь. Когда вотъ это у тебя пройдетъ,—говоритъ, а сама-то на меня это пристально смотритъ, на талью-то, а глазъ у нея, что у орла, все сразу разсмотритъ,—такъ я, если захочешь, тебя къ себѣ возьму. Ты мнѣ нравишься. Тамъ-то, у своихъ, тебѣ, можетъ, глаза колоть грѣхомъ станутъ, какъ запримѣтятъ, да обо всемъ разблаговѣстятъ, а здѣсь—работать умѣешь, болѣе ничего мнѣ и не надо. Покуда же уѣхала бы ты отсюда, чтобы разговоровъ меньше было. Въ Москвѣ есть такія женщины, что пріютятъ тебя на-время, а тамъ все и пройдетъ». Итакъ, слово за слово, разговорила она меня, разговорила, повеселѣла я даже. И точно, грѣхъ да бѣда съ кѣмъ не бываетъ. Всѣ не святые. Не согрѣшишь и не покаешься. Ожила я совсѣмъ; духъ у меня опять явился; прежнею дѣвкой я стала. И какъ это все у меня кончилось, такъ я къ ней въ услуженіе и поступила.

— У васъ, Варварушка, ребенокъ, значитъ, былъ?—спросила Софья Дмитріевна тихо.

— Что-жъ, скрываться мнѣ нечего: былъ,—отвѣтила со вздохомъ богомолка и потупила глаза, стараясь придать своему лицу скромное и печальное выраженіе. — Не будь этого, чего бы мнѣ, дѣвкѣ, и тужить...

Ея спутница робко, немного конфузясь, спросила:

— Но вѣдь онъ... онъ, этотъ человѣкъ... значитъ, онъ бросилъ васъ?

— Это вы про губителя-то?—сказала Варвара и съ пренебреженіемъ отвѣтила:—Извѣстно, бросилъ; не бросилъ бы, такъ не то и было бы... Имъ что, охальникамъ-то: взялъ свое и лататы задалъ...

Послышался тяжелый вздохъ ея спутницы. Сама она испытала это. Съ этого и пошли всѣ ея несчастія.

— Такъ, вѣрно, и это васъ убивало?—едва слышно прошептала она.—Ужасное это дѣло—быть брошенной...

— Чего мнѣ о немъ убиваться было?—съ пренебреженіемъ отвѣчала богомолка.—Бросилъ, ну, и прахъ его побери! Обо всякомъ проходимцѣ плакать—глаза выплачешь. Злобу свою на немъ сорвать хотѣлось, это точно; а что насчетъ его самого, такъ плевать мнѣ на него! Срамъ тяжелъ былъ, какъ, бывало, начну думать, что всѣ пальцами станутъ на меня указывать. Вотъ что душеньку мою грызло. Я дѣвка-то была такая, что, бывало, въ церкви стою, а молодцы-то наши не на образа, а на меня глаза таращатъ. А тутъ изъ-за какого-нибудь прощелыги отъ людей приходилось самой туляться за углами... Ну, отъ сраму-то этого я и уѣхала въ Москву, прожила тамъ, пока все кончилось, а потомъ и вернулась въ Чистополье къ матушкѣ Серафимѣ...

— А ребеночекъ? Живъ онъ?—спросила ее молодая женщина.

— А ужъ, право, не знаю,—отвѣтила богомолка.—Я вѣдь не сама его отправила въ воспитательный домъ, а та бабка, у которой я приставала. Матушка Серафима мнѣ ее рекомендовала... Такъ вотъ пріѣхала я сюда, поступила во услуженіе къ матушкѣ Серафимѣ, при пріютѣ въ родѣ няньки и сидѣлки состоять, да такъ съ той поры по большей части при монастырѣ и нахожусь, и при пріютѣ, и по личнымъ дѣламъ матушки Серафимы: въ разъѣзды она меня посылаетъ то въ Москву, то въ Петербургъ...

Она бойко засмѣялась, показывая два ряда крупныхъ и здоровыхъ, бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ.

— Я вѣдь на всѣ руки дѣвка!—весело проговорила она.—Никогда я и не думала, чтобы у меня столько этой шустрости и отваги было. Все-то я сдѣлать могу, все-то смекну, все-то оборудую. Матушка Серафима не даромъ любитъ меня и иногда шутить изволитъ. «Ты, говоритъ, мой Фигаро». Это, можетъ-быть, сами слышали, фигарами называютъ человѣка, коли у него смѣтка эта самая есть. И такъ это мнѣ хорошо, такъ вольно за матушкой Серафимой, что, кажется, предложи мнѣ какой прынецъ выйти за него за-

мужъ—не пойду. Ей-Богу, не пойду! И были такіе, что подкатывались съ предложеніями, да я-то не дура, чтобы не связанныя руки веревками спутывать.

— Вы въ монахини думаете идти?—спросила ее Софья Дмитріевна.

— Что вы! что вы! Чего мнѣ грѣхъ на душу брать?—отвѣтила богомолка чуть не съ испугомъ, отмахиваясь руками.—Съ нашей сестры одно взыскивается, съ монашки другое; что кому по силѣ, за то и берись; я человѣкъ мірской, чревоугодливый, плоть свою люблю.

Она съ широкою улыбкой на лицѣ сладко облизнула свои крупныя губы, отерла ихъ пальцами и опять повторила:

— Нѣтъ, что-жъ мнѣ грѣхъ на душу брать и обѣтами себя обвязывать. Никакого расчету нѣтъ. Я вотъ теперь и жить не въ монастырѣ буду, а съ тетенькой. Одинокими мы теперь остались, домишко въ наслѣдство получили, ну и такъ кое-что еще перепало... Нѣтъ, съ чего же мнѣ въ монашки идти!..

Она засмѣялась и не безъ лукавства замѣтила:

— Ужъ коли замужъ нейду, такъ въ монашки и подавно не слѣдъ такой-то, какъ я, идти. И матушка Серафима это понимаетъ и не подговариваетъ.

Ея собесѣдница начала дремать или, просто, опять впала въ свои неотступныя думы, закрывъ глаза. Это съ ней случалось нерѣдко. Порой, даже тогда, когда ея глаза были открыты, можно было подумать, что она спитъ или, по крайней мѣрѣ, не видитъ и не слышитъ ничего, что дѣлается вокругъ. Богомолка замѣтила это, откинулась назадъ, порылась около себя въ саквояжѣ, вытащила оттуда завернутую въ бумагу, разрѣзанную пополамъ булку, намазанную въ серединѣ масломъ и проложенную двумя кусками мяса, и принялась за ѣду. Она ѣла съ завиднымъ аппетитомъ, вполнѣ погрузившись въ это занятіе, смакуя пережевываемую ѣду и облизывая кончикомъ краснаго языка съ губъ пристававшее къ нимъ масло. «На все люта,—говорила она сама про себя:—и на работу, и на ѣду, и на все такое».

Къ ней незамѣтно подсѣла съ другой скамьи какая-то невзрачная старушонка низенькаго роста, съ темнымъ, изборожденнымъ морщинами лицомъ, похожимъ на сморщенное печеное яблоко, и съ глубоко впавшими, бѣгающими, какъ мыши въ мышеловкѣ, любопытными глазами.

— Издалека ѣдете, матушка? — спросила она бабенку,

вкрадчиво, сладкимъ голосомъ, слегка шамкая беззубымъ ввалившимся ртомъ.

Варвара, оторванная не во-время отъ своего занятія непрошенной собесѣдницей, не особенно дружелюбно взглянула на нее зоркими глазами и, при видѣ вылинявшаго шушуна, надѣтаго на плечи старушонки, и порыжѣвшаго платка, повязаннаго на ея головѣ, невольнымъ движеніемъ подобрала поближе къ себѣ лежавшіе около нея на скамьѣ саквояжъ и узелокъ: «украдетъ еще, чего добраго, что-нибудь».

— Ко святымъ мѣстамъ ѣздили,—отвѣтила она коротко и сухо.

— Изъ Воронежа, значитъ?—вопросительно проговорила старушонка и движеніемъ костлявой и скрюченной руки съ почернѣвшими ногтями, чтобы лучше слышать, сдвинула съ лѣваго уха платокъ, изъ-подъ котораго выбились теперь пряди сухихъ, совершенно сѣдыхъ волосъ, повисшихъ вдоль впалой и почти коричневой щеки.

— И въ Воронежѣ были, и въ Кіевѣ поклонились святымъ угодникамъ, — сказала Варвара отрывисто. — Вездѣ побывали.

— Такъ, такъ! — произнесла старуха, кивая утвердительно головой, и продолжала разспросы:—Вѣрно, по обѣщанію? Сама-то у васъ ровно недужная?

Богомолка молчала.

— Къ угодникамъ за исцѣленіемъ многіе ѣздятъ, — пояснила старуха:—а тоже и знающіе люди нерѣдко помочь могутъ, если тамъ отъ дурного глаза, либо отъ порчи болѣзнь. Заговоръ только нужно знать да травы разныя...

Варвара усердно доѣдала остатки булки, ссыпавъ съ бумаги оставшіяся крошки на ладонь руки и потомъ горстью отправивъ ихъ въ ротъ.

— Въ черномъ-то что она у васъ? Схоронила кого, что ли?—продолжала добиваться старушонка.

— Мужъ померъ!—сухо отвѣтила молодая бабенка, начинавшая, видимо, терять терпѣніе.

— А-а!—многозначительно протянула старуха.—То-то я все присматривалась: не то недужная она, не то не въ своихъ мысляхъ. А оно вотъ что. Мужъ померъ! Экая вѣдь бѣда, поди ты! Видно, молодые оба были, любили больно другъ друга, такъ она и убивается.

Богомолка упорно молчала.

— То-то я присматривалась все,—повторила опять старуха, помолчавъ съ минуту въ ожиданіи отвѣта. — Сидитъ

она, съ мѣста не сдвинется и ровно не въ своемъ умѣ, а въ забвеніи чувствъ. Ну, а вотъ теперь-то оно и понятно: мужа молодого рѣшилась, отчаянность и напала. Бываетъ это съ нашей сестрой. Только знающіе люди и отъ этого помочь могутъ. Смерть—воля Божья. Мертваго не воскресишь слезами. Тутъ не къ святымъ угодникамъ бы надо было тебѣ, матка, везти ее перво-на-перво, а къ знающимъ людямъ. Это дѣло мірское. Тутъ...

— И что ты, бабушка, придумываешь! — не вытерпѣла Варвара, перебивая назойливую старуху.—Вовсе и не молодой онъ былъ, а старый, и не въ немъ тутъ дѣло.

— Ста-арый!—протянула старушонка.—Такъ съ чего же она убивается да по богомольямъ ѣздитъ? Денегъ-то оставилъ на поминъ души?

— И сколько это въ людяхъ любопытства, такъ я и сообразить не могу!—ударивъ себя по колѣнкѣ рукою, воскликнула молодая бабенка съ негодованіемъ.—Вотъ сидитъ человѣкъ, никого не трогаетъ, рта не откроетъ, а другимъ до него дѣло: и какъ, и почему, и отчего. Ну, вотъ захотѣла она ѣздить по святымъ мѣстамъ—и ѣздитъ. Хочется ей по старикѣ-мужѣ плакать—и плачетъ.

— Да она изъ какихъ же будетъ?—спросила старушонка, нисколько не смущаясь рѣзкимъ тономъ собесѣдницы.—Изъ купеческаго сословія али дворянка? По имени-то и прозвищу какъ ее звать?

Варвара окончательно потеряла терпѣніе.

— Ну, матушка, ужъ и умѣешь же ты прилипать, какъ банный листъ, право!—воскликнула она, разводя руками.—Дворянка! Зиминой прозывается Софьей Дмитріевной! Ну, довольно, довольно?

Кто-то слегка захихикалъ позади обѣихъ женщинъ. Варвара обернулась и встрѣтилась взглядомъ съ бойкими черными глазами молодого парня, щеголевато одѣтаго въ синій длинополый сюртукъ и, видимо, не мало занятаго собой. Его черные курчавые волосы были обильно смазаны чѣмъ-то жирнымъ и лоснились; вокругъ его шеи былъ повязанъ ярко-красный шелковый платокъ; черная суконная фуражка съ глянцовитымъ кожанымъ козырькомъ была сдвинута ухарски на одно ухо. По виду это былъ приказчикъ или сидѣлецъ изъ какой-нибудь богатой провинціальной лавки, умѣющій, можетъ-быть, поднадуть и хозяина, и покупателя, и поставить ребромъ перепавшую въ его собственныя руки копейку. Онъ стоялъ за спиной старухи, упершись колѣнями

въ скамью, и, повидимому, не безъ любопытства слушалъ назойливые, забавлявшіе его, разспросы старушонки.

— Какъ это иному до гробовой доски до чужихъ дѣловъ забота есть, а нѣтъ того, чтобы разузнать, не поминали ли самого на томъ свѣтѣ на перекличкѣ,—проговорилъ онъ, плутовато подмигивая Варварѣ.

— Да ужъ есть такія Маремьяны-старицы, что обо всемъ мірѣ печалятся,—отвѣтила Варвара и тоже усмѣхнулась.

— Не хотите ли побаловаться?—предложилъ онъ ей любезно, поднимая надъ спинкой скамьи горсть крупныхъ каленыхъ орѣховъ.

— Благодарствуйте. Зубы берегу!—сказала молодая бабенка и засмѣялась, показавъ два ряда своихъ бѣлыхъ зубовъ.

— Точно-съ и есть, что беречь,—согласился парень и, смѣясь, осклабилъ свои не менѣе бѣлые и ровные зубы.— Съ такими зубами хоть отъ кого отгрызетесь, а это по нынѣшнимъ временамъ первое дѣло.

— Отчего же по нынѣшнимъ?—засмѣялась богомолка, кокетничая.

— Да такъ ужъ. Прежде, говорятъ, по простотѣ и по совѣсти люди жили, а нынче съ подвохомъ больше.

— Такъ что-жъ вы-то своихъ зубовъ не бережете?—пошутила Варвара.

— Мы—особь-статья: мужчины,—пояснилъ онъ и прибавилъ, подмигнувъ глазомъ:—это про женское сословіе говорятъ: что имѣемъ не хранимъ,—потерявши, плачемъ.

— Ну, иная не очень-то къ слезамъ способна!—бойко возразила бабенка.—Слезами-то никого не разжалобишь, а только свои глаза выплачешь.

— Это точно-съ, а иныхъ очей ужъ такъ-то было бы жаль, если бы ихъ да выплакать.

— А и не лѣзете же вы въ карманъ за словомъ!—отпустила она ему любезный комплиментъ.

Онъ пояснилъ:

— По ярмаркамъ ѣздимъ, со всякими людьми нужно умѣть обращеніе имѣть.

— Это точно, большой авантажъ для человѣка, если онъ много людей видѣлъ,—проговорила она.

Въ вагонъ вошелъ кондукторъ и громко произнесъ на ходу: «Чистополье, пятнадцать минутъ остановки».

— Ты что же заспался? — началъ онъ расталкивать кого-то.—Тебѣ куда? Проспишь, а потомъ жалобиться станешь. Эхъ, народецъ!

И, для порядка, съ шумомъ поднялъ чуть ли не въ десятый разъ раму у открытаго, не по положенію, окна съ подвѣтреной стороны, ворча отъ скуки на производящихъ безпорядокъ пассажировъ.

— Ахъ, заболталась я съ вами!—воскликнула Варвара, услыхавъ возгласъ кондуктора.—Намъ вѣдь тутъ слѣзать.

— И мы сюда же ѣдемъ,—проговорилъ молодой торговецъ.

Она завозилась около багажа, разбудивъ Зимину.

— Разсѣлись тутъ! Подвиньтесь. Видите, что чужія вещи лежатъ!—грубо заговорила она, толкая старушонку и вытаскивая изъ-подъ скамьи вещи.

— Гдѣ изволите-съ проживать?—спросилъ ее, слегка наклонившись, молодой любезникъ.

— Около вѣтра въ полѣ,—со смѣхомъ отвѣтила она, вскинувъ на него лукавые глаза.

Ея здоровое, не тронутое ни единой морщинкой, лицо теперь слегка заблестѣло отъ выступившаго на немъ пота и было залито яркимъ румянцемъ до корней волосъ.

— Такъ и запишемъ! — проговорилъ онъ, подмигивая глазами.

— Смотрите, не затеряйте адреса-то, — пошутила она на ходу.

— Что-жъ, можетъ, этотъ самый вѣтеръ-то и надуетъ насъ въ ту сторону, гдѣ проживать изволите,—отвѣтилъ онъ, тоже смѣясь.—Наше вамъ нижайшее.—До скораго!

Она уже не слушала его. Всѣ стали выходить изъ вагона. Въ дверяхъ было тѣсно. Варварѣ надо было тащить багажъ и въ то же время оберегать Зимину, едва державшуюся на ногахъ. Кто-то, весь нагруженный мѣшками, съ топоромъ за поясомъ и пилой въ рукахъ, перъ прямо на народъ...

II.

На землю спускались мглистыя сумерки осенняго вечера, когда Софью Дмитріевну Зимину ввели въ маленькую комнатку, отведенную ей въ странноприимномъ деревянномъ флигелѣ при женскомъ чистопольскомъ монастырѣ. Ввела ее въ эту комнату монахиня съ угловатыми манерами, съ зоркими проницательными глазами, имѣвшими способность въ одну минуту высмотрѣть все, что нужно, и тотчасъ же смиренно опускавшимися внизъ. Костистая, сухая, широколицая, съ грубою кожею, напоминавшею больше выростокъ, чѣмъ человѣческое тѣло, она походила скорѣе на мужчину, чѣмъ на женщину, и даже ея голосъ, какъ она ни старалась

смягчать его, звучалъ басоватыми мужскими нотами. Глядя на нее, въ ней сразу можно было угадать бывшую «мужичку». Это была сестра Дорооея, бывшая крѣпостная горничная матушки Серафимы, пережившая тѣ времена, когда провинившимся дворовымъ дѣвкамъ обрѣзали косы и даже не стѣснялись поркою, а теперь—«въ родѣ какъ адъютантъ изъ лазутчиковъ, она при матушкѣ Серафимѣ», недружелюбно говорила про нее Зиминой Варвара, разсказывая о монастырскихъ порядкахъ и людяхъ.

— Самоварчикъ, можетъ-быть, съ дорожки потребуете,— предложила она вкрадчиво Софьѣ Дмитріевнѣ, помогая ей снять верхнюю одежду и вскидывая на нее свои всевидящіе и всеподмѣчающіе глаза.—У насъ это мигомъ. На кухнѣ всегда самовары грѣются. Страннаго человѣка тоже и пріютить, и обогрѣть надо.

— Благодарю васъ, матушка,—отвѣтила усталымъ голосомъ Зимина.—Я лучше лягу и отдохну. Измаялась дорогой.

— Христосъ съ вами, Христосъ съ вами, отдохните!— проговорила Дорооея, опять незамѣтно вскидывая на нее глазами, и въ ея головѣ мелькнула мысль: «краше въ гробъ кладутъ».—А матушка игуменея васъ завтречка приметъ. Теперь отдыхать изволитъ. Тоже заботъ и хлопотъ полонъ ротъ у матушки игумении. За всѣмъ свой глазъ нуженъ.

И, понижая тонъ, она сдѣлала извѣтъ на покойную настоятельницу монастыря.

— Приняла-то матушка Серафима все въ запущеніи. Покойная-то матушка игуменея слѣпа была и характеромъ слаба, запустила многое. А люди этимъ пользуются по бѣсовскому наущенію. Бѣсъ-то и въ міру силенъ, а здѣсь еще больше старается...

Зимина устало повторила, что она не будетъ пить чаю, желая избавиться отъ матери Дорооеи, которую она уже не любила и даже опасалась, еще и не зная.

— Отдохнуть мнѣ надо!—сказала она.

Мать Дорооея заторопилась прибрать къ сторонѣ салопъ, платокъ и шляпку Зиминой, повѣсивъ всѣ эти вещи на большіе гвозди, вбитые въ стѣну, и, бросивъ испытующій взглядъ на багажъ пріѣзжей женщины,—какъ бы желая разгадать, что можетъ заключаться въ этихъ маленькихъ чемоданѣ и саквояжѣ,—слащаво повторила:

— Отдохните, отдохните съ Богомъ! Тутъ у насъ воздухъ вольный, всѣ болѣсти какъ рукой сниметъ. Тѣлу исцѣленіе, душѣ спасеніе...

Она вышла, стараясь не стучать грубой обувью и тяжелыми ногами.

Софья Дмитріевна осталась одна и широко вздохнула усталой грудью. Давно ей не приходилось быть одной, почти съ самой смерти ея мужа. Сначала, когда онъ умеръ, она даже боялась оставаться безъ людей. Какъ останется, бывало, она одна, такъ тотчасъ же ей снится и наяву, и во время сна та страшная ночь, когда онъ кашлялъ, хрипѣлъ, бился и, наконецъ, затихъ: «Проклятая, проклятая, это я его задушила!» И тотчасъ же, при этомъ воспоминаніи, съ нею начиналась истерика. Никто не зналъ причины этихъ припадковъ и всѣ утѣшали ее, ухаживали за ней. Тетка покойнаго ея мужа, Марья Ивановна Шустова,—этотъ циникъ въ юбкѣ,—старалась доказать ей, что потеря нелюбимаго мужа скорѣе счастіе, чѣмъ бѣда, что при молодости и деньгахъ вдова всегда найдетъ себѣ новаго мужа. Варварушка, приглашенная ходить потомъ, во время болѣзни, за больною Зиминой, говорила почти то же, съ тою только разницею, что, по ея мнѣнію, если женщина свободна да при деньгахъ, то ей и вовсе не слѣдуетъ себя «обвязывать», что можно и безъ всякаго мужа хорошо пожить. Старикъ-священникъ, отецъ Іона, бывшій духовникомъ покойнаго Зимина, совѣтовалъ Зиминой молиться, съѣздить къ угодникамъ Божіимъ на поклоненіе, такъ какъ только они даютъ болѣзнямъ исцѣленіе и печалямъ утоленіе. Ходившая за больною Варварушка рѣчей отца Іоны не оспаривала; потому что и сама она ничего, послѣ ѣды, не любила такъ сильно, какъ странствовать изъ мѣста въ мѣсто при извѣстныхъ удобствахъ и комфортѣ, и предложила Софьѣ Дмитріевнѣ свои услуги проводить ее и въ Кіевъ, и въ Воронежъ. Вотъ и объѣздила она, Зимина, святыя мѣста, вездѣ молилась, вездѣ служила панихиды за упокоеніе души усопшаго раба Божія Леонида, а въ ея душѣ все нѣтъ желаннаго покоя. Не за его душу надо было молиться, а за ея грѣшную, окаянную душу! Онъ былъ святымъ человѣкомъ въ сравненіи съ ней. Она—окаянная убійца! Никакихъ совѣтовъ не давали бы ей люди, если бы знали, что она сдѣлала, а просто отдали бы ее въ руки судей, и сослали бы тѣ ее на каторгу. Можетъ-быть, тамъ ей даже легче бы стало; наказаніемъ грѣхъ искупился бы. А онъ-то, мужъ-то ея, развѣ ожилъ бы отъ этого? Убійцу какъ ни суди, куда ни ссылай—все онъ будетъ убійцей и передъ людьми, и передъ Богомъ...

Она присѣла на жесткій стулъ у окна и стала безцѣльно смотрѣть на монастырскій дворъ. Онъ весь былъ полонъ досокъ, бревенъ, кирпичей и булыжника. Сразу было видно, что здѣсь все перестраивается, передѣлывается, обновляется. «Матушка Серафима—строительница», вспомнились Зиминой слова Варвары. Что это за женщина, къ которой совѣтовали ей заѣхать и отецъ Іона, и Варвара, разсказывавшая съ восторгомъ, какъ умѣетъ матушка Серафима всякаго разговорить? Да развѣ ее-то, Софью Дмитріевну, можно разговорить? Она даже и не скажетъ матушкѣ Серафимѣ своего горя, тяготы своей душевной—умретъ, а не скажетъ. Мужа придушила! И за что придушила? Ей вспомнилось все прежнее. Почти дѣвочкой осталась она послѣ смерти своей полусумасшедшей бабки-генеральши, не хотѣвшей признавать освобожденія крестьянъ и разсердившейся за эту эмансипацію на весь міръ. На улицу ее вышвырнули тогда родственники въ одномъ платьѣ и Богъ-вѣсть, что было бы съ ней, если бы ее не пріютилъ у себя онъ, ея покойный мужъ, содержавшій гласную кассу ссудъ. Онъ тогда былъ уже и не особенно молодъ, и чахоткой страдалъ, но какъ онъ ее полюбилъ!—тиранилъ, терзалъ своей любовью, то чуть не убивая ее отъ ревности, то валяясь у нея въ ногахъ съ просьбами о прощеніи. А она? Глупа она была тогда, какъ вполнѣ неопытный ребенокъ: не понимала, что это-то и есть настоящая любовь. И измѣнила она ему, прельстившись смазливымъ личикомъ перваго встрѣчнаго офицерика, приходившаго къ нимъ въ кассу закладывать вещи и отъ скуки заигрывавшаго съ ней. Какихъ страховъ натерпѣлась она, назначая свиданія своему возлюбленному! И чѣмъ за все это онъ, губитель, отплатилъ ей? Фальшивые векселя ради него она выдавала; сама терзалась ревностью, чувствуя, что онъ ей измѣняетъ; задушила своими руками уже умиравшаго мужа, чтобы спасти себя и своего губителя отъ скамьи подсудимыхъ, чтобы заставить этого губителя жениться на ней, и въ ту минуту, когда былъ совершенъ уже смертный грѣхъ, она узнала, что тотъ, обольститель ея—душегубъ, злодѣй—женится на другой.

— На немъ грѣхъ мой, на немъ, проклятомъ! — мрачно прошептала она.—О, вотъ кому сказала бы, что я, я вотъ этими руками придушила мужа изъ-за него, проклятаго! Пусть бы терзался, какъ я терзаюсь!..

Ея глаза устремились тупо въ пространство.

Черезъ дворъ проходили то въ ту, то въ другую сторону

фигуры монахинь. Однѣ шли плавной, чинной поступью совершенно спокойныхъ и безмятежныхъ людей, которымъ какъ будто не о чемъ было думать, некуда было спѣшить, нечѣмъ было волноваться; другія шагали твердо и быстро, размахивая руками, какъ дѣловитые чернорабочіе люди, спѣшащіе исполнить возложенный на нихъ тяжелый трудъ и поглощенные всецѣло мыслью объ этомъ трудѣ. Никогда ей, Зиминой, не походить ни на тѣхъ, ни на другихъ—ни дойти до этой безмятежности, ни окунуться съ головой до самозабвенія въ черный трудъ. Но отчего же? Можетъ-быть, матушка Серафима совершитъ чудо, «разговоритъ» ее; вѣдь и другія женщины поступали сюда не отъ радости, имѣли свои печали, свои грѣхи?

— Грѣхи, грѣхи!—почти вслухъ сказала она, стиснувъ мрачно зубы.—Какіе у нихъ грѣхи передъ моимъ грѣхомъ! Онѣ про свои грѣхи говорить могутъ, а я...

Она пугливо оглядѣлась, точно боясь, что кто-нибудь можетъ подслушать ее. Въ комнатѣ уже было совсѣмъ темно, и только свѣтъ теплившейся лампады разливалъ въ переднемъ углу слабый ровный свѣтъ. Зимина устремила глаза на образъ, висѣвшій въ углу. Это было изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Живопись была очень тонкая, нѣсколько зализанная, блестѣвшая новымъ лакомъ. Лица Богоматери и Младенца Іисуса, ихъ одѣянія, все это не напоминало обыкновенныхъ образовъ и скорѣе походило на картину свѣтскаго содержанія, чѣмъ на образъ. «Это, вѣрно, здѣсь въ школѣ дѣлано»,—подумала Зимина, вспомнивъ, что Варвара говорила ей о стремленіи матушки Серафимы обучить нѣкоторыхъ молоденькихъ послушницъ живописи. «Да, должно быть, что здѣсь дѣлано, а то такъ не рисуютъ образовъ»,—продолжала думать Зимина. «Матушка Серафима любитъ, чтобы все покрасивѣе было»,—вспомнила она слова Варварушки. «Недаромъ даже при дворѣ она бывала въ ранней молодости»,—продолжала думать Софья Дмитріевна. «Какъ же она въ монахини попала? Зачѣмъ? Тоже грѣхъ какой-нибудь былъ? Можетъ-быть, потому-то она и умѣетъ разговаривать людей, подкрѣплять ихъ? Какъ-то она приметъ ее, Зимину?» Она начала представлять въ своемъ воображеніи фигуру матушки Серафимы, ея пріемъ...

— Ахъ ты, Господи Боже мой, да вы и не ложились, кажись!—послышалось восклицаніе матери Дороѳеи, прикоснувшейся рукой къ плечу Зиминой.—А ужъ я подумала,

не приключилось ли что съ вами. Стучала, стучала въ двери, а отъ васъ ни гласа, ни послушанія...

Зимина съ трудомъ подняла голову и осмотрѣлась кругомъ мутными глазами: на дворѣ уже стоялъ бѣлый день. Она проспала всю ночь сидя, опустивъ голову на руки, положенныя на подоконникъ. Когда она припала лицомъ на руки, долго ли находилась въ этомъ положеніи—она сама не знала. Должно-быть, однако, что такъ проведена была вся ночь, такъ какъ ея тѣло отъ неловкаго положенія было какъ бы изломаннымъ, а на малокровномъ лицѣ, на щекѣ и на лбу врѣзались глубоко отпечатки отъ складокъ рукава правой руки, на которой она проспала ночь; по этой рукѣ бѣгали теперь мурашки и ее слегка покалывало, какъ иголками.

— Оправьтесь, напейтесь чайку да и къ матушкѣ игуменеи идти надо,—сказала мать Дороѳея.—Вонъ она уже на постройкахъ ходитъ.

Софья Дмитріевна полусознательно взглянула въ окно на дворъ и какъ бы замерла, жадно вглядываясь въ ту женщину, отъ которой она ждала облегченія въ своихъ печаляхъ. На дворѣ, среди строеній, слегка подобравъ одной рукою подолъ платья, проходила высокая и все еще стройная, несмотря на начинавшуюся полноту, женщина. За нею шелъ безъ шапки какой-то мужикъ или купецъ, должно-быть, подрядчикъ, указывавшій ей не оканчиваемое строеніе. Смотря на нее, можно было сразу сказать, что она сумѣла бы носить всякую одежду, даже менѣе красивую, чѣмъ ея черный и длинный монашескій костюмъ. Каждая складка ловко и живописно лежала на ея величавой фигурѣ, а манера приподнимать слегка длинную рясу обличала привычку граціозно приподнимать длинные трены модныхъ платьевъ и придворныхъ шлейфовъ. Величавость и горделивость ея фигуры, ея осанки, ея поступи еще сильнѣе оттѣнялись тѣмъ видимымъ подобострастіемъ, съ какимъ относились къ ней окружающіе: мужики торопливо снимали шапки при видѣ ея, встрѣчавшіяся монахини и послушницы кланялись ей чуть не до земли. Софью Дмитріевну, никогда не отличавшуюся особенною смѣлостью, теперь охватила невыразимая робость при видѣ этой женщины и въ душѣ вдругъ проснулось желаніе уѣхать, скорѣе уѣхать, даже не повидавшись съ нею. И чего ей видѣться съ нею? Развѣ она можетъ ей-то помочь? Развѣ она можетъ разговорить ее, когда сами святые угодники не облегчили ея окаянной души? Но отступать было поздно, отступленіе могло вызвать раз-

ные толки, подозрѣнія; надо было перенести это свиданіе, каково бы оно ни было.

Зимина стала торопливо умывать лицо и руки, пригладила кое-какъ свои сухіе волосы, привела, насколько было возможно, въ порядокъ свой туалетъ.

Не прошло и получаса, какъ мать Дороѳея уже вела Зимину къ домику, занимаемому настоятельницей и носившему среди монахинь названіе «пустыньки». Это былъ небольшой, похожій на обыкновенную дачу, домъ съ балконами и террасами, окруженный небольшимъ садикомъ. Этотъ полный цвѣтовъ садикъ составлялъ часть монастырскаго, густо разросшагося сада, отъ котораго онъ отдѣлялся только легкой рѣшеткой. Деревья уже роняли свои листья и производили странное впечатлѣніе своей пестротой: пучки еще уцѣлѣвшей то тутъ, то тамъ яркой зелени мѣшались съ массою желтой листвы всѣхъ оттѣнковъ, кончая ярко-красными и коричневыми цвѣтами кленовыхъ листьевъ; среди этихъ, еще сохранившихъ свой нарядъ, деревьевъ торчали, какъ скелеты, уже совершенно голыя деревья, непріятно раскидывая въ стороны и поднимая къ небесамъ свои вѣтви-лапы, точно напоминая о смерти, и тутъ же, рядомъ съ ними, свѣшивались внизъ, точно кораллы, кисти ярко-красной рябины. Цвѣтовъ въ монастырскомъ саду не было и только въ садикѣ «пустыньки» они являлись въ изобиліи. Здѣсь, въ куртинахъ, еще не увядала лѣтняя жизнь, и пестрыя астры, георгины и штокъ-розы, а кое-гдѣ и остатки позднихъ настурцій, петуній и цинній оживляли картину увяданья природы, о которомъ говорили здѣсь только шуршавшіе подъ ногами сухіе листья, безшумно кружившіеся въ воздухѣ и падавшіе на аллеи.

Мать Дороѳея ввела Зимину въ домъ матушки Серафимы черезъ обставленную миртами, гортензіями и геранями террасу, и оставила ее одну, шепнувъ ей подобострастнымъ тономъ:

— Подождите!

Комната, гдѣ осталась Софья Дмитріевна, обличала сразу, что матушка Серафима любитъ и удобства, и украшенія. Масса выхоленныхъ цвѣтовъ, гардины у оконъ и салфетки на столахъ замѣчательной работы, подушки на диванѣ и скамеечки для ногъ, испещренныя вышитыми букетами цвѣтовъ, писанныя масляными красками тонкой работы картины духовнаго содержанія, дорогое піанино у стѣны, бронзовые подсвѣчники и лампады,—все это говорило, что здѣсь

живетъ женщина, отличающаяся изящнымъ вкусомъ и умѣющая устроиться въ своемъ гнѣздышкѣ. Зимина не рѣшалась сѣсть и, съ сильно бьющимся сердцемъ, осталась стоять въ ожиданіи матушки Серафимы, чувствуя, что вотъ-вотъ начнется ея истерика. Она сильно боялась этихъ припадковъ, во время которыхъ не отдавала себѣ отчета въ своихъ словахъ.

Ждать пришлось, однако, не долго. Дверь, за которой скрылась мать Дороѳея, безшумно отворилась.

Въ комнату вошла матушка Серафима, величавая, стройная, хранившая еще слѣды былой красоты. Ее портили теперь только черныя, слишкомъ загустѣвшія брови, придававшія какое-то особенно рѣзкое и суровое выраженіе ея лицу. Она окинула своимъ зоркимъ и спокойнымъ взглядомъ стоявшую передъ ней Зимину. Эта маленькая, преждевременно поблекшая фигурка теперь, казалось, еще болѣе принизилась и олицетворяла собой страхъ, смущеніе, стыдъ. Она и безъ того казалась самой себѣ такою ничтожной, жалкой, преступной, а тутъ ей приходилось еще стоять передъ этой женщиной, объ умѣ и добродѣтели которой такъ много говорили ей еще вчера и одна фигура которой съ часъ тому назадъ такъ смутила ее своей величавостью.

— Мнѣ говорили, что вы желаете пожить и отдохнуть нѣкоторое время въ нашей обители?—начала мать Серафима, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ склонившуюся невольнымъ движеніемъ къ ея рукѣ Зимину, и, сѣвъ въ кресло у преддиваннаго стола, пригласила ее легкимъ знакомъ руки занять мѣсто на противоположномъ креслѣ.

— Да... я... я не въ монахини хочу вступить, но...—начала Зимина, потупляясь и путаясь.

Теперь ей уже ничего не хотѣлось, какъ только уѣхать скорѣе отсюда отъ любопытныхъ глазъ матери Дороѳеи, отъ гордаго взгляда матушки Серафимы.

— Вамъ сколько лѣтъ?—спросила мать Серафима.

Зимина прошептала, сколько ей лѣтъ.

— Только? — сказала матушка Серафима и съ удивленіемъ всмотрѣлась въ это смятое лицо.—Вы, вѣрно, много пережили?

Зимина, не отвѣчая на этотъ вопросъ, вдругъ разрыдалась, точно она не ждала вопроса.

Матушка Серафима переждала немного и снова спросила:

— Вы вѣдь вдова?

— Да... я... я была замужемъ,—отвѣтила Зимина.

— Несчастливо?

— О, очень! очень!.. Мой мужъ...

Зимина опять расплакалась.

— Давно онъ умеръ?—спросила матушка Серафима.

— Нѣтъ, нѣтъ... я... Онъ... недавно умеръ...

Матушка Серафима всматривалась пристально въ лицо Зиминой, какъ бы стараясь прочитать что-то въ ея душѣ. Ее интересовала эта личность, о которой ей такъ много непонятнаго разсказывала Варвара. Потеряла стараго, повидимому, нелюбимаго мужа, получила большое наслѣдство и не можетъ прійти въ себя отъ горя.

— Разскажите мнѣ свою исторію,—неторопливо сказала она.—Я должна знать, кто вы, что привело васъ сюда.

Зимина почти съ ужасомъ взглянула на нее, и этотъ ужасъ не ускользнулъ отъ пытливаго вниманія матушки Серафимы. Она еще внимательнѣе стала всматриваться въ молодую женщину, желая вполнѣ проникнуть въ ея душу.

— Что же мнѣ разсказывать? — проговорила растерянно Зимина.—Мнѣ нечего разсказывать.

— Гдѣ вы росли, гдѣ воспитывались?—спросила матушка Серафима.

— Сиротой взяла меня бабушка, — отвѣтила Зимина. — Строгая она, сердитая была. Когда крестьянъ отобрали, она начала сердиться на всѣхъ за это. Мнѣ больше всѣхъ доставалось. Я, какъ въ монастырѣ, росла. Сперва мы богаты были, гувернантка при мнѣ жила. Потомъ бабушка совсѣмъ обѣднѣла, закладывала свои вещи и умерла. Родные бабушки пріѣхали, сказали, что я незаконная дочь своего папы, и выгнали меня. Я на улицѣ осталась съ голоду умирать.

Она говорила совсѣмъ такъ, какъ дѣти разсказываютъ, коротенькими фразами, припоминая, что за чѣмъ слѣдуетъ, что еще надо сказать.

— Кто же васъ спасъ?—продолжала разспрашивать мать Серафима.

— Онъ спасъ, онъ, — пробормотала Зимина и разрыдалась.—Безъ него я умерла бы, а онъ спасъ. Встрѣтилъ на улицѣ, взялъ къ себѣ и спасъ... Благодарить бы его я должна, а я, окаянная...

Она вдругъ испуганно смолкла и какъ-то дико оглядѣлась кругомъ, точно желая убѣдиться, не подслушалъ ли кто ея тайныхъ мыслей, которыхъ она твердо рѣшилась даже на духу священнику не высказывать.

— О комъ вы говорите?—спросила невозмутимо матушка Серафима.—Кто это онъ?

— Леонидъ Григорьевичъ, мой мужъ,—упавшимъ голосомъ отвѣтила Зимина, стараясь овладѣть собою. — Онъ меня встрѣтилъ, разспросилъ обо всемъ. Бабушку онъ зналъ. Ее всѣ знали на Петербургской сторонѣ. Мальчишки за ней бѣгали, какъ за сумасшедшей. Онъ увидалъ, что мнѣ некуда идти, и взялъ къ себѣ служить конторщицей. Конторщикъ у него умеръ, онъ за конторщика меня и взялъ. Ну, а потомъ я понравилась ему, онъ и женился на мнѣ.

Матушка Серафима продолжала выспрашивать, вытягивая слово за словомъ у Зиминой. Онъ держалъ гласную кассу ссудъ. Онъ былъ некрасивъ, уже не молодъ, и носилъ въ груди зародыши чахотки. Его раздражала каждая мелочь, такъ что съ нимъ было трудно ужиться. Онъ все боялся обѣднѣть, такъ какъ уже испыталъ, что значитъ быть бѣднымъ...

— Онъ васъ любилъ?—неожиданно спросила игуменья.

— О... о... любилъ, а я окаянная!—раздалось восклицаніе Зиминой, и снова ее охватилъ ужасъ.

Положительно ей не слѣдовало говорить о мужѣ, вспоминать прошлое, а тутъ ее разспрашиваютъ.

— Вы не любили его, — проговорила матушка Серафима и, не дождавшись отвѣта, спросила:—Вы ушли отъ него?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Зимина.

— Значитъ, вы обманывали его?—спросила матушка Серафима.

Зимина молчала, сидя съ опущенной головой.

— Васъ обманулъ другой? — допрашивала матушка Серафима.

— О, проклятый, проклятый! — воскликнула Зимина. — Онъ погубилъ меня, душу мою погубилъ! Изъ-за него совершила...

Опять на ея лицѣ отразился ужасъ. Матушка Серафима сухо проговорила:

— Враговъ нужно прощать!

— Прощать! прощать!—воскликнула съ жаромъ Зимина.— Какъ простить, когда онъ счастливъ? Онъ поигралъ со мною и бросилъ меня, а я, окаянная, изъ-за него на душу грѣхъ взяла. Я прощу, а меня Господь не проститъ, не отмолю я никогда своего грѣха.

— Богъ внемлетъ молитвѣ покаявшихся грѣшниковъ, —

опять такъ же сухо проговорила мать Серафима.—Вашъ мужъ не зналъ вашего проступка?

— Нѣтъ, нѣтъ!—заторопилась отвѣтить Зимина.

— Значитъ, его послѣднія минуты не были отравлены вами?

Зимина стиснула зубы, чтобы не говорить.

— Вотъ если бы вы точно убили его...

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы! Кто это вамъ сказалъ?—воскликнула съ ужасомъ Софья Дмитріевна, едва переводя духъ и глядя на мать Серафиму расширенными, дико блуждающими глазами.

— Вѣдь его же могло бы убить извѣстіе о вашей измѣнѣ, — пояснила матушка Серафима.—Вы сами говорили, что онъ безумно любилъ васъ.

Зимина молчала, стараясь успокоиться, собраться съ силами.

— Онъ умеръ на вашихъ рукахъ? — спросила матушка Серафима, не спуская съ нея глазъ.

Зимина опять разрыдалась истерическими рыданіями. Изъ ея груди вырывались теперь какіе-то дикіе крики:

— Не могу, не могу!.. Охъ, я, окаянная!.. Не могу!..

Матушка Серафима продолжала холодно вглядываться въ нее и странныя мысли бродили теперь въ ея головѣ. Не убила ли она мужа? Не ускорила ли она его смерти? Эти мысли приходили ей въ голову и тогда, когда Варвара отдавала ей подробный отчетъ о Зиминой. Матушка Серафима тогда такъ и спросила прямо:

— Что она убила его, что ли?

Варвара тогда даже засмѣялась:

— Да вы, матушка, взгляните на нее: комара ей не убить.

Теперь матушка Серафима глядѣла на нее и опять задумалась надъ вопросомъ: не убила ли она мужа? Неужели она, эта маленькая, тщедушная, ничтожная и жалкая женщина,—убійца? Какъ знать! Эти ничтожныя натуры могутъ въ минуту вспышки совершить преступленіе и только не могутъ потомъ смѣло смотрѣть на людей. По ея лицу скользнуло высокомѣрное выраженіе брезгливости и презрѣнія. Оправившаяся немного Зимина подняла глаза на матушку Серафиму и увидала это презрительное, уничтожающее выраженіе на ея лицѣ. Она какъ-то съежилась, принизилась, притихла, точно ее застали на мѣстѣ преступленія и вмѣсто всякаго наказанія презрительно ткнули ногой въ лицо, какъ гадину.

— Вамъ надо много поработать для спасенія своей души,— сказала сухо и холодно мать Серафима, поднимаясь съ мѣста и выпрямившись во весь ростъ.

— О, о, только не гоните меня, не гоните,—воскликнула Зимина, сама не сознавая, что она говоритъ, и упала передъ матушкой Серафимой на колѣни, ловя ея руку.

Матушка Серафима съ непобѣдимымъ инстинктивнымъ отвращеніемъ отдернула свою руку, проговоривъ почти сурово:

— Не надо! не надо!

Въ ея головѣ мелькнула мысль, что вотъ эти самыя руки, ловящія ея руку, быть-можетъ, обагрены человѣческою кровью.

— Вамъ нуженъ прежде всего отдыхъ,—проговорила она, дѣлая надъ собой усиліе.—Я пришлю къ вамъ Дороѳею...

Она быстро пошла изъ комнаты, оставивъ Зимину почти лежащею на полу.

III.

Варварушка,—жившая теперь не въ монастырѣ, а въ своемъ домѣ, со старухой-теткой, ходившей по богомольямъ и читавшей псалтирь надъ покойницами,—забѣжала, на другой день послѣ возвращенія въ Чистополье, къ Софьѣ Дмитріевнѣ. Послѣдняя только-что вернулась въ свою комнату послѣ свиданія съ матушкой Серафимой и почти безъ чувствъ лежала на постели. Давно уже не чувствовала она себя такъ скверно, какъ теперь. Не безъ щемившаго ей сердце страха шла она къ матушкѣ Серафимѣ, наслышавшись вездѣ, и въ Петербургѣ, и въ разныхъ монастыряхъ, объ ея умѣ, объ ея проницательности, объ ея добродѣтеляхъ, но никакъ не ждала она того, что случилось. Матушка Серафима, какъ показалось Зиминой, сразу увидала въ ней убійцу и почти оттолкнула ее, какъ бы сказала ей: «нѣтъ прощенія тебѣ, окаянной». Это повторяла себѣ и сама Зимина со дня смерти своего мужа, особенно послѣ того памятнаго ей дня, когда нашли завѣщаніе покойнаго Зимина, сдѣлавшаго его тайкомъ отъ всѣхъ и завѣщавшаго все своей женѣ, помимо своего двоюроднаго брата Ѳедора Семеновича Зимина. Это завѣщаніе было какъ бы загробной местью со стороны покойника. Тогда, въ этотъ памятный день, Софью Дмитріевну Зимину точно обухомъ ударили по головѣ, и она чуть не покаялась публично, что именно она убила своего мужа, что нѣтъ ей, окаянной, прощенія ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ, теперь вотъ это же, какъ будто, сказала и та женщина,

отъ которой она ждала утѣшенія,—того утѣшенія, котораго она тщетно искала у святыхъ угодниковъ, посѣщая съ Варварушкой разныя святыя мѣста.

Она лежала, какъ убитая, не думая даже о томъ, что теперь дѣлать, бѣжать ли, куда глаза глядятъ, молиться ли еще усерднѣе о прощеніи грѣховъ. Она очнулась, когда Варварушка раза два окликнула ее своимъ пѣвучимъ, мягкимъ голосомъ.

— Что съ вами опять, голубушка, приключилось?—спросила Варварушка, видя, что Софья Дмитріевна, наконецъ, открыла мутные глаза.

Зимина взглянула на нее, недоумѣвая, не сразу узнавъ Варварушку.

Варварушка была, дѣйствительно, неузнаваема: она была одѣта нарядно, пестро, голова уже не покрывалась чернымъ платкомъ, а обвивалась, какъ вѣнцомъ, густыми, мелко заплетенными въ широкій аграмантъ косами, съ которыхъ былъ сброшенъ на шею пестрый шелковый платокъ.

— Что вы такъ смотрите на меня? — заговорила съ тихимъ смѣхомъ Варварушка, сознавая, что она очень красива въ новомъ нарядѣ и въ новой прическѣ. — Въ черномъ-то я въ дорогѣ только бываю. Подлипалы-то чернаго боятся. А такъ-то — вольный я человѣкъ, во что захочу, въ то и наряжусь. И, признаться, надоѣло мнѣ это черное-то одѣяніе, ровно въ травурѣ по своей молодости ходишь. А я дѣвка еще молодая, покрасоваться хочу... Ну, да что обо мнѣ толковать! Вы-то, голубушка моя, съ чего опять разнемоглись? Съ дороги измаялись нешто?

Зимина начала слезливо жаловаться.

Была она у матушки Серафимы. Душу она ей всю раскрыла, а та ни слова привѣтливаго, ни слова утѣшенія не сказала. Точно судья на допросѣ, все выспрашивала, какъ и что, точно уличить ее въ чемъ хотѣла. Не въ чемъ ее уличать! Ей въ печаляхъ утѣшеніе нужно, а она, матушка-то Серафима, точно судить ее за что вздумала.

Въ голосѣ Зиминой слышалась не одна слабость, но и нѣкоторая раздражительность противъ матушки Серафимы, нѣкоторая непріязнь.

— Нѣтъ, видно, мнѣ здѣсь не житье. Я тишины и спокойствія ищу, утѣшенія въ печаляхъ, а не грубостей,—закончила она почти рѣзкимъ, суровымъ и враждебнымъ тономъ, который со смерти мужа сталъ нерѣдко проявляться въ ея голосѣ.

Варварушка всполошилась.

Какъ же это такъ она уѣдетъ? Варварушка обѣщала матушкѣ Серафимѣ, что Зимина монастырю поможетъ изъ своихъ большихъ средствъ, и разсчитывала сама при Зиминой въ родѣ компаньонки и совѣтницы быть, и вдругъ она уѣдетъ. Куда? Ужъ не къ той ли противной старухѣ— теткѣ покойнаго Зимина, Марьѣ Ивановнѣ Шустовой, которую сразу не взлюбила Варварушка, познакомившись съ ней въ Петербургѣ? Старуха не промахъ, сумѣетъ втереться къ Зиминой въ расположеніе, даромъ что злобствуетъ въ душѣ на нее за то, что ей все мужъ предоставилъ, помимо сынка самой Марьи Ивановны, Ѳедора Семеновича Зимина. Она и ко святымъ мѣстамъ отговаривала Зимину ѣхать. Говорила, что всѣ эти богомолья — пустяки, для простыхъ бабъ придуманные. Еще бы! около денегъ кому не лестно быть.

— Полноте, голубушка моя! — воскликнула Варварушка неподражаемо-льстивымъ тономъ, и стала гладить и цѣловать исхудалую крошечную руку Софьи Дмитріевны. — Матушка Серафима — строгой жизни человѣкъ. Съ перваго взгляда она суровой кажется, и по сану ея это полагается, а въ сущности ангелъ это, какъ есть ангелъ, а не женщина!

— Оставила меня чуть не мертвую на полу, чувствъ я лишилась,—продолжала жаловаться Зимина: — выслала помочь мнѣ эту противную соглядатайшу, мать Дороѳею. Да я ради нея одной не останусь здѣсь. Именно лазутчица, какъ ты мнѣ говорила. Глаза такъ и сверкаютъ, какъ у змѣи...

— Плюньте вы на нее! — сказала пренебрежительно Варварушка.—Захотите вы, она и на глаза вамъ не покажется. Какъ въ воду канетъ! Вы не даромъ здѣсь жить будете, а за свои деньги. Какъ захотите, такъ и устроитесь. Матушка Серафима вамъ все предоставитъ. Вы вотъ теперь сосните, отдохните, Христосъ съ вами, а тамъ и увидимъ, что дѣлать. Чайку-то пили?

Зимина не хотѣла чаю. Ей нуженъ былъ только отдыхъ. Варварушка уложила ее поудобнѣе, подправила подъ ея головой подушку и, продолжая гладить ея руку, какъ малаго ребенка, усыпила ее своими ласковыми, пѣвучими рѣчами. Зимина, съ перваго же дня знакомства съ Варварушкой, успокаивалась и утихала отъ ея ласкъ, отъ ея пѣвучихъ рѣчей. Это былъ единственный человѣкъ, умѣвшій облег-

чать ея больную душу. Увидѣвъ, что Зимина уснула, Варварушка на цыпочкахъ вышла изъ комнаты и неслышно заперла за собою двери. Она направилась къ матушкѣ Серафимѣ и застала ее ходящею со сдвинутыми бровями взадъ и впередъ по комнатѣ. Это былъ вѣрный признакъ того, что матушка Серафима была чѣмъ-то взволнована и недовольна. Въ такихъ случаяхъ она не знала устали и, какъ въ клѣткѣ, ходила по своей комнатѣ, переживая внутреннюю борьбу.

— А, это ты,—отрывисто сказала она, увидавъ вошедшую къ ней, съ ея благословенія, Варвару.

Варвара смиренно поцѣловала ея руку и, потупивъ глаза, осталась ждать вопросовъ. Первая она никогда не начинала разговора съ матушкой Серафимой.

— Видѣла свою Зимину?—отрывисто спросила матушка Серафима.

— Видѣла, матушка, — сказала Варвара и коротко пояснила, поджавъ губы:—Уѣзжать собирается.

Матушка Серафима сдвинула еще болѣе свои густыя брови. Этого она не ожидала.

— Что такъ?—мелькомъ спросила она, точно не разслышавъ или не понявъ словъ Варвары.

— Я, говоритъ, утѣшенія въ своихъ печаляхъ и успокоенія искала, а здѣсь, говоритъ, что же меня ждетъ: помыкать мной, вѣрно, будутъ за мои же деньги, — смиренно произнесла Варварушка.—Матушка Дороѳея, извѣстно, человѣкъ простой, грубый, неполированный,—поторопилась пояснить Варварушка, точно Зимина и дѣйствительно хотѣла уѣхать ради одной матери Дороѳеи:—а Софья Дмитріевна женщина хрупкая, деликатнаго тѣлосложенія, характера мягкаго...

Она вздохнула соболѣзнующимъ вздохомъ.

— Изъ нея лаской, какъ изъ воска, что хочешь лѣпи, и много она пользы могла бы принести тому, кто съ нею обращеніе сумѣетъ имѣть. Душа привязчивая и благодарности въ ней къ каждому, обласкавшему ее, много...

Матушка Серафима хотѣла что-то сказать и до боли закусила губы. Все утро послѣ свиданія съ Софьей Дмитріевной она промучилась какимъ-то двойственнымъ чувствомъ, точно въ ней говорили два голоса. Одинъ подсказывалъ ей, что она сразу—не теперь, а еще при первыхъ толкахъ съ Варварушкой о Зиминой и о томъ, что послѣдняя желаетъ поселиться въ монастырѣ, — угадала правду,

заподозривъ Зимину въ убійствѣ мужа, и вселялъ въ нее какое-то непобѣдимое отвращеніе къ этой ничтожной преступницѣ. Въ этомъ чувствѣ сказывались барство, брезгливость, отвращеніе, высокомѣріе. Эти ощущенія часто пробуждались въ матушкѣ Серафимѣ чуть не съ колыбели, и побѣждать ихъ было ей не легко: всякая грязь отталкивала ее, мелкіе людишки и мелкія дрязги вызывали ея презрѣніе, на безсиліе она смотрѣла свысока. Другой голосъ подсказывалъ ей, что она не имѣетъ права отталкивать грѣшницу; что грѣшницѣ надо дать возможность искупить грѣхъ, что не намъ быть судьями, такъ какъ судья—одинъ Богъ, что эта кающаяся женщина можетъ послужить доброму дѣлу, помочь обители, преуспѣянію и расширенію которой обязана содѣйствовать она, матушка Серафима. Чѣмъ дальше шли эти вторыя разсужденія, чѣмъ болѣе выяснялись въ умѣ матушки Серафимы всѣ нужды обители,—неотложные платежи и расходы по перестройкамъ и обновленіямъ монастыря, — тѣмъ болѣе сердилась на себя матушка Серафима, сознавая, какъ умная женщина, что она начинаетъ хитрить сама съ собою, лгать передъ самой собою, насиловать свою природу. Она сознавала, что христіанская всепрощающая любовь была въ этомъ случаѣ далека отъ ея сердца, а что прежде всего въ ея умѣ копошились теперь чисто практическіе расчеты. Ей такъ и навертывался на языкъ, уже разъ сдѣланный ею Варварушкѣ, вопросъ: «да что она убила своего мужа, что ли?» и именно этотъ вопросъ она боялась сдѣлать теперь, точно страшась, что Варварушка возьметъ, да и скажетъ своимъ пѣвучимъ голосомъ: «ну, что же дѣлать, матушка, если лукавый попуталъ; и человѣкъ-то на ладанъ дышалъ, и душить-то было нечего, самъ бы померъ къ утру». Отъ Варварушки, которую матушка Серафима знала отлично, можно было ожидать и такого отвѣта. А сдѣлай его Варварушка, тогда все пропало: противъ подозрѣній еще можно было бороться, — но утвердительный отвѣтъ объ убійствѣ мужа Зиминой окончательно заставилъ бы оттолкнуть виновную.

— Вотъ бы матушку Нектарію попросить навѣстить ее,— вдругъ нараспѣвъ заговорила Варварушка: — она бы ее ублажила и приголубила. Жаль ужъ очень ее, бѣдную: ну, уѣдетъ, не отдохнувши здѣсь душою, въ Петербургъ, тамъ совсѣмъ ее съ толку собьетъ эта самая тетка мужа. Вотъ человѣкъ-то: сама липнетъ къ ней, какъ муха къ меду, а въ душѣ утопить бы готова ее, потому что покойный-то

Зиминъ все женѣ, а не имъ, теткѣ и двоюродному брату, завѣщалъ. Десятки тысячъ, говорилъ мнѣ отецъ Іона, — оставилъ, да еще и больше того. Одними брильянтами, да золотыми вещами десятокъ невѣстъ наградить въ приданое можно бы. Марья Ивановна Шустова, тетка-то ея мужа, да ея сыночекъ Ѳедоръ Семеновичъ Зиминъ, какъ узнали это отъ доктора Фроста,—что душеприказчикомъ назначенъ былъ покойнымъ,—такъ чуть не лопнули со злости. Мать-то съ сыномъ разругались даже въ-дрызгъ изъ-за этого: упрекалъ онъ ее, что она не усторожила, когда завѣщаніе писалось. Ѳедоръ-то Семеновичъ у покойнаго не бывалъ,— въ контрахъ они были,—ну, а Шустиха-то ходила за больнымъ Зиминымъ; съ того самаго сынокъ-то съ матерью и разругался: «проморгали, говоритъ, наслѣдство». Ну, да они помирятся, чтобы заодно насѣсть на Софью Дмитріевну, если она отсюда въ Петербургъ вернется. Обобрать захотятъ ее. Деньги она-то на святое дѣло употребила бы, а тутъ—вы меня, матушка, ужъ извините—псамъ подъ хвостъ все пойдетъ. Ей-Богу!

Варварушка, немного жеманясь, засмѣялась тихимъ, конфузливымъ, неподражаемо-своеобразнымъ смѣхомъ. Матушка Серафима тяжело дышала, чувствуя, что ее душитъ злоба на себя, что она не можетъ прійти ни къ какому рѣшенію.

— Матушка Нектарія, конечно, могла бы разговорить Софью Дмитріевну, чтобы она погостила здѣсь еще, — продолжала соображать Варварушка.—Послушаетъ благочестивыхъ рѣчей, помолится, да поработаетъ что-нибудь въ обители, горе-то ея, можетъ, и стихнетъ. Дѣтокъ бы ей обучать поручить, рукодѣльница она, вышиваетъ, словно рисуетъ, у бабушки своей еще обучена была этому.

— Безъ тебя знаю, что и какъ сдѣлать,—оборвала ее рѣзко матушка Серафима, не любившая совѣтовъ и желавшая во всякомъ дѣлѣ дѣйствовать самостоятельно.

— Матушка, да развѣ я не знаю! — съ напускнымъ испугомъ въ голосѣ воскликнула Варварушка и вдругъ, не выдержавъ напускного страха, снова тихо разсмѣялась.

Матушка Серафима сдвинула брови и строгимъ, вопросительнымъ взглядомъ посмотрѣла на нее:

— Что ты?

— Да вотъ Софья Дмитріевна пришла на умъ!—пояснила Варварушка, стараясь говорить вкрадчиво и жеманно.— Вотъ-то дитё малое. Шагу сама не сумѣетъ ступить, все ее научи, вездѣ ее обереги. Я и то ей смѣялась: «ходульки

бы, говорю, вамъ сдѣлать, голубушка, вотъ какъ дѣтямъ дѣлаютъ, когда они еще ходить не умѣютъ».

И, оборвавъ свою рѣчь, со вздохомъ закончила:

— Умнаго-то человѣка около нея только не было, а то, какъ липку, могъ бы ободрать ее на мочало...

Варварушка опять поцѣловала руку матушки Серафимы и вышла отъ нея, неслышной поступью ступая по ковру. У матушки Серафимы она всегда старалась ходить такъ осторожно, какъ будто ходила по раскаленному желѣзу. Вернувшись къ Софьѣ Дмитріевнѣ, она застала ее еще спящей и, не будя, подсѣла къ окну. По двору то и дѣло проходили послушницы и монахини. Среди тишины слышался только визгъ пилъ да удары топоровъ въ той сторонѣ, гдѣ шла еще постройка. Каменныя работы окончились и въ выстроенномъ изъ кирпича флигелѣ прилаживались рамы, двери, полы. Смотря во дворъ, Варварушка замѣтила торопливо шагавшую матушку Дорооею и подумала: «куда это ее послала матушка Серафима?» Мать Дорооея вошла во флигель, гдѣ жила матушка - казначея, и черезъ нѣсколько минутъ появилась снова, уже въ сопровожденіи Нектаріи. Варварушка усмѣхнулась: «по-моему, видно, надумала сдѣлать». Она совсѣмъ развеселилась, вполнѣ довольная собой. «И что это я за дѣвка, такъ это и повѣрить трудно, — самодовольно разсуждала она.—Ужъ на что матушка Серафима умна, а сама того не придумала, что я ей указала. А и обидѣлась, какъ я свои резонты представлять начала. Еле я отъ смѣху удержалась. Свалила все на то, будто надъ Софьей Дмитріевной смѣюсь». Она была убѣждена, что ни одно слово, сказанное ею матушкѣ Серафимѣ, и не приходило въ голову самой игуменьѣ, и, конечно, не подозрѣвала, какой внутренней борьбы стоило матушкѣ Серафимѣ исполнить то, что ей, Варварушкѣ, казалось такъ легко и просто...

Она посмотрѣла на спавшую Зимину. Теперь ей хотѣлось, чтобы Зимина проснулась поскорѣй и подкрѣпилась ѣдой, такъ какъ ей предстояло еще говорить съ матушкой-казначеей. Положимъ, съ матушкой-казначеей всякому легко говорить. Человѣкъ-то она безобидный, не отъ міра сего, ровно младенецъ новорожденный. Ничего, кромѣ монастырской жизни, и не знаетъ. Чуть ни родилась тутъ, да тутъ и состарилась. Софья Дмитріевна пошевелилась, и Варварушка торопливо подошла къ ней. Зимина обрадовалась, что ея вѣрная спутница была при ней. Та настойчиво начала предлагать чаю съ булочками, объясняя, что и она прого-

лодалась. Софья Дмитріевна теперь не отказывалась отъ ѣды, ощущая тоже голодъ. Варварушка захлопотала, командуя въ коридорѣ и кухнѣ находившимися при странноприимномъ домѣ монахинями и послушницами.

Обѣ женщины еще пили чай, когда въ двери постучался кто-то, и мягкій женскій голосъ проговорилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

На что послужило отвѣтомъ обычное:

— Аминь!

— Матушка Нектарія!—шепнула Варварушка Зиминой, когда въ комнату, крестясь, вошла приземистая, кругленькая и розовенькая старушка-монахиня съ дѣтски пухленькимъ личикомъ, съ ямками на щекахъ и на подбородкѣ.

Зимина поцѣловала ея пухлую, маленькую руку и пригласила ее откушать чаю.

— Грѣшница, грѣшница, люблю испить тепленькаго—на душѣ теплѣе и сердце радуется,—съ дѣтскою улыбкою отвѣтила мать Нектарія, присаживаясь къ столу и крестясь.— Матушка-настоятельница наша говорила мнѣ, что вы пожаловали погостить къ намъ на зиму. Милости просимъ, милости просимъ, у насъ здѣсь хорошо! А-ахъ, какъ хорошо!

— На что лучше! — подтвердила Варварушка, разливая чай въ чашки.

— Воздухъ легкій, житіе тихое, пища не обременительная,—продолжала матушка Нектарія и начала пить маленькими глоточками съ блюдечка чай, прикусивъ кусочекъ сахару.

— Мнѣ нуженъ покой душевный, въ моихъ печаляхъ утѣшеніе,—тихо пояснила Зимина.

— Здѣсь все найдете, матушка, что ищетъ душа скорбящая,—проговорила матушка Нектарія:—недугамъ—исцѣленіе, скорбямъ—утѣшеніе, грѣхамъ—отпущеніе. Житіе въ обители—райской жизни предвкушеніе. Тутъ и помолиться можете, и если поработать на Божіе дѣло желаете—работа по силамъ всегда найдется; тоже если отъ усердія вашего пожелаете споспѣшествовать украшенію храма Господня—обитель наша всякую лепту приметъ съ благодарностью.

— Я готова,—сказала Зимина. — Мнѣ только бы успокоиться хотѣлось...

Она тяжко вздохнула:

— Охъ, грѣхи мои, грѣхи! Ихъ замолить бы...

— Замолите, матушка, замолите! — утвердительно-благодушнымъ тономъ произнесла мать Нектарія.—Гдѣ же и за-

маливать грѣхи, какъ не здѣсь?.. Грѣхи всегда можно замолить, въ унынiе и отчаяніе не впадая. Господь видитъ нашу душу и по усердію нашему всегда отпущаетъ грѣхи наши. Молитвою, дѣлами добрыми, щедротами къ храму Божію всякія согрѣшенія искупаются.

Варварушка вмѣшалась въ разговоръ:

— Софья Дмитріевна никогда не пожалѣетъ ничего на украшеніе храма.

— Я, я готова,—согласилась Зимина.

— Вотъ плащаницу намъ надо бы новенькую,—проговорила матушка Нектарія. — Храмъ-то Божій благолѣпнымъ хочется видѣть. Иногда это, какъ разукрасишь все,—сама не наглядишься, стояла бы по цѣлымъ часамъ въ умиленіи, любовалась бы благолѣпіемъ. А плащаница-то у насъ въ ветхость приходитъ. Собираемъ на это дѣло цѣлый годъ приношенія, а вытрясли изъ кружки всего двадцать рублей двѣнадцать копеекъ. Купецъ тоже Свиньинъ пожертвовалъ пять рублей. Что это за деньги!

— Я готова,—опять повторила Зимина.

— Вотъ вы, матушка, тоже говорили о трудѣ,—опять вмѣшалась Варварушка.—Софья Дмитріевна отлично могла бы обучать дѣтей рукодѣльямъ, вышивкѣ и прочему. У насъ теперь все больше кружево русское плетутъ, а кружево-то это самое что? Его и по деревнямъ бабы, и въ городѣ мѣщанки изготовляютъ. Софья-то Дмитріевна могла бы разнымъ работамъ дѣвочекъ обучать.

— Благое дѣло, благое дѣло!—согласилась мать Нектарія. — У насъ въ обители народъ все больше простой, такихъ работъ не знаетъ. Благое дѣло, если захотите потрудиться.

— Я готова,—какъ бы въ полудремотѣ повторила Зимина.

— Дѣточки все сироточки больше у насъ, — сказала съ чувствомъ мать Нектарія. — Ни отцовъ, ни матерей не имѣютъ. Иная и ласки никогда не видала съ колыбели, и Богъ вѣсть, что̀ ждетъ ее впереди, если не останется въ святой обители и не приметъ ангельскаго чина. Свѣтъ-то грѣховенъ и золъ, какъ разъ погибнуть въ немъ можно,—ни души, ни тѣла не спасешь. Блаженъ, кто могъ никогда не заглядывать въ него...

Матушка Нектарія говорила однотонно, мѣрно, спокойно. Глядя на ея розовое личико, нельзя было предположить ни на минуту, чтобы что-нибудь могло смутить ее. Она всѣмъ была довольна, для нея все было хорошо въ ея обители,

для нея не было ничего страшнаго на этомъ свѣтѣ, за этими стѣнами, и на томъ свѣтѣ—для живущихъ въ этихъ стѣнахъ. Она провела здѣсь всю жизнь и заботилась только объ одномъ, чтобы всѣ здѣсь были сыты, обуты и одѣты, чтобы все здѣсь было благолѣпно. Благолѣпіе тѣшило ея дѣтскую душу, какъ игрушка ребенка. Правда, она ровно ничего не понимала ни въ архитектурѣ, ни въ живописи, ни въ исторіи искусства, и руководствовалась своимъ довольно ребяческимъ и наивнымъ вкусомъ въ дѣлѣ разныхъ украшеній на образахъ, на лампадахъ, привѣшивая на золоченые вѣнчики гирлянды какихъ-нибудь пестрыхъ, сдѣланныхъ изъ бумаги, цвѣтовъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни по цвѣту, ни по рисунку съ живыми цвѣтами, или прицѣпляя подъ лампады что-то въ родѣ бархатныхъ юбочекъ, вышитыхъ аляповато блестками и обшитыхъ неумѣло канителью. Матушку Серафиму выводила часто изъ терпѣнія эта дѣтская наивность матери Нектаріи, но мать Нектарія никакъ не могла понять, почему, напримѣръ, эта бархатная юбочка не гармонируетъ съ золотой лампадой въ русскомъ стилѣ, или почему къ тонко написанному образу нельзя нацѣпить сдѣланныхъ изъ пестрой бумаги цвѣтовъ,— не могла понять и, подперевъ рукой розовую щеку, подолгу съ умиленіемъ любовалась трудами рукъ своихъ по части благолѣпія. Матушку Серафиму это раздражало, но она не пробовала даже протестовать и, раздражительно пожавъ плечами, уходила отъ этой «блаженной». Безмятежное, елейное спокойствіе матери Нектаріи дѣйствовало на всѣхъ заразительно, такъ какъ въ немъ не было ничего дѣланнаго, надуманнаго, неискренняго, и въ Зиминой, подъ ея разговоръ, точно на-время задремало все терзавшее ее: обыденная жизнь ушла куда-то далеко-далеко, и на сцену выдвинулось только одно желаніе: успокоить себя молитвою, добрыми дѣлами, заботами о благолѣпіи храма, и достигнуть того блаженнаго состоянія духа, котораго сподобилась мать Нектарія.

IV.

Въ монастырской школѣ, по расписанію, начинался классъ рукодѣлья. Преподаваніемъ рукодѣлій, — вышивки гладью, бисеромъ и золотомъ, — занималась уже давно Софья Дмитріевна, рѣшившаяся остаться въ монастырѣ на неопредѣленное время.

Ея пребываніе въ монастырѣ было не безвыгодно для него,

такъ какъ она не только хорошо платила за свое содержаніе, не только сдѣлала крупный вкладъ, пригодившійся въ монастырскомъ хозяйствѣ при послѣднихъ расчетахъ съ подрядчиками по окончаніи осеннихъ работъ, но и согласилась безвозмездно заниматься въ извѣстные часы въ рукодѣльной школѣ. По части изящныхъ рукодѣлій, она была мастерица и не даромъ провела надъ пяльцами почти всѣ годы своей первой молодости въ домѣ своей старой бабки-генеральши. Она уже не первый день усердно исполняла свои школьныя обязанности, и мать Нектарія уже не разъ, подпирая рукою съ приподнятымъ указательнымъ пальцемъ свою розовую съ ямочкою щеку, приходила въ умиленіе отъ благолѣпія начатыхъ въ школѣ, подъ руководствомъ Софьи Дмитріевны, работъ и даже говорила, что сама матушка-настоятельница находитъ ихъ прекрасными. Сама матушка-игуменья какъ-то избѣгала заходить въ классы во время занятій Софьи Дмитріевны и видѣлась съ послѣдней только мелькомъ въ церкви, сухо раскланиваясь съ ней и на ходу благословляя ее. Несмотря на то, что Софья Дмитріевна,—и прежде, а въ особенности послѣ смерти мужа, принимавшаяся за многое автоматично, по чужой волѣ, по чужому совѣту,—уже нѣсколько втянулась въ свои занятія и нашла въ нихъ болѣе успокоенія отъ тяжелыхъ думъ, чѣмъ въ путешествіи по святымъ мѣстамъ,—на этотъ разъ она была сильно взволнована. Что ее взволновало? Не то ли обстоятельство, что именно сегодня матушка Серафима, какъ сообщили Зиминой еще наканунѣ, хотѣла сама зайти въ классъ и посмотрѣть узоры, которые предназначались для вышивки воздуховъ золотомъ по бархату? Волненія ея начались уже вчера и ее страшно разстроила сцена, случившаяся во время классовъ: во время урока одна изъ самыхъ маленькихъ дѣвочекъ расплакалась. Софья Дмитріевна стала ее заботливо разспрашивать, о чемъ она плачетъ, но малютка ничего не могла объяснить и на всѣ вопросы только лепетала:

— Скучно!

Какъ ни ничтожна и ни обыденна была эта сценка, но Софья Дмитріевна какъ бы придралась къ случаю, чтобы снова разстроиться. Она тотчасъ же начала рыться въ своемъ прошломъ: въ дѣтствѣ у бабушки она тоже часто плакала за работой и плакала именно потому, что ей было «скучно»; первое, что ощутила она въ гласной кассѣ ссудъ своего мужа — это тоже была скука, невыносимая скука,

и какъ часто плакала она и тутъ, за конторкой кассы, потому что ей было «скучно», пока не явился *онъ*, ея проклятый «соблазнитель», Петръ Павловичъ Муратовъ. Этихъ думъ было довольно, чтобы Софья Дмитріевна снова чуть не слегла въ постель, думая уже не о работѣ, не о дѣвочкахъ, а о себѣ, о своихъ несчастіяхъ, о своемъ грѣхѣ, обо всемъ, что заставляло ее тупо устремлять глаза куда-то вдаль и какъ бы застывать въ леденящемъ ее ужасѣ. Впрочемъ, въ ея душѣ и вообще поднималось не мало тяжелыхъ ощущеній при видѣ этихъ дѣтей, и часто, глядя на нихъ, она чувствовала, что на ея глаза навертываются слезы, а въ головѣ бродятъ мысли: «и я была такою же несчастною, безъ отца, безъ матери, незаконная». Она глотала слезы и старалась казаться спокойной, старалась принудить себя думать о своихъ занятіяхъ, а не о себѣ. Сегодня же, чувствуя, что ей непремѣнно нужно быть спокойной, — именно нынче, при матушкѣ Серафимѣ, передъ которой она постоянно падала духомъ,—она какъ нарочно никакъ не могла овладѣть собою при видѣ этихъ дѣтей, точно она видѣла ихъ впервые, жалкихъ, растущихъ среди чужихъ, запертыхъ въ четырехъ стѣнахъ, облеченныхъ въ вѣчный трауръ. Ихъ личики, иногда пухленькія и кругленькія, были по большей части блѣдны; кожа казалась прозрачною, такъ что сквозь нее просвѣчивались сѣточкой синеватыя тонкія жилки на вискахъ. Ихъ малокровная блѣдность выступала сильнѣе отъ ихъ траурныхъ нарядовъ, въ которыхъ допускались только черный, сѣрый и бѣлый цвѣта. Черныя повязки придавали странный видъ ихъ головкамъ, какъ бы заострявшимся спереди. У большинства, отъ блѣдности кожи, глаза, окруженные синевой, казались больше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, и въ ихъ взглядахъ было что-то особенное, — не то недоумѣніе, не то испугъ. «Ровно галчата», припомнились Зиминой слова Варварушки, говорившей ей съ соболѣзнованіемъ о монастырскихъ дѣвочкахъ.

Уроки, по обыкновенію, начинались пѣніемъ молитвы. Тоненькіе, чистые, звонкіе голоса звучали стройно, сливаясь въ одно цѣлое, и только голоса двухъ-трехъ старшихъ ученицъ выдѣлялись низкими альтовыми нотами, напоминавшими скорѣе мужскіе, чѣмъ женскіе голоса. Это пѣніе дѣтей, возносившихъ молитвы къ Подателю силъ, еще болѣе разстроило теперь Софью Дмитріевну, нуждавшуюся тоже въ подкрѣпленіи ея силъ, и по ея дряблымъ щекамъ текли крупныя слезы... Она не успѣла отереть

ихъ, какъ въ комнату вошла матушка Серафима. Ея поступь, ея осанка, ея нарядъ,—все было какъ-то величаво, торжественно, внушительно. На минуту въ классѣ произошелъ переполохъ, дѣвочки подходили подъ благословеніе матушки-игуменьи и цѣловали ея руку. Что-то особенно поспѣшное, пугливое было теперь въ ихъ движеніяхъ, точно каждая изъ нихъ ждала за что-нибудь строгаго выговора. Было видно, что ихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, монахини пугаютъ матушкой Серафимой. Наконецъ, матушка Серафима обратилась къ Зиминой; та тоже робко склонила голову къ ея рукѣ и на эту руку капнуло нѣсколько горячихъ слезинокъ. Матушка Серафима строгими глазами взглянула на Софью Дмитріевну, только теперь замѣтивъ, что она плачетъ. Стараясь скрыть свои слезы, Зимина заторопилась показать новые рисунки воздуховъ, которые предполагалось вышивать.

— Это для чаши со святыми дарами... Это для дароносицы,—поспѣшно объясняла она.—Это...

Она съ трудомъ перевела духъ.

— Тутъ канителью вышьется, а здѣсь блестками, — заторопилась она еще болѣе, желая во что бы то ни стало скрыть свое волненіе и волнуясь еще болѣе отъ этихъ усилій переломить себя.—Я думаю не мѣшать серебра съ золотомъ, лучше одно золо... ло...

И вдругъ, не совладавъ съ собою, не кончивъ начатой фразы, она почувствовала, что ея слезы сами собою, противъ ея воли, градомъ льются на рисунки.

Мать Серафима подняла на нее глаза. Это былъ холодный, строгій, нѣсколько презрительный взглядъ. Казалось, онъ безмолвно приказывалъ ей: «перестань».

— Вы больны?—сухо спросила она Зимину.

— Нѣтъ... это... нервы,—отрывисто отвѣтила Софья Дмитріевна, силясь не разрыдаться.—Господи!

Матушка Серафима пожала плечами и холодно заговорила по-французски:

— Вамъ надо постараться справиться со своими нервами. Это Богъ знаетъ до чего доводитъ людей. Здѣсь же, въ школѣ, и безъ того эти дѣвочки предрасположены ко всякимъ истерикамъ и нервничанью. Вы можете заразить ихъ еще болѣе своимъ примѣромъ и вмѣсто пользы принести вредъ. Разъ вы взялись за дѣло, вы и должны думать о немъ, а не...

Она презрительно передернула плечами.

— Развѣ я знаю, что у васъ на душѣ, о чемъ вы плачете?

Зимина уже не плакала, а стояла понуривъ голову, какъ провинившаяся школьница. Она чувствовала яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, что матушка Серафима подавляетъ ее, пригнетаетъ однимъ своимъ взглядомъ, однимъ тономъ своего голоса. Когда-то въ дѣтствѣ она слышала о разныхъ свирѣпыхъ и хищныхъ созданіяхъ, при одномъ взглядѣ которыхъ словно замирали ихъ жертвы. Она тогда очень, очень боялась встрѣтить кого-нибудь съ такимъ взглядомъ. Впрочемъ, мало ли чего она тогда боялась!

— Я согласна съ вами,—заговорила матушка Серафима снова по-русски, сухимъ и дѣловымъ тономъ:—что смѣшивать серебро съ золотомъ здѣсь не слѣдуетъ. Это было бы безвкусіемъ, хотя это и указано на рисункѣ. Кромѣ того, я нахожу эти углы совсѣмъ не соотвѣтствующими узору въ серединѣ.

— Они жидки нѣсколько, тогда какъ средній букетъ слишкомъ густъ, — тихо сказала Зимина. — Крайнія вѣтки на углахъ надо или совсѣмъ уничтожить, укоротить, или сдѣлать гораздо гуще.

— То-есть, какъ это гуще?—спросила настоятельница.

— Стоитъ только прибавить нѣсколько цвѣтовъ-васильковъ и бутоновъ — и эти крайніе колосья и травинки не будутъ торчать такъ одиноко,—пояснила Софья Дмитріевна.

Матушка Серафима спросила:

— Вы куда же помѣстите васильки?

— Вотъ сюда по васильку, — указала Зимина: — а къ краю пару полураспустившихся бутоновъ, вотъ между этими колосьями.

— Вы сумѣете это сами нарисовать?

— О, да!

Матушка Серафима спросила по-французски:

— Вы въ золотошвейной учились?

— О, нѣтъ!.. у насъ крѣпостныя женщины знали всѣ эти работы, — отвѣтила въ смущеніи Зимина. — И я... въ дѣвушкахъ... у бабушки только и занималась тѣмъ, что вышивала... Цѣлые дни... цѣлые годы...

Воспоминаніе о дѣвическихъ годахъ снова взволновало Зимину, и она почувствовала, что вотъ-вотъ опять расплачется. Матушка Серафима уловила дрожаніе въ ея опять обрывавшемся голосѣ и снова строго взглянула на нее, точно приказывая ей молчать и не плакать. Зимина безпомощно опустила голову.

— Если вы научитесь владѣть собою, вы можете еще быть очень полезны школѣ, монастырю,—сказала матушка Серафима по-французски, и затѣмъ, разсмотрѣвъ вшленный въ пяльцы бархатъ цвѣта камилавокъ, предназначавшійся для воздуховъ, снова благословила дѣтей и направилась къ выходу своей плавной, величавой походкой.

Когда Зимина подняла свою поникшую голову, матушки Серафимы уже не было въ классѣ. Зимину окружили дѣвочки и начали разспрашивать, когда онѣ начнутъ новую работу и какъ она распредѣлится между ними. Онѣ всѣ полюбили уже Зимину, потому что она была съ ними кротка и ласкова, смотрѣла такою же слабою и несчастною, какъ многія изъ нихъ, часто вздыхала и плакала. Окруженная ими, объясняя имъ, гдѣ сѣсть, съ чего начать, дѣлая, при помощи двухъ старшихъ воспитанницъ, первую наметку узора на бархатъ, Зимина мало-по-малу успокоилась, и въ ея головѣ мелькнула мысль, что она была бы почти совершенно спокойна здѣсь, молясь о прощеніи своего грѣха и работая на пользу этихъ дѣтей, напоминавшихъ ея собственную раннюю молодость, если бы не матушка Серафима. Матушка Серафима, которую всѣ такъ превозносятъ, глядитъ на нее съ какимъ-то брезгливымъ чувствомъ, какъ на гадину, и какъ бы говоритъ, что ей нѣтъ прощенія. Неужели она все угадала при помощи своей прозорливости и изрекла надъ ней приговоръ: «тебѣ нѣтъ прощенія»? Да, да, страшенъ ея грѣхъ. Болѣе тяжкаго грѣха и нѣтъ! Молиться ей надо, каяться, извести себя муками здѣсь, чтобы спастись тамъ...

— Ну, что вы раскудахтались?—раздался грубый голосъ вошедшей въ классъ матери Дорооеи. — Не умѣете сидѣть смирно по мѣстамъ.

Дѣти притихли. Мать Дорооея обратилась къ Зиминой и вкрадчивымъ, льстивымъ голосомъ замѣтила ей:

— Вы ихъ, матушка Софья Дмитріевна, построже держите. Распускать ихъ нельзя! Ну, что это онѣ стадомъ-то около васъ стоятъ! Точно мухи на сахаръ налетѣли...

Зимина нахмурилась и нѣсколько рѣзко отвѣтила ненавистной ей женщинѣ:

— Мои занятія таковы, что дѣвочкамъ нужно быть около меня. Нельзя же имъ откуда-то изъ угловъ смотрѣть, какъ здѣсь вышиваютъ...

Мать Дорооея стиснула въ трубочку свои тонкія губы и замолчала, подумавъ: «вишь, туда же огрызаться стала».

Она въ свою очередь ненавидѣла Зимину за ея несообщительность и замкнутость, и шпіонничала за нею болѣе, чѣмъ за кѣмъ-нибудь другимъ.

Вернувшись въ свою комнату, Зимина застала у себя Варварушку, исполнявшую въ городѣ всякія порученія Софьи Дмитріевны по части покупокъ, и очень удивилась, видя, что она старается что-то прикрыть носовымъ платкомъ.

— Что это вы, Варварушка, прячете?—спросила Софья Дмитріевна, здороваясь съ ней.

— Извините, матушка Софья Дмитріевна, — конфузливо смѣясь, сказала Варварушка.—Погадать безъ васъ на картахъ думала о своемъ антиресѣ, а вы вдругъ вошли, я и обомлѣла, думала, не Дороѳея ли лазутчица вошла. Загрызла бы. Мы вѣдь съ ней что двѣ цѣпныя собаки...

Зимина покачала головой.

— Глупости это все,—проговорила она.—Вотъ моя бабушка покойная все гадала съ утра до ночи... Ничего не выгадала!

— Ахъ, нѣтъ, голубушка Софья Дмитріевна, вы не говорите этого. Иногда карты все разскажутъ, — горячо возразила Варварушка.—Вы ужъ позвольте, я еще разложу...

— Мнѣ все равно,—отвѣчала равнодушно Зимина.

— Одно дѣло тутъ я задумала, очень ужъ оно мнѣ антиресно,—пѣвуче заговорила Варвара, раскладывая на столѣ карты.—Коли сбудется, заживу я барыней. Ухъ, такъ ужъ заживу, что а-ахъ!

— Что вы задумали, Варварушка? — спросила не безъ удивленія Зимина.—Ужъ опять не любовь ли?

— Ну, любовь не любовь, а замужъ я надумалась выйти,— пояснила Варварушка, не отрывая глазъ отъ картъ и водя по нимъ пальцами.

— Замужъ?—воскликнула Софья Дмитріевна.—Да какъ же? Вы же сами говорили, что никогда не свяжете себя замужествомъ?

— Мало ли что говорила! Случая такого не ждала,— отозвалась Варварушка и радостно воскликнула: — такъ и есть: любящій человѣкъ на сердцѣ!.. Вѣрите ли, сегодня и дома, и здѣсь пять разъ раскидывала карты, и все одно и то же... Сердечный антиресъ, король на сердцѣ,—объяснила она, разсматривая карты: — и марьяжъ. Такъ оно и должно быть. Безпремѣнно такъ и сбудется. Милліонщицей буду!

Софья Дмитріевна, немного стѣсняясь, спросила:

— А какъ же... Вы не боитесь?

— Чего это?—откликнулась Варварушка, тасуя колоду.

— Онъ... женихъ вашъ все знаетъ?—пояснила Зимина.

— Про ребенка-то?—спросила Варварушка равнодушно.

— Ну, да,—подтвердила Зимина.

— Вотъ дура я, что стану себя срамить!

Варварушка безпечно засмѣялась, показавъ два ряда своихъ бѣлыхъ зубовъ. Зимина смутилась, пораженная этой безпечностью.

— А какъ же... если узнаетъ вдругъ послѣ?—начала она.

— Ахъ, голубушка Софья Дмитріевне, совсѣмъ вы дитя малое,—весело и ласково, почти покровительственно проговорила Варварушка. — Насъ, дѣвокъ, коли что захотимъ скрыть, ни въ жисть не изловятъ. И человѣкъ онъ не такой, чтобы чего бояться... Взглянуть не на что...

— Такъ вы его и не любите?—воскликнула Софья Дмитріевна, уже окончательно возмущенная.—Не любите и хотите выйти замужъ! Да знаете ли вы, какое это несчастіе выйти безъ любви! Это...

— Ну, какое же несчастье! Говорю я вамъ, что милліонщикъ онъ,—сказала Варварушка, пряча карты.

— Деньги! деньги!—заволновалась Софья Дмитріевна.— Деньгами сердце не заставишь молчать. Черезъ деньги слезы льются. Деньги-то иногда до смертныхъ грѣховъ доводятъ.

Выраженіе лица Зиминой стало мрачно. Варварушка засмѣялась и бойко пояснила:

— А я согрѣшу, а потомъ покаюсь!

Она встала и обняла Зимину, звонко поцѣловавъ ее въ обѣ щеки.

— Ахъ, вы, дитя мое милое, голубушка вы моя ненаглядная!

Зимина даже не улыбнулась въ отвѣтъ на эту ласку. Въ ея душѣ поднялись мрачныя мысли: вотъ, если бы сказать Варварушкѣ, до чего довела ее, Зимину, жизнь съ немилымъ богачомъ, — не стала бы Варварушка смѣяться и шутить: «согрѣшу и покаюсь». Холодомъ бы ее обдало, кровь въ жилахъ заледенѣла бы. Нѣтъ, бываютъ грѣхи, въ которыхъ, сколько ни кайся, все не замолишь ихъ. Да полно, такъ ли? Развѣ Богъ не милосердъ? Лѣнимся мы только молиться-то. Вотъ деньги на монастырь она, Зимина, жертвуетъ, потому что ихъ у нея много и не на что ихъ здѣсь тратить; вотъ учитъ она дѣтей въ школѣ работамъ,

потому что во время занятій и мысли ея мрачныя разсѣиваются, и легче ей становится при видѣ, что дѣти ласкаются къ ней, точно она не убійца, а такая же праведница, какъ они; а помолиться усердно не умѣетъ, боится глядѣть на образъ, торопится лобъ перекрестить, чтобы опять не растревожить себя да не биться всю ночь въ слезахъ. А *онъ* бился, хрипѣлъ и бился, когда она его душила, полумертваго, подушкою. Въ ея воображеніи нарисовалась вся страшная сцена убійства: комната, заставленная шкапами и вѣшалками съ заложенными вещами,—чахоточный больной, похожій на скелетъ, бьющійся на диванѣ отъ кашля; она, ищущая впотьмахъ ключей подъ его подушкою и начинающая душить его, когда онъ почувствовалъ, что его грабятъ. Въ ея ушахъ раздавалось снова его предсмертное хрипѣнье...

— Молись, молись, окаянная! — почти вслухъ проговорила она.

Да, въ слезахъ нужно биться, головой объ полъ биться, по полу ползать, какъ послѣдней гадинѣ, чтобы грѣхъ великій замолить...

Зимняя ночь уже давно вступила въ свои права и окутала землю своимъ чернымъ покровомъ, а въ комнатѣ Зиминой слабый свѣтъ теплившейся у образа лампады все еще озарялъ женскую фигуру, распростертую на полу. Казалось, что послѣ сотни земныхъ поклоновъ, исколотивъ кулакомъ свою грудь, припавъ множество разъ лбомъ къ холодному полу, она, наконецъ, лишилась чувствъ. Когда же, пролежавъ нѣсколько минутъ неподвижно, она попробовала встать,—спина не повиновалась ей и не разгибалась. Она почти доползла до стула и, только упираясь въ него руками, кое-какъ поднялась съ пола.

— А, не привыкла молиться, проклятая! Убивать людей умѣешь, а молиться силъ нѣтъ, окаянная! — пробормотала она сквозь зубы шипящимъ голосомъ и стала бить себя по лицу...

Ея лицо было мрачно, глаза смотрѣли безумно...

V.

Стоялъ морозный и ясный зимній день, одинъ изъ тѣхъ дней, когда, по народному выраженію, «солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ». По покрытому яркимъ бѣлымъ снѣгомъ монастырскому двору, со множествомъ темныхъ протоптанныхъ по разнымъ направленіямъ тропинокъ, бро-

дила какая-то рослая и полная женщина, державшаяся, несмотря на немолодые годы, прямо и бодро и озиравшаяся кругомъ вопросительнымъ взглядомъ человѣка, попавшаго въ незнакомое ему мѣсто и ищущаго выхода. Она была одѣта недурно, но неряшливо и небрежно, какъ иногда одѣваются люди, нащеголявшіеся на своемъ вѣку вдоволь и подъ старость уже не дорожащіе какими-нибудь «тряпками». Это своего рода короли Лиры, которымъ послѣ ихъ порфиръ всякія другія одѣянія будутъ казаться одинаковыми лохмотьями. Всмотрѣвшись въ нее попристальнѣе, было не трудно угадать въ ней «старую барыню»; что-то гордое, пренебрежительное, властное, даже суровое было въ ея твердой походкѣ, въ холодномъ выраженіи лица, въ рѣзкихъ манерахъ. Когда-то, вѣроятно, она была красива, но теперь ея лицо смотрѣло обрюзгнувшимъ и сморщеннымъ; ея синеватыя и потерявшія прежнюю красивую форму губы передергивались нервными конвульсіями, при чемъ казалось, что она постоянно обкусывала ихъ запекшуюся кожу; ея беззубый ротъ походилъ на темную пропасть, изъ которой выдавался только одинъ желтый и большой клыкъ, иногда назойливо вылѣзавшій на нижнюю губу; ея бѣлокурые, сухіе и мѣстами посѣдѣвшіе волосы выбивались прямыми прядями изъ-подъ ея шляпки и головного платка, и висѣли, какъ растрепанное мочало, клочьями около дряблыхъ щекъ. Особенно непріятно было выраженіе ея блѣдныхъ и тусклыхъ сѣрыхъ глазъ, смотрѣвшихъ и холодно, и сурово; въ этомъ взглядѣ были и безпощадная иронія, и бездушная жестокость. Ходя по двору, она, очевидно, искала хоть одной живой души, чтобы спросить о чемъ-то. Наконецъ, она увидала идущую черезъ дворъ женщину въ черномъ монашескомъ одѣяніи и рѣзко спросила:

— Что у васъ тутъ вымерли всѣ, что ли, съ голоду?

Монахиня испугалась даже.

— Съ нами крестная сила!—проговорила она.—Съ чего это вы, матушка? Никто не помиралъ, слава Создателю, а только всѣ...

— Гдѣ у васъ здѣсь Софья Дмитріевна Зимина живетъ?— перебила монахиню старуха тѣмъ же рѣзкимъ тономъ, не допускавшимъ возраженій.

— Зимина? Софья Дмитріевна? — повторила монахиня неспѣшно и указала: — онѣ вонъ въ томъ флигелькѣ изволятъ проживать. Только теперь-то, матушка, ихъ дома нѣтъ. Въ школѣ онѣ занимаются. А что насчетъ голода вы...

— Все равно, я подожду, — сказала старая барыня, не слушая ея, и направилась къ указанному флигелю.

Монахиня заторопилась пояснить.

— Не пустятъ васъ такъ-то, безъ нихъ, безъ Софьи Дмитріевны. Надо мать Дорооею покликать. Она завѣдуетъ...

— Ну, и кличьте!—нетерпѣливо приказала старуха.—Не на морозѣ же мнѣ стоять!

— Да она, мать-то Дорооея, тамъ же, какъ въ коридорчикъ войдете,—начала пояснять монахиня.

— О, дура! — проворчала барыня и зашагала снова къ флигелю.

Войдя въ коридоръ, она натолкнулась на мать Дорооею, стоявшую, подобно статуѣ, у чьихъ-то дверей и шарахнувшуюся въ сторону при появленіи старухи.

— Это вы Дорооея?—спросила отрывисто барыня и, не слушая ея отвѣта, пояснила:—мнѣ нужно Софью Дмитріевну Зимину видѣть. Я тетка ея мужа, Марья Ивановна Шустова. Что она у васъ, кажется, совсѣмъ поселилась тутъ?

— Пристанище тихое избрала,—смиренно пояснила мать Дорооея, стягивая въ трубочку свои губы и зорко окинувъ глазами съ ногъ до головы Шустову.

— Съ деньгами-то вездѣ найдешь какое-угодно пристанище, — проговорила Шустова. — Что она все еще юродствуетъ, рюмитъ и въ обмороки падаетъ?

— Охъ, ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать, — со смиреннымъ вздохомъ произнесла мать Дорооея, опять стягивая въ трубучку губы.

— Да не стоять же намъ тутъ, ведите меня къ ней въ комнату, — приказала Шустова и, не дожидаясь отвѣта, пошла впередъ.

— Вотъ тутъ ихъ комнатка, вотъ тутъ,—смиренно пояснила мать Дорооея, отворяя дверь.

— Вы при ней, что ли, служанкой состоите?—спросила Шустова, сбрасывая въ комнатѣ Зиминой мимо стула салопъ, головной платокъ и шляпу.

— Я ни при комъ не состою,—немного обидчиво сказала мать Дорооея.—Я монахиня и завѣдую...

— Ахъ, за деньги и монахини, и не-монахини готовы ноги мыть людямъ да эту воду пить, — отрѣзала Шустова съ холоднымъ презрѣніемъ, и вдругъ спросила:—вы сами-то изъ какихъ?

Мать Дорооея замялась и пояснила неопредѣленно:

— Я при матушкѣ Серафимѣ жила, когда онѣ еще въ міру были...

— Изъ дворовыхъ значитъ, — рѣшила Шустова, зоркіе глаза которой умѣли сразу опредѣлять положеніе и характеръ людей.—Изъ муратовскихъ или изъ баскаковскихъ?

Мать Дорооея, не ожидавшая такого вопроса, чуть не вскрикнула и растерялась.

— Развѣ вы знакомы?—почти испуганно спросила она.

— Кого я не знаю!—сказала Шустова, небрежно пожимая плечами.

— Такъ я предупрежу матушку-игуменью,—заторопилась мать Дорооея и заботливо начала поднимать съ полу раскиданныя вещи Шустовой.

— Я вовсе не къ ней пріѣхала, — отрывисто сказала старуха и снова спросила:—такъ какъ же Софья Дмитріевна? хнычетъ все? Разсказывайте же!

Мать Дорооея стянула въ трубочку губы и отвѣтила таинственно:

— Не узнали бы вы ихъ, Софью-то Дмитріевну! Ужъ такія-то строптивыя, такія-то суровыя стали, что страсть!

— Это она-то, мокрая курица?—расхохоталась холоднымъ ироническимъ смѣхомъ Шустова.

Мать Дорооею охватило непреодолимое желаніе посплетничать и вылить все, что она подмѣтила, подслушала, подсмотрѣла. Смиреннымъ тономъ, потупляя быстро мигавшіе глаза, вздыхая соболѣзнующими вздохами, она начала разсказывать. Точно, что Софья Дмитріевна, какъ пріѣхала въ монастырь, такъ на каждомъ словѣ плакала, ровно дитя малое. Особенно не могла она даже смотрѣть на матушку игуменею: взглянетъ и сейчасъ въ слезы, и ровно въ обморокъ впадетъ. Точно на совѣсти у нея было такое, что на праведницу-то и глядѣть не можетъ.

— Это на матушку-то Серафиму?—съ насмѣшкой спросила Шустова.

— Да, матушка, да, на нее!—проговорила смиренно мать Дорооея, потупляя глаза.

Затѣмъ она продолжала разсказывать, какъ мало-по-малу Зимина плакать перестала и все теперь хмурая такая ходитъ, говоритъ точно срыву, точно злобствуетъ. Чуть что—попрекаетъ людей: и сплетничаютъ-то они, и молятся-то мало, и совѣсти-то у нихъ нѣтъ. Даже Варварка—ужъ на что та къ ней въ душу безъ мыла влѣзла—и той теперь достается отъ Софьи Дмитріевны.

— Это та дѣвка-то, что съ ней по святымъ мѣстамъ каталась?—перебила пренебрежительно Шустова.

— Она самая, она самая и есть, — подтвердила мать Дорооея.—Преподлая душа!

И опять она начала объяснять, какъ живетъ Зимина: себя-то истощаетъ и постомъ, и молитвою; почище любой монахини постничаетъ и работаетъ въ школѣ безъ устали, обучая дѣвчонокъ, а ужъ молиться станетъ, такъ по цѣлымъ часамъ и въ грудь себя колотитъ, и поклоны великіе по сотнямъ дѣлаетъ, и ровно пластъ лежитъ передъ образомъ. Даже образъ перемѣнила: сперва у нея тутъ образъ Божіей Матери былъ новаго письма, ужъ таково-то хорошо нарисованъ, ужъ таково-то благолѣпенъ! — такъ, видите, мало строгости въ немъ нашла; не слѣдуетъ, говоритъ, въ такихъ нарядахъ святые лики на иконахъ изображать; убрала его и вотъ это изображеніе Господа нашего Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ повѣсила, потому что, извѣстно, стараго-то письма лики строгость изображаютъ. Здѣсь вотъ и лежитъ по цѣлымъ часамъ.

— При людяхъ молится?—коротко спросила Шустова и съ презрѣніемъ прибавила:—Что за комедія!

— Нѣтъ, какъ можно при людяхъ! Одна!—пояснила мать Дорооея.

— А! такъ это вы подсмотрѣли!—равнодушно произнесла старая барыня.

Затѣмъ она пытливо стала разспрашивать, много ли платитъ за себя Зимина, сколько вкладовъ она сдѣлала въ монастырь, не хотятъ ли ее заставить постричься. Но ея разспросы не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Мать Дорооея вдругъ сдѣлалась незнающею и непомнящею и утратила всякую способность къ словоохотливости и краснорѣчію, отвѣчая коротко и несложно: «это дѣло не наше», «это матушка-игуменея знаетъ», «этимъ матушка-казначея завѣдуетъ», «мы простыя монахини и не въ свои дѣла носа не суемъ».

Впрочемъ, она и не успѣла бы вполнѣ удовлетворить настойчивое любопытство Маріи Ивановны и разсказать все, что знала относительно денежныхъ затратъ Зиминой, такъ какъ въ комнату вошла сама Софья Дмитріевна. Она не сразу узнала тетку своего покойнаго мужа или, вѣрнѣе, не сразу повѣрила своимъ глазамъ.

— Не ждали, та сѣге?—съ иронической усмѣшкой сказала Шустова, — протягивая Софьѣ Дмитріевнѣ руку.—

Признаться, я и сама не думала попасть когда-нибудь въ эту берлогу. Хоть и говорятъ: «quand le diable devient vieux, il se fait ermite», но я-то такъ, вѣрно, и умру, бѣгая, какъ чортъ, отъ ладана. Только дѣла и могли привести сюда. А у меня дѣла все одного и того же свойства: «je brûle la chandelle par les deux bouts» и потому сижу постоянно à sec...

Она вдругъ обернулась къ матери Дорооеѣ, все еще стоявшей въ комнатѣ и, повидимому, не намѣревавшейся уходить, и сказала тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ служанкамъ:

— Благодарю, милая, вы намъ больше не нужны!

И, обернувшись къ Зиминой, когда еще мать Дорооея не успѣла затворить за собой дверей, она проговорила:

— Не люблю я этихъ двуногихъ крѣпостныхъ ушей!

Потомъ, шутя, спросила:

— Я надѣюсь, что, спасая здѣсь свою душу, вы, ma chère, позволяете себѣ иногда выпить хоть чашку чаю?

— Вы хотите чаю? — сухо спросила Софья Дмитріевна, до этой минуты не сказавшая еще ни слова.

— Надѣюсь, что и вы пьете его, когда озябнете,—отвѣтила Марья Ивановна, досадливо вздергивая плечами.

Ее начинали раздражать сухость и сдержанность Софьи Дмитріевны, которая была теперь дѣйствительно неузнаваема. Зимина пошла сказать послушницѣ, приставленной къ ней для услугъ, чтобы та подала самоваръ. Потомъ она вернулась въ комнату и, присѣвъ у стола, коротко и сухо сказала теткѣ:

— Вы говорите о деньгахъ? Вы за ними пріѣхали?

— За ними, если хотите знать, потому что, проѣздомъ черезъ Москву, я осталась случайно безъ нихъ и едва добыла въ долгъ, подъ залогъ всего своего багажа, сколько-то рублей, чтобы завернуть сюда, — небрежно отвѣтила Шустова:—а отчасти заѣхала и затѣмъ, чтобы повидать васъ и... Скажите, неужели вы такъ и думаете схоронить себя здѣсь заживо въ ваши годы и съ вашими средствами?

— Я ежедневно благодарю Бога, что онъ даетъ мнѣ возможность замолить мои грѣхи,—сухо отвѣтила Зимина.

— То-есть даетъ возможность, чтобы васъ здѣсь обдирали, какъ липку,—презрительно сказала Марья Ивановна.

Молодая послушница внесла въ это время самоваръ и стала собирать изъ шкапчика чайную посуду. Шустова начала безцеремонно разсматривать ее своими циничными, холодными глазами, какъ вещь.

— Elle est bien jolie, mais c'est dommage, qu'on nourrit chez vous le monde seulement avec les versets de la Bible,— проговорила она, обращаясь къ Зминой.

Змина смотрѣла строго, ничего не отвѣчая теткѣ.

— Нѣтъ, ваша матушка Серафима пожила въ свое время не на постномъ маслѣ,—замѣтила Шустова, когда она и Змина остались однѣ.

Змина, разливая чай, мелькомъ равнодушно спросила:

— А вы и ее знали?

Софью Дмитріевну нисколько не удивило, что Шустова знала матушку Серафиму, такъ какъ старуха, казалось, знала весь міръ.

— Кого же я не знала въ свое время изъ большого свѣта!—пожимая плечами, небрежно отвѣтила Шустова.— Были деньги—были и связи. Это теперь только за подачками даже въ монастырь приходится тащиться. Со стариками Баскаковыми я была даже близка, а она, какъ и другіе Муратовы, гащивала у нихъ.

Софья Дмитріевна выронила изъ рукъ пустую чайную чашку, со звономъ покатившуюся по полу. Марья Ивановна широко открыла глаза:

— Что съ вами, ma chère?—спросила она.

Змина стиснула зубы, чтобы скрыть свое волненіе, и наклонилась на полъ за чашкой.

— Вы развѣ не знали раньше, кто она? Не слыхали даже ея фамиліи?—допытывалась Шустова, зорко слѣдя за Зминой.

Софья Дмитріевна, наконецъ, подняла чашку и стала осматривать, не разбилась ли она. Ей хотѣлось собраться съ силами и не выдать себя передъ Шустовой.

— Нѣтъ, вы дѣйствительно не отъ міра сего,—сказала старуха:—идете въ кабалу къ человѣку и даже не справляетесь, кто онъ, откуда онъ, а потомъ чашки чуть не бьете отъ ужаса, узнавъ, къ кому въ пасть попали...

Софья Дмитріевна, уже собравшаяся съ силами, сурово отвѣтила:

— Съ чего вы взяли, что это меня волнуетъ? Мнѣ все равно, кто она! Я живу въ святой обители, а не у людей...

И сухо, съ трудомъ скрывая свое любопытство, спросила:

— Такъ вы говорите, что она жила въ большомъ свѣтѣ?

— Да, короткое время, гостила у стариковъ князей Баскаковыхъ и попробовала затѣять одну интрижку: немного черезчуръ высоко хотѣла залетѣть, спалила крылья и со-

рвалась. Это обыкновенная и очень старая исторія. Результатъ вышелъ одинъ, пришлось скрыть свой грѣхъ, чтобы не быть сказкой города, а главное, не компрометировать чопорной семьи Баскаковыхъ, надо было изобразить изъ себя жертву и—ну, хоть пойти въ монастырь. Про нее и точно стали говорить, что она—жертва безнадежной любви, что это Маргарита, обманутая Фаустомъ. Жаль только, что у нея не было брата Валентина, который назвалъ бы ее, съ солдатской откровенностью, настоящимъ именемъ. Cela a tout l'air d'un roman, но дѣйствительность, ma chère, всегда болѣе похожа на романъ, чѣмъ выдуманные романы походятъ на дѣйствительность.

Шустова пожевала свои синія губы, усердно обкусывая ихъ сухую запекшуюся кожу, и закончила:

— А все-таки надо ей отдать справедливость: умная была дѣвка и составила себѣ такъ или иначе славу; массу связей до сихъ поръ сохранила и для нѣкоторыхъ оракуломъ служитъ.

Софья Дмитріевна торопливо спросила:

— У нея былъ ребенокъ?

— Вѣроятно,—отвѣтила Шустова равнодушно.—То-есть то, что онъ долженъ былъ явиться на свѣтъ,—это я знаю, но явился ли онъ въ дѣйствительности или не явился—это меня не интересовало. Вѣроятно, и никого это не интересовало. Le sort d'un problème éphémère, l'histoire d'une goutte de la pluie passée!

Зимина начала сдержанно разспрашивать, какъ звали прежде сестру Серафиму. Звали ее Софьей Павловной Муратовой. У Зиминой потемнѣло въ глазахъ. Очевидно, что это была *его* родная сестра. Проклятый, проклятый! Весь родъ ихъ, видно, таковъ. И она не лучше *его*. Ребенокъ былъ и она его бросила, а на нее, Софью Дмитріевну, какъ на преступницу смотритъ. Такъ она-то, Софья Дмитріевна, кровавыми слезами плачетъ, замаливая свой грѣхъ; вотъ тутъ, въ углу, передъ образомъ уже краска начинаетъ съ пола сходить отъ ея стоянія на колѣняхъ, отъ ея земныхъ поклоновъ. У нея совѣсть есть, да, совѣсть! А имъ никакой грѣхъ не страшенъ, потому что у нихъ совѣсти нѣтъ: мать Дороѳея—сплетница, лазутчица, злючка, а ей и горя мало, благо совѣсти нѣтъ. Варварушка тоже ни о чемъ не тужитъ, не имѣя совѣсти. Матушка Серафима вотъ даже свысока, презрительно смотритъ на всѣхъ, точно она и не грѣшила никогда. Всѣ таковы люди: о грѣхѣ языкомъ только

болтаютъ, а на душѣ ничего нѣтъ, — ни любви къ ближнимъ, ни страха передъ Богомъ.

— Такъ какъ же насчетъ денегъ-то?—спросила Марья Ивановна, немного изумленная суровымъ молчаніемъ Зиминой.

Зимина даже и не слышала, что Шустова уже съ четверть часа разсказывала давно знакомую ей исторію, какъ она, Шустова, поссорилась со своимъ сыномъ Теодоромъ, когда онъ узналъ о духовномъ завѣщаніи покойнаго Леонида Зимина и сталъ упрекать ее за то, что она выпустила изъ рукъ это наслѣдство. Не слыхала Зимина и того, какъ Шустова сообщала съ ироніей, куда у нея ушли тѣ деньги, которыя были ей даны въ подарокъ Софьей Дмитріевной, когда она собралась путешествовать по святымъ мѣстамъ.

— Я не могу дать вамъ много,—наконецъ, сказала Зимина сухо.—Помочь, конечно, не откажусь, но вы знаете, трудно разсчитывать, сколько лѣтъ еще проживешь, и потому разбрасывать деньги нельзя. Я разъ уже вамъ дала.

— Это вашъ мужъ научилъ васъ такъ разсуждать?—съ презрѣніемъ сказала Шустова.

— Я не маленькая,—отвѣтила Зимина.—Слава Богу, видала, какъ бабушка разорилась, и сама знаю, какъ люди рады ограбить, а потомъ...

Она нахмурила брови и сказала наставительнымъ тономъ:

— Впрочемъ, вамъ и не надо много. Въ ваши годы можно жить экономно. О душѣ, а не о плоти надо заботиться.

— Ужъ вы, ma chère, не хотите ли мнѣ проповѣди читать?—спросила Шустова рѣзко.

— Я никому не читаю проповѣдей, — проговорила Зимина.—Дай Богъ свою душу спасти. Но очень жаль, когда видишь, что въ людяхъ спитъ совѣсть, особенно на старости лѣтъ.

Она поднялась съ мѣста и замѣтила сухо:

— Вы завтра зайдете, я вамъ дамъ денегъ! Хотя предупреждаю васъ, я много дать не могу.

— Но, ma chère, мнѣ не на что въ гостиницѣ остановиться, не на что доѣхать до гостиницы, я послѣднія деньги отдала извозчику, который довезъ меня до монастыря,—сказала Марья Ивановна.

Зимина нахмурилась.

— Я вамъ могу дать только мелочь... Деньги не у меня хранятся, а у матушки Нектаріи... Тутъ еще украдутъ...

— Ахъ, Боже мой, да вы ужъ лучше бы ихъ въ юбку

зашили да и носили бы на себѣ,—раздражительно сказала Шустова.

— Деньги и надо беречь, потому что люди только ихъ и цѣнятъ, къ несчастью,—замѣтила Зимина.—Безъ денегъ въ глазахъ людей мы ничто!

— Ахъ, что вы мнѣ проповѣдуете? Вы еще не родились, когда я уже знала, что земля населена подлецами,—раздражительно почти прикрикнула на нее Шустова.

Когда Шустова ушла и Зимина осталась одна, ее всю охватило одно чувство—чувство ненависти къ матушкѣ Серафимѣ. Такъ вотъ кто эта женщина, такъ пригнетавшая ее своимъ величавымъ спокойствіемъ, своею репутаціею праведницы. Его, проклятаго, сестра! И прошлое ея такое же, какъ его прошлое: хотѣла разбогатѣть, залетѣть въ высокія хоромы,—и сорвалась. Онъ довелъ ее, Зимину, до смертнаго грѣха, а та, сестра его, сама бросила или погубила своего ребенка. И не каются эти люди, не молятся, не плачутъ. Кается, молится и плачетъ одна она, Зимина.

— Ты видишь, Господи, сердце мое и слышишь молитву мою!—громко произнесла она, осѣняя себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ и устремляя свои сурово смотрящіе глаза въ уголъ, гдѣ теперь висѣлъ образъ Спасителя съ темнымъ и строгимъ ликомъ.

VI.

Къ концу великаго поста, Софья Дмитріевна слегла отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, отъ истощенія, отъ нервнаго разстройства. Это не была какая-нибудь опредѣленная болѣзнь, поддающаяся извѣстнымъ лѣкарствамъ, но это былъ полный упадокъ силъ, требующій полной перемѣны образа жизни. Больную нужно было не лѣчить, а заставить отдохнуть и получше питаться. Получивъ первое извѣстіе о томъ, что Зимина слегла, матушка Серафима встревожилась не на шутку, но, узнавъ сущность болѣзни, не менѣе сильно раздражилась.

И тревожиться, и раздражаться было изъ-за чего.

— Что это она заживо святой прослыть хочетъ, что ли?—недовольнымъ тономъ проговорила она, обращаясь къ Варварушкѣ, зашедшей къ ней отъ Софьи Дмитріевны съ докладомъ и разсказавшей подробно о положеніи больной.

— Сокрушенія ужъ очень много у нея этого самаго, матушка,—отвѣтила Варварушка нараспѣвъ и конфузливо засмѣялась своимъ своеобразнымъ тихимъ смѣхомъ, поясъ-

пивъ:—что было да сплыло — обо всемъ сокрушается, а извѣстно, въ жизни всего не оплачешь, только сама изведешься...

Матушка Серафима пропустила мимо ушей это замѣчаніе и замѣтила все тѣмъ же недовольнымъ тономъ:

— Еще умретъ, хлопотъ надѣлаетъ.

Варварушка скромно освѣдомилась:

— Это вы, матушка, насчетъ ейнаго капитала?

— Ну, да. Занялъ монастырь у нея. Вклады тоже сдѣлала,—отрывисто, какъ бы про себя, сказала матушка Серафима и обратилась съ вопросомъ къ Варварушкѣ:—Какая это тетка по зимѣ пріѣзжала къ ней? Это та самая, про которую ты разсказывала, что ее и ея сына обошелъ наслѣдствомъ покойный Зиминъ?

— Она самая и есть!—сказала Варварушка, утвердительно кивая головой.—То-есть наипервѣйшая негодяйка изъ негодяекъ, не здѣсь будь сказано, а ужъ злобы, злобы въ ней, такъ и не оберешься! На сто человѣкъ раздѣлить—и то хватитъ.

Матушка Серафима, ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ, въ раздумьи проговорила:

— Мнѣ и Дороѳея жаловалась на нее; грубо обошлась съ Дороѳеей...

И, усмѣхаясь пренебрежительной улыбкой, прибавила:

— Ужъ, вѣрно, и точно груба, если даже Дороѳея обидѣлась!

— Да, ужъ на грубости она мастеръ, патентъ можно выдать; словечка ласковаго не скажетъ, все «ты» да «ты», «дура» да «дура»; на крѣпостныхъ людяхъ вспоилась и выкормилась.

Матушка Серафима продолжала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо, все болѣе и болѣе тревожась чѣмъ-то, чего она не хотѣла высказать Варварушкѣ. Эта посѣтительница,—тетка покойнаго Зимина, о которой она уже нѣсколько разъ настойчиво переспрашивала матушку Дороѳею,—не выходила теперь у нея изъ головы.

— Ты-то ее нынче видѣла, какъ она пріѣзжала?—отрывисто спросила она Варварушку.

— Видѣла, матушка, видѣла, мелькомъ только,—отвѣтила Варварушка.—Не взлюбили мы съ перваго раза другъ дружку, такъ я не очень-то и старалась нарываться на нее. Три раза она къ Софьѣ Дмитріевнѣ здѣсь приходила, деньги-то выманивала, все побольше сорвать хотѣлось, такъ

вотъ я единожды и встрѣнулась съ ней на дворѣ здѣсь. Узнала, облаяла.

Варварушка замялась, видимо, не досказывая чего-то. Матушка Серафима бросила на нее пристальный взглядъ. Послышался короткій вопросъ:

— Ну? За что?

Варварушка конфузливо и жеманясь проговорила

— Ужъ не знаю, какъ и сказать вамъ, матушка. Несуразныя такія вещи говорила...

— Начала, такъ и говори, — нетерпѣливо произнесла матушка Серафима, чувствуя, что услышитъ нѣчто скверное.

— «Что, говоритъ, свели съ ума да теперь и обираете»,— смиреннымъ тономъ передала Варварушка настоятельницѣ слова Шустовой и заторопилась объяснить:—а кто ее сводилъ съ ума? Сама она ровно помѣшанная сдѣлалась послѣ смерти мужа! Тутъ никто не причиненъ, что она какъ бы рехнулась. Ее не съ ума сводить, а на путь истинный наставить люди хотѣли, помраченіе разсудка это самое разсѣять старались...

Матушка Серафима разомъ остановилась передъ нею, какъ вкопанная, съ гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Что ты мелешь! что ты мелешь!—воскликнула она внѣ себя.—Съ чего ты взяла, что она помѣшанная? Когда, въ чемъ это сказалось? Вотъ выдумала! Этого еще недоставало, чтобы и ты стала болтать эти нелѣпицы...

Она быстро заходила опять по комнатѣ, тяжело и прерывисто дыша.

— Та со злобы выдумываетъ, что Зимина сумасшедшая, та угрожаетъ этимъ ради своихъ интересовъ... А ты-то... Вотъ тоже люди!.. Что кто ни сболтни, они все повторять готовы... Гдѣ у тебя умъ-то? Сумасшедшая! Софья Дмитріевна сумасшедшая!.. Да знаешь ли ты, чего вы надѣлаете своей болтовней?...

И, уже не умѣя сдержать своего волненія, она продолжала:

— И Дороѳея хороша: та тоже вздумала этой барынѣ разсказывать, что Зимина «ровно не въ своемъ умѣ, ровно въ помраченіи»... О, дура! Сама же мнѣ потомъ передала и то, что та говорила, и то, что она ей разсказывала. Сама и на мысль навела эту негодяйку.

Она со сдвинутыми бровями и строгимъ взглядомъ остановилась передъ Варварушкой.

— Тебѣ говорила Дороѳея, что̀ эта барыня-то въ послѣдній разъ ей сказала?

Варварушка, дѣлая сильно оробѣвшее выраженіе лица, отвѣтила:

— Говорила, матушка, говорила! Грозилась она, будто мы всѣ еще напляшемся за Зимину.

— И напляшетесь, если свои дурацкія соображенія высказывать будете о ея сумасшествіи,—пригрозила матушка Серафима.—Сумасшедшая-то не она, а вы...

Матушка Серафима впервые переживала такое тревожное состояніе духа, какое охватывало ее теперь. Никогда ни въ какія «исторіи» она не впутывалась и сторонилась отъ всего, что могло поставить ее въ двусмысленное положеніе. И вдругъ эта несчастная Зимина явилась у нея на дорогѣ, какъ какой-то несущій съ собою несчастія рокъ. Когда ей, матушкѣ Серафимѣ, сообщила мать Дорооея о визитѣ Шустовой къ Зиминой и о своемъ разговорѣ съ этой барыней, матушка Серафима не придала сначала этому обстоятельству никакого значенія. Она поняла только одно, что Шустова пріѣхала къ Зиминой за деньгами. Послѣ второго визита Шустовой къ Зиминой, матушка Дорооея передала настоятельницѣ, что Шустова очень сердилась на Зимину за то, что та мало дала ей денегъ, и все стращала ее тѣмъ, что ее ограбятъ въ монастырѣ, повторяя, что Зимина не въ своемъ умѣ, что опеку надъ ней нужно бы назначить. Матушка Серафима тогда уже нѣсколько встревожилась и ея тревога еще болѣе усилилась, когда Шустова въ третій визитъ прямо пригрозила матери Дорооеѣ, что всѣ онѣ еще напляшутся за то, что грабятъ сумасшедшую. Матушка Серафима знала отлично, что онѣ не грабятъ и даже не думали грабить Зимину. Правда, послѣдняя хорошо, хотя не особенно щедро, платила за свое содержаніе; она сдѣлала довольно крупный вкладъ въ монастырь; она дала въ долгъ нѣсколько тысячъ монастырю, въ которомъ шли новыя постройки и перестройки: устройство больницы и школы потребовало большихъ расходовъ. Но все это она дала добровольно объяснившей ей положеніе монастыря матушкѣ Нектаріи; все это дѣлалось не тайкомъ, не воровски, а совершенно ясно и законнымъ порядкомъ, какъ дѣлаются всякія чистыя дѣла, и не было никакого основанія думать, что она дѣйствовала безсознательно, въ припадкѣ умопомѣшательства, такъ какъ именно въ денежныхъ дѣлахъ она оставалась всегда и во всѣхъ случаяхъ не только практичной, но даже скуповатой и прижимистой. Но, какъ бы то ни было, поднятый Шустовою вопросъ о сумасшествіи

Зиминой могъ причинить не мало непріятностей ни въ чемъ не повиннымъ людямъ, могъ набросить на нихъ некрасивую тѣнь. Зимина, по твердому убѣжденію матушки Серафимы, не была сумасшедшею, но какъ подѣйствуетъ на нее, съ ея разстроенными нервами, съ ея склонностью къ истерикамъ, изслѣдованіе и освидѣтельствованіе ея умственныхъ способностей, вся процедура этого непригляднаго дѣла? Что если она точно убила своего мужа? Не сойдетъ ли она въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, съ ума отъ страха, предполагая, что ее подозрѣваютъ не въ сумасшествіи, а въ убійствѣ? Отъ подобныхъ натуръ можно ждать всего. Что будетъ тогда? Сколько недоразумѣній, сколько клеветы, сколько грязи подниметъ вся эта исторія!

Матушка Серафима, какъ ни было ей тяжело, рѣшилась лично навѣстить несимпатичную для нея больную, чтобы убѣдиться собственными глазами, каково состояніе ея здоровья и настроеніе духа, и если будетъ возможно, предупредить ее хотя косвенно, хотя намеками о томъ, что̀ можетъ случиться.

Софья Дмитріевна, слегшая въ постель, чувствовала себя въ эту пору, можетъ-быть, лучше, чѣмъ когда-нибудь: она такъ ослабѣла, что, по большей части, находилась въ полудремотѣ: сильное возбужденіе, замѣчавшееся въ ней за послѣднее время, смѣнилось теперь полнымъ упадкомъ силъ, полной апатіей; ей было все равно, что дѣлается съ ней, что дѣлается вокругъ нея, ее не занималъ вопросъ, выздоровѣетъ ли она, или умретъ. Плохо работавшая мысль останавливалась иногда только на воспоминаніяхъ о годахъ далекаго прошлаго, когда Зимина жила еще у бабушки-генеральши, учась подъ руководствомъ старой гувернантки и старыхъ дворовыхъ, сидя за пяльцами, какъ вотъ здѣсь въ монастырѣ сидятъ дѣвушки за пяльцами въ школѣ; она была такая же несчастная, какъ и онѣ, блѣденькая, слабенькая, неопытная, и также не имѣла ни отца, ни матери; иногда эти дѣвочки—въ черныхъ платьицахъ и въ черныхъ шапочкахъ—и она сама страннымъ образомъ смѣшивались въ ея воображеніи, и ей становилось такъ жаль, такъ жаль ихъ, а, можетъ-быть, не ихъ, а себя, что по ея лицу катились одинокія слезинки; она отирала поспѣшно и машинально рукою эти слезинки, но не волновалась, не тревожилась и, казалось, она даже не сознаетъ, что плачетъ. Вошедшая къ ней матушка Серафима застала ее лежащею съ закрытыми глазами. Она подумала, что Зимина спитъ, и хо-

тѣла удалиться, но увидала, что по щекамъ больной медленно катятся слезы, и остановилась, всматриваясь въ это исхудалое, безкровное, рано состарѣвшееся лицо. Оно походило на сморщившееся личико больного ребенка и было такъ жалко, выражало такую безпомощность, что тронуло даже матушку Серафиму. Что бы ни сдѣлала эта женщина— она была безмѣрно несчастна. Совершенный ею грѣхъ оказался выше ея силъ, и она сломилась подъ непосильнымъ бременемъ! Если она и убила своего умиравшаго мужа, то она въ то же время обрекла и себя на медленную смерть. Всматриваясь въ лицо больной, матушка Серафима присѣла на стулъ около кровати.

Зимина открыла свои большіе потухнувшіе глаза, заслышавъ шорохъ.

— Что это вы вздумали хворать?—по возможности мягко спросила настоятельница, благословивъ больную.

— Что-жъ дѣлать?—тихо сказала Зимина со вздохомъ.

— Утомляете вы себя не въ мѣру,—проговорила матушка Серафима. — Богъ не требуетъ, чтобы люди убивали для Него себя. Каждый долженъ соразмѣрять свои силы со взятыми на себя обязанностями...

— И безъ того только и дѣлаемъ, что свою плоть ублажаемъ,—строго отвѣтила Софья Дмитріевна.

— Ну, вы-то не можете себя упрекать за это,—сказала матушка Серафима.

Ничего не отвѣчая на эти слова, Софья Дмитріевна спросила:

— Мнѣ говорила Варварушка, что маленькая Ксенія слегла? Что съ нею? опасно больна? Меня это такъ встревожило.

Ксенія была именно та дѣвочка, которая жаловалась Софьѣ Дмитріевнѣ, что ей «скучно».

— Ничего опаснаго нѣтъ, — отвѣтила настоятельница равнодушно.—Да вы и не думайте о другихъ; самимъ вамъ надо поправляться.

— Не могу я не думать объ этихъ несчастныхъ дѣтяхъ; они такъ и стоятъ передъ моими глазами, — проговорила Софья Дмитріевна, и въ ея голосѣ зазвучала рѣзкость. — Никого у нихъ нѣтъ, кто бы приласкалъ или подумалъ бы о нихъ.

Матушка Серафима мягко замѣтила:

— Сами вы создаете себѣ лишнія тревоги.

— Что вы мнѣ говорите! — еще болѣе рѣзко отвѣтила

Зимина, и ее охватило опять волненіе, какого не испытывала она ни разу во время болѣзни.—На себѣ надо испытать великое несчастіе быть незаконнымъ ребенкомъ, чтобы всей душой жалѣть этихъ дѣтей и знать всю величину грѣха ихъ матерей.

Ея глаза сурово остановились на лицѣ матушки Серафимы, точно впились въ него, и она еще болѣе строгимъ тономъ продолжала, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Хуже нѣтъ грѣха, какъ бросить свое дитя ради избѣжанія стыда и позора. Этотъ грѣхъ хуже, чѣмъ убійство взрослаго человѣка. Да, хуже! Взрослый могъ быть самъ виноватъ, взрослый могъ самъ вызвать на грѣхъ. А чѣмъ виноватъ младенецъ? Его обрекаемъ мы на гибель ради сокрытія своего собственнаго грѣха.

Ея, до этого времени тусклые, глаза засверкали теперь зловѣщимъ огнемъ, смотря на матушку Серафиму. Та невольно вздрогнула и выраженіе испуга отразилось на ея лицѣ. Еще никогда не видала она Зимину въ такомъ видѣ, никогда не слышала ее говорящею подобнымъ образомъ.

— Совѣсти у такихъ матерей нѣтъ, потому онѣ и могутъ людямъ въ глаза смотрѣть, — продолжала Зимина протяжно и внушительно. — Еще презираютъ тѣхъ, у кого совѣсть есть... Это, говорятъ, «помѣшанныя». Вотъ и на меня смотрятъ, какъ на помѣшанную, потому что я всѣ грѣхи свои сознаю,—всѣ, всѣ, до единаго...

Матушка Серафима тоже на минуту подумала, что Зимина сошла съ ума, и осторожно, почти робко замѣтила:

— Полноте, не волнуйтесь! Ужъ это не глупые ли разговоры тетки вашего мужа разстроили васъ? Стоитъ ли...

— А! и вы слышали, что она назвала меня сумасшедшей? — горячо перебила ее Зимина, и ея ротъ искривился горькой усмѣшкой.—Что-жъ, она способна по злобѣ хлопотать о признаніи меня безумной, чтобы опеку надо мной назначили, чтобы въ домъ умалишенныхъ меня упрятали. Наслѣдство имъ нужно. Я этого не боюсь. Ничего я не боюсь, кромѣ грѣха; никто мнѣ не страшенъ, кромѣ Бога.

И вдругъ, приподнявшись на локтѣ и пытливо смотря на матушку Серафиму, она спросила:

— А вы, значитъ, съ ней говорили?

— Нѣтъ, я ее не видала;—отвѣтила матушка Серафима.— Я же ея не знаю.

— То-есть забыли ее!—пояснила Зимина.

— Какъ забыла? — спросила настоятельница съ изумленіемъ.

— У стариковъ князей Баскаковыхъ она еще звавала васъ дѣвушкой, когда вы гостили тамъ,—пояснила больная, подчеркивая свои слова.

Матушка Серафима измѣнилась въ лицѣ.

— Она вамъ разсказывала,—начала она и не кончила.

— Все!—рѣзко отвѣтила Зимина, впиваясь въ нее лихорадочно блестящими глазами.

Матушка Серафима опустила глаза, чтобы не встрѣтиться съ ея взглядомъ. Зимина вдругъ сильно откинула голову на подушки и тихо проговорила:

— Вы меня вотъ съ перваго раза презирать стали, а я... я только пожалѣла васъ, душу вашу пожалѣла... Молиться надо о грѣхахъ, молиться!.. Богъ все знаетъ!..

Матушка Серафима, несмотря на все свое самообладаніе, почувствовала невольный ужасъ, точно передъ нею вставали изъ могилъ давно засыпанные землею покойники. Передъ ея воображеніемъ воскресло на минуту все горькое и обидное прошлое, котораго, казалось ей, не зналъ или, по крайней мѣрѣ, не помнилъ никто. Оно воскресло и было тѣмъ страшнѣе, что его знала, что о немъ говорила эта оскорбленная ею женщина. Что если она станетъ изъ жажды мести говорить объ этомъ прошломъ и Варварушкѣ, и матери Нектаріи, и всѣмъ встрѣчнымъ? Сказать, что она съ ума сошла? Но не она ли, мать Серафима, протестовала еще сегодня противъ этого и должна будетъ протестовать, если объ этомъ будетъ сдѣланъ официальный запросъ? И какъ страшно звучитъ этотъ глухой голосъ, какъ бы съ того свѣта, призывающій къ покаянію.

— О, эти мелкія душонки, способныя убить человѣка, но неумѣющія отдѣлаться отъ призраковъ!—почти вслухъ прошептала матушка Серафима...

Матушка Серафима поднялась съ мѣста. Зимина открыла опять помутившіеся глаза и пристально, тупо взглянула на нее; матушка Серафима растерялась и, пробормотавъ что-то безсвязное, склонивъ голову какъ бы для поклона, не своею походкой, какъ бы крадучись, вышла изъ комнаты. Варварушка переждала ухода матушки Серафимы и пробралась къ Зиминой, чтобы взглянуть, какъ подѣйствовалъ на больную визитъ игуменьи. Зимина, казалось, еще болѣе ослабѣла: за минутнымъ возбужденіемъ послѣдовалъ еще большій

упадокъ силъ. Варварушка стала ласково ее разспрашивать, какъ она себя чувствуетъ.

— Умирать собираюсь, — отвѣтила тихо и спокойно Зимина.

— Да что вы, голубушка!—воскликнула Варварушка.— Въ ваши-то годы? И кто теперь думаетъ о смерти, когда весна-красна на дворъ катитъ. Вотъ рѣки широко-широко разольются, напоятъ землю-кормилицу, потомъ трава пойдетъ душмяная, цвѣты расцвѣтутъ лазоревые, — ахъ, весна красная, весна красная! кажется, всю жизнь любовалась бы на нее...

— Счастливая вы, Варварушка, — тихо сказала Зимина, и по ея лицу скользнуло что-то въ родѣ улыбки.

— И то счастливая!—подтвердила весело Варварушка и въ порывѣ увлеченія взяла руку больной и стала ее ласково гладить. — И молода-то я, и здорова-то я, взгляну на міръ Божій—залюбуюся, пѣсню услышу—заслушаюсь, добра молодца встрѣчу—такъ бы на грудь ему и кинулась. А вотъ, погодите, замужъ выйду, тогда что захочу, то и стану дѣлать. Мужъ-то у меня будетъ покладистый, въ узелокъ его связывай, да притомъ богатѣй. Изъ себя онъ, правда, не вышелъ, ну, да съ лица не воду пить, — въ лѣта войдетъ, раздобрѣетъ, усы-бороду отпуститъ, ничего человѣкъ будетъ. А ужъ сколь богатъ, сколь богатъ, такъ это я и разсказать не могу.

— И скоро свадьба? — полудремотно и почти безсознательно спросила больная.

— Какъ вотъ травуръ у него по родителѣ кончится,— пояснила Варвара. — Никакъ нельзя это по купечеству до конца травура жениться. Да мнѣ что и торопиться? Погуляю я, младешенька; покрасуюсь по веснѣ, дѣвка, въ послѣдній разъ. Ахъ, жизнь,—жизнь дѣвическая, воля, никѣмъ не связанная, и хороши же вы!..

Она сладко потянулась, откинувшись немного назадъ и закинувъ бѣлыя руки за голову. Софья Дмитріевна уже тихо спала.

VII.

Въ чистопольскомъ соборѣ былъ храмовой праздникъ. Обыкновенно въ этотъ день обѣдню служилъ самъ «владыка». Богослуженіе бывало торжественное и привлекало богомольцевъ со всѣхъ концовъ города.

Въ церкви набралась масса народу, и отъ множества

горящихъ свѣчей, отъ яркихъ лучей весенняго солнца, заливавшихъ весь храмъ, духота была нестерпимая. Многіе богомольцы вышли на паперть да такъ тутъ и остались молиться. Среди этой толпы появилась и Варварушка. Она была неузнаваема и необыкновенно красива въ яркой одеждѣ, съ разгорѣвшимися щеками, съ широкимъ вѣнцомъ изъ мелко заплетенныхъ косъ. Сбросивъ съ головы красный шелковый, съ крупными бѣлыми узорами платокъ, она стала обмахивать аккуратно сложеннымъ бѣлымъ носовымъ платкомъ свое пылавшее лицо. На ея здоровую молодую красоту теперь можно было заглядѣться. Въ это время къ паперти подъѣхали щегольскіе купеческіе «бѣгунцы» и съ нихъ соскочилъ еще довольно молодой купчикъ, бросивъ вожжи своему возницѣ. Купчикъ былъ бѣлобрысый, веснушчатый, съ рѣдкими бѣлесоватыми больными волосами на головѣ, подбородкѣ и верхней губѣ, худощавый, худосочный «мозглякъ», какъ мѣтко звали его знакомые, приказчики и сидѣльцы. Завидѣвъ спускавшуюся съ лѣстницы Варварушку, онъ вѣжливо приподнялъ свой цилиндръ, наполовину обтянутый крепомъ, и его блѣдныя щеки залѣли слабымъ румянцемъ.

— Мое почтеніе, Варвара Михайловна,—проговорилъ онъ жиденькимъ бабьимъ голосомъ, вглядываясь въ нее золотушными свѣтлыми глазами.—Куда это отправляетесь?

— На приступочкѣ посидѣть; измаялась очень въ соборѣ-то, — скромно отвѣтила она и вскинула на него лукавые глаза.—Посижу, пока облаченіе владыки идеть.

— То-то вы и зарумянились, какъ солнышко красное,— любезно сказалъ онъ, и его тонкія малокровныя губы сложились въ плотоядную улыбку.

— Кажется, и всегда не блѣдна,—проговорила она, улыбаясь и спускаясь внизъ.

Купчикъ прошелъ въ церковь; Варвара сошла со ступени паперти. По бокамъ ступеней были каменные выступы, и она направилась къ одному изъ нихъ, самому нижнему, чтобы присѣсть. Ее неожиданно окликнулъ еще не отъѣхавшій возница бѣлобрысаго купчика.

— Наше вамъ!—сказалъ онъ, и въ его голосѣ послышалась искренняя радость. — Вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться.

Она вскинула на него недоумѣвающіе глаза и сразу узнала это красивое лицо подъ шапкой черныхъ блестящихъ кудрей. Тѣмъ не менѣе она сдѣлала видъ, что не узнаетъ его, и

посмотрѣла на него равнодушно, почти сурово: «чего, молъ, пристаешь?»

— Адресокъ-то на чугункѣ давали: «около вѣтра въ полѣ». Помните? Вотъ вѣтромъ меня и надуло, наконецъ, сюда,—весело пояснилъ молодой парень, улыбаясь.

— Не упомню что-то, — сказала она сухо и равнодушно. — Много народу-то видишь.

— Ну, а я-съ изъ тысячи васъ распозналъ бы,—проговорилъ онъ любезно.—Ей-Богу! По чугункѣ-то вмѣстѣ осенью ѣхали. Не припомните, нешто?

— Что-то вспоминаю теперь,—произнесла она.—Только, кажется, вы тогда по торговой части, а не въ кучерахъ состояли.

Въ ея голосѣ зазвучала насмѣшка.

— Мы и теперь-съ при прежнемъ дѣлѣ,—пояснилъ онъ немного обиженно: — только вотъ подвезъ хозяина, Силу Саввича...

Ему пришлось отъѣхать, такъ какъ къ паперти подъѣхалъ другой экипажъ. Варвара сѣла на каменный выступъ и стала опять обмахиваться платочкомъ, качая ногой, обутой въ щегольской башмакъ тонкой кожи и выглядывавшей изъ-подъ обшитой кружевами бѣлой юбки. Не прошло и пяти минутъ, какъ передъ ней стоялъ опять тотъ же парень, сдавшій кому-то торопливо хозяйскую лошадь.

— Сегодня на васъ посмотрѣть, такъ и приступу нѣтъ,— заговорилъ онъ, оглядывая любопытными глазами ея ярко-малиновое канаусовое платье, изъ-подъ котораго виднѣлась туго накрахмаленная и обшитая кружевами юбка, ея большія золотыя серьги, ея густыя и тяжелыя косы, въ нѣсколько рядовъ лежавшія на ея головѣ. — Ровно и не тѣ, что тогда были.

— За полгода-то и воды въ рѣкѣ много утечетъ, — насмѣшливо сказала она: — а ужъ объ жизни-то и говорить нечего.

— Еще бы, за столько-то времени съ самимъ Силой Савичемъ познакомиться можно, — видимо раздражительно произнесъ онъ съ ироніей въ голосѣ и впился въ нее вопросительнымъ взглядомъ.

Она взглянула на него гнѣвными глазами, точно онъ ее задѣлъ за живое.

— Что-жъ, на деликатное обращеніе посмотрѣвъ, отъ грубостей-то поневолѣ отвыкнешь, — сухо сказала она и поднялась съ мѣста.

— Что-то мы не слыхали объ его деликатности , а вотъ про деньги его точно знаемъ,—сказалъ онъ рѣзко и сдвинулъ свои темныя брови, между которыми залегла поперечная складка.

Она засмѣялась неслышнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

— А вамъ завидно? — кинула она, съ насмѣшкой, не глядя на него.

И пошла медленно, вверхъ по ступенямъ, ко входу въ храмъ.

«Такъ вотъ она какая, Варвара-то Михайловна, что и нашего мозгляка расшевелила»,—почти вслухъ проговорилъ молодой парень, провожая глазами удалявшуюся плавной походкой Варвару.

Никакъ онъ не думалъ, что та Варвара Михайловна, про которую шопотомъ сообщалъ ему и другимъ приказчикамъ и сидѣльцамъ мальчишка Игнашка, и къ которой повадился недавно ѣздить ихъ мозглякъ, была тою самою богомолкой, на которую онъ заглядѣлся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на желѣзной дорогѣ. Ужъ не на его ли деньги она расфуфыривается такъ? Да нѣтъ, гдѣ ему, мозгляку, раскошелиться. Подавится прежде изъ-за гроша. Однако, съ чего же она его принимаетъ, если онъ не даетъ ей денегъ? Ни кожи, ни рожи у него. Сгнилъ весь еще въ утробѣ матери.

Въ молодой душѣ шевельнулось враждебное чувство къ мозгляку...

«Мозглякъ», или Сила Саввичъ Коробейниковъ, перебрался въ Чистополье сравнительно недавно,—только послѣ смерти «тятеньки», Саввы Саввича Коробейникова,—перебрался съ коробейниковской мельницы, стоявшей за городомъ, на краю пригородной слободы. Савва Коробейниковъ дожилъ до восьмидесяти лѣтъ и при жизни сдѣлался уже героемъ легендъ и сказаній. Говорили, что онъ двадцатилѣтнимъ парнемъ утопилъ какого-то коробейника, отвертѣлся за недостаткомъ уликъ отъ суда—и «началъ жить». Говорили тоже, что его прозвали въ народѣ сначала коробейниковымъ убійцей, а потомъ какой-то пьяный писарь записалъ на его паспортѣ не просто имя Саввы Саввича, а прибавилъ еще фамилію Коробейниковъ, и эта роковая кличка такъ за нимъ и осталась, какъ клеймо каторжника, долженствовавшее напоминать ему до гроба его злодѣяніе. Далѣе говорили, что онъ забилъ свою первую жену, взятую изъ богатаго семейства, и ея двухъ сыновей изъ-за какой-то полюбовницы, которую потомъ довелъ своею ревностью и своимъ тиранствомъ до того, что она повѣсилась. Раз-

сказывали и еще многое множество мрачныхъ легендъ про него, называя его и колдуномъ, и знахаремъ, и разбойникомъ. Достовѣрнаго тутъ не было ничего, такъ какъ все это было такъ давно, что свидѣтелей всѣхъ этихъ мрачныхъ исторій или не было въ живыхъ, или они давно выжили изъ ума и перепутывали факты, приписывая Коробейникову и событія изъ жизни Пугачева, и случаи изъ жизни графа Аракчеева. Въ сущности было вѣрно одно, что его ненавидѣлъ окрестный народъ и, не помня его прошлаго, приписывалъ ему всякія пакости и преступленія, какъ бездушному міроѣду и живодеру. Савва зналъ, что его ненавидятъ, и не очень печалился объ этомъ, спокойно и методично выбивая изъ своихъ враговъ деньги и пуская ихъ по-міру. Самое его богатство сдѣлалось легендарнымъ, такъ какъ его называли «милліонщикомъ». Въ дѣйствительности, милліоновъ у него, конечно, не было, но богатъ онъ былъ точно. Жилъ онъ неровно: то по цѣлымъ мѣсяцамъ угрюмо и хмуро занимался дѣлами по своей мельницѣ и хлѣбной торговлѣ, то вдругъ на нѣсколько дней закучивалъ и предавался самому дикому и разнузданному разврату, въ которомъ проявлялась вся необузданность и животность этой натуры. Его вторая жена,—тщедушная женщина, лѣтъ на двадцать слишкомъ моложе его,—и его единственный, оставшійся въ живыхъ, сынишка Сила Саввичъ жили не въ городѣ, а «на мельницѣ», то-есть въ просторномъ и прочно построенномъ домѣ около старой мельницы, и трусливо ожидали ежедневно какихъ-нибудь дикихъ выходокъ со стороны «самого», безсознательно презиравшаго ихъ, какъ онъ презиралъ все слабое и безсильное. Они такъ привыкли дрожать передъ нимъ, что чувство страха сдѣлалось ихъ естественнымъ настроеніемъ, такъ что они постоянно ходили какъ бы ошалѣвшими, въ какомъ-то состояніи переполоха. Они боялись не только людей, которые могли убить и ограбить ихъ, но даже боялись старой почернѣвшей и гнилой, давно заброшенной, но почему-то не уничтоженной мельницы, гдѣ, по ихъ мнѣнію, было «нечисто», — боялись «слободы», гдѣ среди кабаковъ и гулящихъ домовъ происходили нерѣдко убійства и грабежи,—боялись слободского кладбища, гдѣ, по ихъ убѣжденію, по ночамъ бродили душеньки грѣшныхъ. А около нихъ бокъ-о-бокъ съ ними шла разгульная слободская жизнь: слободскія бабы, солдатскія вдовы и мѣщанки-торговки, и слободскіе кабаки, харчевни и постоялые дворы давно создали слободѣ репутацію какого-

то чистопольскаго вертепа. Сюда шли купить и пьянствовать фабричные и заводскіе пьяницы и развратники, здѣсь находили веселое пристанище мелкіе приказчики и рабочіе судовъ, проходившихъ по рѣкѣ Чистой, къ которой примыкала слобода. Въ самомъ коробейниковскомъ домѣ разгулъ и пьянство служащихъ у Саввы Саввича людей принимали иногда чудовищные размѣры въ отсутствіи «самого». Маленькій Сила наслушался и насмотрѣлся всего этого вволю. Въ немъ самомъ текла кровь его отца,—этой животной натуры,—и онъ, вѣроятно, началъ бы очень рано «хороводиться» съ разными служившими въ домѣ дѣвками, если бы не его тщедушный организмъ и не его вѣчный страхъ. Ради этого страха онъ только подслушивалъ, подсматривалъ, шпіонничалъ за тѣмъ, какъ развратничаютъ другіе, и изводился, худѣлъ, блѣднѣлъ, все болѣе и болѣе дѣлаясь «мозглякомъ». Отецъ пробовалъ его учить, для чего и нанималъ учителя-семинариста, но ученье шло плохо, такъ какъ память у Силы пропала очень рано: изъ страха онъ готовъ былъ просиживать за книгой цѣлые часы, но запомнить не могъ ничего. На двадцатомъ году отецъ послалъ Силу на нижегородскую ярмарку, и разные «молодцы» стали тамъ возить его по разнымъ вертепамъ. Сила не выдержалъ, заболѣлъ и когда болѣзнь, сильно напугавшая его, прошла, сталъ смотрѣть еще болѣе мозглякомъ, чѣмъ прежде. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ съ этой поры заглядываться на красивыхъ женщинъ, и одна трусость передъ возможностью опять захворать да ужасъ передъ тратою «естолькихъ деньжищъ» заставляли его только мучительно и болѣзненно вздыхать, глядя на этихъ красавицъ. Наконецъ, восьмидесятилѣтній Савва Саввичъ внезапно отдалъ Богу душу, раскричавшись на одного изъ служащихъ, и Сила сталъ богачомъ. Онъ одѣлся въ нѣмецкое платье, запасся траурнымъ цилиндромъ и переѣхалъ съ матерью въ Чистополье. Если при отцѣ Сила Саввичъ и его мать не смѣли тратить лишняго гроша изъ страха передъ «самимъ», то теперь они жались и дрожали надъ каждой копейкой, ради вошедшей имъ въ плоть и кровь разсчетливости и даже скупости. Въ эту-то пору случай столкнулъ Силу Саввича съ теткой Варвары, съ которою послѣдняя поселилась въ Чистополѣ. Тотъ же случай далъ ему возможность увидать и Варвару. Варвара, не думая еще ни о какихъ серьезныхъ послѣдствіяхъ, а просто по привычкѣ кокетничать со всѣми, начала любезничать и съ Силой Саввичемъ, и онъ совсѣмъ

обезумѣлъ отъ ея здоровой красоты. Его то и дѣло стало тянуть въ Посадскую улицу, гдѣ жила Варвара. Въ домѣ Коробейниковыхъ начали подсмѣиваться тайкомъ надъ «самимъ»,—теперь «самимъ» сдѣлался Сила Саввичъ,—говоря, что онъ завелъ какую-то «кралю». Мальчишка Игнашка, служившій на побѣгушкахъ въ домѣ, разсказывалъ «молодцамъ», что эту кралю зовутъ Варварой Михайловной, что живетъ она съ тетенькой-старицей, что изъ себя она бѣлая и румяная, что *самъ* ѣздитъ къ ней и возитъ даже гостинцы и подарки.

— Протретъ она ему глаза, если умна! — говорили «молодцы».

— Ну, ему не протрешь! Испужается, какъ увидитъ, что дорого платить надо,—разсуждали другіе.

Но никто не зналъ, много ли мозглякъ даритъ своей кралѣ, кто она и какія отношенія существуютъ между ними.

«Такъ вотъ кто она, самая-то краля эта, — разсуждалъ привезшій Силу Саввича въ соборъ молодой парень, разставшись съ Варварой:—и неужто она его полюбить могла? Или только ради денегъ хороводится съ нимъ?»

Онъ нахмурилъ брови и быстро рѣшилъ, что сегодня же узнаетъ у Игнашки, гдѣ она живетъ, и пойдетъ къ ней. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые откладываютъ запавшія имъ въ голову мысли. Часовъ въ семь вечера онъ уже направился къ тому дому въ Посадской улицѣ, гдѣ, по словамъ Игнашки, жила Варвара Михайловна. Отыскать ее было не трудно, такъ какъ она сама сидѣла за воротами своего дома и отъ бездѣлья лакомилась цареградскими стручками.

— Не ждали-съ?—окликнулъ онъ ее, поровнявшись съ нею и приподнимая шапку.

— Незнакомыхъ людей и ждать не приходится, — отвѣтила она, равнодушно взглянувъ на него.

— Уже вы нынче очень неприступны стали,—сказалъ онъ.

— А прежде-то вы меня знали, что ли? — спросила она насмѣшливо.—Кажись, знакомства не водили. Я вотъ даже и имени-то вашего не слыхивала.

— Матушка Сеней да Сенюшей звала, а люди Семеномъ Дмитріевичемъ величаютъ, — отвѣтилъ онъ и въ смущеніи спросилъ:—Позволите присѣсть?

— Не очень-то я люблю, чтобы прохожіе глаза на меня пялили да про меня языки чесали,—проговорила она и поднялась съ мѣста.—И въ домъ пора...

— А мнѣ такъ и минуточки не удѣлите на красоту вашу налюбоваться,—проговорилъ онъ.

— А и назойливы же вы,—сказала она, усмѣхаясь:—не хуже той старушонки, что тогда, на чугункѣ-то, все выспрашивала...

— Сохну по васъ,—произнесъ онъ со вздохомъ.

— Оно и замѣтно,—пошутила она, глядя съ усмѣшкой на его красивое румяное лицо.

Она двинулась къ воротамъ.

— Можно-съ?—спросилъ онъ.

— А какъ Сила Саввичъ заѣдетъ да васъ погонитъ?—шутливо сказала она, не отвѣчая прямо на его вопросъ.

Онъ весь вспыхнулъ до ушей и строптиво сказалъ:

— Хоть бы самъ-то ребра цѣлыми унесъ...

— Какой воевода нашелся!..

— Эхъ, Варвара Михайловна, не любили вы, видно, никогда!—проговорилъ онъ, махнувъ рукой.

— Скажите на милость, ужъ это вы не меня ли полюбили? Что больно скоропалительно?—произнесла она шутливо.

Они вошли въ домъ.

Домикъ былъ небольшой, но чистенькій, съ незатѣйливой мѣщанской обстановкой, въ которой сквозило, однако, стремленіе устроить все понарядніе, поудобніе. Бѣлыя, пробранныя узорами по филе, занавѣски у оконъ, пестрыя гарусныя скатерти на столахъ и на комодѣ, тщательно вымытые цвѣты на окнахъ, кровать съ высокими пуховиками и нарядными подушками, покрытая бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ съ кисейной оборкой,—все было чисто, говорило объ уходѣ.

Навстрѣчу вошедшимъ въ комнату вышла изъ кухни старушка-мѣщанка съ розовымъ лицомъ и умильной улыбкой, и въ поясъ искательно поклонилась гостю. Было сразу видно, что она давно привыкла и привѣтливо улыбаться, и низко кланяться всѣмъ и каждому: «отъ этого ея не убудетъ, а, смотришь, иной разъ что-нибудь и перепадетъ отъ добрыхъ людей». Она была одѣта въ черное ситцевое платье, въ черномъ, съ бѣлыми узорчатыми каймами, платочкѣ на головѣ.

— Сергѣй...—начала Варвара и остановилась.

— Семенъ,—подсказалъ молодой гость.

— Да, Семенъ Дмитріевичъ... у Силы Саввича служитъ,—пояснила Варвара теткѣ.

— Просимъ покорно, батюшка,—сказала ласково и не-

много слащаво старуха.—Мы доброму человѣку всегда рады. Сиротками съ племянницей вотъ живемъ здѣсь...

Варвара скинула накинутую на плечи шубейку, сбросила съ головы шелковый платокъ и осталась въ одномъ платьѣ, ловко обрисовавшемъ ея стройную, здоровую фигуру. Пока старуха-тетка ставила самоваръ въ кухнѣ, молодые люди разговорились. Словоохотливая Варвара мелькомъ разсказала, что она лѣтъ съ шести и до семнадцати прожила въ монастырѣ. Ее туда отдали обучаться грамотѣ и рукодѣлью: одна ея тетка монахиней была, а другая—вотъ эта, что съ ней живетъ,—хоть въ монастырь и не пошла, а тоже богомолка. Потомъ она, Варвара, кончила занятія въ монастырской школѣ и теперь лѣтъ шесть живетъ на волѣ, въ своемъ домѣ, съ теткой. Она умолчала, что живетъ съ теткой не шесть лѣтъ, а всего съ годъ. Въ мелкія подробности она не считала нужнымъ входить и допускала небольшія неточности въ разсказѣ. Онъ спросилъ ее шутя, отчего она не пошла въ монахини, и она, смѣясь, отвѣтила, что «вотъ-то тоже неволя себя обвязывать!» Съ монастыремъ она, впрочемъ, не порвала связи, хотя ея тетка-монахиня и умерла. И при пріютѣ монастырскомъ она нѣкоторое время состояла, и матушкѣ Серафимѣ прислуживала даже. Нѣсколько разъ ѣздила по дѣламъ матушки Серафимы въ Петербургъ и въ Москву, а теперь вотъ уже полгода живетъ безвыѣздно въ Чистополѣ съ теткой и ея пріемышемъ, четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ. Семенъ Дмитріевичъ разсказалъ съ своей стороны, что онъ по торговой части служитъ у Силы Саввича, и еще при отцѣ его, Саввѣ Саввичѣ, жилъ у нихъ въ домѣ; что жили они прежде на коробейниковской мельницѣ, а вотъ теперь, не очень-то давно, перебрались въ Чистополье.

— Вы съ Силой-то Саввичемъ давно знакомы изволите быть?—спросилъ Семенъ Дмитріевичъ.

— Безъ году недѣля будетъ,—небрежно отвѣтила Варварушка.—Тетка вотъ къ его маменькѣ ходитъ, — та, извѣстно, всѣхъ богомолокъ ублажать любитъ,—а онъ вотъ увидалъ меня разъ и повадился ѣздить сюда. Мухи-то къ меду льнутъ.

Она засмѣялась пренебрежительнымъ смѣхомъ.

— Мозглякомъ его у насъ зовутъ,—сказалъ Семенъ Дмитріевичъ хмуро.

— Мозгляк-мозгляк, а денегъ куры не клюютъ,— проговорила Варвара:—потому всѣ и потрафляютъ.

— Конечно, если душа у кого продажная, такъ и ему на шею кинуться можно,—сердито и рѣзко отвѣтилъ онъ.—Только и ошибиться въ расчетѣ можно, на его деньги позарившись: грошомъ каждымъ онъ давится.

— Женится—перемѣнится,—отвѣтила смѣло Варвара.—Жена-то сумѣетъ найти, въ которомъ карманѣ у него ключи лежатъ.

— И пренесчастная женщина будетъ, коли которая пойдетъ за него,—проговорилъ Семенъ Дмитріевичъ:—потому мозглякъ онъ, какъ есть мозглякъ, сгнилъ весь ради своей скаредности.

— А и не любите же вы его!—засмѣялась она.

— Да, кажется, изъ своихъ рукъ бы задушилъ ужъ за одно то, что этакій-то человѣкъ и можетъ чужой вѣкъ заѣсть, да еще, можетъ-быть, чей вѣкъ-то!—страстно воскликнулъ онъ, взглянувъ на нее заблестѣвшими глазами.

Старуха-тетка внесла въ комнату подносъ съ чайной посудой, потомъ притащила самоваръ и завозилась около него, приготовляя чай.

— Ну, тоже и подавиться можетъ, коли попробуетъ заѣдать чужой вѣкъ-то,—отвѣтила, смѣясь, Варвара.—Иную не проглотишь!

— Это точно, что иную не проглотишь,—болѣе веселымъ тономъ согласился Семенъ Дмитріевичъ.—Только и не сласть съ такимъ-то человѣкомъ зубъ-за-зубъ грызться. Онъ вѣдь драться не станетъ, силенки не хватитъ, а пилить да поѣдомъ ѣсть—это его дѣло.

Тетка разлила чай и стала угощать:

— Кушайте, почтеннѣйшій Дмитрій Семеновичъ, на здоровье; баранки-то горячія были, какъ изъ пекарни несли; чѣмъ Богъ послалъ.

На нее не обращали особеннаго вниманія и продолжали начатый разговоръ.

— А и дивлюсь я на ваше женское сословіе! Какъ это ваша сестра готова замужъ идти и за урода, и за старика, и за немилаго,—заговорилъ опять Семенъ Дмитріевичъ, прихлебывая налитый на блюдечко чай.—Да мнѣ бы, кажется, тысячи давай, такъ я на какой-нибудь старой каргѣ не женился бы. Ни въ жизнь!

— А тоже съ пригожимъ-то да хорошимъ—пальцемъ закусывать да водой запивать,—ахъ, какъ не весело,—замѣтила Варвара, качая головой.

— Зачѣмъ же такую незадачу изображать?—возразилъ

Семенъ горячо.—По-моему, коли любишь да здоровъ и молодъ, такъ на все пойдешь для своей разлапушки, только бы она горя-нужды не знала.

Варвара засмѣялась и взглянула на него лукавыми замаслившимися глазами.

— А вы бы на что пошли?—кинула она вопросъ.

— Да на все-съ!—живо воскликнулъ онъ, лихо тряхнувъ кудрями.—На все-съ!

— Однако, на что это—на все-то?—полюбопытствовала она.

— Одно слово! на все-съ! Горы двинулъ бы, на дно моря полѣзъ бы, — пояснилъ онъ бойко, опять тряхнувъ курчавой головой.—Вы меня не знаете еще, Варвара Михайловна! Нѣтъ, не знаете, какой я такой человѣкъ.

— Точно что не знаю, и имя-то ваше сегодня только услыхала.

Въ ея голосѣ прозвучала насмѣшка.

— Отъ васъ зависитъ и совсѣмъ узнать, если позволите знакомство продолжать,—спросилъ онъ.—Да я такой человѣкъ, что и узнать-то меня легко: весь на ладони!

— Что-жъ, ходите почаще, носите пряниковъ послаще,—пошутила она.

Онъ обрадовался.

— Только позвольте, всего принесу, что вздумаете!—воскликнулъ онъ.

— Это вы насчетъ пряниковъ-то, такъ я это пошутила,—пояснила степенно Варвара.—А бывать—бывайте, если не соскучитесь. Съ нами, съ бабами, вашему брату скучно бываетъ.

— Да я не то что... Смотрѣть на васъ позволите, я и то не соскучусь,—страстно увѣрялъ онъ.

Она какъ-то неопредѣленно покачала головой, не то удивляясь его рѣчамъ, не то не довѣряя имъ...

Время было уже довольно позднее и надо было идти. Старуха еще угощала гостя:

— Еще стаканчикъ, почтеннѣйшій Сергѣй Дмитріевичъ, и ничего вы не кушали-то; у насъ попросту, люди мы небогатые, сиротки.

Онъ благодарилъ:

— Много доволенъ угощеніемъ; не ѣда важна, а привѣтъ да ласка...

Когда онъ ушелъ, старуха-тетка начала прибирать посуду со стола и мелькомъ спросила Варвару:

— Да онъ изъ какихъ будетъ?

— Въ приказчикахъ состоитъ у Силы Саввича, — отвѣтила Варварушка, неторопливыми движеніями рукъ развертывая на головѣ свои косы, которыя длинными темными змѣями упали вдоль ея спины чуть не до полу.

— Такъ, значитъ, это Сила Саввичъ его прислалъ? — сообразила тетка.

— Такъ онъ и пришлетъ такого красавца, — отрывисто отвѣтила Варварушка, несшѣшно раздѣваясь.

Она, выдвинувъ впередъ полную грудь, прикрытую одной сорочкой, сладко потянулась обѣими руками, закинувшимися на минуту къ затылку и обнаженными до самыхъ плечъ, и промолвила:

— А и точно, хорошъ парень!

— Ужъ на что красивѣе,—согласилась тетка и опасливо прибавила: — только ты, дѣвка, смотри, какъ бы чего не вышло. Охъ, грѣхи наши, грѣхи тяжкіе! Сама я была молода. Знаю!

Варварушка засмѣялась тихимъ смѣхомъ:

— Обожжешься на молокѣ, станешь дуть и на воду.

Она тихо запѣла какую-то пѣсню, ходя по комнатѣ и играя концами своихъ косъ. Потомъ вдругъ оборвала пѣсню на полусловѣ и проговорила, неторопливо закинувъ за спину косы:

— Вотъ, если бы Сила Саввичъ въ такого молодца обратился — просиживала бы я съ нимъ, дѣвка, ночи лѣтнія, миловала бы его, цѣловала бы, а то...

И вдругъ, не кончивъ фразы, она звонко засмѣялась.

— А знаете, тетенька, его молодцы ихніе мозглякомъ прозвали. Мозгликъ онъ и есть... Ей-Богу!

VIII.

У чистопольскаго губернаторскаго дома то и дѣло останавливались экипажи. Это было утромъ 21-го мая, въ день именинъ жены губернатора, Елены Васильевны Челищевой.

Большинство поздравителей оставалось въ домѣ по нѣсколько минутъ и уѣзжало обратно. У губернатора, въ этотъ день, обыкновенно бывалъ большой званый обѣдъ, и утренніе посѣтители губернаторскаго дома оставляли въ немъ только свои визитныя карточки или расписывались въ книгѣ поздравителей. Завтракъ, послѣ обѣдни и молебна, происходилъ въ тѣсномъ кружкѣ домашнихъ и близкихъ къ губернаторской семьѣ лицъ. Въ числѣ этихъ лицъ была и матушка Серафима, не только какъ настоятельница мо-

настыря, но и какъ дальняя родственница Челищевой. Въ семьѣ губернатора къ матушкѣ Серафимѣ относились съ большимъ уваженіемъ и во многихъ случаяхъ дѣйствовали черезъ нее, когда нужно было что-нибудь обдѣлать въ Петербургѣ, гдѣ у нея сохранилось множество связей съ «нужными» людьми.

Среди непринужденной и довольно веселой свѣтской болтовни за завтракомъ самъ Челищевъ, еще довольно молодой и еще болѣе молодящійся человѣкъ съ выправкой свѣтскаго гвардейца, внезапно что-то вспомнилъ и обратился къ матушкѣ Серафимѣ по-французски:

— Чтобы не забыть, ma tante: есть у васъ въ монастырѣ какая-нибудь Зимина?

Матушка Серафима слегка вздрогнула отъ неожиданности и, чтобы скрыть смущеніе, переспросила, немного щуря глаза:

— Зимина?

Потомъ, какъ бы вспомнивъ, прибавила:

— Да, есть; она еще въ монашество не поступала, но такъ живетъ у насъ и занимается въ школѣ... А что?

— Такъ, пустяки, — отвѣтилъ небрежно Челищевъ. — Я такъ и думалъ, что это какія-нибудь гнусныя выдумки, какой-нибудь шантажъ. Вы говорите, что она занимается въ школѣ?

— Да, учитъ вышивать гладью, шелками и золотомъ. Удивительная рукодѣльница!

Она обратилась къ Челищевой:

— И какой вкусъ, сколько умѣнья все сдѣлать въ извѣстномъ стилѣ. Ты, Hélène, заѣзжай взглянуть. Впрочемъ, она была женой ростовщика или антикварія какого-то, право, не знаю, и научилась оцѣнивать вещи, разбирать стили. Не хуже любого художника...

Челищевъ мелькомъ замѣтилъ:

— А вы знаете, ma tante, ее хотятъ выставить сумасшедшей... Впрочемъ, теперь я это понимаю, послѣ вашихъ словъ о томъ, что она была женой ростовщика. Деньги, вѣроятно, спать не даютъ кому-нибудь...

Матушка Серафима пожала презрительно плечами.

— Дай Богъ, чтобы всѣ сумасшедшіе умѣли такъ работать, такъ учить работать дѣтей, — сказала она, усмѣхаясь. — Она, правда, очень суровый и необщительный человѣкъ, но дѣти ее обожаютъ. Мнѣ кажется, у нея былъ какой-то романъ въ жизни, притомъ же она съ дѣтства

стояла въ ложномъ положеніи: росла въ порядочной семьѣ, какъ дочь, а потомъ оказалось, что она незаконная дочь...

Разговоръ перемѣнился, какъ никому не интересный, и, только спустя нѣсколько времени, матушка Серафима спросила небрежно:

— Что же это офиціальному слѣдствію какому-нибудь и допросу подвергнутъ эту несчастную женщину?

— Кого это? — спросилъ Челищевъ, уже забывшій о Зиминой.

— Эту Зимину,—пояснила матушка Серафима.

— А! пустяками какими-нибудь все кончится, — сказалъ Челищевъ: — я еще и самъ ничего не знаю хорошенько. Такъ мелькомъ вчера услыхалъ, что хотятъ какое-то дѣло начать. Я даже не разспрашивалъ подробно.

— Очень жаль будетъ, если ее потревожатъ... Это должно быть всегда очень оскорбительнымъ для человѣка,—сказала сухо матушка Серафима.

Послѣ завтрака, она поѣхала домой, провожаемая до лѣстницы всей губернаторской семьей. Только оставшись въ коляскѣ одна, она сдвинула свои брови и ея лицо приняло озабоченное выраженіе. Заботиться было о чемъ.

Знавшіе матушку Серафиму говорили, что у нея совершенно не женскій складъ ума, что она — философъ. Дѣйствительно, она была сильной, здоровой натурой, не способной мучиться вопросами о томъ, что было и прошло. Ошибки прошлаго, мучительныя несчастія, несбывшіяся надежды, утраты въ быломъ, все это было для нея чѣмъ-то такимъ, что роковымъ образомъ должно было случиться въ жизни и что оплакивать долго было бы не въ ея натурѣ. Она хорошо знала, что никакими слезами, никакими мольбами нельзя вернуть ни одной прошедшей минуты или исправить даже самой ничтожной сдѣланной ошибки. Это не былъ культурный цинизмъ развращенной до мозга костей Шустовой, это не была примитивная, безсознательная безнравственность Варварушки, — это былъ просто трезвый взглядъ здоровой натуры, не понимавшей безплоднаго первичанья. «Раскаянье и сожалѣнье—есть слабыхъ душъ мученье», повторяла она слова своего любимаго писателя и дѣлала все возможное, чтобы только предать полному забвенію прошлое. Ея мертвецы были похоронены ею и она знала, что ихъ нечего вызывать снова изъ могилъ. Она, какъ гетевскій Прометей, могла сдѣлать вызовъ Зевесу, сказавъ, что она не уйдетъ въ пустыню изъ-за того,

что не всѣ ея цвѣтущіе сны сбылись въ жизни. Сдѣлавъ въ увлеченіи честолюбивыми мечтами ошибку въ молодости, она не упала духомъ, поняла сразу, что ея роль въ «свѣтѣ» сыграна, что ея самолюбіе не позволитъ ей никогда выйти замужъ, если бы кто-нибудь, изъ любви, изъ снисхожденія или изъ жалости къ ней, и рѣшился простить ей ея проступокъ, —и твердо пошла на новый путь, вступивъ въ монастырь и надѣясь выдвинуться изъ безличной толпы малограмотныхъ, малоразвитыхъ, неспособныхъ къ дѣлу жизни монахинь, вступавшихъ въ монастырь для оплаканія своихъ грѣховъ, для спасенія своей души, для отчужденія отъ міра сего въ чаяніи лучшей жизни за гробомъ. Все это мало заботило ее. Дѣйствовать, созидать, вліять на людей, — вотъ что нужно было ей, и она уже при старой настоятельницѣ монастыря сумѣла выдвинуться впередъ: подъ ея руководствомъ въ монастырѣ начались обновленіе, пристройки, поправки, устройство школы, больницы; она проектировала общину сестеръ милосердія. Она стала вести обширную переписку, сперва по дѣламъ монастыря, потомъ давая совѣты людямъ, обращавшимся къ ней съ чисто житейскими вопросами, и мало-по-малу пріобрѣла ту извѣстность, о которой нечего было и мечтать какой-нибудь Софьѣ Павловнѣ Муратовой. Эта Софья Павловна Муратова умерла навсегда для нея самой, и она старалась, чтобы и «свѣтъ» считалъ ее умершей и зналъ бы только мать Серафиму. Она была вполнѣ довольна своимъ новымъ положеніемъ, своимъ новымъ образомъ жизни, своею новою дѣятельностью,—какъ вдругъ точно какой-то кошмаръ встревожилъ ее и сбилъ съ толку при появленіи въ монастырь Зиминой. Отнесшись въ душѣ къ этой жалкой женщинѣ, кающейся въ невѣдомомъ постороннимъ людямъ грѣхѣ, съ высокомѣрнымъ, чисто инстинктивнымъ презрѣніемъ, матушка Серафима не рѣшалась просто-на-просто оттолкнуть ее и не отказалась отъ пожертвованій этой женщины, отъ ея услугъ по школѣ. Она была недовольна собою, поступивъ такъ, но въ этомъ недовольствѣ не было какихъ-нибудь опасеній или страха: ожидать какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій, какихъ-нибудь опасностей отъ этого было трудно, какъ вдругъ случились совершенно непредвидѣнныя событія. Явились люди, которымъ, ради матеріальныхъ расчетовъ, было выгодно доказать, что Зимина сумасшедшая и что этимъ якобы пользуется монастырь, желающій обобрать ее и уже отчасти обобравшій. Одно это уже встре-

вожило матушку Серафиму, хотя она и чувствовала себя чистой въ этомъ дѣлѣ. Правда, она нѣсколько путалась въ денежныхъ дѣлахъ, прибѣгала къ займамъ, такъ какъ ея планы были всегда шире ея денежныхъ средствъ, но никто еще покуда не могъ упрекнуть ее въ корыстолюбіи, въ стремленіи ограбить кого-то. Теперь объ этомъ заговорили, и она понимала, что всему дурному люди повѣрятъ и скорѣе, и легче, чѣмъ хорошему. Дѣло, между тѣмъ, не ограничилось однимъ этимъ, а усложнилось новыми обстоятельствами: матушка Серафима узнала, что Софьѣ Дмитріевнѣ извѣстно все ея прошлое, которое знала въ монастырѣ одна только мать Дороѳея, безмолвная, какъ могила, во всемъ, что касалось матушки Серафимы. И какъ отнеслась къ этому прошлому Зимина? Мать, бросившая свое дитя для сокрытія своего позора и стыда, по ея мнѣнію, хуже обыкновенной убійцы. Это было сказано Зиминою съ такою ужасающей, съ такою угрожающей страстностью, что ясно было сразу желаніе говорившей отомстить матушкѣ Серафимѣ за презрѣніе къ ней, Зиминой. Матушка Серафима не могла отдѣлаться отъ воспоминанія о взглядѣ Зиминой, когда та сказала и особенно подчеркнула, что ей разсказано про матушку Серафиму «все». Что если она начнетъ разсказывать о прошломъ матушки Серафимы, разсказывать съ преувеличеніями Шустовой? Не подорветъ ли это авторитета матушки Серафимы въ глазахъ монахинь, которыя любятъ и безъ того сплетничать и интриговать противъ выдающихся изъ ихъ среды, противъ перерастающихъ ихъ личностей? Не подорветъ ли это ея авторитета тѣмъ болѣе, что ее не любятъ, какъ нововводительницу, а на Зимину уже начинаютъ смотрѣть какъ на подвижницу? Къ Зиминой чуть не подъ благословеніе подходятъ. Дѣвочки, всегда склонныя къ обожаніямъ, къ созданію своихъ собственныхъ кумировъ и идоловъ, благоговѣютъ передъ нею, и одной изъ нихъ, вздумавшей молиться и поститься, какъ Зимина, матушка Серафима сдѣлала даже строгій выговоръ, зная, къ чему ведутъ въ юные годы излишніе экстазы и нервничанья. Дѣлать кликушъ и юродивыхъ изъ послушницъ и клирошанокъ она вовсе не желала, не любила ихъ, не вѣрила въ нихъ. Мѣсто юродствующимъ, по ея мнѣнію, было не въ храмѣ, а въ больницѣ для умалишенныхъ. Но суевѣрные неразвитые люди всегда увлекаются этими блаженными и юродивыми, потомъ начинается повальная нравственная зараза, подражатель-

ность, желаніе спать на гвоздяхъ, бичевать тѣло, не мыться и не чесаться, ходить въ лохмотьяхъ и мечтать о веригахъ, думая, что душеспасительный подвигъ тѣмъ выше, чѣмъ тяжелѣе эти вериги. «Еще эта дура Дороѳея растрезвонила вездѣ, какъ молится Зимина,—раздражительно думала матушка Серафима. — Во всѣ щелки подсмотритъ и благовѣститъ потомъ на всѣхъ перекресткахъ о своихъ открытіяхъ!» Если бы можно было удалить Зимину, если бы можно было ее огласить сумасшедшей! Но какъ же удалить ее, когда она внесла столько за свое содержаніе, когда ей столько задолжалъ монастырь? Какъ назвать ее сумасшедшей, когда именно это-то теперь и опасно, когда нужно болѣе всего заботиться о томъ, чтобы никто и заикнуться не смѣлъ о ея умоповѣшательствѣ? Матушка Серафима чувствовала, что она попала въ какой-то темный лабиринтъ, изъ котораго она не имѣетъ возможности выпутаться...

Матушка Серафима, какъ человѣкъ гордый, властолюбивый и непреклонный, была менѣе всего способна хитрить, унижаться, лгать передъ людьми, а между тѣмъ въ сношеніяхъ съ Зиминой ей приходилось теперь поступать именно такъ, прикрываться личиной и смотрѣть почти такъ же смиренно на Зимину, какъ еще недавно смотрѣла Зимина на матушку Серафиму. Ее не слѣдовало раздражать; нужно было заботиться объ ея здоровьѣ; слѣдовало вліять на нее въ извѣстномъ направленіи, успокаивая эту больную душу. Эта задача была не подъ силу самой матушкѣ Серафимѣ; нужно было прибѣгать къ помощи другихъ, чтобы онѣ вліяли на Софью Дмитріевну.

Главнымъ образомъ, надежды возлагались на мать Нектарію.

По совѣту матушки Серафимы, матушка Нектарія уговаривала выздоравливавшую Софью Дмитріевну и подкрѣпляться пищею, и гулять по монастырскому саду для укрѣпленія здоровья. Наивная и благодушная мать Нектарія говорила Зиминой:

— Да кто же безъ васъ, голубушка, о благолѣпіи-то утвари церковной порадѣетъ? Вотъ вы только слегли—дѣло сейчасъ же и остановилось. Вѣдь такой-то мастерицы, какъ вы, и не сыщешь скоро. И дѣтки-то подъ вашимъ руководствомъ усерднѣе работаютъ. Полюбили ужъ очень васъ за кротость вашу.

— Несчастныя знаютъ, что и я ихъ люблю! — со вздохомъ замѣтила Зимина, дѣйствительно привязавшаяся всей душой къ дѣвочкамъ.

Въ ихъ несчастіяхъ она видѣла повтореніе несчастій своего дѣтства.

— Ну, отчего же несчастныя, здѣсь-то, въ обители-то райской?—запротестовала матушка Нектарія.—Да лучшей доли и быть не можетъ, какъ ихъ доля. Какого же имъ еще-то счастія нужно, коли онѣ сподобились здѣсь въ обители жить? Ни грѣховъ, ни соблазновъ не видятъ...

— Отцовъ и матерей никто не замѣнитъ,—проговорила Зимина.—И не знаю я, какъ могутъ жить тѣ отцы и матери, которые бросаютъ своихъ дѣтей. Какъ они могутъ спокойно, безъ содроганія смотрѣть на дѣтей безъ рода, безъ племени, брошенныхъ на произволъ судьбы? Да я бы ночей не спала, думая, что вотъ та или другая нищая — мой ребенокъ. И сколько людей доходитъ до гибели именно изъ-за того, что ихъ бросили матери и отцы. Не только нищими дѣлаются такія дѣти, но грабителями, ворами, убійцами...

Мать Нектарія сочувственно вздыхала, угадывая, что это—хорошія рѣчи. Недаромъ же онѣ звучатъ такою страстностью въ устахъ Зиминой. Сама она, мать Нектарія, никогда ни о чемъ такомъ не задумывалась: рано оставшись сиротой, она выросла въ монастырѣ, обласканная покойной игуменьей, ни разу не почувствовавъ, что она сирота; оставшись навѣкъ монахиней-дѣвственницей, она не испытывала положенія матери, принужденной бросать своихъ дѣтей, и даже не знала, что бываетъ въ міру съ подобными дѣтьми. Міръ и все мірское были совершенно чужды ей: она знала только, что тамъ скопились всѣ грѣхи, всѣ соблазны, все зло, и радовалась, что она была съ колыбели ограждена отъ этого грѣховнаго омута. Тѣмъ не менѣе она въ умиленіи удивлялась рѣчамъ Софьи Дмитріевны и, по обыкновенію, наивно сообщала отъ слова до слова ихъ содержаніе матушкѣ Серафимѣ.

Матушка Серафима, слушая мать Нектарію, передававшую ей слова Зиминой, испытывала такое ощущеніе, какъ будто она теперь ходила по краю пропасти и ждала, что вотъ-вотъ кто-то сейчасъ столкнетъ ее въ эту пропасть. И, точно призракъ, медленно мелькала между деревьями сада, въ часы вечерняго отдыха, эта исхудалая, всегда смотрѣвшая сосредоточенно и мрачно женщина, сопровождаемая одной изъ послушницъ, восторженно и жадно слушавшей ея суровыя рѣчи о грѣхѣ, о совѣсти. Матушка Серафима чувствовала, какъ отражаются эти суровыя рѣчи на необра-

зованныхъ людяхъ и на молодыхъ душахъ, и не рѣшалась даже выйти навстрѣчу этой женщинѣ и рѣзко сказать ей:

— Что вы смущаете ихъ?

Чѣмъ смущаетъ? Тѣмъ, что велитъ бояться грѣха? Тѣмъ, что говоритъ, что нѣтъ ничего страшнѣе угрызеній совѣсти? Тѣмъ, что разъясняетъ, что всѣ бѣды происходятъ отъ того, что у людей пропала совѣсть? Развѣ противъ этого можетъ протестовать настоятельница монастыря? Развѣ смѣетъ она назвать все это суевѣрнымъ вздоромъ, пустымъ нервничаньемъ, пустымъ страхомъ передъ призраками?

Но не говоритъ ли она, эта мрачная женщина, проходящая медленно по саду съ восторженной послушницей, и чего-нибудь другого, не называетъ ли чьего-нибудь имени,— имени ея, матушки Серафимы? Въ душѣ матушки Серафимы поднималась непобѣдимая тревога.

— Посмотрю я на нее да послушаю ея рѣчей; ровно безумная она, — говоритъ мать Дорооѳея, разсказывая игуменьѣ про Зимину.

— Что ты выдумываешь! — строго прикрикнетъ на нее матушка Серафима. — У васъ чуть набоженъ человѣкъ, да вашими бабьими сплетнями не занимается, сейчасъ и безумный.

Мать Дорооѳея начинаетъ моргать глазами, ничего не понимая, и глубокомысленно стягиваетъ губы въ трубочку. По ея лицу такъ и видно, что она опасливо думаетъ въ эту минуту: «не угодила!»

— Варварушка, и та теперь рѣже къ ней забѣгаетъ,— рѣшилась пояснить однажды мать Дорооѳея, говоря о Зиминой съ настоятельницей монастыря.—Очень ужъ она ее донимаетъ своими попреками.

— Какими попреками? — хмуро спросила матушка Серафима.

— И весела-то она, и Бога-то забыла, и страху-то у нея нѣтъ, — пояснила мать Дорооѳея, готовая всегда сплетничать. — А что-жъ, извѣстно, дѣвка молодая, въ міру живетъ.

И мать Дорооѳея таинственно сообщила:

— Замужъ собирается... проговорилась намедни, что какой-то багатѣй сватается...

— Развратничаетъ просто!—оборвала ее матушка Серафима:—скоро пускать въ монастырь нельзя будетъ.

— Что-жъ, она не монахиня, — заступилась за нее мать Дорооѳея.—Мы за нее въ отвѣтѣ не будемъ... А что шашни

она какія-то завела—это вѣрно! — поторопилась заключить мать Дорооея.—Сама вчера своими ушами слышала, какъ она Софьѣ Дмитріевнѣ сказала: «Эхъ, коли бы у меня да деньги, не за богатаго, а за милаго пошла бы я»... Значитъ, милый-то есть... безпремѣнно есть...

Матушка Серафима разсердилась.

— Мало еще васъ всѣхъ коритъ Зимина... Дѣйствительно, вы всѣ по уши въ грѣхахъ завязли...

Мать Дорооея, стянувъ губы, смиренно смолкла: за послѣднее время она никакъ не могла угодить матушкѣ Серафимѣ и постоянно говорила что-нибудь невпопадъ...

Она была права: у Варварушки если и не было милаго въ томъ смыслѣ, какъ могла понимать эти слова матушка Дорооея, то, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ, въ бесѣдахъ съ которымъ она отдыхала отъ бесѣдъ съ Силой Саввичемъ и его глуповатою матерью. Этотъ человѣкъ былъ Семенъ Дмитріевичъ. Онъ чуть не ежедневно забѣгалъ къ Варварушкѣ; онъ, какъ тѣнь, слѣдилъ за ней, когда она стала появляться вмѣстѣ со своею теткою у матери Силы Саввича.

— Что-съ, насытились мненіями на постномъ маслѣ?— спрашивалъ онъ насмѣшливо у Варварушки, устороживъ ее на лѣстницѣ при выходѣ отъ Коробейниковыхъ.

— Не вѣчно же масленицу справлять,—отзывалась она мимоходомъ, даже не глядя на него.

Потомъ, когда, послѣ подобной выходки, онъ заходилъ къ ней, она дулась на него или вышучивала его, а онъ, не зная какъ угодить, дарилъ ей то колечко, то сережки.

— Это золотыя? — небрежно спрашивала она, разглядывая сережки.

— Смѣю ли я презентовать вамъ какія другія!—восклицалъ онъ.

— Ну, дареному коню въ зубы не смотрятъ,—поясняла она равнодушно.—А я только насчетъ того спрашиваю, что коли не золотыя, такъ надѣвать нельзя: мочки у меня зеленѣютъ отъ мѣди.

Иногда онъ уговаривалъ ее пойти съ нимъ вечеромъ прогуляться. Она отговаривалась тѣмъ, что «увидятъ». Впрочемъ, когда становилось совсѣмъ темно, она соглашалась пройтись съ нимъ нижней тропинкой, лежавшей между рѣкой Чистой и монастырскими огородами. Тамъ никогда не бывало народу, а видъ оттуда былъ своеобразный. Въ одну сторону — на противоположномъ берегу тянулась «слобода»

съ ея покривившимися, лѣпившимися одна подлѣ другой избами, съ ея пестро раскрашенными трактирными домами, съ ея вѣчно шумными кабаками; въ другую—раскидывался зеленый холмистый пустырь, поросшій травой и кустарникомъ, а за нимъ вливалась въ Чистую маленькая рѣчонка Черная, на которой чернѣлись остатки заброшенной и полуразвалившейся коробейниковской мельницы. Порой Варварушка и Семенъ Дмитріевичъ сходились какъ бы случайно и бродили взадъ и впередъ по берегу, покуда совсѣмъ не темнѣло въ воздухѣ. Въ одну изъ такихъ встрѣчъ Семенъ пояснилъ, что онъ на лодкѣ пріѣхалъ.

— Вонъ она тамъ у плотика и стоитъ,—сказалъ онъ, и въ его голосѣ послышались какія-то заискивающія, почти жалобныя нотки.—Покатаемтесь...

— Чтобы народъ-то Богъ-вѣсть что заболталъ? — сказала она.

— Какой же народъ? влѣво-то по рѣкѣ ни души не встрѣтимъ,—пояснилъ онъ. — А ужъ вечеръ-то очень прельстительный.

— Да, душно!—согласилась она, сбрасывая съ шеи шелковый платокъ, и вдругъ неожиданно рѣшила. — Что-жъ, прокатите!

Онъ заторопился, радостный, смѣющійся. Они сѣли въ лодку. Онъ взялся за весла; Варварушка сѣла противъ него. Лодка быстро понеслась по рѣкѣ; ее несло теченіемъ, и Семенъ мастерски работалъ веслами. Онъ сдвинулъ фуражку на затылокъ и изъ-подъ ея козырька выбились его густые черные кудри. Его широкая грудь поднималась высоко, щеки разгорѣлись, губы слегка полуоткрылись, и все лицо приняло какое-то свѣтлое и радостное выраженіе. Черезъ нѣсколько минутъ Варварушка впала какъ бы въ забытье, думая о чемъ-то. Семенъ Дмитріевичъ не отрывалъ отъ нея влюбленныхъ глазъ и словно старался угадать, о чемъ она думаетъ, проникнуть ей въ душу.

— Охъ, инъ голова закружилась, на воду смотрѣвши!— вдругъ, очнувшись, сказала Варварушка, полулежавшая въ лодкѣ и слѣдившая, какъ струится вода.

Вечеръ былъ очень теплый, и даже на рѣкѣ не было прохладно.

— Не хотите ли, къ бережку причалимъ, — предложилъ Семенъ Дмитріевичъ, давно уже не только сдвинувшій на затылокъ, но и совсѣмъ сбросившій съ головы шапку. Онъ сидѣлъ съ раскрасивѣвшимся и слегка вспотѣвшимъ ли-

цомъ.—Своротимъ въ Черную да тамъ у старой мельницы на бережку и отдохнемъ: мѣсто привольное, тихое. Никогда бы такого мѣста, будь оно мое, не забросилъ.

Вспомнивъ о слухахъ, ходившихъ про старую мельницу, онъ шутливо спросилъ:

— Вы водяныхъ не боитесь?

— Ничего я не боюсь,—отвѣтила Варварушка коротко. Ее тоже сильно измаялъ жаръ.

Семенъ сталъ усиленно грести, своротивъ въ рѣчку. Они проѣхали нѣсколько саженей противъ теченія, и онъ сталъ причаливать лодку къ берегу. Лодка врѣзалась въ песокъ и, прежде чѣмъ Семенъ успѣлъ выйти изъ нея, Варварушка выскочила на траву. Берегъ здѣсь былъ довольно крутой, весь заросшій по откосу травой и только внизу окаймленный рѣдкимъ кустарникомъ да нѣсколькими корявыми остатками давно погибшихъ старыхъ ветелъ. Семенъ привязалъ лодку къ торчавшему изъ земли пню и тоже выскочилъ на берегъ, вытирая вспотѣвшій лобъ бѣлымъ платкомъ.

— Видно, работать-то не то, что лежать, сложа руки,— пошутила Варварушка, глядя на его разгорѣвшееся лицо.

— Противъ теченія, Варвара Михайловна, всегда трудно,— отвѣтилъ онъ.

— А вамъ бы все какъ по маслу, —засмѣялась она.

Онъ усмѣхнулся.

— Здѣсь и полежать можно,—сказалъ онъ и сѣлъ на траву.

Варварушка прилегла около него.

— Да вы вотъ такъ, на колѣни мнѣ голову положите,— предложилъ онъ:—а то неловко вамъ безъ подушечки.

Она согласилась, что такъ лежать лучше, положила ему голову на колѣни и натянула себѣ на лицо пестрый шелковый платокъ, бывшій у нея на головѣ.

— Солнце въ глаза свѣтитъ,—коротко пояснила она.

Заходящее солнце, дѣйствительно, свѣтило ей прямо въ глаза, озаряя яркими лучами весь берегъ и сидѣвшихъ на немъ. Онъ закинулъ черезъ ея лѣвое плечо свою лѣвую руку и почувствовалъ около таліи учащенное біеніе ея сердца. Оба нѣкоторое время молчали, пригрѣтые солнцемъ, охваченные сладкимъ чувствомъ покоя.

— А и хорошо здѣсь!—сказалъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Да, хорошо, — отвѣтила она лѣниво, какъ бы сквозь дремоту.

— Вотъ бы вѣкъ такъ жить всегда вмѣстѣ, — проговорилъ онъ, слегка прижимая ее къ себѣ рукою.

— Ну, вы болтайте, а рукамъ воли не давайте, — сказала она, смѣясь и чуть-чуть отстраняя его руку.

— Варвара Михайловна... Варя, — почти шопотомъ началъ онъ прерывающимся голосомъ. — Голубка моя, не знаешь ты, какъ я тебя люблю...

— Знаю, — отвѣтила она тихо и засмѣялась. — Руку-то прочь убери. Вамъ вѣдь только дай волю; палецъ дашь— руку откусите.

— Тиранишь ты меня, — проговорилъ онъ, вздыхая.— Скажи одно слово, ненаглядная, голубка милая!

— Какое слово-то сказать? Что Сила Саввичъ жениться на мнѣ хочетъ, какъ только у него травуръ кончится? — слегка насмѣшливымъ тономъ спросила она.

— Ребра ему переломать надо, а не женить его! — воскликнулъ Семенъ Дмитріевичъ гнѣвно.—Чего ты меня изъ себя-то выводишь? Развѣ онъ умѣетъ любить?..

— Ну, это-то всякій умѣетъ. А жениться...

Она опять засмѣялась беззвучнымъ смѣхомъ.

— Вотъ хоть бы ты... Ну, женился бы, что же стали бы дѣлать. Пальцемъ закусывать, водой запивать? Нуждато сладка?

— У меня руки есть,—бодро проговорилъ онъ.

— Знаю, потому и говорю: убери свои руки-то!

Она высвободилась изъ-подъ его руки, поднялась и сѣла.

— Нѣтъ, Семенъ Дмитріевичъ, полежать-то такъ вдвоемъ въ мечтаніяхъ сладко, только весь вѣкъ такъ лежать нельзя,—серьезно сказала она.—Пока молоды—это сладко, а придутъ года—другое понадобится: деньги понадобятся. Говорятъ, не въ деньгахъ счастье. А безъ денегъ-то и вовсе ужъ его нечего ждать. Не сладко горе при деньгахъ, а безъ денегъ оно еще горше... Что-жъ, я не скрываюсь: не люблю я Силы Саввича; только за нимъ-то я, какъ за каменной стѣной, буду.

Она снова тихо засмѣялась.

— Погоди, не такъ еще залюбуешься, какъ твоей хозяйкой, въ шелкахъ да брильянтахъ, ходить буду.

— Никогда я тебя своей хозяйкой не увижу!—воскликнулъ онъ мрачно.

— Что такъ? Думаешь, нажалуюсь, что вотъ обнимать здѣсь пробовалъ, такъ Сила Саввичъ и прогонитъ тебя? Нѣтъ, я жаловаться не стану! Я добрая.

— Не то! — страстно перебилъ онъ, раздражаемый ея

шутками.—А въ воду я съ головой прежде твоей свадьбы кинусь, либо его придушу!

— Кому лучше-то сдѣлаешь? — равнодушно замѣтила она. — Въ водѣ раки съѣдятъ, коли бросишься; а убьешь его, въ каторгѣ сгніешь. Экая сласть!

Онъ нетерпѣливо пожалъ плечами и раздражительно сказалъ:

— И какъ это издѣваться ты можешь надъ человѣкомъ? Ума онъ рѣшился изъ-за тебя, а ты жилы изъ него тянешь!

— А ты разсердись и разлюби, — посовѣтовала она и, сорвавъ цвѣтокъ, начала молча ощипывать его лепестки, смотря въ сторону.

Семенъ искоса взглянулъ на нее. Выраженіе ея лица было холодное, недовольное. Онъ слегка приблизился къ ней и робко попробовалъ ее обнять.

— Ну, ну, это ужъ оставь! — сказала она, сердито отстраняясь. — Ѣхать пора. Вонъ солнышко-то совсѣмъ за холмы ушло.

Она поднялась во весь ростъ, взглянула на Семена и громко засмѣялась.

— Испугался, что разсердилась?—спросила она.

И, не дожидаясь отвѣта, быстро побѣжала съ крутого берега, вскочила въ лодку, такъ что та чуть не зачерпнула воды, и, слегка запыхавшись, сѣла на скамью.

— Ты осторожнѣе!—испуганно крикнулъ онъ и сильной рукой удержалъ лодку, чтобы та не качалась.

— А и силенъ ты,—сказала она, любуясь имъ.

— Ничего, Богъ не обидѣлъ,—отвѣтилъ онъ.—Тебя десять верстъ не усталъ бы нести.

— А и хвастать ты горазды!—замѣтила она.

— Ей-Богу!—побожился онъ.

Онъ тоже вошелъ въ лодку, отвязалъ ее, оттолкнулъ отъ берега, и ихъ понесло по теченію.

— А ты знаешь,—сказалъ Семенъ Дмитріевичъ, указывая на чернѣвшіяся развалины старой мельницы:—что въ народѣ говорятъ, будто здѣсь отецъ Силы Саввича убилъ коробейника и съ этого жить началъ. Говорятъ, съ того самаго не позволялъ и мельницу ломать, что подъ нею былъ зарытъ коробейникъ; боялся, значитъ, что кости человѣческія противъ него завопіютъ...

— Зря болтаютъ,—равнодушно отвѣтила Варварушка.—А если и такъ, то что-жъ: гдѣ тамъ разбирать, кто съ чего

разбогатѣлъ. Всѣ не съ труда богатѣютъ, а съ грабежа. Трудомъ праведнымъ не наживешь палатъ каменныхъ. Только деньги, откуда ихъ ни возьми, хоть изъ навоза выкопай—все деньги.

Они выѣхали изъ Черной, свернули по Чистой, гдѣ пришлось теперь плыть противъ теченія, и чрезъ нѣсколько минутъ были уже вблизи монастырской огородной изгороди. Семенъ Дмитріевичъ причалилъ къ плоту.

Въ воздухѣ было уже совершенно темно. Лѣтняя темная, но прозрачная ночь сверкала милліонами яркихъ звѣздъ. На противоположномъ берегу, въ той сторонѣ, гдѣ тянулась слободка, мерцали въ избахъ огни. Оттуда доносились звуки гармоникъ, пѣсни и крики. Визгливые голоса поющихъ, гуляющихъ бабъ особенно рѣзко раздавались въ воздухѣ. Тамъ гуляли, празднуя воскресенье, городскіе гуляки изъ рабочихъ. На городскомъ же берегу, около спускавшихся къ рѣкѣ монастырскихъ огородовъ, было, по обыкновенію, совершенно безлюдно и тихо.

Выйдя изъ лодки, Варварушка сказала:

— Прощайте, Семенъ Дмитріевичъ! Спасибо за катанье.

— Не на чемъ, Варвара Михайловна!—проговорилъ онъ, привязывая лодку.

Въ его голосѣ была грусть,—что-то такое, что задѣло за сердце Варварушку. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, потомъ быстро вернулась и, прежде чѣмъ опомнился Семенъ, обвила его шею руками и горячими губами поцѣловала его въ губы.

— Радъ? — проговорила она страстнымъ шопотомъ, тяжело дыша всей грудью, и опять, прежде чѣмъ онъ опомнился, быстро, точно спасаясь отъ погони, побѣжала по тропинкѣ около монастырскихъ огородовъ, поднимаясь вверхъ по отлогому берегу...

Онъ опустился на скамью лодки, сжалъ голову руками и словно замеръ, какъ совсѣмъ захмелѣвшій человѣкъ.

IX.

Жары въ Чистонольѣ стояли невыносимыя и только въ густой тѣни садовъ да около рѣки дышалось нѣсколько легче.

Особенно манилъ къ себѣ въ эту знойную пору тихій монастырскій садъ со своими столѣтними, густо разросшимися, деревьями. Въ немъ постоянно царилъ полумракъ и къ вечеру чувствовалась прохлада. Съ одной стороны онъ примыкалъ къ маленькому садику — цвѣтнику матушки Серафимы, отдѣленному отъ него только легкимъ палисадни-

комъ, съ другой—къ нему примыкали монастырскіе огороды, спускавшіеся къ рѣкѣ и отдѣленные отъ сада оградой, ворота которой были всегда раскрыты днемъ. Въ монастырскій садъ и въ огороды постороннія лица почти не допускались, и монахини и послушницы могли работать, гулять и отдыхать здѣсь совершенно спокойно и свободно. Такъ какъ во время лѣтнихъ перестроекъ и перекрашиванья монастырскихъ зданій было особенно тяжело дышать въ томъ флигелѣ, гдѣ помѣщалась Софья Дмитріевна, то она чаще всего проводила цѣлые часы, съ работой въ рукахъ, въ саду. Около нея постоянно находился кто-нибудь, то какая-нибудь благоговѣвшая передъ ней послушница, то наивная и простодушная матушка Нектарія, то вѣчная болтунья Варварушка, смотрѣвшая на Зимину не то, какъ на свою протежэ, не то, какъ на свою пріятельницу, за которую ей обязанъ монастырь и которая, въ свою очередь, обязана ей же.

Теперь около Зиминой была именно Варварушка. Онѣ сидѣли противъ открытыхъ воротъ, ведшихъ на огороды, и Варварушка засмотрѣлась вдаль на знакомый прекрасный видъ. Огороды шли по покатости отлогаго берега къ рѣкѣ и не заслоняли ни протекавшей подъ ними рѣки Чистой, ни разстилавшейся за нею дали; немного влѣво, на противоположной сторонѣ, виднѣлась та мутная рѣчонка, которая, подъ именемъ Черной или Чернухи, впадала въ Чистую и на которой стояла заброшенная коробейниковская мельница, казавшаяся издали какимъ-то совершенно почернѣвшимъ огромнымъ скелетомъ. Вечеромъ, когда за нею заходило солнце, глядя на нее изъ монастырскаго сада, можно было подумать, что вся она горитъ, такъ какъ сквозь всѣ ея отверстія прорывался багровый свѣтъ.

Хорошо знакомы были всѣ эти мѣста Варварушкѣ и особенно много тревожныхъ воспоминаній они пробуждали въ ней сегодня. Наканунѣ, въ этихъ самыхъ мѣстахъ, съ нею случилось нѣчто такое, чего никогда еще не бывало и что сбило ее совсѣмъ съ толку: по принятому ею за послѣднее время обыкновенію, вечеркомъ она вышла прогуляться по бережку около монастырскихъ огородовъ и «случайно», какъ это бывало теперь почти каждый вечеръ, встрѣтила Семена Дмитріевича. Онъ позвалъ ее опять проѣхаться на лодкѣ, но она на этотъ разъ не согласилась, отговариваясь тѣмъ, что ей сегодня надо пораньше вернуться домой, да и гроза вѣрно будетъ. Гроза дѣйствительно собиралась, и въ воздухѣ, какъ говорила Варварушка, было «ужъ очень маятно».

Семенъ, получивъ отказъ, нахмурился и сталъ ее страстно упрекать за тиранство и мучительство: самъ онъ не въ себѣ ходитъ, товарищи диву даются, что съ нимъ сталось; иной разъ не то запить, не то руки на себя наложить готовъ; онъ не какой-нибудь мозглякъ, которому все «все равно», вырядится самъ для себя и доволенъ. Въ этихъ случаяхъ, когда Семенъ Дмитріевичъ жаловался на судьбу и грозилъ покончить съ собою, Варварушка обыкновенно отшучивалась и высмѣивала его, жеманясь и подзадоривая: «а ты и наложи на себя руки; въ землѣ-то веселѣе будетъ лежать, чѣмъ здѣсь красоваться; ишь чѣмъ пужать вздумалъ!» Но на этотъ разъ и ей какъ-то не шутилось, было и маятно, и жутко отъ надвигавшейся грозы, вѣрно. Въ воздухѣ царила зловѣщая и томительная тишина, и только гдѣ-то далеко-далеко черныя тучи вдругъ на мгновенье озарялись яркимъ блескомъ, точно кто-то съ неба гнѣвно бросалъ съ угрозой на землю молніеносные взгляды, поднимая вздрагивающія вѣжды. Въ душѣ Варварушки поднялось странное чувство негодованія не на Семена Дмитріевича, а на Силу Саввича, который тоже тиранитъ ее и подъ предлогомъ траура все еще не женится на ней. Отца-то, поди, при жизни посылалъ ко всѣмъ нелегкимъ, а теперь жениться раньше года со дня его смерти не рѣшается. Себя только изведетъ да и другихъ измаетъ. При упоминаніи имени Коробейникова, Семенъ Дмитріевичъ вышелъ вдругъ изъ себя и сказалъ въ гнѣвѣ то слово, котораго ни онъ, ни она еще не сказали ни разу.

— Что-жъ, ты хочешь сперва его женой сдѣлаться, а потомъ меня въ полюбовники взять? — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ и пригрозилъ:—Такъ не бывать этому никогда. Добромъ не хочешь моей быть, силой возьму!

— Не рано ли грозить начинаешь?—оборвала она его.— Не убилъ еще звѣря, а ужъ шкуру сдирать съ него собираешься.

— А коли ты любишь шутки шутить, такъ справляйся прежде, съ кѣмъ шутишь,—пригрозилъ онъ.—Я изъ тѣхъ, что въ недобрый часъ и на рогатину полѣзутъ!

Въ его голосѣ послышалось что-то недоброе...

Какъ тогда убѣжала она отъ него, звѣря бѣшенаго, какъ перелѣзла черезъ плетни огородные отъ его погони и скрылась въ сторожкѣ стараго Михея, смотрѣвшаго по ночамъ со своимъ подросткомъ-племянникомъ за огородами, — этого Варварушка теперь и сообразить не могла. Помнитъ только,

что разсказала Михею, какъ шла она и напалъ на нее воръ-грабитель, платокъ съ ней шелковый сорвалъ, платье поразрывалъ на ней и она сама спаслась—Богъ вѣсть какъ. Дѣйствительно, было видно, что дѣвка перепугана не на шутку и едва дышитъ отъ ужаса; трясясь, какъ въ лихорадкѣ, она все повторяла въ волненіи:

— Чортъ, дьяволъ этакій! право, дьяволъ!

И, глотая большими глотками изъ ковша воду, больше всего боялась она въ душѣ того, что кто-нибудь изъ монастырскихъ бабъ найдетъ ея красный шелковый платокъ съ бѣлыми цвѣтами. Тогда уже не скажешь имъ, что на нее воръ-грабитель напалъ: платокъ совсѣмъ новенькій и семь рублевъ серебромъ заплаченъ; такого платка воръ-грабитель не броситъ. И никакъ она не могла припомнить: Семенъ ли сорвалъ съ нея этотъ платокъ во время борьбы, когда онъ рвалъ ея платье, или потеряла она его во время бѣгства? Безпокоило ее и то, что старый Михей разскажетъ объ этомъ случаѣ и бабамъ огороднымъ, и монашкамъ. Старикъ болтливѣе любой бабы. Недаромъ съ монашками дѣло имѣетъ. Въ монастырѣ каждую новость ловятъ нарасхватъ и носятся съ нею по цѣлымъ недѣлямъ. Здѣсь каждый пустякъ принималъ значеніе событія и сплетни да пересуды замѣняли газеты. И сегодня Варварушка забѣжала въ монастырь, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы навести справки, не говорятъ ли тутъ чего-нибудь о вчерашнемъ случаѣ, охая и ахая отъ страха передъ проявившеюся около монастыря шайкою разбойниковъ-душегубовъ и пытаясь выяснить темный вопросъ, какимъ образомъ попала позднимъ вечеромъ Варварушка въ такое пустынное мѣсто.

— Что задумалась?—спросила ее Зимина, немного удивленная тѣмъ, что всегда говорливая Варварушка сидитъ теперь молча, въ глубокомъ раздумьѣ.

На минуту Софья Дмитріевна опустила на колѣни полосу вышиваемой ею канвы и пытливо посмотрѣла на свою сосѣдку.

— Все о своей судьбѣ,—проговорила Варварушка, очнувшись.—Бѣда это, коли у человѣка денегъ нѣтъ...

— Ну, съ деньгами-то тоже не всегда радость, какъ знаешь, что люди-то и ненавидятъ, и любятъ тебя только ради твоихъ денегъ,—замѣтила Зимина.—Сама ты хоть сгинь—имъ все равно, лишь бы твоими деньгами попользоваться...

Ей все чаще и чаще приходили въ голову неотступныя

тяжелыя мысли о томъ, что и не держали бы ее въ монастырѣ, и не ухаживали бы за нею такъ, какъ теперь, если бы у нея не было денегъ, оставленныхъ ей убитымъ ею мужемъ. Не началась бы и эта, уже дошедшая до ея свѣдѣнія и причинившая ей не мало душевныхъ тревогъ, проклятая исторія съ вопросомъ объ освидѣтельствованіи ея умственныхъ способностей, если бы Марья Ивановна Шустова и ея сынъ Ѳедоръ Семеновичъ Зиминъ не жаждали обобрать деньги у нея, у Зиминой, назначивъ надъ нею опеку. И смертныхъ грѣховъ бы на ея душѣ не лежало, если бы не деньги, привлекшія къ ней проклятаго ея соблазнителя и заставившія ее убить, въ концѣ-концовъ, мужа. Да, деньги—это величайшее зло, это орудіе самого дьявола и страшнѣе всего, что какъ узнаешь ихъ силу, такъ ужс и не можешь выпустить изъ рукъ: знаешь, что онѣ тебя губятъ, что онѣ отъ дьявола, молишься о прощеніи грѣховъ, а ихъ изъ рукъ не выпускаешь, держишься за нихъ, какъ за какую-нибудь святыню. Вотъ она, Зимина, цѣлые дни о своихъ грѣхахъ сокрушается на словахъ, какъ и другіе, у кого совѣсти нѣтъ, а на дѣлѣ, — вотъ хоть по кускамъ ее теперь рѣжь, а денегъ она не выпуститъ изъ рукъ, потому что тогда ее, какъ паршивую собаку, всѣ погонятъ...

— Деньги на грѣхъ наводятъ, — мрачно сказала она вслухъ. — Отъ дьявола онѣ. Онъ, проклятый, ими людей и губитъ.

— Что говорить! — согласилась Варварушка. — А все же безъ нихъ не проживешь, николи не проживешь... Вотъ развѣ я-то пошла бы за своего богатѣя замужъ, если бы съ милымъ было чѣмъ жить. Ни въ жисть!

Зимина серьезно взглянула на нее испытующимъ взглядомъ.

— Съ милымъ? Ты, Варварушка, ужъ опять не сбилась ли...—начала она строго.

— Ахъ, за кого вы меня, голубушка моя Софья Дмитріевна, считаете! — воскликнула Варварушка, немного жеманясь по привычкѣ. — Стану ли я себя изъ-за пустяковъ терить, когда на всю жизнь счастливой могу сдѣлаться! Разъ попалась, другой не попадусь. Пуганый воробей, слава Богу! Или вы думаете, мой богатѣй-то возьметъ меня беременную или ждать меня чуть не годъ станетъ? Тоже опасность мнѣ надо теперь имѣть.

Она вздохнула:

— Нѣтъ, ужъ, видно, моя судьба такая: по милому сохнуть да и его сушить,—сказала она.

Зимина строго спросила ее:

— Такъ ужъ не думаешь ли ты послѣ замужества мужа обманывать? Не это ли ты затѣяла? Да знаешь ли ты, до чего это довести можетъ? Навѣкъ душу ты загубить можешь!

Варварушка тихо улыбалась, водя обутой въ козловый башмакъ ногой по песку, то сгребая его въ кучки, то снова разравнивая.

— Завтрашній-то день, голубушка моя Софья Дмитріевна, завтра и будетъ, — сказала она пѣвучимъ, сладкимъ голосомъ.—И въ писаніи сказано: «довлѣетъ дневи злоба его». А теперь у меня однѣ мысли, чтобы скорѣй мой богатѣй-то на мнѣ женился. Такъ-то это я не люблю словно впотьмахъ ощупью бродить. Вѣрите ли, съ той поры, какъ это пришло мнѣ на мысль повѣнчаться, словно руки у меня связались: ни я дѣвка, ни я замужняя, ни воли прежней у меня нѣтъ, ни веселости, ни желанія,—все словно жду и боюсь чего-то: вотъ-вотъ не по-моему выдетъ, вотъ-вотъ споткнусь на дорогѣ. Ужъ такой я человѣкъ, что сама себѣ госпожей быть хочу и не люблю, чтобы надо мною другіе мудровали: «подожди, молъ, когда я заиграю въ свою дудку, тогда ты и пляши, какъ я захочу».

Она пояснила:

— Я ужъ сегодня тетеньку спосылала къ его матери, чтобы поговорила. «Дѣвка, молъ, сохнетъ, ничего не зная навѣрное. Тоже и другимъ женихамъ отказываетъ. Товаръ это такой, что гноить нельзя. Найдется покупатель и продавай, хоть и меньше, можетъ-быть, дастъ, чѣмъ тотъ, который еще не торговался». Тетенька моя знаетъ, какъ эту механику подводить. Она у меня мастерица и свадьбы ладить, и по покойникамъ читать.

Зимина покачала головой.

— Сама ты идешь на несчастіе и на грѣхъ, да и мужа-то счастливымъ не сдѣлаешь, — наставительно сказала она. — Теперь не любишь, потомъ ненавидѣть будешь.

— Ой, что это вы, голубушка моя Софья Дмитріевна, говорите!—воскликнула Варварушка.—За что же я ненавидѣть-то его буду? За то, что въ шелкахъ, да въ бархатахъ водить меня будетъ? Говорятъ люди: «скупъ онъ», а это вовсе не скупость, а просто деньгами владать онъ не пріобыкъ, не пріученъ былъ съ измалѣтства,—тятенькой своимъ запуганъ. Тятенька-то его кремень былъ. А покажи ему, какъ на его капиталы развернуться можно, такъ онъ коле-

сомъ пойдетъ. Въ руки только надо умѣть его взять умному человѣку. Небольшой это трудъ.

Она засмѣялась и пояснила:

— Мужики вотъ медвѣдей плясать учатъ, а ужъ баба-то всегда сумѣетъ мужика заставить плясать по ея дудкѣ... Ахъ, только бы тетенька сегодня все это дѣло повернула скорой рукой! А то шутка ли еще ждать три мѣсяца, когда травуръ кончится...

Она поднялась съ мѣста: домой ей пора, можетъ-быть, и тетенька домой вернулась отъ Коробейчихи; словно на иголкахъ сидитъ она тутъ, только объ одномъ своемъ дѣлѣ и думаетъ. Софья Дмитріевна не удерживала ее и тоже направилась вмѣстѣ съ нею къ своему флигельку. Варварушка попрежнему была безконечно ласкова съ ней, попрежнему цѣловала ей ручки, попрежнему откровенничала съ ней, но Софья Дмитріевна уже и къ ней относилась только критически, подмѣчала однѣ ея темныя стороны. Совѣсти въ ней тоже нѣтъ, какъ и въ другихъ людяхъ. Вотъ выйдетъ замужъ, мужа обманывать станетъ — и ничего, и горя ей будетъ мало. Съ тѣмъ и замужъ выходитъ, чтобы его обманывать. Нѣтъ, она, Софья Дмитріевна, хоть и невольно обманула своего мужа, соблазненная проклятымъ своимъ губителемъ, а и за этотъ грѣхъ теперь въ слезахъ кается. Безъ совѣсти-то легко жить! Она одна и страшна; грѣхъ не страшенъ, а совѣсть страшна... И, сдвинувъ брови, она вслухъ закончила:

— Тамъ-то что васъ ждетъ? тамъ-то что вамъ уготовано!

Шедшая рядомъ съ ней Варварушка даже вздрогнула отъ неожиданности, услышавъ зловѣщій, ужасающій голосъ Зиминой.

— Охъ, какъ вы меня испугали!—проговорила она, отмахиваясь рукой.

— Бога-то забыли, потому и страшно, когда о Немъ напомнятъ,—мрачно сказала Зимина.

Варварушка поспѣшила проститься съ нею и торопливо направилась къ своему дому. Она не ошиблась: старуха-тетка была уже дома и принесла цѣлый ворохъ новостей. Пришла это она къ Коробейчихѣ, заговорила о всякой всячинѣ и подвела разговоръ-то къ Силѣ Саввичу, что, молъ, онъ какъ будто похудѣлъ да извелся, не веселъ ходитъ. А чего и изводиться-то, всегда чахлымъ ходилъ, самъ желтъ, а глаза въ синякахъ, точно подбитые. *Сама-то* и говоритъ: нешто весела ему жисть-то холостая, когда онъ и живетъ-то

сатворникомъ, хмелемъ не занимбается, съ дѣвками рибѣтъ. Вотъ травуръ по отцѣ кончится, пожепится, тогда и поздоровѣетъ, изводить-то самъ себя не станетъ. Тутъ-то и пришлось брякнуть, что три мѣсяца-то велики, что, молъ, въ такихъ дѣлахъ откладывать да затягивать нельзя, что вотъ и она, Дарья Трофимовна, даромъ что Варварушка у нея дѣвка молодая да здоровая, подумываетъ на-днях выдать ее замужъ, благо женихъ навертывается подходящій. Всполохнулась Коробейчиха:—Какъ же, молъ, Сила-то?—«Причемъ тутъ,—говоритъ Дарья Трофимовна:—Сила-то Савичъ? Ему-то что? Ни онъ полюбовникъ, прости Господи, ни онъ женихъ Варварушкѣ». Заметалась Коробейчиха: только снять и видить Сила на Варварушкѣ жениться. Другой невѣсты ему не сыскать, хоть и при капиталахъ онъ состоитъ.—Онъ,—говоритъ она:—дѣвокъ боится; его не всякая сумѣетъ обмѣлить; коли онъ на Варварушкѣ не женится, онъ и вѣкъ другой не сыщетъ, такъ и зачахнетъ на одинокомъ холостомъ положеніи. Кому же тогда все достанется, что отецъ-то скопилъ? — «Ну, молъ, это его дѣло, а дѣвкѣ ждить у моря погоды тоже не приходится. Одного будетъ ждать, другого упустить». И такъ это дальше да больше, наконецъ, и договорились до дѣла.

— Завтра подъ вечеръ просила меня съ тобою зайти къ ней,—закончила тетка свой разсказъ.—Завтра и покончимъ, видно, дѣло. Срока годового не станутъ ждать.

— Чего ждать-то: покойникъ вѣдь не встанетъ, когда ихъ повѣнчаемся, — замѣтила Варварушка. — Да, поди, и не очень-то рады были бы они, если-бъ всталъ.

— Ужъ чего радоваться-то. Только послѣ его смерти и передохнули немного,—согласилась тетка. — Вотъ звѣрь-то человѣкъ былъ!

Старуха подлила масла въ лампадку, горѣвшую въ переднемъ углу, сняла нагаръ у свѣтильни и, выдернувъ ее немного, затеплила снова огонь. Затѣмъ, покрестившись передъ образомъ малыми крестами, направилась въ кухню, гдѣ помѣщалась ея кровать. Варварушка неслышно задернула занавѣски у оконъ и стала лѣниво раздѣваться. Въ комнатѣ было душно, манило на свѣжій воздухъ. Да куда теперь пойдешь послѣ вчерашней сцены? Этотъ сумасшедшій еще встрѣтится, Богъ вѣсть чего надѣлаетъ. Скорѣй бы повѣнчаться, а то и не замужемъ она, и прежней дѣвичьей воли у нея нѣтъ. Не въ ея нравѣ со связанными руками и ногами ходить: того не дѣлай, другого бойся. Она, сладко

зѣвая, съ закинутыми подъ затылокъ руками, легла на мягкій пуховикъ, отбросивъ въ ноги одѣяло.

На улицѣ гдѣ-то далеко заиграла гармоника украинскую плясовую русскую пѣсню. Парни, видно, гуляютъ. Имъ не закажешь не гулять, не играть пѣсенъ, не то они, что дѣвки. И что это за растреклятое дѣвичье положеніе! Молода, здорова, а сиди вотъ дома, валяйся на постели, когда и сонъ-то отъ глазъ бѣжитъ. А когда-жъ и гулять, какъ не въ молодые годы? Уплывутъ они—не воротятся, любить захочется—никому не полюбишься, станешь старое вспоминать—вспомнить будетъ нечего! Она тяжело вздохнула, повернувшись на бокъ, и, подложивъ руку подъ щеку, стала смотрѣть на завѣшенное окно. Звуки гармоники все приближались. Въ улицу къ нимъ, вѣрно, парни свернули, изъ слободки возвращаются. Послышались и молодые голоса гулякъ, говорившіе наперебой, оживленно и весело. Съ гулянки какой-нибудь возвращаются. Въ слободѣ-то вѣчно масленица. Счастливые! Она поднялась съ постели, подошла къ окну и чуть-чуть отвернула кончикъ занавѣски, чтобы взглянуть на веселую компанію. Вдругъ раздался подъ самымъ окномъ громкій голосъ:

— Вотъ она тутъ и живетъ, хозяйка-то ваша будущая! Вотъ такъ краля. Отдай все—и то будетъ мало! Разбудить бы ее теперь, чтобы показалась намъ, дала своей красотой полюбоваться.

— Перестань, Семенъ!—остановилъ кто-то говорившаго.

— Нѣтъ, что-жъ, сядемъ у окошечка, споемъ пѣсенку,—отозвался Семенъ Дмитріевичъ насмѣшливымъ голосомъ.—Можетъ, спасибо вамъ скажетъ, въ окошко взглянувъ. «Благодарствуйте, молъ, добрые молодцы, что хозяюшку свою молодую чествуете». А то, можетъ, и по чарочкѣ поднесетъ: «я, молъ, молодцы, буду для васъ хозяйка добрая да милостивая, любить пуще своего мужа васъ буду».

— Пойдемъ, пойдемъ! Еще самому нажалуется, что безобразничаемъ у нея подъ окномъ,—остановили Семена пріятели.

— Плевать я на него, на мозгляка, хотѣлъ! Это вамъ онъ страшенъ, а не мнѣ!—бушилъ Семенъ.

Онъ сѣлъ у дома на скамью и, подыгрывая лихо на гармоникѣ, запѣлъ «Куманька».

— Перестань, всѣхъ перебудишь!—приставали къ нему товарищи.

— Хочу и пою! Окно еще разобью. Мнѣ никто не указъ!—кричалъ совсѣмъ захмелѣвшій Семенъ.

Впервые въ жизни смертельно струсила Варварушка. Она отскочила отъ окна и прижалась въ уголъ. Въ ея душѣ проснулся гнѣвъ на этого сумасшедшаго. Она не знала, что будетъ дальше, боялась, что онъ выбьетъ стекла, разскажетъ все. На весь городъ огласка пойдетъ. Тогда не видать ей свадьбы, какъ своихъ ушей безъ зеркала.

— Что это, Варварушка?—окликнула ее испуганно тетка, тоже вставшая съ постели на шумъ и появившаяся изъ кухни.—Ужъ не озорники ли слободскіе? Ахъ, они, растреклятые! По ночамъ добрымъ людямъ...

— Тише!—проговорила шопотомъ Варварушка, перебивая ее.—Семенъ это буянитъ.

— Ахти! вотъ бѣда-то!—воскликнула тетка.—И съ чего это? Кажись, парень не пьющій...

— Молчите, молчите!—махая рукой, остановила ее Варварушка.

На улицѣ послышалась возня.

— Уведемте его, братцы!—говорили наперебой голоса.—Не оставлять же его здѣсь безобразничать. Ишь разобрало его!

Парни потащили Семена, безсильно вырывавшагося у нихъ изъ рукъ и угрожавшаго кому-то. Все, наконецъ, мало-по-малу стихло,—и шаги, и голоса. Варварушка тяжело перевела духъ, чувствуя, что опасность миновала...

X.

Чистопольскій домъ Коробейниковыхъ производилъ своимъ внутреннимъ убранствомъ странное впечатлѣніе: въ немъ осталась часть старинной, подобранной со вкусомъ, богатой обстановки его прежняго владѣльца-помѣщика и появились при Саввѣ Саввичѣ новыя яркія портьеры и занавѣси съ аляповатыми золочеными карнизами; переѣхавшая же въ этотъ домъ, послѣ смерти мужа, Коробейникова навезла сюда цѣлый возъ своихъ кованыхъ сундуковъ, массивныхъ кроватей съ массой пуховиковъ и нѣсколько широкихъ, изъ темнаго краснаго дерева, кіотовъ съ образами стараго письма и со множествомъ неугасимыхъ лампадъ. Вся эта разнокалиберная обстановка перемѣшалась вмѣстѣ и производила впечатлѣніе—не убранства жилыхъ покоевъ, а склада мебели. Коробейникову и Силу Саввича это мало интересовало: свои углы они обставили по своимъ потребностямъ и вкусамъ, и были довольны своими постелями. А это было для нихъ все, чего они желали.

Одна часть дома занималась самой Коробейниковой и ея сыномъ, другая, болѣе значительная, была населена «молодцами», отведена подъ контору или просто завалена всякими образчиками ржи, овса, веревками, кулями и мѣшками. Ни чистотой, ни порядкомъ этотъ домъ,—гдѣ вѣчно пахло деревяннымъ масломъ, хлѣбомъ и щами,—не могъ похвалиться, и менѣе всего можно было по его виду заключить о размѣрахъ богатства Коробейниковыхъ.

Своеобразное впечатлѣніе производилъ и самъ Сила Саввичъ: природная или привитая съ дѣтства дикость заставляла его не заводить никакихъ пріятелей, которые, какъ онъ былъ увѣренъ, норовятъ только обобрать человѣка, и потому съ ними нужно держать камень за пазухой. Но онъ любилъ щегольнуть и «задать форсу»: показать себя людямъ на улицѣ на дорогихъ рысакахъ, въ нарядной одеждѣ, съ золотыми тяжелыми цѣпочками на жилетѣ, въ брильянтовыхъ кольцахъ на пальцахъ и съ дорогими булавками въ пестрыхъ галстукахъ. Въ дѣлѣ безвкуснаго, но дорого стоящаго щегольства онъ не уступилъ бы любой купеческой дочери, еще невполнѣ привыкшей къ богатству. Онъ былъ увѣренъ, что всѣ обращаютъ на него вниманіе и, можетъ-быть, любуются имъ, какъ онъ самъ любовался собою. По трусости и отчасти и по слабости здоровья, онъ не былъ ни пьяницей, ни кутилой, ни развратникомъ,—по крайней мѣрѣ, никто не видалъ его на попойкахъ молодежи въ трактирахъ и веселыхъ притонахъ; но трудно было найти другого такого охотника до сальностей, какъ онъ: сальныя сцены, грязные анекдоты, скабрезныя картины, все это возбуждало его сонную натуру, волновало его жидкую кровь. Самыми разлюбезными для него людьми были тѣ изъ его служащихъ, которые доставляли ему эти удовольствія. Этимъ, да бабьями сплетнями и холопскимъ наушничествомъ только и можно было добиться если не его расположенія, то возможности ужиться сравнительно мирно съ этимъ мелочнымъ человѣкомъ, для котораго ничего не существовало, кромѣ его собственнаго *я*. Нервный и капризный до болѣзненности, онъ придирался къ людямъ изъ-за всякихъ мелочей и чуть не въ истерикѣ кричалъ на нихъ своимъ бабьимъ визгливымъ голосомъ. Подобно маленькимъ собачонкамъ, онъ не могъ бы никому перегрызть горла, но онъ могъ изодрать на комъ-нибудь въ клочья одежду, лая до хрипоты и жалобно взвизгивая, точно не онъ обижалъ кого-нибудь, а его обижалъ кто-то.

Нужна была особенная настойчивость и беззастѣнчивость, чтобы женить на себѣ такого человѣка, и эту настойчивость и беззастѣнчивость сумѣла проявить Варварушка за шесть, за семь мѣсяцевъ своего болѣе или менѣе короткаго знакомства съ Силой Саввичемъ. Въ средствахъ она не стѣснялась: пускалось въ ходъ очень недвусмысленное кокетство, поощрялись извѣстныя вольности, говорились возбуждающія сальности и потомъ напускалась на себя дѣвическая стыдливость: «ахъ, что вы! какъ это можно! за кого вы меня принимаете? вотъ ужъ правда, что вамъ, мужчинамъ, только волю дай!» Она сразу поняла, что этимъ способомъ можно его свести съ ума или женить на себѣ. Любви къ нему она не могла питать, но вполнѣ вѣрно разсчитала, что будетъ держать его подъ башмакомъ, и не боялась даже его склонности къ мелочной грызнѣ: такую, какъ она, не загрызетъ этотъ мозглякъ.

Но кромѣ того, что самъ Сила Саввичъ былъ не прочь жениться на Варварушкѣ, говоря: «ужъ если я женюсь на комъ, такъ на ней»,—его мать сильно хлопотала объ этомъ, въ тупомъ и пугливомъ недоумѣніи разсуждая:

— Кому же все достанется-то, если Силушка не женится, да дѣтей не будетъ? Капиталы-то куда пойдутъ, если потомства не будетъ?

О какой-нибудь другой невѣстѣ она даже не осмѣливалась и думать, такъ какъ другая-то и приучитъ къ себѣ Силушку не сумѣетъ.

Забитость и запуганность сдѣлались второю натурою недалекой по уму Коробейниковой. Она вѣчно была въ переполохѣ и чего-то боялась: приказчики и молодцы, не ровенъ часъ, обокрасть могутъ; три зажженныя свѣчи, внесенныя въ комнату, не сулятъ добра—кто-нибудь умретъ можетъ; сохрани Господи, если случится пожаръ—хоть и говорятъ, что все имущество застраховано, а кто ихъ тамъ въ обществахъ-то этихъ знаетъ, выдадутъ ли еще деньги-то? Ее вѣчно окружали странницы, монахини, богомолки самаго низкаго разбора, и всѣ кіоты у нея полны были кусочковъ отъ Честнаго Креста, рукавичекъ и шапочекъ съ мощей святителей, ладанокъ съ какими-то таинственными молитвами противъ разныхъ болѣзней, ваты изъ-подъ головки св. Димитрія царевича, деревяннаго масла изъ Іерусалима и святой воды изъ Іордана. Разный бродячій людъ лѣчилъ ее и сына отъ разныхъ болѣзней, и ужъ не разъ голова страдавшаго мигренями Силы Саввича обматывалась по

нѣсколько разъ крученою бумагою, изъ которой потомъ дѣлалась свѣтильня восковой свѣчи, предназначавшейся горѣть надъ царскими вратами: догоритъ эта свѣча—перестанетъ болѣть голова. Цѣлые вечера проходили здѣсь въ разсказахъ о чудесахъ и страшныхъ разбойникахъ и искусителяхъ, которыхъ Господь будто бы посылалъ святымъ для испытанія ихъ святости. Здѣсь были мѣшались съ небылицами, и священное писаніе перемѣшивалось съ нелѣпостями отреченныхъ книгъ, догматы вѣры заслонялись суевѣріями и предразсудками, и никто изъ присутствующихъ даже не подозрѣвалъ, что они не православные христіане, а самые грубые язычники.

Сила Саввичъ любилъ тоже слушать всякіе страшные разсказы, потому что ему было пріятно ощущать чувство страха: наслушается онъ всего этого, придетъ въ свою спальню, замкнется со всѣхъ сторонъ и ужмется на мягкую пуховую постель, закутавшись съ головой въ одѣяло и съежившись калачикомъ,—знаетъ онъ, что бояться ему нечего за крѣпкими замками, а боится или, вѣрнѣе, пугаетъ самъ себя, и такъ ему сладко это ощущеніе,—слаще, пожалуй, всякихъ сальныхъ представленій, которымъ онъ такъ любилъ отдаваться.

Въ этотъ-то домъ, въ эту-то семью, входила теперь Варварушка съ сознаніемъ, что черезъ двѣ-три недѣли, во всякомъ случаѣ до Успенскаго поста, она будетъ здѣсь хозяйкой, и что весь этотъ «хламъ да сбродъ» она повымететъ, по крайней мѣрѣ, на своей половинѣ. Тѣмъ не менѣе, она смотрѣла смиренною и покорною, подходя къ ручкѣ Коробейниковой, сидѣвшей на крытой террасѣ въ саду.

— Здравствуй, здравствуй, касаточка!—заговорила старуха, цѣлуя и гладя по головѣ Варварушку.—Давно тебя не видала.

— Все дома сидитъ, матушка Марья Ивановна, либо въ монастырѣ,—замѣтила со вздохомъ тетка Варварушки, смотря смиреннымъ взглядомъ.

Варварушка стояла, потупивъ глаза.

— Садитесь, гости будете,—сказала хозяйка, поцѣловавшись со старухой-гостьей.—Вотъ сейчасъ Силушка придетъ, чайку попьемъ. Въ комнатахъ-то душно, такъ мы тутъ на прохладѣ и обѣдаемъ, и чай пьемъ.

— Сила Саввичъ по дѣламъ, вѣрно, уѣхамши?—справилась старуха-гостья.

— Какія у него дѣла?—сказала хозяйка.—У насъ, словно

машина, все заведено еще покойнымъ Саввой Саввичемъ,—царство ему небесное!—и такъ и идетъ одно за другимъ своимъ чередомъ. Какъ при покойномъ Саввѣ Саввичѣ шло, такъ и теперь идетъ. Нѣтъ, просто себя прогулять Силушка пошелъ! Извѣстно, скучно молодому парню одному-то все сидѣть.

— Ужъ чего скучнѣе!—со вздохомъ подтвердила гостья.—И годы-то его такіе, что одному не прожить.

Онѣ обѣ замолчали, чувствуя, что подошли къ тому вопросу, который нужно порѣшить именно сегодня.

Коробейникова опять вздохнула.

— Сейчасъ вотъ мать Манеѳа была,—заговорила она опасливымъ тономъ, какимъ передаются великія тайны.—Про турку разсказывала, какъ онъ опять христіанъ православныхъ рѣжетъ. Отбивать, говоритъ, будемъ ихъ отъ него, войной пойдемъ на него, супостата. Охъ, времена-то какія нонѣ настали, хоть не живи. Я и то спрашивала мать Манеѳу: «къ намъ-то, молъ, онъ не придетъ?»—«Далеко», говоритъ.—«А какъ же, молъ, говорю ему къ намъ далеко, а мы вотъ къ нему идти хотимъ?» — «У насъ, говоритъ, продовольствіе есть». Охъ, только не вѣрится мнѣ, чтобы онъ не пришелъ. Захочетъ и придетъ. Ужъ если мы на него можемъ идти, такъ почему же онъ не можетъ пойти на насъ?

— Матушка Марья Ивановна, да на что турку къ намъ приходить, когда и безъ турки нонѣ житья нѣтъ,—замѣтила старуха-гостья.—Тутъ грабежъ, тамъ убивство: слышали, можетъ, на прошлой-то недѣлѣ около слободы мертвое тѣло нашли, и то какъ есть нагишомъ.

— Охъ, ужъ и не говори!—махая рукой, сказала Коробейникова.—Мы съ Силушкой, какъ дѣло къ ночи, такъ и дрожимъ; доживемъ ли до утра—одинъ Богъ знаетъ. Я стара. А у него силы-то нѣтъ. Придутъ, прикончатъ—и не пикнешь.

— Что говорить! вдвоемъ вамъ никакъ нельзя жить,—поспѣшила вставить гостья.

Опять онѣ подошли къ желанному предмету разговора и опять замолчали.

— Приказчики-то, да молодцы наши—народъ тоже ненадежный,—начала Марья Ивановна.—Одинъ испиваетъ, другой шашни заводитъ. При покойномъ-то Саввѣ Саввичѣ страхъ у всѣхъ былъ, дохнуть не смѣли. Человѣкъ онъ былъ властный, супротивства никакого не терпѣлъ, всѣхъ въ струнѣ держалъ. Ну, а теперь мы-то съ Силушкой...

Въ эту минуту на террасѣ появился Сила Саввичъ, одѣтый щеголемъ, пестро, богато и безвкусно. Его желтоватыя, дряблыя щеки зарумянились при видѣ Варварушки. Расшаркиваясь и раскланиваясь съ гостями, онъ скороговоркой началъ разспрашивать ихъ о здоровьѣ. Варварушка поблагодарила за его вниманіе, скромно потупляя глаза и въ то же время, съ плутовской улыбкой, на секунду бросила на него многозначительный взглядъ.

— А мы вотъ тутъ толковали о домашнихъ дѣлахъ,— пояснила Марья Ивановна сыну. — Про озорство народа толковали.

— Да ужъ точно озорной народъ сталъ нынче,—согласился Сила Саввичъ.

— Извѣстно, палки на него нѣтъ, — вставила старуха, тетка Варварушки.

— А мнѣ вотъ сказали сейчасъ, что и васъ мои безобразники вчерась обезпокоили,—неожиданно сказалъ Сила Саввичъ и сталъ, жестикулируя, сообщать матери:—Вообразите себѣ, мамаша, перепились вчерась, потащилъ ихъ Сенька въ Посадскую улицу, и тамъ передъ домомъ Варвары Михайловны вздумали серенаду производить.

— А-ахъ,—протянула Коробейникова, качая головой.

— Вѣрно, мы уже спали, что ничего не слышали,—поспѣшно отозвалась Варварушка, опустивъ глаза въ землю.

— Гдѣ же намъ слышать: съ пѣтухами ложимся,—подтвердила слова племянницы старуха-тетка.—Первый-то сонъ крѣпокъ.

— И съ чего это Семенъ-то закружился?—замѣтила Коробейникова.—Парень такой хорошій былъ всегда.

— И ничего въ немъ никогда хорошаго не было,—возразилъ Сила Саввичъ раздражительно-визгливымъ голосомъ, и на его щекахъ выступили пятна отъ раздраженія.—Если лицомъ смазливъ, такъ это въ мужчинѣ послѣднее дѣло. Это даже не къ его авантажу, а совсѣмъ напротивъ. Одинъ предлогъ за бабами бѣгать. А что набаловали его, такъ это вѣрно. Тятенька покойный,—не тѣмъ будь помянутъ, царство ему небесное и покой вѣчный,—первый его поблажникъ былъ. Безъ Сеньки для него и свѣтъ клиномъ бы сошелся. Ума, видите ли, онъ большого и смекалка у него есть. Извѣстно, умѣлъ, шельмецъ, потрафлять тятенькѣ, да вездѣ передъ нимъ выщелкиваться. Недоставало только, чтобы ему замѣсто сына родного наслѣдство оставили. Да, можетъ, такъ дѣло-то и вышло бы, если бы Богъ продлилъ

вѣку тятенькѣ, да эта самая скоропостижная кончина не постигла его.

— Ну, Силушка, что ты тоже придумываешь!—остановила его мать.

— Ничего я не придумываю,—визгливо возразилъ онъ.— Все это очень просто. Ужъ и такъ Богъ вѣсть что разсказывали про Сеньку, подражая тятенькѣ. А вотъ тутъ еще и мамаша за него распинается: хорошій человѣкъ!

Онъ говорилъ все визгливѣе и визгливѣе, и даже лицо его разгорѣлось отъ сильнаго возбужденія.

— Ну, какъ же, Силушка, онъ не хорошій!—поспорила мать.—И не пьющій, и не гулящій, и всѣ дѣла знаетъ.

— Извѣстно, знаетъ, если тятенька не своего законнаго сына, а его, неса приблуднаго, въ свои дѣла въ послѣднее время посвящалъ, да все черезъ него орудовалъ,—визгливо произнесъ Сила Саввичъ.

— Ну, вотъ видишь, какъ же его хаять, если онъ ничего не скралъ, ничѣмъ не попользовался, стоя при дѣлахъ,— возразила Коробейникова.

— А почемъ я знаю, что не скралъ?—запальчиво крикнулъ Сила Саввичъ.—Одна скрытность у него во всемъ. Другіе погуляютъ, да сейчасъ и разскажутъ, а онъ все про себя таитъ, вотъ и все. Съ того и слылъ негулящимъ, да честнымъ. Да я еще вотъ кассу подсчитаю, не сталъ ли теперь-то онъ хапать.

— Охъ, бѣда нонѣ съ людьми,—стала сейчасъ же жаловаться Марья Ивановна. — Отца съ матерью готовы ограбить, а не то что чужихъ. Чуть не досмотри—обокрадутъ. А гдѣ-жъ усмотрѣть? Я стара и дѣловъ этихъ не знаю, а Силушка одинъ не можетъ, и не пріученъ былъ отцомъ къ этому.

— Гдѣ одному?—поспѣшно согласилась тетка Варвары.— Одному нельзя!

Опять собесѣдницы подошли къ вопросу о женитьбѣ и замолчали.

Служанка, въ коротковъ ситцевомъ платьѣ, съ босыми ногами, въ пестромъ платкѣ на головѣ, и мальчикъ, остриженный въ скобку, стали подавать чайную посуду и самоваръ. Когда они ушли, Марья Ивановна начала заваривать чай и, наконецъ, замѣтила:

— Вотъ женится Силушка, тогда дѣло другое будетъ...

Желанное слово было произнесено, и теперь долженъ былъ начаться настоящій разговоръ. Варварушка взглянула

украдкой на Силу Саввича лукавымъ, многообѣщающимъ взглядомъ. Онъ осклабился и, подмигнувъ ей, сказалъ матери покорнымъ тономъ:

— Я, мамаша, если на то будетъ ваша воля и желаніе, готовъ хоть сейчасъ.

Онъ толкнулъ подъ столомъ колѣнкой Варварушку. Варварушка сдѣлала стыдливое выраженіе въ лицѣ.

— Я, Силушка, ты знаешь, ни препятствовать тебѣ не стану, ни разговаривать тебя не буду,—отозвалась мать.— Такіе года твои, что въ законѣ тебѣ нужно жить. Опять же и то сказать: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ и никакъ тебѣ нельзя безъ наслѣдниковъ жить. Капиталы-то экіе надо же кому-нибудь предоставить.

— Извѣстно, не псу подъ хвостъ ихъ бросать, прости Господи,—проговорила тетка Варварушки.

Коробейникова продолжала:

— Мы вотъ говорили вчерась съ Дарьей Трофимовной. У меня женихъ, у нея невѣста!

Варварушка скромно потупилась.

— Если Варвара Михайловна согласна...—началъ Сила Саввичъ.

— Что-жъ ты молчишь, Варварушка?—ласково спросила Коробейникова.—Чужихъ нѣтъ, слава Богу, мы свои люди...

— Сила Саввичъ сами понимаютъ, какія у меня чувства,—сказала конфузливо Варварушка, перебирая пальцами бахрому шелковаго платка на груди.

— Ну, значитъ, и благослови васъ Господь!

Молодые люди подошли къ рукѣ Коробейниковой. Всѣ поочередно обнялись и поцѣловались, за исключеніемъ молодыхъ людей, которымъ Коробейникова сказала:

— Ну, что-жъ, поцѣлуйтесь и вы! Теперь вы женихъ и невѣста.

Они тоже поцѣловались церемоннымъ, холоднымъ поцѣлуемъ, глядя плутовато другъ на друга. Не допивъ второго стакана чаю, Сила Саввичъ заторопился идти показать садъ Варварушкѣ. Ему хотѣлось поскорѣе побыть съ ней вдвоемъ, безъ свидѣтелей. Въ немъ проснулись его животные инстинкты. Теперь онъ уже зналъ, что Варварушка не станетъ отталкивать его, не станетъ говорить: «ахъ, развѣ это можно! за кого вы меня считаете?» такъ какъ онъ былъ уже не чужой, а женихъ, и ему позволялось многое. Они съ часъ гуляли по саду, то тихо хихикая, то слегка взвизгивая, и, наконецъ, услыхали, что ихъ уже давно кличутъ.

— Извѣстно, молодые люди, любовь-то сладка имъ,—объясняла Коробейникова теткѣ Варварушки, пославъ разыскивать по саду сына и Варварушку.—Мой-то Силушка что красная дѣвица—ничего такого и не зналъ никогда.

— Знаю, матушка, знаю, — соглашалась тетка Варварушки.—Примѣрной жизни человѣкъ. Всѣ это знаютъ.

Тетка Варварушки собиралась идти домой, обусловивши съ Коробейниковой всѣ вопросы о днѣ свадьбы, объ окличкѣ и приданомъ. На прощаньѣ Сила Саввичъ расхрабрился и развеселился до того, что приказалъ подать сладкаго вина, и всѣ выпили, поздравляя другъ друга.

Давно уже не чувствовалъ себя Коробейниковъ такимъ возбужденнымъ и самодовольнымъ. Варварушка вела себя съ нимъ въ саду такъ, что онъ совсѣмъ ошалѣлъ и чувствовалъ головокруженіе. Выпитое вино возбудило его еще сильнѣе и, по уходѣ невѣсты и ея тетки, онъ впервые въ жизни началъ крѣпко обнимать мать, потомъ повалился ей въ ноги, благодаря за выбранную ему невѣсту. Онъ былъ готовъ и плакать, и смѣяться отъ наплыва радости и счастія. Коробейникова даже прослезилась, глядя на него...

Простившись съ матерью, онъ пошелъ по направленію къ своей комнатѣ и совершенно случайно натолкнулся на Семена Дмитріевича. Тотъ возвращался хмурымъ, съ понурой головой, съ улицы, гдѣ онъ только-что подстерегъ возвращающихся отъ Коробейниковыхъ Варварушку и ея тетку.

— Вы меня простите,—тихо и смиренно прошепталъ онъ Варварушкѣ.

Она почти не взглянула на него и мелькомъ, сухо отвѣтила:

— Это ужъ вамъ передъ хозяиномъ надо виниться...

И затѣмъ ускорила шаги, не желая болѣе разговаривать съ Семеномъ.

— Ты это откуда? — спросилъ Семена Коробейниковъ, напуская на себя видъ строгаго хозяина.

— Гдѣ былъ, Сила Саввичъ, тамъ ужъ меня нѣтъ, — рѣзко отвѣтилъ Семенъ и прошелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ сидѣли двое изъ «молодцовъ».

Сила Саввичъ послѣдовалъ за нимъ, вдругъ вспомнивъ о вчерашнемъ буйствѣ Семена передъ домомъ его невѣсты.

— Ты это что же, братецъ, задумалъ?—прикрикнулъ на Семена Сила Саввичъ, входя въ комнату «молодцовъ», и въ его голосѣ послышались тѣ визгливыя ноты, которыя раздражали невольно.

— Не кричите, Сила Саввичъ,—отвѣтилъ сдержанно Семенъ.—До сего дня служилъ я у васъ, а теперь уже пусть служатъ другіе, такъ и кричать на меня нечего!

— Да какъ на тебя не кричать-то! Ты пьянствуешь, да безобразничаешь,—завизжалъ Сила Саввичъ.

Семенъ иронически усмѣхнулся.

— Нашли кого пьянствомъ, да безобразіями попрекать!—проговорилъ онъ, стараясь осилить въ себѣ злость, и не безъ гордости прибавилъ:—Меня, почитай, все купечество знаетъ, какой я такой человѣкъ. Ужъ если самъ Савва Саввичъ почиталъ за дѣлового человѣка...

— А вчера? А вчера? — перебилъ его Сила Саввичъ. — Вчера гдѣ былъ? Вчера что дѣлалъ? Ты думаешь, отъ меня скроется?

— Гдѣ ужъ скрыться!—съ презрительной усмѣшкой сказалъ Семенъ.—У васъ уши, да языки вездѣ есть. Бабьими дѣлами заниматься—это ваше дѣло.

— Да какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь?—гнѣвно крикнулъ Коробейниковъ и сжалъ кулаки.

Онъ смотрѣлъ необычайно смѣло и дерзко. Онъ сознавалъ, что онъ теперь ничего не боится, можетъ-быть, потому, что былъ не съ глазу на глазъ съ Семеномъ, а, можетъ-быть, и вслѣдствіе сильнаго возбужденія послѣ сдѣланнаго имъ смѣлаго шага—рѣшенія жениться.

— У дома моей невѣсты скандалить вздумалъ,—продолжалъ онъ кричать:—да думаешь, что я это тебѣ спущу.

Семенъ стиснулъ зубы, чтобы не выругаться. «Мозглякъ, а туда же жениться думаетъ, да еще на комъ—на Варварушкѣ!»

— Я жениться на ней задумалъ черезъ двѣ недѣли, а онъ скандалитъ передъ ея домомъ!—кричалъ Коробейниковъ.

— Мозглякъ, право, мозглякъ!—проворчалъ сквозь зубы Семенъ, уже не владѣя собою.

Кровь стучала у него въ вискахъ, въ глазахъ все кружилось.

— Что? что?—взвизгнулъ Коробейниковъ, услыхавъ ненавистную ему кличку.—Ты у меня за это попляшешь, попляшешь! Я всѣ книги обревизую, всю кассу.

Семенъ поблѣднѣлъ отъ этой угрозы, оскорбившей его до глубины души, и проговорилъ не своимъ, сдавленнымъ голосомъ:

— Подлецъ ты этакій! Ужъ не думаешь ли ты, что я воръ? Да я...

Онъ не могъ кончить начатой фразы, чувствуя, что его будто что-то душитъ за горло.

— А вотъ увидимъ, увидимъ!—визжалъ Коробейниковъ.— Не былъ бы воромъ, не кутилъ бы! Воръ и есть...

Семенъ словно обезумѣлъ, схватилъ со стола тяжелый мѣдный подсвѣчникъ и со всего размаха ударилъ имъ прямо въ високъ Коробейникова.

— Дохлая собака! право, дохлая собака! — сказалъ онъ хрипло и, отбросивъ въ сторону подсвѣчникъ, сѣлъ къ столу, едва переводя духъ и глядя въ другую сторону, точно ему было противно взглянуть на лежавшаго на полу мозгляка, какъ на раздавленную имъ гадину.

Молодцы бросились къ лежавшему неподвижно Коробейникову и боязливо, шопотомъ, окликнули сперва его, потомъ Семена.

— Семенъ, а Семенъ... слышь, не дышитъ! — пугливо произнесъ одинъ изъ нихъ.

— А! мнѣ все равно!—отозвался Семенъ, какъ будто не сознавая, что говорятъ ему и что онъ отвѣчаетъ.

Случайно его взглядъ упалъ на руку, и онъ увидалъ на ней мелкіе брызги крови. Онъ вытащилъ поспѣшно платокъ, брезгливо отеръ имъ руку и отбросилъ его въ сторону. По его тѣлу прошла невольная дрожь, по спинѣ пробѣжалъ холодъ. Онъ поднялся съ мѣста, откинулъ назадъ свѣсившіеся на лобъ кудри и, вздохнувъ широкимъ тяжелымъ вздохомъ, проговорилъ товарищамъ:

— Ну, что-жъ, вяжите...

Въ домѣ начался переполохъ. Коробейниковъ былъ убитъ наповалъ: ударъ пришелся какъ разъ въ високъ, изъ котораго уже вытекла на полъ цѣлая лужа крови...

XI.

Убійство Коробейникова всполошило весь городъ и на время вывело его изъ обычной спячки. Убитаго не жалѣлъ никто, но толковали о немъ всѣ. Старуха Коробейникова и, главнымъ образомъ, Варварушка сдѣлались героинями дня, такъ какъ всѣ сразу узнали, что именно въ этотъ злополучный день убійства Варварушка была объявлена невѣстой убитаго Силы Саввича. Убитому Коробейникову и, попутно, его покойному отцу перемывали бока. Нѣкоторые даже говорили прямо, что «собакѣ собачья смерть»; другіе же, вздыхая и лицемѣря, ради безсознательнаго страха передъ покойникомъ, толковали о томъ, что «отъ суда Бо-

жьяго, видно, не уйдешь», что, «видно, кровь-то людская вопіетъ къ Богу», и припоминали старые слухи о томъ, съ чего началось коробейниковское богатство. Къ легендамъ о старикѣ Коробейниковѣ присоединились теперь легенды о молодомъ Коробейниковѣ, и по людскимъ толкамъ онъ обрисовывался тоже какимъ-то если не дикимъ звѣремъ, то отвратительнымъ животнымъ. Несчастнымъ, достойнымъ глубокой жалости человѣкомъ его никто не считалъ.

Несмотря на всю свою способность, свойственную вообще русскимъ бабамъ и мѣщанкамъ, причитать и плакать въ извѣстныхъ случаяхъ, Коробейникова и Варварушка уставали причитать и плакать,—такъ осаждали ихъ разспросами знакомые и незнакомые люди,—уставала особенно Варварушка, такъ какъ въ ея душѣ было не столько горя, сколько злобы на проклятаго лиходѣя, испортившаго всю ея будущность, разстроившаго всѣ ея планы. «Вотъ ужъ поистинѣ бѣшеная собака: ни самъ себѣ, ни людямъ добра не сдѣлалъ»,—думала и говорила она про Семена Дмитріевича. Иногда ей казалось, что она своими руками готова была бы задушить его.

Самимъ лиходѣемъ интересовались тоже не менѣе, чѣмъ Варварушкой,—въ особенности потому, что онъ, какъ ходили слухи, держалъ себя передъ судебнымъ слѣдователемъ до послѣдней степени сдержанно и съ достоинствомъ. Снимая съ него допросъ, судебный слѣдователь добивался, была ли прежде между нимъ и молодымъ хозяиномъ затаенная вражда, какіе поводы заставили его убить Коробейникова, когда и за сколько дней онъ задумалъ свое преступленіе. Тому объясненію, будто бы Семена вывели изъ терпѣнья подозрѣнія и упреки въ воровствѣ, высказанные покойнымъ, судебный слѣдователь не придавалъ ни малѣйшей цѣны, не предполагая возможности такой обидчивости въ какомъ-то приказчикѣ и понимая только одно желаніе убійцы выгородить себя и выставить убійство непреднамѣреннымъ. Въ этомъ его не могло разубѣдить даже твердо высказанное сознаніе Семена, что онъ «добилъ бы хозяина», если бы ударъ вышелъ менѣе мѣткимъ. Судебный слѣдователь сразу, что называется, «раскусилъ» Семена: это красанецъ,—значитъ «бабникъ»; это приказчикъ,—значитъ продувная бестія, знающая, что «не обманешь—не продашь», и умѣющая «охулки на руку не положить» и передъ хозяиномъ, и передъ покупателемъ; стыдъ и совѣсть у этого торгаша давно пропали, и потому онъ лжетъ съ наглостью, не сморг-

нувъ глазомъ; самое убійство онъ такъ устроилъ, чтобы оно имѣло видъ не преднамѣренности, а чистой случайности. До судебнаго слѣдователя дошли уже городскіе слухи, что Семенъ считался всѣми незаконнымъ сыномъ Саввы Саввича Коробейникова, и что между нимъ и покойнымъ Силой Саввичемъ существовала постоянно глухая вражда; говорили судебному слѣдователю даже о томъ, будто старикъ Коробейниковъ подумывалъ все оставить Семену и только скоропостижная смерть помѣшала ему исполнить это. Дошли до него и слухи о томъ, что наканунѣ убійства непьющій Семенъ ни съ того, ни съ сего напился и произвелъ скандалъ передъ домомъ невѣсты покойнаго Силы Саввича. За это обстоятельство судебный слѣдователь ухватился съ жаромъ, такъ какъ оно ясно показывало о созрѣвшемъ уже наканунѣ намѣреніи убить Коробейникова, вызвавъ его на ссору, которая неминуемо должна была возникнуть изъ-за этого скандала; Семенъ твердо, не сморгнувъ глазомъ, объявилъ, что онъ вовсе не зналъ невѣсты Силы Саввича, и только зналъ, гдѣ она живетъ, такъ какъ это сообщалъ всѣмъ «молодцамъ», жившимъ у Коробейникова, мальчишка Игнашка. Что говорилъ и что дѣлалъ онъ въ пьяномъ видѣ— этого онъ самъ не сознавалъ тогда, а теперь не помнитъ. Судебный слѣдователь сразу понялъ, что все это — самыя обыкновенныя отговорки.

Показанія Семена чуть не испортила сама Варварушка: когда ее спросили, знала ли она Семена прежде—она начала ругать его и Иродомъ, и варваромъ, и лиходѣемъ своимъ, и чуть-чуть не проговорилась, что была коротко знакома съ нимъ прежде, повторивъ въ раздраженіи фразу о бѣшеной собакѣ, которая «ни себѣ не взяла, ни другимъ не дала». Впрочемъ, слѣдователь не настаивалъ вовсе на знакомствѣ Семена съ Варварушкой, такъ какъ убійство было, по его твердому убѣжденію, совершено вовсе не на романической подкладкѣ, а изъ-за долголѣтней вражды.

Разсказывали люди о томъ, что Семенъ выражалъ на допросахъ нѣкоторое недоумѣніе, зачѣмъ его обо всемъ такъ подробно разспрашиваютъ, разсуждая довольно просто: «я убилъ, значитъ мнѣ и отвѣчать за убійство передъ людьми и передъ Богомъ». О какихъ-нибудь смягчающихъ или увеличивающихъ вину обстоятельствахъ онъ, несмотря на всю свою сообразительность, не только не думалъ, но даже и не понималъ, какъ можетъ уменьшиться или увеличиться его вина: «убилъ, значитъ и убилъ, какъ ужъ тутъ ни верти».

Ему хотѣлось только поскорѣе услышать рѣшеніе суда и идти въ каторгу, подальше отъ того города, гдѣ все напоминало ему его прошлое...

Всѣ сплетни, слухи и пересуды объ этомъ дѣлѣ, облетѣвъ весь городъ, дошли и до монастыря, и даже до Софьи Дмитріевны, разстроенной уже до послѣдней степени ожиданіями, что вотъ-вотъ ее вызовутъ куда-то для освидѣтельствованія ея умственныхъ способностей, и очень мало интересовавшейся теперь чѣмъ бы то ни было, что не касалось прямо ея.

— А съ Варварушкой-то нашей какое несчастіе?—сообщила ей матушка Нектарія, встрѣтивъ ее въ саду.—Жениха-то ея, Силу Саввича Коробейникова, убили!

— Какъ убили? — спросила Софья Дмитріевна, вздрогнувъ.

— Такъ вотъ, взяли, да и убили... молодой приказчикъ его же, Коробейникова, и убилъ, — сообщила мать Нектарія.—Въ міру-то грѣхъ по стопамъ людей ходитъ...

— Это она его, вѣрно, подучила! — мрачно рѣшила Зимина.

Мать Нектарія даже ротъ раскрыла отъ испуга, и трудно было сказать, чего она болѣе испугалась: того ли, что Варварушка подозрѣвается въ участіи въ убійствѣ, или того, что Софья Дмитріевна сошла неожиданно съ ума и стала говорить такія несообразныя вещи.

— Что это вы, матушка Софья Дмитріевна, съ чего это вамъ въ голову пришло? — испуганнымъ голосомъ сказала она, придя немного въ себя.—Грѣхъ-то какой!

— Да, грѣхъ, грѣхъ! — мрачно заговорила Софья Дмитріевна, не глядя на нее и устремивъ глаза въ пространство.—Съ полюбовниками путаются, не знаютъ, какъ вывернуться, а потомъ и убиваютъ другихъ. Ни стыда, ни совѣсти нѣтъ,—сперва младенца неповиннаго погубятъ, потомъ за взрослаго примутся. Ничего, все съ рукъ сойдетъ! Посторонніе люди узнаютъ, скажутъ: «снявши голову, по волосамъ не тужатъ!» У другихъ людей вѣдь тоже стыда и совѣсти нѣтъ...

Мать Нектарія оторопѣла, растерялась и только бормотала:

— Успокойтесь, голубушка моя, успокойтесь!

Софья Дмитріевна словно очнулась и тихо, сухимъ тономъ, очно упрекая мать Нектарію, проговорила:

— Ничего этого понять вы не можете; вы, какъ младе-

нецъ, до старости дожили въ четырехъ стѣнахъ. Вы о грѣхѣ говорите, а что такое грѣхъ—не знаете! Грѣхъ-то, у кого совѣсть есть, ночей не даетъ спать, съ ума сводитъ, подъ ухо шепчетъ: «окаянная, окаянная, нѣтъ тебѣ прощенія».

— Милосердный Богъ слышитъ молитвы грѣшниковъ,— сказала мать Нектарія.

— Молитвы, молитвы!—воскликнула Зимина.—И молиться-то грѣшникъ не можетъ. Станетъ молиться, а дьяволъ шепчетъ о грѣхѣ, мысли разсѣиваетъ. Чистые сердцемъ только могутъ молиться чистыми устами!

Матушка Нектарія, совсѣмъ сбитая съ толку, еще поговорила что-то о необходимости для Зиминой успокоиться и, качая съ сомнѣніемъ головой, отошла отъ нея. Теперь и она усомнилась въ томъ, точно ли въ здоровомъ разсудкѣ находится Софья Дмитріевна. Говоритъ она все такое несообразное, что и не знаешь, откровеніе ли какое къ ней снизошло, или умопомраченіе обуяло ее. Никогда она, мать Нектарія, ничего подобнаго не видала и не думала... Черезъ какіе-нибудь полчаса, объ этомъ разговорѣ знала уже матушка Дорооея, а слѣдомъ за ней и матушка Серафима узнала этотъ разговоръ, и притомъ нѣсколько прикрашенный цвѣтами краснорѣчія и комментаріями двухъ монахинь. Она сдвинула брови: Зимина, какъ неотвязный кошмаръ, какъ увеличивающееся съ каждымъ днемъ бѣльмо на глазу, все болѣе и болѣе смущала ее. Иногда ей такъ страстно хотѣлось назвать Зимину сумасшедшей, а между тѣмъ именно это-то и было опасно.

— Что она знаетъ что-нибудь про Варвару, что ли?— наконецъ, спросила отрывисто матушка Серафима у матери Дорооеи, зорко взглянувъ на нее.

— Не могу доподлинно ничего сказать, матушка-игуменея,—проговорила смиренно Дорооея, вскинувъ на мгновенье на матушку Серафиму свои блестящіе глаза и сжавъ губы трубочкой.—Какъ Богъ святъ, доподлинно ничего не знаю. Хоть образъ со стѣны снять. А только я такъ полагаю, что и точно тутъ что-то нечисто... Охъ, грѣхи наши, грѣхи тяжкіе!

Матушка Серафима сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Она ненавидѣла эту манеру не договаривать чего-нибудь.

Мать Дорооея пояснила:

— Недавно Варвара отъ вора-грабителя на огородѣ у Михея нашего, въ ночной часъ, укрывалась... Не сказалъ

онъ мнѣ этого сейчасъ, старый хрѣнъ, прости мое согрѣшеніе, Господи, а потомъ платокъ ея шелковый нашелъ, алый съ бѣлыми разводами, и сказалъ все, какъ было...

— Ну?—нетерпѣливо проговорила матушка Серафима.

— Дѣло въ ночной часъ было. Михей-то — старый, ужъ носомъ рыбу удить началъ у себя въ сторожкѣ. Извѣстно, онъ по названію только сторожитъ огороды, а самъ дрыхнетъ...

Матушка Серафима сдѣлала снова нетерпѣливое движеніе. Мать Дорооея заторопилась:

— Вдругъ это, слышитъ онъ, вбѣгаетъ кто-то къ нему въ сторожку, едва духъ переводя. Проснулся Михей, глядитъ — стоитъ передъ нимъ Варвара и въ самомъ то-есть истерзанномъ видѣ. Косы растрепались, платье поизодрано, платка на шеѣ нѣтъ. И говоритъ она ему, Михею-то: «воръ-грабитель напалъ на меня», а сама, какъ припала къ ковшу съ водой, такъ и не оторвать ее отъ него...

Матушка Серафима недоумѣвала, что общаго имѣетъ этотъ случай съ убійствомъ Коробейникова. Мать Дорооея начала растерянно пояснять:

— Такъ вотъ оно какъ одно къ другому приложишь, какъ будто и выходитъ, что...

— Что выходитъ-то?

— Не этотъ ли самый воръ-грабитель и есть убивецъ-то ея жениха?—закончила мать Дорооея.

— Городишь ты глупости!—оборвала ее матушка Серафима и сердито плюнула.—Какая выгода была ей подговаривать кого-нибудь убивать ея жениха, извѣстнаго богача? Голова-то у тебя гдѣ? Выдумаютъ нелѣпицу и повторяютъ ее. Всѣ вы точно съ ума сошли!

Мать Дорооея поджала губы и заморгала глазами, понимая, что она и точно сказала глупость.

— Болтать вы зря умѣете!—рѣзко сказала матушка Серафима.—Недостаетъ еще, чтобы болтовня-то ваша дошла до кого-нибудь въ городѣ, да васъ бы притянули къ отвѣту. И по-дѣломъ бы!

Предположеніе матери Дорооеи, дѣйствительно, было такъ нелѣпо, что нельзя было придавать ему никакого серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе, матушка Серафима встревожилась относительно толковъ о Варварушкѣ и успокоилась только тогда, когда Варварушка явилась къ ней сама, вся въ черномъ, смиренная и оплакивающая сухими глазами свою потерю. Однако, отъ зоркихъ глазъ матушки Серафимы не

ускользнуло то обстоятельство, что Варварушка, въ сущности, не очень опечалена потерей, что она ужъ слишкомъ развязна. Варварушка тотчасъ же, «какъ священнику на духу», все стала разсказывать матушкѣ Серафимѣ,—и какъ злодѣй-убивецъ звѣремъ бѣшенымъ накинулся на беззащитнаго Силу Саввича безъ всякой причины, зашибъ на-смерть ея голубчика шандаломъ, и какъ ее, несчастную Варварушку, опрашивали со всякимъ пристрастіемъ, грозя ей судомъ неминучимъ, у судебнаго слѣдователя: знала ли она этого лиходѣя проклятаго, котораго она «и сроду не видывала въ глаза, и понятіевъ никакихъ не имѣла, кто онъ таковъ есть и каковъ изъ себя смотритъ». Особенно усиленно настаивала она теперь на послѣднемъ обстоятельствѣ, описывая страшную наружность лиходѣя проклятаго: «глазищи страшенные, волосы всклоченные, дыбомъ стоятъ, самъ изъ себя на цыгана похожъ и такъ и сверкаетъ, такъ и сверкаетъ глазищами-то». «И съ чего это она столько вретъ про него?»—подумала матушка Серафима, всматриваясь въ въ нее и какъ бы желая заглянуть въ ея душу. Потомъ Варварушка не удержалась и похвалилась тѣмъ, что тетенька ея судьбу горемычную, еще слава Богу, устроила, намекнувъ самой-то Коробейчихѣ, что дѣвка главнымъ образомъ съ того еще убивается, что вся жизнь ея теперь сгублена, такъ какъ и свадьбой-то онѣ, Варварушка и ея тетка, именно съ того торопились, «чтобы грѣхъ прикрыть». Ну, Коробейчиха всплакнула съ ними еще разъ и пообѣщала ее, Варварушку, ровно дочь свою, наградить, если она даже и не выйдетъ ни за кого замужъ. И жить она, Варварушка, съ теткой будетъ теперь у Коробейчихи. И то сказать, какъ ей, старухѣ, одной-то жить въ этакихъ хоромахъ: и пусто, и боязно; еще, храни Господи, самоё укокошатъ. Люди-то звѣри! До грѣха недолго! Матушка Серафима презрительно и немного гадливо улыбнулась, услыхавъ объ этой ловкой продѣлкѣ сообразительной дѣвки. Варварушка конфузливо потупилась, уловивъ эту улыбку, и пояснила своимъ невиннымъ тономъ:

— Что-жъ, мнѣ теперь все равно весь вѣкъ вѣковать въ дѣвкахъ, такъ надо какъ-нибудь судьбу свою устраивать... Вотъ думала первой богачихой въ городѣ быть, думала, что всѣ въ поясъ кланяться станутъ,—такъ какъ деньги-то ни отъ кого не брезгаютъ брать, хоть ты первый убивецъ будь,—а что стряслось-то!

Матушка Серафима не выдержала и нѣсколько рѣзко сказала:

— Да, а теперь вотъ еще говорятъ, что ты въ убійствѣ участіе принимала!

— Я?—воскликнула съ особенной живостью Варварушка и вся раскраснѣлась до корней волосъ.

У нея даже духъ захватило отъ этого неожиданнаго извѣстія. Она гнѣвно заговорила:

— Да у кого это языкъ-то повернулся? Погубить меня, что ли, задумали? Да нешто я врагъ себѣ? Въ каторгѣ не бывала? Кто плететъ-то это?

Матушка Серафима необдуманно отвѣтила:

— Твоя же Зимина!

— Софья Дмитріевна?—воскликнула опять Варварушка и загорячилась:—Ну, ужъ вотъ этого я отъ нея не ожидала! Нечего сказать, хорошаго она обо мнѣ мнѣнія. Я ее выгораживала, слова не давала про нее сказать, а она меня въ убивицы производитъ. Сама-то, видно, грязнѣе грязи, такъ и хочетъ другихъ дегтемъ вымазать. Вотъ и узнавай людей! Я къ ней всей душой, а она этакую мораль придумала...

Матушка Серафима увидала, что сдѣлала ошибку, и постаралась успокоить Варварушку:

— Стоитъ ли обращать вниманіе на разныя глупости!

— Нѣтъ, не глупости это, матушка,—проговорила Варварушка.—Мнѣ моя голова-то, охъ, какъ дорога! Да, храни Богъ, дойдетъ это до мамаши, что я тогда дѣлать стану? Одинъ злодѣй жениха убилъ, другая лиходѣйка хочетъ евонную мать отнять у меня...

И, уже совсѣмъ забывшись, она грубо сказала:

— Ишь тоже нашли что глупостями называть!

Варварушка заторопилась уйти отъ матушки Серафимы. Она прошла прямо къ Зиминой, волнуемая негодованіемъ, спѣша на всѣ корки отчитать Зимиху, какъ она теперь мысленно называла Софью Дмитріевну. «Забрала она, шалая, теперь что-то много форсу. То тише воды, ниже травы была, а теперь только и знаетъ, что всѣхъ чернитъ, да коритъ. Въ святые еще, слава Богу, не зачислена. Порыться-то въ ея жизни, такъ, можетъ-быть, на такія ужасти наткнешься, что а-ахъ! Мужъ-то ейный что-то слишкомъ скоропалительно на тотъ свѣтъ отправился въ ночное время, когда людей при немъ не было. Недаромъ тоже матушка-то Серафима подозрѣвала: «не убила ли она мужа»?..

Она застала Зимину, глубоко погруженную въ думы. Варварушка раза два кашлянула, потомъ окликнула ее. Софья

Дмитріевна медленно, точно кукла на пружинахъ, повернула въ ея сторону голову и, даже не поздоровавшись съ нею, всматривалась въ нее свинцовыми глазами и почти съ угрозой спросила:

— Что пришла? Одного человѣка убила, другого до каторги довела, а сама по гостямъ ходишь?

Варварушку точно обухомъ по головѣ ударило. На языкъ навертывались не ругательства, а оправданія. Однако, она собралась съ духомъ и подавила свое смущеніе.

— И что это такое вы несуразное говорите!—сказала она сильно обозленнымъ тономъ.—Пригрезилось вамъ что-нибудь, вѣрно?

Зимина глядѣла прямо на нее тяжелымъ, смущающимъ взглядомъ.

— Что же, ты скажешь, что это не твой полюбовникъ убилъ его? — рѣзко спросила она и заставила поблѣднѣть Варварушку этимъ неожиданнымъ вопросомъ. — Не ему ты говорила, что безъ денегъ за него не пойдешь? Не его ты прочила сдѣлать своимъ возлюбленнымъ послѣ замужества? Не его подъ руку подталкивала: «убей! убей!»

Какъ ни была смѣла Варварушка, но ее забила лихорадка. Въ ея головѣ мелькнула суевѣрная мысль, что Софьѣ Дмитріевнѣ было «откровеніе».

— Что-жъ молчишь?—продолжала Зимина.—Попробуй сказать, что убійца не былъ твоимъ полюбовникомъ!

Она гнѣвно постучала сжатой въ кулакъ рукой по столу.

— Я все знаю! Сама мнѣ все разсказывала. Я отъ слова до слова все повторить могу!

Варварушка впервые въ жизни струсила не на шутку и мысленно ругала себя. Дѣйствительно, не откровеніе свыше озарило Замину, а сама она, Варвара, откровенничая съ Зиминой, какъ ни съ кѣмъ, проговорилась, что у нея есть «милый», что она охотно вышла бы за него, будь у него деньги. Зимина знала и больше про нее, знала, что у нея когда-то былъ ребенокъ, что она, идя замужъ, хотѣла обмануть Коробейникова... Что если эта безумная пойдетъ въ судъ, да все разскажетъ? Начнутъ тогда допрашивать подъ присягой и ее, и Семена. Всплыветъ наружу исторія на монастырскихъ огородахъ, катанье на лодкѣ, разговоры съ Семеномъ... Вотъ тебѣ и житье замѣсто дочери у Коробейчихи!

— А! грѣховодницы, преступницы! — рѣзко выкрикнула Софья Дмитріевна, впиваясь глазами въ искаженное ужа-

сомъ лицо Варварушки.—Грабите, развратничаете, убиваете и ничего вамъ, ничего! Другіе за васъ страдаютъ, а вы въ сторонѣ. Стыда нѣтъ, совѣсти нѣтъ! Въ каторгу бы васъ всѣхъ, въ каторгу съ полюбовниками вашими вмѣстѣ! Сгноить бы въ Сибири!

Варварушка пятилась уже къ дверямъ, растерянно и безсмысленно бормоча что-то безсвязное о сумасшествіи, объ обидѣ, о поклепѣ. Только выбравшись отъ Зминной, она немного пришла въ себя и, встряхнувшись, какъ побитая собака, почувствовала приливъ уже не страха, а дикой злобы.

— А Софья-то Дмитріевна у васъ и впрямь, бѣдняжка, ума рѣшилась,—дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ замѣтила она матушкѣ Дорооѣ, встрѣтивъ ее въ коридорѣ, и засмѣялась нервнымъ смѣхомъ.—Вы за ней присматривайте, не выпускайте ея, а то она на людей кидаться станетъ.

Мать Дорооея опасливо замахала рукой.

— Что ты, что ты, Варварушка!—проговорила она, дѣлая смиренное лицо. — Услышитъ еще матушка-игуменея, такъ бѣда! И на глаза къ ней тогда не показывайся! Сердится она, когда что-нибудь такое про Софью Дмитріевну говорятъ.

— Мало ли что,—съ раздраженіемъ въ голосѣ отвѣтила Варварушка и съ гримасой добавила:—Она мнѣ, слава Богу, не начальница, чтобы ротъ замазывать. Это вы у нея въ подчиненіи, а не я. Вольный я, мірской человѣкъ. Я что вижу, то и говорю.

И, не выдержавъ, пояснила свое неудовольствіе на матушку Серафиму:

— Я къ ней всей душой, я ей, какъ священнику на духу, все говорю, а она давеча этакія гримасы дѣлаетъ за то, что тетенька мою судьбу устроила,—что обо мнѣ, сиротѣ, Богъ вспомнилъ.

— Какъ, голубка, устроила?—торопливо полюбопытствовала мать Дорооея.

— А такъ, что Коробейчиха меня теперь замѣсто дочери возьметъ.

И тутъ же прихвастнула:

— Можетъ-быть, даже такіе капиталы буду я имѣть, что кого захочу, того и облагодѣтельствую... Это мнѣ за мое несчастіе и за горе Богъ посылаетъ. Сиротскія-то слезы не пропадаютъ!.. И очень мнѣ это обидно, что за всю мою привязанность и за добро мнѣ же всякія гримасы дѣлаютъ,

шпильки ставятъ, да Богъ вѣсть что городить про меня всякимъ умалишеннымъ позволяютъ... Въ убивицы произвести задумали! Слышала тоже, можетъ-быть?.. Я умирать стану—этого не забуду!.. Я съ тѣмъ добра, кто со мною хорошъ, а ужъ и прощать не умѣю, кто супротивъ меня пойдетъ... Многіе, можетъ-быть, теперь отъ моихъ щедротъ питаться могли бы, ну, а пойдутъ супротивъ меня, тогда ужъ пусть не взыщутъ.

Мать Дорооея стянула свои тонкія губы и заморгала глазами, какъ бы поддакивая ей. Варварушка чопорно и покровительственно простилась съ нею и повеселѣла, думая про себя: «пусть теперь передаетъ; мы тоже по носу щелкать умѣемъ, даромъ что не изъ дворянскаго рода, а изъ мѣщанскаго сословія; амбиція-то своя и у насъ есть».

XII.

Лампада, теплившаяся въ комнатѣ Зиминой въ переднемъ углу у образа, озаряла совершенно безкровное, бѣлое и очень крупное лицо Христа, съ несоразмѣрно большими черными глазами, смотрѣвшими не только строго, но почти жестоко. Этимъ стариннымъ образомъ, съ исчезнувшими полутонами, Софья Дмитріевна давно уже замѣнила то тонко и изящно исполненное изображеніе Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, которое висѣло здѣсь въ переднемъ углу во время ея пріѣзда въ монастырь и которое смущало ее, наводя постоянно,—какъ говорила она,—на мысль, что это «вмѣсто образа модную картинку въ переднемъ углу ея комнаты повѣсили». Тогда ей казалось, что ей нуженъ именно такой образъ, который какъ бы заглядывалъ ей въ душу и требовалъ отъ нея, строго и безпощадно, отвѣта въ ея грѣхахъ. Это было въ ту пору, когда она впервые начала терзать и мучить свою плоть. Но съ теченіемъ времени ея нервы уже изболѣлись до того, что она порою не смѣла поднять глазъ на этотъ образъ и тотчасъ же, при взглядѣ на него, начинала биться въ истерическихъ слезахъ, сознавая съ ужасомъ, что какъ она ни молится, какъ ни кается, а въ ея памяти все живетъ и живетъ попрежнему представленіе содѣяннаго ею грѣха,—вся сцена задушенія мужа, его предсмертная хрипота и конвульсіи подъ ея рукою. Иногда все это такъ ярко воскресало въ ея больномъ воображеніи, что она безсознательно начинала хрипѣть сама, какъ хрипѣлъ онъ, и такъ же корчилась, какъ корчился онъ, безсознательно копируя до мель-

чайшихъ подробностей сцену предсмертной борьбы и агоніи. Тогда образъ со строгими глазами приводилъ ее въ ужасъ, наводя на страшную мысль, что она не болѣе, какъ комедіантка: ей нужно замаливать грѣхи, а она играетъ комедію— сцену смерти изображаетъ!

Именно въ такомъ настроеніи была она и теперь: эти строгіе глаза преслѣдовали ее, какъ преслѣдовала ея собственная больная совѣсть, а въ душѣ поднимался цѣлый рой вопросовъ, поднималась цѣлая буря сомнѣній, съ которыми не могъ справиться ея слабый и больной умъ.

Почему другіе дѣлаютъ всякія преступленія и живутъ спокойно? Неужели она грѣшнѣе всѣхъ, что ей не дается даже на землѣ покоя? Что ей нужно еще сдѣлать, чтобы не страдать такъ страшно? Отказаться навсегда отъ міра, отрѣзать себѣ возвратъ въ него и постричься? Отдать все свое имущество, весь капиталъ на церковь? Сотни подобныхъ вопросовъ вихремъ проносились въ ея головѣ. Тогда въ ней просыпался другой человѣкъ, — человѣкъ, испытавшій съ колыбели, что значитъ остаться безъ денегъ въ нищетѣ, узнавшій весь ужасъ этого положенія не на словахъ, а на дѣлѣ. Цѣлые годы дѣвичества она только и слышала, что жалобы бабушки на безденежье и сопряженныя съ нимъ несчастія: всѣ бросили старуху, когда она обнищала, всѣ перестали ее уважать, всѣ отказывались ей помочь, и послѣдніе уличные мальчишки бѣгали съ насмѣшками за старой барыней - чудихой. Потомъ, выброшенная на улицу послѣ смерти бабки, она сама чуть не умерла съ голода, чуть не наложила на себя рукъ и спаслась только при помощи своего Лени, взявшаго ее къ себѣ въ гласную кассу ссудъ конторщицей. Здѣсь для нея началась снова та же школа жизни, учившая только скопидомству, скупости, скаредности, ежедневно напоминавшая ей, что человѣкъ безъ денегъ хуже преступника, хуже послѣдней собаки, что только ради денегъ люди дѣлаютъ все. Ея несчастный Леня прошелъ самъ эту тяжелую школу нищеты и говорилъ о страданіяхъ и позорѣ бѣдняковъ не по наслышкѣ, а по личному опыту, называя фарисеями всѣхъ тѣхъ, кто не признаетъ за непреложную истину того, что нищета хуже преступленія въ глазахъ всѣхъ людей безъ всякаго исключенія. Онъ убѣдился въ этомъ и убѣдилъ ее, свою Соню, хотя все это приходило въ голову и ей самой раньше знакомства съ нимъ. Да, останься она безо всего послѣ смерти мужа, развѣ за ней ухаживали бы Шустова, Варварушка, матушка

Нектарія, даже сама матушка Серафима, презирающая ее въ душѣ? И теперь, только отдай она всѣ свои деньги,— ею будутъ помыкать, ее будутъ преслѣдовать уже за одно то, что она не похожа на нихъ, за то, что она теперь рѣзка съ ними. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что она не выпуститъ изъ своихъ рукъ всѣхъ своихъ денегъ. Лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться нищей!..

Она подняла свои глаза и встрѣтилась съ суровымъ взглядомъ, устремленнымъ на нее изъ передняго угла, и ей сдѣлалось жутко, точно кто-то шепталъ ей:—«эти деньги—цѣна убійства, эти деньги—плата Іуды. У Іуды и деньги были, а онъ повѣсился; деньги жгли ему руки и онъ повѣсился». Да, отъ нихъ она должна прежде всего освободиться, чтобы имѣть право замаливать свой грѣхъ—это онѣ жгутъ и душатъ ее. Что бы ни было послѣ, что бы ни пришлось ей терпѣть, но она должна отдать эти деньги и постричься въ монахини: пусть помыкаютъ ею, пусть презираютъ ее,—она все должна вынести... Измученная въ конецъ этими думами, она распростерлась передъ образомъ, и ей показалось, что ей стало легче, что давно уже не чувствовала она себя такой покойной, какъ теперь...

На слѣдующій день матушка Нектарія узнала отъ Софьи Дмитріевны, что та желаетъ поступить въ число монахинь, принесши въ даръ монастырю весь свой капиталъ. Мать Нектарія обрадовалась и изумилась: вотъ тогда-то будетъ въ монастырѣ благолѣпіе! Благолѣпіе монастыря—это была вся ея жизнь. Другихъ радостей она не знала. Въ ея головѣ бродили теперь свѣтлыя мысли. Матушка Серафима-то какъ обрадуется; она все скорбитъ, что безъ денегъ у нея руки связаны: что ни задумаетъ устроить въ монастырѣ,—постоянно вопросъ о деньгахъ возникаетъ. А плановъ-то, плановъ-то у матушки Серафимы сколько! Были бы средства осуществить всѣ ея помыслы — лучше ихъ обители и не было бы нигдѣ. Надо будетъ ее скорѣе обрадовать этой доброю вѣстью.

Матушка Серафима сидѣла у себя въ пріемной комнатѣ въ мягкомъ креслѣ и едва ли не въ десятый разъ перечитывала отчеркнутое краснымъ карандашомъ мѣсто въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ. Въ отчеркнутомъ мѣстѣ была напечатана корреспонденція изъ Чистополья. Въ ней говорилось:

«Въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ идутъ теперь безконечные толки вкривь и вкось о переселеніи въ наше за-

холустье молодой, но преждевременно состарившейся, вдовы какого-то петербургскаго кровопійцы-ростовщика. Получивъ послѣ смерти мужа неожиданно, помимо прямыхъ законныхъ наслѣдниковъ, очень крупное богатство, бѣдняжка-вдовушка совершенно растерялась и сначала стала страдать какими-то нервными припадками, а потомъ, немного оправившись, соблазненная розсказнями какой-то бывшей при ней сидѣлки-богомолки, начала ѣздить по богомольямъ, искать себѣ успокоенія душевнаго недуга по разнымъ монастырямъ, покуда не попала въ руки предпріимчивыхъ «темныхъ» людей у насъ въ городѣ, воспользовавшихся, какъ говорятъ, очень ловко ея психическимъ разстройствомъ и нагрѣвающихъ руки около нея. Лѣчить ее, разумѣется, они и не думаютъ, а только облегчаютъ ея карманы. Интересно бы узнать, что съ ней сдѣлаютъ, когда она останется безъ гроша въ карманѣ, такою же больной, какъ больна она теперь? Этотъ скандалъ, какъ и слѣдовало ожидать, взбаломутилъ наше стоячее болото, гдѣ только и разговору теперь, что о немъ. Къ счастію, родные больной, какъ слышно, рѣшились вступиться за нее и поднять дѣло объ освидѣтельствованіи ея умственныхъ способностей».

Нумеръ газеты, въ которомъ была помѣщена эта—отмѣченная краснымъ карандашомъ — корреспонденція, былъ присланъ утромъ матушкѣ Серафимѣ съ письмомъ отъ Челищева. Въ письмѣ губернаторъ извѣщалъ матушку Серафиму, что, вѣроятно, эта замѣтка составлена не чистопольскимъ корреспондентомъ, а сфабрикована въ Петербургѣ родственниками Зиминой. Будь она составлена въ Чистопольѣ, въ ней непремѣнно говорилось бы и объ убійствѣ Коробейникова. Петербургскій писака, очевидно, не зналъ ничего объ этомъ крупномъ происшествіи. Кромѣ того, онъ, губернаторъ, тотчасъ же узналъ бы имя того шантажиста, который вздумалъ бы корреспондировать въ Петербургъ изъ Чистополья. Особеннаго значенія эта замѣтка, конечно, не имѣетъ, но все же изъ нея видно, что Зимины добьются, въ концѣ-концовъ, своихъ цѣлей, и такъ или иначе съ ними придется считаться, то-есть «побезпокоить Софью Дмитріевну», какъ выразился въ концѣ письма Челищевъ.

Матушка Серафима, сдвинувъ сурово брови, раздумывала теперь, что ей дѣлать. Несмотря на то, что Зимину никто не обиралъ и не грабилъ, матушка Серафима затруднилась бы сильно, если бы теперь пришлось отдать занятыя у Зиминой деньги: взявъ ихъ въ долгъ, матушка Серафима

вложила деньги въ дѣло и была увѣрена, что Зимина ихъ не потребуетъ обратно. Если же ее признаютъ сумасшедшей, то деньги, конечно, будутъ тотчасъ же потребованы родными Зиминой. А вкладъ, сдѣланный Зиминою въ монастырь,—его придется отдать или нѣтъ? Всѣ эти юридическіе вопросы постоянно смущали матушку Серафиму, воспитанную въ былые годы въ той средѣ, гдѣ все дѣлалось «по-домашнему». Помимо этого, ее смущалъ и скандалъ: до сихъ поръ ея репутація была чиста, и про нее не ходило никакихъ темныхъ слуховъ. Теперь же эти господа,—Зиминъ и его мать,—не пощадятъ ея и начнутъ, въ случаѣ своего успѣха или неуспѣха, трубить и объ ея прошломъ. Пощады отъ этихъ людей нечего ждать ни въ какомъ случаѣ. Ея мысли были прерваны приходомъ матушки Нектаріи, вошедшей съ благословенія настоятельницы въ ея комнату. Матушка Серафима, говоря обычное «аминь», поспѣшно спрятала газету и письмо, и со своимъ обычнымъ, холодноспокойнымъ выраженіемъ лица встрѣтила матушку Нектарію, сіявшую теперь отъ умиленія, съ сильно обозначившимися ямками на пухленькихъ и розовыхъ щекахъ.

— А я съ доброю вѣстью, — заговорила добродушнымъ тономъ матушка Нектарія, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и ея розовое, дѣтски кругленькое лицо снова озарилось радостною улыбкою, смѣнившею набожное выраженіе.— Наша Софья Дмитріевна окончательно рѣшилась принять постриженіе... Сегодня пригласила меня и таково радостно говоритъ: «хочу удалиться отъ міра и отъ всякихъ соблазновъ его». Весь свой капиталъ желаетъ предоставить на поддержаніе и украшеніе святой обители нашей. Вздохнемъ мы тогда...

Матушка Серафима сдѣлалась совсѣмъ серьезной. Лицо ея приняло озабоченное выраженіе.

— Это, мать Нектарія, вопросъ важный и рѣшить его сразу нельзя,—начала она тревожно.

— Зачѣмъ сразу, а все же... — замѣтила матушка Нектарія.

— Я даже думаю, что намъ придется отказать Софьѣ Дмитріевнѣ въ исполненіи ея желанія,—пояснила матушка Серафима.

Матушка Нектарія изумилась.

— Какъ отказать? — спросила она растерянно, не вѣря своимъ ушамъ.

— А такъ... Впрочемъ, мнѣ надо подумать и кое съ кѣмъ

переговорить,—сказала матушка Серафима, не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія съ матерью-казначеей.

Она позвала послушницу и приказала распорядиться, чтобы немедленно заложили ея экипажъ. Она рѣшилась тотчасъ же заѣхать къ Челищевымъ и переговорить съ губернаторомъ. Рѣшавшая все и всегда самостоятельно, безъ чужихъ совѣтовъ, теперь она чувствовала необходимость заручиться совѣтомъ Челищева. Каждый новый шагъ въ отношеніи Зиминой казался уже ей рискованнымъ и усложняющимъ дѣло. Она уже была совсѣмъ одѣта и выходила на крыльцо, когда къ ней явилась мать Дорооѳея. Она такъ усиленно моргала глазами и такъ смиренно стягивала губы въ трубочку, что матушка Серафима отрывисто-недовольнымъ тономъ спросила ее:

— Случилось что-нибудь?

Мать Дорооѳея замялась и, смиренно опуская глаза, пробормотала:

— Ужъ не знаю, какъ и сказать, матушка-игуменея...

— Ахъ, да не ломайся! Что тамъ еще? — нетерпѣливо сказала матушка Серафима.—Всегда придешь не во-время! Ну, говори скорѣе!

Мать Дорооѳея искоса взглянула на послушницу, стоявшую около настоятельницы. Послѣдняя поняла, что мать Дорооѳея имѣетъ сдѣлать тайное сообщеніе, и вернулась съ нею въ свою пріемную комнату.

— Ну, говори, что случилось? — заторопила она мать Дорооѳею.

— У обѣдни я сегодня стояла. Купчиха Ольхина—изволите ее знать, матушка-игуменея: толстая такая, краснощекая—пріѣхали къ службѣ...

— Ну? ну?

— Подозвала она меня къ себѣ и стала пытать: «Гдѣ, говоритъ, у васъ тутъ живетъ юродивая?» Я ей говорю, что никакой юродивой у насъ не живетъ, а она свое: «Умопомѣшанная, говоритъ, или юродивая — доподлинно я не знаю; только по всѣмъ святымъ мѣстамъ, говорятъ, она ѣздила, а теперь у васъ поселилась. Дочь вотъ, говоритъ, у меня замужъ выходитъ, такъ хочется съ какимъ ни на есть Божьимъ человѣкомъ поговорить. Откровенія у этихъ людей тоже бываютъ. Мы-то, говоритъ, все своимъ умомъ мудровствуемъ, а имъ самъ Богъ все открываетъ». Говоритъ это она, а сама деньги мнѣ суетъ въ руку. «Обхлопочи, молъ, это дѣло, въ долгу не останусь». Чуть я дурой

ее не выругала. Да дура и есть! «И кто, говорю, это вамъ наплелъ?» А она говоритъ въ отвѣтъ, что отъ Коробейчихи вчера въ соборѣ слышала. Стояли это онѣ у обѣдни, разговорились отъ бездѣлья, — одна о своемъ несчастіи, что вотъ сына женить въ недобрый часъ задумала, а другая о своей дочери: что тоже убивается, хорошо ли та съ мужемъ жить будетъ. Тутъ Коробейчиха ей и разсказала, что будто бы у насъ въ обители юродивая есть, которая всѣмъ въ глаза всякую правду говоритъ...

Матушка Серафима, какъ бы недоумѣвая, взглянула строгими глазами прямо въ лицо матери Дорооеѣ.

— Это Варваркины штуки, — пояснила пугливо, почти шопотомъ, мать Дорооея. — Грозилась она намедни, что ославитъ Зимину, Софью-то Дмитріевну, сумасшедшей... вотъ и ославляетъ...

Матушка Серафима сдѣлала усиліе надъ собой, чтобы казаться спокойной, и сквозь зубы проговорила:

— Всѣ-то вы съ ума сошли! Изъ-за такихъ глупостей и задержала меня!

Она поспѣшно направилась къ коляскѣ и, только когда тронулся экипажъ, ея лицо приняло угрюмое выраженіе. «Вышвырнуть бы эту проклятую женщину, — мелькнуло въ ея головѣ.—О, будь у меня пятнадцать, двадцать тысячъ, я бы ни минуты не задумалась отдать ихъ, и духа бы ея не было здѣсь. Все до копейки вернула бы ей, только бы ея не было здѣсь. А что если попробовать достать эти деньги? Откуда только?» Она такъ задумалась, что даже не замѣтила, какъ доѣхала до губернаторской дачи. Какъ всегда, Челищевъ очень обрадовался ей и тотчасъ замѣтилъ озабоченное выраженіе ея строгаго лица. Отказавшись отъ завтрака, матушка Серафима поспѣшила остаться съ глазу на глазъ съ Челищевымъ и его женой.

— Неужели вы ради этой пошлой замѣтки взволновались?—спросилъ ее заботливо Челищевъ.—Зналъ бы я это,— не прислалъ бы ея вамъ.

— Ахъ, тутъ не одна она вывела меня изъ себя,—отвѣтила мать Серафима и разсказала про купчиху Ольхину.

Челищевъ замѣтилъ:

— Вотъ идіотка-то!

— Да, но слава Богу, что эта идіотка дала возможность во-время узнать, что толки о Зиминой идутъ и въ городѣ,— замѣтила матушка Серафима.—И, какъ на бѣду, она непремѣнно хочетъ поступить въ монахини...

— Ну, это едва ли удобно будетъ сдѣлать теперь, до освидѣтельствованія ея умственныхъ способностей, — сказалъ Челищевъ.

— Вы думаете, что это придется сдѣлать? — спросила матушка Серафима.

— Я почти убѣжденъ, что безъ этого не обойдется,— рѣшилъ губернаторъ. — Нельзя же доводить дѣло до крупнаго скандала... Да что она, въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть признана за сумасшедшую?

Челищева перебила мужа:

— Ахъ, Богъ мой, я видѣла ея работы. Развѣ сумасшедшая могла бы быть такой рукодѣльницей?

— Ну, рукодѣлья ничего не доказываютъ,—замѣтилъ губернаторъ.

— Да, если бы это были простыя механическія работы,— сказала матушка Серафима:—а у нея это просто художественныя произведенія, съ полнымъ знаніемъ стилей, съ извѣстной долей личнаго творчества... Она просто фанатичка, и больше ничего въ ней нѣтъ особеннаго.

— Ну, въ такомъ случаѣ, нужно даже идти навстрѣчу требованію освидѣтельствовать ея умственныя способности,— рѣшилъ Челищевъ. — Чѣмъ скорѣе кончится это дѣло, тѣмъ лучше...

Они перешли къ другимъ темамъ, но матушка Серафима была разсѣянна и думала все объ одномъ и томъ же, какъ бы раздѣлаться окончательно съ Зиминой. Ее вовсе не интересовалъ вопросъ о томъ, признаютъ ли Зимину умственно здоровой: ей хотѣлось одного — удаленія изъ монастыря этой личности, возмутившей душевный миръ ея, матушки Серафимы. Недаромъ какое-то смутное предчувствіе предсказывало ей, матушкѣ Серафимѣ, отвращеніе къ Зиминой...

Возвратившись домой, она засѣла писать письма. Она писала долго и много, припоминая всѣхъ, къ кому можно было обратиться съ просьбою о деньгахъ. Окончивъ писаніе и вкладывая письма въ конверты, она горько усмѣхнулась: сколько родныхъ; всѣ вліятельны и богаты, а между тѣмъ ей не собрать и двадцати тысячъ на благое дѣло. Всѣ богатые люди готовы говорить о Богѣ, о добрыхъ дѣлахъ, о поддержаніи вѣры, о поднятіи монастырей, а коснись вопроса о пожертвованіяхъ — всѣ зажмутъ свои карманы. Развѣ ужъ очень нагрѣшатъ, такъ сдѣлаютъ извѣстный вкладъ для умиротворенія своей совѣсти и то по духовному

завѣщанію, послѣ своей смерти, когда имъ уже не жаль распоряжаться ненужными имъ самимъ деньгами. И много ли ей надо? Двадцать тысячъ! Да не о двадцати тысячахъ идетъ рѣчь, а въ сущности только о пяти; остальныя пятнадцать тысячъ она просить въ долгъ; онѣ отдадутся монастыремъ. Безвозвратно взяты только пять тысячъ, которыя она швырнетъ Зиминой, чтобы въ монастырѣ не было ни одной копейки изъ кармана этой женщины. Да, не даромъ такое отвращеніе сразу почувствовала къ ней матушка Серафима. Эта мысль о безсознательной антипатіи къ Зиминой то и дѣло повторялась теперь въ душѣ матушки Серафимы...

На слѣдующій день утромъ, ей доложили, что съ ней хочетъ видѣться Софья Дмитріевна. Матушка Серафима сдѣлала невольно гримасу, тѣмъ не менѣе велѣла просить къ себѣ Зимину. Софья Дмитріевна явилась къ ней съ довольно кроткимъ и спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Она сейчасъ же заговорила о своемъ желаніи вступить въ число монахинь и принести въ жертву монастырю весь свой капиталъ. Матушка Серафима молча выслушала ее и замѣтила:

— Я очень рада, если вы окончательно приняли это рѣшеніе, но вы должны немного подождать!

— Искусъ какой-нибудь, — начала Зимина. — Я знаю... Матушка Нектарія разсказала мнѣ все, касающееся постриженія... Да я и сама видѣла обрядъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила ее сухо матушка Серафима.— Дѣло не въ искусѣ и не въ обрядѣ. Но вы знаете нелѣпую и постыдную исторію, поднятую родными вашего покойнаго мужа...

— Ахъ, это насчетъ моего сумасшествія,—равнодушно сказала Зимина.

— Да, покуда вы не будете признаны офиціально здоровой, до той поры было бы неловко принять васъ окончательно въ число монахинь.

— Что-жъ, пусть свидѣтельствуютъ хоть сейчасъ, — рѣшительно сказала Зимина. — Я буду сама рада хлопотать объ ускореніи этого... Я чувствую, что вполнѣ успокоюсь только тогда, когда вступлю въ монашество... и освобожусь отъ денегъ... Въ нихъ корень зла, въ нихъ, проклятыхъ! — страстно закончила она вдругъ, и матушка Серафима вздрогнула отъ этихъ неожиданныхъ нотъ раздраженія.

Она сухо замѣтила:

— Да, если бы не было ихъ, то не было бы препятствій и къ поступленію вашему въ число монахинь... но разъ вы будете признаны офиціально здоровой, тогда и деньги не помѣшаютъ исполненію вашего желанія...

— Нельзя ли похлопотать объ ускореніи этого дѣла? — попросила Зимина.

— Я постараюсь,—отвѣтила матушка Серафима, вставая.

Онѣ простились. Зимина теперь вся отдалась одной надеждѣ, что она успокоится, какъ только освободится отъ денегъ. Матушка Серафима въ свою очередь думала, что она успокоится только тогда, когда освободится отъ Зиминой. Она питала надежду, что 17 сентября, когда должно было состояться торжество открытія вновь отдѣланнаго и реставрированнаго главнаго монастырскаго храма, пріѣдутъ на приглашеніе въ Чистополье ея братья и ихъ жены. Не можетъ быть, чтобы они не пріѣхали. Тогда она сумѣетъ выпросить у нихъ нужныя деньги. Слава Богу, всѣ они богаты. До этого дня оставалось еще двѣ съ половиной недѣли, какъ вдругъ, въ отвѣтъ на одно изъ своихъ писемъ, она получила телеграмму отъ одного изъ своихъ братьевъ: «Выѣду со своей женой завтра послѣ вѣнчанія въ Чистополье, проѣздомъ въ Крымъ, и буду радъ помолиться съ тобою. Петръ Муратовъ». Матушка Серафима обрадовалась, какъ уже давно не радовалась ничему. Петръ Павловичъ Муратовъ только что женился на Сухаревой, располагавшей милліоннымъ состояніемъ, и прямо послѣ вѣнчанія отправлялся въ свадебное путешествіе. Онъ хочетъ помолиться съ нею, со своею старшею сестрою, о своемъ счастіи. Онъ остепенился, изъ пустого кутилы сдѣлался серьезнымъ человѣкомъ; въ послѣдніе два года онъ даже сталъ спрашивать совѣтовъ у нея, у матушки Серафимы; въ его письмахъ проглядывало новое направленіе — набожность, потребность въ молитвѣ. Онъ, вѣроятно, не откажетъ въ ея просьбѣ...

Въ помѣщеніи матушки Серафимы, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, съ самаго ранняго утра, шли усиленныя приготовленія къ пріему «молодыхъ». Всѣ монахини и послушницы были на ногахъ, точно приготовляясь къ большому праздничному торжеству. Сама настоятельница была особенно въ духѣ и ласково торопила всѣхъ скорѣе кончать разныя приготовленія. Она ходила какой-то особенно легкой походкой, осматривая, все ли готово, и думая только объ одномъ, что сегодня все уладится, что сегодня кончатся

всѣ ея тревоги. Матушка Серафима ждала «молодыхъ» къ завтраку. Поѣздъ долженъ былъ прійти какъ разъ ко времени окончанія обѣдни, и матушка Серафима распорядилась, чтобы священникъ отслужилъ послѣ обѣдни молебенъ, когда пріѣдутъ «молодые». За ними былъ посланъ на станцію экипажъ матушки Серафимы, и въ немъ поѣхала матушка Дорооея, хорошо знавшая молодого брата игуменьи. Матушка Серафима отправилась къ обѣднѣ и, стоя въ церкви, то и дѣло поглядывала на входныя двери. Какъ разъ къ концу обѣдни появились въ церкви «молодые». Матушка Серафима поспѣшила къ нимъ навстрѣчу и, благословляя ихъ, горячо обняла молоденькую жену своего брата, а онъ нѣжно припалъ къ рукѣ сестры. На лицахъ «молодыхъ» и матушки Серафимы были слезы. Монахини и послушницы съ любопытствомъ смотрѣли на пріѣзжихъ,—молодыхъ, красивыхъ, нарядныхъ. Всѣ были сильно растроганы; нѣсколько послушницъ, смотря на эту встрѣчу, отирали слезы. Священникъ, между тѣмъ, вышелъ изъ алтаря и началъ служить молебенъ. Никогда еще не проходилъ молебенъ такъ стройно и торжественно, никогда еще не звучали такъ прекрасно голоса клирошанокъ. Всѣ молились искренно и отъ души.

Уже во время завтрака матушка Серафима окончательно успокоилась и развеселилась: ея надежда не обманула ее. Какъ только между разговорами успѣла она замѣтить, что ее болѣе всего заботитъ долгъ въ пятнадцать тысячъ, лежащій на монастырѣ, и «перерасходованныя» ею пять тысячъ, жена ея брата сейчасъ же сказала, что объ этомъ не стоитъ и думать. Вообще, она выразила желаніе быть полезной монастырю, о которомъ она слышала столько хорошаго и которому отнынѣ она желала бы быть полезной. «Это будетъ нашъ монастырь, нашъ тихій пріютъ»,—сказала она и склонилась къ рукѣ настоятельницы. Послѣ завтрака, матушка Серафима пошла показывать «молодымъ» новыя монастырскія постройки, главную церковь, больницу, рукодѣльную школу. Она оживленно говорила о своихъ намѣреніяхъ, планахъ, надеждахъ. Объ этомъ она могла говорить безъ устали, горячо любя свое дѣло и страстно стремясь къ поднятію монастыря. Молодая Муратова особенно заинтересовалась рукодѣльями въ школѣ, — вышитыми золотомъ воздухами, ризами, орарями.

— Это все сдѣлано подъ руководствомъ одной пріѣхавшей изъ Петербурга женщины, Зиминой,—пояснила матушка Серафима.

— Зиминой? — почти съ ужасомъ, чуть не вскрикнувъ, переспросилъ Петръ Павловичъ, блѣднѣя.

— Да, — отвѣтила матушка Серафима и съ удивленіемъ взглянула на него.—Ты ее знаешь?

— Я... нѣтъ...—отвѣтилъ онъ, стараясь овладѣть собою.— Въ Петербургѣ былъ какой-то ростовщикъ Зиминъ...

— Это и есть его вдова,—сказала матушка Серафима.

Молодая Муратова вздохнула и ласково тайкомъ пожала руку мужа. Она знала, какъ онъ путался когда-то въ долгахъ, знала, какъ онъ каялся въ этомъ, и давно простила ему эти «грѣхи молодости». Охватившее его теперь смущеніе при упоминаніи фамиліи Зимина было ей понятно и растрогало ее.

— Странная эта женщина,—продолжала матушка Серафима.—Какая-то роковая тайна окружаетъ ея прошлое... Въ ея жизни былъ какой-то романъ... Но едва ли онъ одинъ могъ такъ потрясти ее... Иногда мнѣ приходитъ въ голову что-то страшное при видѣ ея...

Она тихо закончила:

— Я готова порою думать, что она убила своего мужа...

— Боже мой!—воскликнула молодая Муратова.

Муратовъ, весь блѣдный, похолодѣвшій, заторопился, взглянувъ на часы.

— А намъ пора къ Челищевымъ, — сказалъ онъ и сталъ торопить жену. — Они ждутъ къ обѣду... неловко пріѣхать поздно...

Матушка Серафима зорко смотрѣла теперь на него. Что съ нимъ? Почему онъ такъ встревожился, услыхавъ фамилію Зиминой? Онъ сразу сталъ какъ бы другимъ человѣкомъ? Въ ея головѣ мелькнуло страшное подозрѣніе, и она чуть не перекрестилась, желая отогнать его... Все трое вышли изъ школьнаго помѣщенія и къ подъѣзду подъѣхалъ экипажъ, въ который усѣлись Муратовъ и его жена. Матушка Серафима какъ-то невольно взглянула на противоположный флигелекъ: тамъ въ одномъ изъ оконъ виднѣлась фигура женщины со страшно исказившимся отъ ужаса лицомъ, съ расширенными зрачками глазъ, смотрѣвшихъ изъ окна на дворъ. Это была Зимина. Матушка Серафима поняла все разомъ, растерялась, поспѣшила отвернуться отъ окна Зиминой и еще разъ особенно торопливо сказала брату и его женѣ: «до свиданья». Ей было страшно, что вотъ-вотъ выбѣжитъ эта безумная и разомъ разрушитъ счастіе этихъ двухъ людей... «Молодые» уѣхали, взявъ слово съ матушки Сера-

фимы, что и она тотчасъ же пріѣдетъ къ Челищевымъ. Она направилась къ своему флигелю, какъ-то особенно поспѣшно проходя по усыпаннымъ желтыми листьями дорожкамъ сада, точно кто-то преслѣдовалъ ее. Но она отличалась всегда силой воли, всегда умѣла не теряться въ тяжелыя минуты жизни. Она стала успокаивать себя. Можетъ-быть, Петръ и зналъ Зимина и Зимину, но что-жъ изъ этого? Можетъ-быть, даже у него и была интрижка съ Зиминой, но вѣдь у кого же изъ свѣтской молодежи не бываетъ этихъ интрижекъ? Петръ во всякомъ случаѣ не отвѣтственъ за то, что могла надѣлать Зимина... И нечего думать обо всемъ этомъ прошломъ: теперь Петръ сталъ серьезнымъ, честнымъ человѣкомъ; онъ сдѣлаетъ счастливою свою жену. И что за милое созданье она! Какъ все въ ней искренно и правдиво! Матушка Серафима вспомнила слова молодой Муратовой: «теперь это будетъ нашъ монастырь». Да, она поможетъ монастырю, она дастъ возможность поднять его. Матушка Серафима отдалась свѣтлымъ мечтамъ. У нея на душѣ стало опять свѣтло и спокойно: не сегодня, такъ завтра жена брата вышлетъ ей деньги, она раздѣлается съ Зиминой и освободится отъ этой женщины, причинившей ей столько тревогъ и тяжелыхъ минутъ въ ея мирной жизни. И какъ встревожился бѣдный Петръ, услыхавъ фамилію этой проклятой Зиминой?.. А она-то—какъ она, безумная, смотрѣла на него изъ окна!.. Еще хорошо, что его жена не видала этого взгляда...

Матушка Серафима вздрогнула, заслышавъ торопливые шаги за собою и сильное шуршанье мертвыхъ листьевъ подъ чьими-то ногами. Она уже всходила на ступени террасы своей пустыньки и обернулась, остановившись на минуту, чтобы взглянуть, кто это спѣшитъ за ней. За ней почти бѣжала Зимина, въ одномъ платьѣ, съ блуждающими глазами, съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ.

— Кто у васъ сейчасъ былъ? — крикнула Зимина, едва переводя духъ и останавливаясь передъ матушкой Серафимой.—Кто былъ? говорите!

— Что съ вами?—спросила тревожно матушка Серафима, видя, что Софья Дмитріевна на себя не похожа.

Въ ея головѣ мелькнула мысль: «сошла съ ума!»

— Я васъ спрашиваю, кто у васъ былъ? — настойчиво повторила Зимина.—Кто былъ?

— Мой братъ съ женою,—отвѣтила матушка Серафима, стараясь казаться спокойною.

— А, вашъ братъ, вашъ братъ!—воскликнула съ безумнымъ гнѣвомъ Зимина. — Мой полюбовникъ! Мой погубитель! Мой лиходѣй, Петръ Павловичъ Муратовъ! Это я для него, съ нимъ поддѣлывала векселя отъ имени моего несчастнаго мужа! Это для его спасенія отъ Сибири я задушила своего несчастнаго мужа. Не могла дождаться, когда онъ умретъ, и задушила его, умирающаго, потому что Петръ Павловичъ въ Сибирь могъ прогуляться!

Матушка Серафима отшатнулась отъ нея въ ужасѣ, ухватившись за перила террасы.

— Вы съ ума сошли!—глухо прошептала она.

— Да, да, сошла съ ума! — крикнула Зимина. — Какъ и не сойти съ ума, если мужа для этого проклятаго задушила, а онъ вотъ веселъ... съ молодой женой... счастливъ. Онъ счастливъ, а я вотъ какъ сейчасъ вижу умирающаго мужа. Хрипитъ онъ... вздрагиваетъ... темно въ комнатѣ, темно, а я душу его, душу...

Ея лицо исказилось ужасомъ.

— А! страшно, страшно!—проговорила она, тяжело дыша и отирая рукой со лба холодный потъ. — Это онъ меня, чистую, ничего не знавшую, во всѣ грѣхи ввелъ, это его я спасла, душу свою погубивъ! О, будьте вы всѣ, всѣ прокляты, окаянные! Часу я съ вами не останусь, часу не останусь.

Она быстро исчезла, какъ бы несясь по дорожкамъ сада, точно ее кто гналъ; вихремъ пронеслась она къ своему помѣщенію, никого и ничего не видя на дорогѣ. Впопыхахъ она стала собирать свои вещи, совалась изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая, и вдругъ въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Куда же идти? — мрачно задала она себѣ вопросъ, безумно глядя въ пространство расширенными зрачками.— Куда мнѣ идти? Отъ Бога никуда, никуда не уйду. Отъ людей уйду, а отъ Бога не уйду!

Она вдругъ вспомнила, что она сейчасъ все сказала матушкѣ Серафимѣ, и ее охватилъ ужасъ.

— Теперь и отъ людей не уйти: она все знаетъ, она выдать можетъ, — прошептала она. — Не выдастъ развѣ, чтобы брата не замѣшать и деньги присвоить. Деньги? О, проклятыя, это изъ-за нихъ все, изъ-за денегъ. Наслѣдіе Іуды! Повѣсился онъ изъ-за денегъ.

Она опять вдругъ какъ бы сошла съ ума и заметалась.

— Погодите, погодите! вотъ вы узнаете! — начала она

говорить, мечась по комнатѣ.—Іуда я... Іуда... Ну, что-жъ и повѣшусь... Какъ собака, издохну... Они хотѣли, чтобы я въ монастырь поступила... въ храмѣ по полу ползала бы, а они смотрѣли бы, да смѣялись: «ползай! ползай!» Нѣтъ, нѣтъ, я не поползу, я...

Она быстро отрыла въ чемоданѣ какой-то остатокъ веревки, влѣзла на стулъ, торопливо нацѣпила веревку на крючокъ, вбитый въ стѣну, сбросивъ на полъ висѣвшую на немъ одежду, устроила петлю и просунула въ нее голову.

— Вотъ, вотъ!... Іуда, Іуда! — прохрипѣла она, силясь оттолкнуть ногою стулъ.

Онъ, наконецъ, упалъ, она слегка зашаталась, послышался легкій хрипъ, по тѣлу пробѣжали конвульсіи—и она вдругъ вытянулась какъ-то сразу.

Оглавленіе

IX ТОМА.

стр.

Семья Муратовыхъ.

езпечальное житье. Романъ 5

. молотомъ, и золотомъ. Романъ 291

овѣсть. Романъ 467

говорить, мечась по комнатѣ.—Іуда я... Іуда... Ну, что-жъ и повѣшусь... Какъ собака, издохну... Они хотѣли, чтобы я въ монастырь поступила... въ храмѣ по полу ползала бы, а они смотрѣли бы, да смѣялись: «ползай! ползай!» Нѣтъ, нѣтъ, я не поползу, я...

Она быстро отрыла въ чемоданѣ какой-то остатокъ веревки, влѣзла на стулъ, торопливо нацѣпила веревку на крючокъ, вбитый въ стѣну, сбросивъ на полъ висѣвшую на немъ одежду, устроила петлю и просунула въ нее голову.

— Вотъ, вотъ!... Іуда, Іуда! — прохрипѣла она, силясь оттолкнуть ногою стулъ.

Онъ, наконецъ, упалъ, она слегка зашаталась, послышался легкій хрипъ, по тѣлу пробѣжали конвульсіи—и она вдругъ вытянулась какъ-то сразу.

Оглавленіе

IX ТОМА.

стр.

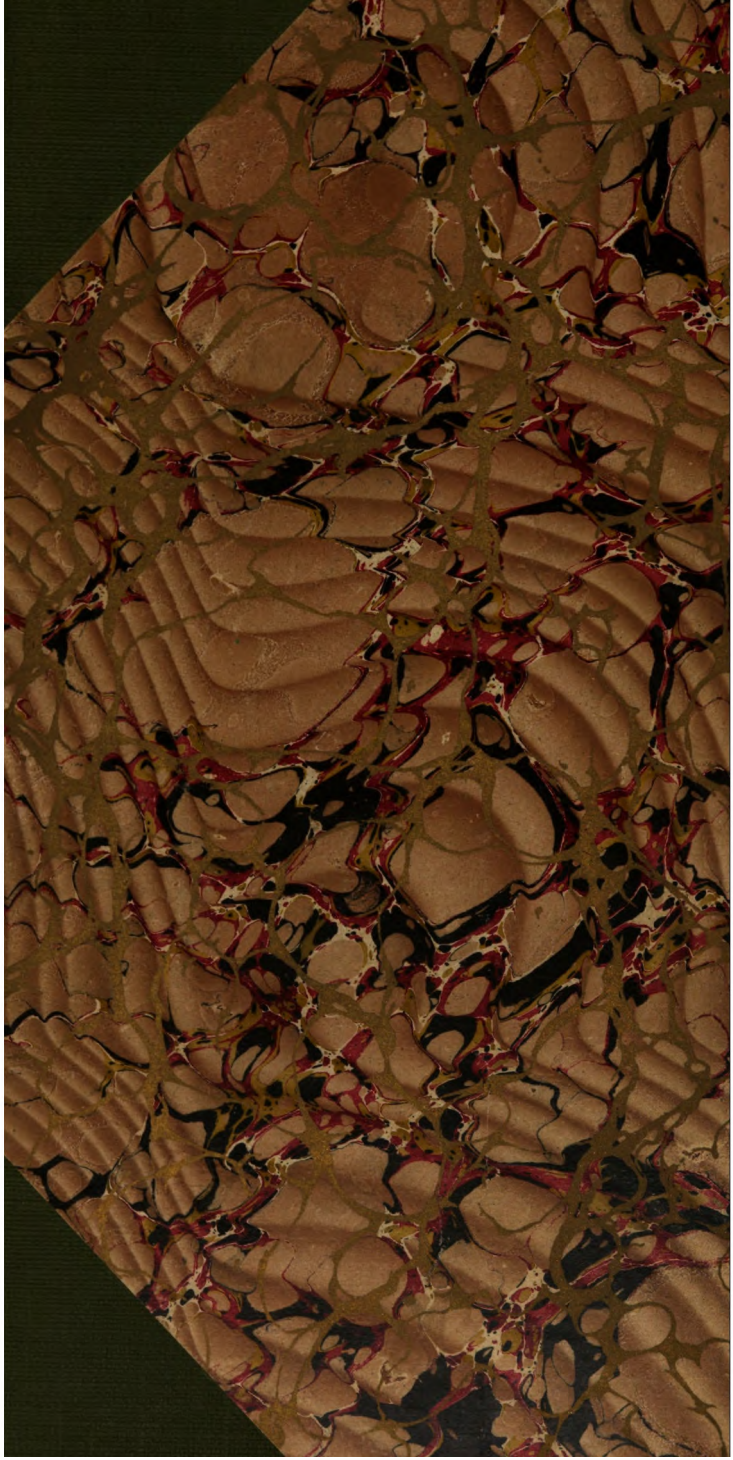
Семья Муратовыхъ.

Безпечальное житье. Романъ 5

И молотомъ, и золотомъ. Романъ 291

Совѣсть. Романъ 467

571 AUG 12 .

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 03208 6301

DO NOT REMOVE
OR
MUTILA